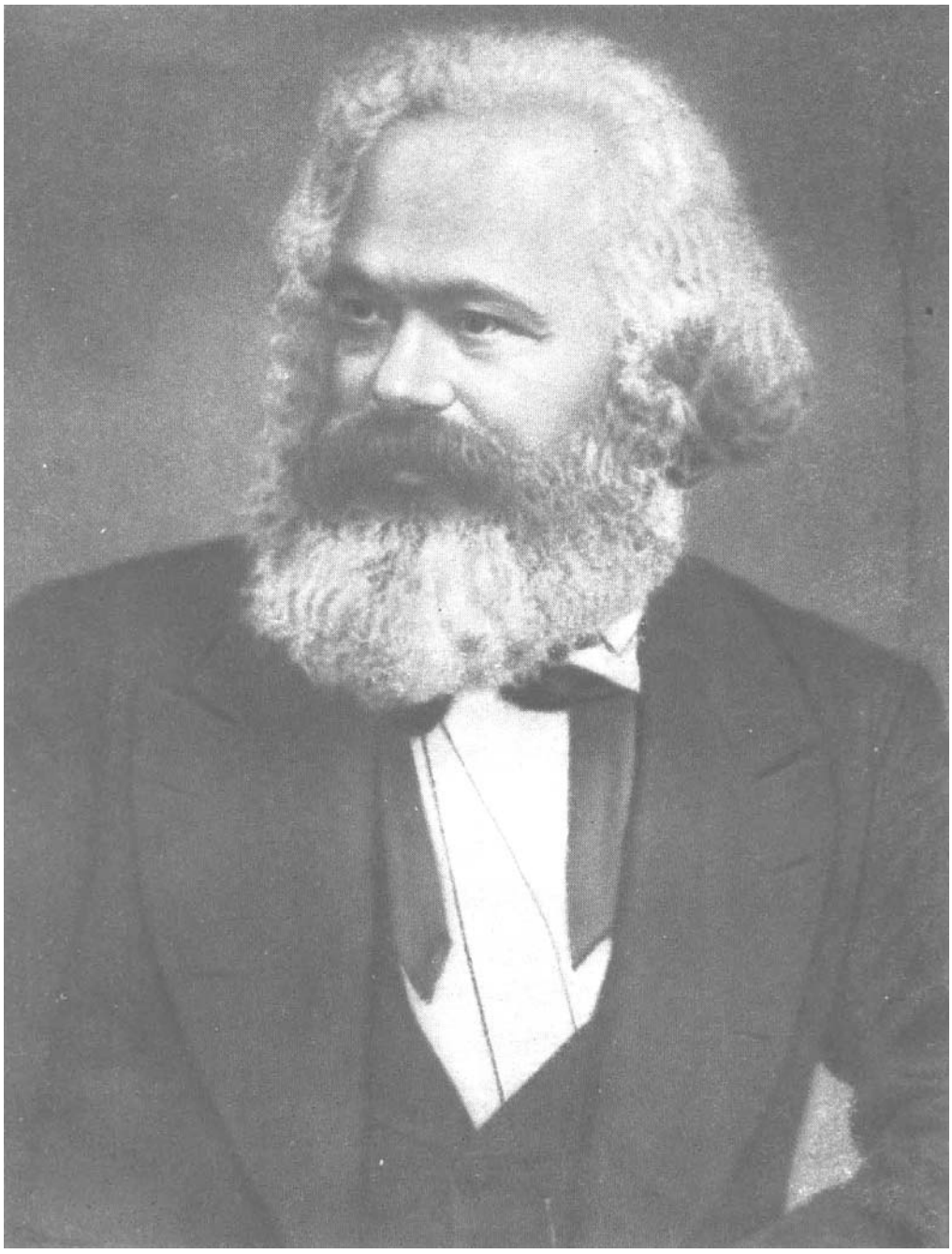
Ф. МЕРИНГ

КАРЛ МАРКС

ИСТОРИЯ ЕГО ЖИЗНИ

МОСКВА
Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1957



П о с в я щ а е т с я

К л а р е Ц е т к и н

н а с л е д н и ц е

м а р к с и с т с к о г о

д у х а

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга «Карл Маркс. История его жизни» — один из крупных научных трудов Франца Меринга — видного деятеля германского и международного рабочего движения. Книга была издана в Германии в 1918 г.; на русском языке она впервые вышла в нашей стране в 1920 г.

В книге Ф. Меринга изложена история разработки Марксом, совместно с его соратником и другом Ф. Энгельсом, пролетарского мировоззрения — марксизма.

В биографии показана выдающаяся роль Маркса в создании и деятельности Союза коммунистов, по поручению которого Марксом вместе с Энгельсом была написана программа Союза «Манифест Коммунистической партии».

В книге нашла отражение, хотя и с некоторыми ошибками, история создания и деятельности I Интернационала, вдохновителем и идейным руководителем которого был Маркс.

Книга Ф. Меринга написана в основном с правильных, марксистских позиций, но в оценке Лассаля, Швейцера, Бакунина и в анализе борьбы Маркса с ними, как с представителями мелкобуржуазного социализма и анархизма, и в некоторых других вопросах — Меринг допускает ряд принципиальных ошибок.

Критика допущенных Мерингом ошибок дана во вступительной статье, Настоящее издание выходит в заново проверенном переводе. В конце книги даются примечания автора с библиографией литературы, использованной им для написания биографии.

Настоящее издание снабжается научным аппаратом — указателями имен и прессы, а также подстрочными примечаниями справочного и пояснительного характера.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга «Карл Маркс. История его жизни» написана Францем Рингом — выдающимся представителем левого крыла немецкой социал-демократии, одним из основателей Коммунистической партии Германии, соратником Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Франц Меринг (1846—1919) хорошо знаком советскому читателю своими работами по истории Германии и немецкого рабочего движения, по истории марксизма и ряду других вопросов.

Огромной заслугой Меринга является его борьба на страницах социал-демократической печати против ревизионизма Бернштейна и других оппортунистов.

В. И. Ленин в 1908 г. охарактеризовал его как «человека, не только желающего, но и умеющего быть марксистом»[1].

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Меринг встретил восторженно. В открытом письме в «Правду» от имени группы «Спартак» он писал в июне 1918 г.: «Мы встретили весть о победе большевиков с чувством гордости, без всякой зависти, как нашу собственную победу»[2]. В целом ряде своих статей и брошюр Меринг, ополчаясь против злобной клеветы буржуазии и социал-шовинистов на Советскую Россию, выступил в защиту политики большевиков и Советского правительства, в защиту диктатуры пролетариата. Незадолго до смерти Меринг принял деятельное участие в основании Коммунистической партии Германии. Умер он в январе 1919 г. уже коммунистом.

Последние годы жизни Меринг посвятил созданию одного из своих самых значительных трудов — биографии Маркса, которая вышла под названием «Карл Маркс. История его жизни». Эта книга является венцом всего творчества Меринга,

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 14, стр. 340.
[2] «Правда», 13. VI. (3. V.) 1918 г., № 118.

итогом его многолетней исследовательской работы по истории марксизма.

Большим достоинством книги является тот факт, что жизнь и деятельность Маркса Меринг описывает в тесной связи со всеми важнейшими событиями международного рабочего движения. Он очень много внимания уделяет анализу произведений Маркса, показывая их место и значение в истории формирования и развития марксизма. Таким работам Маркса, как докторская диссертация, «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Капитал», посвящены целые разделы книги. Не ограничиваясь изложением содержания и анализом произведений Маркса, Меринг подробно освещает ту историческую обстановку, в которой они создавались, а также описывает историю опубликования важнейших произведений Маркса, показывая огромные трудности, которые приходилось ему преодолевать, чтобы напечатать свои работы.

Характеризуя величие Маркса, Меринг правильно указывает, что оно в значительной степени обусловливается неразрывным слиянием в Марксе человека мысли и человека дела, т. е. иными словами Меринг отмечает у Маркса наличие полного единства между теорией и практикой. В этой связи Меринг рисует Маркса не только величайшим мыслителем, создателем революционной теории, указавшей трудящимся массам путь к освобождению от капиталистического рабства, но также пламенным борцом и непосредственным руководителем международного рабочего движения. Меринг показывает роль Маркса в организации Союза коммунистов, его кипучую деятельность в период революции 1848— 1849 гг., его руководство I Интернационалом.

Одну из самых больших заслуг Маркса Меринг правильно видит в том, что Маркс явился создателем исторического материализма — науки о законах развития общества.

Большое внимание в своей книге Меринг уделяет деятельности Маркса как организатора и редактора ряда демократических периодических изданий, сыгравших огромную роль в истории революционно-демократического и рабочего движения. Меринг особо подчеркивает то большое значение, которое имела деятельность Маркса в качестве главного редактора «Новой рейнской газеты».

В книге Меринга получила яркое отражение также замечательная дружба между Марксом и Энгельсом, их творческое содружество как мыслителей и как революционных борцов. Меринг справедливо отмечает, что дружба Маркса и Энгельса «сделалась союзом, не имеющим себе подобного во всей истории» (стр. 261).

Меринг подчеркивает, что одной из характерных черт Маркса, как и Энгельса, является их большая самокритичность, уме-

ние признать допущенные ошибки и извлечь из них уроки. Он пишет: «Никогда, быть может, не было столь беспощадно искренних в самокритике политиков, как Маркс и Энгельс. Они были вполне свободны от того беспочвенного упорства, которое вопреки самому горькому разочарованию все же старается продолжить самообман, воображая, что оказалось бы правым, если бы то или иное случилось иначе, чем оно фактически произошло. Они были свободны также и от всякого дешевого мудрого отрицания, от всякого бесплодного пессимизма; они извлекали уроки из поражений, чтобы с усиленной энергией вновь приняться за подготовку победы» (стр. 218—219).

Меринг показывает беспримерную научную добросовестность Маркса, его огромную трудоспособность, его неиссякаемую творческую энергию, которая никогда не оставляла Маркса, несмотря на очень большие трудности и лишения, испытываемые им и его семьей. Он подчеркивает скромность Маркса, отсутствие у него какого-либо тщеславия, желания выставить себя на передний план.

Не ограничиваясь освещением лишь революционной и научной деятельности Маркса, Меринг показывает его также в кругу своей семьи и друзей. Со страниц книги перед нами встает человек с большим личным обаянием.

Необходимо также отметить, что биография Маркса написана прекрасным, художественным, образным языком.

Книга Ф. Меринга «К. Маркс» написана в основном с правильных, марксистских позиций, но в то же время она не свободна от ряда ошибочных положений, без учета которых у читателя может возникнуть неверное представление по целому ряду принципиальных вопросов истории и теории марксизма. Это объясняется прежде всего тем, что Меринг, принадлежа к левому крылу германской социал-демократии, в значительной степени разделял ошибки немецких левых, проистекавшие из их идеологической и организационной слабости. Как и другие немецкие левые, Меринг недооценивал роли революционной партии и революционной теории, проявляя иногда колебания между большевизмом и меньшевизмом, не понимал значения союза рабочего класса и крестьянства, как необходимого условия для победы пролетарской революции, боялся пойти на полный разрыв с оппортунистами из-за ложно понимаемой необходимости сохранения единства партии. В силу этого он не всегда был в состоянии правильно понять причины непримиримой борьбы Маркса со Стефаном Борном, Прудоном, Лассалем, Швейцером, Бакуниным и другими противниками марксизма.

Необходимо также учесть, что при написании настоящей книги Меринг не располагал многими документами и материалами, крайне важными для изучения истории марксизма и биографий

его основоположников. Эти документы и материалы, как, например, письма Маркса и Энгельса к Лассалю или переписка Лассаля с Бисмарком, стали известны лишь после смерти Меринга. Тем не менее большой заслугой Меринга является то, что он писал биографию Маркса, основываясь на детальном изучении всех тех произведений Маркса и Энгельса, которые ему были доступны. Во многих случаях Меринг останавливается в своей книге на тех произведениях Маркса, которые при жизни Меринга были мало известны.

Особо надо отметить, что Меринг в своей книге останавливается на таких ранних произведениях Маркса и Энгельса, как «Святое семейство» и «Немецкая идеология». Однако при анализе этих произведений Меринг допустил ряд ошибок, обусловленных тем, что он не был знаком со всеми фактами, сопровождавшими написание «Святого семейства», а «Немецкая идеология» — работа, похороненная оппортунистами и впервые опубликованная только в СССР в 1932 г., — не была полностью известна Мерингу; в частности, он не знал важнейшего ее раздела — «Людвиг Фейербах».

Меринг не совсем верно изображает обстановку, в которой эти работы появились: он преуменьшает опасность буржуазной и мелкобуржуазной идеологии младогегельянцев и так называемых «истинных социалистов» для рабочего движения и возникающей партии и, следовательно, важность борьбы с этой идеологией. Отсюда Меринг явно недооценивает значение как «Святого семейства», сыгравшего большую роль в преодолении взглядов младогегельянцев, так и «Немецкой идеологии», на основе которой Маркс и Энгельс, как известно, выступили затем с резкой и беспощадной критикой «истинных социалистов» (статьи в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» и «Коммунистический манифест»).

Меринг не показал места «Немецкой идеологии» и в истории марксизма. Он не понял, что в «Немецкой идеологии» дана первая всесторонняя разработка нового мировоззрения, философское обоснование научного социализма.

Характеризуя в целом правильно события, связанные с революцией 1848—1849 гг., Меринг дает неверную оценку Стефану Борну, одному из ранних представителей реформизма в рабочем движении, игнорируя критику Борна Марксом и Энгельсом. Ленин отмечал, что говоря о недовольстве Маркса и Энгельса агитацией Борна, «Меринг выражается чересчур мягко и уклончиво»[1]

Наиболее серьезные ошибки Меринг допускает при оценке деятельности и значения Лассаля и при рассмотрении разногласий между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем —

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 9, стр. 117.

с другой[1]. Меринг глубоко ошибается при определении значения Лассаля, ставя его в один ряд с основоположниками научного коммунизма Марксом и Энгельсом. Нельзя согласиться с Мерингом, когда он утверждает, что Лассаль дорос «до высоты... мыслей» Маркса и Энгельса (стр. 273), что как революционер «он... одного ранга» с Марксом (стр. 335), что своими произведениями Лассаль указал «путь к новой жизни сотням тысяч немецких рабочих» (стр. 331) и т. д. Далее, Меринг не был в состоянии понять подлинных причин борьбы Маркса и Энгельса с Лассалем. Как утверждает он, разногласия Маркса и Энгельса с Лассалем носили характер какого-то случайного недоразумения, не поддающегося доводам разума, и представляли собой «самую сложную психологическую проблему» (стр. 203). Он считал, что «недоверие» к Лассалю «возникало у Маркса по всякому случайному поводу» (стр. 302). Наконец, Меринг пришел к совершенно ошибочным выводам, что в опоре между Марксом и Лассалем прав был будто бы не Маркс, а Лассаль, и что Маркс, резко критикуя Лассаля, был якобы несправедлив к нему.

В действительности борьба Маркса и Энгельса против Лассаля и лассальянцев носила не случайный, а глубоко принципиальный характер и велась главным образом по вопросам программы, тактики и организации рабочего движения и по вопросу о путях воссоединения Германии. Маркс и Энгельс не могли мириться с тем, что Лассаль в своих агитационных сочинениях выступал с реформистской, оппортунистической программой, отвлекавшей рабочих от революционной борьбы за завоевание власти и толкавшей их на путь поддержки прусской монархии. Лассаль внушал рабочим, будто бы они могут добиться своего освобождения путем мирного преобразования прусского юнкерского государства в «свободное народное государство» посредством завоевания всеобщего избирательного права и организации производственных товариществ с государственной помощью (имелась в виду помощь со стороны прусского юнкерского государства). Эти программные положения Лассаля, в корне противоположные и враждебные марксизму, были включены в устав и положены в основу деятельности Всеобщего германского рабочего союза, президентом которого стал Лассаль.

Меринг неправильно освещает сущность расхождений между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем — с другой, в отношении австро-итало-французской войны 1859 г., которую в то время принято было называть итальянской войной. Меринг говорит, что между Марксом (а также Энгельсом) и Лассалем по вопросу об итальянской войне будто бы не было «принципиаль-

[1] Такие же ошибки Меринг допускает в ряде других работ, в частности в книге «История германской социал-демократии» и в комментариях к письмам Лассаля, адресованным Марксу и Энгельсу.

ного разногласия в мнениях» (стр. 300) и что спорящие стороны якобы *«ни в* чем не расходились между собой, ни по национальному вопросу, ни по вопросу о революции» (стр. 300). Далее, Меринг неверно утверждает, что «Лассаль по существу правильнее оценил «фактические предпосылки», чем Энгельс и Маркс» (стр. 300).

В действительности отношение основоположников марксизма — Маркса и Энгельса — и Лассаля к итальянской войне было принципиально различным и отражало их диаметрально противоположные позиции по вопросу о путях объединения Германии. Маркс и Энгельс выступали за объединение Германии снизу, революционным путем, путем народной революции. Лассаль, не веря в революционные возможности масс, склонялся к поддержке планов объединения Германии сверху, династическим путем под главенством Пруссии.

Маркс и Энгельс были против развязывания династической войны в Европе, но, поскольку эта война началась, они стремились использовать ее в интересах революционного движения и превратить в народную революционную войну за объединение снизу и Германии и Италии, за коренные революционные преобразования в Европе.

Маркс и Энгельс справедливо считали, что одним из самых главных препятствий для объединения Германии и для успеха революционных национально-освободительных движений в Европе являлась в то время бонапартистская Франция, вступившая в тайный союз с царской Россией. Поэтому во время итальянской войны они от имени пролетарских революционеров призывали к тому, чтобы Пруссия и другие государства Германского союза выступили на стороне Австрии против империи Бонапарта. Маркс и Энгельс исходили из того, что выступление Пруссии и других государств Германского союза, которое в свою очередь повлекло бы за собой вмешательство со стороны царской России, вызовет революцию в Германии и ее объединение снизу, а также приведет в результате поражения бонапартистской Франции к революции в самой Франции; все это в свою очередь даст возможность также и итальянскому народу осуществить свое национальное воссоединение революционным путем.

Маркс и Энгельс считали, что даже независимо от того, удастся или не удастся толкнуть Пруссию на выступление, пролетарские революционеры должны были наряду с показом всей слабости прусского правительства — прежде всего разоблачать бонапартистский обман, разоблачать подлинные цели Наполеона III, прикрывавшего свою контрреволюционную политику мнимой защитой национальностей. «Игра эта (т. е. тактика пролетарских революционеров. — *Б. К*), — писал Маркс Лассалю 22 ноября 1859 г., осуждая его за поддержку бонапартизма, — была не так

уже трудна, так как к ней примкнули бы все представители революционной партии — от Мадзини до Луи Блана, Ледрю-Роллена и даже Прудона. Благодаря этому полемика против бонапартистского обмана не носила бы характера враждебного отношения к Италии или Франции»[1].

Лассаль в противоположность Марксу и Энгельсу, выступая за нейтралитет Пруссии и других государств Германского союза и за поражение Австрии, лил воду на мельницу бонапартизма и тем самым препятствовал развитию революционного движения в Европе. В своем памфлете «Итальянская война и задачи Пруссии» Лассаль писал, что Наполеон III в Италии будто бы осуществляет «великое и справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое дело»[2]. В этом памфлете Лассаль по существу защищал план объединения Германии династическим путем под главенством монархической Пруссии, план, который он рекомендовал осуществить прусскому правительству, воспользовавшись затруднительным положением Австрии в войне. Тактика Лассаля ничего общего не имела с тактикой пролетарских революционеров. Маркс называл памфлет Лассаля «громадной ошибкой»[3], а Энгельс назвал Лассаля «королевско-прусским придворным демократом»[4].

Ленин указывал, что в оценке войны 1859 г. был прав Маркс, а не Лассаль. «Мы думаем, — писал Ленин, — что прав был (вопреки Рингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом. Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии). Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. ««Успех» Бисмарка нисколько не оправдывает оппортунизма Лассаля»[5].

У Меринга, хотя и не совсем открыто, проскальзывает та мысль, что последующие события, связанные с объединением Германии, оправдали тактику Лассаля. «Лассаль стоял ближе к немецкой действительности и вернее судил о ней», — утверждает Меринг (стр. 337).

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 276.
[2] *Ferdinand Lassalle,* Gesammelte Reden und Schriften. Bd. 1, Brl., 1919, S. 43.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 406.
[4] Там же, стр. 508.
[5] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 121.

С этим нельзя согласиться. Ленин указывал, что, хотя «Германия объединилась по-бисмарковски», «история оправдала Бабеля и Либкнехта», которые, как известно, руководствовались указаниями Маркса и Энгельса. «Только последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта, только их «неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о *фундаменте* партии»[1].

Окончательный разрыв Маркса с Лассалем произошел вскоре после их последнего свидания, состоявшегося в июле 1862 г. Во время этого свидания Маркс заявил Лассалю, что они политически решительно ни в чем не сходятся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей[2]. Полностью убедившись во время этой встречи, что программа и тактика Лассаля ничего общего не имеют с программой и тактикой подлинных пролетарских революционеров, Маркс прервал переписку с Лассалем. В письме к Кугельману от *23* февраля 1865 г. Маркс следующим образом объясняет причины своего разрыва с Лассалем, суммируя их: «Во время его (Лассаля. — *Б. К.)* агитации наши отношения были прерваны: 1) вследствие его хвастливого самовоспевания, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим плагиатом моих и пр. сочинений, 2) потому что я считал его *политическую* тактику *никуда не годной, У)* потому что здесь в Лондоне, еще *до* начала его агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно *социалистическое* вмешательство *«государству Пруссии»* — это бессмыслица. В своих письмах ко мне (с 1848 по 1863 г.), как и при личных свиданиях со мной, он всегда объявлял себя сторонником представляемой мной партии. Но как только он убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что со мной ему не удастся вести свою игру, он решил выступить в качестве «рабочего диктатора» *против* меня и старой партии»[3].

Раскрывая настоящую сущность программы и тактики Лассаля, Маркс и Энгельс показали, что идею производственных товариществ с государственной помощью Лассаль взял в самом неприкрытом виде у идеолога французского католического социализма Бюше, который выдвинул ее в 1843 г. в противовес подлинному рабочему движению во Франции, а лозунг всеобщего избирательного права заимствовал у чартистов, механически перенеся его из Англии в Германию. При этом Лассаль не учел, что условия в Англии и Германии в то время были раз-

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 19, стр. 265—266.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 97.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 438.

личны и что в Германии — стране с преобладающим крестьянским населением и недостаточным уровнем классового сознания пролетариата — этот лозунг мог быть использован в реакционных целях, подобно тому как это произошло во Франции, где бонапартисты воспользовались всеобщим избирательным правом для прихода к власти. Маркс осуждал, конечно, не лозунг всеобщего избирательного права сам по себе, а общую политическую линию Лассаля и метод осуществления этого лозунга, который Лассаль, как будет показано ниже, пытался претворить в жизнь путем соглашения с Бисмарком.

Меринг не только ошибочно утверждает, что идею производственных товариществ с государственной помощью Лассаль взял из «Коммунистического манифеста» (стр. 333), но и стремится доказать, что Маркс будто и позднее, в период существования I Интернационала, выступал за создание таких товариществ (стр. 336). В подтверждение своих слов Меринг приводит цитату из написанного Марксом «Учредительного манифеста Международного Товарищества Рабочих», где действительно говорится о поддержке кооперативного труда национальными средствами[1]. Но Меринг, по-видимому, не понял, что у Маркса речь идет не о буржуазном, а о пролетарском государстве.

Никак нельзя согласиться также и с таким заявлением Меринга, что «Лассаль строил свою агитацию на широком и прочном фундаменте классовой борьбы и ставил своей неизменной целью завоевание политической власти рабочим классом» (стр. 335) и что «Лассаль при всех своих теоретических промахах проводил по существу» политику Маркса (стр. 334). Меринг не был в состоянии понять, что лассальянство носило сектантский характер и ничего общего не имело с подлинной классовой борьбой пролетариата. Уже агитационные программные сочинения Лассаля, сущность которых приводилась выше, а также разработанный под его руководством устав Всеобщего германского рабочего союза дают полную возможность увидеть, что Лассаль, который всю жизнь оставался мелкобуржуазным социалистом и идеалистом-гегельянцем, был очень далек от понимания классовой борьбы. К тому же, в настоящее время имеются прямые доказательства, что Лассаль вступил в непосредственное соглашение с Бисмарком и тем самым совершил объективно измену рабочему движению в интересах прусского юнкерства. Маркс и Энгельс еще при жизни Лассаля догадывались о его связях с Бисмарком, резко осуждая его за это. После смерти Лассаля некоторые заявления графини Гацфельдт, а также сведения, полученные из других источников, совершенно твердо убедили Маркса

[1] См. *К. Маркс* и *Ф.* Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 342.

и Энгельса в наличии такой связи. В цитируемом выше письме Кугельману Маркс отмечал, что Лассаль «заключил форменный договор с Бисмарком» и что «на деле *Лассаль изменил* партии»[1]. О том же писал Энгельс Вейдемейеру 10 марта 1865 г.[2]

Меринг категорически отрицает наличие союза между Лассалем и Бисмарком. «Трудно понять, — пишет Меринг, — каким образом Маркс, Энгельс и Либкнехт, которые все знали Лассаля.., поверили басням графини Гацфельдт»[3] (стр. 357).

Однако после смерти Меринга, в 1928 г., была обнаружена переписка между Бисмарком и Лассалем, которая целиком и полностью подтверждает, что правы были Маркс и Энгельс, а не Меринг и что действительно Лассаль оказался в союзе с Бисмарком. Из переписки Лассаля с Бисмарком явствует, что в период 1863—1864 гг. между ними состоялось несколько встреч. Во время этих переговоров Лассаль добивался от Бисмарка согласия на введение всеобщего избирательного права и содействия в организации производственных товариществ с государственной помощью. В ответ на неопределенные обещания Бисмарка действовать в этом направлении Лассаль со своей стороны обещал поддерживать Бисмарка во время избирательной кампании в его борьбе против прогрессистской партии, объединявшей либеральную буржуазию. Таким образом, Лассаль вступил на скользкий путь односторонней борьбы с либералами, не только не сопровождавшейся борьбой против главного оплота реакции в Германии — прусского юнкерства, против которого и нужно было направить главный удар, а, наоборот, лишь способствовавшей укреплению прусского юнкерского государства.

Более того, в одном из своих писем Бисмарку Лассаль прямо заверял его в полной лояльности лассальянской партии по отношению к прусской монархии. Лассаль писал Бисмарку, что «рабочее сословие было бы склонно... видеть в короне естественного носителя социальной диктатуры.., если бы корона, со своей стороны, когда-либо могла решиться на, конечно, весьма маловероятный шаг, а именно, если бы она пошла воистину революционным и национальным путем и превратилась из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию»[4].

Это письмо Лассаля является превосходной иллюстрацией к словам Маркса, что «Лассаль хотел разыгрывать с бранден-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 438.
[2] Там же, стр. 446—447.
[3] Меринг тут же добавляет, что, «поскольку они поверили им, вполне понятно, что они отстранились от движения, начатого Лассалем». Тем самым Меринг дает понять, что он оправдывал бы разрыв Маркса и Энгельса с Лассалем в том случае, если бы предположения о сделке Бисмарка с Лассалем оказались справедливыми.
[4] *Gustav Meyer.* Bismark und Lassalle. Ihr Briefwechsel and ihre Gesprache, S. 60, (Письмо Лассаля к Бисмарку от 8 июня 1863 г.)

бургским Филиппом II маркиза Позу пролетариата, предоставив Бисмарку роль сводника между ним и прусской короной»[1]. В своих переговорах с Бисмарком Лассаль дошел до того, что обещал ему поддержку со стороны рабочих в осуществлении аннексии Шлезвиг-Гольштейна.

Меринг правильно указывает, что Лассаль «альфы и омеги» нового мировоззрения Маркса и Энгельса — исторического материализма не понял и что «следствием этого было то, что Лассаль как экономист не шел ни в какое сравнение с Марксом, и экономические взгляды Маркса он недостаточно усвоил или даже совершенно неверно понимал» (стр. 332). Однако, излагая экономические взгляды Лассаля и устанавливая их отличие от взглядов Маркса, Меринг впадает в противоречие и тут же ошибочно заявляет, что Лассаль формулу о *полном продукте труда* будто бы заимствовал у Маркса, в то время как в действительности Маркс и Энгельс неоднократно подвергали резкой критике это неверное лассальянское положение[2].

Столь же неверно утверждение Меринга, что так называемый «железный закон» заработной платы Лассаль взял не у Рикардо и Мальтуса, как указывали Маркс и Энгельс, а из «Коммунистического манифеста». При этом Меринг игнорирует тот факт, что сам Лассаль при изложении «железного закона» ссылался на Рикардо и Мальтуса[3]. Пропаганда Лассалем лженаучного «железного закона» заработной платы, связанного с мальтузианской теорией народонаселения, приносила лишь вред рабочему движению. Исходя из этого закона, согласно которому заработная плата при капитализме не может подняться выше минимума средств существования, необходимых для поддержания жизни рабочего и его семьи, лассальянцы отрицали значение профессиональных союзов и необходимость экономической борьбы рабочего класса.

Резкая критика Лассаля Марксом и Энгельсом вовсе не означала отрицание ими известных положительных сторон агитационной деятельности Лассаля. Маркс указывал, что «Лассаль — и это остается его бессмертной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки»[4]. Ленин, который не раз резко критиковал оппортунизм Лассаля и при анализе расхождений между Марксом и Лассалем целиком становился на сторону Маркса, признавал в то же время за Лассалем известные исторические заслуги. В. И. Ленин указывал, что «историческая заслуга Лассаля перед немецким рабочим движением» состояла в том, «что он *совлек* это движение с того

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 439.
[2] См., например, работу Маркса «Критика Готской программы».
[3] См. *Лассаль,* Соч., т. II, изд-во «Круг», стр. 60.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 536.

пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось...»[1].

Вызывает сомнение та оценка, которую Меринг дает одному из лучших памфлетов Маркса — работе «Господин Фогт», написанной в 1860 г. Меринг видит в этой книге лишь стремление Маркса защититься от клеветнических нападок на него со стороны мелкобуржуазного вульгарного демократа, платного бонапартистского агента Карла Фогта. Меринг считает, что содержание этой книги незначительно и что переиздание ее не было бы оправдано. В действительности значение памфлета Маркса выходит далеко за пределы личной самозащиты. В «Господине Фогте» Маркс защищал прежде всего пролетарскую партию, вождем которой он был. «Господин Фогт» является одной из ярких страниц в борьбе Маркса за освобождение пролетариата от пут буржуазного и мелкобуржуазного влияния, за создание самостоятельной пролетарской партии, за революционное разрешение вопроса об объединении Германии. «Господин Фогт» — одно из лучших произведений Маркса, в которых он боролся против бонапартизма. Маркс писал Фрейлигграту 23 февраля 1860 г., что разоблачение Фогта имеет «решающее значение для *исторического оправдания* партии и для ее будущего положения в Германии...»[2]. «Это — лучшее полемическое произведение, какое ты когда-либо написал...»[3], — отмечал Энгельс в письме к Марксу 19 декабря 1860 г.

Теоретические ошибки Меринга обусловили то, что он допустил ряд ошибок также при освещении истории I Интернационала и роли Маркса и Энгельса в нем.

Недооценка Мерингом роли марксистской теории выявилась уже при анализе им предпосылок возникновения I Интернационала. Меринг правильно рассматривает рост рабочего движения и изменения, которые в нем произошли в 50-е годы, как основную, объективную причину возникновения Интернационала. Однако он не учитывает, что кроме роста самого рабочего движения вся деятельность Маркса и Энгельса, начиная с Союза коммунистов, подготовила создание Интернационала. Это выразилось прежде всего в выработке Марксом и Энгельсом стройной теории научного коммунизма, а также в том, что вся *практическая* деятельность Маркса и Энгельса в рабочем движении подготовила кадры для Интернационала. Очень значительную роль в подготовке рабочего класса к созданию первой самостоятельной рабочей партии сыграла несомненно борьба Маркса и Энгельса со всеми разновидностями утопического и мелкобуржуазного социализма. Поэтому совершенно неверно утверждение

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 5, стр. 356.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 295.
[3] См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 550.

Меринга, что лишь по счастливой случайности, в силу внешних обстоятельств на долю Маркса само собой выпало духовное руководство Интернационалом (стр. 346). Присутствие Маркса на митинге в Сент-Мартинс Холле, на котором произошло основание Интернационала, было обусловлено не случайностью, а всей предшествующей деятельностью Маркса, в результате которой он к этому времени был уже признанным авторитетом среди лидеров рабочего движения различных стран[1].

При изложении Мерингом истории I Интернационала отразилось недостаточное понимание им того, что марксизм создавался и развивался в непримиримой борьбе не только против господствовавшей буржуазной идеологии, но и против оппортунистических течений и направлений, а также анархистских, авантюристических элементов в рабочем движении.

Определяя цели и задачи I Интернационала и деятельность Маркса в нем, В. И. Ленин писал: «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах»[2].

Маркс и Энгельс в своей непримиримой борьбе с различными враждебными пролетарской идеологии течениями исходили из ясного понимания их классовой сущности. Несмотря на острую критику «теоретических» положений анархизма, имеющуюся в произведениях Маркса и Энгельса, Меринг старается сблизить это течение с марксизмом, не видя его принципиального классового отличия от научной пролетарской идеологии и не останавливаясь на его критике Марксом и Энгельсом.

При рассмотрении отдельных теоретических положений анархизма Бакунина и лассальянства Швейцера Меринг допускает ряд серьезных ошибок. Он отрицает, например, сектантский характер анархизма и лассальянства и считает, что нельзя ставить на одну доску прудонизм, оуэнизм, анархизм Бакунина и лассальянство, как учения, при всем их различии одинаково враждебные марксизму и являющиеся формами домарксистского, мелкобуржуазного социализма, в корне противоположного научному пролетарскому социализму.

Непонимание Мерингом марксистского учения о диктатуре пролетариата привело к тому, что он в своем произведении

[1] См., например, письмо Эккариуса К. Марксу от 26 сентября 1864 г., сб. «Основание Первого Интернационала», Партиздат, 1934, стр. 58.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 33.

«Карл Маркс» не смог вскрыть основного отличия анархизма от марксизма, выражающегося в том, что анархизм отрицает необходимость организации рабочего класса в политическую партию, необходимость политической борьбы и диктатуры пролетариата. Вследствие этого Меринг, анализируя опыт Парижской Коммуны, совершенно сглаживает принципиальное отличие марксизма от анархизма, создавая неверное впечатление, будто Маркс и Бакунин стояли в оценке опыта Коммуны на одних и тех же позициях.

Меринг неверно расценивает выступление Бакунина на Базельском конгрессе Интернационала с требованием, чтобы Интернационал объявил отмену права наследования исходным пунктом создания социалистического общества, называя это заявление «капризом мысли» Бакунина, чем-то несущественным и преходящим. Между тем отмена права наследования была одним из узловых моментов в анархистской пропаганде Бакунина, и не случайно Маркс и Энгельс неоднократно возвращались к критике этого положения, разоблачая его утопичность и мелкобуржуазную сущность.

В период I Интернационала, когда сектантская деятельность лассальянцев во главе со Швейцером, их связи с бисмарковским правительством (Швейцер получал субсидию от Бисмарка на издание центрального органа лассальянцев — «Нового социал-демократа») наносили огромный вред рабочему движению в Германии, борьба Маркса, Энгельса, Бебеля и Либкнехта со Швейцером сыграла громадную роль, подготовив создание единой германской социал-демократической партии. Меринг же не видел принципиального характера расхождений Маркса со Швейцером. Он не знал фактов, подтверждающих прозорливое указание Маркса на связь Швейцера с бисмарковским правительством, но и Маркс, не зная этих фактов, в борьбе с лассальянством исходил из глубокого понимания их мелкобуржуазной, сектантской сущности, из анализа тактики Швейцера. Маркс ясно видел, что объективная деятельность лассальянцев во главе со Швейцером была на руку Бисмарку, и установленные впоследствии факты лишь подтвердили, что руководители лассальянства были непосредственно связаны с правительством Бисмарка, Беря под защиту Швейцера, Меринг усугубляет свою ошибку тем, что не останавливается в своем труде на резкой и принципиальной критике Швейцера, которая имеется в произведениях Маркса, а основное свое внимание направляет на личные взаимоотношения Маркса с лидерами лассальянцев.

Непонимание сущности лассальянства привело и к тому, что Меринг пытается доказать, будто политика Швейцера была более дальновидна и более правильна, чем политика Бебеля и Либкнехта. Несомненно, что и Бебель и Либкнехт допускали в своей деятельности более или менее серьезные ошибки, но при всех

своих ошибках они оставались на позициях революционного пролетариата, в то время как лассальянцы стояли на мелкобуржуазных, антипролетарских позициях.

В области исследования конкретных фактов дезорганизаторской деятельности Альянса[1] внутри Интернационала Меринг оказался солидарным с анархистскими историками. Он почти не приводит такие факты, хотя они и имеются в работах Маркса и Энгельса периода Интернационала («Мнимые расколы в Интернационале», «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» и др.), а если и приводит, то неправильно освещает их. Например, ничего общего с действительностью не имеет утверждение Меринга, что в период Базельского конгресса никаких интриг против Генерального Совета Бакунин не вел. В действительности на Базельском конгрессе Бакунин усиленно вербовал в свой тайный Альянс новых членов из среды делегатов конгресса (например, Рейя и др.). После Базельского конгресса, когда Бакунин жил в Локарно и, как думает Меринг, не вел подрывной работы в Интернационале, Бакунин путем переписки (известны его письма Гильому, Ришару, Гамбуцци, Набруцци, Швицгебелю, Перрону, Мораго, Сентиньону и другим анархистам) руководил дезорганизаторской деятельностью Альянса внутри Интернационала. Практические результаты этой деятельности Бакунина особенно ярко сказались в Испании и в меньшей степени в Италии, где в это время под маркой Интернационала создавались группы анархистского Альянса. В подтверждение игнорирования Мерингом подпольной деятельности Бакунина внутри Интернационала, что находится в прямой связи с его попытками реабилитировать Бакунина, можно было бы привести значительно большее количество фактов, но достаточно остановиться хотя бы на двух наиболее важных моментах.

Меринг приводит много высказываний Бакунина, в которых он положительно отзывается о Марксе. Комментируются эти бакунинские «похвалы» в адрес Маркса совершенно неправильно. Меринг не видит, что суть их заключается в том, чтобы, маскируясь будто бы объективными оценками Маркса, сеять недоверие к Марксу. Бакунин хорошо знал, что если бы он открыто высказал свою ненависть к Марксу, примеры чего достаточно часто встречаются в его частных письмах к наиболее близким друзьям, то многие из его приверженцев отвернулись бы от него.

В книге допущена ошибка в освещении так называемого нечаевского дела, которому посвящена специальная глава работы Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Совершенно

[1] Анархистская организация, тайно существовавшая внутри I Интернационала.

необоснованно Меринг пытается снять с Бакунина полную ответственность за это дело и доказать, что в данном случае Бакунина можно упрекнуть лишь в легковерности, а не в причастности к этой истории, являющейся ярким выражением авантюристическо-анархистской тактики.

Меринг неправильно понимал содержание деятельности I Интернационала и суть борьбы Маркса и Энгельса в этой организации. Поэтому он не смог дать правильной оценки ряду документов I Интернационала и показать их место в борьбе за подлинно пролетарскую партию.

Так, по поводу решений Лондонской конференции «О международных связях профессиональных союзов», «О сельскохозяйственных производителях» и др. Меринг пишет, что они «имели при тогдашних обстоятельствах лишь академическое значение» (стр. 495). В действительности эти резолюции, составляя единое целое с резолюцией «О политическом действии рабочего класса», дополняют ее основную мысль о необходимости создания самостоятельных рабочих партий и намечают конкретные пути для связи этих партий с массами. В тех условиях, когда вопрос о создании самостоятельных пролетарских партий был поставлен на повестку дня всем ходом развития рабочего движения, эти резолюции били по всякого рода сектантству, намечали конкретные пути создания подлинно пролетарских массовых партий. Несомненно, что они сыграли огромную роль в борьбе с анархизмом, в воспитании кадров пролетарских революционеров.

Неправильно охарактеризовано в книге и значение Гаагского конгресса, который был торжеством марксизма, завершающим актом борьбы с антипролетарскими течениями внутри Интернационала. Здесь наиболее ярко сказывается характерное для левых социал-демократов стремление Меринга примирить враждебные направления. Он критикует Маркса именно за непримиримость его борьбы с антипролетарскими течениями. Меринг пишет: «... против Интернационала ополчился весь реакционный мир, и от такого натиска Интернационал мог защищаться только тесной спаянностью всех своих разрозненных сил» (стр. 504), понимая под этим единение с лассальянцами и анархистами. Действительно, в условиях реакции, наступившей после поражения Парижской Коммуны, перед рабочим классом стояла задача еще более тесного сплочения своих рядов на основе уже сделанных им успехов в рядах I Интернационала. Именно поэтому Маркс и Энгельс ставили задачу создания самостоятельных политических рабочих партий. Но это сплочение пролетарских рядов и требовало отмежевания от всех антипролетарских течений и в первую очередь от анархизма.

Великой заслугой Маркса и Энгельса является то, что они довели борьбу с анархизмом в Интернационале до организационного отмежевания от него. Именно этими соображениями, а не личными

мотивами, как утверждает Меринг, и была вызвана постановка на Гаагском конгрессе вопроса об анархистах. Кстати, следует подчеркнуть, что Маркс и Энгельс ставили перед конгрессом вопрос

об исключении Альянса, как анархистской организации, а не отдельных анархистов. После Гаагского конгресса Генеральный Совет дополнил резолюцию об исключении Бакунина и Гильома исключением отдельных анархистских организаций.

Так же как и анархистские историки, Меринг ошибочно возражает против решения Гаагского конгресса об исключении Бакунина, особенно против второй части мотивировки его исключения — «исключить из Интернационала Михаила Бакунина, как основателя Альянса, а также и за личный проступок»...

В книге не вскрыты и основные причины роспуска I Интернационала, важнейшая из которых заключается в том, что «I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь,* создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»[1]. Не поняв основных исторических задач Интернационала, Меринг не увидел и того, что эти задачи были выполнены и что Гаагский конгресс 1872 г. фактически ознаменовал окончательную победу марксистских принципов тактики и организации пролетарской партии над домарксовыми, мелкобуржуазными, сектантскими формами социализма, что всей своей деятельностью Интернационал заложил основы для создания самостоятельных рабочих партий в отдельных странах, чем, собственно, исторические задачи Интернационала были исчерпаны.

Крупнейшую ошибку Меринг допускает в вопросе о развитии взглядов Маркса и Энгельса на диктатуру пролетариата в связи с оценкой им опыта Парижской Коммуны.

Меринг находит противоречие между положениями «Коммунистического манифеста» о необходимости завоевания пролетариатом политической власти и положениями о необходимости слома старой, буржуазной государственной машины, к которым Маркс и Энгельс пришли на основании опыта революции 1848—1849 гг. и особенно Парижской Коммуны 1871 г. Упуская из виду, что речь идет о сломе именно *буржуазной* государственной машины, он пытается доказать, будто бы Маркс и Энгельс вынуждены были отказаться от положений «Коммунистического манифеста» и признали необходимость упразднения государства вообще, т. е. сближает взгляды Маркса со взглядами Бакунина. На самом деле никакого противоречия между этими двумя положениями нет — одно является логическим развитием второго. Меринг не понял исторического значения Парижской Коммуны, как прообраза

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., 4 изд., т. 21, стр. 33.

государства нового типа, зародыша диктатуры пролетариата, как это видели Маркс и Энгельс, а в дальнейшем и В. И. Ленин.

Маркс и Энгельс на основании нового опыта пролетарской классовой борьбы, обобщая его, развивали дальше учение о диктатуре пролетариата. Важнейшей работой Маркса, в которой развиваются гениальные мысли о диктатуре пролетариата, является «Критика Готской программы». Разбору этого произведения Меринг посвящает всего несколько строк. Он пишет: «Если оставить в стороне эту в высшей степени неприглядную сторону программного письма, то оно является весьма поучительным трактатом об основных принципах научного социализма. Оно, конечно, не оставляло камня на камне от коалиционной программы» (стр. 531). Характерно, что непримиримую критику Маркса, до конца разоблачающую антипролетарский характер лассальянства, Меринг считает «неприглядной стороной письма». Важнейшие же идеи Маркса, являющиеся дальнейшим развитием главного в марксизме — учения о диктатуре пролетариата, как о государстве переходного периода от капитализма к коммунизму, и о двух фазах коммунистического общества (социализм и коммунизм), — остались не освещенными Мерингом. В работах В. И. Ленина важнейшие положения марксизма о диктатуре пролетариата были восстановлены и творчески развиты в новых исторических условиях.

Нельзя согласиться также с приводимой в книге Меринга оценкой теоретического значения II и III томов «Капитала», данной Розой Люксембург (разделы о II и III томах «Капитала» были написаны по просьбе Меринга ею). Совершенно неправильно Роза Люксембург утверждает, что «в двух последних томах «Капитала» не следует искать законченного готового решения всех важнейших проблем политической экономии» (стр. 395) и что часть этих проблем в них только поставлена и даны указания на то, в каком направлении следует искать их разрешения. Это неверное утверждение Р. Люксембург вытекает из ее ошибок в вопросе о накоплении капитала, рассматриваемом Марксом во II томе «Капитала».

Кроме того, в книге имеется целый ряд более мелких ошибок, а также неточностей, которые во вступительной статье не оговариваются и которые нетрудно заметить.

Однако, несмотря на все эти недостатки, советский читатель сможет почерпнуть в работе Меринга много важного, полезного и интересного о жизни и деятельности великого вождя и учителя пролетариата.

Б. Крылов,
Н. Колпинский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга имеет свою небольшую историю. Когда зашла речь об издании переписки Маркса с Энгельсом, г-жа Лаура Лафарг обусловила свое согласие, поскольку оно было необходимо, моим участием в качестве ее доверенного лица в редактировании переписки. В доверенности, подписанной в Дравейле 10 ноября 1910 г., она уполномочила меня сделать все примечания, разъяснения и сокращения, какие я сочту необходимыми.

Фактически мне, однако, не пришлось использовать этих полномочий. Между издателями или, вернее, издателем Бернштейном — так как Бебель дал только свое имя — и мною не возникало сколько-нибудь существенных разногласий. Тормозить же его работу без особой надобности я, разумеется, не имел ни повода, ни права, ни желания, да это и не соответствовало бы духу поручения, возложенного на меня моей доверительницей.

Но во время долгой работы над этой перепиской образ Карла Маркса, сложившийся у меня на основании многолетнего изучения, стал более выпуклым, и у меня невольно возникло желание запечатлеть этот образ в биографии. Я знал к тому же, что это чрезвычайно обрадует г-жу Лафарг. Я приобрел ее доверие и дружбу совсем не потому, что она считала меня самым ученым или самым умным среди учеников ее отца, но потому, что я, по ее мнению, глубже всех понял его как человека и вернее всех сумел бы изобразить его с этой стороны. Не раз письменно и устно она уверяла меня, что многие полузабытые воспоминания о родительском доме ожили в ней благодаря описаниям, которые содержит моя история партии и особенно издание литературного наследия Маркса, и что многие имена, часто слышанные ею от родителей, лишь благодаря мне облеклись плотью и кровью.

К сожалению, эта благородная женщина умерла задолго до того, как удалось издать переписку ее отца с Энгельсом. За несколько часов до того как покончить с собой, она еще послала мне дружеский привет. Она унаследовала великий дух своего отца,

и я до конца своей жизни буду ей благодарен за то, что она доверила мне для издания многие сокровища из оставленного им литературного наследия, не сделав при этом ни малейшей попытки повлиять на свободу моих суждений. Так, я получил от нее письма Лассаля к Марксу, хотя из моей истории партии она знала, как часто и решительно я отстаивал правоту Лассаля в споре с ее отцом.

Между тем ни тени благородства, присущего этой женщине, не обнаружили два сионских стража марксизма. Когда я приступил к осуществлению своего замысла — написать биографию Маркса, они подняли вопль добродетельного негодования, так как в «Neue Zeit» («Новом времени») я позволил себе высказать несколько замечаний об отношении к Марксу Лассаля и Бакунина, недостаточно расшаркиваясь при этом перед официальной партийной легендой. Вначале К. Каутский обвинил меня во «вражде к Марксу» вообще и в «злоупотреблении доверием», якобы допущенном мною в отношении г-жи Лафарг, — в частности. А так как я все же упорствовал в своем намерении писать биографию Маркса, то из столь, как известно, драгоценного места в «Neue Zeit» уделено было ни более ни менее, как целых шестьдесят страниц памфлету Рязанова, где тот пытался уличить меня в постыднейшем предательстве по отношению к Марксу. Он осыпал меня при этом обвинениями, недобросовестность которых может сравниться разве только с их бессмысленностью. Я оставил последнее слово за этими господами под влиянием чувства, которое из вежливости не назову надлежащим именем; но считаю своим долгом заявить, что я не сделал ни малейшей уступки их моральному терроризму и обрисовал в этой книге взаимоотношения Лассаля и Бакунина с Марксом согласно требованиям исторической правды, совершенно не считаясь с партийной легендой. При этом я, конечно, опять воздержался от всякой полемики, но в примечаниях слегка вышутил главные обвинения, предъявленные мне Каутским и Рязановым, в назидание и на пользу более молодым работникам в этой области, которым пора привить полное равнодушие к припадкам попов марксистского прихода.

Если бы Маркс был в действительности тем скучным примерным мальчиком, каким восторженно изображают его попы марксистского прихода, я не увлекся бы мыслью написать его биографию. Мое восхищение, как и моя критика — а для хорошей биографии необходимо в равной мере и то и другое — относятся к великому человеку, который о себе всего чаще и охотнее говорил, что ничто человеческое ему не чуждо. Воссоздать образ Маркса во всей его мощи, во всем его суровом величии — вот задача, которую я ставил себе.

Уже сама цель определяла путь к ее достижению. История — всегда одновременно и искусство и наука, и это в особенности при-

менимо к жизнеописаниям. Не помню сейчас, какой ученый сухарь родил ту «бессмертную» идею, что в храме исторической науки эстетике делать нечего. Но я должен — к моему, быть может, стыду — откровенно признаться, что даже буржуазное общество я не так глубоко ненавижу, как те более строгие мыслители, которые, лишь бы лягнуть старика Вольтера, объявляют скучную манеру писать единственно дозволенной. Сам Маркс был в этом смысле тоже на дурном счету: вместе со своими древними греками он причислял Клио к девяти музам. В действительности муз презирает лишь тот, кем они сами пренебрегли.

Предполагая, что читатель одобрит избранную мной форму, я тем более должен просить его о некотором снисхождении к содержанию. Я заранее был вынужден считаться с неумолимой необходимостью не слишком перегружать книгу: нужно было сделать ее доступной и понятной хотя бы для развитых рабочих, а книга и без того в полтора раза превзошла первоначально предполагавшийся объем. Как часто приходилось мне поэтому довольствоваться одним словом вместо целой строки, строкой — вместо страницы и страницей — вместо листа! Особенно пострадал от этого разбор научных произведений Маркса. Для того чтобы заранее устранить всякие недоразумения, я вычеркнул из обычного подзаголовка биографии великого писателя: «История его жизни и его сочинений» — вторую половину.

Несравненное величие Маркса в значительной степени обусловливается, несомненно, тем, что в нем неразрывно связаны человек мысли и человек дела, взаимно дополняя и поддерживая один другого. Но столь же несомненно и то, что борец всегда имел в нем перевес над мыслителем. В этом отношении все они, великие пионеры нашего дела, мыслили одинаково[1]. Лассаль сказал однажды, что охотно оставил бы ненаписанным то, что знал, лишь бы наступил, наконец, час практического действия. В наши дни мы *с* ужасом убедились в том, как они были правы: мы видим, что серьезные исследователи, по три или даже по четыре десятка лет высиживавшие каждую запятую в сочинениях Маркса, теперь, в тот исторический момент, когда они могли бы и должны были бы действовать, как Маркс, на самом деле лишь вертятся вокруг своей оси подобно скрипучим флюгерам.

Не скрою, однако, что я не чувствовал себя призванным более других охватить до самых границ колоссальную область знаний, которыми владел Маркс. Даже для того чтобы дать в узких рамках моего изложения вполне ясное представление о II и III томах «Капитала», я призвал на помощь моего друга Розу Люксембург. Читатели будут не менее меня признательны ей за то,

[1] О неправильной оценке Мерингом Лассаля см. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 11. — *Ред.*

что она с готовностью пошла навстречу моему желанию: третий раздел XII главы написан ею.

Я счастлив, что украсил мою книгу этой жемчужиной, вышедшей из-под ее пера, и не менее счастлив, что наш общий друг Клара Цеткин-Цундель разрешила мне выпустить мой кораблик в открытое море под ее флагом. Дружба этих двух женщин была для меня неоценимым утешением в годину, когда стольких «мужественных и стойких передовых борцов» социализма умчало бурей, как сухие листья осенним ветром.

Франц Меринг

Штеглиц — Берлин, март 1918 г.

Глава первая

ЮНОСТЬ

1
ДОМА И В ШКОЛЕ

Карл Генрих Маркс родился 5 мая 1818 г. в Трире. Родословная его мало известна вследствие путаницы и неполноты сословных списков в Рейнской провинции, что было вызвано военными событиями конца XVIII — начала XIX века. Ведь и посейчас спорят о том, в каком году родился Генрих Гейне!

Конечно, относительно Маркса дело обстоит не так плохо, ибо он родился в более спокойное время. Но все же, когда пятьдесят лет тому назад умерла одна из сестер его отца и оставила завещание, которое было признано недействительным, то суду при розыске законных наследников уже не удалось установить даты рождения и смерти ее родителей, то есть деда и бабки Карла Маркса.

Его деда звали Маркс Леви, но потом он стал именоваться просто Марксом. Он был раввином в Трире и умер, по-видимому, в 1798 г.; в 1810 г. его во всяком случае уже не было в живых. Его жена Ева, урожденная Мозес, в 1810 г. была еще жива и скончалась, как утверждают, в 1825 г.

Из многочисленных детей, рожденных от этого брака, двое — Гиршель и Самуил — посвятили себя ученым профессиям. Самуил унаследовал после смерти отца должность раввина в Трире. Сын его Мозес в качестве кандидата на пост раввина попал в Глейвиц, в Силезии. Самуил родился в 1781 г. и умер в 1829 г. Гиршель, отец Карла Маркса, родился в 1782 г. Он занялся юриспруденцией, стал адвокатом, затем советником юстиции в Трире; в 1824 г. он крестился[1], приняв имя Генриха Маркса, и скончался в 1838 г. Он был женат на Генриетте Пресбург, голландской еврейке, предки которой, по сведениям ее внучки Элеоноры Маркс, во многих поколениях были раввинами, Генриетта умерла в 1863 г. Она и ее муж оставили после себя многочисленное потомство, но ко времени

[1] См. примечание на стр. 31 настоящего издания. — *Ред.*

ввода в наследство — из бумаг этого дела и почерпнуты генеалогические данные о семье Маркса — из детей оставались в живых всего лишь четверо — Карл Маркс и три дочери: Софья — вдова стряпчего Шмальгаузена в Мастрихте, Эмилия — жена инженера Конради в Трире и Луиза — жена купца Юта в Капштадте.

Благодаря родителям Карла Маркса, брак которых был на редкость счастливым, юность его, как и его старшей сестры Софьи, протекала весело и беззаботно. Его «блестящие природные дарования» будили у отца надежду, что со временем они послужат на благо человечеству, а мать называла сына счастливчиком, которому удается все, за что бы он ни взялся. Однако Карл Маркс вырос не под исключительным влиянием матери, как Гёте, или отца, как Шиллер и Лессинг. Мать его, хотя и окружавшая нежной заботой мужа и детей, была всецело занята домашними делами. Она до конца жизни не научилась даже правильно говорить по-немецки и не принимала никакого участия в духовной борьбе сына — только иногда по-матерински сокрушалась о своем Карле, думая о том, чего бы он достиг, если бы пошел надлежащей дорогой. В позднейшие годы Карл Маркс, по-видимому, сблизился со своими голландскими родственниками по материнской линии, в особенности с одним из «дядей», Филипсом. Он неоднократно отзывался с большой симпатией об этом «славном старике», который оказывал ему и материальную помощь в трудные минуты жизни.

Однако и отец Маркса взирал уже порою с тайным страхом на «демона» в душе любимца-сына. Но он умер через несколько дней после того, как Карлу исполнилось двадцать лет. Его мучили не мелкие заботы и тревоги матери-наседки, мечтавшей об удачной карьере для сына, а смутный страх перед гранитной твердостью характера Карла, чуждой его собственной мягкой душе. Еврей, уроженец рейнских провинций, юрист, он был, казалось бы, трижды забронирован от всех соблазнов юнкерства восточного берега Эльбы. Однако Генрих Маркс был прусским патриотом, не в том пошлом смысле, какой теперь имеет это слово, — он был прусским патриотом старого закала, каких старейшие из нас еще знавали в лице Вальдека и Циглера: он был насквозь пропитан буржуазной культурой, искренно верил в просветительные реформы в духе «старого Фрица»[1] — словом, был одним из тех «идеологов», которых не без основания ненавидел Наполеон. А то, что Наполеон называл «идеологическими бреднями», разжигало ненависть отца Маркса к завоевателю, и это несмотря на то, что последний даровал рейнским евреям гражданское равноправие, а Рейнской провинции — кодекс Наполеона, их ревниво охраняемое сокровище, на которое непрерывно посягала старопрусская реакция.

[1] Фридриха II. — *Ред.*

Вера Генриха Маркса в «гений» прусской монархии не была поколеблена и тем, что прусское правительство, по-видимому, вынудило его переменить религию ради службы. Это неоднократно утверждали даже лица, в общем осведомленные, — очевидно, с целью оправдать или хотя бы извинить то, что не нуждается ни в оправдании, ни в извинении. Даже с чисто религиозной точки зрения человеку, который вместе с Локком, Лейбницем и Лессингом исповедовал «чистую веру в бога», нечего было делать в синагоге. Он скорее мог обрести себе приют под сенью прусской господствующей церкви, ибо в ней в то время царил довольно терпимый рационализм, так называемая религия разума, оставившая некоторый отпечаток даже на прусском цензурном законе 1819 г.

Но отречение от еврейства при тогдашних обстоятельствах было актом не только религиозной, но и главным образом общественной эмансипации. В великой умственной работе наших лучших мыслителей и поэтов еврейство не принимало участия. Скромный светоч Моисея Мендельсона тщетно силился осветить своему «народу» путь в область немецкой духовной жизни. Как раз в те годы, когда Генрих Маркс принял христианство, в Берлине образовался кружок еврейской молодежи, которая пошла по стопам Мендельсона. Но и ее попытки кончились неудачей, хотя среди этой молодежи были такие люди, как Эдуард Ганс и Генрих Гейне. Ганс, рулевой этого небольшого судна, первый спустил флаг и принял христианство. Гейне, правда, послал ему вслед суровое проклятие: «Еще вчера ты был герой, сегодня — негодяй», — однако и сам вскоре был вынужден заплатить ту же цену за «входной билет в европейскую культуру». Оба сыграли историческую роль в духовном развитии Германии своего века. Имена же их прежних товарищей, сохранивших верность еврейству, давно забыты.

Вот почему в течение многих десятков лет переход в христианство был в смысле культуры шагом вперед для свободомыслящих в еврействе. Именно в таком, а не ином смысле следует понимать крещение Генриха Маркса и его семьи в 1824 г.[1] Возможно, впрочем, что и некоторые внешние обстоятельства обусловили собой если не самый переход, то время, когда он свершился. Скупка евреями поместий и земель, чрезвычайно усилившаяся в двадцатые годы, в период кризиса в сельском хозяйстве, вызвала в Рейнской провинции сильную ненависть к евреям. Человек столь безупречной честности, как старый Маркс, не только не считал нужным подвергаться этой ненависти, но даже полагал, что не имеет на это права из-за своих детей. А может быть, тут сыграла роль и смерть его матери. Она умерла как раз в это время, освободив

[1] В 1824 г. Генрих Маркс крестил своих детей, сам же он принял лютеранство в 1816 г., а его жена — в 1825 г. — *Ред.*

его от необходимости блюсти тот пиетет по отношению к родителям, который вполне соответствовал его характеру. Возможно также, что на решение Генриха Маркса отчасти повлияло и то обстоятельство, что в том году, когда он перешел в христианство, его старший сын достиг школьного возраста.

Так или иначе, нет сомнения, что Генрих Маркс воспитывал в себе современный гуманизм, освободивший его от всей узости еврейства, и эту свободу он оставил как ценное наследство своему Карлу. В письмах его к сыну-студенту, довольно многочисленных, нет и следа особенностей или недостатков еврейского характера. Письма эти по-старомодному сентиментальны, пространны и написаны еще в стиле XVIII века: как истый немец, он восторжен в любви и шумлив в гневе. Далекий от мещанской узости взглядов, отец охотно касается в письмах умственных интересов сына и восстает решительно — и вполне основательно — только против его влечения сделаться «заурядным рифмоплетом». Тешась мечтами о будущем своего Карла, старик «с поблекшими волосами и несколько подавленным духом» не мог, конечно, не задавать себе порой вопроса, соответствует ли сердце Карла его голове, присуши ли ему земные, более нежные чувства, которые приносят столько утешения в этой юдоли скорби.

Со своей точки зрения он имел право сомневаться в этом: истинная любовь к сыну, которую он «лелеял в глубине сердца», делала его не слепым, а ясновидящим. Но человеку не дано предвидеть конечных результатов своих действий, поэтому Генрих Маркс не думал и не мог предположить, что сам он, щедро наделив сына дарами буржуазного воспитания, развязывал крылья опасному «демону», относительно которого он сомневался, «небесного» ли он или же «фаустовского» происхождения. Карл Маркс уже в отцовском доме преодолел шутя много такого, что стоило Лассалю или Гейне первых и тягчайших жизненных битв, раны от которых у них так никогда и не зарубцевались.

Труднее выяснить, что дала подраставшему Марксу школа. Карл Маркс никогда впоследствии не упоминал ни об одном из своих школьных товарищей, и мы также не располагаем воспоминаниями кого-либо из них о Марксе. Довольно рано он окончил гимназию в своем родном городе; его выпускное свидетельство помечено 25 августа 1835 г.[1] Как водится, оно напутствует даровитого юношу благословением и добрыми пожеланиями и содержит шаблонные отзывы об его успехах по отдельным предметам. Все же в школьном свидетельстве отмечено, что Карл Маркс хорошо переводил и объяснял труднейшие места в древних классиках, особенно такие, где трудность заключается не столько в своеобразии

[1] У Меринга ошибка: выпускное свидетельство Маркса помечено 24 сентября 1835 г. — *Ред.*

языка, сколько в содержании и логической связи мыслей; его латинское сочинение обнаруживает богатство мысли и глубокое проникновение в сущность предмета, но перегружено не относящимися к предмету замечаниями.

На экзаменах у него не ладилось дело с законом Божиим и отчасти с историей. Зато в немецком сочинении он высказал мысль, которая показалась «интересной» и экзаменаторам, а нам должна казаться еще интереснее. Темой этого сочинения были «Размышления юноши при выборе профессии». Отзыв экзаменаторов гласил, что работа Карла Маркса обращает на себя внимание богатством мыслей и хорошим, планомерным распределением материала, но что автор снова проявляет присущий ему недостаток — чрезмерное стремление к красочности, образности выражений. Затем дословно приведена одна фраза: «Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие»[1]. Так уже в детском уме Маркса мелькнула зарницею мысль, всестороннее развитие которой составляет бессмертную заслугу его зрелых лет.

2
ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН

Осенью 1835 г. Карл Маркс поступил в Боннский университет, где в первый год, по-видимому, не столько изучал юридические науки, сколько просто «пребывал в университете».

Непосредственными сведениями о боннском периоде жизни Карла мы не располагаем, но, судя по тому, как это отразилось в письмах отца Маркса, молодая кровь заявляла о своих правах. О «безрассудствах» и «беспутстве» отец писал позднее, и под сердитую руку. Тогда же он только жаловался, что сын присылает ему «счета a la Карл, без связи и без подведенного итога». Счета, впрочем, и впоследствии не сходились у этого классического теоретика денежного обращения.

По истечении первого веселого года в Бонне Маркс в благословенном возрасте — восемнадцати лет — сделался женихом своей подруги детских игр, близкой приятельницы его старшей сестры Софьи, которая содействовала союзу юных сердец. Помолвка Маркса казалась тоже сумасбродной студенческой выходкой, но была на самом деле первой и самой прекрасной победой, одержанной прирожденным властителем. Отец Маркса находил вначале победу сына совершенно «непонятной» и лишь тогда уразумел ее,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. *3. — Ред.*

когда открыл, что и в невесте Карла есть «нечто гениальное» и что она, не в пример заурядным девушкам, способна приносить жертвы.

Жени фон Вестфален отличалась, действительно, не только необыкновенной красотой, но и столь же необыкновенным умом и характером. Она была на четыре года старше Карла Маркса, но все же ей было немногим более двадцати лет, она находилась в расцвете юной красоты, ее окружали поклонники, и, как дочери высокопоставленного чиновника, ей было обеспечено блестящее будущее. И всем этим она пожертвовала, как выражался старик Маркс, ради «неверного и полного опасностей будущего». Отцу иногда даже казалось, что и в ее душе живет тот же страх и тревога, которые беспокоили и его. Но он глубоко верил в этого «ангела» и «волшебницу» и пророчил сыну, что она не променяет его ни на какого князя.

Будущее оказалось на деле еще более неверным и опасным, чем оно рисовалось Генриху Марксу в минуты самых тяжелых предчувствий. Однако Женни фон Вестфален, сияющая детской прелестью на своем юношеском портрете, с непоколебимым, геройским мужеством хранила верность своему избраннику среди самых тяжких жизненных страданий. В заурядном смысле слова она, может быть, и не облегчала ему тяжелого бремени жизни, ибо была избалована с детства и не всегда умела справляться с мелкими житейскими невзгодами, как справилась бы на ее месте закаленная пролетарка. Но в другом, более высоком смысле — в отношении понимания его творчества, она стала достойной подругой своего мужа. Все ее письма, сколько их ни сохранилось, дышат неподдельной женственностью. Это была натура в духе Гёте, одинаково искренняя и правдивая во всех своих душевных проявлениях — от очаровательной общительности в радостные дни до трагической скорби Ниобы[1], когда нужда отняла у нее ребенка и она не имела денег даже на скромную могилу для него. Красота Женни была гордостью ее мужа, и, после того как они прожили вместе почти целый человеческий век, он писал ей в 1863 г. из Трира, куда ездил на похороны своей матери: «Каждый день хожу на поклонение святым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик влечет меня больше, чем все римские древности, потому что он напоминает мне счастливое время юности, он таил когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон, изо дня в день, меня спрашивают, куда девалась первая красавица Трира и царица балов. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как зачарованная принцесса»[2]. И, уже умирая, этот человек,

[1] Ниоба — в античной мифологии образ матери, потерявшей всех своих детей, олицетворение материнской скорби. — *Ред.*

[2] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 264. — *Ред.*

совершенно чуждый сентиментальности, с потрясающей скорбью говорил о лучшей части своей жизни, заключенной для него в этой женщине.

Молодые люди обручились, не спросясь родителей невесты, что немало смущало совестливого отца Маркса. Но очень скоро последовало согласие и Вестфаленов. Тайный советник Людвиг фон Вестфален, несмотря на свое имя и звание, не принадлежал ни к восточноэльбскому юнкерству, ни к старопрусской бюрократии. Отец его, Филипп Вестфален, был одной из замечательных фигур немецкой военной истории. Он состоял в должности тайного секретаря при великом герцоге Фердинанде Брауншвейгском. Последний во время Семилетней войны командовал сборной армией самого пестрого состава, нанятой на английские деньги, и успешно защищал Западную Германию от завоевательских аппетитов Людовика XV и маркизы Помпадур. Назло всем немецким и английским армейским генералам Филипп Вестфален стал фактически во главе генерального штаба герцога. Его заслуги были столь признаны, что английский король хотел назначить его генерал-адъютантом армии, но Вестфален отклонил это предложение. Он лишь настолько укротил свой бюргерский дух, что принял пожалованное ему дворянство; сделал он это, однако, только из тех соображений, которые вынудили и Гердера и Шиллера пойти на такое же унижение: Филипп Вестфален пошел на этот компромисс для того, чтобы иметь возможность жениться на дочери шотландского барона, гостившей в лагере герцога Фердинанда у своей сестры, жены генерала английских вспомогательных войск.

Сыном этой четы был Людвиг фон Вестфален. Он унаследовал историческое имя от отца, но и имена предков его матери будили великие исторические воспоминания: один из этих предков по прямой восходящей линии был сожжен на костре в борьбе за реформацию в Шотландии; другой, граф Арчибалд Аргайль, был обезглавлен как бунтовщик на рыночной площади в Эдинбурге во время освободительной борьбы против Якова II. Подобные семейные традиции сами по себе выводили Людвига фон Вестфалена из узкого круга ограниченного юнкерства, одновременно нищего и гордого, и кичливой бюрократии. Вначале он состоял на службе при герцоге Брауншвейгском и даже не подумал оставить службу, когда это маленькое герцогство было превращено Наполеоном в Вестфальское королевство. Он, очевидно, менее дорожил прирожденными Вельфами, чем реформами, которыми завоеватели — французы пытались исцелить язвы его родины. Но и к самому иноземному владычеству он относился также отрицательно и в 1813 г. изведал на себе тяжелую руку маршала Даву. Затем он служил ландратом в Зальцведеле, где у него 12 февраля 1814 г. родилась дочь Женни, а два года спустя был переведен в

качестве правительственного советника в Трир. Усердствуя на первых порах, прусский государственный канцлер Гарденберг понял, что во вновь приобретенную Рейнскую провинцию, сердцем еще приверженную Франции, следует направлять дельных людей, чуждых юнкерским предрассудкам.

Карл Маркс в течение всей своей жизни отзывался о Людвиге фон Вестфалене с большой признательностью и сердечностью. Не только потому, что Вестфален был отцом его жены, называл он его «дорогим другом, заменившим ему отца» и уверял в своей «сыновней любви». Вестфален декламировал от первой до последней строчки целые песни из Гомера, знал наизусть большую часть драм Шекспира как по-немецки, так и по-английски. В «старом вестфаленском доме» Карл Маркс находил духовную пищу, которой не мог дать ему родительский дом и тем более школа. Сам он был с давних пор любимцем старика Вестфалена, который, может быть, и потому еще дал согласие на помолвку, что помнил о счастливом браке собственных родителей. Ведь в глазах общества девушка из стародворянского баронского рода тоже сделала неподходящую партию, выйдя замуж за гражданского тайного секретаря, бедняка и притом не дворянина.

Старший сын Людвига фон Вестфалена отнюдь не унаследовал высоких душевных качеств отца. Он был типичный бюрократ и карьерист. Мало того, в эпоху реакции 50-х годов, занимая пост прусского министра внутренних дел, он отстаивал феодальные поползновения самого закостенелого провинциального юнкерства даже против министра-президента Мантёйфеля, куда более умного и хитрого бюрократа. Со своей сестрой Женни Фердинанд фон Вестфален, который был на пятнадцать лет старше ее, не поддерживал близких отношений. Он ей приходился сводным братом от первого брака их отца.

Истинным ее братом был Эдгар фон Вестфален, который по своим убеждениям был левее отца, как Фердинанд — правее. Ему приходилось подписывать коммунистические воззвания своего шурина. Он не сделался, однако, постоянным товарищем Карла Маркса; перекочевав за океан, он испытал там много превратностей судьбы, возвращался и снова уезжал, появлялся неожиданно в разных местах и вообще, судя по всему, что о нем рассказывают, не уживался в рамках размеренной будничной жизни. Но сестре своей Женни и ее мужу Карлу Марксу он был верным другом, горячо любил их, и своего первенца-сына они назвали его именем.

Глава вторая

УЧЕНИК ГЕГЕЛЯ

1
ПЕРВЫЙ ГОД В БЕРЛИНЕ

Еще до помолвки Карла Маркса отец его решил, что свои научные занятия Карл будет продолжать в Берлине: сохранилась официальная бумага, помеченная 1 июля 1836 г., в которой Генрих Маркс не только разрешает, но и выражает желание, чтобы сын его Карл перешел на следующий семестр в Берлинский университет и слушал там начатый в Бонне курс юридических и финансовых наук.

Помолвка Карла скорее укрепила, чем поколебала, это решение старика Маркса: он был человек осмотрительный и, так как свадьба отложена была надолго, считал более благоразумным держать влюбленных подальше друг от друга. Быть может, он выбрал Берлин из прусского патриотизма, а еще и потому, что Берлинский университет не знал разгульной жизни старого студенчества, которую Карл Маркс, по мнению заботливого отца, достаточно изведал в Бонне: «В сравнении с здешним домом труда другие университеты — сущие кабаки»[1] — говорил Людвиг Фейербах.

Во всяком случае юный студент не сам выбрал Берлин для продолжения университетских занятий. Карл Маркс любил тот солнечный край, где он родился, а прусская столица была ему противна всю жизнь. Не могла привлечь его туда и философия Гегеля, которая после смерти своего основателя еще более неограниченно господствовала в Берлинском университете, чем при его жизни: Гегель был ему совершенно чужд. К этому присоединялась разлука с любимой девушкой. Правда, он обещал, что удовольствуется ее согласием выйти за него впоследствии замуж, а пока воздержится от всяких внешних проявлений своих чувств.

[1] «L. Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass», Leipzig 1874, S 183 («Л. Фейербах в его переписке и литературном наследстве», Лейпциг 1874, стр. 183). — *Ред*.

Но клятвы вообще «писаны на воде», а подобные клятвы влюбленных в особенности: Маркс рассказывал впоследствии своим детям, что в любви к их матери он был в те годы подлинно неистовым Роландом и его юный пыл не знал покоя, пока он не добился разрешения переписываться с невестой.

Однако первое письмо от нее он получил только через год после приезда в Берлин. Об этом годе мы имеем в некоторых отношениях более точные и подробные сведения, чем о каком бы то ни было из более ранних или более поздних лет жизни Маркса. Сведения эти дает пространное письмо, которое Маркс написал родителям 10 ноября 1837 г., чтобы дать им представление «в конце прожитого здесь года о том, как он был проведен». Этот замечательный документ показывает нам в юноше уже цельного человека, который боролся за истину, отдавая этой борьбе все свои душевные и физические силы. Он обнаруживает ненасытную жажду знаний, неиссякаемую энергию, беспощадную самокритику и тот воинственный дух, который умеет заглушать голос сердца, когда оно заблуждается.

22 октября 1836 г. Карл Маркс был внесен в списки студентов. Но лекции его, по-видимому, мало интересовали: в течение девяти семестров он записался не более чем на двенадцать курсов, главным образом по обязательным юридическим дисциплинам, да и из них, надо полагать, слушал немногие. Из официальных преподавателей, пожалуй, только один Эдуард Ганс имел некоторое влияние на духовное развитие Карла Маркса. У Ганса он прослушал уголовное и прусское государственное право, и сам Ганс засвидетельствовал «исключительное прилежание», с которым Маркс посещал его лекции. Но гораздо убедительнее подобных аттестаций является та беспощадная полемика, которую Маркс вел в своих первых сочинениях с исторической школой права. Против ее узости и тупости, против ее вредного влияния на развитие права и законодательства направил свое красноречие и философски образованный юрист Ганс.

Однако, по собственным словам Маркса, юриспруденция как дисциплина стояла для него в университете на втором плане: главными предметами он считал историю и философию, но и по этим двум дисциплинам он мало посещал лекции и записался лишь на обязательный курс логики у Габлера, официального преемника Гегеля и самого посредственного из всех его посредственных подголосков. Уже в университете Маркс работал самостоятельно: в два семестра он овладел запасом знаний, которые нельзя было бы усвоить и в течение двадцати семестров, если воспринимать их маленькими порциями, на лекциях, по системе академической кормежки.

По приезде в Берлин Маркса прежде всего захватил «новый мир, мир любви». «Опьяненный любовью и бедный надеждами»,

он излил свои чувства в трех тетрадях стихов, которые все были посвящены «моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален». К ней в руки эти стихи попали уже в декабре 1836 г., и она читала их, «обливаясь слезами блаженства и печали», как писала в Берлин сестра Маркса Софья, Сам автор год спустя в большом письме к родителям отзывался очень непочтительно об этом детище своей музы: «Неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей...». Весь этот список прегрешений развертывает сам юный поэт. Правда, он оговаривается, что в стихах есть, «может быть, также некоторая теплота чувства и жажда смелого полета...»[1], но если эти похвальные качества и могут служить смягчающим обстоятельством, то лишь в том смысле и в той мере, как относительно «Песен к Лауре» Шиллера.

В общем эти юношеские стихотворения дышат тривиальной романтикой, сквозь которую редко пробивается искренний тон. При этом техника стиха тяжела и неуклюжа, что после Гейне и Платена уже не было извинительно. Такими сбивчивыми путями развивалось вначале художественное дарование Маркса, которым он обладал в высокой мере и которое проявлял именно в своих научных сочинениях. По силе и образности языка Маркс мог поспорить с лучшими мастерами немецкой литературы. Он придавал также большое значение эстетическому чувству меры в своих произведениях — не в пример скудным умам, считающим скучное изложение основным условием творчества ученого. Но среди многочисленных даров, положенных музами в колыбель Маркса, все же не было дара стихотворной речи.

Впрочем, в своем большом письме к родителям от 10 ноября 1837 г. Маркс писал, что поэзия могла и должна была быть только попутным занятием. Он считал своей обязанностью изучать юриспруденцию и прежде всего чувствовал желание испробовать свои силы в философии. Он изучил Гейнекция, Тибо и источники, перевел на немецкий язык две первые книги пандектов и попытался провести некоторую систему философии права через всю область права. Этот «злополучный opus» был им доведен, как он утверждал, почти до трехсот листов, хотя это, вероятно, только описка. В конце концов Маркс убедился в «ложности всего этого» и бросился в объятия философии с целью создать новую метафизику, но потом снова убедился в тщетности этих стараний. При этом он имел привычку делать выписки из всех книг, которые прочитывал, — из «Лаокоона» Лессинга, «Эрвина» Зольгера,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 7. — *Ред.*

«Истории искусств» Винкельмана, «Истории немецкого народа» Людена — и на полях набрасывал свои размышления по поводу прочитанного. Одновременно с этим он переводил «Германию» Тацита, «Элегии» Овидия и самостоятельно, т. е. по грамматикам, — правда, пока безуспешно, — начал изучать английский и итальянский языки. Читал «Уголовное право» Клейна и его «Анналы», а также все новинки литературы, но последнее только между прочим. Конец семестра снова посвящен был Марксом «пляскам муз и музыке сатиров», причем внезапно перед ним блеснуло, как далекий дворец фей, царство подлинной поэзии, и его собственное творчество рассыпалось в прах.

В итоге этого первого семестра «немало было проведено бессонных ночей, немало было пережито битв, немало испытано внутренних и внешних побуждений», но было сделано мало приобретений. Маркс забросил в этот период природу, искусство, весь мир, оттолкнул от себя друзей. К тому же его юный организм переутомился, и по совету врача Маркс переехал в Штралау, в то время еще тихую рыбачью деревушку. Там он скоро поправился, и снова началась напряженная духовная борьба. Во втором семестре он тоже поглощал массу самых разнообразных знаний, но все определеннее выступала в его занятиях философия Гегеля как точка опоры среди смены явлений. Когда Маркс впервые знакомился с нею по отрывкам, ему не нравилась ее «причудливая дикая мелодия»; но во время нового заболевания он проштудировал ее с начала до конца и, кроме того, записался в «Докторский клуб» младогегельянцев. Там, среди идейных споров, он все теснее примыкал к «современной мировой философии», причем, правда, в нем самом замолкло все богатство звуков и его охватило «настоящее неистовство иронии после того, как столь многое подверглось отрицанию».

Все это Карл раскрыл своим родителям и закончил письмо просьбой о разрешении вернуться домой сейчас же, а не на пасху следующего года, как ему раньше позволил отец. Ему хотелось потолковать с отцом о том, что душа его «в смятении». Только «милая близость» родителей помогла бы ему умиротворить «потревоженные призраки»[1].

Письмо это теперь драгоценно для нас, ибо в нем, как в зеркале, отразился Маркс, каким он был в молодые годы; но на родителей оно произвело неблагоприятное впечатление. Отец, уже прихварывавший в то время, вновь увидел перед собой «демона», которого издавна боялся в сыне. Он стал вдвойне страшиться этого призрака, с тех пор как полюбил «некую особу», как свое дитя, с тех пор как весьма почтенное семейство одобрило союз, по-ви-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 6—16. — *Ред.*

димому суливший любимому существу жизнь, полную опасностей, и весьма туманное будущее. Он никогда не был до такой степени упрям, чтобы предписывать сыну жизненный путь, лишь бы Карл избрал такой, который даст ему возможность выполнить «священный долг». Но отец видел перед собой только взбаламученное море без надежного места, где можно было бы бросить якорь.

И потому, несмотря на «слабость», которую он сознавал в себе больше чем кто-либо, Генрих Маркс решил «раз в жизни выказать суровость», и его ответ от 1 декабря[1], «суровый» в свойственной ему манере, написан в чрезвычайно преувеличенных выражениях вперемежку с горестными вздохами. Отец спрашивал Карла, как он выполнил возложенную на него задачу, и тут же отвечал сам: «Из рук вон плохо!!! Беспорядочное метанье из одной области знания в другую, тупое высиживание мыслей при тусклом свете ночника; одичалость в ученом ночном халате и с нечесаными волосами вместо одичалости за кружкой пива; отталкивающая нелюдимость и забвение всякого приличия, даже уважения к отцу. Искусство светского общения с людьми ограничено стенами грязной комнаты. Здесь, среди классического беспорядка, любовные письма Женни и доброжелательные, быть может, писанные слезами увещания отца служат, вероятно, для раскуривания трубки, хотя и это лучше, чем если бы они по небрежности попали в руки посторонних». Тут печаль обессилила отца, и, чтобы остаться беспощадным, он вынужден был подкрепиться пилюлями, прописанными ему доктором. Далее Карлу делается строгий выговор за неумение распоряжаться деньгами: «Можно подумать, что мы крезы: за один год сынок изволил истратить чуть ли не 700 талеров, тогда как богачи не тратят и 500». Конечно, Карл не мот и не кутила, но разве может человек, который чуть ли не каждую неделю изобретает новые системы и разрушает старые, заниматься такими пустяками? Его наверное надувают на каждом шагу, и всякий, кому только не лень, запускает руку в его карман.

Дальше следуют еще рассуждения в таком же духе, и письмо заканчивается неумолимым отказом в разрешении приехать домой.

«Ехать сюда в данный момент нелепо. Я знаю, что ты все равно неаккуратно посещаешь лекции, хотя, вероятно, платишь за них, но я хочу по крайней мере соблюсти внешнее приличие. Я не раб общественного мнения, но и не люблю злословия на мой счет». На пасхальные каникулы Карл может приехать, или даже дней на десять раньше, так как его отец не педант.

Во всех этих жалобах звучал укор сыну в бессердечности. И впоследствии Маркса не раз в этом укоряли, а так как здесь

[1] У Меринга неточность: письмо Генриха Маркса датировано 9 декабря. — *Ред.*

этот упрек был брошен в первый раз и, пожалуй, с наибольшим основанием, то лучше сразу сказать по этому поводу то немногое, что необходимо сказать. Модный лозунг «право изживать себя» изобретен нашей изощренной культурой, чтобы прикрасить трусливый эгоизм. Этот лозунг, конечно, не является удовлетворительным ответом, так же как более старого происхождения слова о «правах гения», который может позволить себе больше, чем обыкновенные смертные. Наоборот, источником неутомимой борьбы за высшее познание являлась у Карла Маркса его глубочайшая восприимчивость. Он был «недостаточно толстокож», как он сам однажды резко выразился, чтобы повернуться спиной к «страдающему человечеству», или, как высказал ту же мысль Гуттен: бог для того обременил его душой, чтобы каждая боль болела у него сильнее, чтобы каждое горе он принимал ближе к сердцу, чем другие люди. Никто не сделал так много, как Карл Маркс, для того чтобы вырвать с корнем «страдания человечества». Его плавание в открытом море было сплошь бурным: корабль его вечно страдал от непогоды, от ураганного огня неприятеля, и хотя флаг его всегда гордо развевался на мачте, но жизнь на борту этого корабля не была легкой и спокойной ни для команды, ни для капитана.

Поэтому отнюдь нельзя сказать, что Маркс был равнодушен к своим близким. Боевой дух мог заглушить в нем на время голос сердца, но не подавить его окончательно. Часто, уже в зрелом возрасте, Маркс с болью жаловался, что под гнетом его сурового жизненного удела те, которые ему всех ближе, страдают больше, чем он сам. И молодой студент не остался глух к жалобам отца: он отказался не только от немедленной поездки в Трир, но не приехал и на пасхальные каникулы, что огорчило его мать, но весьма порадовало отца, гнев и досада которого скоро почти улеглись. Правда, жалобы слышатся и в последующих письмах отца, но он уже отказывается от преувеличений. Отец сам признает, что в искусстве отвлеченных рассуждений ему не по силам состязаться с Карлом; для того же, чтобы изучать терминологию, прежде чем проникнуть в святилище, он слишком стар. Только в одном пункте, писал он, не поможет никакая трансцендентность, а как раз в этом вопросе — в вопросе о презренном металле — сын благоразумно хранит гордое молчание. По-видимому, Карл все еще не понимает ценности денег для семейного человека. Но, заявляет отец, из-за усталости он «готов сложить оружие». Смысл этих слов был более серьезен, чем можно было предположить по легкому юмору, который вновь сквозил в строках его письма.

Письмо помечено 10 февраля 1838 г.; Генрих Маркс только что поднялся после болезни, пролежав пять недель в постели. Но улучшение было непродолжительное: недуг — по-видимому, болезнь печени — вернулся снова, и три месяца спустя, 10 мая 1838 г., отец Карла Маркса скончался. Смерть пришла вовремя и избавила

сразу родительское сердце от огорчении и разочарований, которые разбивали бы его по частям.

Карл Маркс всегда с нежной признательностью вспоминал об отце. И как отец хранил глубоко в сердце любовь к сыну, так и образ отца жил в душе сына до самой могилы.

2
МЛАДОГЕГЕЛЬЯНЦЫ

С весны 1838 г., когда он потерял отца, Карл Маркс прожил в Берлине еще три года. Все это время он вращался среди членов «Докторского клуба», умственная жизнь которого открыла ему дорогу к гегелевской философии.

Учение Гегеля тогда считалось еще прусской государственной философией. Министр по делам просвещения Альтенштейн и тайный советник при нем Иоганн Шульце взяли это учение под свое высокое покровительство. Гегель возвеличивал государство как воплощение нравственной идеи, как абсолютно разумное и абсолютную самоцель. Этим он присваивал ему высшие права по отношению к отдельным личностям, для которых верховный долг — быть членами государства. Это учение о государстве приходилось чрезвычайно по душе прусской бюрократии, оно бросало озаряющий свет даже на грехи такого рода, как травля «демагогов»[1].

Гегель в своей философии вовсе не занимался лицемерием. Тот факт, что монархия, в которой государственные чиновники трудятся каждый по мере своих сил, казалась ему идеальнейшей формой правления, объясняется уровнем политического развития самого Гегеля. Все же он считал необходимым некоторое косвенное участие господствующих классов в делах правления, однако со строгим сословным ограничением. О всеобщем народном представительстве в современном конституционном смысле он не хотел и слышать, подобно прусскому королю и его оракулу Меттерниху.

Но система, которую Гегель смастерил лично для себя, находилась в непримиримом противоречии с диалектическим методом, который он проповедовал как философ. Вместе с понятием бытия дано и понятие небытия, а из борьбы обоих возникает высшее понятие становления. Все существует и в то же время не существует, ибо все течет, все постоянно изменяется, непрерывно возникает и проходит. История для Гегеля есть также непрерывно преобразующийся, восходящий от низшего к высшему процесс развития. И этот процесс Гегель с его универсальной образованностью пытался проследить в самых различных областях исторической науки,

[1] Так реакционеры называли участников либерально-демократического движения в Германии. — *Ред.*

правда, лишь в форме, соответствующей его идеалистическому мировоззрению: с точки зрения Гегеля исторические события представляют собой разные ступени развития абсолютной идеи; ее он считал животворящей душой всего мира, никак иначе эту абсолютную идею не определяя.

Таким образом, союз между философией Гегеля и государством Фридрихов Вильгельмов был скорее браком по расчету. Он длился лишь до тех пор, пока обе стороны признавали его целесообразность. Так дело приблизительно и обстояло в дни карлсбадских постановлений[1] и преследования «демагогов». Но уже июльская революция 1830 г. дала такой сильный толчок европейскому развитию, что метод Гегеля оказался несравненно состоятельнее его системы. Как только даже те слабые отголоски июльской революции, которые появились в Германии, были задушены и над страной поэтов и мыслителей снова навис могильный покой, прусское юнкерство поспешило еще раз сыграть против современной философии на старом хламе средневековой романтики. Это было тем легче для него, что восхищение Гегелем исходило не столько от самого прусского юнкерства, сколько от более или менее просвещенной бюрократии. В самом деле, Гегель при всем возвеличении чиновничьего государства нисколько не способствовал поддержке религиозных верований в народе — этой альфе и омеге традиций феодалов и в конечном счете всех эксплуататорских классов.

На религиозной почве и произошло первое столкновение. Гегель полагал, что рассказы из священного писания следует рассматривать как светскую литературу и что знание реальных фактов из действительной жизни ничего общего с верой не имеет. Ученик же его, молодой шваб Давид Штраус, со своей стороны принял всерьез слова учителя: он требовал, чтобы евангельские рассказы были подвергнуты исторической критике. Правомерность этого требования он доказал своей книгой «Жизнь Иисуса», которая вышла в свет в 1835 г. и произвела огромное впечатление. Тем самым Штраус примкнул к буржуазному Просвещению, о действительном «свете» которого так презрительно отзывался Гегель. Но дар диалектического мышления помог Штраусу поставить вопрос несравненно глубже, чем ставил его старик Реймарус, лессинговский «Неназванный». Штраус уже не усматривал в христианстве простого обмана и в апостолах — шайки мошенников, а объяснял мифическую часть евангелия бессознательным творчеством первых христианских общин. Но все же многое в евангелии он еще признавал историческим повествованием о жизни Иисуса, а самого

[1] Реакционные постановления, выработанные в августе 1819 г. в Карлсбаде (Карловы Вары) на конференции представителей государств Германского союза, устанавливавшие предварительную цензуру, надзор над университетами, запрещение студенческих обществ и усиление репрессий против «демагогов». — *Ред.*

Иисуса считал исторической личностью. Во всех крупнейших событиях жизни Христа Штраус находил зерно исторической правды.

В политическом смысле Штраус был совершенно безобиден и оставался вне политики до конца жизни. Несколько резче звучала политическая нота в «Hallische Jahrbucher» («Галлеском ежегоднике»), органе младогегельянцев, основанном Арнольдом Руге и Теодором Эхтермейером в 1838 г. Журнал этот, правда, тоже посвящен был литературе и философии и являлся вначале только противовесом берлинскому «Jahrbucher fur wissenschaftliche Kritik» («Ежегоднику научной критики»), заржавленному органу правых гегельянцев. Арнольд Руге, перед которым скоро отступил на второй план рано умерший Эхтермейер, в прошлом принимал уже участие в студенческом движении и в годину безумной травли «демагогов» поплатился шестилетним тюремным заключением в Кепенике и Кольберге. Руге, впрочем, не отнесся к своей судьбе трагично. Получив приват-доцентуру в Галле, он выгодно женился и обеспечил себе полный достаток, что побудило его, вопреки всему, признать прусский государственный строй справедливым и свободным. Руге в сущности ничего не имел против того, чтобы на нем оправдалась злая шутка старопрусских мандаринов, уверявших, будто в Пруссии никто так быстро не делает карьеры, как обращенный «демагог». Этого, однако, не случилось.

Руге не был самостоятельным мыслителем, а тем более революционером; но он был честолюбив, образован, трудолюбив и обладал боевым задором как раз в той мере, какая требуется для хорошего руководства научным периодическим органом. Он сам однажды не без меткости назвал себя оптовым торговцем в области духа. «Hallische Jahrbucher» сделался под его редакторством сборным пунктом для всех беспокойных умов, которые обладали мало приятным с точки зрения государственного порядка умением вносить живую струю в прессу. Давид Штраус привлекал читателей несравненно больше, чем все богословы, с пеной у рта отстаивавшие божественную непогрешимость евангелия. Хотя сам Руге уверял, что его журнал остается «гегельянски-христианским и гегельянски-прусским», но министр по делам просвещения Альтенштейн, и без того прижатый к стене романтической реакцией[1], не верил в его миролюбие и не внял неотступной просьбе Руге о зачислении его на государственную службу в знак признания его заслуг. Тогда мудрый «Hallische Jahrbucher» снова проникся сознанием необходимости разбить оковы, которые держали в плену прусскую свободу и правосудие.

[1] Романтическая реакция — направление в общественно-политической жизни Германии в первой половине XIX в., идеализировавшее порядки и нравы средневековья. — *Ред.*

К числу сотрудников «Hallische Jahrbucher» принадлежали и берлинские младогегельянцы, среди которых Карл Маркс провел три года своей молодости. «Докторский клуб» состоял из доцентов, учителей и писателей. Все это были люди в расцвете лет и сил. Рутенберг, которого Карл Маркс в одном из писем к отцу назвал «самым близким» своим другом в Берлине, преподавал географию в берлинском кадетском корпусе. Его уволили будто бы за то, что он однажды утром был подобран пьяным в канаве, а на самом деле потому, что его заподозрили в писании «неблагонамеренных» статей в лейпцигских или гамбургских газетах. Эдуард Мейен сотрудничал в одном недолго просуществовавшем журнале, где Маркс поместил два своих стихотворения, к счастью, единственных увидевших свет[1]. Не выяснено в точности, входил ли в состав этого кружка уже в те годы, когда Маркс был студентом Берлинского университета, также и Макс Штирнер, преподававший в женской школе. Прямых доказательств личного знакомства Маркса с Штирнером не имеется. Вопрос этот и не представляет большого интереса: какой-либо духовной общности между ними никогда не было. Действительно же большое влияние оказали на Маркса наиболее выдающиеся члены «Докторского клуба»: Бруно Бауэр, приват-доцент Берлинского университета, и Карл Фридрих Кёппен, преподаватель реального училища в Доротеенштадте.

Карлу Марксу едва исполнилось двадцать лет, когда он примкнул к «Докторскому клубу». Но, как это часто бывало и в позднейшие годы его жизни, вступив в новый круг людей, он сразу сделался его духовным центром. Бауэр и Кёппен были старше его лет на десять, но они скоро признали умственное превосходство Маркса и не желали себе лучшего боевого товарища, чем этот юноша, который еще многому мог научиться и действительно научился у них. «Своему другу, Карлу Генриху Марксу из Трира» посвятил Кёппен неистовый памфлет, выпущенный им в 1840 г. по поводу столетней годовщины со дня рождения короля Фридриха Прусского[2].

Кёппен был на редкость талантливый историк, о чем и ныне свидетельствуют его статьи в «Hallische Jahrbucher»; ему мы обязаны первой подлинно исторической оценкой эпохи красного террора в великой французской революции. Он очень верно и удачно критиковал современных ему историков: Лео, Ранке, Раумера, Шлоссера. Он и сам пробовал силы в различных отраслях исторического исследования — от литературного введения в нордическую мифологию, достойного занять место рядом с исследова-

[1] Имеются в виду «Неистовые песни» К. Маркса, напечатанные в берлинском журнале «Athenaum» («Атенеум») в 1841 г. — *Ред*.

[2] Имеется в виду книга Кёппена «Friedrich der Grosse und seine Widersacher» («Фридрих Великий и его противники»). — *Ред.*

ниями Якоба Гримма и Людвига Уланда, до большой книги о Будде, которую хвалил и Шопенгауэр, вообще не жаловавший старого гегельянца. Если такой умный человек, как Кёппен, жаждал, чтобы «возродился дух» злейшего деспота прусской истории и «огненным мечом истребил всех противников, препятствующих нам войти в страну обетованную», то это показывает, в каком странном мире перевернутых понятий жили берлинские младогегельянцы.

При этом, однако, не следует забывать о двух обстоятельствах. Романтическая реакция и все, что примыкало к ней, всячески старались очернить память «старого Фрица». Это был, как выражался Кёппен, «ужасающий кошачий концерт: старо- и новозаветные трубы, назидательные варганы и нравоучительные волынки, исторические фаготы и прочая дрянь, в том числе гимны свободе, распеваемые древнетевтонским пивным басом». А кроме того, тогда еще не существовало ни одного критического научного исследования, которое хотя бы попыталось дать справедливую оценку жизни и деятельности этого прусского короля. Впрочем, такого исследования и не могло быть, так как главнейшие источники, по которым можно было бы воссоздать его историю, еще не были открыты для пользования. Фридриха считали «просвещенным» государем, и поэтому одни ненавидели его, а другие восхищались им.

Действительной целью, которую преследовал Кёппен в своем памфлете, был возврат к Просвещению XVIII века. Руге говорил о Бауэре, Кёппене и Марксе, что их отличительным признаком является связь с буржуазным Просвещением. Они представляли собой философскую партию Горы[1] и чертили грозное «Мене, текел, фарес» на немецком грозовом небе. Кёппен опровергал «пошлые тирады» против философии XVIII века, доказывал, что хотя немецкие деятели просвещения и скучны, но мы все же многим обязаны им; беда лишь в том, что они были недостаточно просвещенными. Кёппен старался втолковать это главным образом тупым почитателям Гегеля, «кающимся идеологам», «старым браминам логики», которые, поджав под себя ноги, восседали в вечной неподвижности, однообразно бормотали себе под нос, перечитывая снова и снова три священные книги Вед, и лишь бросали время от времени похотливые взгляды в сторону пляшущих баядерок. Неудивительно, что в органе правых гегельянцев Варнхаген назвал памфлет Кёппена «омерзительным». Его особенно задел грубый отзыв Кёппена о «болотных кротах», этих червях без религии, без отечества, без убеждений, без совести, без сердца, ни теплых, ни холодных, не умеющих ни скорбеть,

[1] Гора (монтаньяры) — революционно-демократическая группировка в Конвенте во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — *Ред.*

ни радоваться, ни любить, ни ненавидеть, не верующих ни в бога, ни в черта, о жалких людишках, которые бродят перед вратами ада, ибо их не хотят впустить даже в ад — до такой степени они ничтожны.

Кёппен прославлял «великого монарха» только как «великого философа», но при этом попал впросак в большей степени, чем было допустимо даже при тогдашней малой осведомленности. Он писал: «Фридрих не обладал, подобно Канту, двойным разумом: теоретическим, — выступавшим довольно искренно и смело со всеми своими сомнениями, вопросами и отрицаниями, и практическим, — играющим роль как бы официально поставленного над первым опекуна, который заглаживает его грехи и утаивает его студенческие проказы. Только самый незрелый ученик способен утверждать, что теоретически-философский разум Фридриха крайне трансцендентен по сравнению с королевски-практическим и что старый Фриц нередко забывал об отшельнике из Сан-Суси[1]. В нем, напротив, король никогда не отставал от философа»[2]. В настоящее время всякий, кто рискнул бы повторить это утверждение Кёппена, уличил бы себя тем самым в ученической незрелости даже с точки зрения прусской исторической науки. Но и для 1840 г. было большим промахом поставить просветительную работу целой жизни такого человека, как Кант, ниже просветительских забав деспота Боруссии[3], которым он предавался при участии французских эстетов, унижавшихся до роли его придворных шутов.

В этом промахе Кёппена сказались разобщенность, скудость и пустота берлинской жизни, вообще пагубно отражавшейся на тамошних младогегельянцах. Это особенно сильно и сказалось у Кёппена на его написанном с глубокою искренностью боевом памфлете, хотя он, казалось бы, должен был проявить большую устойчивость, чем остальные. В Берлине буржуазное самосознание не имело еще той могучей опоры, какую в Рейнской провинции ему создавала уже сильно развитая промышленность. И когда борьба перешла на практическую почву, прусская столица оказалась на заднем плане по сравнению не только с Кёльном, но и с Лейпцигом и даже Кёнигсбергом. «Они воображают, будто пользуются невесть какой свободой, — писал о тогдашних берлинцах житель Восточной Пруссии Валесроде, — позволяя себе, на манер ротозеев, вышучивать в кафе видных сановников, короля, текущие события и т. п.». Берлин был прежде всего городом военных и резиденцией монарха, и его мелкобуржуазное население

[1] Загородный дворец Фридриха II.— *Ред.*

[2] См. *C. F. Koppen,* Friedrich der Grosse und seine Widersacher, Leipzig, 1840, S. 13—14 (К. Ф. Кёппен, Фридрих Великий и его противники. Лейпциг 1840, стр. 13—14). — *Ред.*

[3] Латинское название Пруссии. — *Ред.*

мстило злобными мелочными сплетнями за свое трусливое раболепство при виде придворной кареты. Очагом такого рода оппозиции был сплетнический салон того самого Варнхагена, который открещивался даже от такого просвещения, каким являлось просветительство Фридриха, как его понимал Кёппен.

Нет никаких сомнений, что юный Маркс разделял взгляды, высказанные в памфлете, в котором впервые с почетом было названо публике его имя. С Кёппеном он был очень близок и позаимствовал многие писательские приемы у старшего товарища. Они и впоследствии остались добрыми друзьями, хотя пути их скоро разошлись. Когда Маркс двадцать лет спустя посетил Берлин, он нашел Кёппена «все тем же старым Кёппеном», и они весело отпраздновали встречу. Некоторое время спустя, в 1863 г., Кёппен умер.

3
ФИЛОСОФИЯ САМОСОЗНАНИЯ

Подлинным главой берлинских младогегельянцев был, однако, не Кёппен, а Бруно Бауэр. Как самый выдающийся ученик Гегеля он и пользовался соответственным почетом, особенно когда с высокомерием умозрительного философа ополчился на швабскую манеру Штрауса в «Жизни Иисуса» и получил от Штрауса резкий отпор. Министр по делам просвещения Альтенштейн взял под свою защиту его многообещавший талант.

При всем том Бруно Бауэр не был честолюбцем, и Штраус ошибался, пророча ему, что он кончит «окостенелой схоластикой» ортодоксального вождя Генгстенберга. Напротив, летом 1839 г. у Бруно Бауэра завязалась литературная полемика с Генгстенбергом, который хотел возвести ветхозаветного бога мести и гнева в сан бога христиан. Спор их, правда, не выходил за пределы академической полемики; все же ослабевший под старость и запуганный Альтенштейн предпочел убрать своего любимца подальше от подозрительных — столь же мстительных, сколь и правоверных — ортодоксов. Осенью 1839 г. он послал Бруно Бауэра в Боннский университет приват-доцентом с намерением не далее чем через год произвести его в профессора.

Но Бруно Бауэр, как это особенно видно из его писем к Марксу, переживал в то время идейную эволюцию, которая завела его гораздо дальше, чем Штрауса. Он приступил к критике евангелия и смел с лица земли последние развалины здания, еще сохраненные Штраусом. Бруно Бауэр утверждал, что во всех четырех евангелиях нет ни единого атома исторической правды и что все описанное в них — вольное литературное творчество евангелистов. Далее он доказывал, что христианство, ставшее мировой религией, не было навязано древнему греко-римскому миру, а было его собственным созданием. Этим Бауэр проложил

единственно возможный путь для научного исследования возникновения христианства. Недаром модный и салонный придворный богослов Гарнак, причесывая в настоящее время евангелие в интересах господствующих классов, не постеснялся обозвать «жалким» прогресс, достигнутый на указанном Бруно Бауэром пути.

В то время, когда эти мысли созревали в голове Бруно Бауэра, Карл Маркс был его неразлучным спутником. Сам Бауэр видел в друге, который был моложе его на девять лет, наиболее способного боевого товарища. Не успел он обжиться в Бонне, как начал настойчиво звать туда и Маркса. Профессорский клуб в Бонне, — писал Бауэр, — «чистейшей воды филистерия» в сравнении с берлинским «Докторским клубом», в котором все же больше духовных интересов. И в Бонне он много смеется, но еще ни разу не смеялся так, как в Берлине, когда просто ходил с Марксом по улицам, Бауэр торопил Маркса сдать скорее свой «пустячный экзамен», для которого нужно только прочесть Аристотеля, Спинозу, Лейбница и больше ничего. Не стоит долго возиться с таким вздором и относиться серьезно к сущему фарсу. С боннскими философами, писал он, Маркс справится шутя, а главное — необходимо теперь же, не откладывая, начать издавать вдвоем радикальный журнал. Берлинское пустословие и пресность «Hallische Jahrbucher» становятся невыносимыми; жаль Руге, но почему он не вышвырнет из своего журнала всю эту мелюзгу?

Тон этих писем иногда был довольно революционным, но Бауэр всегда имел в виду только философскую революцию и *рассчитывал* скорее на содействие, нежели на противодействие государственной власти. Еще в декабре 1839 г. он писал Марксу, что Пруссии, по-видимому, суждено идти вперед лишь при помощи иенских битв[1], причем таковые не должны непременно происходить на полях, усеянных трупами. Несколько месяцев спустя, когда умер его покровитель Альтенштейн и почти одновременно с ним старый король[2], Бауэр стал взывать к высшей идее германской государственности, к семейным традициям правящей династии Гогенцоллернов, которые уже в течение четырех столетий не щадя сил стараются установить надлежащие отношения между церковью и государством. Бауэр заявил, что наука будет неустанно отстаивать идею государства от посягательств церкви: государство может иногда заблуждаться и относиться к науке подозрительно, даже прибегать к насильственным мерам, но ему присуще быть разумным, и заблуждения его длятся недолго. На это изъявление преданности новый король ответил тем, что назначил преемником Альтенштейна правоверного реакционера Эйх-

[1] В битве при Иене (1806 г.) прусская армия была разгромлена войсками Наполеона. Это поражение ускорило проведение в Пруссии некоторых буржуазных реформ (1807—1812 гг.). — *Ред.*

[2] Фридрих Вильгельм III. — *Ред.*

хорна; последний же поспешил пожертвовать свободой науки, поскольку она зависит от государства, т. е. академической свободой, чтобы удовлетворить домогательства церкви.

Политическая беспочвенность была присуща Бауэру гораздо более, чем Кёппену, который мог ошибаться относительно одного Гогенцоллерна, переросшего мерку своей семьи, но никак не относительно «семейных традиций» этой династии. Кёппен не завяз так глубоко в гегелевской идеологии, как Бауэр. Не следует, однако, упускать из виду, что политическая близорукость Бауэра является лишь оборотной стороной его философской прозорливости. Он видел в евангелии духовный осадок той эпохи, в которую оно возникло. С чисто идеологической точки зрения он был лишь последователен, полагая, что если христианство с его мутью греко-римской философии могло преодолеть античную культуру, то легче будет стряхнуть с себя бремя христианско-германской культуры при помощи ясной и свободной критики, представленной новейшей диалектикой.

Эту внушительную убежденность давала ему философия самосознания. Под таким названием сплотились некогда греческие философские школы, возникшие в период национального упадка Греции и наиболее способствовавшие оплодотворению христианской религии: скептики, эпикурейцы и стоики. По умозрительной глубине они не могли состязаться с Платоном, а по универсальности знаний — с Аристотелем, и поэтому Гегель относился к ним довольно презрительно. Их общей целью было освободить единичную личность, оторванную катастрофой от всего, что ее раньше связывало и поддерживало, дать ей независимость от всего внешнего и сосредоточить ее интересы на собственной внутренней жизни, научить ее искать счастья в умственном и душевном спокойствии, незыблемом, даже если целый мир рушится на голову.

Но на развалинах погибшего мира, говорит Бауэр, измученное «я» как единственная сила испугалось самого себя и выделило свое самосознание, противопоставив его себе как чуждое всемогущество. Повелителю мира в Риме, присвоившему себе все права, властелину жизни и смерти, оно дало брата — правда, враждебного, но все-таки брата — в евангельском господе, который одним дуновением своим побеждает законы природы и своих врагов и уже на земле провозглашает себя царем и судией мира. Однако человечество воспиталось под игом христианства лишь затем, чтобы еще основательнее подготовить путь к свободе и глубже объять ее, когда она, наконец, будет завоевана: вернувшееся к самому себе, само себя понявшее и постигшее свою сущность бесконечное самосознание имеет власть над созданиями своего самоотчуждения.

Отбросив иносказательность тогдашней философской речи, можно понятнее и проще объяснить, что именно привлекало

Бауэра, Кёппена и Маркса в греческой философии самосознания. В сущности они и через нее примыкали к буржуазному Просвещению. Старогреческие школы самосознания имели далеко не таких гениальных представителей, как древнейшие натурфилософы в лице Демокрита и Гераклита или позднее представители умозрительной философии в Аристотеле и Платоне, но все же они сыграли крупную историческую роль. Они открыли человеческому духу далекие горизонты, сломали национальные рамки эллинизма, разбили социальные грани рабства, в узах которого еще находились и Аристотель и Платон. Они оплодотворили первобытное христианство, религию страдающих и угнетенных, которая, лишь переродившись в церковь эксплуататоров и угнетателей, признала авторитет Платона и Аристотеля. Как ни отрицательно относился Гегель к философии самосознания, но и он признавал большое значение внутренней свободы личности среди беспросветного гнета римского мирового владычества, когда грубой рукой было сметено все прекрасное и благородное в духовной индивидуальности. Поэтому уже буржуазное Просвещение XVIII века приняло на вооружение греческую философию самосознания, сомнения скептиков, вражду к религии эпикурейцев и республиканские взгляды стоиков.

Кёппен берет ту же ноту, говоря о своем герое эпохи Просвещения, короле Фридрихе: «Эпикурейство, стоицизм и скептицизм — нервы, мускулы и внутренности античного организма; их естественное, непосредственное единство обусловливало красоту и нравственность древности, и они распались, когда распался этот организм. Все эти три учения Фридрих воспринял и претворил в себе с изумительной силой. Они легли в основу его мировоззрения, его характера и жизни». И тому, что Кёппен говорит здесь о связи этих трех философских систем с греческой жизнью, Маркс придавал «более глубокий смысл». Сам он, конечно, иначе подходил к проблеме, занимавшей его не меньше, чем его старших друзей. Он не искал «человеческого самосознания как верховного божества», кроме же него да не будет иного, ни в искажающем вогнутом зеркале религии, ни в досужем философствовании деспота, а предпочел обратиться к историческим источникам этой философии, в которой и он видел ключ к подлинной истории греческого духа.

4
ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Когда осенью 1839 г. Бруно Бауэр убеждал Маркса сдать, наконец, «пустячный экзамен», он имел некоторое основание выражать нетерпение, ибо Маркс пробыл в университете уже восемь семестров. Но вряд ли он предполагал, что Маркс действительно

боится этого экзамена: иначе он не был бы уверен, что его юный друг с налета разобьет в пух и прах боннских профессоров философии.

Характерной чертой Маркса и в то время и до конца его жизни было то, что неутолимая жажда знания заставляла его быстро набрасываться на самые трудные проблемы, а неумолимая самокритика мешала ему столь же быстро преодолевать их. Работая таким образом, он, по-видимому, окунулся в самую глубь греческой философии. Уяснить же себе вполне хотя бы только три системы самосознания было не так легко, чтобы справиться с этим в несколько семестров. Бауэр, сам работавший необычайно быстро — слишком быстро для долговечности его произведений, — недостаточно оценил это. Но даже Энгельс, более чуткий в этом отношении, все же впоследствии выражал подчас нетерпение, когда Маркс погружался в беспредельную самокритику.

И помимо того в «пустячном экзамене» оказалась другого рода сложность — если не для Бауэра, то для Маркса. Еще при жизни отца Маркс решил посвятить себя науке, что не устраняло полностью необходимость приобрести практическую профессию. Однако со смертью Альтенштейна исчезла самая заманчивая сторона «профессорства», более всего искупавшая многочисленные теневые стороны его, т. е. сравнительная свобода философствования с университетской кафедры. А как мало других преимуществ давал академический парик, об этом весьма красноречиво писал и Бауэр из Бонна.

Вскоре Бауэру пришлось самому впервые изведать «независимость» прусского профессора в области научных исследований. После смерти Альтенштейна в мае 1840 г. министерством по делам просвещения управлял в течение нескольких месяцев заведующий делами министерства Ладенберг. Он настолько уважал память своего старого начальника, что хотел исполнить данное им обещание и пытался провести Бауэра в профессора Боннского университета. Но затем министром по делам просвещения был назначен Эйххорн, и богословский факультет в Бонне отказался принять в свою среду Бауэра, ссылаясь на то, что это нарушило бы его единство. Отказ был предъявлен с той «геройской» отвагой, которую немецкие профессора всегда готовы проявить, когда они могут быть уверены в том, что высшее начальство втайне одобряет их.

Бауэру сообщили об этом решении факультета как раз перед его возвращением в Бонн из Берлина, где он проводил осенние каникулы. Тогда в кругу его друзей стали обсуждать вопрос, не знаменует ли это непоправимый разрыв между религией и наукой и совместима ли с совестью служителя науки принадлежность к богословскому факультету. Но сам Бауэр упорствовал в своем оптимизме по отношению к прусскому государственному строю и

отклонил официозное предложение заняться литературным трудом и принимать поддержку из государственных средств. Он вернулся в Бонн полный боевого задора и надеялся, что совместно с Марксом, который вскоре должен был последовать за ним, ему удастся вызвать кризис.

Своего намерения издавать радикальную газету оба они не оставили, но виды Маркса на академическую карьеру в рейнском университете были весьма плохи. Ему заранее приходилось считаться с тем, что боннские профессора встретят его враждебно, видя в нем друга и единомышленника Бауэра, а заискивание перед Ладенбергом или Эйххорном, рекомендуемое ему Бауэром, было совершенно не по нем: в таких вопросах Маркс всегда проявлял особую строгость. Но если бы даже он и склонен был вступить на этот скользкий путь, то можно было заранее предвидеть, что он поскользнется на нем. Эйххорн скоро обнаружил себя во всей своей красе: чтобы окончательно добить одряхлевших и окостенелых гегельянцев, он призвал в Берлинский университет старика Шеллинга, к тому времени уже уверовавшего в откровение, и приказал проучить галлеских студентов, которые подали всеподданнейшую петицию на имя короля как своего ректора с ходатайством о назначении Штрауса профессором в Галле.

При таких перспективах Маркс со своими младогегельянскими воззрениями вообще отказался от мысли сдавать экзамен при прусском университете. Но если он не желал, чтобы над ним измывались послушные соратники какого-нибудь Эйххорна, то это не значило, что он складывал оружие и отказывался от борьбы. Напротив! Он решил получить докторский диплом в одном из маленьких университетов, одновременно с тем напечатать диссертацию в доказательство своих способностей и прилежания, снабдить ее вызывающе смелым предисловием, а затем поселиться в Бонне и вместе с Бауэром издавать задуманную ими газету. При этом и университет не был бы совершенно закрыт для него; по. университетскому уставу ему достаточно было в качестве Doctor promotus[1] «иностранного» университета выполнить лишь еще некоторые формальности, чтобы получить право читать лекции в университете в качестве приват-доцента.

Этот план Маркс и привел в исполнение. 15 апреля 1841 г. ему заочно была присуждена в Иене докторская степень на основании диссертации о различии между натурфилософией Демокрита и Эпикура. То была лишь первая часть более крупного труда, в котором Маркс хотел представить весь цикл эпикурейской, стоической и скептической философии в связи со всем греческим спекулятивным мышлением. Пока же он показал эту связь

[1] — произведенного в звание доктора. — *Ред.*

лишь на одном примере и притом лишь в отношении более древней системы мышления.

Из древнейших натурфилософов Греции наиболее последовательно проводил материализм Демокрит. Из ничего ничего не будет; ничто из того, что существует, не может быть уничтожено. Всякое изменение есть лишь соединение или же разделение частей. Ничто не происходит случайно; все имеет причину и вытекает из нее по необходимости. Ничто не существует, кроме атомов и пустого пространства, все прочее есть мнение. Атомы неисчислимы и бесконечно разнообразны по форме. В вечном падении в бесконечном пространстве более крупные атомы, падающие быстрее, сталкиваются с меньшими; возникающие отсюда движения в стороны, а также вихри полагают начало образованию миров. Несчетные миры образуются и распадаются то рядом один с другим, то сменяя один другой.

Эпикур перенял у Демокрита его взгляд на природу, но с некоторыми изменениями. Наиболее известное из этих изменений заключалось в теории так называемого «отклонения атомов». Эпикур утверждал, что атомы падают не вертикально, а несколько отклоняясь от прямой линии. За такое утверждение физически невозможного Эпикура жестоко вышучивали все критики от Цицерона и Плутарха до Лейбница и Канта; они видели в нем подголоска Демокрита, только исказившего облик своего учителя.

Но наряду с этим было и другое течение. Око усматривало в философии Эпикура законченнейшую материалистическую систему древности благодаря тому обстоятельству, что она сохранилась в дидактической поэме Лукреция, от философии же Демокрита бури веков донесли до нас лишь немногие обломки. Тот же Кант, обозвав отклонение атомов «бесстыдной» выдумкой, видел в Эпикуре выдающегося представителя сенсуализма в противоположность Платону — выдающемуся философу интеллектуального начала.

Маркс совсем не оспаривал неразумия физической системы Эпикура. Он признавал допущенную им «безграничную беспечность при объяснении отдельных физических явлений», но разъяснял, что для Эпикура одно только чувственное восприятие является пробным камнем истины. Эпикур, например, считал, что солнце — величиной в два фута, потому что такой его величина представляется взору. Но Маркс не отделывался от таких очевидных нелепостей каким-нибудь непочтительным отзывом, а старался нащупать философский разум в неразумии его физической системы. Он поступал по своему собственному прекрасному совету, содержащемуся в примечании к его диссертации, в котором он выступил в защиту своего учителя Гегеля. В этом примечании он говорит, что последователи философа, допускавшего

компромиссы, должны не обвинять учителя, а объяснять его приспособление несовершенством принципа, в котором оно коренится, и таким образом превратить в завоевание науки то, что кажется компромиссом совести.

То, что для Демокрита было целью, для Эпикура было только средством к цели. Для него важно не познание природы, а такой взгляд на природу, который мог служить опорой для его философской системы. Если философия самосознания, какою ее знала древность, распадается на три школы, то, по Гегелю, эпикурейцы являются представителями отвлеченно-индивидуального, стоики же — отвлеченно-общего самосознания; те и другие — односторонние догматики, против односторонности которых и ополчился скептицизм. Или, как определил эту связь один из новейших историков греческой философии: в эпикурействе и стоицизме непримиримо противостоят друг другу, предъявляя одинаковые притязания, индивидуальная и общая стороны субъективного духа — атомистическая изоляция индивида и его пантеистическое растворение в целом; в скептицизме же эта противоположность нейтрализуется.

Несмотря на общую цель, эпикурейцы и стоики далеко расходились вследствие различия их исходных точек зрения. Растворение в целом превращало стоиков в философских детерминистов, для которых сама собою разумелась необходимость всего существующего; политически же они были решительными республиканцами. В области религиозной стоики, однако, еще не освободились от суеверной мистики. Они примыкали к Гераклиту, у которого растворение в целом вылилось в форму самого резкого самосознания, но в остальном обходились с ним так же бесцеремонно, как эпикурейцы с Демокритом. Напротив, принцип обособленного индивида эпикурейцев превращал их в философских индетерминистов. Они признавали за отдельной личностью свободу воли, а в политическом отношении были весьма терпимы: библейское изречение «всяка душа властям предержащим да повинуется» есть наследие Эпикура; зато в области религии они уже сбросили с себя все путы.

Маркс в ряде своих блестящих исследований изложил «различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Для Демокрита, по толкованию Маркса, важно только материальное существование атомов; Эпикур же выясняет и самое понятие атома — как его материю, так и его форму, наряду с его бытием и его сущность. В атоме он видел не только материальную основу мира явлений, но и символ обособленного индивида, формальный принцип самосознания абстрактной единичности. Если из вертикального падения атома Демокрит выводит необходимость всего сущего, то, по Эпикуру, атомы несколько отклоняются от прямой линии падения, ибо иначе где

же — как говорил в своей дидактической поэме Лукреций, лучший истолкователь эпикурейской философии, — будет свободная воля, вырванная у судьбы воля живых существ? Это противоречие между атомом как явлением и атомом как сущностью проходит через всю философию Эпикура и приводит к тому безгранично произвольному объяснению физических явлений, которое вызывало насмешки уже в древности. Лишь в небесных телах разрешаются все противоречия эпикурейской натурфилософии, но об их всеобщее и вечное существование разбивается и принцип самосознания абстрактной единичности. А потому Эпикур сбрасывает с себя всякую материальную личину и в качестве «величайшего греческого просветителя», как называет его Маркс, борется против религии, которая пугает смертных грозными взглядами с небесных высот.

Уже в этом первом труде сказался творческий ум Маркса даже и там, и в особенности там, где в частностях можно оспаривать его толкование Эпикура. Ибо возражать можно, собственно, только против того, что Маркс глубже продумал основной принцип Эпикура и сделал из него более ясные выводы, чем сам Эпикур. Гегель называл эпикурейскую философию принципиальным недомыслием. Родоначальник этой философии, как всякий самоучка, придавал большое значение обычной житейской речи и не прибегал, конечно, к спекулятивным ухищрениям гегелевской философии, при помощи которых разъяснял эпикуреизм Маркс. Диссертация Маркса — аттестат зрелости, выданный учеником Гегеля самому себе; он уверенно пользовался диалектическим методом, и его язык обнаруживает ту проникновенную силу, которая все же была присуща Гегелю, но которую давно утратили его ученики.

Однако в этом своем труде Маркс стоит еще целиком на идеалистической почве гегелевской философии. Современного читателя с первого взгляда поражает неодобрительное суждение Маркса о Демокрите. Маркс говорит о нем, что он лишь выдвинул гипотезу, которая является результатом опыта, а не его энергическим принципом, и потому остается без осуществления и в дальнейшем не определяет собою реального исследования природы. В противоположность своему отношению к Демокриту Маркс восхваляет Эпикура, говоря, что он создал науку об атомах, несмотря на его произвольное толкование физических явлений и несмотря на его самосознание абстрактной единичности, которое, как признает и сам Маркс, уничтожает подлинную науку, поскольку единичность не является господствующим началом в природе вещей.

В наши дни уже нет надобности доказывать, что, поскольку атомистика как учение о неделимых элементах и о возникновении всех явлений путем движения их легла в основу современного

научного исследования, поскольку ею объясняются законы распространения звука, света, тепла, химические и физические изменения в вещах, постольку основоположником этой науки был Демокрит, а не Эпикур. Но для тогдашнего Маркса философия, или, вернее, умозрительная философия, была в такой мере наукой, что привела его к взгляду, который мы теперь вряд ли бы поняли, если бы в нем не сказалась также важнейшая черта характера Маркса.

Жить всегда значило для Маркса работать, а работать всегда значило бороться. От Демокрита его отталкивало отсутствие «энергического принципа»; в этом, как он говорил впоследствии, «главный недостаток всего предшествующего материализма»[1]. Последний рассматривал предмет, действительность, чувственность лишь в форме объекта, созерцания, а не субъективно, не как практику, не как чувственную деятельность человека. В Эпикуре же Маркса притягивал именно «энергический принцип», побуждавший этого философа восставать против гнетущей силы религии и дерзостно противиться ей:

«И ни молва о богах, ни молньи, ни рокотом грозным
Небо — его запугать не могли...»[2]

Огневым и необузданным боевым задором дышит предисловие, которым Маркс намеревался снабдить свою диссертацию, посвятив ее тестю: «Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах»». Философия открыто разделяет признание Прометея:

«По правде, всех богов я ненавижу».

Тем же, которые жалуются на изменившееся, по-видимому, к худшему положение философии в обществе, она отвечает, как Прометей слуге богов, Гермесу:

«Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье».

«Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре»[3], — так заключает Маркс свое задорное предисловие, испугавшее даже его друга, Бруно Бауэра. Но то, что казалось Бауэру «излишним задором», было на самом деле исповедью человека, которому суждено было стать вторым Прометеем по своей борьбе и страданиям.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 1. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 64. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 24, 25. — *Ред.*

5
«ANEKDOTA» и «RHEINISCHE ZEITUNG»

Не успел Маркс положить в карман свой новый диплом, как его жизненные планы, связанные с получением этого диплома, были разрушены вследствие новых насилий, учиненных романтической реакцией.

Летом 1841 г. под давлением Эйххорна богословские факультеты принялись постыдно травить Бруно Бауэра за его критику евангелия. За исключением университетов в Галле и Кенигсберге, все другие изменили принципу протестантской свободы преподавания, и Бауэру пришлось сдаться. Но этим и для Маркса закрывалась всякая возможность обосноваться в Боннском университете.

Одновременно провалился и план издания радикальной газеты. Новый король[1] слыл «сторонником» свободы печати, по его указанию был выработан смягченный цензурный устав, опубликованный в конце 1841 г. Но при этом король ставил условием, чтобы свобода печати не выходила за рамки романтического настроения. Тем же летом 1841 г. он показал, как он понимает свободу печати. По его распоряжению Руге предписывалось издавать свой «Jahrbucher», печатавшийся в Лейпциге у Виганда, под прусской цензурой; в противном случае ему грозило запрещение журнала в прусских владениях. Это настолько просветило Руге насчет «свободной и справедливой Пруссии», что он переселился в Дрезден и там с июля 1841 г. стал издавать свой журнал под названием «Deutsche Jahrbucher» («Немецкий ежегодник»). С этого времени тон его издания сделался более резким, чем прежде, и потому Бауэр и Маркс, которым раньше именно этой резкости в журнале недоставало, решили сотрудничать в нем, вместо того чтобы основывать свой собственный.

Свою докторскую диссертацию Маркс не напечатал. Непосредственная цель ее отпала, и, по позднейшему заявлению автора, печатание было отложено до того времени, когда эта работа займет надлежащее место в общем изложении эпикурейской, стоической и скептической философии. Но выполнению замысла Маркса помешали «политические и философские занятия совсем иного рода».

К этим занятиям относилась прежде всего попытка доказать, что не только старик Эпикур, но и старик Гегель был завзятым атеистом. В ноябре 1841 г. у Виганда был издан «Ультиматум», озаглавленный «Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом». Под маской оскорбленного в своих правоверных чувствах автора этот анонимный памфлет оплакивал

[1] Фридрих Вильгельм IV. — *Ред.*

в тоне библейских пророков атеизм Гегеля, доказывая весьма убедительно выдержками из его сочинений, что он действительно был атеистом. Памфлет произвел сенсацию, тем более что вначале никто, даже Руге, не догадывался, кто скрывается под маской. В действительности «Трубный глас» был написан Бруно Бауэром, который вместе с Марксом намеревался продолжить свой критический разбор Гегеля и доказать наглядно на его «Эстетике», «Философии права» и других произведениях, что не правые, а левые гегельянцы унаследовали истинный дух учителя.

Тем временем памфлет был запрещен к продаже, и Виганд создавал затруднения для выпуска продолжения. Вдобавок Маркс заболел, а тесть его уже три месяца не вставал с постели и 3 марта 1842 г. скончался. Вследствие всех этих обстоятельств Марксу не удавалось «сделать что-нибудь путное». Однако 10 февраля 1842 г. он все же послал Руге «маленькую статейку» и предоставил себя по мере сил в распоряжение «Deutsche Jahrbucher». Темой статьи была обновленная и смягченная по королевскому приказу цензурная инструкция. Этой статьей Маркс начал свою политическую деятельность. Он подверг новую инструкцию уничтожающей критике, шаг за шагом доказывая ее логическую бессмысленность, прятавшуюся под оболочкой романтической напыщенности. Это резко противоречило ликованию «мнимолиберальных» филистеров и даже многих младогегельянцев, уже «вообразивших, будто солнце стоит высоко на небе», — так они обрадовались «королевскому умонастроению», выраженному в инструкции.

В приложенном к рукописи письме Маркс просил поспешить печатанием, «если цензура не наложит цензурного запрета на мою цензуру». Предчувствие не обмануло его. 25 февраля Руге ответил ему, что «Deutsche Jahrbucher» отдан под строжайшую цензуру: «Ваша статья стала невозможностью». Руге писал далее, что у него много таких поневоле непринятых статей и он даже намерен эту коллекцию «отборно красивых и пикантных вещей» выпустить в свет в Швейцарии под названием «Anekdota philosophica». Маркс в письме от 5 марта чрезвычайно одобрил этот план: «При внезапном возрождении саксонской цензуры, — писал он, — очевидно, совершенно невозможно печатание моего «Трактата о *христианском искусстве»,* который должен был появиться в качестве второй части «Трубного гласа»»[1]. Он предложил поместить статью в измененной редакции в «Anekdota» и обещал для того же сборника критику гегелевского естественного права, поскольку оно касается внутреннего государственного строя, направленную против конституционной монархии, этого ублюдка, который от начала до конца сам себе противоречит

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. I, 1938, стр. 498. — *Ред.*

и сам себя уничтожает. Руге охотно принял все его предложения, но, кроме статьи о цензурной инструкции, ничего не получил.

В письме от 20 марта Маркс говорит, что ему бы хотелось освободить статью о христианском искусстве от библейски напыщенного тона и тяжелой скованности гегелевской формой изложения, заменив ее более свободной, а потому и более основательной формой изложения. Он обещал сделать это к половине апреля. 27 апреля он пишет, что статья «почти готова», и просит Руге подождать несколько дней; он прибавляет еще, что пришлет статью в весьма сокращенном виде, так как в работе она разрослась чуть не до размеров книги. Затем 9 июля Маркс пишет, что не пытался бы оправдаться, если бы за него не говорили «неприятные посторонние обстоятельства»; при этом он дает слово не браться ни за какое дело, пока не окончит статьи для «Anekdota». Наконец, в письме от 21 октября Руге пишет, что сборник готов и выйдет в издании «Литературного бюро» в Цюрихе; для статьи Маркса он все же приберег местечко, хотя Маркс до сих пор кормил его больше надеждами, чем их выполнением; но он отлично понимает, что Маркс может сделать очень много, если только возьмется за дело.

Подобно Кёппену и Бруно Бауэру, Руге, который был на шестнадцать лет старше Маркса, питал глубокое уважение к его молодому таланту, хотя Маркс и подвергал жестоким испытаниям его редакторское терпение. Удобным автором Маркс никогда не был ни для своих сотрудников, ни для издателей, но никому из них и в голову не приходило относить задержки за счет его небрежности или лени, так как они объяснялись лишь чрезвычайным обилием мыслей и ненасытной самокритикой Маркса.

В данном случае выступало еще одно обстоятельство, оправдывавшее Маркса и в глазах Руге: Маркс захвачен был интересами, несравненно более волнующими, чем философия. Своей статьей о цензурной инструкции он вступил на путь политической борьбы и продолжал ее теперь в «Rheinische Zeitung» («Рейнской газете»), вместо того чтобы по-прежнему прясть философскую нить в «Anekdota».

«Rheinische Zeitung» стала выходить в Кёльне с 1 января 1842 г. Вначале она была не оппозиционным, а скорее правительственным органом. Со времени епископских волнений[1] в Кёльне

[1] Речь идет о конфликте, возникшем между прусским правительством и католической церковью в связи с вопросом о вероисповедании детей при смешанных браках. Начавшись в 1837 г. арестом архиепископа кёльнского, обвиненного в государственной измене за отказ подчиниться требованиям прусского короля Фридриха Вильгельма III, этот конфликт закончился при Фридрихе Вильгельме IV капитуляцией прусского правительства. — *Ред.*

в 30-х годах «Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета»), имевшая восемь тысяч подписчиков, защищала притязания ультрамонтанской[1] партии, чрезвычайно могущественной на Рейне и доставлявшей немало хлопот жандармской политике правительства. Делалось это не из священного воодушевления и преданности католицизму, а из коммерческих соображений, в угоду читателям, которые и знать ничего не хотели о благодати «берлинского провидения». Монополия «Kolnische Zeitung» держалась очень крепко; издатель устранял всех конкурентов, покупая их газеты даже когда они субсидировались из Берлина. Та же участь грозила и «Rheinische Allgemeine Zeitung» («Рейнской всеобщей газете»). Она получила разрешение на издание в декабре 1839 г., причем разрешение было дано именно с целью подорвать единовластие «Kolnische Zeitung». В последнюю минуту, однако, образовалось акционерное общество зажиточных обывателей Кёльна для коренного преобразования газеты. Власти этому покровительствовали и временно сохранили за газетой, переименованной просто в «Rheinische Zeitung», разрешение, выданное ее предшественнице.

Кёльнская буржуазия отнюдь не имела в виду чинить какие-либо неприятности прусской власти, которая для населения Рейнской провинции все еще оставалась чужевластием. Дела шли хорошо, и буржуазия забыла о своих французских симпатиях, а когда основался Таможенный союз[2], она даже стала требовать господства Пруссии над всей Германией. Политические притязания ее были крайне умеренны. На первом плане стояли экономические требования, клонившиеся к облегчению развития капиталистического производства на Рейне, уже тогда высокоразвитого: бережливость в управлении государственными финансами, развитие железнодорожной сети, понижение судебных пошлин и почтового тарифа, общий флаг и общие консулы для государств, входящих в состав Таможенного союза, и прочие обычные пожелания буржуазии.

Оказалось, однако, что двое молодых людей, которым поручено было подобрать состав редакции, референдарий Георг Юнг и асессор Дагоберт Оппенхейм, были ярыми младогегельянцами и находились под влиянием Мозеса Гесса, так же, как они, рейнского купеческого сына. Последний помимо гегелевской философии был знаком и с французским социализмом. Сотрудников они вербовали среди своих единомышленников, в том числе и среди берлинских младогегельянцев. Из них Рутенберг вошел даже в

[1] — католической. — *Ред*.

[2] Союз германских государств, установивших общую таможенную границу. Главенствующую роль в нем играла Пруссия. Союз охватывал почти все германские государства и в дальнейшем способствовал политическому объединению Германии. — *Ред.*

состав редакции, и ему поручено было заведование отделом внутренней политики. Его рекомендовал Маркс, которому эта рекомендация не принесла особой чести.

Маркс, по-видимому, стоял с самого начала очень близко к «Rheinische Zeitung». В конце марта он собирался переселиться из Трира в Кёльн, но тамошняя жизнь казалась ему слишком шумной, и он обосновался в Бонне, откуда Бруно Бауэр тем временем уехал: «... Ведь было бы жаль, если бы здесь никого не оставалось, на кого могли бы злиться святые»[1]. Из Бонна Маркс начал посылать статьи в «Rheinische Zeitung» и вскоре затмил всех прочих сотрудников.

Газета сделалась орудием младогегельянцев, первоначально, по-видимому, благодаря личным связям Юнга и Оппенхейма. Все же трудно допустить, что это произошло помимо согласия, а тем более без ведома владельцев предприятия. Последние, нужно думать, были достаточно хитры для того, чтобы сообразить, что более даровитых сотрудников в тогдашней Германии им не найти. Младогегельянцы увлекались пруссофильством, а то, что в их статьях могло казаться непонятным или же подозрительным кёльнской буржуазии, она, по всей вероятности, считала невинным чудачеством. Как бы то ни было, но пайщики не заявляли никаких протестов, когда в первые же недели существования газеты из Берлина стали сыпаться жалобы на «разрушительное направление» газеты, а в конце первой четверти года ей пригрозили запрещением. Берлинское провидение особенно испугалось, когда в газете появился Рутенберг. Он слыл опасным революционером и состоял под строгим политическим надзором. Еще в мартовские дни 1848 г. Фридрих Вильгельм IV дрожал перед ним, считая его главным зачинщиком революции. И если сокрушительный удар был на время отложен, то этим газета была прежде всего обязана министру по делам просвещения: при всей своей реакционности Эйххорн стоял за необходимость противодействовать ультрамонтанским тенденциям «Kolnische Zeitung», Направление «Rheinische Zeitung» он считал, пожалуй, «еще более ненадежным», но полагал, что она играет идеями, которые не могут соблазнить людей, стоящих на твердой почве в жизни.

В этом, конечно, меньше всего можно было упрекнуть те статьи, которые писал для «Rheinische Zeitung» Маркс. Его практическое отношение к каждому вопросу, по-видимому, более мирило пайщиков газеты с младогегельянством, чем статьи Бруно Бауэра или Макса Штирнера. Иначе непонятно было бы, почему уже через несколько месяцев после появления первой его статьи они предложили ему в октябре 1842 г. стать во главе газеты.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1936, стр. 246. — *Ред.*

Здесь Маркс впервые проявил свое несравненное уменье исходить из реального положения вещей и вносить движение в окаменелую жизнь, заставляя танцевать под свою собственную мелодию.

6
РЕЙНСКИЙ ЛАНДТАГ

В пяти больших статьях Маркс взялся осветить дебаты рейнского провинциального ландтага, ровно за год до того заседавшего девять недель в Дюссельдорфе. Провинциальные ландтаги были бессильные, фиктивные представительные учреждения, которыми прусский король пытался прикрыть тот факт, что он нарушил обещание 1815 г. и не дал стране конституции. Заседали они при закрытых дверях и имели некоторое, весьма скромное, влияние разве только в обсуждении мелких общинных дел. С тех пор как в 1837 г. начались в Кёльне и Познани столкновения с католической церковью, ландтаги вообще больше не созывались; от рейнского и познанского ландтагов можно было еще скорее, чем от других, ждать оппозиции, хотя бы и в ультрамонтанском духе.

От всяких либеральных вожделений эти почтенные учреждения были застрахованы уже тем, что непременным условием избрания в ландтаг было владение землей. При этом половину всего состава ландтага составляли дворяне-землевладельцы, треть — городское население, имевшее земельный ценз, и одну шестую — крестьяне. Впрочем, этот достойный принцип не проводился в полной своей красе во всех провинциях, и как раз во вновь завоеванной Рейнской провинции пришлось сделать некоторые уступки духу времени. Но и там всегда сказывалось то, что дворянство владело больше чем третью всех голосов в ландтаге, а так как решения обязательно принимались лишь большинством двух третей всего состава, то нельзя было ничего сделать против воли дворянства. Городской земельный ценз был еще ограничен условием, чтобы земля находилась не менее десяти лет во владении избираемого; кроме того, правительство имело право не утвердить избрание любого городского служащего.

Эти ландтаги заслужили всеобщее презрение, однако Фридрих Вильгельм IV, вступив на престол, вновь созвал их на 1841 г. Он даже несколько расширил их права — впрочем, лишь с целью надуть кредиторов государства, которым еще в 1820 г. дано было обязательство заключать новые займы лишь с согласия и под гарантией сословных собраний дальнейшего созыва. В своей знаменитой брошюре Иоганн Якоби обратился к провинциальным ландтагам, убеждая их считать своим правом провоз-

глашение обещанной королем конституции. Но ландтаги оставались глухи к его призыву.

Даже рейнский ландтаг бездействовал, и притом как раз по церковно-политическому вопросу, внушавшему правительству наибольшие опасения. Большинством двух третей голосов он отклонил предложение, вполне естественное и разумное как с либеральной, так и с ультрамонтанской точки зрения, — либо предать суду незаконно арестованного кёльнского архиепископа, либо вернуть его в свою епархию. Вопрос о конституции вообще не затрагивался. Из Кёльна поступила в ландтаг петиция, покрытая более чем тысячью подписей и требовавшая свободного доступа публики на заседания ландтага, ежедневных и несокращенных газетных отчетов о заседаниях, свободного обсуждения в публичной печати хода прений и всех вообще внутриполитических вопросов и, наконец, закона о печати вместо цензуры. С этой петицией ландтаг поступил самым жалким образом: он ходатайствовал перед королем лишь о разрешении называть имена ораторов в отчетах о заседаниях ландтага, но не об упразднении цензуры с заменою ее законом о печати, а лишь о цензурном законе, который бы обуздал произвол цензоров. Трусость ландтага получила заслуженную кару — король отказал даже в этом.

Ландтаг оживал лишь тогда, когда дело касалось интересов землевладения. Конечно, о восстановлении феодального величия нечего было и думать. Всякие попытки в этом направлении были ненавистны населению рейнских провинций: оно их не потерпело бы, как доносили о том в Берлин чиновники, присылаемые на Рейн из восточных провинций. Особенно крепко держалось население Рейнской провинции за право свободного дележа земли, не поступаясь им ни в пользу «дворянского сословия», ни в пользу «крестьянского сословия», хотя это дробление до бесконечности и угрожало привести, как не без основания предостерегало правительство, к распылению земельного фонда. Предложение правительства поставить известные пределы дележу земли в «целях сохранения сильного крестьянского сословия» было отклонено большинством 49 голосов против 8. Зато ландтаг вознаградил себя на внесенных правительством законах о краже леса и браконьерстве («нарушения» в лесу, на охоте и в поле). Тут уж законодательная власть без стыда и совести служила частному интересу крупного землевладения.

Маркс начал свою тяжбу с рейнским ландтагом по заранее выработанному обширному плану. Первая серия — из шести больших статей — была посвящена дебатам о свободе печати и об опубликовании прений ландтага. Разрешение публиковать их в печати, не называя имен ораторов, было одной из маленьких реформ, которыми король пробовал подбодрить ландтаги. Но он натолкнулся при этом на сильнейшее сопротивление в самих

ландтагах. Правда, рейнский ландтаг не заходил так далеко, как бранденбургский и померанский, просто отказавшиеся печатать протоколы своих заседаний. Однако он тоже обнаружил нелепое самомнение и усматривал в депутатах существа высшего порядка, не подлежащие прежде всего критике собственных избирателей. «Ландтаг не переносит света. Во мраке частной жизни мы чувствуем себя лучше. Если вся провинция настолько доверчива, что вверяет свои права отдельным лицам, то эти отдельные лица, конечно, настолько снисходительны, что принимают доверие провинции, но было бы настоящим сумасбродством требовать, чтобы они отплатили той же монетой и с полным доверием отдали самих себя, свои труды, свою личность на суд той самой провинции...»[1]. Маркс с великолепным юмором вышучивал этот, как он его называл впоследствии, «парламентский кретинизм», который он не выкосил всю свою жизнь.

Шпага, обнаженная Марксом в защиту свободы печати, была сверкающей и острой, как ни у одного публициста до и после него. Руге без всякой зависти признавал, что «никогда еще не было и даже не может быть сказано ничего более глубокого и ничего более основательного о свободе печати и в ее защиту. Мы должны поздравить себя с появлением в нашей публицистике статьи, свидетельствующей о столь основательном образовании, размахе и умении превосходно разбираться в обычной путанице понятий». В одном месте Маркс, между прочим, говорит о привольном, ласковом климате своей родины, и на этих статьях о ландтаге до сих пор лежит светлый отблеск, точно от игры солнечных лучей на покрытых виноградниками прирейнских холмах. Если Гегель говорил о «жалкой, все разлагающей субъективности дурной прессы», то Маркс возвращался назад к буржуазному Просвещению, доказывая в «Rheinische Zeitung», что философия Канта — это немецкая теория французской революции[2]. Но Маркс возвращался к этому вопросу, обогащенный всеми политическими и социальными перспективами, которые открывала ему историческая диалектика Гегеля. Достаточно сравнить его статьи в «Rheinische Zeitung» с «Четырьмя вопросами» Якоби, чтобы увидеть, как далеко вперед ушел Маркс. О королевском обещании конституции в 1815 г., о котором твердит Якоби, как о краеугольном камне всего вопроса о конституции, Маркс не счел нужным даже упомянуть.

Как бы Маркс ни превозносил свободную печать — эти зоркие глаза народа, в противоположность подцензурной печати с ее основным пороком — лицемерием, из которого вытекают все прочие недостатки, в том числе и отвратительный даже с эстети-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 49. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 88. — *Ред.*

ческой точки зрения порок пассивности, — он, однако, не обманывал себя относительно опасности, грозившей и свободной печати. Один оратор, из представителей городов, требовал свободы печати как составной части свободы промыслов. Маркс писал, возражая ему: *«... Разве свободна та печать,* которая опускается до уровня *промысла?* Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать...

Главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом. Писатель, который низводит печать до простого материального средства, в наказание за эту внутреннюю несвободу заслуживает внешней несвободы — цензуры; впрочем, и самое его существование является уже для него наказанием»[1]. Всею своею жизнью Маркс подтвердил то, чего он требует от писателя: чтобы работа писателя всегда была самоцелью и менее всего средством для него и других — настолько, что когда это нужно, писатель приносит в жертву ее существованию свое личное существование.

Вторая статья о рейнском ландтаге была посвящена «архиепископской истории», по выражению Маркса в письме к Юнгу. Вся серия целиком была зарезана цензурой и не появилась в печати и впоследствии, хотя Руге и предлагал поместить ее в «Anekdota». 9 июля 1842 г. Маркс пишет Руге: «Не думайте, впрочем, что мы здесь на Рейне живем в каком-то политическом Эльдорадо. Нужна непреклоннейшая настойчивость, чтобы вести такую газету, как «Rheinische Zeitung». Моя вторая статья о ландтаге, касающаяся вопроса о церковной смуте, вычеркнута цензурой. Я показал в этой статье, как защитники государства стали на церковную точку зрения, а защитники церкви — на государственную. Эта история тем неприятнее для «Rheinische Zeitung», что глупые кёльнские католики попали в ловушку, и выступление в защиту архиепископа могло бы привлечь подписчиков. Впрочем, Вы не можете себе представить, до чего подлы власть имущие и как глупо в то же время они поступили с правоверным болваном. Но конец венчает дело: Пруссия перед всем светом поцеловала у папы туфлю, а наши правительственные автоматы расхаживают по улицам не краснея»[2]. Эта заключительная фраза относится к тому факту, что Фридрих Вильгельм IV, обладавший романтическими наклонностями, вступил в мирные переговоры с римской курией, а та в благодарность оставила его в дураках по всем правилам ватиканского искусства.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 76, 77. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 248. — *Ред.*

Это письмо Маркса к Руге не следует, однако, толковать в том смысле, что он серьезно защищал архиепископа с целью поймать в ловушку кёльнских католиков. Он только был последователен, объясняя бесспорно незаконный арест архиепископа за действия, относящиеся к делам церкви, а также требование католиков предать суду их незаконно арестованного пастыря тем, что защитники государства стали на церковную точку зрения, а защитники церкви — на государственную. Занять правильную позицию в мире путаницы было вопросом жизни для «Rheinische Zeitung» и потому, как это Маркс объяснял далее в том же письме к Руге, что ультрамонтанская партия, с которой газета яростно боролась, была на Рейне самая опасная: оппозиция... слишком привыкла к тому, чтобы оппонировать в рамках церкви[1].

Третья статья, заключавшая в себе пять больших разделов, освещала дебаты ландтага по поводу закона о краже леса. В этой статье Марксу пришлось «спуститься на землю»; он попал, по его собственному признанию, в затруднительное положение, будучи вынужден говорить о материальных интересах, не предусмотренных в идеологической системе Гегеля. Проблему, выдвинутую этим законом, он тогда еще не поставил так остро, как сделал бы в позднейшие годы. Дело шло о борьбе надвигавшейся эры капитализма с последними остатками общинного землевладения и о жестокой войне, вызванной отчуждением собственности у народных масс. Из 207 478 уголовных дел, прошедших через суд за 1836 г. в прусском государстве, около 150 000, т. е. приблизительно три четверти, составляли дела о краже леса, о захвате выгонов, нарушении законов об охоте и о неприкосновенности лесов.

При обсуждении закона о краже леса частное землевладение самым бесстыдным образом проводило в рейнском ландтаге свои эксплуататорские планы и шло даже дальше правительственного законопроекта. Маркс выступил тогда с резкой критикой в защиту «политически и социально обездоленной массы» бедняков, но не с экономическими, а с правовыми обоснованиями. Он требовал сохранения за бедняками их обычного права и усматривал основу его в неустойчивом характере некоторых видов собственности, не составляющих ни исключительно частного, ни исключительно общего владения, — они представляют собой то соединение частного права с общим, которое мы видим во всех учреждениях средневековья. Разум упразднил эти промежуточные, неустойчивые виды собственности, применив к ним взятые из римского права категории отвлеченного гражданского права.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 248. — *Ред.*

Но в обычном праве, которого держатся беднейшие классы населения, живет инстинктивное правовое чувство. Корни его — положительные и законные.

В смысле исторического понимания эта серия статей Маркса носит еще «несколько неустойчивый характер», однако несмотря на это, или, вернее, именно этим, она показывает, что в конечном счете пробудило в Марксе великого борца за «беднейшие классы». В ею описании подлости лесовладельцев, попиравших логику и разум, закон и право, а также в значительной степени и интересы государства, в его рассказах о том, как они наживались за счет бедняков, чувствуется глубокое возмущение тем, что «для обеспечения своей власти над нарушителями лесных правил ландтаг не только переломал праву руки и ноги, но еще пронзил ему сердце»[1]. На этом примере Маркс хотел показать, чего можно ожидать от сословного представительства частных интересов, если бы его серьезно призвали к делу законодательства.

При этом Маркс все еще крепко держался гегелевской философии права и государства. Но он не уподоблялся правоверным последователям Гегеля, не восхвалял прусское государство, возводя его в идеал. Гегельянство его заключалось в том, что он применял к прусскому государству мерку идеального государства, которое вытекало из философских предпосылок Гегеля. Маркс рассматривал государство как большой организм, в котором осуществляется правовая, политическая и нравственная свобода и в котором отдельный гражданин, повинуясь законам государства, повинуется лишь естественным законам собственного человеческого разума. При помощи этого принципа Маркс оказался еще в состоянии справиться с дебатами ландтага по поводу закона о краже леса; он справился бы в том же духе и с четвертой статьей, обсуждавшей закон против браконьерства. Но в пятой статье, которая должна была венчать все здание и поставить вопрос о дроблении земельной собственности — эту «проблему жизни во всем ее естественном величии», — такая точка зрения сказалась бы уже неприменимой.

Вместе с буржуазией Рейнской провинции Маркс стоял за свободный дележ земли. Ограничить свободу крестьянина в дележе земли значило бы присоединить к его физической нищете еще и правовую. Но правовая точка зрения не решала вопроса. Французский социализм давно указывал на то, что неограниченное дробление земельных участков создает беспомощный пролетариат, и ставил такое дробление на одну доску с атомистическим обособлением ремесел. Поскольку Маркс хотел заниматься этим вопросом, он непременно должен был выяснить свое отношение к социализму.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., 2 изд., т. 1, стр. 158. — *Ред.*

Маркс, конечно, сознавал эту необходимость и, разумеется, не уклонился бы от нее, если бы выполнил полностью весь план своих работ в «Rheinische Zeitung». Но это не осуществилось. Когда печаталась его третья статья в «Rheinische Zeitung», Маркс был уже редактором этой газеты и столкнулся лицом к лицу в самой жизни с загадкой социализма, прежде чем успел разрешить ее теоретически.

7
ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ БОРЬБЫ

В течение лета «Rheinische Zeitung» предприняла несколько небольших экскурсов в область социальных вопросов — по всей вероятности, по инициативе Мозеса Гесса. Один раз она перепечатала из журнала Вейтлинга статью о берлинских жилищах, относя ее «к важному злободневному вопросу». В другой раз, печатая отчет о съезде ученых в Страсбурге, на котором также обсуждались социалистические вопросы, газета прибавила ничего не значащее примечание, что если неимущие домогаются богатств, которыми владеет среднее сословие, то это можно сравнить с борьбой средних классов против дворянства в 1789 г.; но на этот раз вопрос будет разрешен мирным путем.

Но и этих невинных поводов достаточно было для аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газеты»), чтобы обвинить «Rheinische Zeitung» в заигрывании с коммунизмом. У нее самой совесть была нечиста по этой части: она опубликовала гораздо более сомнительные вещи, принадлежащие перу Гейне, о французском социализме и коммунизме. «Allgemeine Zeitung» была единственным немецким органом, имевшим национальное и даже международное значение, а «Rheinische Zeitung» являлась угрозой ее господствующему положению. И хотя мотивы ее резких нападок были далеко не возвышенные, все же нападение сделано было зло и довольно искусно. Наряду с разными намеками насчет богатых купеческих сынков, которые в простоте души играют в социалистические идеи, отнюдь однако не собираясь разделить свое имущество с кёльнскими ремесленниками и грузчиками, было выдвинуто и более серьезное обвинение: «Allgemeine Zeitung» доказывала, что надо иметь ребяческое представление о вещах, чтобы в экономически столь отсталой стране, как Германия, грозить среднему классу, едва начинающему свободно дышать, судьбой французского дворянства 1789 г.

Дать отпор этим злостным нападкам было первой задачей Маркса, когда он сделался редактором, и задачей довольно затруднительной. У него не было никакого желания прикрывать писания, которые ему самому казались «благоглупостями», и в

то же время ему еще нечего было сказать о коммунизме по существу. Поэтому он старался по мере возможности перенести войну в лагерь противника, указывая на коммунистические поползновения самой «Allgemeine Zeitung». Но он при этом честно сознавался, что «Rheinische Zeitung» не дано *одной* фразой одолеть задачи, над разрешением которых трудятся *два* народа. За коммунистическими идеями в их теперешней форме, писал он, газета не признает даже теоретической реальности, а следовательно, еще менее может желать их практического осуществления или же хотя бы считать его возможным. Но тем не менее она намерена подвергнуть их основательной критике «после упорного и углубленного изучения», ибо такие произведения, как труды Леру, Консидерана и, в особенности, остроумную книгу Прудона нельзя критиковать на основании поверхностной минутной фантазии.

Правда, впоследствии Маркс говорил, что эта полемика отбила у него охоту к работе в «Rheinische Zeitung» и он «с жадностью» ухватился за возможность вновь вернуться к своей кабинетной деятельности. Но при этом он, как это часто бывает с воспоминаниями, слишком приблизил причину к следствию. В то время Маркс был еще всей душой предан своей редакторской работе, и она казалась ему настолько важной, что ради нее он даже порвал со всеми старыми берлинскими товарищами. С ними не стоило уже много возиться, с тех пор как благодаря смягчению цензурной инструкции «Докторский клуб», где все же «процветали умственные интересы», превратился в общество так называемых «Свободных». Там собирались чуть не все до-мартовские литераторы, проживавшие в прусской столице. Эти взбесившиеся филистеры разыгрывали там роль политических и социальных революционеров. То, что происходило в «Докторском клубе», тревожило Маркса еще летом; он говорил, что провозгласить себя свободным — это одно: это есть требование совести; но трубить о своей свободе на весь мир — значит искать дешевой славы, а это уже иное дело. К счастью, думал он, в Берлине Бруно Бауэр, он позаботится о том, чтобы по крайней мере не делали «глупостей».

Маркс, к сожалению, ошибся. Кёппен, по-видимому, держался в стороне от бесчинств «Свободных». Но Бруно Бауэр был заодно с ними и даже не стеснялся играть роль знаменосца в их скоморошествах. Уличные процессии нищих, которые они устраивали, скандальные выходки в кабаках и притонах, непристойное издевательство над беззащитным священником, которому Бруно Бауэр во время венчания Штирнера подал медные кольца от своего вязаного кошелька и сказал, что они отлично могут заменить обручальные кольца, — все это делало «Свободных» предметом отчасти удивления, отчасти ужаса для пугливых

филистеров. Но вместе с тем это непоправимо вредило делу, которому они якобы служили.

Такого рода проказы, достойные уличных мальчишек, отражались, конечно, самым губительным образом на духовной деятельности «Свободных», и Марксу приходилось много возиться с их статьями, предназначенными для «Rheinische Zeitung». Многие из этих статей черкал красный карандаш цензора, но, как писал Маркс Руге, «я сам позволил себе забраковать не меньше статей, чем цензор, ибо Мейен с компанией посылали нам кучи вздора, лишенного всякого смысла и претендующего перевернуть мир; все это написано весьма неряшливо и приправлено крупицами атеизма и коммунизма (которого эти господа никогда не изучали). При Рутенберге, с его полнейшей некритичностью, отсутствием самостоятельности и способностей, «Свободные» привыкли рассматривать «Rheinische Zeitung» как *свой,* послушный им орган, я же решил не допускать больше подобных словоизвержений на старый манер»[1]. Такова была первая причина «омрачения берлинского неба», как выразился Маркс.

Окончательный разрыв произошел в ноябре 1842 г., когда Гервег и Руге приехали в Берлин. Гервег совершал в то время свою знаменитую триумфальную поездку по Германии. В Кёльне он познакомился и быстро подружился с Марксом, в Дрездене встретился с Руге и с ним вместе поехал в Берлин. Там им, вполне естественно, пришлись не по душе бесчинства «Свободных». Руге рассорился со своим сотрудником Бруно Бауэром, который хотел «убедить его в величайших нелепостях», вроде того, что государство, собственность и семью следует считать упраздненными как понятия, причем совершенно неважно, что с ними будет в действительности. Не понравились «Свободные» и Гервегу, и за его неуважительное к ним отношение они отомстили поэту тем, что всячески вышучивали его известную аудиенцию у короля и помолвку с богатой наследницей.

Обе стороны пытались перенести свой спор в «Rheinische Zeitung». Гервег, с ведома и согласия Руге, просил поместить заметку, в которой признавал, что «Свободные», каждый в отдельности, — большей частью отличные люди, но прибавлял, что они, как он сам и Руге откровенно сказали им, своей политической романтикой, притязаниями на гениальность и бесцеремонным рекламированием себя вредят делу и партии свободы. Маркс поместил эту заметку в своей газете, после чего Мейен от лица «Свободных» стал засыпать его грубыми письмами.

Маркс отвечал вначале по существу, стараясь направить сотрудничество «Свободных» в газете на надлежащий путь: «Я вы-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 251. — *Ред.*

двинул перед ними требование: поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольного любования собой и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела. Я заявил, что считаю неподходящим, даже безнравственным, их прием — вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, т. е. новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и пр.; я потребовал совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идет об его обсуждении. Я выдвинул далее требование, чтобы религию критиковали больше в связи с критикой политического положения, чем политическое положение — в связи с религией, ибо это более соответствует самой сути газетного дела и уровню читающей публики; ведь религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теорией* которой она является, она гибнет сама собой. Наконец, я предложил им, что если уж говорить о философии, то пусть они поменьше щеголяют *вывеской* «атеизма» (что напоминает детей, уверяющих всякого, желающего только их слушать, что они не боятся буки) и пусть лучше они пропагандируют содержание философии среди народа»[1]. Из этих объяснений видно, какими принципами руководствовался Маркс, редактируя «Rheinische Zeitung».

Однако, прежде чем его советы дошли по назначению, Маркс получил «наглое письмо» от Мейена с требованием не более не менее, как того, чтобы газета не, «проявляла сдержанность», а действовала «самым крайним образом», — иными словами, дала себя закрыть в угоду «Свободным». Это, наконец, вывело Маркса из терпения, и он написал Руге: «От всего этого разит невероятным тщеславием Мейена, не понимающего, как это для спасения политического органа можно пожертвовать несколькими берлинскими вертопрахами, и думающего вообще только о делах своей клики...

Так как у нас теперь с утра до вечера ужаснейшие цензурные мучительства, переписка с министерством, обер-президентские жалобы, обвинения в ландтаге, вопли акционеров и т. д. и т. д., а я остаюсь на посту только потому, что считаю своим долгом, насколько в моих силах, не дать насилию осуществить свои планы, — то Вы можете себе представить, что я несколько раздражен и что я ответил Мейену довольно резко»[2]. Фактически это был разрыв со «Свободными», которые в политическом смысле все кончили более или менее печально — начиная от Бруно

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 252—253. — *Ред*.
[2] Там же, стр. 253. — *Ред.*

Бауэра, сделавшегося впоследствии сотрудником «Kreuzzeitung» («Крестовой газеты») и «Post» («Почты»), до Эдуарда Мейена: последний умер редактором «Danziger Zeitung» («Данцигской газеты») и сам, жалуясь, подтрунивал над своей загубленной жизнью, говоря, что ему дозволено издеваться только над протестантскими ортодоксами[1], ибо критиковать папские буллы запрещает либеральный владелец газеты, опасаясь за подписчиков — католиков. Прочие «Свободные» пристроились в официозах или даже в официальных органах, как, например, Рутенберг, который несколько десятков лет спустя умер редактором «Preusischer Staats-Anzeiger» («Прусского государственного вестника»).

Но в то время, осенью 1842 г., Рутенберга еще боялись и правительство требовало его удаления. Все лето правительство терзало газету цензурными придирками, но еще не закрывало ее в надежде, что она умрет естественной смертью. 8 августа рейнский обер-президент фон Шапер представил в Берлин сведения, что число подписчиков «Rheinische Zeitung» упало до 885. Но 15 октября редактирование «Rheinische Zeitung» перешло к Марксу, и 10 ноября Шапер уже сообщил, что число подписчиков неудержимо растет: с 885 оно повысилось до 1820, а направление газеты становится все более дерзким и враждебным правительству. Вдобавок в редакцию «Rheinische Zeitung» был доставлен крайне реакционный законопроект о браке, который она и напечатала. Король был чрезвычайно озлоблен преждевременным оглашением законопроекта, тем более что предполагавшееся затруднение развода вызвало большое недовольство в населении. Король потребовал, чтобы газете пригрозили немедленным закрытием, если она не назовет лицо, доставившее ей законопроект. Но министры знали заранее, что она не пойдет на такое унижение, и не желали доставить ненавистной газете венец мученичества. Они удовольствовались тем, что выслали из Кёльна Рутенберга и в виде наказания потребовали назначения ответственного редактора, который бы подписывал газету вместо издателя Ренара. Одновременно с этим на место цензора Долешалля, известного своей ограниченностью, назначен был асессор Витхаус.

30 ноября Маркс пишет Руге: «Рутенберг, у которого уже отняли ведение германского отдела (где деятельность его состояла главным образом в расстановке знаков препинания) и которому только *по моему ходатайству* передали на время французский отдел, — этот Рутенберг благодаря чудовищной глупости нашего государственного провидения имел счастье прослыть опасным, хотя ни для кого, кроме «Rheinische Zeitung» и себя

[1] Игра слов: orthod — правоверный, Ochs — бык. — *Ред.*

самого, он опасен не был. Нам было предъявлено категорическое требование удалить Рутенберга. Прусское провидение, — этот despotisme prussien, le plus hypocrite, le plus fourbe[1], — избавило ответственных издателей от неприятного шага, а новый мученик, Рутенберг, научившийся уже изображать с некоторой виртуозностью мученическое сознание — соответствующим выражением лица, манерой держать себя и манерой речи, — использовал этот подвернувшийся случай. Он пишет во все концы мира, пишет в Берлин, что является *изгнанным принципом* «Rheinische Zeitung», которая начинает становиться на *иную позицию* по отношению к правительству»[2]. Маркс говорит так об этом инциденте в связи с тем, что его разлад с берлинскими «Свободными» обострился, но, пожалуй, он уж слишком насмехается над «мучеником» Рутенбергом.

Слова Маркса о том, что удаления Рутенберга «требовали категорически» и что издатель Ренар был избавлен благодаря этому от «неприятного шага», можно понять только в том смысле, что редакция подчинилась «насилию» и воздержалась от всякой попытки сохранить Рутенберга. Такая попытка не имела, конечно, никаких шансов на успех, и вполне разумно было избавить издателя от «неприятного шага»: этот книготорговец, чуждый политике, был неподходящим человеком для протокольного допроса. И письменный протест против угрозы закрытия газеты только подписан им, составил же его Маркс, как видно по рукописному черновику, хранящемуся в кёльнском городском архиве.

В этом документе сказано, что газета, «подчиняясь насилию», соглашается на временное удаление Рутенберга и назначение ответственного редактора и готова сделать все возможное, чтобы спасти себя от гибели, поскольку это совместимо с достоинством независимого органа печати. Она обещает соблюдать больше сдержанности в форме изложения, поскольку это будет допускать содержание. Протест составлен с осторожностью и дипломатичностью, второго примера которым не найти в жизни автора. Но если несправедливо придираться к каждому слову, то не менее несправедливо было бы утверждать, что, составляя протест, молодой Маркс особенно насиловал тогдашние свои убеждения. Этого не было даже в его словах о пруссофильских настроениях газеты. Помимо полемики с враждебной Пруссии аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и агитации «Rheinische Zeitung» за включение в Таможенный союз и северо-западной Германии, прусские симпатии газеты сказывались прежде всего в постоянном

[1] — прусский деспотизм, самый лицемерный, самый мошеннический. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 251—252. — *Ред*.

упоминании заслуг северогерманской науки в противоположность поверхностному характеру французских и южногерманских теорий. «Rheinische Zeitung», — говорится в протесте, — «первый рейнский и вообще южногерманский орган печати», который силится привить на юге северогерманский дух и тем содействует духовному объединению разделенных племен.

Ответ обер-президента Шапера был довольно немилостивый: даже если Рутенберг немедленно же будет удалей, заявил он, и на место его будет посажен более подходящий редактор, то все равно окончательное разрешение на издание зависит от дальнейшего поведения газеты. Для приискания нового редактора срок был дан до 12 декабря, но до этого дело не дошло, ибо в середине декабря возгорелась новая война. Две корреспонденции из Бернкастеля о тяжелом положении мозельских крестьян вызвали со стороны Шапера грубые по форме и ничтожные по содержанию опровержения. «Rheinische Zeitung» попыталась еще раз сделать хорошую мину при плохой игре и похвалила опровержения за «спокойно достойный тон», посрамляющий агентов полицейского государства и столь же способный «рассеять недоверие, как и укрепить доверие». Но, собрав предварительно необходимый материал, газета поместила в середине января одну за другой пять статей, где приводились неопровержимые доказательства того, что правительство жестоко подавило жалобные крики мозельских крестьян. Высший чиновник, стоявший во главе Рейнской провинции, был этим совершенно посрамлен. В утешение ему уже 21 января 1843 г. совет министров в присутствии короля постановил закрыть газету. Под конец года произошло несколько инцидентов, окончательно разгневавших короля: сентиментально-дерзкое письмо, присланное ему Гервегом из Кенигсберга и напечатанное в «Leipziger Allgemeine Zeitung» («Лейпцигской всеобщей газете») без ведома и против воли автора, оправдание верховным судом Иоганна Якоби по обвинению в государственной измене и оскорблении величества и, наконец, новогоднее заявление «Deutsche Jahrbucher», что он стоит за «демократию и ее практические задачи». «Jahrbucher» тотчас же был запрещен, так же как запрещена была в Пруссии «Leipziger Allgemeine Zeitung». А затем решили заодно прикрыть и «блудную сестру ее на Рейне», тем более что она высказалась очень резко по поводу закрытия первых двух изданий.

Формально газету закрыли под предлогом, что у нее нет разрешения, — «как будто в Пруссии, где ни одна собака не может жить без своего полицейского номерка, «Rheinische Zeitung» могла бы выходить хотя бы один день, не выполнив официальных обязательных правил», — говорил Маркс. «Фактической же причиной» послужили те же старо- и новопрусские песни о возмутительном направлении, «старая галиматья о дурном образе

мыслей, о пустой теории и прочая трескотня», как издевался Маркс. В интересах пайщиков газете разрешено было все-таки выходить до истечения трехмесячного срока. «В течение этого времени, до казни, газета подвергается двойной цензуре, — писал Маркс Руге. — Наш цензор, порядочный человек, поставлен под цензуру здешнего правительственного президента фон Герлаха, слепо послушного дуралея. Готовые номера нашей газеты должны представляться в полицию, где их обнюхивают, и если только полицейский нос почует что-либо не-христианское, не-прусское, — номер газеты уже не может выйти в свет»[1]. Асессор Витхаус был человек очень порядочный и отказался от обязанностей цензора, за что кёльнский певческий кружок почтил его серенадой. На место его был прислан из Берлина секретарь министерства Сен-Поль, и он с таким усердием выполнял обязанности палача, что уже 18 февраля двойная цензура оказалась излишней и была упразднена.

Запрещение газеты было воспринято как оскорбление, нанесенное всей Рейнской провинции. Число подписчиков сразу возросло до 3200, и в Берлин полетели петиции, покрытые тысячами подписей, с ходатайствами об отвращении грозящего удара. Отправилась в Берлин и депутация от пайщиков, но она не была принята королем. Точно так же бесследно исчезли бы в мусорных корзинах министерства петиции населения, если бы они не вызвали выговоров чиновникам, которые имели смелость их подписать. Но печальнее всего было то обстоятельство, что пайщики снижением тона газеты надеялись достичь того, чего им не удавалось добиться своими петициями. Это главным образом и побудило Маркса уже 17 марта сложить с себя обязанности редактора, что, разумеется, не помешало ему до последнего момента отравлять жизнь цензуре.

Сен-Поль был молодой человек — «богема» по своему образу жизни. В Берлине он кутил со «Свободными», а в Кёльне ввязывался в драки с ночными сторожами у дверей притонов. Но он был тертый калач и скоро докопался до «доктринерского центра» «Rheinische Zeitung» и «живительного источника» ее теорий. В своих донесениях в Берлин он с невольным уважением отзывался о Марксе. Ум и характер Маркса, видимо, внушали ему большое почтение, несмотря на ту «глубокую ошибку мышления», которую он якобы открыл у Маркса. 2 марта Сен-Поль уже сообщил в Берлин, что Маркс решил «ввиду теперешних обстоятельств» порвать с «Rheinische Zeitung» и покинуть Пруссию. Берлинские полицейские мудрецы на своих актах отметили, что это небольшая потеря для Пруссии, так как «ультрадемо-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 253—254. — *Ред*.

кратические взгляды Маркса совершенно несовместимы с основными принципами прусского государства», что, действительно, невозможно было оспаривать. И 18 марта достойный цензор торжествовал победу: «Spiritus rector[1] всего предприятия, д-р Маркс, вчера окончательно вышел из состава редакции, и место его занял Оппенхейм, весьма умеренный и, впрочем, заурядный человек... Я очень рад этому, так как теперь у меня уходит на цензурование газеты вчетверо меньше времени, чем прежде». Он даже написал в Берлин, делая этим лестный комплимент ушедшему редактору, что теперь, когда ушел Маркс, можно спокойно предоставить газете выходить по-прежнему. Начальство Сен-Поля оказалось, однако, еще трусливее, чем он сам: ему предложено было тайно подкупить редактора «Kolnische Zeitung», некоего Гермеса, и запугать ее издателя, которому успех «Rheinische Zeitung» грозил серьезней конкуренцией; и эта коварная проделка удалась.

Сам Маркс уже 25 января — день, когда в Кёльне получено было известие о закрытии «Rheinische Zeitung», — пишет Руге: «Меня ничто не поразило. Вы знаете, каково с самого начала было мое мнение относительно цензурной инструкции. Я вижу в этом только последовательность; в закрытии «Rheinische Zeitung» я вижу некоторый *прогресс* политического сознания и потому я оставляю это дело. К тому же я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, считаться с каждой мелочной придиркой. Словом, правительство вернуло мне свободу...

В Германии я не могу больше ничего предпринять. Здесь люди сами себе портят»[2].

8
ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ

В этом же письме[3] Маркс извещал о получении сборника, в котором он поместил свою первую политическую статью. Сборник этот вышел в двух томах и носил заглавие: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). Сбор-

[1] — вдохновитель. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 254—255. — *Ред.*

[3] Меринг допускает неточность: о получении сборника Маркс сообщил Руге в письме не от 25 января, а от 13 марта 1843 г., а сам сборник был издан не в начале марта, а в феврале 1843 г. — *Ред.*

ник был издан в начале марта 1843 г. «Литературной конторой» в Цюрихе. Издательство это было основано Юлиусом Фрёбелем в качестве приюта для бежавших от немецкой цензуры.

В сборнике еще раз промаршировала старая гвардия младогегельянцев, хотя уже не стройными рядами. Среди них выступал смелый мыслитель, похоронивший всю философию Гегеля. Он объявил «абсолютный дух» отжившим духом теологии, а следовательно, чистейшей верой в привидения и видел разрешение всех тайн философии в созерцании человека и природы. «Предварительные тезисы к реформе философии» Людвига Фейербаха, напечатанные в «Anekdota», были откровением и для Маркса.

Энгельс впоследствии вел начало огромного влияния Фейербаха на духовное развитие молодого Маркса от знаменитой книги Фейербаха «Сущность христианства», вышедшей в свет еще в 1841 г. Об «освободительном действии» этой книги, которое надо было пережить самому, чтобы составить себе представление о нем, Энгельс говорит в следующих словах: «Воодушевление было всеобщим: все мы сразу стали фейербахианцами»[1]. Однако в тех статьях, которые Маркс помещал в «Rheinische Zeitung», еще не чувствуется влияние Фейербаха. Новее миропонимание Маркс «восторженно приветствует», несмотря на все критические оговорки, впервые только в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» («Немецко-французском ежегоднике»), который вышел в феврале 1844 г. и уже в своем заглавии обнаруживал некоторую связь с ходом мыслей Фейербаха.

«Предварительные тезисы», несомненно, уже содержатся в «Сущности христианства», и в этом смысле несущественно, если Энгельс и ошибся в своих воспоминаниях. Но не безразлична его ошибка тем, что она затуманивает духовную связь между Фейербахом и Марксом. Фейербах не переставал быть борцом оттого, что чувствовал себя хорошо лишь в сельском уединении. Подобно Галилею, он полагал, что город — тюрьма для натур, склонных к созерцанию; напротив, жизнь в деревне, на свободе, развертывает книгу природы перед глазами всякого, кто умеет читать ее. Подобными словами Фейербах защищался всегда от нападок на его уединенную жизнь в Брукберге. Он любил сельское уединение не в старомодном смысле этого слова: счастлив тот, кто живет в тиши, — а потому, что в одиночестве и тишине он черпал силы для борьбы. Как мыслитель он чувствовал потребность сосредоточиться, уйти от шумной житейской суеты, для того чтобы она не отвлекала его от созерцания природы — великого первоисточника жизни и ее тайн.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. II. 1955, стр. 348. — *Ред.*

Живя в сельской тиши, Фейербах все же был в первых рядах участников великой борьбы своего времени. Его статьи в журнале Руге придавали этому журналу настоящую остроту. В «Сущности христианства» он доказывал, что не религия создает человека, а человек религию, что существа высшего порядка, созданные нашей фантазией, — лишь призрачное отражение нашего собственного существа. Как раз в то время, когда книга Фейербаха вышла в свет, Маркс выступил на арену политической борьбы, что бросило его в гущу житейской суеты. Но эту борьбу нельзя было вести тем оружием, какое выковал Фейербах в своей книге о христианстве. И в то время, когда гегелевская философия сказалась неспособной разрешить материальные вопросы, с которыми столкнулся Маркс в «Rheinische Zeitung», вышли фейербаховские «Предварительные тезисы к реформе философии». Они нанесли смертельный удар гегелевской философии — этому последнему прибежищу, последней рациональной опоре теологии. Эти тезисы произвели глубокое впечатление на Маркса, хотя он тогда же оставил за собой право критиковать их.

В письме от 13 марта он пишет Руге: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной. Но все наладится, как это было в XVI столетии, когда рядом с энтузиастами природы существовали и энтузиасты государства»[1]. И действительно, Фейербах в своих «Тезисах» лишь мимоходом касается политики, причем скорее идет позади, чем впереди Гегеля. За это взялся Маркс. Он исследовал гегелевскую философию права и государства так же основательно, как Фейербах исследовал его философию природы и религии.

И еще в одном месте письмо Маркса к Руге от 13 марта показывает, как сильно было в то время влияние Фейербаха на Маркса. Как только для него стало ясно, что он не может писать под гнетом прусской цензуры и дышать прусским воздухом, он сразу же решил не уезжать из Германии без невесты. Уже 25 января Маркс запрашивал Руге, может, ли он рассчитывать на участие в «Deutsche Bote» («Немецком вестнике»), который Гервег в то время собирался издавать в Цюрихе. Но план Гервега не осуществился, так как его выслали из Цюриха. Руге сделал тогда Марксу другие предложения о совместной работе, в том числе общее редактирование преобразованного и переменившего название «Jahrbucher», и звал Маркса приехать в Лейпциг

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 257. — *Ред.*

по окончании его «редакционной пытки» для личных переговоров о «месте нашего возрождения».

В письме от 13 марта Маркс принимает предложение приехать, а «пока» высказывается о «нашем плане» следующим образом: «Когда был взят Париж, то одни предлагали в государи сына Наполеона, с назначением регентства, другие — Бернадота, третьи, наконец, — Луи Филиппа. Но Талейран ответил: «Либо Людовик XVIII, либо Наполеон. Это — принцип, все остальное — интрига».

Точно так же и я готов назвать почти все прочее, кроме Страсбурга (или, в крайнем случае, Швейцарии), не принципом, а интригой. Книги размером больше двадцати листов — это не книги для народа. Самое большее, на что здесь можно решиться, это — ежемесячные выпуски.

Даже если бы выпуск «Deutsche Jahrbucher» снова был разрешен, то в лучшем случае мы бы добились слабой копии почившего издания, а теперь этого уже недостаточно. Наоборот, «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» — вот это было бы принципом, событием, чреватым последствиями, делом, которое может вызвать энтузиазм»[1]. Тут чувствуется отголосок «Тезисов» Фейербаха — его слов о том, что истинный философ, сливающийся с жизнью, с человеком, должен быть галло-германской крови. Нужно, чтобы сердце у него было французское, а голова немецкая. Голова реформирует, сердце революционизирует. Только там, где есть движение, порыв, страсть, кровь и чувственность, — там и дух. Только живой ум Лейбница, его сангвинический, материалистически-идеалистический дух впервые вырвал немцев из-под власти одолевших их педантизма и схоластики.

В своем ответе от 19 марта Руге высказывает полное согласие с этим «галло-германским принципом», но устройство деловой стороны предприятия все же затянулось еще на несколько месяцев.

9
ЖЕНИТЬБА И ИЗГНАНИЕ

В бурный год своих первых битв на арене общественной борьбы Марксу приходилось бороться и с некоторыми домашними трудностями. Он говорил об этом неохотно и всегда лишь в случаях крайней необходимости. В противоположность жалкому жребию филистера, для которого его мелкие делишки заслоняют мир, ему было дано возвышаться над самыми горькими бедствиями в служении «великим целям человечества».

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 255—256. — *Ред*.

Жизнь в избытке давала ему случаи поупражняться в этой способности.

Уже в первом дошедшем до нас упоминании о «частных гадостях» чрезвычайно характерно отразилось отношение Маркса к таким вопросам. Извиняясь перед Руге в письме от 9 июля 1842 г. за неприсылку некоторых статей, обещанных для «Anekdota», Маркс перечисляет разные помехи и потом добавляет: «Остальное время было распылено и отравлено самыми неприятными домашними дрязгами. Моя семья поставила передо мной ряд препятствий, из-за которых я, несмотря на ее благосостояние, оказался на время в самом тяжелом положении. Я отнюдь не стану обременять Вас рассказом обо всех этих частных гадостях; истинное счастье еще, что пакости общественного порядка делают для человека с характером совершенно невозможным раздражаться из-за гадостей частного порядка»[1]. Филистеры, которым свойственно «раздражаться из-за гадостей частного порядка», издавна выставляли именно это проявление необычайной силы характера как доказательство «бессердечности» Маркса.

Мы не знаем точно, в чем заключались эти «самые неприятные домашние дрязги»; Маркс еще лишь раз, и опять только в общих словах, упоминает о них при переговорах об издании «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Он пишет Руге, что, как только план издания твердо определится, он поедет в Крейцнах, где живет мать его невесты со времени смерти мужа, и там женится; после свадьбы он собирается пожить еще некоторое время у своей тещи, так как «прежде чем взяться за дело, мы должны во всяком случае иметь несколько готовых работ...

Могу Вас уверить без тени романтики, что я влюблен от головы до пят, притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже больше семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти — с ее пиетистски-аристократическими родственниками, для которых в одинаковой степени являются предметами культа и «владыка на небе» и «владыка в Берлине», отчасти — с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных тяжелых столкновений, чем многие лица, которые втрое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте...»»[2]. Кроме этого скупого намека, нам ничего неизвестно о той борьбе, которую Марксу пришлось выдержать до женитьбы.

Издание нового журнала наладилось не без труда, но все же сравнительно быстро: Марксу даже не пришлось ездить в Лейп-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 247. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 256. — *Ред.*

циг. Фрёбель решился принять на себя издание, после того как довольно состоятельный Руге вошел компаньоном в «Литературную контору» и внес 6000 талеров. Марксу назначили редакторское жалованье в 500 талеров в год. С такими видами на будущее он обвенчался со своей Женни 19 июня 1843 г.

Место издания «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» все еще не было установлено. Выбор колебался между Брюсселем, Парижем и Страсбургом. Эльзасский город больше всего улыбался молодой чете Марксов, но в конце концов, после того как Фрёбель и Руге предварительно побывали в Париже и Брюсселе, выбор пал на Париж. Правда, в Брюсселе печать была более свободна, чем в Париже, где действовали система залогов и сентябрьские законы[1]. Но зато в столице Франции редакция была ближе к немецкой жизни, чем в Брюсселе. Подбадривая Маркса, Руге писал ему, что в Париже он отлично проживет на 3000 франков или немного больше.

Согласно своему намерению Маркс провел первые месяцы своего брака в доме тещи, а в ноябре молодожены переехали в Париж. Последний отголосок его пребывания на родине — письмо от 23 октября 1843 г.[2] из Крейцнаха Фейербаху, которого он просил написать для первого номера «Ежегодника» критическую статью о Шеллинге. «Из Вашего предисловия ко второму изданию «Сущности христианства» я почти с уверенностью могу сделать заключение, что Вы заняты обстоятельной работой о *Шеллинге* или хотя бы предполагаете написать еще что-нибудь об этом пустом хвастуне. В самом деле, это был бы славный дебют!

Как ловко г-н Шеллинг поймал на удочку французов — сперва слабого эклектика Кузена, позднее даже даровитого Леру. Ведь Пьеру Леру и ему подобным Шеллинг все еще представляется тем человеком, который на место трансцендентного идеализма поставил разумный реализм, на место абстрактной мысли — мысль, облеченную в плоть и кровь, на место цеховой философии — мировую философию!..

Вы бы поэтому оказали предпринятому нами делу, а еще больше истине, большую услугу, если бы сейчас же, для первого выпуска, дали характеристику Шеллинга. Вы как раз самый подходящий человек для этого, так как Вы — *прямая* противоположность *Шеллингу. Искренняя юношеская мысль* Шеллинга, — мы должны признавать все хорошее и в нашем противнике, — для осуществления которой у него не было, однако, никаких

[1] Изданные французским правительством в сентябре 1835 г. реакционные законы, ограничивавшие деятельность суда присяжных и вводившие суровые меры против печати. — *Ред.*

[2] Упоминаемое письмо К. Маркса Л. Фейербаху датировано 20 октября 1843 г. — *Ред*.

способностей кроме воображения, никакой энергии кроме тщеславия, никакого возбуждающего средства кроме опиума, никакого органа кроме легко возбудимой женственной восприимчивости — эта искренняя юношеская мысль Шеллинга, которая у него осталась фантастической юношеской мечтой, для Вас стала истиной, действительностью, серьезным мужественным делом... Я считаю Вас поэтому необходимым, естественным, призванным их величествами природой и историей, противником Шеллинга»[1]. Как приветливо написано это письмо и как ярко горит в нем радостная надежда на великую борьбу!

Но Фейербах колебался. Он сначала выражал Руге свое сочувствие его новому журналу, но потом отказался от сотрудничества. Даже ссылка на его же «галло-германский принцип» не убедила Фейербаха. Его писания более всех других возбудили гнев власть имущих, а полицейская дубинка убивала свободу философской мысли, поскольку она еще существовала в Германии. Философская оппозиция принуждена была поэтому спасаться бегством за границу, если не хотела трусливо сдаться.

Сдаваться Фейербах не хотел, но на смелый прыжок в волны, омывавшие мертвую немецкую землю, он тоже не решался. День, когда Фейербах дал хотя и дружественный и участливый, но все же отрицательный ответ на пламенный призыв Маркса, был его черным днем. С этого времени он обрек себя и на духовное одиночество.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 258.— *Ред.*

Глава третья

ПАРИЖСКОЕ ИЗГНАНИЕ

1

«DEUTSCH-FRANZOSISCHE JAHRBUCHER»

Новый журнал родился под несчастливой звездой: только один двойной выпуск его вышел в конце февраля 1844 г.

«Галло-германский принцип», или, как его переименовал Руге, «интеллектуальный союз между немцами и французами», не осуществлялся на деле. «Политический принцип Франции» пренебрегал немецким приданым — «логической проницательностью» гегелевской философии, — вместо того чтобы пользоваться им как надежным компасом в сферах метафизики, и Руге видел, как французы носились в этих сферах без руля, по воле ветра и волн.

По свидетельству Руге, предполагалось привлечь прежде всего Ламартина, Ламенне, Луи Блана, Леру и Прудона. Уже этот список был сам по себе достаточно пестрый. Некоторое представление о немецкой философии имели из них только Леру и Прудон, из которых первый жил в провинции, а второй временно забросил писательство и углубился в изобретение наборной машины. Остальные же отказались от сотрудничества по тем или иным религиозным причудам. Отказался даже Луи Блан, считая, что атеизм в философии порождает анархизм в политике.

Зато журнал приобрел очень видный штаб немецких сотрудников: вместе с издателями в него вошли Гейне, Гервег, Иоганн Якоби — имена первого ранга, а также люди из числа менее известных, но заслуживающих внимания, как, например, Мозес Гесс и Ф. К. Бернайс, молодой пфальцский юрист, не говоря уже о самом юном из сотрудников — Фридрихе Энгельсе. После нескольких литературных разбегов он вышел здесь впервые в бой с открытым забралом и в сверкающих доспехах. Но и эта группа была достаточно пестра. Многие из сотрудников весьма мало смыслили в гегелевской философии и еще менее в ее «логической проницательности». Прежде всего между самими двумя издателями вскоре произошел раскол, сделавший невозможной всякую дальнейшую совместную работу.

Первый двойной выпуск журнала, оставшийся единственным, открылся «Перепиской» между Марксом, Руге, Фейербахом и Бакуниным, молодым русским, который примкнул в Дрездене к Руге и поместил в «Deutsche Jahrbucher» статью, обратившую на себя большое внимание. «Переписка» состояла из восьми писем, подписанных инициалами авторов: здесь было три письма Маркса, три Руге, одно Фейербаха и одно Бакунина. Руге назвал впоследствии эту «Переписку» драматической сценой, принадлежащей его перу, добавив, что он пользовался для нее «отчасти отрывками из подлинных писем». Он включил «Переписку» даже в собрание своих сочинений, но характерным для него образом: со злыми искажениями и опустив последнее письмо за подписью Маркса, хотя в нем содержится вся соль «Переписки». Содержание писем не оставляет никаких сомнений в подлинном авторстве тех, чьи инициалы значатся в подписях. Поскольку «Переписка» представляет собой нечто цельное, первая скрипка в этом концерте принадлежит Марксу. Бесспорно, однако, что Руге обработал по-своему и его письма, как и письма Бакунина и Фейербаха.

Марксу принадлежит в «Переписке» заключительное слово, и он же начинает ее кратким внушительным аккордом. Романтическая реакция, говорит он, ведет к революции; государство — слишком серьезная вещь, чтобы можно было превратить его в какую-то арлекинаду. Судно, полное глупцов, можно было бы еще, пожалуй, предоставить на некоторое время воле ветра, но оно плыло бы навстречу своей неминуемой судьбе именно потому, что глупцы этого и не подозревают. Руге ответил ему длинной иеремиадой о неизбывном овечьем терпении немецких филистеров. Письмо его, как он сам говорил о нем, «полно обвинений и безнадежности», или, как ему более вежливо тотчас же ответил Маркс: «Ваше письмо, мой дорогой друг, — хорошая элегия, надрывающая душу похоронная песнь; но политического в нем решительно ничего нет»[1]. Если филистеру принадлежит мир, то стоит изучить этого господина мира. Разумеется, филистер — господин мира только в том смысле, что филистерами, их обществом, кишит мир, подобно тому как труп кишит червями; и до тех пор, пока филистер представляет собою материал монархии, монарх тоже является всего лишь королем филистеров. Новый прусский король, более живой и бойкий, чем его отец, хотел упразднить филистерское государство, оставаясь на его же основе. Но пока пруссаки оставались тем, что они есть, ему не удавалось превратить ни себя, ни своих подданных в настоящих свободных людей. Таким образом, получился лишь возврат к старому окостенелому государству слуг и рабов. Но столь отчаянное положение рождает новые надежды. Маркс указывает на неспособность

господ и на равнодушие слуг и подданных, которые полагаются во всем на волю божию. Однако обоих этих моментов, взятых вместе, было бы уже достаточно, чтобы довести дело до катастрофы. Он указывает на врагов филистерства, на всех мыслящих и страдающих людей, которые достигли

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 372. — *Ред.*

взаимопонимания, и даже на пассивную систему размножения подданных старого склада, которая каждый день доставляет рекрутов на служение новому человечеству. А система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатации людей ведет еще гораздо скорее к расколу внутри теперешнего общества, к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить, потому что она вообще не исцеляет и не творит, а только существует и наслаждается. Задача состоит в том, чтобы полностью разоблачить старый мир и совершать положительную работу для образования нового мира.

Бакунин и Фейербах, каждый по-своему, тоже писали Руге в ободряющем тоне. Руге заявляет в ответном письме, что «Новый Анахарзис и новый философ» убедили его. Фейербах сравнил гибель «Deutsche Jahrbucher» с падением Польши, когда усилия немногих оказались тщетными в болоте разложившегося общества. В ответ на это Руге говорит в одном письме к Марксу: «Да. Польшу не спасут католическая вера и дворянская свобода, а нас не могли освободить теологическая философия и вельможная наука. Мы не можем быть продолжателями прошлого, не разрывая с ним окончательно. «Ежегодник» погиб, гегелевская философия принадлежит прошедшему. Здесь, в Парижу, оснуем мы орган, в котором будем обсуждать себя самих и всю Германию с полной свободой и с неумолимой искренностью»[1]. Он обещает позаботиться о материальной стороне издания и просит Маркса высказаться о плане журнала.

Марксу принадлежит как первое, так и последнее слово в «Переписке». Совершенно ясно, говорит он, что нужно создать новый сборный пункт для действительно мыслящих и независимых голов. Хотя не существует сомнений насчет вопроса — «откуда?», но зато господствует большая путаника относительно вопроса — «куда?». «Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признаться себе самому, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее. Между тем, преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир. До сих пор философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. I, 1928, стр. 363. — *Ред.*

философия стала мирской; это неопровержимо доказывается тем, что само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы. Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о *беспощадной критике всего существующего,* беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими»[1]. Мы не намереваемся, писал Маркс, водружать какое-нибудь догматическое знамя. Коммунизм в той форме, как его проповедовали Кабе, Дезами, Вейтлинг, был тоже догматической абстракцией в его глазах. Преимущественный интерес в теперешней Германии вызывают, во-первых, религия, а во-вторых, политика, и не следует противопоставлять им какую-нибудь готовую систему вроде, например, «Путешествия в Икарию»[2], а нужно взять их за исходную точку, каковы бы они ни были.

Маркс отбрасывает мнение «рьяных социалистов», которые считают занятие политическими вопросами ниже своего достоинства. Из конфликта политического государства, из противоречия между идеальным назначением государства и его реальными предпосылками и вырабатывается всюду социальная истина. «Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с действительном борьбой. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет»[3]. Маркс сводит, таким образом, программу нового журнала к следующей формуле:

Работа современности над уяснением самой себе (критическая философия) смысла собственной борьбы и собственных желаний.

К этому пришел, однако, только Маркс, но не Руге. Уже «Переписка» показала, что Маркс был ведущим, а Руге только ведомым. К тому же Руге, приехав в Париж, заболел и не мог принимать деятельного участия в редактировании журнала. Это парализовало его редакторские способности, наиболее существен-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 379. — *Ред.*
[2] Утопический роман Кабе. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 381. — *Ред.*

ные для дела, так как Маркса он считал «слишком обстоятельным» для редакторства. Руге не имел возможности придать журналу тот вид и то направление, которые он считал наиболее подходящими, и даже не мог поместить в нем свою статью. Все же при выходе первого выпуска он еще не относился к журналу совсем отрицательно. Он находил, что «многое в нем замечательно и наверное вызовет большой интерес в Германии», но прибавлял с упреком, что наряду с этим преподнесено несколько «необтесанных вещей», он бы непременно внес в них поправки, а их взяли второпях. Журнал, пожалуй, продолжал бы выходить, если бы этому не помешали внешние препятствия.

Прежде всего, очень быстро истощились средства «Литературной конторы», и Фрёбель заявил, что не может продолжать дело. Затем при первом известии о выходе в свет «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» прусское правительство начало поход против журнала.

Оно, правда, не встретило при этом сочувствия даже у Меттерниха, не говоря уже о Гизо, и вынуждено было ограничиться оповещением обер-президентов всех провинций циркуляром от 18 апреля 1844 г. о том, что «Jahrbucher» представляет собой преступное покушение на государственную измену и оскорбление величества. Обер-президентам предписывалось отдать распоряжения полицейским властям, чтобы они, избегая всякого шума, задержали Руге, Маркса, Гейне и Бернайса при их вступлении на прусскую территорию и захватили их бумаги. Это было еще довольно безвредно, ибо нюрнбергцы никого не вешают, прежде чем не захватят его в свои руки. Но злой умысел прусского короля был опасен тем, что он со злобным страхом начал охранять границы. На одном рейнском пароходе захвачено было сто экземпляров «Jahrbucher», у Бергцаберна на французско-пфальцской границе — значительно более двухсот. Это были очень чувствительные подзатыльники, если принять во внимание вообще сравнительно ограниченное количество экземпляров.

Раз возникнув, внутренние трения всегда легко обостряются из-за внешних осложнений. По свидетельству Руге, внешние затруднения и ускорили или даже вызвали его разрыв с Марксом. В этом, вероятно, есть доля истины, ввиду того что Маркс отличался величественным равнодушием к денежным вопросам, а Руге был мелочен, как лавочник. Он не стеснялся выплачивать Марксу жалованье, которое ему полагалось, по trucksystem[1] — экземплярами «Jahrbucher», но сам приходил в величайшее раздражение при одном только мнившемся ему предположении, что он рискнет своим состоянием, взяв на себя дальнейшее издание журнала при его, как он выражался, полной неопытности в книжном деле.

[1] Trucksystem — система оплаты труда товарами. — *Ред.*

К самому себе Маркс действительно предъявлял такое требование в подобных обстоятельствах, но от Руге он едва ли этого ожидал, Возможно, что он советовал не бросать ружье в кусты после первого же промаха; ко Руге, которого выводило из себя уже одно предложение пожертвовать пару франков на издание сочинений Вейтлинга, почуял в совете Маркса опасное посягательство на свой кошелек.

Кроме того, Руге сам объяснил главную причину разрыва, указав на то, что непосредственным поводом послужил спор о Гервеге. Руге, «быть может, действительно, с излишней горячностью», по его словам, назвал Гервега «прохвостом», а Маркс настойчиво говорил о «великом будущем» Гервега. Руге оказался прав: «великого будущего» Гервег не достиг, а его тогдашний образ жизни в Париже был весьма сомнителен. Даже Гейне очень резко его осуждал, и Руге признает, что Марксу этот образ жизни Гервега тоже не доставлял большой радости. Все же лучше ошибаться в благородном смысле, как «запальчивый» и «едкий» Маркс, нежели гордиться своей инстинктивной подозрительностью, как «добродетельный» Руге. Для Маркса дело шло о революционном поэте, а для Руге — о мещанской безупречности.

Такова была более глубокая основа незначительного инцидента, навсегда разъединившего этих двух людей. Для Маркса разрыв с Руге не имел такого существенного значения, как, например, его позднейшие разногласия с Бруно Бауэром или Прудоном. Как революционер он, вероятно, еще задолго до того был раздражен против Руге, а спор о Гервеге, если он произошел действительно так, как описывает Руге, привел лишь к тому, что его терпение лопнуло.

Для того чтобы узнать Руге с его наилучшей стороны, следует прочесть его «Воспоминания», изданные им двадцать лет спустя. Четыре тома их доходят до гибели «Deutsche Jahrbucher», до того времени, когда жизнь Руге была образцом для литературного авангарда школьных учителей и студентов, представителей буржуазии, жившей мелким торгашеством и большими иллюзиями. «Воспоминания» содержат много очаровательных жанровых картинок детских лет Руге, выросшего на равнинах Рюгена и верхней Померании. Они воссоздают также бодрое время буршеншафтов[1] и жестокой травли «демагогов» и описывают эту эпоху с живостью, непревзойденной в немецкой литературе. Но фатальным для «Воспоминаний» Руге было то, что они вышли в свет уже тогда, когда немецкая буржуазия распрощалась с великими иллюзиями, чтобы открыть эру великого торгашества. Книга Руге прошла поэтому почти незамеченной, в то время как другое

[1] Немецкие студенческие организации, возникшие под влиянием освободительной войны против Наполеона; выступали за объединение Германии. — *Ред.*

произведение в том же роде, но гораздо менее значительное не только в историческом, но и в литературном отношении, «Festungstid» Рейтера[1], вызвало бурные восторги. Руге был активным участником буршеншафтов, а Рейтер лишь случайно затесался туда в качестве весельчака-парня. Но буржуазия уже заигрывала в то время с прусскими штыками, и ей поэтому чрезвычайно нравился «золотой юмор» рейтеровских шуток о гнусном произволе и травле «демагогов». Она предпочитала шутки Рейтера «дерзкому юмору» Руге. Последний, по меткому выражению Фрейлиграта, умел хорошо рассказывать о том, что негодяи не одолели его, а казематы дали ему свободу.

Но именно в живых описаниях Руге и чувствуется, что предмартовский[2] либерализм, несмотря на высокие фразы, был все же чистым филистерством, и глашатаи его в конце концов оставались филистерами. Руге среди них обладал еще наиболее живым темпераментом, и в доступных ему пределах в идеологической области он боролся довольно мужественно. Но тем стремительнее этот самый темперамент отшвырнул его назад, когда в Париже перед ним предстали великие противоречия современной жизни.

Если он и примирился с социализмом, поскольку видел в нем забаву философствующих филантропов, то коммунизм парижских ремесленников вызвал в нем панический мещанский ужас — даже не за свою шкуру, а лишь за свой кошелек. В самом деле, если в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» Руге прочел отходную философии Гегеля, то еще в течение того же 1844 г, он приветствовал самое причудливое порождение этой философии — книгу Штирнера — как освобождение от коммунизма — этой глупейшей из всех глупостей, по мнению Руге, от проповедуемого глупцами нового христианства, осуществление которого привело бы к гнусной жизни в овечьих загонах.

Маркс и Руге расстались навсегда.

2
ДАЛЬНИЙ ПРИЦЕЛ В ФИЛОСОФИИ

«Deutsch-Franzosische Jahrbucher» оказался, таким образом, мертворожденным ребенком. Так как издатели все равно никак не могли долго идти рука об руку, то было безразлично, когда и как они разойдутся, Лучше даже, что это произошло скоро. Это было полезно в том отношении, что Маркс сделал большой шаг вперед в «уяснении вопросов самому себе».

[1] Имеется в виду книга Рейтера «Ut mine Festungstid» («Из времени моего заключения»). — *Ред.*
[2] Имеется в виду период, предшествовавший начавшейся в марте 1848 г. революции в Германии. — *Ред.*

Он напечатал в журнале две статьи — введение к критике гегелевской философии права и разбор двух книг Бруно Бауэра по еврейскому вопросу. Статьи эти, затрагивавшие весьма различные области интересов, все же по своему идейному содержанию тесно связаны между собой. Свою критику гегелевской философии права Маркс резюмировал впоследствии в том смысле, что ключ к пониманию исторического развития лежит не в восхваляемом Гегелем государстве, а в обществе, которым Гегель пренебрегает, и об этом говорится даже более обстоятельно во второй статье, нежели в первой.

В иной перспективе эти две статьи относятся одна к другой, как средство и цель. Первая дает философский очерк пролетарской классовой борьбы, вторая — философский очерк социалистического общества. Но обе статьи не появились внезапно, а свидетельствуют о строгой логической последовательности в духовном развитии автора. Первая статья примыкает непосредственно к Фейербаху, который в сущности завершил критику религии, являющуюся предпосылкой всякой другой критики. Человек создает религию, а не религия человека. Но человек — так приступает Маркс к собственному рассуждению — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество, и они порождают религию как превратное мировоззрение, ибо сами они — превратный мир. Борьба против религии, таким образом, есть косвенно борьба против того мира, духовной усладой которого является религия. И задача истории, с тех пор как исчезла правда потустороннего мира, — утвердить правду посюстороннего мира. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики.

В Германии эту историческую задачу может разрешить только философия. Отвергать немецкие порядки 1843 г. — значит находиться, по французскому летосчислению, едва ли даже в 1789 г. и уж никак не в фокусе современности. Если подвергнуть критике современную политически-социальную действительность, то критика окажется за пределами немецкой действительности, ибо иначе она рассматривала бы свой предмет на таком уровне, который ниже действительного уровня этого предмета. В качестве примера того, что задачей немецкой истории, как неумелого рекрута, было пока еще — проходить устаревшие исторические упражнения, Маркс указывает на одну из «главных проблем нового времени» — на отношение промышленности, вообще мира богатства, к политическому миру.

Этот вопрос интересует немцев лишь в форме покровительственных пошлин, запретительной системы, национальной экономии. В Германии еще только собираются положить начало тому, чему во Франции и Англии собираются уже положить конец.

Старые гнилые порядки, против которых теоретически восстают эти страны и которые они еще только терпят, как терпят цепи, приветствуются в Германии как восходящая заря прекрасного будущего. В то время как во Франции и Англии проблема гласит: политическая экономия, или господство общества над богатством, в Германии она гласит: национальная экономия, или господство частной собственности над нацией. Там узел уже распутывается, а тут еще только затягивается.

Но если не в историческом, то в философском смысле слова немцы все же являются современниками нынешнего века. Критика немецкой философии права и государства, наиболее последовательно разработанной Гегелем, вводит в самый центр жгучих вопросов современности. Маркс устанавливает в своей статье определенное отношение как к двум направлениям, которые шли рядом в «Rheinische Zeitung», так и к Фейербаху. Последний швырнул философию в старый хлам. Но, говорит Маркс, для того чтобы исходить из действительных зародышей жизни, не следует забывать, что исторический зародыш жизни немецкого народа до сих пор произрастал только под его черепом. «Рыцарям хлопка и героям железа» он говорит: вы совершенно правы, упраздняя философию, но вы не можете упразднить философию, не осуществив ее в действительности; напротив, старому своему другу Бауэру и его последователям он говорит: вы совершенно правы, что превращаете философию в действительность, но нельзя превратить ее в действительность без того, чтобы ее не упразднить.

Критика философии права приходит к задачам, для разрешения которых имеется одно только средство — практика. Сможет ли Германия достигнуть практики, соответствующей высоте принципа, т. е. революции, способной поднять Германию не только на равную высоту с передовыми народами, но и на человеческую высоту, которая явится ближайшим будущим этих народов? Каким сальтомортале перескочить ей не только через свои собственные преграды, но и через те преграды, которые стоят перед современными народами, которые Германия в действительности должна воспринимать как освобождение от своих действительных преград и которые должны быть целью ее стремлений?

Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием; материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. А теория овладевает массами, когда становится радикальной. Однако радикальная революция нуждается все же в пассивном элементе, в материальной основе: теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей.

Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли. Но это, по-видимому, отсутствует в Германии, где различные сферы находятся не в драматических, а в эпических отношениях. Даже моральное чувство собственного достоинства немецкой буржуазии основано лишь на сознании того, что она — общий представитель филистерской посредственности всех других классов. И каждая сфера гражданского общества в Германии переживает свое поражение прежде, чем успевает отпраздновать победу, проявляет свою бездушную сущность прежде, чем ей удастся проявить свою великодушную сущность, так что каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его.

Это, однако, не доказывает еще, что в Германии невозможна радикальная, общечеловеческая революция. Невозможна в ней лишь половинчатая, исключительно политическая революция, оставляющая нетронутыми самые устои здания. Для такой революции в Германии нет необходимых предпосылок: с одной стороны, нет класса, который, исходя из своего особого положения, предпринял бы эмансипацию общества и освободил бы все общество хотя бы и в предположении, что все общество находится в положении этого класса, т. е. обладает, например, деньгами и образованием или может по желанию приобрести их; с другой стороны, в Германии нет класса, в котором были бы сосредоточены все недостатки общества, нет особой социальной сферы, считающейся общепризнанным преступлением в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего самоосвобождения. Отрицательно-всеобщее значение французского дворянства и французского духовенства обусловило собой положительно-всеобщее значение граничащей с ними и противостоявшей им буржуазии.

Из невозможности половинчатой революции Маркс заключает о «положительной возможности» революции радикальной. На вопрос, в чем эта возможность состоит, он отвечает: «В образовании класса, скованного *радикальными цепями,* такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое особое *право,* ибо над ней тяготеет не особое *бесправие,* а *бесправие вообще,* которая уже не может ссылаться на *историческое* право, а только лишь на *человеческое* право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками; такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех

других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой *полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека.* Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть пролетариат»[1]. Пролетариат зарождается в Германии в результате начинающего прокладывать себе путь *промышленного* развития, ибо не *стихийно сложившаяся,* а *искусственно созданная* бедность, не механически согнувшаяся под тяжестью общества людская масса, а масса, возникшая из *стремительного процесса* его разложения, главным образом из разложения среднего сословия, — вот что образует пролетариат, хотя постепенно, как это само собой понятно, ряды пролетариата пополняются и стихийно возникающей беднотой и христианско-германским крепостным сословием.

Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация *немца* в *человека.* Эмансипация немца есть эмансипация человека. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность. Когда созреют все внутренние условия, день немецкого воскресения из мертвых будет возвещен криком галльского петуха.

По форме и содержанию эта статья стоит в первом ряду сохранившихся юношеских произведений Маркса. Беглый очерк основного ее содержания не может дать и отдаленного представления о переливающем через край обилии мыслей, которые Маркс умеет укладывать в эпиграммно сжатую форму. Немецкие профессора усматривали в этом уродство стиля и крайнее безвкусие, но таким суждением они доказали лишь свое собственное уродство и безвкусие. Правда, и Руге уже считал «эпиграммы» этой статьи слишком «искусственными» и упрекал Маркса в «бесформенности и чрезвычайной изощренности стиля», но все же он открыл в статье «критический талант, который иногда переходит в чрезмерный задор диалектики». Это суждение не лишено основания: молодой Маркс подчас сам наслаждался звоном своего острого и тяжело разящего оружия. Задор — дар всякой гениальной молодости.

Статья раскрывает только дальний философский прицел на будущее. Никто более логично, чем Маркс в позднейшие годы, не доказал, что ни один народ не может перескочить каким-то сальтомортале через необходимые ступени своего исторического

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 427—428. — *Ред.*

развития. Его твердая рука выводит в этой статье не неверные, а лишь проясняющиеся очертания будущего. В частностях события складывались по-иному, но в общем все происходило так, как он предсказал. Об этом свидетельствует история немецкой буржуазии и история немецкого пролетариата.

3
К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

Не такой захватывающей по форме, но, пожалуй, еще более значительной по силе критического анализа была вторая статья Маркса в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». В этой статье Маркс исследует различие между человеческой и политической эмансипацией по поводу двух работ Бруно Бауэра по еврейскому вопросу.

Этот вопрос не опустился еще тогда до низин юдофобских и юдофильских толков нашего времени. Целый слой населения, приобретавший все большую силу как влиятельный представитель торгового и ростовщического капитала, лишен был из-за своей религии всех гражданских прав или же пользовался только благодаря своему ростовщичеству особыми привилегиями. Знаменитый представитель «просвещенного абсолютизма», философ из Сан-Суси, подал в этом смысле назидательный пример: он предоставил евреям-ростовщикам, которые помогали ему в подделке денег и в других сомнительных финансовых операциях, «свободу банкиров-христиан». В то же время философа Моисея Мендельсона он только терпел в своих владениях, и то не потому, что Мендельсон был философ и стремился ввести свою «нацию» в духовную жизнь Германии, а потому, что тот служил бухгалтером у привилегированного еврея — ростовщика. Лишившись этого места, Мендельсон оказался бы вне покровительства закона.

Но и буржуазные просветители, за немногими исключениями, не слишком возмущались преследованием целого слоя населения за его религиозные убеждения. Иудейская вера внушала им отвращение как образец религиозной нетерпимости, научившей и христиан «травить людей». Сами же евреи не обнаруживали ни малейшего интереса к буржуазному Просвещению. Они восхищались просветительской критикой христианского вероучения, которое сами издревле проклинали, но обвиняли в измене идеям человечества всякого, кто подходил с такой же критикой к иудейской религии. Они требовали политической эмансипации еврейства, но не в смысле равноправия, не с намерением отказаться от своего обособленного положения, а скорее с намерением укрепить это положение, и были всегда готовы поступиться либеральными принципами, если таковые противоречили каким-нибудь особым еврейским интересам.

Критика религии, начатая младогегельянцами, естественным образом распространялась и на иудейство, к которому они относились, как к подготовительной ступени христианства. Фейербах видел в иудействе религию эгоизма. «Свои особенности евреи сохранили и до настоящего времени. Их принцип, их бог есть самый *практический* принцип в мире — эгоизм и притом *эгоизм в форме религии*... Эгоизм объединяет, сосредоточивает человека на самом себе... ко ограничивает его теоретически, так как делает его равнодушным ко всему, что не касается непосредственно его личного блага»[1]. В том же духе рассуждает Бруно Бауэр, когда говорит, что евреи вгнездились в щели и расселины буржуазного общества для эксплуатации его шатких элементов, подобно богам Эпикура, которые жили в промежуточных пространствах мира, где они были избавлены от какой-либо определенной работы. Еврейская религия, по словам Бруно Бауэра, — это удовлетворяющие чувственные потребности лукавство и хитрость животных. Евреи искони веков противились историческому прогрессу и в своей ненависти ко всем народам создали своему народу самую бесперспективную, чреватую превратностями судьбы жизнь.

Но если Фейербах в своем толковании иудейской религии исходил из сущности евреев, то Бруно Бауэр рассматривал этот вопрос все же еще сквозь теологические очки, хотя, с другой стороны, Маркс и хвалил основательность, смелость и углубленность его исследований по еврейскому вопросу. Как и христиане, евреи обретут свободу лишь тогда, когда преодолеют свою религию. Христианское государство не может по своей религиозной сущности эмансипировать евреев, но и религиозная сущность евреев препятствует их эмансипации. Христиане и евреи должны перестать быть христианами и евреями, если хотят быть свободными. Но так как иудейство как религия отстало от опередившего его в религиозном отношении христианства, то путь еврея к освобождению более труден и длинен, нежели путь христианина. По мнению Бауэра, евреи должны сначала проделать опыт христианства и пройти через гегелевскую философию, и тогда только им откроется путь к свободе.

Маркс возражает на это, что недостаточно исследовать, кому надлежит освобождать и кому быть освобожденным. Критика должна задаться вопросом, о какой эмансипации идет речь — о политической или о человеческой. Евреи и христиане обрели в некоторых государствах полную политическую эмансипацию, что не значит, однако, что они эмансипированы в человеческом смысле. Отсюда следует, что между политической и человеческой эмансипацией есть разница.

[1] См. *Л. Фейербах,* Избранные философские произведения, 1955, т. II, стр. 146. — *Ред.*

Сущность политической эмансипации представлена полным развитием современного государства, и это государство есть вместе с тем и совершенное христианское государство, ибо христианско-германское государство, государство привилегий, еще несовершенно: оно есть еще теологическое, не выявившееся в своей политической чистоте государство. Политическое же государство в своем высшем развитии не требует ни от еврея упразднения иудейства, ни от человека вообще упразднения религии. Оно эмансипировало евреев и по существу своему должно их эмансипировать. Тем не менее и там, где конституция определенно устанавливает независимость политических прав от религиозных убеждений, — и там человека, не имеющего религиозных убеждений, не считают порядочным человеком. Таким образом, религия не противоречит завершенности государства. Политическая эмансипация еврея, христианина, вообще человека религиозных убеждений, является эмансипацией государства от иудейства, от христианства — вообще от религии. Государство может освободиться от определенного ограничения, в то время как человек еще не будет от него свободен, и в этом — предел политической эмансипации.

Маркс развивает эту мысль еще дальше. Государство как государство отрицает частную собственность. Отмена ценза для активного и пассивного избирательного права, имевшая место во многих североамериканских штатах, означает политически провозглашение отмены частной собственности. Государство как таковое преодолевает различие рождения, сословий, образования и занятий, заявляя, что все это — не политические различия, и провозглашая каждого гражданина, невзирая на эти различия, равноправным участником народной власти. И тем не менее государство дает частной собственности, образованию и роду занятий возможность существовать по-своему, т. е. существовать как частная собственность, как образование, как занятие, и проявлять свои особенности. Государство не только не преодолевает эти фактические различия, но само живет лишь при условии их существования. Око ощущает себя политическим государством и проявляет свою всеобщность только в противоположность к этим своим составным частям. Совершенное политическое государство представляет по своему существу родовую жизнь человечества в противоположность его материальной жизни. Все предпосылки этой эгоистической жизни продолжают существовать вне сферы государственной жизни в гражданском обществе, но как свойства гражданского общества. Отношение политического государства к его предпосылкам, будь они материального свойства, как частная собственность, или духовного, как религия, заключается в столкновении общих и частных интересов. Столкновение человека, как исповедующего особую религию, с его нахождением в

состоянии гражданина государства, столкновение с другими людьми, как членами общества, сводится к расколу между политическим государством и гражданским обществом.

Гражданское общество — основа современного государства, как античное рабство было основой античного государства. Современное государство подтвердило свое происхождение тем, что провозгласило общечеловеческие права, пользование которыми, так же как пользование политическими правами, должно быть предоставлено евреям. Общечеловеческие права признают эгоистическую гражданскую личность и безудержное движение духовных и материальных элементов, составляющих содержание ее жизненного положения, содержание современной гражданской жизни. Эти общечеловеческие права не освобождают человека от религии, а дают ему свободу религии; они не освобождают его от собственности, а дают ему свободу собственности; они не освобождают его от грязи наживы, а предоставляют ему свободу наживы. Политическая революция создала гражданское общество, разрушив пестроту феодализма, все сословия, корпорации, цехи, в которых сказывалась оторванность народа от его политической общности. Она создала политическое государство как всеобщее дело, как действительное государство.

Маркс следующим образом формулирует свою мысль: «Политическая эмансипация есть сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к *эгоистическому, независимому* индивиду, с другой — к *гражданину государства,* к юридическому лицу.

Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом;* лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация»[1].

Оставалось еще рассмотреть утверждение, что христианин восприимчивее к эмансипации, нежели еврей. Это утверждение Бауэр пытался объяснить из сущности иудейской религии. Маркс же примыкает к Фейербаху, который объяснял иудейскую религию свойствами евреев, а не выводил свойства евреев из иудейской религии. Но он идет дальше Фейербаха, поскольку выясняет тот особый общественный элемент, который отражается в иудейской религии. Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея?

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 406. — *Ред.*

Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги. «Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег* — следовательно, от практического, реального еврейства — была бы самоэмансипацией нашего времени.

Организация общества, которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно и возможность торгашества, — такая организация общества сделала бы еврея невозможным. Его религиозное сознание рассеялось бы в действительном, животворном воздухе общества, как унылый туман. С другой стороны, когда еврей признает эту свою *практическую* сущность ничтожной, трудится над ее упразднением, — тогда он высвобождается из рамок прежнего своего развития, трудится прямо для дела *человеческой эмансипации* и борется против *крайнего* практического выражения человеческого самоотчуждения»[1]. Маркс видит в еврействе общий современный антисоциальный элемент. Историческое развитие, в котором евреи приняли ревностное участие в этом дурном направлении, возвело еврейство на его теперешнюю высоту, где оно неизбежно должно распасться.

Своей статьей Маркс достиг двоякого результата: он показал основу взаимоотношений между обществом и государством. Государство не есть, как думал Гегель, действительность нравственной идеи, абсолютно разумное и абсолютная самоцель. Оно должно, напротив, довольствоваться несравненно более скромной задачей — оградить анархию буржуазного общества, поставившего государство своим стражем. В этом обществе господствует всеобщая борьба человека против человека, личности против личности, война между собой всех отдельных личностей, еще более отделенных друг от друга своей индивидуальностью. В нем господствует общее безудержное движение стихийных жизненных сил, освобожденных от феодальных тисков, господствует фактическое рабство, лишь кажущееся свободой и независимостью личности, принимающей безудержное движение своих отчужденных элементов, таких, как собственность, промышленность, религия, за свою собственную свободу, в то время как это скорее полное рабство и бесчеловечность.

Затем Маркс выяснил, что религиозные злободневные вопросы дня имеют лишь общественное значение. Развитие еврейства он усматривает не в его религиозном учении, а в промышленной и торговой практике и видит в иудейской религии фантастическое ее отражение. Еврейство в практике есть не что иное, как завершенный христианский мир. Так как буржуазное общество всецело проникнуто коммерческой еврейской сущностью, то евреи — неотъемлемая часть этого общества и могут претендовать на политическое равноправие, так же как на общечеловеческие

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 408. — *Ред.*

права. Но человеческая эмансипация — это совершенно новая организация общественных сил, такая, при которой человек становится господином своих источников жизни. Тут в еще не отчетливых очертаниях вырисовывается картина социалистического общества.

В «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» Маркс все еще вспахивал философское поле; но в бороздах, которые он проводил плугом критики, зрели зародыши материалистического понимания истории, и они быстро заколосились в лучах французской культуры.

4
ФРАНЦУЗСКАЯ КУЛЬТУРА

Весьма вероятно, судя по обычным приемам работы Маркса, что обе свои статьи — о философии права Гегеля и об еврейском вопросе — он набросал, по крайней мере в общих чертах, еще будучи в Германии, в первые месяцы своего счастливого брака. Если статьи эти касались великой французской революции, то тем настоятельнее стала для Маркса необходимость погрузиться в историю этой революции, как только пребывание в Париже дало ему возможность исследовать источники по истории революции, так же как источники по ее предистории, т. е. французскому материализму, и источники, относящиеся к ее последующей истории — французскому социализму.

Париж того времени был вправе гордиться тем, что идет во главе буржуазной культуры. В июльской революции 1830 г. французская буржуазия после ряда иллюзий и катастроф всемирно-исторического значения упрочила, наконец, то, что качала в великую революцию 1789 г. Ее таланты предавались покою. Но в то время, когда еще далеко не было сломлено противодействие старых сил, уже выступили новые силы, и волны идейной борьбы непрерывно бушевали сильнее чем где-либо в Европе, не говоря уж о могильной тишине Германии.

Маркс ринулся с открытой грудью в эти закаляющие его волны. В мае 1844 г. Руге писал Фейербаху — без намерения сказать этим нечто похвальное, что делает его свидетельство тем более достоверным, — что Маркс очень много читает и работает с огромным напряжением, но ничего не заканчивает, все обрывает и потом снова и снова погружается в безбрежное море книг. Он пишет далее, что Маркс раздражителен и вспыльчив, в особенности после того как дорабатывается до болезни и по три-четыре ночи не ложится спать. Он снова отложил критику философии Гегеля и хочет воспользоваться пребыванием в Париже, чтобы написать историю Конвента. Руге говорит одобрительно об этом плане и сообщает, что Маркс собрал для своей истории

много материала и наметил весьма плодотворные исходные пункты.

Маркс не написал истории Конвента, но это не опровергает показаний Руге, а, напротив, придает им еще большую достоверность. Чем глубже Маркс вникал в историческую сущность революции 1789 г., тем легче ему было отказаться от критики гегелевской философии как средства «уяснения вопросов самому себе» относительно современных стремлений и борьбы. Тем более он не мог ограничиться изучением истории Конвента, который, хотя и представляет собой наивысшее проявление политической энергии, политической силы и политического разума, оказался, однако, бессильным по отношению к общественной анархии.

Кроме скудных упоминаний Руге не сохранилось, к сожалению, никаких данных о ходе занятий Маркса весной и летом 1844 г. В общем, однако, легко себе представить, как эти занятия складывались. Изучение французской революции натолкнуло Маркса на ту историческую литературу «третьего сословия», которая возникла в эпоху реставрации Бурбонов. Она представлена была очень крупными талантами. Их целью было проследить историческое существование своего класса, начиная с XI века, чтобы изобразить историю Франции, начиная со средних веков, как непрерывный ряд классовых столкновений. Этим историкам — он называет из них главным образом Гизо и Тьерри — Маркс обязан был своим знанием исторической сущности классов и классовой борьбы. С экономической анатомией этой борьбы он познакомился по сочинениям буржуазных экономистов, из которых он в первую очередь указывает на Рикардо. Маркс сам всегда отрицал, что именно он открыл теорию классовой борьбы. Он претендовал только на доказательство того, что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов. Этот ход мыслей развивался у Маркса во время его парижского изгнания.

Самым блестящим и отточенным оружием, которым «третье сословие» боролось в XVIII веке против господствующих классов, была материалистическая философия. И ее Маркс усердно изучал во время своего парижского изгнания: не столько в том из ее двух течений, которое исходило от Декарта и уходило в естествознание, сколько в другом, примыкавшем к Локку и вливавшемся в общественные науки. И Гельвеций и Гольбах, которые были звездами, светившими молодому Марксу в его парижских работах, перенесли учение о материализме в область общественной жизни и положили в основу своей системы естественное равенство умственных способностей всех людей, единство между

успехами разума и успехами промышленности, природную склонность человека к добру и всемогущество воспитания. Маркс окрестил их учение «реальным гуманизмом». Это же название он дал и философии Фейербаха, с той разницей, что материализм Гельвеция и Гольбаха сделался «социальным базисом коммунизма».

Для изучения коммунизма и социализма — о своем намерении изучать их Маркс возвестил еще в «Rheinische Zeitung» — в Париже представлялись самые широкие возможности. Его взорам предстала там картина почти ошеломляющего обилия мыслей и людей. Духовная атмосфера была насыщена социалистическими зародышами, и даже «Journal des Debats»[1] — классический орган правящей денежной аристократии, получавший солидную поддержку от правительства, — не смог остаться совсем в стороне от этого течения, что проявилось хотя бы в том, что он печатал так называемые социалистические бульварные романы Эжена Сю. Противоположный полюс представляли такие гениальные мыслители, уже порожденные пролетариатом, как Леру. Между ними находились остатки сен-симонистов и деятельная секта фурьеристов во главе с Консидераном, имевшая свой орган «Democratie pacifique» («Мирная демократия»); далее — христианские социалисты, как, например, католический священник Ламенне или бывший карбонарий Бюше; мелкобуржуазные социалисты — Сисмонди, Бюре, Пеккёр, Видаль, а затем игравшие не последнюю роль представители художественной литературы, во многих выдающихся произведениях которой, например в песнях Беранже или в романах Жорж Санд, играли оттенки социалистических идей.

Но особенность всех этих социалистических систем заключалась в том, что они рассчитывали на понимание и благоволение имущих классов и хотели путем мирной пропаганды убедить их в необходимости общественных реформ или переворотов. Социалистические системы порождены были разочарованиями великой революцией; поэтому проповедники их отказывались идти той политической дорогой, которая привела к этим разочарованиям. По их мнению, нужно было помочь страдающим массам, не умевшим постоять за себя. Рабочие восстания 30-х годов потерпели поражения, и действительно, их самые решительные вожди, такие люди, как Барбес и Бланки, не имели выработанной социалистической теории и не знали определенных практических путей к социальному перевороту.

Но рабочее движение разрасталось все сильнее, и Гейне провидящим взором поэта определил порожденную такими условиями

[1] Сокращенное название «Journal des Debats politiques et literaires» («Газета политических и литературных дебатов»). — *Ред.*

проблему следующими словами: «Коммунисты — единственная партия во Франции, заслуживающая серьезного внимания. Я бы уделил такое же внимание остаткам сен-симонизма, приверженцы которого все еще живы под странными вывесками, а также фурьеристам, которые еще проявляют большую бодрость и энергию. Но эти почтенные люди движимы лишь словами, и социальный вопрос для них только вопрос, только традиционное понятие. Ими не владеет демоническая сила необходимости; они — не те предопределенные судьбой слуги, при посредстве которых высшая мировая воля проводит гигантские решения. Рано или поздно рассеявшаяся семья сен-симонистов и весь генеральный штаб фурьеристов перейдут в растущее войско коммунизма, найдут созидательное слово для грубо насущных потребностей и примут на себя роль отцов церкви». Так писал Гейне 15 июня 1843 г. Не прошло и года, как явился в Париж человек, который сделал то, чего требовал Гейне от сен-симонистов и фурьеристов, т. е. нашел созидательное слово для определения «грубо насущной потребности».

Вероятно, еще будучи в Германии и уж во всяком случае рассуждая еще с философской точки зрения, Маркс высказался против спекуляции о будущем, против решения вопросов раз навсегда, против водружения догматического знамени, вопреки «ярым» социалистам, утверждавшим, что ниже их достоинства заниматься политическими вопросами. Он доказывал, что недостаточно, чтобы мысль устремлялась к действительности, а необходимо, чтобы и действительность устремлялась к мысли. И это поставленное им условие осуществилось. После того как было подавлено последнее рабочее восстание в 1839 г., рабочее движение и социализм стали сближаться по трем направлениям.

Прежде всего — в партии социальных демократов. С социализмом дело в ней обстояло довольно слабо, ибо в ней были собраны вместе мелкобуржуазные и пролетарские элементы. Лозунги, написанные на ее знамени, — организация труда и право на труд — являлись мелкобуржуазными утопиями, которые нельзя было осуществить в капиталистическом обществе. В нем труд организован так, как этого требуют условия существования этого общества, т. е. в виде наемного труда, который предполагает капитал и может быть уничтожен только с уничтожением капитала. Так же обстоит дело и с правом на труд: оно может осуществиться лишь при условии общественной собственности на орудия производства, т. е. путем уничтожения буржуазного общества. Но подрубать корни этого строя главари партии — Луи Блан, Ледрю-Роллен, Фердинан Флокон — торжественно отказались. Они не хотели быть ни коммунистами, ни социалистами.

Однако при всей утопичности социальных целей этой партии она все же сделала решительный шаг вперед, выбрав путь поли-

тической борьбы. Она заявила, что никакая социальная реформа невозможна без политических реформ. Завоевание политической власти страдающими массами — единственное орудие их спасения. Она требовала всеобщего избирательного права, и это требование встретило живой отклик в пролетариате: ему надоели мятежи кучки заговорщиков, и он искал более действительного оружия для своей классовой борьбы.

Еще большие массы объединились вокруг знамени рабочего коммунизма, поднятого Кабе. Он был первоначально якобинцем, но благодаря литературе, главным образом под влиянием «Утопии» Томаса Мора, перешел к коммунизму. Он исповедовал коммунизм столь же открыто, как его отрицали социальные демократы, но сходился с ними в том, что признавал политическую демократию необходимой переходной стадией. Благодаря этому «Путешествие в Икарию», в котором Кабе пытался обрисовать общество будущего, сделалось несравненно популярнее гениальных фантазий Фурье о будущем, хотя в остальном книга Кабе значительно уступает им вследствие узости своего горизонта.

Наконец, раздались громкие голоса отпрысков пролетариата и ясно возвестили о том, что класс этот начинает достигать зрелости. Маркс знал еще по «Rheinische Zeitung» Леру и Прудона, которые оба, как наборщики, принадлежали к рабочему классу, и уже тогда заявил, что он основательно изучит их произведения. Последние его тем более интересовали, что Леру и Прудон старались связать свои теории с немецкой философией, хотя вышло это у них весьма путанно. Маркс сам свидетельствовал, что он старался просвещать Прудона в гегелевской философии во время их длинных бесед, часто просиживая с ним целые ночи. Они сошлись с тем, чтобы вскоре после того вновь разойтись. Но после смерти Прудона Маркс охотно признавал, что первое выступление Прудона было мощным толчком, и сам он, несомненно, почувствовал этот толчок на себе. Первое произведение Прудона, в котором автор, отказавшись от всяких утопий, назвал частную собственность причиной всех общественных зол и подверг ее основательной и беспощадной критике, Маркс назвал первым научным манифестом современного пролетариата[1].

Все эти направления положили начало слиянию рабочего движения с социализмом, но так как эти течения противоречили друг другу, то каждое из них после первых шагов впадало в новые противоречия. Марксу теперь важно было после изучения

[1] Речь идет о книге Прудона «Что такое собственность?» (Париж 1840). Меринг приводит здесь раннюю оценку Марксом этой книги, данную им в «Святом семействе» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 25—59). Всесторонняя критическая оценка этой книги дана Марксом в письме к Швейцеру от 24 января 1865 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 152—159). — *Ред.*

социализма перейти к изучению пролетариата. В июле 1844 г. Руге писал одному общему их другу в Германии: «Маркс погрузился в здешний немецкий коммунизм — конечно, только в смысле непосредственного общения с представителями его, ибо немыслимо, чтобы он приписывал политическое значение этому жалкому движению. Такую маленькую рану, какую Германии могут нанести мастеровые, да еще эти завоеванные им здесь полтора человека, она перенесет, даже не тратясь на лечение». Вскоре, однако, Руге понял, почему Маркс придавал такое большое значение начинаниям «полутора мастеровых».

5
«VORWARTS!» И ВЫСЫЛКА

О личной жизни Маркса во время парижского изгнания имеется лишь очень немного сведений. Жена его подарила ему первую дочь и уехала на родину показать ее родным. С друзьями в Кёльне продолжались прежние отношения. Они прислали тысячу талеров, чем существенно содействовали тому, что этот год был столь плодотворным для Маркса.

Маркс состоял в близких отношениях с Генрихом Гейне, и отчасти благодаря Марксу 1844 год ознаменовал собой вершину в творческой жизни поэта. Маркс был одним из восприемников от купели «Зимней сказки» и «Песни ткачей», а также бессмертных сатир на немецких деспотов. Он общался с поэтом всего несколько месяцев, но остался верен ему, даже когда возмущение филистеров обрушилось на Гейне еще в большей степени, чем на Гервега. Маркс великодушно молчал, когда Гейне уже во время своей болезни наперекор истине призвал его в свидетели невинности той пенсии, которую ему выплачивало министерство Гизо. Маркс еще почти мальчиком тщетно стремился к поэтическим лаврам и потому сохранил навсегда живые симпатии к поэтам, снисходительно относясь к их маленьким слабостям. Он считал, что поэты — чудаки, которым нужно предоставить идти собственными путями, и что к ним нельзя прилагать мерку обыкновенных или даже необыкновенных людей. Их нужно задабривать лестью для того, чтобы они пели, и не стоит подступать к ним с резкой критикой.

В Гейне Маркс видел к тому же не только поэта, но и борца. Спор между Бёрне и Гейне сделался в то время своего рода пробным камнем воззрений, и Маркс стал решительно на сторону Гейне. По мнению Маркса, ни в один период истории немецкой литературы не было примера более глупого непонимания, чем то, какое обнаружили христианско-германские ослы по отношению к сочинению Гейне о Бёрне, хотя болванов было доста-

точно во все ее периоды. Шум, поднятый по поводу мнимого предательства Гейне, повлиявший даже на Энгельса и Лассаля, правда, в их очень молодые годы, никогда не мог ввести в заблуждение Маркса. «Нам нужно немного знаков, чтобы понять друг друга», — писал ему однажды Гейне, извиняясь за «каракули» своего письма. И слова его имеют более глубокий смысл, чем это могло казаться.

Маркс сидел еще на школьной скамье, когда Гейне уже в 1834 г. открыл, что «свободолюбивый дух» нашей классической литературы проявляется «гораздо менее в среде ученых, поэтов и литераторов», чем в «огромной активной массе, среди ремесленников и кустарей». Десять лет спустя, в то время когда Маркс жил в Париже, Гейне открыл, что «во главе пролетариев в их борьбе против существующего строя стоят самые передовые умы и крупные философы». Чтобы вполне оценить свободу и твердость этого суждения, нужно помнить, что Гейне в то же время язвительно высмеивал нескончаемую болтовню в маленьких эмигрантских конвентиках, в которых Бёрне играл роль великого ненавистника тиранов. Гейне понял, что совсем иное дело, общается ли с «полутора мастеровыми» Бёрне или же Маркс.

С Марксом Гейне объединял дух немецкой философии и дух французского социализма, глубокое отвращение к христианско-германскому тунеядству, к ложной тевтономании, которая в своих радикальных лозунгах перекраивала на несколько более современный лад одежду старой немецкой глупости. Масманы и Венедеи, которых обессмертила сатира Гейне, шли все же по следам Бёрне, как бы он ни стоял выше их по уму и остроумию. Бёрне был чужд искусству и философии, судя по его же часто приводимым словам, что Гёте — холоп в стихах, а Гегель — холоп в прозе. Но, порвав с великими традициями немецкой истории, Бёрне не вступил в духовное родство с новыми силами западноевропейской культуры. Гейне, напротив, не мог отказаться от Гёте и Гегеля, ибо это значило отказаться от самого себя, и вместе с тем с жаждой погрузился во французский социализм как в новый источник духовной жизни. Его произведения сохраняют неувядаемую жизнь, они еще возбуждают гнев внуков, как некогда возбуждали гнев дедов, в то время как сочинения Бёрне забыты, и виной этому не столько «мелкая рысь» их стиля, сколько самое их содержание.

Маркс, по его собственным словам, все же не предполагал в Бёрне такого безвкусия и мелочности, какие он обнаружил в сплетнях, распространяемых им исподтишка про Гейне уже тогда, когда они еще стояли плечом к плечу. У литературных наследников Бёрне хватило глупости огласить эти сплетни, найдя их в его архиве. И все же Маркс не усомнился бы в бесспорной честности сплетника, если бы последний выполнил свое намерение и

высказался об этом споре в печати. В общественной жизни нет худших иезуитов, чем ограниченные доктринеры-радикалы, которые, завернувшись в потертый плащ своей добродетели, не останавливаются ни перед какими наветами на людей острого и свободного ума только потому, что им дано постигнуть более глубокие жизненные процессы истории. Маркс был всегда на стороне последних, тем более что хорошо знал по собственному опыту породу «добродетельных людей».

В позднейшие годы Маркс рассказывал о «русских аристократах», которые носили его на руках во время его парижского изгнания, причем, правда, прибавлял, что это не имеет большой цены. Он пояснял, что русские аристократы учатся в немецких университетах и проводят юношеские годы в Париже. Они всегда жадно хватаются за все самое крайнее на Западе, что, однако, не мешает им превращаться в негодяев, как только они поступают на государственную службу. По-видимому, эти слова Маркса относились либо к некоему графу Толстому, шпиону на службе русского правительства, либо к кому-нибудь другому. Но он, говоря это, во всяком случае не имел и не мог иметь в виду того русского аристократа, на духовное развитие которого он имел в те дни большое влияние, т. е. Михаила Бакунина. Влияние Маркса Бакунин признавал даже тогда, когда их пути далеко разошлись. И в споре между Марксом и Руге Бакунин стал решительно на сторону Маркса против Руге, который до того был защитником Бакунина.

Спор этот снова вспыхнул летом 1844 г., и на сей раз публично. В Париже с января 1844 г. стал выходить два раза в неделю «Vorwarts!» («Вперед!»), основанный с далеко не возвышенными целями. Издателем был некий Генрих Бернштейн, занимавшийся театральными и иными рекламными делами. Газета служила его коммерческим интересам и существовала на щедрую подачку композитора Мейербера. Из сочинений Гейне известно, что этот королевско-прусский генеральный директор музыки, предпочитавший жить в Париже, был помешан на широко распространенной рекламе и к тому же нуждался в ней. Но, будучи пронырливым дельцом, Бернштейн нацепил на «Vorwarts!» патриотический плащ и поставил редактором газеты Адальберта фон Борнштедта, бывшего прусского офицера, который сделался универсальным шпионом, был «поверенным» Меттерниха и в то же время получал деньги от берлинского правительства. Действительно, «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» встречен был при своем появлении ругательным салютом «Vorwarts!», причем трудно сказать, что преобладало в этой ругани — нелепость или грубость.

При всем том, однако, дело не налаживалось. В интересах целой фабрики переводов, устроенной Бернштейном, для того чтобы с чрезвычайной быстротой сплавлять новые пьесы фран-

цузских театров немецким театральным дирекциям, ему нужно было вытеснить драматургов «Молодой Германии»[1]. Чтобы достичь этой цели у филистеров, которых обуяли мятежные настроения, Бернштейн вынужден был лопотать что-то про «умеренный прогресс» и отказаться от «крайностей» не только левых, но и правых. В том же духе должен был действовать и Борнштедт, для того чтобы не отпугнуть эмигрантские кружки; общаться же с ними, не навлекая на себя подозрений, было условием, под которым ему платили жалование за его шпионство. Но прусское правительство было так слепо, что не понимало даже своих собственных государственных интересов. Оно запретило «Vorwarts!» в своих пределах, после чего и другие немецкие правительства последовали его примеру.

В начале мая Борнштедт отказался от игры, считая положение газеты безнадежным. Однако Бернштейн не отчаивался. Ему нужно было так или иначе обделывать свои делишки, и он решил с хладнокровием пронырливого спекулянта, что раз «Vorwarts!» в Пруссии запрещен, то необходимо придать газете всю притягательность запрещенного издания; тогда прусскому филистеру интересно будет добывать его контрабандным путем. Бернштейн обрадовался поэтому, когда пламенный юный Бернайс предложил ему для «Vorwarts!» очень острую статью, и после краткой перепалки Бернайс сделался редактором газеты, заменив Борнштедта. После этого к «Vorwarts!» примкнули еще некоторые эмигранты ввиду отсутствия какого-либо другого органа, но они стояли вне всякой зависимости от редакции и отвечали каждый сам за себя.

Одним из первых был Руге. Он тоже затеял перепалку с Бернштейном — сначала за своей подписью, причем даже, как будто еще вполне соглашаясь с Марксом, защищал его статьи в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Несколько месяцев спустя он написал еще две статьи, несколько коротких заметок о прусской политике и длинную статью со сплетнями о прусской династии: о «пьянице короле», о «хромой королеве», об их «чисто духовном» браке и т. д. Но обе статьи напечатаны были уже не под его именем, а за подписью «Пруссак», что давало повод приписать авторство статей Марксу. Сам Руге был гласным дрезденской городской думы и числился как таковой в списках саксонского посольства в Париже, Бернайс был баварцем из Пфальца, а Бернштейн был уроженцем Гамбурга и жил впоследствии подолгу в Австрии, но никогда не проживал в Пруссии.

Теперь уже трудно установить, с какой целью Руге подписал свои статьи псевдонимом, наводившим на ложный след. К этому времени, как видно из его писем к друзьям и родным, он уже до

[1] Находившаяся под влиянием Гейне и Бёрне литературная группа, отражавшая оппозиционные настроения мелкой буржуазии. — *Ред.*

бешенства возненавидел Маркса, договорившись до того, что стал обзывать его «подлым человеком», «наглым жидом». Неопровержимо также, что два года спустя он написал кающееся прошение прусскому министру внутренних дел и выдал в этом прошении своих товарищей по парижскому изгнанию, взвалив на плечи этих «ужасных молодых людей» свои собственные прегрешения в «Vorwarts!». Возможно, однако, что Руге приписал свои статьи уроженцу Пруссии с тем, чтобы придать больше веса статьям, в которых речь шла о прусской политике. Но в таком случае он поступил крайне легкомысленно, и вполне понятно, что Маркс поспешил отразить удар мнимого «Пруссака».

Маркс сделал это, конечно, достойным его образом. В своем возражении он использовал несколько, так сказать, фактических замечаний Руге о прусской политике и отмежевался от этой длинной статьи со сплетнями о прусской династии следующим подстрочным примечанием: «Особые причины побуждают меня заявить, что настоящая статья является первой статьей, помещаемой мною в «Vorwarts!»[1]. Она была, впрочем, и последней.

По существу дело касалось силезского восстания ткачей в 1844 г. Руге не придавал ему значения, так как в этом восстании не было политической души, а по его мнению, социальная революция без этого невозможна. Возражения Маркса в сущности уже были высказаны в его статье по еврейскому вопросу, Политическая власть не может исцелить никакое общественное зло, ибо государство бессильно устранить обстоятельства, результатом которых оно само является. Маркс резко ополчился против утопизма, доказывая, что социализм нельзя осуществить без революции, но столь же резко он выступил и против бланкизма. Он доказывал, что политический разум обманывает социальный инстинкт, если пытается продвинуться вперед при помощи мелких бесцельных путчей. Маркс разъяснял сущность революции с эпиграммной меткостью: «Каждая революция, — говорит он, — разрушает *старое общество,* и постольку сна *социальна.* Каждая революция низвергает *старую власть,* и постольку она имеет *политический* характер»[2]. Социальная революция с политической душой, какой требует Руге, есть бессмыслица, но политическая революция с социальной душой имеет разумный смысл. Революция вообще — ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений — есть политический акт. Социализм нуждается в этом политическом акте, поскольку он нуждается в уничтожении и разрушении старого. Но там, где начинается его организующая деятельность, где выступает вперед его самоцель, его душа, — там социализм отбрасывает политическую оболочку.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 430. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 448.— *Ред*.

Если этими мыслями Маркс примыкал к своей статье по еврейскому вопросу, то силезское восстание ткачей быстро подтвердило его слова о вялости классовой борьбы в Германки. В «Kolnische Zeitung» теперь больше коммунизма, чем в «блаженной памяти» «Rheinische Zeitung», писал ему его приятель Юнг из Кёльна. «Kolnische Zeitung» открыла подписку в пользу семей убитых или арестованных ткачей. Для той же цели собрано было сто талеров у высших чиновников и самых богатых купцов города на прощальном обеде в честь правительственного президента. Везде у буржуазии пробуждается симпатия к опасным мятежникам. «То, что у вас немного месяцев тому назад считалось смелой и совершенно новой постановкой вопроса, оказывается теперь уже бесспорным общим местом». Маркс указывал на проявления общего участия к ткачам как на довод против пренебрежительного отношения к восстанию со стороны Руге. Но его все же не обманывало «незначительное сопротивление, оказываемое буржуазией *социальным* тенденциям и идеям»[1]. Он предвидел, что рабочее движение смоет политические антипатии и противоречия внутри господствующих классов и обратит на себя всю вражду в области политики, как только оно станет значительной силой. Маркс раскрыл глубочайшее различие между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата, доказав, что первое есть продукт общественного благополучия, а второе — общественной нужды. Преграды к участию в политической жизни — причина буржуазной революции, преграды к участию в человеческой жизни, в истинной общности людей — причина революции пролетарской. Насколько оторванность от человеческой жизни безусловно многостороннее, невыносимее, страшнее, больше полна противоречий, чем оторванность от политической жизни, настолько и упразднение ее — даже как частный случай, как силезское восстание ткачей — тем более необъятно, чем человек необъятно больше гражданина и человеческая жизнь необъятно больше жизни политической.

Отсюда следует, что Маркс совершенно иначе судил об этом восстании, нежели Руге. «Прежде всего, вспомните *песню ткачей,* этот смелый *клич* борьбы, где нет даже упоминания об очаге, фабрике, округе, но где зато пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности. Силезское восстание *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания *кончают,* — тем именно, что осознается сущность пролетариата. Самый ход восстания тоже носит черты этого *превосходства.* Уничтожаются не только машины, эти соперники рабочих, но и *торговые книги,*

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 442. —- *Ред.*

документы на право собственности. В то время как все другие движения были направлены прежде всего только против *хозяев промышленных предприятий,* против видимого врага, это движение направлено вместе с тем и против банкиров, против скрытого врага. Наконец, ни одно английское рабочее восстание не велось с такой храбростью, обдуманностью и стойкостью»[1].

В связи с силезским восстанием Маркс напоминает о гениальных сочинениях Вейтлинга, которые в теоретическом отношении часто идут даже дальше Прудона, хотя и уступают ему в способе изложения. «Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о *политической* эмансипации, — которое было бы подобно книге Вейтлинга *«Гарантии гармонии и свободы»?* Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем *фигуру атлета»*[2]. Маркс называет немецкий пролетариат теоретиком европейского пролетариата, английский пролетариат — его экономистом, а французский — его политиком.

То, что Маркс говорил о произведениях Вейтлинга, подтвердилось суждением потомства. Они были гениальны для своего времени, тем более гениальны, что немецкий портняжный подмастерье, выступивший еще до Луи Блана, Кабе и Прудона и гораздо более эффективно, чем они, подготовил союз рабочего движения с социализмом. Более странно то, что Маркс говорит об историческом значении восстания силезских ткачей. Он приписывает ему стремления, несомненно, совершенно чуждые ему. По-видимому, Руге вернее оценил мятеж ткачей, увидав в нем только голодный бунт, лишенный более глубокого значения. Однако, как и в прежнем их споре о Гервеге, и в этом случае еще ярче сказалось, что филистер, даже когда он прав перед гениальным человеком, в конце концов все же оказывается неправым. И в конечном счете великое сердце всегда побеждает карликовый ум!

«Полтора подмастерья», на которых Руге презрительно смотрел сверху вниз в противоположность Марксу, усердно их изучавшему, организовали Союз справедливых. Он разросся в 30-х годах, примкнув к французским тайным союзам, и был разгромлен вместе с ними в 1839 г. Но это послужило ему на пользу в том отношении, что распавшиеся элементы не только вновь

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 443. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 443—444. — *Ред.*

соединились в своем старом центре — Париже, но и распространили его деятельность на Англию и Швейцарию, где свобода союзов и собраний открывала им большее поле действия, и в результате новые побеги развились мощнее, чем старый ствол. Руководителем парижской организации был Герман Эвербек из Данцига. Он перевел «Утопию» Кабе на немецкий язык и сам был еще в плену у морализирующего утопизма Кабе. Гораздо более его был развит Вейтлинг, который вел агитацию в Швейцарии, а лондонские вожаки союза превосходили Эвербека, по крайней мере по революционной решимости. Во главе лондонской организации стояли часовщик Иосиф Молль, сапожник Генрих Бауэр и Карл Шаппер, который был некогда студентом, изучал лесоводство, а потом пробивал себе дорогу в жизни то наборщиком, то преподавателем языков.

О «внушительном впечатлении», которое производили эти «три настоящих человека», Маркс, вероятно, впервые услышал от Фридриха Энгельса, посетившего его в сентябре 1844 г. проездом через Париж. Они тогда виделись в течение десяти дней, и при этом подтвердилась полная общность их взглядов, которая сказывалась уже в их статьях в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Против их воззрений высказался тем временем их старый друг Бруно Бауэр в основанной им «Literatur-Zeitung» («Литературной газете»). Маркс и Энгельс узнали об его критике как раз во время их встречи в Париже. Они сразу решили ответить ему, и Энгельс тотчас же написал то, что падало на его долю. Маркс же по своему обыкновению вникнул в вопрос глубже, чем предполагалось сначала, и, работая очень напряженно, написал в течение последующих месяцев двадцать печатных листов. Он завершил свою работу в январе 1845 г., и тогда же закончилось его пребывание в Париже.

Сделавшись редактором «Vorwarts!», Бернайс очень резко ополчился против «христианско-германских простаков» в Берлине и не стеснялся также по части «оскорблений его величества». Гейне в особенности пускал одну за другой свои зажигательные стрелы против «нового Александра Македонского» в берлинском замке. Легитимная королевская власть обратилась тогда к полицейской дубинке нелегитимного французского буржуазного королевства с просьбой принять насильственные меры против «Vorwarts!». Но Гизо притворился глухим. При всей своей реакционности он был человек образованный и знал к тому же, какую радость он доставит отечественной оппозиции, если выступит в роли сыщика прусского деспота. Однако он сделался несколько податливее, когда «Vorwarts!» напечатал «подлую статью» о покушении бургомистра Чеха на Фридриха Вильгельма IV. После совещания в совете министров Гизо изъявил готовность принять меры против «Vorwarts!», и даже меры

двоякого рода: исправительно-полицейские, накладывавшие взыскание на ответственного редактора за невнесение залога, а затем — в уголовном порядке, путем привлечения редактора к суду присяжных за подстрекательство к убийству короля.

Первое предложение было принято в Берлине, но оно ни к чему не привело: Бернайса приговорили к двум месяцам тюрьмы и штрафу в триста франков за невнесение требуемого законом залога. Но «Vorwarts!» тотчас же заявил, что будет выходить в виде ежемесячника, для чего не требуется залога. А о втором предложении Гизо в Берлине и слышать не хотели, опасаясь, и не без основания, что парижский суд присяжных не будет насиловать свою совесть ради прусского короля. Таким образом, прусское правительство настаивало перед Гизо на своем требовании выслать из Парижа редакторов и сотрудников «Vorwarts!».

После долгих переговоров французский министр уступил, наконец, давлению, которое на него оказывали. Случилось это, как тогда предполагали и как это повторил Энгельс в своем надгробном слове жене Маркса, при очень некрасивом посредничестве Александра фон Гумбольдта, который приходился шурином прусскому министру иностранных дел. В недавнее время были сделаны попытки очистить память Гумбольдта от этого обвинения на том основании, что в прусских архивах нет ничего, подтверждающего его вину. Но это ничего не опровергает: во-первых, документы по этому печальному делу сохранились лишь в очень неполном виде, а во-вторых, такие сделки никогда не совершаются письменно. То, что почерпнуто действительно нового из архивов, доказывает скорее, что какая-то решающая сцена разыгралась за кулисами.

В Берлине были более всего взбешены против Гейне, который напечатал в «Vorwarts!» одиннадцать самых резких своих сатир на прусскую внутреннюю политику и на короля. Но, с другой стороны, вопрос о Гейне был для Гизо самым щекотливым во всем этом щекотливом деле: Гейне был поэт с европейским именем и считался у французов почти национальным поэтом. Об этом главнейшем затруднении — ввиду неудобства для Гизо говорить о нем самому — какая-нибудь птица, вероятно, прощебетала на ухо прусскому посланнику в Париже, так как 4 октября посланник внезапно отправил в Берлин донесение о том, что Гейне, напечатавший будто бы в «Vorwarts!» только два стихотворения, вряд ли был членом редакции. И смысл этого донесения был понят в Берлине.

Гейне поэтому не тронули, но целый ряд других эмигрантов, писавших в «Vorwarts!» или подозреваемых в сотрудничестве в газете, получили 11 января 1845 г. предписание покинуть пределы Франции: в их числе были Маркс, Руге, Бакунин, Бернштейн и Бернайс. Часть их спаслась от высылки: Бернштейн тем,

что обязался прекратить издание «Vorwarts!», Руге — тем, что износил сапоги, бегая к саксонскому посланнику и к французским депутатам, чтобы доказать им, какой он лояльный гражданин. Маркс, конечно, ни за что не пошел бы на подобный шаг. Он переселился в Брюссель.

Его парижское изгнание длилось немногим более года, но это была самая значительная пора его учения и скитаний. Год этот обогатил его впечатлениями и опытом и, самое главное, дал ему товарища по оружию, в котором он чем далее, тем все больше нуждался, для того чтобы свершить великое дело своей жизни.

Глава четвертая

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

1
КОНТОРА И КАЗАРМА

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в Бармене. Так же как Маркс, он не из родительского дома вынес свои революционные взгляды. Как и Маркса, его толкнула на революционный путь не личная нужда, а возвышенный ум. Отец его, состоятельный фабрикант, был консерватором и приверженцем церкви; в религиозном отношении Энгельсу пришлось преодолеть больше, чем Марксу.

Энгельс учился в гимназии в Эльберфельде, но оставил ее за год до выпускных экзаменов и посвятил себя торговому делу. Подобно Фрейлигграту, Энгельс сделался хорошим купцом, хотя у него никогда не лежало сердце к «проклятой коммерции». Личность его впервые обрисовывается в письмах, которые восемнадцатилетний юноша, ученик в конторе консула Лёйпольда в Бремене, писал братьям Греберам; они были его товарищами по гимназии и теперь учились на богословском факультете. В этих письмах мало говорится о торговле и торговых делах, но они содержат шутливые намеки на товарищеские попойки. Энгельс любил выпить в веселой компании уже в юные годы, как потом и в старости; и хотя он не предавался, как Гауф, грезам в бременском пивном погребе городской ратуши и не воспевал его, как Гейне, но с грубоватым юмором рассказывал о «здоровой попойке» в этих стенах, освященных славными преданиями.

Подобно Марксу, Энгельс попробовал свои силы прежде всего на поэтическом поприще, но, как и Маркс, очень скоро убедился, что на этом пути лавров он не пожнет. В письме, помеченном 17 сентября 1838 г., т. е. когда ему еще не исполнилось восемнадцати лет, Энгельс сообщает, что отрешился от веры в свое поэтическое призвание под влиянием гётевских советов «Молодым поэтам». Он имеет при этом в виду две небольшие статьи Гёте, в которых великий старец объясняет, что немецкий язык достиг такой высокой ступени развития, что каждому дано изъясняться не без

приятности в стихах, следовательно, не стоит придавать этой способности особое значение.

Гёте заканчивает свои советы четверостишием:

Каждый юноша пусть знает,
Где ума высок полет:
Муза лишь сопровождает,
Но вперед не поведет.

Советы Гёте молодой Энгельс нашел чрезвычайно применимыми к себе; они ему показали, что его стихи ничего не вносят в искусство. Он решил поэтому смотреть на свое поэтическое творчество лишь как на «приятное дополнение», как выражается Гёте, и все же печатать иногда в журналах свои стихи: «Так делают другие молодцы, которые такие же, если не большие, чем я, ослы, и потому также, что этим я не подниму и не понижу уровня немецкой литературы»[1]. Грубоватый тон немецких буршей, в котором Энгельс всегда любил выражаться, не был у него признаком легковесности даже и в юности: в том же письме он просил своих друзей прислать ему из Кёльна народные книги — «Зигфрида», «Уленшпигеля», «Елену», «Октавиана», «Шильдбюргеров», «Детей Хеймона», «Доктора Фауста», — а также писал, что изучает Якоба Бёме. «Это темная, но глубокая душа. Приходится страшно много возиться с ним, если хочешь понять что-нибудь...»[2].

Именно это искание глубины скоро отвратило молодого Энгельса от поверхностной литературы «Молодой Германии». В написанном немного позже письме, от 10 января 1839 г.[3], он обрушивается на этих «молодчиков» главным образом за то, что у них все выдуманное. «Этот Теодор Мундт марает, что ему в голову взбредет, о мадемуазель Тальони, «танцующей Гёте», украшает себя тем, что нахватал у Гёте, Гейне, Рахили и Штиглица, пишет забавнейшую ерунду о Беттине, но все до того современно, до того современно, что у всякого щелкопера или у какой-нибудь молодой, тщеславной, сластолюбивой дамы обязательно явится охота прочесть это... А этот Генрих Лаубе! Парень без устали малюет характеры, которых не существует, пишет путевые новеллы, которые вовсе не являются таковыми, городит всякую чепуху. Это ужасно!»[4] «Новый дух» в литературе начался для молодого Энгельса с «раскатов грома июльской революции», «самого прекрасного со времени освободительной войны» проявления народной воли. К представителям этого духа он причислял Бека, Грюна

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 264.— *Ред.*
[2] Там же, стр. 265. — *Ред.*
[3] Письмо Энгельса датировано 20 января 1839 г. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 273. — *Ред.*

и Ленау, Иммермана и Платена, Бёрне и Гейне, а также Гуцкова, которого он так верно ставил выше других светил «Молодой Германии». В издаваемый этим «чудеснейшим, честнейшим малым» журнал «Telegraph» («Телеграф») Энгельс, как видно из его письма от 1 мая 1839 г., дал статью, но просил строго хранить тайну его сотрудничества, потому что иначе он попадет в «адскую передрягу».

Свободолюбивые тирады «Молодой Германии» не обманывали Энгельса относительно малой художественной ценности ее литературы. Но это отнюдь не вызывало в нем более снисходительного отношения к нападкам на «Молодую Германию» со стороны реакционного и ортодоксального лагеря. В этих случаях он становился всецело на сторону преследуемых, подписывался даже представителем «Молодой Германии» и грозил своему другу: «Но слушай, Фриц,— писал он, — так как ты вот-вот станешь пастором, то можешь стать ортодоксом, сколько душе угодно, но если ты сделаешься пиетистом, бранящим «Молодую Германию»... то берегись, тебе придется иметь дело со мной»[1]. С такого же рода чувствами связано было его особое расположение к Берне. Книгу Берне против доносчика Менцеля молодой Энгельс считал в стилистическом отношении лучшим немецким произведением, а Гейне одновременно с этим он обзывал иногда «поросенком». То было, правда, время сильного возмущения против поэта, когда и молодой Лассаль писал в своем дневнике: «И этот человек отказался от дела свободы! И этот человек сорвал с своей головы якобинскую шапку и надел на свои благородные локоны шляпу с галунами!»[2].

Но ни Бёрне, ни Гейне и ни какой-нибудь другой поэт не указали молодому Энгельсу пути его жизни, а его удел выковал из него того, кем он стал. Энгельс был родом из Бармена и жил в Бремене. Оба эти города были цитаделями северогерманского пиетизма. Избавление от оков пиетизма положило начало великой борьбе за освобождение, которой наполнена славная жизнь Энгельса. Когда он говорит о борьбе с верой своих детских лет, в тоне его звучит несвойственная ему обычно мягкость. «Я молюсь ежедневно, — пишет он, — даже почти целый день об истине; я стал так поступать с тех пор, как начал сомневаться, и все-таки я не могу вернуться к вашей вере...

У меня выступают слезы на глазах, когда я пишу это, я весь охвачен волнением, но я чувствую, что не погибну; я вернусь к богу, к которому стремится все мое сердце. И здесь тоже свидетельство святого духа, за это я жизнью ручаюсь, хотя бы в библии

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 281. — *Ред.*
[2] *Ф. Лассаль,* Дневник, Петроград 1918, стр. 127. — *Ред.*

десять тысяч раз стояло обратное»[1]. С такими душевными муками молодой Энгельс отошел от Генгстенберга и Круммахера, главарей тогдашнего ортодоксального течения, на мгновение задержался, скорее всего в недоумении, на Шлейермахере и пришел, наконец, к Давиду Штраусу; и тогда он признался друзьям, что для него нет больше возврата. Рационалист обычного типа, писал Энгельс, мог бы, конечно, отвернуться от штраусовских объяснений чудес естественным путем и от его пресной морали и полезть обратно в смирительную рубашку ортодоксальности; но философское умозрение не может вновь спуститься с «высот, озаренных лучами зари», в «туманные низины» ортодоксальности. «Я как раз на пороге того, чтобы стать гегельянцем. Стану ли я им, я, право, еще не знаю, но Штраус так мне осветил Гегеля, что это кажется мне довольно правдоподобным. Кроме того, его (Гегеля) философия истории как бы вычитана из моей души»[2]. Разрыв с церковностью привел непосредственно к политической ереси. По поводу одного поповского дифирамба тогдашнему прусскому королю, виновнику травли «демагогов», Энгельс восклицает с пылом неистового Перси[3]: «От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты революцией»[4].

Этими своими взглядами Энгельс перерос «Telegraph» Гуцкова и созрел для «Deutsche Jahrbucher» и «Rheinische Zeitung». Он писал время от времени для этих изданий, когда служил — с октября 1841 г. до октября 1842 г. — вольноопределяющимся в гвардейской артиллерии в Берлине, в казарме у Купферграбена, неподалеку от дома, где жил и умер Гегель. Свой писательский псевдоним, Фридрих Освальд, принятый им вначале, чтобы не смущать консервативных и ортодоксальных родных, Энгельс вынужден был сохранить по еще более веским причинам, когда надел «королевский мундир». 6 декабря 1842 г. Гуцков, желая утешить одного писателя, которого Энгельс резко раскритиковал в «Deutsche Jahrbucher», писал ему: «Печальная заслуга введения Ф. Освальда в литературу, к сожалению, принадлежит мне. Несколько лет тому назад один торговый служащий по фамилии Энгельс прислал мне из Бремена письма о Вуппертале. Я исправил их и напечатал, вычеркнув слишком резкие личные нападки. С тех пор он присылал еще кое-что, причем мне регулярно приходилось все переделывать. Потом он вдруг запротестовал против поправок, принялся изучать

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 309. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 330. — *Ред.*
[3] Неистовый Перси — персонаж трагедии Шекспира «Генрих IV». — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 338. — *Ред.*

Гегеля и стал писать в других журналах. Еще незадолго до появления рецензии о Вас я послал ему в Берлин пятнадцать талеров. Новички почти все таковы. Они обязаны нам тем, что научились думать и писать, а первое же их самостоятельное выступление — духовное отцеубийство. Эта черствость не привела бы, конечно, ни к чему страшному, если бы ей не пошли навстречу «Rheinische Zeitung» и издание Руге». В этих словах Гуцкова слышится, ясное дело, не плач старика Моора в голодном заточении[1], а скорее кудахтание курицы, которая видит, как высиженный ею утенок уплывает от нее.

Так же как конторская служба сделала Энгельса дельным купцом, выучка в казарме сделала из него хорошего солдата. Со времени военной службы и до конца жизни военная наука была для Энгельса одним из любимых предметов его занятий. Тесным и постоянным общением с действительной жизнью счастливо восполнились возможные пробелы умозрительной глубины в его философском сознании. Во время службы вольноопределяющимся Энгельс нередко принимал участие в попойках берлинских «Свободных», а также отчасти и в их борьбе, написав для них несколько брошюр. Это относилось, конечно, к тому времени, когда их движение еще не разложилось. Уже в апреле 1842 г. в одном лейпцигском издательстве появилась анонимная брошюра Энгельса в пятьдесят пять страниц под заглавием «Шеллинг и откровение»[2]. В ней он критиковал «новейшее покушение реакции на свободную философию». Так он называл попытку Шеллинга, получившего кафедру в Берлинском университете, вытеснить своим учением об откровении гегелевскую философию. Руге думал, что брошюра написана Бакуниным, и приветствовал ее лестной похвалой: «Этот привлекательный юноша заткнет за пояс всех берлинских старых ослов»[3], — писал он. В действительности брошюра Энгельса представляла еще философию младогегельянства в его самых крайних выводах, хотя и другие критики не лишены правоты, усматривая в ней не столько резкую критику, сколько поэтически-философские излияния.

Приблизительно в то же время, под свежим впечатлением увольнения Бруно Бауэра, Энгельс напечатал, тоже под псевдонимом, в Неймюнстере близ Цюриха «Христианскую героическую поэму» в четырех песнях — сатиру на «торжество веры» над «верховным чертом», который «пришел в великий ужас». В этой поэме Энгельс широко пользуется правом юности презирать придирчи-

[1] Образ из драмы Шиллера «Разбойники». — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 394—445. — *Ред.*

[3] A. Ruges Briefwechsel und Tagebuchblatter aus den Jahren 1825—1880. Bd I, Brl., 1886, S. 273 (А. Руге. Переписка и дневник за 1825—1880 гг., т. I, Берлин 1886, стр. 273). — *Ред.*

вую критику. Образец его труда дают те стихи, где он описывает себя, а также Маркса, с которым он тогда еще не был знаком лично:

... Тот, что всех левей, чьи брюки цвета перца
И в чьей груди насквозь проперченное сердце,
Тот длинноногий кто? То *Освальд* — монтаньяр!
Всегда он и везде непримирим и яр.
Он виртуоз в *одном:* в игре на гильотине,
И лишь к *единственной* привержен каватине,
К той именно, где есть всего один рефрен:
Formez vos bataillons! aux armes, citoyens!..[1]
Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То *Т рира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет, — бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый![2]

По окончании военной службы, в конце сентября 1842 г., Энгельс вернулся в родительский дом[3] и оттуда отправился два месяца спустя в Манчестер в качестве приказчика крупной бумагопрядильни «Эрмен и Энгельс» — фирмы, в которой отец его был компаньоном. Проездом через Кёльн Энгельс побывал в редакции «Rheinische Zeitung» и там впервые встретился с Марксом. Встреча их была довольно холодная, так как она произошла как раз в дни разрыва Маркса со «Свободными». Энгельс был настроен против Маркса письмами братьев Бауэров, а Маркс видел в Энгельсе единомышленника берлинских «Свободных».

2
АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Энгельс прожил тогда двадцать один месяц в Англии, и это время имело для него такое же значение, как парижский год в жизни Маркса. Оба они вышли из школы немецкой философии и, исходя из нее, пришли за границей к одинаковым результатам. Но Маркс уяснил себе борьбу и стремления своего времени путем изучения французской революции, а Энгельс — благодаря знакомству с английской промышленностью.

Англия тоже пережила буржуазную революцию, даже на целое столетие раньше Франции, но именно поэтому — в гораздо менее

[1] Стройте ваши батальоны! к оружию, граждане! — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, 1956, стр. 482, 483. — *Ред.*
[3] Энгельс вернулся из Берлина в Бармен около 10 октября 1842 г. — *Ред.*

развитых условиях. Революция вылилась в компромисс между аристократией и буржуазией, которые сообща основали монархию. Английскому «среднему классу» не пришлось вести такую упорную и длительную войну против королевской власти и аристократки, как французскому «третьему сословию». Во Франции историческая наука, просто оглядываясь на прошлое, поняла, что борьба «третьего сословия» была в действительности классовой борьбой, в Англии же мысль о классовой борьбе забила, так сказать, заново из свежего источника, когда пролетариат во время билля о парламентской реформе 1832 г. вступил в борьбу с господствующими классами.

Это различие объясняется тем, что крупная промышленность гораздо глубже взрыла почву в Англии, чем во Франции. Она уничтожила старые классы и создала новые в почти осязаемом процессе развития. Внутренняя структура современного буржуазного общества была в Англии гораздо более ясной, чем во Франции. Энгельс понял из истории, а также из знакомства с сущностью английской промышленности, что экономические явления, — которым до того историческая наука не придавала никакого значения или даже относилась к ним с презрением, — представляют собою, по крайней мере в современном обществе, решающую историческую силу, что они являются основой возникновения современных классовых противоречий, что эти классовые противоречия, полностью развившиеся благодаря росту промышленности, в свою очередь образуют основу возникновения политических партий, партийной борьбы и тем самым всей политической истории.

К тому же и деловые интересы Энгельса направляли его внимание прежде всего на область экономических отношений. Свое сотрудничество в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» он начал с критики политической экономии, как Маркс — с критики философии права. Его маленькая статья написана еще с юношеским задором, но уже свидетельствует о редкой зрелости суждений[1]. Нужно было быть немецким профессором, чтобы назвать эту статью «чрезвычайно путаным пустячком». Маркс очень верно назвал ее «гениальным наброском». Это был именно «набросок», ибо то, что Энгельс говорит об экономических теориях Адама Смита и Рикардо, далеко не имеет исчерпывающего характера и даже не всегда верно, а многие его возражения против них были уже, быть может, отчасти высказаны английскими и французскими социалистами. Но действительно гениальной была попытка вывести все противоречия буржуазной экономии из истинного ее источника — частной собственности. Этим Энгельс пошел дальше Прудона, который пытался бороться против частной собственности, оставаясь

[1] Имеются в виду «Наброски к критике политической экономии». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 544—571. — *Ред.*

на ее же почве. В этой статье Энгельс писал об обесчеловечивающем влиянии капиталистической конкуренции, о мальтусовской теории народонаселения, о неустанно растущей лихорадочности капиталистического производства, о кризисах и законе о заработной плате, об успехах науки, которые при господстве частной собственности превращаются из средства освобождения человечества в средство все большего порабощения рабочего класса, и т. д. Сказанное им содержало плодотворные корни научного коммунизма в области экономической, и Энгельс, действительно, первый открыл эти корни.

Он сам слишком скромно судил о своих заслугах. Однажды он сказал, что окончательная, точная формулировка его экономических положений принадлежит Марксу. Он говорил также: «Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и скорее всех нас»[1] — и находил, что Маркс, в конце концов, сам бы открыл все, что сказано было им, Энгельсом. На самом же деле, в их молодые годы в той области, в которой должен был произойти и действительно произошел решительный бой, Энгельс был тем, кто давал, а Маркс тем, кто воспринимал. Маркс был, несомненно, более одарен в философском отношении и, прежде всего, прошел более систематическую школу мышления. Из желания позабавиться детскими гаданиями на тему «если бы да кабы», ничего общего, впрочем, не имеющими с историческим исследованием, можно было бы задаться вопросом, справился ли бы Энгельс с их общей задачей в ее более сложном французском виде так, как с нею справился Маркс. Но ту же задачу в более простой английской форме Энгельс разрешил не менее удачно, и эта заслуга его недостаточно оценена. Впрочем, если рассматривать его критику политической экономии лишь с односторонней экономической точки зрения, то кое-что может вызвать возражения. Тем, чем она выделяется и что знаменовало в ней существенный прогресс, автор обязан диалектической школе Гегеля.

Философская исходная точка зрения выступает осязаемо и во второй статье, напечатанной Энгельсом в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Он изображал в ней положение Англии, разбирая одно произведение Карлейля, которое он отметил как единственную достойную внимания книгу из литературной жатвы целого года. Такая бедность была характерной противоположностью французскому богатству. Энгельс писал по этому поводу о духовном истощении английской аристократии и буржуазии. Он утверждал, что образованный англичанин, по которому на континенте судят об английском национальном характере, — самый презренный раб под солнцем, утопающий в своих предрассудках, главным

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 366. — *Ред.*

образом религиозных. «Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки действительно достойны уважения, несмотря на всю их грубость и на. всю их деморализацию. От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее»[1]. Энгельс указывал на то, как, выражаясь по Марксу, философия начинает пускать корни на этой «наивной народной почве»: штраусовская «Жизнь Иисуса», которую ни один благопристойный писатель не решался переводить и ни один пользующийся авторитетом издатель — печатать, вышла в переводе одного социалистического агитатора, и ее распространяли выпусками ценою в один пенс среди рабочих в Лондоне, Бирмингаме и Манчестере.

Энгельс перевел «наилучшие из удивительно ярких мест, часто встречающихся в книге» Карлейля, рисующей положение Англии в самых мрачных красках. Но он возражал, ссылаясь на Бруно Бауэра и Фейербаха, против метода спасения, который предлагал Карлейль: против новой религии, пантеистического культа героев и тому подобного. Он доказывал, что все возможности религии исчерпаны, в том числе и пантеизм, с которым тезисы Фейербаха в «Anekdota» покончили навсегда. «До сих пор вопрос всегда гласил: что есть бог? — и немецкая философия разрешила его так: бог — это человек. Человек должен лишь познать себя самого, сделать себя самого мерилом всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы, — и тогда загадка нашего времени будет им разрешена»[2]. И как Маркс истолковал фейербаховского человека как сущность человека, как государство, общество, так Энгельс увидел в человеческой сущности историю, которая «для нас все», которая стоит выше для нас, чем для всех прежних философских направлений, выше даже, чем для Гегеля, ибо для него, в конце концов, она служила только проверкой его логической конструкции.

Чрезвычайно интересно проследить по статьям, которые Энгельс и Маркс напечатали (каждый по две) в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», как у них обоих зарождались одинаковые мысли, только по-иному окрашенные: у одного — в свете французской революции, у другого — в свете английской промышленности, этих двух великих исторических переворотов, с которых начинается история современного буржуазного общества. При таком различии окраски мысли их все же по существу одинаковы. Если Маркс выводил из человеческих прав анархическую сущность бур-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 574. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 593. — *Ред.*

жуазного общества, то Энгельс следующим образом толковал конкуренцию, «главную категорию экономиста, его любимейшую дочь»: «Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно»[1]. Если Маркс пришел к выводу, что человеческая эмансипация осуществится только тогда, когда человек путем организации своих сил в силы общественные сделается родовым существом, то Энгельс соответственно этому говорит следующее: производите сознательно, как люди, а не бессознательно, как разрозненные атомы, и тогда вы покончите со всеми искусственными и беспочвенными противоречиями.

Отсюда видно, как тождество их мысли приводит почти к совпадению словесного выражения.

3
«СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО»

Первой совместной работой Маркса и Энгельса было их сведение счетов со своей философской совестью. Оно облеклось в форму полемики против «Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщей литературной газеты»), которую Бруно Бауэр издавал в Шарлоттенбурге с декабря 1843 г. вместе со своими братьями Эдгаром и Эгбертом.

В этом органе берлинские «Свободные» пытались обосновать свое мировоззрение, или то, что они называли таковым. Фрёбель приглашал Бруно Бауэра работать в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», но тот в конце концов не решился примкнуть к этому изданию и продолжал твердо держаться своего философского самосознания. Упорство Бауэра объясняется в сущности не только тем, что его личное самосознание было очень больно задето Марксом и Руге. Его едкие замечания о «блаженной памяти «Rheinische Zeitung»», о «радикалах», об «умниках 1842 года» имели, с его точки зрения, свою реальную основу. Быстрота и основательность, с которыми романтическая реакция уничтожила «Deutsche Jahrbucher» и «Rheinische Zeitung», как только они повернули от философии к политике, и полное равнодушие «массы» к такой «резне» «духа» убедили Бауэра, что этот путь никуда не ведет. Он видел единственное спасение в возврате к чистой философии, к чистой теории, к чистой критике, и в области идеологической заоблачности ему нетрудно было возвести философию во всемогущего властелина мира.

Программу «Allgemeine Literatur-Zeitung», поскольку вообще эта программа представляла нечто понятное, Бруно Бауэр изложил

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 1, стр. 559, 561. — *Ред.*

в следующих словах: «Все великие дела прежней истории были ошибочны с самого начала и не имели настоящего успеха, потому что ими интересовалась и восторгалась масса. Или же они кончались самым жалким образом, потому что их руководящая идея была такого рода, что ей суждено было довольствоваться поверхностным пониманием и таким образом рассчитывать на одобрение массы». Противоположность между «духом» и «массой» проходила красной нитью через все, что писалось в «Literatur-Zeitung»; она говорила, что дух знает теперь, где обретается его единственный противник: в самообмане и бессодержательности массы.

В соответствии с этим газета Бауэра относилась с осуждающей пренебрежительностью ко всем «массовым» движениям современности, к христианству и еврейству, к пауперизму и социализму, к французской революции и английской промышленности. Энгельс выразился еще не слишком невежливо, написав о направлении газеты: «Она является и остается старой бабой; она — увядшая и вдовствующая *гегелевская* философия, которая подрумянивает и наряжает свое высохшее до отвратительнейшей абстракции тело и с вожделением высматривает все уголки Германии в поисках жениха»[1]. Гегелевская философия была действительно доведена Бауэрами до абсурда. У Гегеля абсолютный дух всегда лишь задним числом проявляется в сознании философа как творческий мировой дух, и этим он в сущности говорил, что абсолютный дух делает и историю только в воображении. Гегель поэтому очень настойчиво предостерегал от ложного предположения, что философствующий индивид и является сам абсолютным духом; Бауэры же и их приверженцы, напротив, считали себя самих воплощением критики, абсолютного духа, который через них осознанно выполняет свою роль мирового духа в противоположность остальному человечеству. Эти грезы должны были скоро испариться даже в философской атмосфере Германии, ибо и в кругу самих «Свободных» «Allgemeine Literatur-Zeitung» встретила довольно холодный прием. Ни Кёппен, который и без того держался в стороне, ни Штирнер не примкнули к ней. Последний даже, напротив, втихомолку готовился разделаться с ней. Не удавалось также залучить Мейена и Рутенберга, и Бауэрам пришлось, за единственным исключением — Фаухера, довольствоваться третьестепенным составом «Свободных» — некиим Юнгницом и псевдонимом Шелига — прусским лейтенантом фон Цыхлинским. Он умер в 1900 г. в чине генерала-от-инфантерии. Весь этот мираж бесследно рассеялся в течение одного года, никем не оплаканный. «Literatur-Zeitung» не только умерла, но уже была забыта, когда Маркс и Энгельс выступили против нее в своей книге.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 21. — *Ред.*

Это обстоятельство было весьма неблагоприятно для их первого общего произведения — «Критики критической критики», как они сами его окрестили, или «Святого семейства» — это заглавие дано было книге по предложению издателя. Противники сейчас же стали вышучивать авторов, говоря, что они ломятся в открытую дверь. Да и Энгельс сам, получив книгу в готовом виде, высказался в том смысле, что она превосходна, но слишком объемиста. Величественное пренебрежение, с которым в ней трактовалась критическая критика, находилось в досадном противоречии с размером книги — ее двадцатью двумя листами. Энгельс к тому же считал, что большая часть содержания будет непонятна широкой публике и не представит общего интереса. В настоящее время это мнение еще более верно, чем тогда. Но зато книга приобрела очарование, которое не ощущалось, или по крайней мере не в такой степени ощущалось, при ее появлении.

Один новейший критик, отметив все ее недостатки, придирки к словам, пустые споры и даже чудовищные изгибы мысли, говорит, что книга эта содержит несколько прекраснейших откровений гения; эти страницы, по его мнению, по мастерству формы, по железной выкованности языка принадлежат к лучшему, что Маркс когда-либо написал.

Маркс проявляет себя в этих местах книги мастером плодотворной критики, которая побивает идеологическое воображение фактами. Она творит разрушая и созидает низвергая. Критической болтовне Бруно Бауэра о французском материализме и французской революции Маркс противопоставил блестящие очерки этих исторических явлений. На разглагольствование Бруно Бауэра о противоположности между «духом» и «массой», «идеей» и «интересом» Маркс холодно возражает: ««*Идея*» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «*интереса*»». Всякий массовый интерес, который отстаивал себя в истории, переходил обыкновенно при выступлении на мировую арену в форме идей далеко за свои действительные пределы и отождествлялся с человеческим интересом вообще. Это иллюзии, которые Фурье называет тоном каждой исторической эпохи. *«Интерес* буржуазии в революции 1789 г., далекий от того, чтобы быть *«неудачным»,* все *«выиграл»* и имел *«действительный успех»,* как бы впоследствии ни рассеялся дым *«пафоса»* и как бы ни увяли *«энтузиастические»* цветы, которыми он украсил свою колыбель. Этот *интерес* был так могущественен, что победоносно преодолел перо Марата, гильотину террористов, шпагу Наполеона, равно как и католицизм и чистокровность Бурбонов»[1]. В 1830 г. буржуазия осуществила свои желания 1789 г., с той только разницей, что закончилось ее политическое просвещение. В конституционно-парламентском строе она

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 89. — *Ред.*

не стремилась больше к осуществлению идеального государства, блага всего мира и к достижению общечеловеческих целей, а видела в нем официальное выражение своей исключительной власти и политическое признание своего обособленного интереса. Ошибочной революция была только для той массы, политическая идея которой не являлась идеей ее действительного интереса. Истинный жизненный принцип ее не совпадал поэтому с жизненным принципом революции. Реальные условия освобождения массы существенно отличались от условий, в рамках которых буржуазия могла добиться освобождения для себя и для общества вообще.

Бруно Бауэр утверждал, что государство сплачивает атомы гражданского общества; Маркс, возражая ему, объяснял сплоченность этого общества тем, что они являются атомами только в представлении, на небе своего воображения; в действительности же они — существа, чрезвычайно отличающиеся от атомов, т. е. не божественные эгоисты, а эгоистичные люди. «Только *политическое суеверие* способно еще воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство»[1]. На пренебрежительные слова Бауэра о значении промышленности и природы для исторического познания Маркс отвечает вопросом: полагает ли критическая критика, что ока в познании исторической действительности подошла хотя бы к началу, пока она исключает из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естественные науки и промышленность? «Подобно тому как она отделяет мышление от чувств, душу от тела, себя самое от мира, точно так же она отрывает историю от естествознания и промышленности, усматривая материнское лоно истории не в *грубо-материальном* производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на небе»[2].

Как Маркс вступился перед критической критикой за французскую революцию, так Энгельс — за английскую промышленность. Ему пришлось при этом иметь дело с молодым Фаухером, который из всех сотрудников «Allgemeine Literatur-Zeitung» еще более других считался с земной действительностью. Любопытно читать, как верно Энгельс разъяснял тогда капиталистический закон заработной платы, который двадцать лет спустя при выступлении Лассаля он посылал в преисподнюю, называя его «гнилым рикардовским законом». При всех грубых ошибках, в которых его уличил Энгельс, — Фаухер в 1844 г. не знал, что английские коалиционные запреты были уничтожены в 1824 г., — со стороны Энгельса имели иногда место и придирки к словам. Ошибался и Энгельс в одном существенном пункте, правда, в иную сторону,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 134. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 166. — *Ред.*

чем Фаухер. Последний вышучивал билль о десятичасовом рабочем дне лорда Эшли, говоря, что это — «ничтожная срединная мера», которая не с корнем вырывает зло; Энгельс же принимал его за выражение — правда, возможно более мягкое — безусловно радикального принципа, ибо он не только в состоянии занести топор над внешней торговлей и тем самым над фабричной системой, но и глубоко подрубить ее корни. Энгельс, а вместе с ним и Маркс видели тогда в билле лорда Эшли попытку наложить на крупную промышленность реакционные оковы, которые будут неминуемо снова и снова разбиваться при системе капиталистического общества[1].

От своего философского прошлого Энгельс и Маркс освободились еще не вполне. С первой же строки предисловия они выдвигают «реальный гуманизм» Фейербаха против спекулятивного идеализма Бруно Бауэра. Они безусловно признают гениальные выводы Фейербаха, признают за ним заслугу создания великих и мастерских основных положений для критики всякой метафизики, признают, что он поставил человека на место старого философского суррогата, в том числе и бесконечного самосознания. Но через гуманизм Фейербаха они идут дальше — к социализму, через абстрактного человека — к историческому человеку и с изумительной проницательностью разбираются в сложнейших вопросах социализма. Они раскрывают тайну игры в социализм, которой тешилась сытая буржуазия. Даже человеческая нужда и самое глубокое падение, вынуждающее принимать милостыню, служат на потеху денежной и культурной аристократии, принося удовлетворение ее эгоизму, приятно возбуждая ее высокомерие. В этом весь смысл многочисленных благотворительных обществ во Франции, в Германии, многочисленных донкихотских затей с благотворительными целями в Англии, всяческих концертов, балов, спектаклей, кухонь для бедных, даже общественных подписок для пострадавших при разных катастрофах.

Из великих утопистов «Святое семейство» больше всего заимствовало в идейном отношении у Фурье. Но Энгельс уже отделял Фурье от фурьеризма; он говорил, что разбавленный водой фурьеризм, тот, который проповедовала «Democratie pacifique», есть не что иное, как социальное учение части филантропической буржуазии. Он и Маркс всегда настойчиво подчеркивали то, чего не понимали и великие утописты: историческое развитие, самостоятельное движение рабочего класса. Возражая Эдгару Бауэру, Энгельс писал: «Критическая критика не создает ничего, рабочий создает все, до такой степени все, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику. Английские и

[1] См. работу *К. Маркса* и *Ф. Энгельса* «Святое семейство, или Критика критической критики», гл. 2 (Соч., 2 изд., т. 2, стр. 12—17). — *Ред.*

французские рабочие являются лучшим свидетельством этого»[1]. А пресловутую, якобы взаимоисключающую противоположность между «духом» и «массой» Маркс устранял, между прочим, и тем замечанием, что коммунистической критике утопистов тотчас же ответило практически движение огромной массы. Нужно ознакомиться с любознательностью, умственной работой, духовной энергией, неутомимой жаждой умственного развития, проявляемыми французскими и английскими рабочими, чтобы составить себе представление о человеческом благородстве этого движения.

Понятно поэтому, что Маркс особенно сильно возмущался безвкусием перевода и в особенности комментариев, которыми Эдгар Бауэр согрешил в «Allgemeine Literatur-Zeitung» против Прудона. Конечно, утверждение, что Маркс возвеличивал в «Святом семействе» того же Прудона, которого несколько лет спустя так резко критиковал, есть лишь академическая уловка. Маркс только восставал против пустых разглагольствований, которыми Эдгар Бауэр затемнял истинные заслуги Прудона. Маркс признавал, что Прудон открыл новые пути в области политической экономии, так же как он признавал подобные заслуги Бруно Бауэра в области критики теологии. Но вместе с тем он нападал на узость подхода Бруно Бауэра к вопросам теологии и Прудона — к вопросам политической экономии.

Прудон рассматривал собственность как внутреннее противоречие с точки зрения буржуазной экономии, а Маркс говорил, опровергая его: «Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *свое собственное существование,* а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность.

Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность...

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную.* От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение.

Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 21. — *Ред.*

объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата как пролетариата, — этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность»[1].

В то же время Маркс решительно отвергает предположение, что он возводит пролетариев в богов, приписывая им эту всемирно-историческую роль: «Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды,* этого практического выражения *необходимости,*— то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий... не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда.* Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию,* исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»[2]. И Маркс все снова и снова подчеркивал, что значительная часть английского и французского пролетариата уже сознает свою историческую задачу и неустанно работает над тем, чтобы довести это сознание до полной ясности.

Наряду со многими свежими родниками, из которых бьет струя жизни, в «Святом семействе» встречаются и некоторые бесплодные

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 38—39. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 40. — *Ред.*

места. К таковым относятся две длинные главы, посвященные невообразимой мудрости почтенного Шелиги, и они составляют тяжкое испытание для терпения читателя. Чтобы наиболее справедливо судить о книге Маркса и Энгельса, следует рассматривать ее как импровизацию, каковой она, по-видимому, и была. Как раз в те дни, когда состоялось личное знакомство Энгельса и Маркса, получен был в Париже восьмой выпуск «Allgemeine Literatur-Zeitung», и в нем Бруно Бауэр, правда, скрытым образом, но вместе с тем очень едко пытался оспаривать взгляды, к которым пришли Маркс и Энгельс в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher».

Тогда, быть может, и зародилась у них мысль ответить прежнему другу в задорно веселом тоне маленьким памфлетом, который предполагалось издать как можно скорее. Энгельс действительно тотчас же написал свою часть, занимающую немногим больше листа, и очень удивился, узнав, что Маркс растягивает книгу на двадцать печатных листов. Ему казалось «курьезным» и «комичным», что при столь незначительном объеме его вклада в книгу имя его тоже стояло на заглавном листе и даже на первом месте. Маркс взялся, очевидно, за работу со свойственной ему обстоятельностью, и при этом, по известному и очень верному определению, у него, вероятно, не хватило времени, чтобы быть кратким; впрочем, быть может, он растянул материал для того, чтобы воспользоваться цензурной свободой, предоставлявшейся книгам объемом более чем в двадцать печатных листов.

Авторы «Святого семейства» оповещали читателей, что их полемическая книга есть лишь предвестник самостоятельных произведений, в которых они — каждый в отдельности — изложат свое отношение к новейшим философским и социальным учениям. Насколько это намерение было серьезно, видно из того факта, что Энгельс уже закончил в рукописи первое из этих самостоятельных произведений, когда он получил первый печатный экземпляр «Святого семейства».

4
ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Этот труд назывался «Положение рабочего класса в Англии» и вышел летом 1845 г. в Лейпциге у Виганда, бывшего издателя «Deutsche Jahrbucher»; за несколько месяцев до того Виганд издал «Единственного» Штирнера[1]. В то время как Штирнер, этот последний отпрыск гегельянства, излагал плоскую мудрость капиталистической конкуренции, Энгельс установил в своей книге основ-

[1] Имеется в виду книга: *M. Stirner,* Der Einzige und sein Eigenthum (*М. Штирнер,* Единственный и его собственность), изданная в Лейпциге в 1845 г. — *Ред.*

ные положения для тех немецких теоретиков, которые — а это были почти все — пришли через Фейербаха и его упразднение гегелевской спекулятивной философии к коммунизму и социализму. Он изобразил положение английского рабочего класса во всей его ужасающей, но характерной для господства буржуазии действительности.

Когда Энгельс почти пятьдесят лет спустя вновь издал эту свою книгу, он назвал ее одной из фаз в эмбриональном развитии современного международного социализма. Он прибавил к этому: и подобно тому, как человеческий зародыш на самых ранних ступенях своего развития воспроизводит еще жаберные дуги наших предков — рыб, так и в этой книге повсюду можно найти следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой классической философии. Это, однако, верно лишь с тем ограничением, что следы эти еще менее заметны в «Положении рабочего класса», чем в статьях, напечатанных Энгельсом в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Тут нет больше речи ни о Бруно Бауэре, ни о Фейербахе, а о «друге Штирнере» Энгельс лишь упоминает несколько раз, чтобы его слегка подразнить. О существенном влиянии немецкой философии на эту книгу можно говорить никак не в смысле отсталости, а лишь в неоспоримо прогрессивном смысле.

Главное значение книги состоит отнюдь не в изображении пролетарской нужды, создавшейся в Англии при господстве капиталистического способа производства. В этом отношении у Энгельса были предшественники — Бюре, Гаскелл и другие, на которых он часто ссылается. Даже подлинное возмущение против социального строя, обрекающего рабочие массы на самые страшные страдания, потрясающе правдивое описание этих страданий, глубокое и истинное сочувствие жертвам капиталистического социального строя — все это еще не составляет самого характерного в книге Энгельса. Наиболее поразительна и вместе с тем исторически значительна в ней та проницательность, с которой двадцатичетырехлетний автор постиг дух капиталистического способа производства и объяснил, исходя из него, не только возвышение, но и неминуемое падение буржуазии, не только нищету, но и грядущее избавление пролетариата. Цель книги заключалась в том, чтобы показать, каким образом крупная промышленность создает современный рабочий класс, делая из него обесчеловеченную умственно и нравственно, приниженную до уровня животных, физически расшатанную расу, и вместе с тем — как современный рабочий класс в силу исторической диалектики, законы которой выяснены каждый в отдельности, развивается и должен развиваться для того, чтобы быть в состоянии ниспровергнуть своего творца. Путь к господству пролетариата над Англией Энгельс усматривал в слиянии рабочего движения с социализмом.

Дать такое исследование, однако, способен был лишь тот, у кого диалектика Гегеля вошла в плоть и кровь и кто сумел поставить ее с головы на ноги. Тем самым в книге Энгельса дана была основа социализма, что и составляло намерение автора. То большое впечатление, однако, которое книга Энгельса произвела при своем появлении, вызвано было не этим, а ее чисто фактическим содержанием. Если — как с комичным самомнением выразился один академический педант — книга Энгельса сделала социализм «допустимым в университете», то лишь в том смысле, что не один профессор обломал об нее свое ржавое копье. Прежде всего ученая критика торжествовала по поводу того, что все же революция, которую Энгельс видел уже у ворот Англии, не наступала. Он сам, однако, с полным правом утверждал пятьдесят лет спустя, что его не удивляет, если и не сбылись те или иные предсказания, сделанные им с «юношеской горячностью», а поразительно, напротив, что столь многое из них сбылось, хотя и не в таком «слишком близком будущем», как он предполагал.

В настоящее время «юношеская горячность», ожидавшая многого «в слишком близком будущем», составляет одно из наибольших очарований книги Энгельса. Без этой тени был бы немыслим и проливаемый книгой свет. Гениальное прозрение, угадывая будущее в настоящем, видит грядущее острее и тем самым более близким, чем «здравомыслящий» человеческий рассудок; последнему труднее привыкнуть к мысли, что не обязательно ровно в полдень подавать суп на стол. С другой стороны, тогда и помимо Энгельса многие считали, что в Англии революция уже у дверей. Об этом говорил и «Times» («Времена»), главный орган английской буржуазии. Но нечистая совесть только боялась в революции разбоев и поджогов, пророческому же взору социалиста открывалось появление новой жизни из развалин старого.

«Юношеский пыл» Энгельса проявлялся в течение зимы 1844/1845 г. не только в этой книге. В то время как он ковал ее на наковальне, на огне у него раскалялось новое железо: наряду с продолжением этой же книги (по замыслу Энгельса, она должна была стать лишь отдельной главой более обширной работы о социальной истории Англии) Энгельс собирался издавать совместно с Мозесом Гессом социалистический ежемесячник и затем также библиотеку иностранных социалистических писателей, написать критический разбор Листа и многое другое. Он неустанно призывал к работе и Маркса, с которым у него было много общих планов. «Постарайся, — писал он ему, — скорее кончить свою книгу по политической экономии, даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет. Все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо... пора сделать это. Постарайся поэтому кончить *до* апреля. Делай, как я. Назначь себе срок, к которому ты обязательно *должен быть готов,* и позаботься, чтобы книга

была скорее напечатана. Если ты не можешь сделать этого в Париже, то печатай в Мангейме, Дармштадте или где-нибудь еще. Важно, чтобы книга появилась как можно скорей»[1]. Даже относительно «удивившей его» растянутости «Святого семейства» Энгельс утешался тем, что и это не беда: «Это хорошо, по крайней мере появится многое из того, — писал он, — что иначе еще долго лежало бы в твоем письменном столе»[2]. Как часто приходилось ему в течение дальнейших десятилетий обращаться к Марксу с подобными словами!

Но нетерпеливый в своих призывах к работе, Энгельс вместе с тем с величайшим терпением помогал Марксу, когда его гений тяжело боролся с самим собой и когда Маркса к тому же теснили житейские невзгоды. Как только до Бармена дошло известие, что Маркса выслали из Парижа, Энгельс счел необходимым открыть подписку, «чтобы коммунистически распределить между нами все причиненные тебе лишние расходы». Сообщая Марксу, что подписка «пошла хорошо», он прибавляет: «Так как я не знаю, хватит ли этого, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, мой гонорар за первую английскую статью, который я скоро получу хотя бы частью и без которого я могу обойтись, так как займу у отца, я предоставляю с величайшим удовольствием в твое распоряжение. Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что поставили тебя в затруднительное денежное положение»[3]. И в течение целой человеческой жизни Энгельс неутомимо защищал своего друга от «этой радости собак».

Несмотря на легкий тон Энгельса в его юношеских письмах, сам он отнюдь не был легкомыслен по характеру. Той «первой английской штуке», о которой он так пренебрежительно писал, придают весьма большой вес семь десятков лет, минувшие с тех пор; это было произведение, составившее эпоху, первый великий документ научного социализма. Энгельсу было двадцать четыре года, когда он написал свою книгу, вытряхнув ею даже столбы пыли из академических париков. Но Энгельс не был скороспелым талантом, который быстро расцветает в душном тепличном воздухе и потом еще быстрее увядает. Его «юношеский пыл» исходил из подлинного солнечного пламени высоких мыслей, согревавшего еще его старость, так же как оно согревало его молодость.

Он жил в то время в доме своих родителей «тихой спокойной жизнью, благодушной и добропорядочной», как только мог желать себе «завзятейший филистер». Однако скоро ему это надоело, и только «огорченные лица» стариков родителей побудили его

[1] См *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 13, 14. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 14. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 13. — *Ред.*

еще раз вернуться к коммерции. Но он решил во всяком случае уехать весной и прежде всего направиться в Брюссель. «Семейные нелады» еще более осложнились вследствие коммунистической пропаганды в Бармене — Эльберфельде, так как Энгельс принимал в ней деятельное участие. Он писал Марксу о трех коммунистических собраниях, из которых на первом присутствовало 40 человек, на втором — 130, на третьем — 200. «Успех колоссальный,— писал он. — Коммунизм является главной темой разговоров, и каждый день приносит нам новых приверженцев. Вуппертальский коммунизм — уже факт и почти сила»[1]. Эта «сила», правда, рассеялась по простому приказу полиции и вообще имела довольно странный вид. Энгельс сам сообщал, что только пролетариат держался в стороне от этого коммунистического движения, которым «самые глупые, беззаботные, проникнутые филистерством люди, ничем в мире не интересовавшиеся, начинают увлекаться...»[2].

Это плохо вязалось с тем, что Энгельс писал в то же время о перспективах английского пролетариата. Но таков он и был: чудесный человек с головы до пят, всегда впереди, бодрый, зоркий, неутомимый и не без той привлекательной наивности, которая так к лицу восторженной и храброй молодости.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 14. — *Ред.*
[2] Там же. — *Ред.*

Глава пятая

БРЮССЕЛЬСКОЕ ИЗГНАНИЕ

1
«НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ»

После высылки из Парижа Маркс переселился со своей семьей в Брюссель. Энгельс выразил опасение, что ему будут чинить неприятности и в Брюсселе; и Марксу действительно пришлось испытать стеснения с первых же дней.

В письме к Генриху Гейне Маркс сообщал, что сейчас же по прибытии в Брюссель он был приглашен в «ведомство общественной безопасности», где от него потребовали письменного обязательства не печатать ни одной строчки по вопросам текущей бельгийской политики. Такое обязательство Маркс выдал со спокойной совестью, ибо у него не было ни намерения, ни возможности заняться этими вопросами. Прусское правительство продолжало, однако, делать бельгийскому министерству представления о высылке Маркса. Ввиду этого Маркс еще в том же году, 1 декабря 1845 г., вышел из прусского подданства.

Однако ни тогда, ни после Маркс не принял подданства никакого другого государства, хотя временное правительство французской республики в знак своего уважения сделало ему такое предложение весною 1848 г. Как и Гейне, Маркс не пожелал перейти в иностранное подданство, между тем как Фрейлигрaт, немецкий патриотизм которого столь часто ставили в пример обоим этим «людям без отечества», сделавшись эмигрантом, ни на минуту не поколебался натурализоваться в изгнании в Англии.

Весною 1845 г. в Брюссель приехал и Энгельс. Оба друга отправились в Англию[1], где они в течение шести недель путешествовали в целях ее изучения. Во время этого пребывания в Англии Маркс, который уже в Париже начал изучать Мак-Куллоха и Рикардо, ближе познакомился с английской экономической литературой. Но, по собственным словам Маркса, он на этот раз

[1] Около 12 июля 1845 г. — *Ред.*

успел заглянуть только в те книги, которые можно было достать в Манчестере, и познакомиться с теми сочинениями и выписками, которые были у Энгельса.

Энгельс работал уже во время первого пребывания в Англии в органе Роберта Оуэна «New Moral World» («Новый нравственный мир») и в газете чартистов «Northern Star» («Северная звезда»). Своей второй поездкой он воспользовался для того, чтобы возобновить старые знакомства. И, таким образом, оба друга завязали новые связи как с чартистами, так и с социалистами.

После этой поездки Маркс и Энгельс приступили вновь к работе над совместным произведением. «Мы решили, — довольно лаконично писал об этом позже Маркс, — сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — выяснение дела самим себе — была достигнута»[1]. Мыши выполнили свое дело в буквальном смысле слова, но то, что осталось от рукописи, объясняет, почему сами авторы были не слишком огорчены своей неудачей.

Если уже их прежняя чересчур основательная работа, посвященная сведению счетов с Бауэрами, была довольно твердым орешком для читателей, то эти два толстых тома, объемом в пятьдесят печатных листов, оказались бы орешком еще потверже. Работа была озаглавлена: «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков»[2]. Энгельс устанавливал впоследствии по памяти, что одна только критика Штирнера равнялась по объему всей книге последнего. И те отрывки «Немецкой идеологии», которые были изданы, доказывают, что память не обманывала Энгельса. Это была еще более громоздкая «сверхполемика», чем даже «Святое семейство» в самых его сухих частях. А кроме того, и оазисы в пустыне встречались здесь гораздо реже, хотя все же иногда попадались. Но диалектическая острота отдельных мест

[1] См. *К. Маркс,* К критике политической экономии, 1953, стр. 8—9. — *Ред.*

[2] Впервые была издана в СССР на немецком языке в 1932 г. и на русском языке в 1933 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 3. — *Ред.*

слишком быстро сменялась мелкими придирками и спором из-за слов.

Конечно, наш вкус теперь более требователен, чем в то время. Но этим еще не все объясняется. Своими более ранними, как и более поздними работами и даже работами того же самого времени Маркс и Энгельс показали с достаточной убедительностью, что обладают блестящей способностью эпиграммно острой критики, и их стиль меньше всего страдал расплывчатостью. В данном случае дело объяснялось тем, что вся тогдашняя идейная борьба разыгрывалась в очень маленьком кругу лиц, из которых к тому же многие были еще в весьма юном возрасте. Тут наблюдается такое же явление, какое отмечено в истории литературы относительно Шекспира и современных ему драматургов. У противника берут какое-нибудь одно место и начинают на него охотиться, как на дикого зверя. Буквальным или произвольным истолкованием мысли противника ей стараются придать возможно более глупый смысл. Все эти приемы, равно как и склонность к безграничным преувеличениям, были рассчитаны не на большую публику, а на утонченное понимание профессионалов. То, что в шекспировском остроумии кажется нам иногда неприемлемым или даже непонятным, объясняется тем, что Шекспир сознательно или бессознательно руководствовался в своем творчестве соображением: а что скажут на это Грин и Марло, Джонсон, Флетчер и Бомонт.

Приблизительно так же объясняется тон, в который намеренно или бессознательно впадали Маркс и Энгельс, когда имели дело с Бауэром, Штирнером и прочими старыми рыцарями бесплодных упражнений чистой мысли. Поучительнее, без сомнения, было бы знать, что сказали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» о Фейербахе, ибо в данном случае дело не ограничивалось бы одной отрицательной критикой. К сожалению, этот отдел книги остался незаконченным. Некоторые афоризмы о Фейербахе, написанные Марксом в 1845 г. и напечатанные Энгельсом спустя несколько десятилетий[1], дают, однако, достаточно ясные указания на этот счет. Маркс усматривает в материализме Фейербаха тот же недостаток, какой в студенческие годы он находил у Демокрита, одного из основоположников материализма: отсутствие «энергического принципа». Главный недостаток всего предшествующего материализма состоял, по мнению Маркса, в том, что предмет, действительность, чувственность берутся только в форме объекта, в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась

[1] Имеются в виду «Тезисы о Фейербахе». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 1—4. — *Ред.*

идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности. Другими словами, отбросив всего Гегеля, Фейербах отбросил и то, от чего не следовало отказываться. Задача состояла в том, чтобы все революционизирующую диалектику Гегеля перенести из мира идей в мир действительности.

Еще из Бармена Энгельс в свойственной ему решительной форме написал письмо Фейербаху с целью привлечь его на сторону коммунизма. Фейербах ответил в дружественном тоне, но предложение — по крайней мере для данного времени — отклонил. Он обещал, если ему удастся, приехать на Рейн ближайшим летом, и Энгельс надеялся, что «уговорит» тогда Фейербаха в необходимости и ему переселиться в Брюссель. Пока же Энгельс направил к Марксу в качестве «превосходного агитатора» ученика Фейербаха — Германа Криге.

Фейербах, однако, не приехал на Рейн, а его ближайшие работы показали, что он так и не расставался со своими «старыми стоптанными сапогами». И ученик Фейербаха, Криге, тоже не оправдал надежд. Он, правда, перевез коммунистическое учение через океан в Америку, но так бесчинствовал в Нью-Йорке, что это пагубно отразилось и на коммунистической колонии в Брюсселе, которая к тому времени начала группироваться вокруг Маркса.

2
ИСТИННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Предполагалось, что вторая часть задуманного труда будет посвящена немецкому социализму в лице его различных пророков и в ней будет подвергнута уничтожающей критике «вся нелепая и безвкусная литература немецкого социализма».

Дело шло о Мозесе Гессе, Карле Грюне, Отто Люнинге, Германе Пютмане и других писателях, создавших довольно объемистую литературу, в том числе и ряд журналов. Эти журналы были: «Gesellschaftsspiegel» («Зеркало общества»), ежемесячный журнал, выходивший с лета 1845 г. по лето 1846 г.; затем «Rheinische Jahrbucher» («Рейнский ежегодник») и «Deutsches Burgerbuch» («Книга для немецких граждан»), вышедшие в 1845 и в 1846 гг. двумя годовыми выпусками; далее — ежемесячник «Westphalische Dampfboot» («Вестфальский пароход»), журнал, который начал выходить в 1845 г. и существовал до самой германской революции, и, наконец, отдельные ежедневные органы, как, например, «Triersche Zeitung» («Трирская газета»).

Чудачество, которое Карл Грюн окрестил однажды «истинным социализмом» (Маркс и Энгельс насмешливо подхватили это определение), просуществовало недолго. Уже в 1848 г. «истинный

социализм» бесследно испарился, с первым выстрелом революции направление это исчезло само собой. На духовное развитие Маркса оно не оказало никакого влияния, ибо с самого начала Маркс выступил с критикой против него, показывавшей превосходство Маркса. Но резкий приговор, который он вынес «истинному социализму» в «Коммунистическом манифесте», все же не дает исчерпывающего представления об отношении к нему Маркса. Порой Марксу казалось, что из «истинного социализма», несмотря на все его нелепости, может все-таки выйти некоторый толк, когда это направление перебродит, как молодое пиво. Такого же мнения, и в еще большей степени, придерживался и Энгельс.

Энгельс издавал вместе с Мозесом Гессом журнал «Gesellschaftsspiegel», в котором одну статью напечатал и Маркс. В брюссельскую эпоху оба они работали вместе с Гессом, и одно время могло казаться, будто Гессу удалось вжиться в мировоззрение Маркса и Энгельса. Маркс несколько раз пытался привлечь Генриха Гейне к сотрудничеству в «Rheinische Jahrbucher». И если не сам Маркс, то во всяком случае Энгельс печатался и в «Rheinische Jahrbucher» и в «Deutsches Burgerbuch», которые издавались Пютманом, а в «Westphalische Dampfboot» сотрудничали и Маркс и Энгельс. Здесь Маркс напечатал тот единственный отрывок из второй части «Немецкой идеологии», который до сих пор увидел свет: основательную и резкую критику одной фельетонной работы Карла Грюна о социальном движении во Франции и Бельгии[1].

«Истинный социализм» также родился из разложения гегелевской философии, и ввиду этого иногда утверждают, будто Маркс и Энгельс сами вначале принадлежали к лагерю «истинного социализма» и потому критиковали его впоследствии с такой резкостью. Но это ни в коей мере не соответствует истине. Совершенно верно, что обе стороны пришли к социализму от Гегеля и Фейербаха. Но в то время как Маркс и Энгельс изучали социализм, основываясь на истории французской революции и развитии английской промышленности, «истинные социалисты» довольствовались тем, что переводили на «испорченный немецко-гегелевский язык» социалистические формулы и ходячие словечки. Маркс и Энгельс пытались поднять «истинных социалистов» выше такого уровня и проявили оба достаточно справедливости, чтобы рассматривать все это направление как продукт германской истории. Маркс и Энгельс, несомненно, оказали большую честь Грюну и его товарищам, сопоставляя их толкование социализма — эту пустую спекуляцию об осуществлении сущности человека — со взглядами Канта, который тоже понимал волеизъявления Великой французской революции только как законы истинно человеческой воли.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 3, стр. 489—534. — *Ред.*

Маркс и Энгельс проявляли много долготерпения, но также и строгости в своих педагогических заботах об «истинных социалистах». В «Gesellschaftsspiegel» за 1845 г. Энгельс как соиздатель позволял еще доброму Гессу многое из того, что ему самому было, наверное, крайне не по душе. Но уже в 1846 г. в «Deutsches Burgerbuch» Энгельс попортил немало крови «истинным социалистам»: «Немножко «человечности», как сейчас принято выражаться, немножко «реализации» этой человечности или, скорее, животности, кое-что о собственности по Прудону — из третьих или четвертых рук, — несколько вздохов о пролетариате, кое-что об организации труда, жалкие союзы для улучшения положения низших классов народа — наряду с безграничным невежеством в отношении политической экономии и действительного состояния общества — вот к чему сводится весь этот «социализм», который к тому же утрачивает последнюю каплю крови, последние следы энергии и силы в результате своей беспартийности в области теории, своего «абсолютного спокойствия мысли». И таким переливанием из пустого в порожнее хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, побудить массы к мысли и действию!»[1] Так писал Энгельс о литературе «истинных социалистов».

Интересы пролетариата и масс определили в первую очередь отношение Маркса и Энгельса к «истинному социализму». Если из всех представителей «истинного социализма» они наиболее резко нападали на Карла Грюна, то не только потому, что Грюн действительно напрашивался на наибольшее количество ударов, но и потому, что, живя в Париже, Грюн вносил вреднейшую смуту в ряды рабочих и оказывал роковое влияние на Прудона. И если в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс с крайней резкостью и с недвусмысленным намеком на своего прежнего друга Гесса расправились с «истинным социализмом», то сделали они это для того, чтобы пустить в ход свою практическую агитацию среди международного пролетариата.

Маркс и Энгельс еще могли простить «истинным социалистам» их «невинный педантизм», с которым они «принимали всерьез свои беспомощные упражнения, столь торжественно трубя о них на весь свет», но не ту поддержку, которую они якобы оказывали правительствам. Борьбу буржуазии против домартовского абсолютизма и феодализма «истинные социалисты» собирались использовать как «желанный повод» для нападения на либеральную оппозицию с тыла. «Истинный социализм» послужил для «немецких абсолютных правительств, с их свитой попов, школьных наставников, заскорузлых юнкеров и бюрократов,.. кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 2, стр. 584. — *Ред.*

Он был подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания немецких рабочих»[1]. Все это было сильно преувеличено по существу и совершенно несправедливо по отношению к определенным лицам.

Сам Маркс указывал в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» на своеобразное положение, создавшееся в Германии: буржуазия не могла восстать против правительства, не вызвав в то же время восстания рабочих против самой себя. Задача социализма состояла поэтому в поддержке либерализма там, где он выступал еще революционно, и в борьбе против него там, где он стал уже реакционным. В отдельных случаях задача эта была нелегка: Маркс и Энгельс тоже иногда защищали либерализм, считая его еще революционным, в то время как он уже стал реакционным. «Истинные социалисты» часто увлекались в обратном направлении, осуждали либерализм огульно, а это могло быть только приятно правительствам. Больше всех грешил в этом отношении Карл Грюн, почти наравне с ним Мозес Гесс, а меньше всех Отто Люнинг, редактор «Westphalische Dampfboot». Но как ни виновны в этом отношении «истинные социалисты», все же их вина заключалась в глупости и непонимании, а отнюдь не в желании оказать поддержку правительствам. Во время революции, которая вынесла смертный приговор всем их измышлениям, «истинные социалисты» все, как один, стояли на левом крыле буржуазии. Не говоря уже о Гессе, боровшемся в рядах германской социал-демократии, ни один из представителей «истинного социализма» не перебежал на сторону правительства. В этом отношении у них совесть чиста, не в пример представителям всех других оттенков буржуазного социализма, как тогдашнего, так и нынешнего. «Истинные социалисты» питали также большое уважение к Марксу и Энгельсу, они охотно предоставляли в их распоряжение свои органы печати, даже когда Маркс и Энгельс слегка гладили их при этом против шерсти. Не тайным коварством, а явной путанностью мысли объясняется то, что они не могли вылезть из своей собственной шкуры. Они любили старую песенку филистеров всего мира: Медленным шагом, робким зигзагом.., молодая партия не должна быть слишком строга; если полемика неизбежна, то следует по крайней мере соблюдать хороший тон, избегать чрезмерной резкости, не отталкивать противника; людей с такими именами, как Бауэр, Руге, Штирнер, необходимо щадить и т. п. Все это, конечно, не могло нравиться Марксу. «Для этих старых баб характерно то, — заметил однажды Маркс по этому поводу, — что они стремятся замазать и подсластить всякую действительную партийную борьбу...»[2]. Однако в отдельных случаях

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 452. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 34. — *Ред.*

эти здравые взгляды Маркса встречали сочувствие и у «истинных социалистов»: например, в лице Иосифа Вейдемейера, который состоял в родстве с Люнингом и принимал участие в редактировании «Westphalische Dampfboot», Маркс и Энгельс приобрели одного из самых верных своих сторонников.

Вейдемейер был сначала артиллерийским офицером в прусской армии. В силу своих политических убеждений он вышел в отставку и в качестве помощника редактора «Triersche Zeitung», которая находилась под идейным влиянием Карла Грюна, втянулся в круг «истинных социалистов». Неизвестно, приехал ли Вейдемейер весною 1846 г. в Брюссель специально с целью познакомиться с Марксом и Энгельсом или же по какому-нибудь другому поводу, но во всяком случае он быстро сблизился с ними и сделался решительным противником общего воя по поводу резких выступлений Маркса и Энгельса, хотя в этом вое принимал участие и его шурин Люнинг. Вейдемейер был уроженец Вестфалии; человек уравновешенный и несколько тяжеловесный, он отличался верностью и настойчивостью — свойства, которыми славятся вестфальцы. Значительным литературным дарованием Вейдемейер не обладал: вернувшись в Германию, он служил землемером при постройке железной дороги Кёльн — Минден, а в «Westphalische Dampfboot» работал только между делом. Но, будучи практиком по натуре, он старался прийти на помощь Марксу и Энгельсу в другой нужде, которая становилась все более чувствительной: он пытался подыскать для них издателя.

«Литературная контора» в Цюрихе благодаря проискам Руге была закрыта для Маркса и Энгельса. Хотя Руге признавал, что Маркс едва ли напишет что-либо плохое, но вместе с тем, приставая с ножом к горлу, он потребовал от своего компаньона Фрёбеля, чтобы тот прервал все сношения с Марксом. Лейпцигский книготорговец Виганд, главный издатель младогегельянцев, уже раньше отказался печатать критику Бауэров, Фейербаха и Штирнера. Маркс и Энгельс поэтому чрезвычайно обрадовались, когда Вейдемейер нашел у себя на родине, в Вестфалии, двух богатых коммунистов (их имена были Юлиус Мейер и Ремпель), которые согласились дать нужные деньги для организации книгоиздательства. Дело сразу предполагалось поставить на широких началах. Имелось в виду немедленно приступить к выпуску не менее трех изданий: «Немецкой идеологии», библиотеки социалистических писателей и трехмесячника под редакцией Маркса, Энгельса, а также Гесса.

Однако, когда дело дошло до платежей, оба капиталиста отступились, вопреки устному согласию, данному не только Вейдемейеру, но и Гессу. В надлежащий момент нашлись «внешние обстоятельства», которые помешали им на деле доказать свою коммунистическую готовность к жертвам. Таким образом, Вейде-

мейер, сам того, конечно, не желая, доставил Марксу и Энгельсу большое разочарование. Оно усугубилось еще тем, что Вейдемейер безуспешно предлагал «Немецкую идеологию» целому ряду других издателей, а чтобы придти на помощь Марксу в его острой нужде, собрал несколько сотен франков среди единомышленников в Вестфалии. В пользу его честности и добропорядочности говорит, впрочем, то, что Маркс и Энгельс в дальнейшем общении с ним очень скоро забыли об этих медвежьих услугах.

Но во всяком случае рукопись «Немецкой идеологии» теперь окончательно предоставлена была «грызущей критике мышей».

3
ВЕЙТЛИНГ И ПРУДОН

Гораздо больший драматизм и более значительный общественный интерес, чем критика философов послегегелевского периода и «истинных социалистов», представляют собой столкновения Маркса с двумя гениальными пролетариями, оказавшими на него большое влияние в начале его деятельности.

Вейтлинг и Прудон вышли из недр рабочего класса; это были здоровые, сильные и богато одаренные натуры. Внешние обстоятельства благоприятствовали обоим, так что им, вероятно, было бы нетрудно явить пример тех редких исключений, которые питают филистерскую уверенность в том, что, мол, каждому таланту из рабочей среды открыта дорога в ряды имущих. Но и Вейтлинг и Прудон отвергли этот путь и добровольно избрали удел нищеты, чтобы бороться за своих товарищей по классу и по страданиям.

Статные, представительные, жизнерадостные, полные сил, оба они были как бы созданы для того, чтобы пользоваться всеми радостями жизни. Но они сознательно обрекали себя на самые жестокие лишения, чтобы следовать своим целям. «Узенькая постель, часто одна комнатушка на троих, грубая доска вместо письменного стола и иногда чашка черного кофе» — так жил Вейтлинг и в то время, когда его имя уже внушало страх сильным мира сего. И подобный же образ жизни вел Прудон в своей каморке в Париже: «он носил вязаную шерстяную фуфайку и стучащие деревянные башмаки», когда его имя приобрело уже европейскую известность.

В обоих смешалась немецкая и французская культура. Вейтлинг был сын французского офицера и, когда возмужал, поспешил в Париж, чтобы черпать из источников французского социализма. Прудон родился в старом графстве Бургундском, которое во времена Людовика XIV присоединено было к Франции. Прудону всегда ставили в упрек, что у него немецкая голова или даже немецкая путаная голова. Во всяком случае Прудон, как только

определилось его духовное самосознание, тяготел к немецкой философии, в представителях которой Вейтлинг, напротив, видел только «сеятелей тумана». С другой стороны, Прудон не находил достаточно резких слов, чтобы выразить свое отрицательное отношение к великим утопистам, а Вейтлинг, наоборот, считал себя обязанным им всем, что у него было лучшего.

На долю Вейтлинга и Прудона выпали одинаковая слава и одинаковая судьба. Они были первыми пролетариями современности, которые дали миру историческое доказательство высокого духа и силы, присущих рабочему классу, историческое доказательство того, что современный рабочий класс может сам взять в руки дело своего освобождения. Они первые прорвали заколдованный круг, замыкавший до того времени рабочее движение и социализм. В этом смысле их деятельность составляет эпоху, в этом смысле их творчество и их борьба остались образцами для следующих поколений борцов, в этом смысле они оказали плодотворное влияние на зарождавшийся научный социализм. Маркс больше чем кто-либо осыпал похвалами Вейтлинга и Прудона в начале их деятельности. Прудон и Вейтлинг были для него живым воплощением тех идей, к которым он пришел умозрительным путем, критически преодолев гегелевскую философию.

Но, как сказано выше, Вейтлингу и Прудону выпали на долю не только одинаковая слава, но и одинаково печальная судьба. Несмотря на их проницательность и дальновидность, Вейтлинг так и остался немецким ремесленником, а Прудон — французским мелким буржуа. И поэтому они разошлись с человеком, который достойно завершил то, что они блестяще начали. Причиной расхождения было не личное тщеславие, не упрямство из-за каприза, хотя, может быть, впоследствии — по мере того как Вейтлинг и Прудон начинали чувствовать, что волна исторического развития относит их на мель, — выступили и такие мотивы. Столкновения Вейтлинга и Прудона с Марксом показывают, что они просто не понимали, куда он стремился. Они были во власти ограниченного классового сознания, и эта ограниченность проявлялась тем сильнее, что жила в них бессознательно.

В начале 1846 г. Вейтлинг приехал в Брюссель. Его агитация в Швейцарии вследствие ее внутренних противоречий остановилась на мертвой точке, а потом навлекла на себя дикие преследования. Тогда он отправился в Лондон, но не мог там поладить с деятелями Союза справедливых. Он сделался жертвой жестокой судьбы именно потому, что, спасаясь от нее, возомнил себя пророком. Волна чартистской агитации подымалась в это время в Англии все выше и выше. Но Вейтлинг, вместо того чтобы с головой броситься в это движение, занялся разработкой своей системы мышления и речи и носился с планом создания всемирного языка. Эта затея становилась его излюбленной причудой. Он

легкомысленно брался за такие задачи, которые сплошь и рядом были ему не по плечу. Благодаря этому он все больше замыкался в себе и отдалялся от подлинного источника своей силы — от реальной жизни своего класса.

Переселение в Брюссель было во всяком случае наиболее разумным шагом Вейтлинга, ибо если кто-нибудь и мог еще спасти его в идейном отношении, то это был Маркс. Что Маркс принял его самым радушным образом, известно не только от Энгельса, но и от самого Вейтлинга. Идейное взаимопонимание между ними оказалось, однако, невозможным. На одном из собраний брюссельских коммунистов, 30 марта 1846 г., между Марксом и Вейтлингом произошло чрезвычайно резкое столкновение. Оно было вызвано обидными нападками Вейтлинга, как он сам сообщает об этом в письме к Гессу. В то время велись переговоры об организации нового книгоиздательства, и Вейтлинг вздумал утверждать, что Маркс хочет отрезать его от «денежных источников», чтобы самому воспользоваться «хорошо оплачиваемыми переводами». Маркс, однако, и после этого продолжал помогать Вейтлингу чем мог. 6 мая Гесс, тоже на основании слов самого Вейтлинга, писал Марксу из Вервье: «Как я и ожидал от тебя, ты, несмотря на столкновения с Вейтлингом, не закрываешь перед ним кошелька, пока у тебя есть в нем что-нибудь». А в кошельке Маркса было донельзя мало.

Но спустя несколько дней Вейтлинг довел дело до непоправимого разрыва. Американская пропаганда Германа Криге не оправдала надежд ни эмиграции, ни Маркса и Энгельса, В еженедельнике «Volks-Tribun» («Народный трибун»), который Криге издавал в Нью-Йорке, не было ничего, кроме ребячески пышного и фантастического сентиментальничания. Еженедельник, конечно, не имел ничего общего с принципами коммунизма и вносил прямую деморализацию в ряды рабочих. Еще хуже было то, что Криге писал нелепые просительные письма, выклянчивая у американских миллионеров по нескольку долларов для своего журнала. При этом он выдавал себя за литературного представителя немецкого коммунизма в Америке, Естественно, что действительные представители коммунизма сочли необходимым протестовать против компрометировавшего их сообщества.

16 мая Маркс и Энгельс, а также их друзья решили выразить такой мотивированный протест в форме циркулярного письма к товарищам и хотели послать это письмо прежде всего для опубликования в самом органе Криге[1]. Один только Вейтлинг не пожелал подписать протест, прикрываясь ничтожными предлогами. «Volks-Tribun», — заявил он, — коммунистический орган, вполне

[1] «Циркуляр против Криге» был принят на заседании «Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета» 11 мая 1846 г. — *Ред.*

соответствующий американским условиям. У коммунистической партии столько могущественных врагов в самой Европе, что ей незачем направлять свое оружие на Америку, и меньше всего следует разжигать там братоубийственную войну. И Вейтлинг не удовольствовался отказом от участия в протесте: он отправил еще письмо Герману Криге, предостерегая его от «отъявленных интриганов». «Пресловутая лига, — писал он, — состоит из двенадцати или двадцати человек и распоряжается весьма толстой мошной; у них одна прихоть: вести борьбу против меня как реакционера. Сначала им надо снять голову у меня, потом у других, потом у собственных друзей; а затем уж эти господа начнут перерезывать горло друг другу... Для этих интриг у них есть теперь громадные деньги, а я нигде не нахожу издателя. Мы с Гессом стоим совершенно особняком от этой компании; но Гесс, как и я, в опале». После такого письма и Гесс отрекся от этого ослепленного человека.

Криге напечатал протест брюссельских коммунистов, который был затем перепечатан и Вейдемейером в «Westphalische Dampfboot». Но в качестве противоядия Криге присоединил к протесту и письмо Вейтлинга или по крайней мере его наиболее резкие места. Кроме того, Криге убедил Национальную ассоциацию реформы — немецкую рабочую организацию, которая признала еженедельник Криге своим органом, — пригласить Вейтлинга в редакторы и послать ему деньги на проезд в Америку. Таким образом Вейтлинг исчез из Европы.

В те же майские дни готовился также разрыв между Марксом и Прудоном. Не имея собственного органа, Маркс и его друзья старались по мере возможности заполнить этот пробел, прибегая к печатным или литографированным циркулярным письмам, как и в случае с Криге. Вместе с тем они старались заручиться постоянными корреспондентами в тех крупных центрах, где жили коммунисты. Такие корреспондентские комитеты существовали уже в Брюсселе и Лондоне, предполагалось учредить его и в Париже. Маркс обратился к Прудону с просьбой о сотрудничестве. В письме из Лиона от 17 мая 1846 г. Прудон ответил согласием и только оговорился, что не может обещать писать часто и много. Но при этом он воспользовался случаем, чтобы прочитать своему адресату длиннейшее наставление, которое показало Марксу, какая пропасть раскрылась между ним и Прудоном.

«Я исповедую теперь почти абсолютный антидогматизм в экономических вопросах», — пишет Прудон. Он настоятельно советует Марксу не впадать в то противоречие, в какое впал его земляк Мартин Лютер, когда после низвержения католической теологии немедленно же стал усердно водружать знамя теологии протестантской, в изобилии прибегая при этом к анафемам и отлучениям: «Не нужно создавать новые хлопоты человеческому роду новой идейной путаницей; дадим миру образец мудрой и дально-

видной терпимости; не будем разыгрывать из себя апостолов новой религии, хотя бы это была религия логики и разума». Подобно «истинным социалистам», Прудон беспечно относился к теоретической путанице, для Маркса же устранение ее было первейшей предпосылкой успешной коммунистической пропаганды.

О революции, в которую он долгое время верил, Прудон теперь не хотел и слышать. «Я предпочитаю лучше сжечь институт собственности на медленном огне, чем дать ему новую силу, устроив варфоломеевскую ночь для собственников». О том, какими средствами разрешается эта проблема, Прудон обещает обстоятельно поведать в сочинении, которое наполовину уже напечатано. По выходе в свет этого сочинения пусть Маркс обрушит на него громы и молнии, и Прудон обещает принять их со смирением, утешаясь надеждой на скорый реванш. «Попутно я должен сказать вам, что намерения французского рабочего класса, по-видимому, вполне совпадают с моими взглядами; жажда знаний так велика у наших пролетариев, что они окажут очень плохую встречу всякому, кто не сможет предложить им иного напитка, кроме крови». В заключение Прудон счел своим долгом взять под защиту Карла Грюна. Это сделано было в ответ на письмо Маркса, в котором тот предостерегал Прудона против плохо переваренного Грюном гегельянства. Не зная немецкого языка, пишет Прудон, он вынужден пользоваться Грюном и Эвербеком при изучении Гегеля и Фейербаха, как и Маркса и Энгельса. Грюн намерен перевести его новейшее сочинение на немецкий язык. Пусть Маркс окажет содействие распространению немецкого издания. Это будет почетно для всех.

Конец прудоновского письма звучит как прямое издевательство, хотя Прудон, вероятно, не хотел обидеть Маркса. Во всяком случае Марксу едва ли было приятно, когда Прудон высокопарно изображал его кровопийцей. А подвиги Карла Грюна только усиливали это недовольство.

В связи с этим, а также еще по некоторым другим причинам, Энгельс решил в августе 1846 г. временно переселиться в Париж и взять на себя корреспондирование из этого города, который все еще оставался важнейшим центром коммунистической пропаганды. Парижских коммунистов к тому же надо было осведомить о разрыве с Вейтлингом, о попытках наладить издательство в Вестфалии и о прочих тогдашних злободневных делах, тем более что ни Эвербек, ни в особенности Бернайс не могли быть их надежными и твердыми руководителями.

На первых порах сообщения Энгельса, которые он направлял частью в Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, частью лично Марксу, проникнуты были большим оптимизмом, но мало-помалу для Энгельса стало ясно, что Грюн «напакостил» весьма основательно. Осенью вышла новая работа Прудона;

она показала, как и следовало ожидать после его письма, что автор окончательно застрял в болоте. Марксовы «громы и молнии», согласно высказанному Прудоном пожеланию, не заставили себя ждать. Но обещанного Прудоном реванша не последовало, если не считать его ответных грубых ругательств.

4
ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Прудон озаглавил свою книгу «Система экономических противоречий» с подзаголовком «Философия нищеты». Маркс в ответ ему назвал свою книгу «Нищета философии» и, чтобы вернее нанести удар противнику, написал ее по-французски. Своей непосредственной цели Маркс, однако, не достиг: влияние Прудона на французских рабочих, как и на пролетариев романских стран вообще, не только не пало, а продолжало расти, и Марксу пришлось иметь дело с прудонизмом еще в продолжение целого ряда лет.

Но ценность, а также историческое значение «Нищеты философии» от этого нисколько не пострадали. Эта книга является вехой не только в жизни Маркса, но и в истории науки. В ней впервые научно разработаны важнейшие пункты историческо-материалистического мировоззрения. Эти положения уже встречались и в прежних сочинениях Маркса, но там они сверкали лишь отдельными искрами. Впоследствии он также дал сжатое изложение своих взглядов. Но именно в работе, направленной против Прудона, его положения развертываются с убедительной ясностью победоносной полемики. Обоснование же исторического материализма было самой крупной научной заслугой Маркса. Он сделал этим для исторической науки то же, что Дарвин для естествознания.

Доля заслуги принадлежит в этой области и Энгельсу — и гораздо большая доля, нежели это скромно допускал сам Энгельс. Но окончательную классическую формулировку основной мысли Энгельс, без сомнения вполне справедливо, приписывал исключительно Марксу. Уже весной 1845 г. во время свидания в Брюсселе Маркс, по словам Энгельса, изложил ему в совершенно законченном виде основные положения исторического материализма: что материальное производство и с необходимостью вытекающая из его условий общественная дифференциация каждого данного исторического периода являются основой для его политической и умственной истории, что поэтому вся история человечества была историей борьбы классов, историей борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, порабощенными и поработителями на различных ступенях общественного развития и что борьба достигла теперь той ступени, когда эксплуатируемый и угнетенный

класс, пролетариат, не может уже освободить себя от класса угнетателей и поработителей, т. е. от буржуазии, не освободив в то же время все общество от всякого порабощения и угнетения — раз и навсегда.

Этот основной тезис и является краеугольным камнем «Нищеты философии». К нему, как в фокусе, собираются лучезарные мысли, в таком изобилии наполняющие книгу. В противоположность многословной, подчас утомительной полемике, которую Маркс вел против Бруно Бауэра и Штирнера, «Нищета философии» отличается необыкновенной сжатостью и ясностью. Мысль его уже не тащится по болоту, — она плывет по бурным волнам под свежим ветром.

Книга состоит из двух частей. В первой мы видим Маркса в роли Рикардо, ставшего социалистом, как выразился однажды Лассаль. Во второй части Маркс выступает в роли Гегеля, ставшего экономистом. Рикардо доказал, что обмен товаров в капиталистическом обществе происходит соответственно содержащемуся в данном товаре рабочему времени. Прудон выставил требование, чтобы эта «стоимость» товаров была признана «конституированной», дабы при одинаковом количестве затраченного труда люди могли прямо обменивать один продукт на другой. Этим путем он хотел преобразовать весь общественный строй: все люди должны превратиться в работников, которые непосредственно обмениваются продуктами на основе одинакового количества затраченного труда. Уже английские социалисты пытались сделать эти «уравнительные» выводы из теории Рикардо и применить их на практике, но их «обменные банки» очень быстро терпели банкротство.

В «Нищете философии» Маркс показал, что «революционная теория», придуманная Прудоном для освобождения рабочего класса, на самом деле представляет собой формулу современного рабства этого класса. Из своего закона стоимости Рикардо логически вывел закон заработной платы: стоимость товара «рабочая сила» измеряется количеством труда, необходимого для производства тех продуктов, которые нужны рабочему, дабы он мог поддерживать свое существование и продолжать свой род. Обмен между индивидами без классовых противоречий есть буржуазная иллюзия. Допустить положение Прудона — значит видеть в буржуазном обществе вечную справедливость и гармонию, при которых ни один человек не имеет возможности обогащаться за счет других людей.

В живой действительности происходит совершенно иное, и Маркс определяет это следующим образом: «С самого начала Цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет

прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»[1]. При помощи своей «конституированной стоимости» Прудон хотел обеспечить рабочему все возрастающий продукт труда, увеличивающийся с каждым днем благодаря прогрессу коллективной работы. В ответ на эту утопию Маркс указывал на факты, на то, что развитие производительных сил, увеличившее производительность труда английского рабочего с 1770 по 1840 г. в двадцать семь раз, обусловлено рядом исторических причин, основанных на классовых противоречиях. Сюда относятся: накопление частного капитала, современное разделение труда, анархия конкуренции, система наемного труда. Чтобы стал возможен прибавочный труд, должны существовать классы, которые на этом наживаются, и классы, которые вследствие этого деградируют.

В качестве первых образчиков «конституированной стоимости» Прудон указывал на золото и серебро, утверждая, что эти металлы стали деньгами только в силу некоего суверенного помазания на такую роль со стороны суверенов-государей. Ничего подобного, отвечал Маркс. Деньги не вещь, а общественное отношение; как и индивидуальный обмен, деньги находятся в соответствии с определенным способом производства. «Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений... Право есть лишь официальное признание факта»[2]. Чеканя монету, суверены определяли не стоимость данного куска золота, а только вес его. Как раз золото и серебро меньше всего являются выразителями «конституированной стоимости». Именно в своей роли знаков стоимости золото и серебро являются единственными товарами, стоимость которых не измеряется издержками производства. Поэтому-то в денежном обращении золото и серебро могут быть заменены бумажными деньгами, как это уже давно разъяснил Рикардо.

На коммунистическую конечную цель Маркс намекал, доказывая, что «правильная пропорция между предложением и спросом», к которой стремился Прудон, была возможна только в те времена, когда средства производства были ограниченны, когда обмен совершался в необычайно узких пределах, когда спрос господствовал над предложением, потребление — над производством. Такая пропорция сделалась невозможной с возникновением крупной про-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 96. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 112, 115. — *Ред.*

мышленности. Уже ее орудия, машины и пр. требуют, чтобы производство шло во все возрастающем масштабе. Крупная промышленность не может дожидаться спроса; она, как бы повинуясь физическому закону, с естественной необходимостью неудержимо идет навстречу постоянной смене процветания и депрессии, кризиса, застоя, нового процветания и т. д.

«В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

Поэтому одно из двух:

либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени, — и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время;

либо желать прогресса без анархии, — и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы»[1].

Вторая глава «Нищеты философии» еще важнее первой. В первой главе Маркс имел дело с Рикардо, по отношению к которому питал еще некоторое научное пристрастие: между прочим, Маркс тогда еще беспрекословно признавал его закон заработной платы. Во второй главе речь шла о Гегеле, и тут Маркс чувствовал себя, как рыба в воде.

Прудон совершенно не понял гегелевского диалектического метода. Он продолжал держаться ставшей уже реакционной в то время стороны этого метода, согласно которой мир действительности выводится из мира идей, и, наоборот, отрицал революционную сторону диалектического метода: действенность идеи, которая сначала утверждает себя, а затем отрицает, чтобы выявить в этой борьбе то высшее единство, которое, упраздняя противоречивую форму обеих сторон, сохраняет их материальное содержание. Прудон, напротив, различал в каждой экономической категории хорошую и дурную сторону и искал такого синтеза, такой научной формулы, которая уничтожала бы дурную сторону и оставляла в неприкосновенности хорошую. Буржуазные экономисты, казалось ему, подчеркивают хорошую сторону, социалисты выступают с обвинительным актом против дурной стороны. Сам же он со своими формулами и синтезами мнил себя стоящим в одинаковой мере выше как буржуазных экономистов, так и социалистов.

В ответ на эту претензию Маркс говорит: «Господин Прудон воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов — потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов — потому, что у

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 101. — *Ред.*

него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться — хотя бы только умозрительно — выше буржуазного кругозора.

Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом»[1]. При этом, конечно, не надо смешивать мелкого буржуа и мелкого обывателя. Маркс всегда видел в Прудоне человека с головой и только утверждал, что представления этого человека никак не могут выйти за пределы мелкобуржуазного общества.

Марксу нетрудно было вскрыть шаткость применяемого Прудоном метода. Если произвольно разрезать диалектический процесс, разделив его на хорошую и дурную стороны, если преподнести одну категорию как простое противоядие против другой категории, то идея становится совершенно безжизненной. Она перестает функционировать и не может ни полагать, ни разлагать себя на категории. Как подлинный ученик Гегеля Маркс очень хорошо знал, что именно дурная сторона, которую Прудон хотел всюду истребить, делает историю, ибо она вызывает борьбу. Если бы человечество поставило себе задачей искоренить только отрицательные стороны феодализма — крепостное право, привилегии, анархию — и сохранило бы его привлекательные стороны — патриархальную жизнь городов, процветание сельской домашней промышленности, развитие ремесел в городах, — то это уничтожило бы все элементы, которые вызывали борьбу, задушило бы в зародыше буржуазию. Этим поставлена была бы абсурдная задача — отменить историю.

Маркс верно поставил проблему в следующих словах: «Чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме, Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения»[2]. Тот же исторический процесс развития Маркс проследил и на буржуазии. Производственные отношения, в которых она движется, не просты и не единообразны, а сложны и двойственны. В рамках одних и тех же отношений одновременно производится и богатство и нищета. В той же мере, в какой развивается буржуазия, в недрах ее развивается и пролетариат, а

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 147. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 143. — *Ред.*

вслед за тем и борьба между этими двумя классами. Экономисты являются теоретиками буржуазии, коммунисты и социалисты — теоретиками пролетариата. Эти последние остаются утопистами и выдумывают из головы всеспасающие системы до тех пор, пока пролетариат еще недостаточно развит, чтобы конституироваться как класс, до тех пор, пока производительные силы недостаточно развились в рамках буржуазного общества и не стали вырисовываться материальные предпосылки, необходимые для освобождения пролетариата и создания нового строя. «Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной»[1].

Для Маркса экономические категории являются только теоретическим выражением, абстракцией общественных отношений, «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения...

Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям»[2]. Буржуазных экономистов, говорящих о «вечных и естественных учреждениях» буржуазного общества, Маркс сравнивает с теми правоверными теологами, для которых своя собственная религия является откровением божьим, а всякая другая — человеческим измышлением.

Несостоятельность прудоновского метода Маркс доказал далее на целом ряде экономических категорий, к которым Прудон пытался применить этот метод. Сюда относятся: вопрос о разделении труда и роли машин, о конкуренции и монополии, о земельной собственности и земельной ренте, о стачках и рабочих коалициях. Разделение труда в противоположность мнению Прудона есть не экономическая, а историческая категория, и в различные периоды

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 146. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 133. — *Ред.*

истории оно принимает различные формы. Необходимой предпосылкой разделения труда с точки зрения буржуазной экономии является фабрика. Но фабрика, вопреки предположению Прудона, возникла не в результате дружеского соглашения между товарищами по труду и даже не в недрах старых цехов: предприниматель-купец, а не средневековый цеховой мастер, стал хозяином современной фабрики.

Конкуренция и монополия являются, таким образом, не естественными категориями, а категориями общественными. Конкуренция есть не промышленное, а торговое соревнование; борьба происходит не вокруг продукта, а вокруг прибыли. Конкуренция, вопреки мнению Прудона, отнюдь не является свойством человеческой души; порожденная историческими потребностями в XVIII веке, конкуренция отлично может исчезнуть в XIX веке в результате новых исторических потребностей.

Столь же ошибочно мнение Прудона, что происхождение земельной собственности не обусловлено экономическими причинами, а кроется в мотивах психологического и морального характера, стоящих в очень отдаленной связи с производством материальных благ. Земельная рента, говорит Прудон, имеет задачей связать человека более крепкими узами с природой. «В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях, — отвечает на это Маркс. — Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию»[1]. Земельная рента, т. е. излишек цен сельскохозяйственных продуктов над издержками производства, включая обычную прибыль и проценты на капитал, возникла и могла возникнуть только при определенных общественных отношениях. Земельная рента — это земельная собственность в ее буржуазной форме; это — феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства.

И, наконец, Маркс выяснил историческое значение стачек и коалиций, о которых Прудон и знать ничего не хотел. Сколько бы социалисты и буржуазные экономисты, исходя при этом из противоположных побуждений, не предостерегали рабочих против применения этого оружия, — тем не менее наряду с крупной промышленностью неизбежно будут развиваться стачки и коалиции. Конкуренция разделяет рабочих, но, несмотря на это, у них есть один общий интерес: поддержать заработную плату хотя бы на

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 168. — *Ред.*

данном уровне. Общая мысль о сопротивлении объединяет их в коалиции, в которых содержатся все элементы грядущей битвы. Так и буржуазия начала в свое время с частичных коалиций против феодалов, чтобы затем конституироваться в класс и в качестве конституированного класса превратить феодальный строй в буржуазный.

Антагонизм между пролетариатом и буржуазией есть борьба класса против класса, борьба, которая в своем высшем выражении означает полную революцию. Общественное движение не исключает политического, ибо нет такого политического движения, которое в то же время не было бы общественным. Общественные эволюции перестанут быть политическими революциями только в бесклассовом обществе. А до того накануне всякого коренного преобразования общественного строя последнее слово социальной науки всегда будет гласить: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса». Этими словами Жорж Санд Маркс заканчивает свою книгу.

Изложив в «Нищете философии» ряд существенных моментов исторического материализма, Маркс в то же время подвел в ней итоги своим взглядам на немецкую философию. Вернувшись назад к Гегелю, он ушел вперед, перешагнув через Фейербаха. Конечно, официальная гегелевская школа совершенно отжила свой век. Диалектику великого учителя она превратила в чистейший шаблон, который применяли по всякому поводу и притом крайне неумело. Об этих гегельянцах с полным правом говорили, что они ничего не понимают, но зато обо всем пишут.

Час гегельянцев пробил, когда Фейербах дал отставку спекулятивной идее. Положительное содержание науки опять получило преобладание над формальной стороной. Но материализму Фейербаха недоставало «действенного принципа»; он не выходил за естественнонаучные пределы и исключал исторический процесс. Маркс не удовольствовался таким материализмом, и будущее показало, что он был прав. Появились на свет Бюхнеры и Фогты, которые стали дешевыми разносчиками этого материализма и чье ограниченное филистерство заставило и Фейербаха заявить, что идя назад — он целиком с материалистами, идя вперед — против. «Неуклюжая кляча обывательского разума, конечно, останавливается в недоумении перед гранью, отделяющей сущность от явления, причину от действия. Если, однако, ты отправился на охоту по очень изрытой ухабами дороге абстрактного мышления, то не садись на клячу». Так выразился однажды Энгельс.

Но гегельянцам было далеко до Гегеля. Гегельянцы могли похвастать только своим невежеством, тогда как сам Гегель принадлежал к числу наиболее ученых людей всех времен. Перед всеми другими философами он имел то преимущество, что смотрел на вещи с точки зрения исторического развития, давшей ему

широкую возможность понимания истории, несмотря на идеалистическую форму, которая отражает вещи как бы в вогнутом зеркале и представляет себе весь ход истории лишь как практическое подтверждение развития идеи. Этого реального содержания гегелевской философии не одолел Фейербах, и сами гегельянцы отошли от него.

Маркс принял этот ценнейший элемент философии Гегеля, но он перевернул гегелевскую философию постольку, поскольку его отправной точкой служили неумолимые факты действительности, а не «чистое мышление». Этим Маркс внес в материализм историческую диалектику и тем самым дал материализму тот «действенный принцип», который стремится не только объяснить мир, но и совершить в нем переворот.

5
«DEUTSCHE-BRUSSELER-ZEITUNG»

Для своей небольшой по объему книги, направленной против Прудона, Марксу удалось найти двух немецких издателей — одного в Брюсселе, другого — в Париже. Но при этом расходы по печатанию Марксу пришлось взять на себя. Зато с лета 1847 г. Маркс, когда стала выходить «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета»), получил в свое распоряжение периодический орган, предоставивший ему возможность активной общественной деятельности.

Газета эта с начала 1847 г. стала выходить дважды в неделю и издавалась Адальбертом фон Борнштедтом, прежним редактором газеты «Vorwarts!», которую издавал Бернштейн. Борнштедт, как теперь совершенно точно установлено на основании материалов берлинского и венского архивов, состоял на службе у австрийского и прусского правительств. Единственное, что не установлено, это — занимался ли он шпионством и в то время, когда жил а Брюсселе. Подозрения насчет Борнштедта возникали и тогда, но против них говорил тот факт, что прусское посольство в Брюсселе усиленно натравливало бельгийское правительство против газеты Борнштедта. Возможно, конечно, что это делалось только для отвода глаз, чтобы упрочить репутацию Борнштедта в глазах революционеров, собравшихся в Брюсселе. Защитники тронов и алтарей, преследуя свои «возвышенные цели», совершенно неразборчивы в средствах.

Во всяком случае Маркс не верил, что Борнштедт — предатель. Газета Борнштедта, говорил он, имеет при многих недостатках и некоторые заслуги. Если в этой газете находят так много дефектов, то их следует исправить, вместо того чтобы отмахиваться от нее под дешевым предлогом, что Борнштедт «нехорош». 8 августа Маркс писал Гервегу с большой горечью: «То им

не нравится сам человек, то его жена, то тенденция, то стиль, **то** формат, то распространение связано с некоторой опасностью... Наши немцы всегда имеют наготове тысячу мудрых изречений для объяснения того, почему они должны оставить эту возможность неиспользованной. Любая возможность что-либо сделать только приводит их в смущение»[1]. Далее Маркс жалуется на то, что его рукописи встречают такое же отношение, как «Deutsche-Brusseler-Zeitung», и кончает резкими словами по адресу тех «ослов», которые ставят ему в вину, что он предпочитает печататься по-французски, чем не печататься вовсе.

Если даже принять, что Маркс, желая «использовать представившийся случай», отнесся недостаточно бдительно к подозрениям против Бернштедта, то нельзя его за это винить. Случай представился действительно очень благоприятный, и было бы неразумно упустить его по простому подозрению. Весной 1847 г. настоятельная финансовая нужда заставила прусского короля созвать Соединенный ландтаг, объединивший прежние провинциальные ландтаги. Это была феодально-сословная корпорация, подобная той, которую под давлением таких же обстоятельств созвал весной 1789 г. Людовик XVI. В Пруссии, правда, дело не двинулось так быстро вперед, как некогда во Франции, но во всяком случае и Соединенный ландтаг вовсе не намерен был раскошеливаться и категорически заявил правительству, что не отпустит ему никаких средств, пока не будут расширены права ландтага и обеспечен его периодический созыв. Лед тронулся, ибо с финансовой нуждой шутки плохи: не сегодня-завтра пришлось бы начать игру сначала, и чем скорее взяться за дело, тем было лучше.

В таком смысле писали Маркс и Энгельс свои статьи для «Deutsche-Brusseler-Zeitung». Прениям Соединенного ландтага о свободе торговли и покровительственных пошлинах посвящена была статья, напечатанная без подписи, но, судя по содержанию и стилю, очевидно, написанная Энгельсом. Он был в то время проникнут убеждением, что немецкая буржуазия нуждается в высоких покровительственных пошлинах не только для того, чтобы ее не раздавила иностранная промышленность, но еще более для того, чтобы окрепнуть и преодолеть абсолютизм и феодализм, Ввиду этого Энгельс и советовал пролетариату поддерживать агитацию за покровительственные пошлины, хотя бы только но этой причине. Он говорил, что Лист, главный авторитет защитников покровительственных пошлин, создал лучшее, что есть в немецкой буржуазно-экономической литературе, но прибавлял, что вся прославленная система Листа списана им у француза Ферье, теоретического инициатора континентальной системы. И Энгельс предостерегал рабочих, чтобы они не давали водить

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 35. — *Ред.*

себя за нос обманными речами о «благе рабочего класса». Он предупреждал, что и защитники свободы торговли и сторонники покровительственных пошлин прикрываются нарядной вывеской, за которой скрывается одинаково своекорыстная агитация. Оплата труда рабочих остается прежней как при свободной торговле, так и при покровительственной системе. Энгельс защищал поэтому покровительственные пошлины только как «прогрессивную буржуазную меру», и такого же мнения держался Маркс.

Марксом и Энгельсом сообща написана была большая статья в ответ на вылазку христианско-феодального социализма, начавшего кампанию в «Rheinischer Beobachter» («Рейнском обозревателе»); этот орган основан был незадолго перед тем правительством в Кёльне с целью натравливания рейнских рабочих на рейнскую буржуазию. На столбцах «Rheinischer Beobachter» особенно усердствовал молодой Герман Вагенер, как он сам сообщает в своих «Воспоминаниях». Маркс и Энгельс при своих близких связях с Кёльном, вероятно, знали об этом: насмешки над «прилизанным советником консистории» составляют постоянный припев их ответной статьи, а Вагенер в то время был асессором консистории в Магдебурге.

На этот рад «Rheinischer Beobachter» воспользовался провалом Соединенного ландтага, чтобы поймать рабочих на эту удочку. Тем, что буржуазия отклонила все денежные требования правительства, доказывал «Rheinischer Beobachter», она показала, что стремится только к захвату власти в свои руки; народное благо ей безразлично. Буржуазия выдвигает народ только для того, чтобы запугать правительство. Народ для нее лишь пушечное мясо в ее бурном натиске против правительственной власти. Правильность ответа на это Маркса и Энгельса сегодня не подлежит сомнению. Пролетариат, говорили они, не питает никаких иллюзий относительно буржуазии, как и относительно правительства. Он только спрашивает себя, что более соответствует его целям, — власть буржуазии или власть правительства; а для того чтобы ответить на этот вопрос, достаточно сравнить положение немецких рабочих с положением рабочих в Англии и Франции.

«Rheinischer Beobachter», не гнушаясь самой низкопробной демагогией, восклицал: «Счастливый народ! Ты победил в принципе. И если ты не понимаешь, что это за победа, то послушай, как тебе это объяснят твои представители, во время их длинной речи ты, быть может, забудешь о своем голодном желудке». На это Маркс и Энгельс сначала ответили с едкой насмешкой, что одно безнаказанное пользование подобным подстрекательством подтверждает, что немецкая печать действительно «свободна». А затем они доказывали, что пролетариат настолько понял принципиальную сторону вопроса, что он упрекает ландтаг вовсе не за его победу, а напротив — за то, что ландтаг *не одержал* победы.

Если бы ландтаг не ограничился требованием расширения своих сословных прав, а потребовал бы, кроме того, учреждения суда присяжных, равенства перед законом, отмены барщины, свободы печати, свободы ассоциаций и подлинного народного представительства, то он нашел бы в пролетариате самую сильную поддержку.

Затем Маркс и Энгельс основательно расправились с благими рассуждениями о социальных принципах христианства, затмевающих коммунизм.

«Социальные принципы христианства располагали сроком в 1800 лет для своего развития и ни в каком дальнейшем развитии со стороны прусских консисторских советников не нуждаются.

Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную консисторским советником компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же — революционен»[1]. Этот революционный пролетариат Маркс и Энгельс вели в бой против приманки монархических социальных реформ. Народ, который со слезами на глазах благодарит за пинок и за брошенный ему грош, существует лишь в фантазии короля. Подлинный народ, пролетариат — здоровенный и злонравный малый, говоря словами Гоббса. Как он поступает с королями, которые хотят провести его, показывает судьба Карла I английского и Людовика XVI французского.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 204—205. — *Ред.*

Эта статья точно градом побила феодально-социалистические посевы, но несколько ударов следовало бы направить и в другую сторону. Маркс и Энгельс были правы, защищая политику Соединенного ландтага, отказавшего в деньгах беспутному и реакционному правительству. Но они оказывали этому ландтагу слишком большую честь, приписывая таким же мотивам отклонение подоходного налога, предложенного правительством. В этом случае речь шла скорее о ловушке, которую правительство поставило буржуазии. Требование отменить крайне стеснительный для рабочих больших городов налог на помол и на убой скота и возместить финансовый дефицит прежде всего подоходным налогом на имущие классы исходило первоначально от рейнской буржуазии; она руководствовалась при этом такими же основаниями, как английская буржуазия в борьбе против хлебных пошлин.

Требование это было в высшей степени ненавистно правительству: для его осуществления пришлось бы задеть и крупных землевладельцев. К тому же налог на помол и убой скота взимался только в больших городах, и земельные собственники не могли ожидать, что его отмена понизит наемную плату эксплуатируемого ими пролетариата. Если правительство все же внесло соответственный законопроект в Соединенный ландтаг, то сделало оно это с задней мыслью подорвать престиж ландтага и поднять свой собственный. Оно рассчитывало на то, что феодально-сословная корпорация никогда не согласится на налоговую реформу, которая облегчила бы хотя бы временно тяготы рабочего класса за счет имущих классов. Насколько правительство имело основание на это рассчитывать, видно уже из результатов голосования правительственного законопроекта: почти все князья и принцы, почти все помещики и почти все чиновники голосовали против. При этом правительству еще особенно посчастливилось: когда дело дошло до развязки, часть буржуазии с блеском провалилась.

Перья официозов стали тогда использовать отклонение подоходного налога как ясное доказательство лжи и обмана буржуазии. Особенно неутомимо выезжал на этом коньке «Rheinischer Beobachter». Маркс и Энгельс были поэтому совершенно правы, когда заявляли господину «советнику консистории», что он «величайший, бесстыднейший невежда в экономических вопросах», если утверждает, что подоходный налог может хоть на волосок облегчить социальную нужду. Но они ошибались, когда защищали отклонение подоходного налога как справедливый удар, направленный против правительства. Удар этот совершенно не попал в цель, ибо правительство скорее укрепилось в финансовом отношении, сохранив в своем кармане прежний налог на помол и убой скота, функционирование и доходность которого были вполне проверены, вместо того чтобы мучиться взиманием подоходного налога, где удача, особенно если взимать приходится с имущих

классов, чаще всего оказывается весьма капризной, как это известно по старому, а также и по новому опыту. Маркс и Энгельс в этом случае считали буржуазию *еще* революционной, в то время как она была *уже* реакционной.

В совершенно противоположном направлении действовали довольно часто «истинные социалисты», и понятно, что в тот момент, когда буржуазия стала опоясывать свои чресла, Маркс и Энгельс решили еще раз выступить против этого направления. С этой целью Марксом был написан ряд фельетонов в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» против «немецкого социализма в стихах и прозе», а также еще одна ненапечатанная статья. Она написана рукой Энгельса, но, быть может, представляет собой совместную работу Энгельса и Маркса. В фельетонах, как и в статье, сводятся главным образом литературно-эстетические счеты с «истинным социализмом». Это была самая слабая или, если угодно, самая сильная его сторона. Выступая против художественных прегрешений «истинного социализма», Маркс и Энгельс не всегда достаточно справедливо оценивали права искусства. Так, в рукописной статье подвергнуто несправедливо резкой критике великолепное «Caira» Фрейлиграта. Песни Карла Бека «о бедняке» Маркс тоже судил в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» слишком строго, усмотрев в них «мелкобуржуазные иллюзии». Но он зато верно предсказал печальную судьбу самонадеянного натурализма, выступившего пятьдесят лет спустя, когда писал в своем отзыве о Беке: «Бек воспевает трусливое мещанское убожество, «бедняка», pauvre honteux[1], существо с ничтожными, благочестивыми и противоречивыми желаниями, ... но не гордого, грозного и революционного пролетария»[2]. Наряду с Карлом Беком еще раз притянут был к ответу и несчастный Грюн, который в одной, с тех пор забытой, книге изуродовал Гёте, разбирая его «с человеческой точки зрения», т. е. сфабриковал из всех мелких, скучных и филистерских черт великого поэта его «истинный образ».

Важнее всех этих перепалок была большая статья, в которой Маркс чинил суд над пошлым радикальным фразерством с не меньшей резкостью, чем над «социалистической» фразеологией правительства. В полемике против Энгельса Карл Гейнцен объяснял несправедливость имущественных отношений из принципа власти. Гейнцен называл трусом и дураком всякого, кто нападал на буржуазию за ее стремление к наживе, и не трогал короля за его стремление к власти. Гейнцен был обыкновенный крикун, не заслуживавший особого внимания, но взгляды, представителем которых он являлся, приходились чрезвычайно по вкусу «просвещенным» филистерам. Монархия, по его мнению, обязана своим

[1] — несчастного, не смеющего просить милостыню. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 208. — *Ред.*

существованием только тому факту, что люди в течение веков лишены были здравого человеческого смысла и чувства собственного достоинства; теперь же, когда люди вновь обрели это драгоценное достояние, все социальные вопросы исчезают перед вопросом: «монархия или республика». Это глубокомысленное суждение представляло собой верную антитезу взглядам столь же глубокомысленным, как Гейнцен, монархов, по мнению которых все революционные движения вызываются лишь злой волей «демагогов».

Маркс, однако, доказал, и прежде всего на примере немецкой историк, что история создает государей, а не государи историю. Он указал на экономические причины возникновения абсолютной монархии. Она появляется в переходное время, когда падают старые феодальные сословия, а средневековое бюргерство вырастает в современный буржуазный класс. То, что в Германии абсолютная монархия была создана позднее и держится дольше, было вызвано уродливым ходом развития немецкого бюргерского класса. Насильственно-реакционная роль, которую играют правители, объясняется, таким образом, экономическими причинами. Абсолютная монархия покровительствовала до определенного времени торговле и промышленности и вместе с тем возникновению буржуазии, видя в этом необходимые условия и национального могущества и собственного блеска. Теперь же абсолютная монархия ставит всюду преграды торговле и промышленности, которые делаются все более опасным оружием в руках ставшей уже могущественной буржуазии. Из города, где родилось ее величие, монархия бросает пугливый и отупевший взор на деревню, где почва удобрена трупами ее старых могучих противников.

Статья изобилует плодотворными мыслями, но соблазнить «здравый человеческий разум» благочестивого филистера было не так легко. Ту же теорию власти, которую Маркс отстаивал за Энгельса против Гейнцена, Энгельс вынужден был на целое поколение позже отстаивать за Маркса против Дюринга.

6

СОЮЗ КОММУНИСТОВ

В 1847 г. коммунистическая колония в Брюсселе сильно разрослась. Конечно, в ней не было ни одного человека, который мог бы сравниться с Марксом или Энгельсом. Иногда казалось, что либо Мозес Гесс, либо Вильгельм Вольф — оба были сотрудниками «Deutsche-Brusseler-Zeitung» — присоединится в качестве третьего к союзу Маркса и Энгельса. Но никто из них в конце концов не стал этим третьим. Гесс никак не мог освободиться от философской путаницы, и беспощадная резкость суждений о его произведениях в «Коммунистическом манифесте» привела к полному разрыву Гесса с Марксом и Энгельсом.

Позднее возникла дружба Маркса и Энгельса с Вильгельмом Вольфом, который приехал в Брюссель лишь весною 1846 г. Дружба эта оставалась прочной, несмотря на все невзгоды, пока ее не прервала преждевременная смерть Вольфа. Но Вольф не был самостоятельным мыслителем. Как писателя его отличали от Маркса и Энгельса не только светлые стороны «популярной манеры» письма. Вольф принадлежал к угнетенному крепостному крестьянству Силезии и с невыразимыми трудностями добрался до университета. Изучение на университетской скамье великих мыслителей и поэтов древности питало в нем пламенную ненависть к угнетателям его класса. Несколько лет таскали его по силезским крепостям как «демагога», потом он устроился частным учителем в Бреславле и вел неутомимую мелкую войну с бюрократией и цензурой, пока, наконец, новые процессы, возбужденные против него, не побудили его уехать за границу, чтобы не захиреть в прусских тюрьмах.

Вольф подружился в Бреславле с Лассалем, а потом сошелся с Марксом и Энгельсом, и все трое украсили его могилу неувядаемыми лаврами. Вольф принадлежал к тем благородным натурам, которые, по словам поэта, расплачиваются ценой самих себя. Его непреклонно твердый характер, нерушимая верность, его крайняя совестливость, незапятнанное бескорыстие и никогда не изменявшая ему скромность делали его образцом революционного борца; эти качества Вольфа объясняют то высокое уважение, с каким при всей любви или при всей ненависти к нему всегда говорили о нем его политические друзья и политические противники.

Несколько дальше стояли в кругу друзей Маркса и Энгельса однофамилец Вильгельма Вольфа Фердинанд Вольф, а также Эрнст Дронке, автор превосходной книги о домартовском Берлине. В книге его усмотрели оскорбление величества, и он был приговорен к двум годам крепости. Он бежал из казематов Везеля и прибыл в Брюссель значительно позже всех других. К их более тесному кругу принадлежал также Георг Веерт, которого Энгельс знал еще в то время, когда сам он был приказчиком в Манчестере, а Веерт — тоже приказчиком немецкой фирмы в Брадфорде. Веерт был настоящим поэтом и именно потому был свободен от всякого цехового педантизма поэтов. Он тоже умер молодым; ничья любящая рука не собрала еще его стихотворений, проникнутых подлинным духом борющегося пролетариата и щедро разбросанных поэтом по разным изданиям.

К этим интеллигентам присоединились затем и способные рабочие, прежде всего Карл Валлау и Стефан Борн — оба наборщики «Deutsche-Brusseler-Zeitung».

Брюссель, столица Бельгии, щеголявшей тем, что она является образцом буржуазной монархии, был самым подходящим местом для того, чтобы завязывать оттуда международные связи,

в особенности до тех пор, пока в Париже, все еще остававшемся очагом революционных движений, свирепствовали сентябрьские законы. В самой Бельгии у Маркса и Энгельса установились хорошие отношения с революционерами 1830 г. В Германии, в особенности в Кёльне, у них были старые, и новые друзья: наряду с Георгом Юнгом главным образом врачи Д'Эстер и Даниельс. В Париже Энгельс связался с партией социальных демократов в лице ее литературных представителей — Луи Блана и Фердинана Флокона, редактора органа этой партии «La Reforme» («Реформа»), Еще более тесные отношения установились с революционной фракцией чартистов — с Джулианом Гарни, редактором «Northern Star», и с Эрнестом Джонсом, который получил образование и воспитание в Германии. Эти чартистские вожди оказывали сильное влияние на «Братских демократов» — международную организацию, в которой Карлом Шаппером, Иосифом Моллем и другими представлен был и Союз справедливых.

Этот Союз и довел дело до решительного выступления в январе 1847 г, В качестве «Лондонского коммунистического корреспондентского комитета» Союз был связан с «Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом», но отношения между ними были довольно холодные. Одна сторона относилась с недоверием к «ученым», которые не могут знать, «какая мозоль болит у рабочего», а другая питала такое же недоверие к «бродячим подмастерьям», т. е. к ремесленнически-цеховой ограниченности, еще сильно господствовавшей тогда среди немецких рабочих. В Париже Энгельсу пришлось потратить много труда, чтобы вырвать тамошних «бродячих подмастерьев» из-под влияния Прудона и Вейтлинга. Он считал лондонских «бродячих подмастерьев» единственными, с которыми еще можно сговориться. Но все же он назвал «ерундой» обращение, изданное Союзом справедливых осенью 1846 г. по шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Представители Союза, говорил он, научились у англичан как раз самому нелепому: полному неумению учитывать реальное положение вещей и неспособности понять ход исторического развития.

Спустя десять лет Маркс объяснял свое тогдашнее отношение к Союзу справедливых следующим образом: «В то же время мы выпускали ряд частью печатных, частью литографированных памфлетов, в которых подвергали беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно твердую теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах истори-

ческом процессе революционного преобразования общества»[1]. По мнению Маркса, эти издания и побудили коммунистов прислать в Брюссель в январе 1847 г. члена своего Центрального комитета, часовщика Иосифа Молля, который предложил ему и Энгельсу вступить в Союз, так как Союз намерен принять их воззрение.

К сожалению, не сохранилось ни одной из брошюр, о которых говорит Маркс, кроме циркулярного письма против Криге, где тот вышучивается как эмиссар и пророк тайного «союза ессеев» — «Союза справедливых». В письме говорится, что Криге мистифицирует действительное историческое развитие коммунизма в различных странах Европы, приписывая происхождение и успехи коммунизма легендарным и романтичным, мнимым происках этого «союза ессеев» и распространяя сумасшедшие фантазии о могуществе Союза.

Если этот циркуляр повлиял на Союз справедливых, то, следовательно, члены Союза были все же не «бродячими подмастерьями», и английская история научила их большему, чем предполагал Энгельс. Несмотря на нелюбезное упоминание об их «союзе ессеев», они лучше оценили циркуляр, чем Вейтлинг: последний не был лично задет в письме, но тоже стал на сторону Криге. Союз справедливых действительно сохранил больше свежести и силы в таком мировом центре, как Лондон, чем в Цюрихе или даже в Париже. Предназначенный сначала для пропаганды среди немецких рабочих, Союз принял в мировой столице международный характер. Руководители Союза состояли в оживленных сношениях с эмигрантами всех больших стран и были очевидцами мощного нарастания чартизма. Это расширило их умственный горизонт, и взгляды их простирались гораздо дальше обычных ремесленных представлений. Наряду со старыми вождями — Шаппером, Бауэром и Моллем — выдвинулись, превосходя их своими теоретическими познаниями, живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Хейльбронна и портной Георг Эккариус из Тюрингии.

Написанная рукой Шаппера и помеченная 20 января 1847 г. доверенность, с которой Молль явился в Брюссель к Марксу, а потом в Париж к Энгельсу, составлена была еще очень осторожно. Подателю давалось полномочие сообщить о положении Союза и дать разъяснения по всем важным пунктам. При личных переговорах Молль действовал гораздо свободнее. Он предложил Марксу вступить в Союз и рассеял его первоначальные сомнения, сообщив, что Центральный комитет намерен созвать конгресс в Лондоне и выступить на нем с манифестом, в котором критические взгляды Маркса и Энгельса будут провозглашены как учение Союза. Нужно только, чтобы Маркс и Энгельс способствовали

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 302—303. — *Ред.*

преодолению сопротивления устарелых элементов, и для этого оба они должны вступить в Союз.

Маркс и Энгельс решили принять это предложение. Однако конгресс, который состоялся летом 1847 г., занимался еще только демократической организацией Союза в соответствии с задачами агитационного общества, вынужденного, правда, действовать конспиративно, но все же чуждого всяких заговорщических целей. Организационно Союз состоял из общин, имеющих не менее трех и не более десяти членов, округов, руководящих округов, Центрального комитета и конгресса. В задачи Союза входило: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого общества, основанного на борьбе классов, и учреждение нового общества, без классов и частной собственности.

В соответствии с демократическим характером Союза, принявшего название Союза коммунистов, новые положения устава переданы были прежде всего на обсуждение отдельных общин. Окончательное решение отложено было до второго конгресса, который должен был состояться еще до конца года. На нем же предполагалось обсудить новую программу Союза. На первом конгрессе Маркс еще не присутствовал, однако в нем уже участвовали Энгельс как представитель парижской и Вильгельм Вольф как представитель брюссельской общин.

7
ПРОПАГАНДА В БРЮССЕЛЕ

Союз коммунистов считал своей задачей прежде всего основание просветительных кружков для немецких рабочих, чтобы иметь возможность вести открытую пропаганду, а также пополнять и расширять свой состав наиболее подходящими членами этих кружков.

Организация кружков была всюду одинаковая. Один день в неделю назначался для дискуссий, другой — для развлечений (пение, декламация и т. д.). Всюду устраивались библиотеки и по возможности классы для преподавания рабочим элементарных знаний.

По этому образцу организовано было и Немецкое рабочее общество, основанное в конце августа в Брюсселе; вскоре оно насчитывало уже около ста членов. Председателями были избраны Мозес Гесс и Валлау, секретарем — Вильгельм Вольф. Общество собиралось вечерами по средам и воскресеньям. По средам обсуждались важные вопросы, касавшиеся интересов пролетариата, а по воскресеньям Вольф давал обыкновенно еженедельный обзор политических событий и вскоре проявил особое умение освещать события. После его выступления следовали развлечения, в которых принимали участие и женщины.

27 сентября это общество устроило международный банкет, чтобы показать, что рабочие разных стран питают братские чувства друг к другу. В то время для политической пропаганды чаще всего пользовались формой банкетов, чтобы на общественных собраниях избежать вмешательства полиции. Банкет 27 сентября имел, кроме того, еще и особого рода причину и цель. Его устроили Борнштедт и другие недовольные члены немецкой колонии, для того чтобы, как писал присутствовавший на нем Энгельс отсутствовавшему в то время Марксу, «свести нашу роль к второстепенной по сравнению с Эмбером и бельгийскими демократами и создать более импозантное и универсальное общество, чем наш несчастный Рабочий союз»[1]. Энгельс, однако, сумел вовремя пресечь эту интригу. Его даже избрали вместе с французом Эмбером одним из двух вице-председателей, хотя он и отказывался от этой чести ввиду своего «страшно молодого вида». Почетным председателем банкета избран был генерал Меллине, а действительное председательство поручено было адвокату Жотрану. Оба они были старые борцы, участники бельгийской революции 1830 г.

За банкетным столом собралось сто двадцать человек гостей — бельгийцев, немцев, швейцарцев, французов, поляков, итальянцев, а также один русский. После многих речей решено было основать в Бельгии «Демократическую ассоциацию» по образцу «Братских демократов». В члены подготовительной комиссии избран был и Энгельс. Но он вскоре после того уехал из Брюсселя и поэтому в письме к Жотрану предложил пригласить на его место Маркса, который, по словам Энгельса, несомненно и был бы выбран, если бы мог присутствовать на собрании 27 сентября. «Таким образом не г. Маркс заменит меня в комиссии, а скорее я заменил г. Маркса на собрании». И действительно, когда «Демократическая ассоциация» организовалась 7 и 15 ноября, то Эмбер и Маркс были избраны вице-президентами, а Меллине и Жотран были утверждены — первый почетным, а второй действительным президентом. Устав общества подписан был бельгийскими, немецкими, французскими, польскими демократами — в общем подписей было около шестидесяти. Из немцев рядом с Марксом подписались Мозес Гесс, Георг Веерт, два Вольфа, Стефан Борн и Борнштедт.

Первым большим собранием «Демократической ассоциации» было состоявшееся 29 ноября празднование годовщины польской революции. От имени немцев на празднестве выступил Стефан Борн, речь которого имела большой успех. Маркс же был официальным представителем Ассоциации на митинге, устроенном «Братскими демократами» в Лондоне в тот же день и по тому же

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 70. — *Ред.*

поводу. Речь его была выдержана целиком в пролетарски-революционном тоне.

«Старая Польша, несомненно, погибла, — сказал он, — и мы меньше, чем кто бы то ни было, хотели *бы* ее восстановления. Но погибла не только старая Польша. Старая Германия, старая Франция, старая Англия — все старое общество отжило свой век. Но гибель старого общества не является потерей для тех, кому нечего терять в старом обществе, а во всех современных странах в таком положении находится огромное большинство»[1]. Маркс видел сигнал к освобождению всех угнетенных народов в победе пролетариата над буржуазией, а тем решающим ударом, который приведет к победе всех угнетенных над их угнетателями, он считал победу английских пролетариев над английской буржуазией. Польшу нужно освободить не в Польше, а в Англии. Если бы чартисты победили своих внутренних врагов, то они разбили бы этим все старое общество.

В ответ на адрес, который им передал Маркс, «Братские демократы» взяли такой же тон: «Ваш представитель, наш друг и брат Маркс, расскажет вам, как восторженно встретили его появление и чтение вашего адреса. Все взоры сияли радостью, все уста приветствовали его, все руки братски протягивались к вашему представителю... Мы принимаем с чувством живейшей радости союз, который вы нам предлагаете. Наше общество существует уже два года, и девиз его — все люди братья. На нашем последнем празднестве годовщины основания общества мы предложили созвать демократический конгресс всех наций, и мы были очень рады, когда узнали, что и вы выступили публично с такого же рода предложениями. Заговор королей нужно побороть заговором народов... Мы убеждены, что для того, чтобы осуществить общее братство, нужно обращаться к действительному народу, к пролетариям, к людям, которые ежедневно проливают кровь и пот под гнетом современного общественного строя... Из хижин, с мансард или из подвалов, от плуга, с фабрики, от наковальни придут и уже идут по той же дороге носители братства и избранные спасители человечества». «Братские демократы» предложили, чтобы всеобщий конгресс демократов собрался в сентябре 1848 г. в Брюсселе, до некоторой степени как бы в противовес фритредеровскому[2] конгрессу, состоявшемуся там же в сентябре 1847 г.

Передача приветствия «Братским демократам» была, однако, не единственной целью поездки Маркса в Лондон. Непосредственно после митинга в честь Польши в том же помещении — в зале собрания лондонского Просветительного общества немецких рабочих, основанного в 1840 г. Шаппером, Бауэром и Моллем, —

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 371—372. — *Ред.*
[2] Фритредеры — сторонники свободы торговли. — *Ред.*

состоялся конгресс, созванный Союзом коммунистов для окончательного утверждения устава и обсуждения новой программы. Энгельс тоже присутствовал на этом конгрессе. По дороге из Парижа он встретился с Марксом в Остенде, и они вместе совершили поездку в Англию. После прений, длившихся не менее десяти дней, им обоим поручено было изложить принципы коммунизма в публичном манифесте.

Около середины декабря Маркс вернулся в Брюссель, а Энгельс — через Брюссель в Париж. Они, по-видимому, не очень торопились выполнить возложенное на них поручение. Во всяком случае лондонский Центральный комитет направил 24 января 1848 г. очень настоятельное напоминание окружному комитету Союза в Брюсселе, предлагая оповестить гражданина Маркса, что против него примут более сильные меры, если манифест коммунистической партии, составление которого он взял на себя, не будет доставлен в Лондон до 1 февраля. Чем вызвано было промедление, теперь едва ли можно установить. Причина, быть может, заключалась в свойственной Марксу привычке делать всякую работу очень основательно, или же работе мешало то, что Маркс и Энгельс в это время жили в разных городах. Возможно, впрочем, что лондонцы стали выказывать нетерпение ввиду дошедших до них известий, что Маркс по-прежнему ревностно ведет свою пропаганду в Брюсселе.

9 января 1848 г. Маркс произнес в «Демократической ассоциации» речь о свободе торговли. Эту речь он собирался произнести уже на брюссельском конгрессе фритредеров, но тогда ему не удалось получить слово. В этой речи он доказывал и разоблачал обман фритредеров, которые говорят о «благе рабочих», утверждая, что оно является истинной пружиной их агитации. Но если свобода торговли служит определенно интересам капитала в ущерб рабочим, то Маркс все же поэтому, именно поэтому, признавал, что эта свобода отвечает принципам буржуазной экономии. Свобода торговли есть свобода капитала, который в целях своего полного раскрепощения смывает еще стесняющие его национальные преграды. Свобода торговли разрушает прежние национальности и обостряет до предела противоречия между буржуазией и пролетариатом. Этим она приближает социальную революцию, и в таком революционном смысле Маркс стоял за свободу торговли.

Вместе с тем он оговаривался против подозрения в защите охранительных пошлин, и его защита свободы торговли не противоречила признанию им немецких охранительных пошлин как «прогрессивного буржуазного мероприятия». Как и Энгельс, Маркс рассматривал весь вопрос о свободе торговли и охранительных пошлинах исключительно с революционной точки зрения. Немецкая буржуазия нуждается в охранительных пошлинах, как в

орудии против абсолютизма и феодализма, как в средстве накопления сил для осуществления свободы торговли внутри страны, для создания крупной промышленности, которая в свою очередь неизбежно станет зависимой от мирового рынка, т. е. более или менее от свободы торговли. Речь Маркса очень понравилась в «Демократической ассоциации», и она решила напечатать ее за свой счет на французском и фламандском языках.

Еще большее значение, чем эта речь, имели лекции о наемном труде и капитале, которые Маркс читал в Немецком рабочем обществе. Маркс исходил из того, что заработная плата не есть участие рабочего в производимом им товаре, а является частью уже существующих товаров, на которую капиталист покупает определенную сумму производительного труда. Цена труда определяется, как цена всякого другого товара, — его издержками производства. Издержки производства простого труда сводятся к расходам на поддержание существования и на продолжение рода рабочего. Цена этих издержек составляет заработную плату, которая сообразно с колебаниями конкуренции, как цена всякого другого товара, стоит то выше, то ниже издержек производства, но в пределах этих колебаний сводится к минимуму платы за наемный труд.

Маркс переходит затем к выяснению вопроса о капитале. В ответ буржуазным экономистам, утверждавшим, что капитал есть накопленный труд, он говорит:

«Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом.* Выхваченная из этих отношений она так же не является капиталом, как золото само по себе не является *деньгами* или сахар — ценой сахара»[1]. Капитал является общественным производственным отношением, производственным отношением буржуазного общества. Сумма товаров, меновых стоимостей превращается в капитал благодаря тому, что она как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила одной части общества, сохраняется и умножается путем обмена на непосредственную живую рабочую силу. «Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 63. — *Ред.*

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в тем, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости»[1]. Капитал и труд взаимно обусловливают и взаимно создают друг друга.

Если буржуазные экономисты выводят из этого, что интересы капиталиста и рабочего совпадают, то, конечно, верно, что рабочий гибнет, если капитал его не занимает, и капитал гибнет, если он не эксплуатирует рабочего. Чем быстрее увеличивается производительный капитал и чем сильнее расцветает промышленность, чем более обогащается буржуазия, тем больше рабочих нужно капиталисту и тем дороже продает себя рабочий. Необходимым условием для сносного положения рабочего является, таким образом, возможно более быстрый рост производительного капитала.

Маркс доказывал, что в данном случае заметный рост заработной платы предполагает еще более быстрый рост производительного капитала. Если капитал растет, то пусть поднимается заработная плата, но еще быстрее будет расти прибыль с капитала. Материальное положение рабочего, таким образом, улучшилось, но улучшилось за счет его общественного положения: общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, еще более расширилась. Когда говорят, что наиболее благоприятным условием для наемного труда является максимально быстрый рост капитала, то это означает лишь следующее: чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, чуждое ему и повелевающее им богатство, тем благоприятнее становятся те условия, в которых ему разрешается продолжать работу для увеличения власти капитала и наслаждаться возможностью ковать для себя золотые цепи, чтобы буржуазия тащила его на них за собой.

Но рост капитала и повышение заработной платы, продолжает Маркс, вовсе не так неразрывно связаны между собой, как утверждают буржуазные экономисты. Неверно, что чем больше жиреет капитал, тем лучше он откармливает своего раба. Рост производительного капитала включает в себя накопление и концентрацию капиталов. Централизация их приводит ко все более увеличивающемуся разделению труда и применению машин. Большее разделение труда обесценивает специальное умение рабочего: работа, требовавшая особой ловкости и силы, теперь вытесняется такой, какую может выполнить всякий, и благодаря этому увеличивается конкуренция между рабочими.

Эта конкуренция усиливается еще и по мере того, как разделение труда дает возможность одному рабочему выполнять работу

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 64—65. — *Ред.*

трех людей. К такому же результату приводят машины, и еще в гораздо большей степени. Рост производительного капитала заставляет промышленных капиталистов пускать в ход все более возрастающие средства производства; это ведет к разорению мелких промышленников и отбрасывает их в ряды пролетариата. Далее, так как процент на ссудный капитал понижается пропорционально накоплению капиталов, то мелкие рантье, не имея более возможности жить на свою ренту, обращаются к промышленности и увеличивают число пролетариев.

Наконец, рост производительного капитала вынуждает его все больше производить для рынка, потребностей которого он не знает. Чем сильнее производство обгоняет потребности, тем более предложение старается создать спрос и тем более учащаются и усиливаются кризисы, эти промышленные землетрясения, при которых промышленный мир, чтобы уцелеть, приносит в жертву богам преисподней часть богатств, товаров и даже производительных сил. Капитал живет не только трудом: этот знатный и жестокий властелин тянет за собой в могилу трупы своих рабов, целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Маркс заключает: если быстро растет капитал, то несравненно быстрее растет и конкуренция между рабочими, т. е. тем значительнее уменьшается для рабочего класса возможность получения работы и средств к жизни. Но несмотря на это, быстрый рост капитала является самым благоприятным условием для наемного труда.

К сожалению, сохранился только этот отрывок из тех лекций, которые Маркс читал немецким рабочим в Брюсселе. Но и этого достаточно, чтобы показать, как серьезно и с какой глубокой продуманностью он вел свою пропаганду.

Другого мнения, однако, об этих лекциях был Бакунин. Изгнанный из Франции за речь, произнесенную на праздновании годовщины польской революции, Бакунин как раз в это время приехал в Брюссель и писал 28 декабря 1847 г. одному русскому другу: «Маркс занимается здесь тем же суетным делом, что и раньше, — портит работников, делая из них резонеров. То же самое теоретическое сумасшествие и неудовлетворенное, недовольное собой самодовольствие»[1]. Еще более резко Бакунин нападает на Маркса и Энгельса в письме к Гервегу: «Одним словом ложь и глупость, глупость и ложь. В этом обществе нельзя дышать свободно и полной грудью. Я держусь в стороне от них и решительно заявил, что не вступлю в их коммунистический союз ремесленников и не желаю иметь с ним ничего общего»[2].

Эти слова Бакунина знаменательны не по раздраженному тону лично против Маркса — Бакунин совсем иначе судил о нем и до

[1] *М. А. Бакунин,* Собрание сочинений и писем, т. 3, 1935, стр. 284. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 282. — *Ред.*

этого и впоследствии, — а потому, что в этих суждениях дало о себе знать противоречие, которое вызвало потом ожесточенную борьбу между этими двумя революционерами.

8
«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ»

Тем временем в Лондон уже была послана в печать рукопись «Коммунистического манифеста».

Подготовительная работа проделана была отчасти после первого конгресса, который перенес на второй конгресс обсуждение коммунистической программы. Этой задачей, естественно, занялись теоретики движения: Маркс и Энгельс, а также Гесс сделали несколько первых набросков.

Из них сохранился только тот набросок, о котором Энгельс следующим образом писал Марксу 24 ноября 1847 г., т. е. незадолго до второго конгресса: «Обдумай немного «Катехизис». Я думаю, что было бы лучше отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистический *манифест».* Так как в нем придется коснуться истории, то теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу проект, который написал тут. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо редактирован, наспех»[1]. Энгельс добавил также, что проект еще не представлен на обсуждение парижским общинам, но он надеется — за исключением лишь нескольких мелочей — провести его.

Проект Энгельса написан еще вполне в форме катехизиса, и форма эта скорее способствовала бы, нежели повредила бы общедоступности изложения. Для непосредственно агитационных задач проект Энгельса был более подходящим, чем позднейший Манифест, с которым он совершенно совпадает по содержанию. Если Энгельс с самого начала все же пожертвовал своими двадцатью пятью вопросами и ответами ради исторического изложения, то это доказывает его добросовестность. Он исходил из того, что Манифест, в котором коммунизм выступает как всемирно-историческое явление, должен быть — согласно определению греческого историка — произведением непреходящего значения, а не полемической брошюрой для беглого чтения.

И сама классическая форма «Коммунистического манифеста» обеспечивает ему прочное место в мировой литературе. Это не значит, что правы те балбесы, которые выхватывали отдельные фразы и пытались на основании их доказать, что авторы Манифеста обокрали Карлейля или Гиббона, Сисмонди или еще кого-то. Такие обвинения есть чистейшее шарлатанство: Манифест —

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 88. — *Ред.*

абсолютно самостоятельное и оригинальное произведение. Несомненно лишь то, что Манифест не содержит ни одной мысли, которую Маркс или Энгельс не высказали бы раньше в своих писаниях. Манифест не был новым откровением: он только отразил новое мировоззрение авторов в зеркале безупречной ясности и самых сжатых размеров. В окончательной редакции, насколько можно судить по стилю, Марксу принадлежала, вероятно, преимущественная роль, хотя Энгельс, как это видно по его наброску, стоял не на более низкой ступени понимания и его должно считать равноправным соавтором Манифеста.

Со времени выхода в свет Манифеста прошло две трети века, и эти шесть-семь десятков лет были временем огромнейших экономических и политических переворотов, не прошедших бесследно для Манифеста. В некоторых отношениях историческое развитие совершалось иначе, и прежде всего оно шло гораздо медленнее, чем предполагали авторы Манифеста.

Чем дальше их взгляд проникал в грядущее, тем более близким оно представлялось им. Но можно сказать, что без тени нет и света. Уже Лессинг подметил это психологическое явление у людей, «которые очень верно видят будущее»: «То, для чего природе нужны тысячелетия, созревает для них в момент их существования». Маркс и Энгельс ошиблись, конечно, не на тысячелетия, но все же на добрые десятки лет. При составлении Манифеста они приписывали капиталистическому способу производства уже ту высоту развития, которой он едва достиг в настоящее время. Это еще резче, чем в самом Манифесте, сказалось в составленном Энгельсом проекте. Он утверждает, что в цивилизованных странах почти все отрасли труда сведены к фабричному производству и что почти во всех отраслях труда ремесленное производство и ручной труд вытеснены крупной промышленностью.

В своеобразном противоречии с этим утверждением находились сравнительно скудные зародыши рабочих партий, перечисленных в «Коммунистическом манифесте». Даже самая значительная из этих партий — английский чартизм был еще проникнут в большой степени мелкобуржуазными элементами, не говоря уже о партии социальных демократов во Франции. Радикалы в Швейцарии и те польские революционеры, для которых крестьянская эмансипация являлась необходимым условием национального освобождения, были тогда лишь китайскими тенями на стене. Авторы Манифеста сами указывали впоследствии на то, как ограничены были тогда пределы распространения пролетарского движения, и особенно подчеркивали отсутствие его в России и Соединенных Штатах. «Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции и когда эмиграция в Соединенные Штаты поглощала избыточные силы европейского

пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных изделий. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего в Европе порядка»[1]. Как все это изменилось уже в следующем поколении и тем более в настоящее время! Но разве Манифест опровергается тем, что «в высшей степени революционная роль», которую он приписывает капиталистическому способу производства, оказалась еще значительно более живучей, чем предполагали авторы Манифеста?

В связи с этим надо подчеркнуть следующее: захватывающее, великолепное изображение классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, составляющее первую главу Манифеста, проникнуто непревзойденной правдивостью, однако изложение этой борьбы слишком общо. В настоящее время нельзя выставлять как всеобщее явление тот факт, что современный рабочий — в отличие от прежних угнетенных классов, у которых были по крайней мере обеспечены условия их рабского существования, — что этот рабочий, вместо того чтобы подниматься с развитием промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Хотя капиталистический способ производства и проявляет такую тенденцию, все же широкие слои рабочего класса обеспечили себе и на почве капиталистического строя условия существования, стоящие даже выше жизненных условий мелкобуржуазных слоев населения.

Конечно, не следует вместе с буржуазными критиками делать из этого вывод о несостоятельности «теории обнищания», провозглашенной «Коммунистическим манифестом». Эта теория, утверждающая, что капиталистический способ производства ввергает в нищету массы тех стран, где он господствует, существовала задолго до появления «Коммунистического манифеста» и даже до того, как Маркс и Энгельс впервые стали водить пером по бумаге. Эту теорию развивали социалистические мыслители, радикальные политики и в первую очередь даже буржуазные экономисты. Мальтусовский закон народонаселения пытался прикрасить «теорию обнищания», выдавая ее за вечный закон природы. «Теория обнищания» отражала определенную практику, о которую спотыкалось даже законодательство господствующих классов. Они сочиняли законы о бедных и возводили Бастилии для бедняков, в которых обнищание рассматривалось как вина обнищавших и каралось как таковая. Маркс и Энгельс были настолько далеки от того, чтобы выдумать эту «теорию обнищания», что, наоборот, с самого начала восставали против нее. Они, конечно, не оспаривали этот сам по себе несомненный и всеми признанный факт

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 3. — *Ред.*

массового обнищания, но доказывали, что обнищание есть не вечный закон природы, а историческое явление, вполне устранимое, и что оно и будет устранено следствиями того самого способа производства, который его породил.

В этом отношении Манифесту можно поставить в упрек лишь то, что он недостаточно освободился от взглядов буржуазной «теории обнищания». Манифест исходил еще из закона заработной платы, каким его развивал Рикардо по мальтусовской теории народонаселения, и поэтому относился слишком пренебрежительно к борьбе за заработную плату и к профессиональным организациям рабочих: он видел в них по существу только поле битвы для упражнений и маневров в политической классовой борьбе. В английском билле о десятичасовом рабочем дне Маркс и Энгельс не признавали еще, как признавали впоследствии, «победу принципа». В условиях капитализма этот билль представлялся им лишь реакционными путами крупной промышленности. Словом, Манифест не признавал еще фабричные законы и профессиональные организации этапами пролетарской борьбы за эмансипацию, которой суждено преобразовать капиталистическое общество в социалистическое и которая должна дойти до конца — до осуществления своей конечной цели, а не то будут утеряны результаты и первых с трудом завоеванных успехов.

Сообразно с этим Манифест слишком односторонне рассматривал — только в свете политической революции — реакцию пролетариата против порождения нищеты капиталистическим способом производства. У авторов носились перед глазами примеры английской и французской революций; они предполагали, что пройдет несколько десятилетий гражданских войн и войн между нациями, и в этих тепличных условиях пролетариат быстро достигнет политической зрелости. Взгляды авторов выступают с полной ясностью, когда они говорят о задачах коммунистической партии в Германии. Манифест стоит за совместную борьбу пролетариата с буржуазией — коль скоро буржуазия выступает революционно — против абсолютной монархии, феодального землевладения и мещанства, причем — так учит Манифест — ни на минуту нельзя упускать из виду, что в пролетариате необходимо воспитать максимально ясное сознание враждебной противоположности между ним и буржуазией.

Далее в Манифесте говорится:

«На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем *в* Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской рево-

люции»[1]. Буржуазная революция действительно произошла в Германии непосредственно после появления в свет Манифеста, но условия, при которых она свершилась, возымели как раз обратное действие: они остановили буржуазную революцию на полпути, и несколько месяцев спустя июньская битва в Париже отбила у буржуазии и в особенности у немецкой буржуазии охоту к каким бы то ни было революционным поползновениям.

Так время подточило кое-какие отдельные, точно высеченные из мрамора утверждения Манифеста, Уже в 1872 г. в предисловии к новому изданию авторы сами признали, что их программа «местами устарела», но они могли бы с полным правом прибавить, что изложенные в Манифесте основные положения в общем и целом по-прежнему совершенно верны. Они останутся верными до тех пор, пока не будет доведена до конца всемирно-историческая борьба между буржуазией и пролетариатом. Решающие теоретические положения этой борьбы изложены с несравненным мастерством в первой главе Манифеста, а во второй главе с таким же совершенством изложены основные мысли современного научного коммунизма. Критика социалистической и коммунистической литературы, составляющая третью главу, хотя и доходит только до 1847 г., но так глубоко схватывает основу революционных процессов, что с тех пор не возникло ни одного социалистического или коммунистического течения, которое не было бы уже критически разобрано в этой части Манифеста. И даже предсказания четвертой и последней главы — о развитии движения в Германии — оказались верными, но в другом смысле, чем полагали авторы: буржуазная революция в Германии, хотя она и зачахла в зародыше, была только прологом к мощному развертыванию пролетарской классовой борьбы.

Непоколебимый в своих основных истинах и поучительный даже в своих ошибках, «Коммунистический манифест» является документом мировой истории, и через всю эту историю звучит боевой клич, которым заканчивается Манифест: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 459. — *Ред.*

Глава шестая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

1
ФЕВРАЛЬСКИЕ И МАРТОВСКИЕ ДНИ

24 февраля 1848 г. революция свергла французскую буржуазно-королевскую власть. Затем революция перекинулась в Брюссель, но там король Леопольд, хитрый, видавший виды Кобург, сумел выпутаться из беды искуснее, чем его тесть в Париже. Он заявил своим либеральным министрам, депутатам и мэрам о своем согласии оставить престол, если того пожелает народ, и этим так тронул сердобольных государственных мужей буржуазии, что они отказались от всяких мятежнических замыслов.

Затем король приказал своим войскам рассеивать собиравшиеся на общественных площадях народные митинги и начал полицейскую травлю против эмигрантов. С особенной грубостью при этом обрушились на Маркса: арестовали не только его самого, но и его жену, и ей пришлось провести ночь вместе с публичными женщинами. Комиссар полиции, который оказался виновным в этой гнусности, был затем смещен, и арест был немедленно отменен; высылка же осталась в силе, хотя и являлась совершенно излишним издевательством.

Маркс и без того собирался уехать в Париж. Немедленно после начала февральской революции лондонский Центральный комитет Союза коммунистов передал свои полномочия брюссельскому окружному комитету, который ввиду осадного положения, фактически введенного в Брюсселе, передал *3* марта свои права Марксу с полномочием образовать новый Центральный комитет в Париже. Маркс был призван туда исполненным уважения письмом временного правительства от 1 марта, подписанным Флоконом.

Уже 6 марта Маркс в Париже проявил свою исключительную проницательность, выступив на большом собрании проживавших там немцев против авантюристического плана: вторгнуться с оружием в руках в Германию, чтобы вызвать там революцию. Такой план был придуман Борнштедтом, этим подозрительным

субъектом, которому, к сожалению, удалось склонить на свою сторону Гервега. За этот план высказывался и Бакунин, в чем он, впрочем, позднее раскаивался. Временное правительство поддерживало план Борнштедта не из революционного воодушевления, а с задней мыслью освободиться от иностранных рабочих в условиях господствовавшей тогда безработицы. Оно предоставляло им этапные пункты и походное содержание по 50 сантимов в сутки до самой границы. Гервег не обманывался относительно «эгоистического желания правительства избавиться от многих тысяч ремесленников, составлявших конкуренцию французам», но вследствие отсутствия политического кругозора он довел авантюру до ее жалкого конца при Нидердоссенбахе[1].

Решительно возражая против такой игры в революцию — она сделалась совершенно бессмысленной после того как революция победила в Вене тринадцатого марта, а в Берлине восемнадцатого, — Маркс в то же время нашел средства действительно помочь германской революции, на которую обращено было главное внимание коммунистов. Согласно данному ему полномочию Маркс образовал новый Центральный комитет из прежних, частью брюссельских (Маркс, Энгельс, Вольф), частью лондонских (Бауэр, Молль, Шаппер), членов Союза. Он выпустил воззвание, содержавшее в себе семнадцать требований «в интересах немецкого пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянства»; среди этих требований были: провозглашение всей Германии единой и неделимой республикой, всеобщее вооружение народа, национализация княжеских и других феодальных поместий, рудников, копей, транспортных средств, организация национальных мастерских, всеобщее бесплатное народное образование и т. д. Эти требования намечали, конечно, только главные руководящие линии для коммунистической пропаганды. Никто лучше самого Маркса не понимал того, что действительное осуществление такой программы произойдет не с сегодня на завтра, а требует долгого революционного процесса развития.

Союз коммунистов, оставаясь замкнутой организацией, был еще слишком слаб, чтобы ускорить революционное движение. Обнаружилось, что реорганизация Союза на континенте находилась лишь в зачаточном состоянии. Но это уже не имело значения: в сохранении Союза больше не было смысла, так как революция дала рабочему классу средства и возможность вести

[1] Имеется в виду предпринятая в марте 1848 г. немецким поэтом Георгом Гервегом организация на территории Франции вооруженного легиона немецких эмигрантов с целью вторжения в Германию и провозглашения там республики. Маркс и Энгельс решительно выступали против авантюристской затеи Гервега, намеревавшегося «импортировать» в Германию революцию и республику. После перехода границы легион Гервега в апреле 1848 г. был разгромлен нюрнбергскими войсками на территории Бадена, в Нидердоссенбахе. — *Ред.*

открытую пропаганду. При таких обстоятельствах Маркс и Энгельс основали в Париже клуб немецких рабочих, где они советовали рабочим держаться в стороне от предпринимаемого Гервегом общего похода, а, напротив, возвращаться на родину поодиночке и работать там для революционного движения. Так они вернули на родину несколько сот рабочих, получив для них благодаря посредничеству Флокона те же льготы, какие были предоставлены временным правительством вольному отряду Гервега.

Этим способом большинство членов Союза проникло в Германию, и благодаря им Союз оказался превосходной подготовительной школой для революции. Всюду, где движение развивалось особенно успешно, во главе его стояли члены Союза: Шаппер — в Насау, Вольф — в Бреславле, Стефан Борн — в Берлине, остальные — в других местах. Борн очень верно писал Марксу: «Союз распущен — он повсюду и нигде». Действительно, как организация он не существовал нигде, как пропаганда — всюду, где имелись реальные условия для пролетарской освободительной борьбы, что, впрочем, относилось лишь к сравнительно небольшой части Германии.

Маркс и его ближайшие друзья отправились в Рейнскую провинцию, как в самую передовую часть Германии. Кодекс Наполеона обеспечивал им там сравнительно большую свободу действия, чем прусское право в Берлине. Им удалось воспользоваться теми подготовительными шагами, которые были сделаны в Кёльне отчасти демократическими, отчасти коммунистическими элементами для издания большой газеты. Правда, оставалось преодолеть еще некоторые затруднения. Так, Энгельсу пришлось с разочарованием убедиться, что коммунизм Вупператаля далеко не был действительностью, а тем более силой, и с наступлением настоящей революции превратился в призрак вчерашнего дня. 25 апреля Энгельс писал Марксу из Бармена в Кёльн: «На акции (создаваемой революционной газеты)[1] здесь приходится, к сожалению, очень мало рассчитывать... Эти люди боятся, как чумы, обсуждения общественных вопросов; они называют это подстрекательством...

От моего старика совершенно ничего нельзя добиться. Для него «Кёльнская газета» является средоточием всякой крамолы и вместо тысячи талеров он охотнее послал бы нам тысячу картечных пуль»[2]. Все же Энгельс собрал еще четырнадцать акций, и с 1 июня стала выходить в свет «Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета»).

В качестве главного редактора ее подписывал Маркс, а в состав редакции вошли Энгельс, Дронке, Веерт и оба Вольфа.

[1] Заключенные в скобки слова принадлежат Мерингу. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 100. — *Ред.*

2
ИЮНЬСКИЕ ДНИ

«Neue Rheinische Zeitung» называла себя «органом демократии», но она являлась таковым не в смысле какой-либо парламентской левой. Она и не стремилась к этой чести, а скорее считала настоятельно необходимым надзор над демократами; ее идеалом, писала она, менее всего является черно-красно-золотая республика, на почве таковой для нее только и начинается оппозиция.

Согласно с духом «Коммунистического манифеста» газета старалась толкать вперед революционное движение, каким оно складывалось. Задача эта была тем более настоятельна, что революционная почва, завоеванная в мартовские дни, в июне все более и более уходила из-под ног. В Вене при неразвитых еще классовых противоречиях воцарилась добродушная анархия; в Берлине у кормила правления лишь ненадолго стала буржуазия, которая скоро уступила его побежденной домартовской власти. В средних и малых государствах красовались либеральные министры, отличаясь от своих феодальных предшественников вовсе не мужественной осанкой перед королевскими тронами, *а,* напротив, умением больше гнуть спину. А Франкфуртское национальное собрание, которое как суверенный носитель власти должно было создать единство Германии, оказалось, как только оно собралось 18 мая, безнадежной говорильней.

С этими призраками «Neue Rheinische Zeitung» расправилась уже в первом номере, и так основательно, что половина ее немногочисленных акционеров забила отбой. Газета не выставляла при этом особенно больших требований к предусмотрительности и мужеству парламентских героев. Критикуя федеративное республиканство левого крыла Франкфуртского парламента, она указывала, что федерация конституционных монархий, маленьких княжеств и маленьких республик, с республиканским правительством во главе, не может явиться окончательной формой государственного устройства Германии. Но к этому газета добавляла: «Мы не выставляем утопического требования, чтобы a priori была провозглашена *единая, неделимая германская республика,* но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешивала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью. Германское единство, как и германская конституция, могут быть осуществлены лишь в результате движения, в котором решающими факторами будут как внутренние конфликты, так и война с Востоком. Окончательное конституирование не может быть *декретировано;* оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать. Поэтому дело идет не об осуществлении того или иного мнения, той или иной

политической идеи; дело идет о понимании хода развития. Национальное собрание должно сделать лишь практически возможные в ближайшее время шаги»[1]. Однако Национальное собрание сделало то, что по всем законам логики казалось практически невозможным: оно избрало австрийского эрцгерцога Иоганна регентом государства и тем самым посильно помогло князьям прибрать к рукам движение.

Более значительными, чем франкфуртские, были берлинские события. В пределах германских границ опаснейшим противником революции являлось прусское государство. Хотя 18 марта революции и удалось свергнуть его, однако плоды победы в силу исторического положения вещей достались буржуазии, а она поспешила предать революцию. Чтобы поддержать «непрерывность правопорядка», или, вернее, чтобы отречься от своего революционного происхождения, буржуазное министерство Кампгаузена — Ганземана созвало Соединенный ландтаг, чтобы при помощи этой феодально-сословной организации заложить основы новой буржуазной конституции. Это нашло отражение в законах, изданных 6 и 8 апреля: первый положил ряд гражданских прав в основу новой конституции, второй установил всеобщее, равное, тайное и непрямое избирательное право для выборов Собрания, которое в согласии с короной должно было составить новую государственную конституцию.

Благодаря пресловутому принципу «соглашения» победа, одержанная 18 марта берлинским пролетариатом над прусскими гвардейскими полками, фактически была сведена к нулю. Для приведения в жизнь решений нового Собрания требовалось утверждение их короной, и таким образом корона вернула себе свое прежнее главенство; дело обстояло так, что либо она диктовала свою волю, либо ее нужно было обуздать второй революцией, для пресечения которой министерство Кампгаузена — Ганземана принимало все меры, какие только оказывались в его силах. Оно устраивало множество мелких дрязг, чтобы парализовать Собрание, созванное 22 мая, выставляло себя «щитом династии» и тем временем возглавило пока еще безголовую контрреволюцию, призвав насквозь реакционного наследника престола, прусского принца, из Англии, куда он 18 марта скрылся от гнева масс.

Берлинское собрание, конечно, тоже не стояло на революционней высоте, но все же не так блуждало в мире мечтаний, как Франкфуртский парламент. Оно не погнушалось признать принцип «соглашения», который высасывал у него мозг из костей, но все же решилось на более смелый поступок, когда берлинское население 14 июня сказало свое грозное слово, напав на арсенал. Это вызвало падение Кампгаузена, но еще не Ганземана. Они

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 41. — *Ред.*

отличались друг от друга тем, что Кампгаузен еще страдал кое-какими остатками буржуазной идеологии, тогда как Ганземан без зазрения совести отдался торгашеским интересам буржуазии. Он думал послужить этим интересам, еще более усиленно ухаживая за королем и юнкерством, еще более развращая Собрание и обращаясь с массами грубее, чем когда-либо. Контрреволюция по основательным соображениям оставляла его временно на месте.

Против этого рокового течения дел и восстала со всей решительностью «Neue Rheinische Zeitung». Она указывала, что Кампгаузен сеет реакцию в духе крупной буржуазии, а пожнет ее в духе феодальной партии. Она подстегивала Берлинское собрание и, в частности, его левое крыло к решительным действиям; по поводу его гнева из-за уничтожения каких-то знамен и оружия при разгроме арсенала она, напротив, восхваляла верное чутье народа, который выступил революционно не только против своих угнетателей, но также против блестящих иллюзий своего собственного прошлого. Она предупреждала левое крыло от обманчивого блеска парламентских побед, которые старая власть ему охотно предоставит, лишь бы сохранить за собою все действительно решающие позиции.

Министерству Ганземана газета предсказывала жалкий конец. Оно надеялось утвердить господство буржуазии при помощи заключения компромисса со старым, феодально-полицейским государством. «В процессе разрешения этой двойственной, противоречивой задачи министерство дела каждую минуту видит, как реакция в абсолютистском, феодальном духе подкапывается под только еще создаваемое господство буржуазии, а также под его собственное существование, — и оно окажется побежденным. Буржуазия не может завоевать себе господства, не заручившись предварительно союзником в лице всего народа, не выступая поэтому в более или менее демократическом духе»[1]. Газета резко обличала усилия буржуазии свести к шутовскому обману все освобождение крестьян, эту самую законную задачу всякой буржуазной революции: «Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает этих крестьян, своих *самых естественных союзников,* которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства»[1]. Таким образом, германская революция 1848 г. является, по мнению газеты, лишь пародией французской революции 1789 г.

Она была пародией еще и в другом смысле. Германская революция победила не собственными силами, а лишь как отголосок французской революции, которая уже доставила пролетариату участие в правительственной власти. Это, конечно, не оправды-

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 252. — *Ред.*
[1] Там же, стр. 299. — *Ред.*

вает предательства буржуазии в отношении германской революции, но объясняет его. Однако почти в те же июньские дни, когда министерство Ганземана начало свою работу могильщика революции, буржуазия освободилась от кошмара. В ужасном уличном сражении, длившемся четыре дня, парижский пролетариат был разбит, причем все буржуазные классы и партии оказали капиталу свою помощь — помощь палачей.

В Германии же «Neue Rheinische Zeitung» подняла из пыли знамя «побеждающих побежденных». О том, куда должна примкнуть демократия в классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом, Маркс говорил в следующих величественных выражениях: «Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народного гнева, для национальной гвардии, для мобильной гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск?

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты будут прославлять их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса объявит их бессмертными, европейская реакция будет превозносить их от востока до запада.

Но плебеи истерзаны голодом, оплеваны прессой, покинуты врачами, по милости «порядочных» ославлены ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети ввергнуты в еще более безграничную нищету; их лучшие представители из оставшихся в живых сосланы за море. Обвить лавровым венком их грозно-мрачное чело — это *привилегия,* это *право демократической печати»*[1]. Эта великолепная статья, в которой еще и теперь пылает пламя революционной страсти, стоила «Neue Rheinische Zeitung» второй половины ее акционеров.

3
ВОЙНА С РОССИЕЙ

Война с Россией была осью всей внешней политики для «Neue Rheinische Zeitung». В России газета видела врага революции, действительно страшного, который безусловно примет участие в борьбе, если движение сделается общеевропейским.

Газета вела в этом вопросе совершенно правильную политику. В то самое время, когда она требовала революционной войны с Россией, русский царь — чего она тогда не могла знать, но что теперь установлено документально — предлагал прусскому принцу помощь русской армии для насильственного восстановления деспотизма. А год спустя русский медведь спас

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 141—142. — *Ред.*

австрийский деспотизм, раздавив своими неуклюжими лапами венгерскую революцию. Германская революция не могла победить, не разрушив прусского и австрийского полицейских государств, а эта цель оставалась недостижимой, поскольку предварительно не была разбита мощь царя.

Газета ожидала от войны с Россией такого же развязывания революционных сил, какое вызвано было во французской революции 1789 г. войной с феодальной Германией. Если газета, по выражению Веерта, третировала германский народ en canaille[1], то она была права в своем озлоблении, ибо Германия оказывала услуги палача, совершая в течение семидесяти лет преступления против свободы и независимости других народов — в Америке и Франции, в Италии и Польше, в Голландии, Греции и других странах. «Теперь, когда немцы сбрасывают с себя свое собственное ярмо, должна быть изменена и вся их политика по отношению к другим народам. Иначе наша юная, почти только лишь предчувствуемая свобода окажется закованной в те самые цепи, которыми мы опутываем чужие народы. Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам»[2]. Газета разоблачала ту макиавеллиевскую узколобую политику, которая, колеблясь в своих основах в самой Германии, вызывала расовую ненависть, чуждую космополитическому характеру немцев. Тем самым эта политика хотела ослабить демократическую энергию, отвлечь внимание от себя, создать канал для выхода революционной лавы и выковать таким способом оружие для внутреннего угнетения.

«Несмотря на патриотический вой и шум, поднятый почти всей немецкой печатью»[3], газета с самого начала выступала в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, венгров в Венгрии. Она издевалась над «глубиной соображения», над «историческим парадоксом»: в тот самый момент, когда немцы борются со своими правительствами, они предпринимают под начальством тех же правительств крестовый поход против свободы Польши, Богемии, Италии. «Лишь *война против России* есть война *революционной Германии,* война, в которой она может смыть грехи прошлого, окрепнуть и победить своих собственных самодержцев, — война, в которой она, как подобает народу, сбрасывающему с себя оковы долгого покорного рабства, кровью своих сынов купит себе право на пропаганду цивилизации и освободит себя внутри страны, освобождая народы вне ее»[4].

Отсюда понятно, что газета выступала с особенной страстностью в защиту поляков. Польское движение 1848 г. ограничива-

[1] Как сволочь. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 161. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 212. — *Ред.*
[4] Там же, стр. 212—213. — *Ред.*

лось прусской провинцией Познанью, потому что русская Польша была еще обессилена революцией 1830 г., а австрийская Польша — восстанием 1846 г. Польша выступала довольно умеренно и требовала едва ли не меньше того, что ей было обещано договорами 1815 г., но что не было выполнено, — замены военной оккупации местными войсками и замещения всех должностей местными уроженцами. В первую минуту испуга после 18 марта в Берлине было дано обещание «национального переустройства» Польши — но, конечно, с задней мыслью не выполнить его. Поляки оказались довольно добродушными и поверили в добрые намерения Берлина, а Берлин занимался тем, что натравливал немецкое и еврейское население Познани на польское и планомерно подготовлял гражданскую войну. Подстрекательство к ней и все ужасы ее, таким образом, почти полностью лежали на ответственности Пруссии. Поляки, вынужденные насилием к насильственному сопротивлению, мужественно сражались и несколько раз, как, например, 30 апреля при Милославе, обращали в бегство врага, превосходившего их численностью и вооружением. Но, конечно, война польских кос с прусской шрапнелью становилась в конце концов безнадежной.

В польском вопросе германская буржуазия вела себя по своему обыкновению так же безголово, как и вероломно. В домартовский период она понимала очень хорошо, как тесно связаны между собою германское и польское дело. И еще после 18 марта ее мудрецы торжественно заявляли в так называемом Франкфуртском предпарламенте, что восстановление Польши является священной обязанностью германского народа. Однако это нисколько не помешало Кампгаузену сыграть и в этом вопросе роль тюремщика, поставленного прусскими юнкерами. Он позорным образом нарушил обещание «национального переустройства», отрывая кусок за куском от провинции Познани — в общем более двух третей ее состава. Мало того, он заставил Союзный сейм, умиравший под тяжестью всеобщего презрения и находившийся при последнем издыхании, присоединить эти оторванные части Познани к Германскому союзу. Франкфуртскому национальному собранию пришлось заняться вопросом, должно или не должно оно признать своими полноправными членами депутатов, избранных в оторванных частях провинции Познани. После трехдневных прений Собранием принята была резолюция, какой и следовало ожидать от него: это выродившееся дитя революции благословило злое дело контрреволюции.

О том, как близко к сердцу принимала этот вопрос «Neue Rheinische Zeitung», свидетельствует та обстоятельность, с какой она обсуждала франкфуртские прения в восьми или девяти статьях, весьма обширных в противоположность обычной презрительной краткости своих отчетов о парламентской болтовне. Это

были вообще самые большие статьи на страницах «Neue Rheinische Zeitung». Судя по содержанию и стилю, авторами их были Маркс и Энгельс. Во всяком случае несомненно, что Энгельс принимал деятельное участие в работе: она носит явные следы его мастерства.

Статьи с большой прямотой — что делало честь авторам — вскрывали подлую игру, которая велась по отношению к полякам. Нравственное возмущение Маркса и Энгельса, гораздо более глубокое, чем мог себе представить добрый филистер, не имело ничего общего с сентиментальными уверениями в сострадании вроде тех, которые во Франкфурте расточал притесняемым полякам Роберт Блюм. «Самая тривиальная болтовня, пусть даже — охотно допускаем это — болтовня широкого размаха и высокого мастерства»[1], — такие слова приходилось выслушивать на свой счет прославленному оратору левой, и не без основания. Он не понимал того, что предательство поляков означало предательство германской революции, ибо она тем самым лишалась необходимого оружия против своего смертельного врага — царя.

К «самой тривиальной политической болтовне» Маркс и Энгельс причисляли также «всеобщее братание народов», которое без зачета исторического положения и степени общественного развития народов хотело только вообще побратать между собой всех и вся. «Справедливость», «человечность», «свобода», «равенство», «братство», «независимость» были для Маркса и Энгельса более или менее назидательными фразами, которые звучат очень красиво, но в вопросах исторической и политической борьбы неизменно обнаруживают свое полное бессилие. Эта «современная мифология» всегда вызывала в них отвращение. А в разгар революции для них тем более имел значение только один пароль: «За или против?».

Статьи о Польше в «Neue Rheinische Zeitung» были преисполнены истинной революционной страстью, которая ставила их неизмеримо выше обычных сентиментальностей дюжинной демократии, сочувствовавшей полякам. Статьи эти до сих пор не потеряли своего значения как красноречивые свидетельства глубочайшей политической проницательности. Но они несвободны от некоторых ошибок в области истории Польши. Если важно было сказать, что борьба за независимость Польши может быть победоносной только в том случае, если она явится одновременно победой крестьянской демократии над патриархально-феодальным абсолютизмом, то, с другой стороны, неправильно было утверждать, что Польша со времени введения конституции 1791 г. поняла эту связь. Столь же мало согласовывалось с истиной утверждение, что в 1848 г. старая дворянско-демократическая Польша

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 361. — *Ред.*

уже давно мертва и похоронена, но оставила после себя великана сына — Польшу крестьянской демократии. В польских юнкерах, которые доблестно сражались на западно-европейских баррикадах, чтобы освободить свой народ из цепких объятий восточных держав, Маркс и Энгельс видели представителей польской знати. На самом же деле Лелевель и Мерославский, закаленные и очистившиеся в огне борьбы, возвысились над своим классом, подобно тому как раньше Гуттен и Зиккинген возвышались над германским рыцарством, а в недавнем прошлом Клаузевиц и Гнейзенау — над прусским юнкерством.

Маркс и Энгельс скоро отказались от этого ошибочного мнения, но Энгельс сохранил навсегда презрительное отношение «Neue Rheinische Zeitung» к борьбе за независимость южнославянских народов и народцев. Энгельс высказывался об этом в 1882 г. так же, как в 1849 г. в полемике с Бакуниным. Русского революционера подозревали в июле 1848 г. в том, что он — агент русского правительства. Такое подозрение было высказано «Neue Rheinische Zeitung» со слов ее парижского корреспондента Эвербека и подтверждено одновременным аналогичным сообщением бюро Гаваса. Однако немедленно была установлена ложность этого известия, и редакция взяла его обратно со всяческими извинениями. Впоследствии Маркс, предприняв в конце августа и начале сентября поездку в Берлин и Вену, возобновил свои старые дружеские отношения с Бакуниным и упорно боролся против высылки его из Пруссии в октябре. А Энгельс предпослал своей полемике с воззванием Бакунина к славянам заявление, что Бакунин — «наш друг», но затем обрушился с резкой и деловитой критикой на панславистские тенденции бакунинской брошюры.

Решающим и в данном случае были прежде всего интересы революции. В борьбе венского правительства с революционерами Германии и Венгрии австрийские славяне, за исключением поляков, стояли на стороне врагов революции. Они осадили восставшую Вену и предали ее безжалостной мести императорских и королевских сатрапов. В то время когда Энгельс нападал на Бакунина, австрийские славяне вели войну против восставшей Венгрии. За венгерской революционной войной Энгельс следил в «Neue Rheinische Zeitung» с большим знанием дела. Относясь со страстным участием к этой войне, он так же переоценивал уровень исторического развития мадьяр, как и поляков. На требование Бакунина обеспечить австрийским славянам их независимость Энгельс отвечал: «Мы не намерены делать этого. На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью;* со времени революции к этому прибавилась не-

ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам»[1]. Так провозглашал Энгельс неумолимую борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть с «предающим революцию славянством».

Это было написано не в припадке пламенного гнева по поводу холопских услуг, которые оказывали австрийские славяне европейской реакции. Энгельс отказывал всем славянским народам — за исключением поляков, русских и, может быть, славян в Турции — во всяком историческом будущем «по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимейшие исторические, географические, политические и промышленные условия их самостоятельности и жизнеспособности»[2]. По его мнению, борьба за национальную независимость делает их безвольным орудием царизма, и доброжелательный самообман панславистов-демократов не может этого изменить. Историческое право больших культурных народов на революционное развитие важнее борьбы этих малых, искалеченных и беспомощных народов за свою независимость. Ничего, если при этом и погибнут некоторые нежные национальные цветочки. Только в таком случае эти народы будут в состоянии участвовать в общем историческом развитии, которому они останутся совершенно чуждыми, если их предоставить самим себе. И Энгельс говорил еще в 1882 г., что при столкновении освободительных стремлений балканских славян с интересами западноевропейского пролетариата он вовсе не станет проливать слезы об этих прислужниках царизма: в политике нет места поэтическим симпатиям.

Энгельс ошибался, отказывая малым славянским народам в историческом будущем, но его основная мысль была, несомненно, правильной. И «Neue Rheinische Zeitung» защищала ее со всей решительностью, когда она столкнулась с «поэтическими симпатиями» филистеров.

4
СЕНТЯБРЬСКИЕ ДНИ

Речь шла о войне, которую прусское правительство начало по поручению Германского союза с Данией из-за шлезвиг-гольштейнского вопроса.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 305—306. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 208. — *Ред.*

Гольштейн был немецкой областью и входил в Германский союз; Шлезвиг стоял вне этого Союза и был, по крайней мере в своих северных округах, преимущественно датским. Общность царствующей династии связывала оба герцогства в течение нескольких столетий с королевством Данией, лишь немногим более обширным и населенным, чем они. Преемственность династии в Дании следовала, однако, и по женской линии, а в Шлезвиг-Гольштейне — только по мужской. Оба герцогства были связаны между собой тесной реальной унией и обладали в этой нераздельности государственной самостоятельностью.

Таково было отношение Дании к герцогствам по международным договорам. Фактически же оно сложилось так, что до качала XIX столетия немецкий дух преобладал в Копенгагене, немецкий язык был официальным языком датского королевства и дворяне из Шлезвиг-Гольштейна играли влиятельную роль в датских канцеляриях. Во время наполеоновских войн национальные противоречия обострились. Верность, которую Дания до конца сохраняла наследию французской революции, ей пришлось искупить потерей Норвегии по венскому договору. Борьба за свое государственное существование побуждала Данию произвести аннексию Шлезвиг-Гольштейна, в особенности потому, что исчезновение в его царствующем доме мужских потомков неизбежно приближало момент перехода герцогств к боковой линии и, следовательно, вело к полному отделению их от Дании. Поэтому Дания стала всеми средствами эмансипироваться от немецкого влияния и развивать искусственное скандинавство, стремясь связать себя вместе с Норвегией и Швецией в особый культурный мир, так как сама она была слишком мала для создания своего собственного национального духа.

Попытки датского правительства окончательно овладеть эльбскими герцогствами встретили в них самих упорнее сопротивление, которое вскоре стало немецким национальным делом. Экономически расцветавшая Германия, в особенности после создания Таможенного союза, понимала, какое значение имеет для ее торговых и морских сношений шлезвиг-гольштейнский полуостров, вытянувшийся между двумя морями. Она приветствовала со все возрастающей радостью шлезвиг-гольштейнскую оппозицию датской пропаганде. С 1844 г. песня «Шлезвиг-Гольштейн, морем объятый, нравов германских надежный страж!» стала чем-то вроде национального гимна. Конечно, движение это не выходило из медленного, сонного темпа домартовской агитации, но все же немецкие правительства не могли избегнуть его влияния. Когда датский король Кристиан VIII в 1847 г. решился на насильственный шаг, написав открытое письмо, в котором он назвал герцогство Шлезвиг и даже часть герцогства Гольштейна составными частями цельного датского государства, то даже

Союзный сейм набрался мужества для беззубого протеста. Во всяком случае он на сей раз не заявил о своей некомпетентности, как обыкновенно заявлял, когда шла речь о защите немецких племен от насильственных действий князей.

«Neue Rheinische Zeitung» не чувствовала никакого племенного родства с буржуазным, отдающим пивом энтузиазмом «морем объятых» гольштейнцев. Она только видела в нем противоположный полюс скандинавизма, который она бичевала как «восхваление жестокого, грубого, пиратского древненорманского национального характера, той крайней замкнутости, при которой избыток мыслей и чувств выражается не в словах, а только в делах, именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и в неистовой воинственности [Berserkerwut][1], перемежающейся со слезливой сентиментальностью»[2]. Все положение вещей так странно извратилось, что под реакционным знаменем скандинавства в Дании боролась именно буржуазная оппозиция, партия так называемых «эйдеровских датчан», которая жаждала превращения герцогства Шлезвиг в датскую область, расширения датской хозяйственной территории, для того чтобы упрочить посредством современной конституции общую государственность, тогда как борьба самих герцогств за их старинные и писаные права являлась более или менее борьбой за феодальные привилегии и династические побрякушки.

В январе 1848 г. в Дании вступил на престол Фридрих VII. Он был последним отпрыском династии по мужской линии и принялся по совету своего умирающего отца за подготовку либерального государственного строя, общего для Дании и для герцогств. Месяц спустя февральская революция пробудила в Копенгагене бурное народное движение. Оно привело к кормилу правления партию «эйдеровских датчан», которая стала тотчас же с неутомимой энергией проводить свою программу — включение Шлезвига до реки Эйдер в состав королевства. На это герцогства ответили отречением от датского короля, образовали армию из 7000 человек и создали в Киле временное правительство. Руководящую роль в нем играла знать, но, вместо того чтобы поднять на борьбу страну, которая вполне могла померяться силами с датской государственной властью, знать обратилась за помощью к Союзному сейму и к прусскому правительству, от которых не опасалась никакой угрозы для своих феодальных привилегий.

Она встретила у них полную готовность оказать ей помощь. «Охрана немецких интересов» явилась для них очень удобным средством оправиться от потрясающих ударов революции. Прусский король испытывал в особенности настоятельную

[1] Berserker — образ неистового воина в скандинавских сагах. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 420. — *Ред.*

потребность, предприняв военную прогулку против слабой Дании, восстановить уважение к своей гвардии, разбитой наголову 18 марта на баррикадах берлинскими революционными борцами. Он ненавидел партию «эйдеровских датчан» как революционное отродье, но считал и шлезвиг-гольштейнцев мятежниками против богом установленной власти и приказал своим генералам выполнять «холопскую службу революции» по возможности спустя рукава. Через своего тайного посланца, майора фон Вильденбруха, он дал знать в Копенгаген, что стремится прежде всего сохранить эльбские герцогства королю-герцогу и выступает лишь для того, чтобы удержать радикальные и республиканские элементы от вредного вмешательства.

Дания, однако, не пошла на эту приманку. Она со своей стороны обратилась за защитой к великим державам, и Англия с Россией горели желанием оказать ей эту услугу. Их помощь позволила маленькой Дании выдрать великую Германию, как шалуна школьника. Датские военные корабли наносили немецкой торговле чувствительные раны, в то время как немецкое союзное войско, вторгнувшееся под командой прусского генерала Врангеля в эльбские герцогства и, несмотря на свою жалкую стратегию, обращавшее в бегство значительно более слабые датские войска, было приведено к полному бездействию дипломатическим вмешательством великих держав. В конце мая Врангель получил из Берлина приказ отступить из Ютландии. В ответ на это Национальное собрание постановило 9 июня, что вопрос о герцогствах как вопрос, касающийся Германии в целом, относится к кругу его деятельности и что оно будет охранять честь Германии.

Война действительно велась от имени Германского союза, и поэтому ее должны были бы возглавлять Национальное собрание и габсбургский принц, который 28 июня был назначен Национальным собранием правителем империи. Это, однако, не смутило прусское правительство, и 28 августа оно заключило под давлением Англии и России перемирие с Данией в Мальмэ на семь месяцев, совершенно не считаясь с поставленными правителем империи условиями и с тем, кто их передал. Условия перемирия были чрезвычайно позорны для Германии: временное правительство Шлезвиг-Гольштейна объявлялось распущенным, и высшее управление передавалось на время перемирия одному из сторонников Дании; указы прежнего временного правительства отменялись, и шлезвигские войска отделялись от гольштейнских. Точно так же Германии пришлось начать отступление и в военном отношении, хотя перемирие было заключено на зимние месяцы, когда датский флот был бесполезен для блокады немецких гаваней, а мороз позволил бы немецким войскам перейти по льду через Малый Бельт, завоевать Фюнен и ограничить Данию одной Зеландией.

Известие о заключении перемирия в первые дни сентября словно громом поразило Франкфуртское национальное собрание, которое «со словоохотливостью прачек, наподобие схоластиков средневековья» обсуждало до потери сознания бумажные «основные права» будущей имперской конституции. В первую минуту растерянности оно постановило 5 сентября приостановить выполнение перемирия и вызвало этим отставку имперского министерства.

Это постановление «Neue Rheinische Zeitung» приветствовала с живейшим удовлетворением, хотя и без всяких иллюзий. Независимо от утвержденного договорами права она требовала войны с Данией как права, опирающегося на историческое развитие, «Датчане — это народ, находящийся в самой неограниченной торговой, промышленной, политической и литературной зависимости от Германии. Известно, что фактической столицей Дании является не Копенгаген, а Гамбург;... что Дания получает всю свою литературную пищу, точно так же как и материальную, из Германии, и что датская литература — за исключением Хольберга — представляет собой бледную копию немецкой литературы...

По тому же праву, по которому французы забрали Фландрию, Лотарингию и Эльзас и раньше или позже завладеют Бельгией, — по тому же праву Германия забирает Шлезвиг: это право цивилизации по отношению к варварству, прогресса по отношению к застою...

Война, которую мы ведем в Шлезвиг-Гольштейне, является, следовательно, подлинно революционной войной.

А кто стоял с самого начала на стороне Дании? Три самые контрреволюционные державы Европы: *Россия, Англия* и *прусское правительство*. Пока возможно было, прусское правительство вело лишь *мнимую войну:* достаточно вспомнить ноту Вильденбруха, готовность, с которой прусское правительство, по представлению Англии и России, отдало приказ об отступлении из Ютландии, и, наконец, двукратное перемирие! Пруссия, Англия и Россия — вот три державы, которым больше всего приходится опасаться германской революции и ее ближайшего результата — единства Германии: Пруссии — ибо благодаря этому она перестанет существовать, Англии — ибо она тем самым лишится возможности эксплуатировать германский рынок, России — ибо благодаря этому демократия продвинется не только до Вислы, но даже до Двины и Днепра. Пруссия, Англия и Россия составили заговор против Шлезвиг-Гольштейна, против Германии и против революции.

Война, которая, быть может, будет вызвана теперь решениями во Франкфурте, была бы войной Германии против Пруссии, Англии и России. И именно такая война нужна засыпающему германскому движению — война против трех

контрреволюционных великих держав, война, которая действительно растворит Пруссию в Германии, сделает безусловно необходимым союз с Польшей, немедленно приведет к освобождению Италии, — война, которая будет направлена как раз против старых контрреволюционных союзников Германии в 1792—1815 гг., война, которая ввергнет «отечество в опасность» и именно тем спасет его, так как она поставит победу *Германии* в зависимость от победы демократии»[1].

То, что «Neue Rheinische Zeitung» ясно и резко высказывала в этих словах, соответствовало революционному инстинкту масс: тысячи людей стремились из местностей, находящихся на пятьдесят миль в окружности, во Франкфурт, готовые к новой революционной борьбе. Однако, как справедливо указывала газета, эта революционная борьба смела бы самое Национальное собрание, и самоубийству из героизма оно предпочло самоубийство из трусости. 16 сентября оно признало перемирие в Мальмэ, и даже его левая, за исключением немногих членов, отказалась выступить в качестве революционного конвента. Дело дошло только до небольшой борьбы на баррикадах в самом Франкфурте, и доблестный правитель империи умышленно дал ей даже несколько разрастись, чтобы затем вызвать из союзной крепости Майнца войска, значительно превосходящие революционные силы во Франкфурте, и поставить суверенный парламент под власть штыков.

В то же время в Берлине министерство Ганземана постиг тот жалкий конец, который ему предсказывала «Neue Rheinische Zeitung». Укрепляя будто бы «государственную власть» против «анархии», оно фактически помогало снова встать на ноги старопрусскому чиновничьему, военному и полицейскому государству, которое рухнуло 18 марта. При этом Ганземану не удалось вынудить у короны даже обеспечения тех чисто торгашеских интересов буржуазии, ради которых он предавал революцию. Прежде всего, как сожалел один из членов Берлинского собрания, «старая воинская система, с которой в мартовские дни произошел разрыв, сохранялась еще во всей своей всеполнейшей полноте», а с парижских июньских дней у нее сама собой бряцала сабля в ножнах. Ни для кого не было тайной, что в перемирии с Данией далеко не последнюю роль сыграло намерение вернуть Врангеля с его гвардией в окрестности Берлина и подготовить решительный контрреволюционный удар. Поэтому 7 сентября Берлинское собрание спохватилось и потребовало от военного министра приказа, который предостерегал бы офицеров от всяких реакционных стремлений и вменял им в долг чести отставку в том случае,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 420, 422, 423. — *Ред.*

если их политические убеждения не согласуются с конституционным правлением.

Этим было бы достигнуто немногое, так как подобные указы уже не раз безуспешно издавались для гражданской бюрократии, но и этого немногого милитаризм не желал сделать по требованию гражданского министерства. Министерство Ганземана пало, и генерал Пфуль образовал новое, чисто бюрократическое министерство. Оно преспокойно издало требуемый от него Собранием приказ офицерам и тем самым засвидетельствовало перед всем миром, что милитаризм уже не только не боится гражданской власти, но даже издевается над нею.

Так исполнилось предсказание, сделанное «Neue Rheinische Zeitung», насчет «мудрствующего, брюзжащего, неспособного к решениям» Берлинского собрания. Левым пришлось в один прекрасный день признать, что их парламентская победа совпала с их фактическим поражением. В ответ на шум контрреволюционной печати о том, что победа левых объясняется только давлением со стороны берлинских народных масс на Собрание, газета вовсе не стала отрицать факт такого давления, как это неуклюже делали либеральные газеты, а прямо заявила: «Право демократических народных масс оказывать своим присутствием моральное воздействие на позицию учредительных собраний есть старое революционное право народа, которое со времен английской и французской революций использовалось во все бурные эпохи. Этому праву история обязана почти всеми энергичными шагами таких собраний»[1]. Этот намек на «парламентский кретинизм» в сентябрьские дни 1848 г. одинаково относился как к Франкфуртскому собранию, так и к Берлинскому.

5
КЁЛЬНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Сентябрьский кризис в Берлине и во Франкфурте сильно отразился и на Кёльне.

Прирейнские провинции больше всего беспокоили контрреволюцию. Они были переполнены войсками, набранными из восточных провинций. Почти треть прусской армии была расквартирована в Рейнской провинции и в Вестфалии. Маленькие восстания были поэтому бесполезны, но тем необходимее была крепкая и сильная организация демократии для того дня, когда из частичной вырастет настоящая революция.

Демократическая организация, создать которую было решено на июньском съезде во Франкфурте-на-Майне (в нем участво-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 5, стр. 436. — *Ред.*

вали представители 88 демократических союзов), только в Кёльне и приобрела прочный остов; в остальных местах Германии она оставалась очень непрочной. Кёльнская демократия состояла из трех больших союзов, и каждый из них насчитывал по нескольку тысяч членов: «Демократическое общество» во главе с Марксом и адвокатом Шнейдером, Рабочий союз, которым руководили Молль и Шаппер, и «Союз рабочих и работодателей», где наибольшую роль играл кандидат на судебные должности Герман Беккер. Эти союзы избрали Центральный комитет, после того как франкфуртский конгресс объявил Кёльн центром Рейнской провинции и Вестфалии. В середине августа Центральный комитет созвал в Кёльне конгресс рейнских и вестфальских союзов демократического направления. На конгресс съехалось 40 делегатов, представлявших 17 союзов, которые признали Центральный комитет трех кёльнских союзов окружным комитетом для Рейнской провинции и Вестфалии.

Душой организации сделался Маркс, так же как он был душой «Neue Rheinische Zeitung». Он обладал талантом властвовать над людьми, что ему, конечно, менее всего прощала демократическая патриархальщина. На кёльнском конгрессе его в первый раз встретил Карл Шурц, тогда еще юный девятнадцатилетний студент, и так характеризовал его позднее по своим воспоминаниям: «Ему было в то время 30 лет, но он уже считался признанным главой социалистической школы. Невысокого роста, крепко сложенный, с высоким лбом, с черными волосами, густой бородой и темными блестящими глазами, он сразу привлекал внимание. Про него говорили, что в своей специальности — это замечательный ученый... Все, что Маркс говорил, было действительно содержательно, логично и ясно... Но мне никогда не приходилось встречать такой вызывающей, невыносимой надменности в выступлениях, как у него». И этот буржуазный герой хорошо запомнил резко глумящийся тон, которым Маркс говорил слово «буржуа», как будто выплевывая его.

В таком же тоне писал два года спустя лейтенант Техов после разговора с Марксом: «Маркс произвел на меня впечатление не только редкого умственного превосходства, но также выдающейся личности. Будь у него столько сердца, сколько ума, столько любви, сколько ненависти, я готов был бы идти за него в огонь, хотя он выказал свое полнейшее презрение ко мне не только обиняком, но под конец совершенно откровенно. Он первый и единственный среди нас всех, кого я считаю способным повелевать и не тонуть в мелочах среди великих событий»[1]. Затем следует

[1] *Carl Vogt,* Mein Process gegen die «Allgemeine Zeitung», Genf 1859, S. 151 *(Карл Фогт,* Мой процесс против «Всеобщей газеты», Женева 1859, стр. 151). — *Ред.*

иеремиада о том, что опаснейшее личное честолюбие Маркса разъело в нем всю душу.

Иначе судил о Марксе американский последователь Фурье, Альберт Брисбейн, который летом 1848 г. жил в Кёльне в качестве корреспондента «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркской ежедневной трибуны») вместе с Чарлзом Дана, издателем этой газеты: «Я видел там Карла Маркса, вождя народного движения. Он тогда как раз подымался к вершинам. Это был человек лет тридцати, коренастого телосложения, с красивым лицом и густыми черными волосами. Черты его лица отражали большую энергию, и за его сдержанностью чувствовался страстный огонь храброй души». Маркс действительно с большой и обдуманной смелостью руководил в то время кёльнской демократией.

Несмотря на сильное возбуждение, вызванное сентябрьскими днями, ни Франкфуртское собрание не решалось на революцию, ни министерство Пфуля — на контрреволюцию. Всякое местное восстание было поэтому безнадежным. Но тем желательнее было для кёльнских властей вызвать путч, чтобы затем легко потопить его в крови. Под вымышленными и скоро оставленными ими же самими предлогами власти выступили с судебным и полицейским преследованием против членов демократического окружного комитета и против членов редакции «Neue Rheinische Zeitung». Маркс предостерегал против коварства противника; в момент, когда никакой крупный вопрос не толкал все население в целом на борьбу и каждый путч поэтому был обречен на неудачу, попытка восстания являлась бесцельной. А между тем в ближайшем будущем должны были разыграться события большой важности, и не следовало давать врагам вывести себя из строя перед самым наступлением решительных дней. Когда корона отважится на контрреволюцию, для народа пробьет час новой революции.

Однако 25 сентября, в день, когда должны были арестовать Беккера, Молля, Шаппера и Вильгельма Вольфа, дело все же дошло до небольших волнений. Построено было даже несколько баррикад при известии, что приближается войско, чтобы рассеять народное сборище на старой рыночной площади. Однако войска не появились, и только после того, как наступило полное успокоение, комендант отважился провозгласить в Кёльне осадное положение. Это решило судьбу «Neue Rheinische Zeitung», и 27 сентября она перестала выходить. Сразить газету и было настоящей целью бессмысленного насилия, уже через несколько дней отмененного министерством Пфуля. Удар был действительно тяжелый, так как только 12 октября газета снова появилась на поле битвы.

Редакция газеты была рассеяна, так как большинство членов ее, чтобы избежать ареста, вынуждено было скрыться за

границу — в Бельгию, как Дронке и Энгельс, или в Пфальц, как Вильгельм Вольф, — и лишь позднее мало-помалу возвратилось назад. Энгельс был еще в начале января 1849 г. в Берне, куда пропутешествовал через Францию, совершив большую часть дороги пешком. Но прежде всего финансы газеты оказались до основания потрясенными. После ухода акционеров газета кое-как существовала лишь благодаря росту ее тиража. После этого нового удара ее спасло только то, что Маркс перенял ее в «личную собственность», иными словами, пожертвовал на нее те скромные средства, которые он унаследовал от отца, или, вернее, достал под будущее наследство. Сам он об этом никогда не проронил ни слова, но это было установлено письменными заявлениями его жены и публичным свидетельством его друзей. Они исчисляли приблизительно в 7000 талеров ту сумму, которую Маркс истратил на агитацию и на газету в год революции. Важен, конечно, не размер суммы, а то, что Маркс защищал крепость, отстреливаясь до последнего патрона.

Но и в другом отношении Маркс жил, только едва перебиваясь. После начала революции Союзный сейм 30 марта решил, что активное и пассивное избирательное право в Национальное собрание принадлежит также и германским эмигрантам, если они вернутся в Германию и заявят о своем желании вновь приобрести права гражданства. Это постановление было определенно признано и прусским правительством. Маркс выполнил условие, обеспечившее ему права гражданства, и с тем большим правом мог требовать, чтобы ему не отказали в приписке к Пруссии. Право гражданства было действительно предоставлено ему кёльнским городским советом немедленно после того, как он подал заявление в апреле 1848 г. Кёльнский директор полиции Мюллер, которому Маркс объяснил, что не может на авось переселить семью из Трира в Кёльн, уверил его, что обратная натурализация Маркса будет признана также и окружным управлением: по старому прусскому закону оно должно утверждать постановления городского совета. Тем временем стала выходить в свет «Neue Rheinische Zeitung», а 3 августа Маркс получил официальное уведомление от директора комиссариата полиции Гейгера с извещением, что королевское правительство «в данный момент» не сочло возможным воспользоваться своим полномочием предоставлять иностранцу права прусского подданства и поэтому Маркс и впредь считается иностранцем. Резкая жалоба на это распоряжение, которую Маркс отправил 22 августа в министерство внутренних дел, была оставлена без последствий.

Все же он, самый нежный супруг и отец, вызвал свою семью в Кёльн «на авось». Семья за это время увеличилась: за первой дочерью, которая родилась в мае 1844 г. и названа была, по имени матери, Женни, в сентябре 1845 г. родилась вторая дочь,

Лаура, а затем, по-видимому после небольшого перерыва, — сын Эдгар; он — единственный из этих и последующих детей, год и месяц рождения которого не установлены с точностью. Елена Демут следовала за семьей уже со времени парижских дней как добрый дух дома.

Маркс не принадлежал к числу людей, которые легко протягивают руку всякому новоиспеченному брату; но он умел блюсти верность и дружбу. На том же кёльнском конгрессе, где он якобы оттолкнул своей невыносимой надменностью тех, кто охотно шел ему навстречу, Маркс приобрел двух друзей на всю жизнь — адвоката Шили из Трира и учителя Имандта из Крефельда. И если суровой замкнутостью своего характера он казался демоническим таким полуреволюционерам, как Шурц и Техов, то тем непреодолимее его духовное обаяние привлекало именно в кёльнские дни подлинных революционеров, какими были Фрейлигграт и Лассаль.

6
ФРЕЙЛИГРАТ И ЛАССАЛЬ

Фердинанд Фрейлигграт был на восемь лет старше Маркса. В молодые годы он обильно питался молоком благочестивого образа мыслей и испытал на себе тяжелую руку старой «Rheinische Zeitung», когда после высылки Гервега из Пруссии вышутил в стихах неудавшуюся триумфальную поездку этого поэта. Однако домартовская реакция скоро превратила его из Павла в Савла, и в брюссельской ссылке он только мельком, но дружески встречался с Марксом, с этим, как он говорил, «интересным, милым и непритязательно державшимся человеком». А Фрейлигграт мог в этом деле иметь свое суждение: лишенный сам всякого тщеславия, он чутко подмечал в других малейшую тень самомнения.

Настоящая дружба между ним и Марксом завязалась лишь летом и осенью 1848 г. Их связывало взаимное уважение к смелому и сильному характеру, проявляемому каждым из них при отстаивании общего революционного принципа в рейнском движении. «Он настоящий революционер и вполне честный человек, — похвала, которой я могу удостоить лишь немногих»[1], — писал Маркс с искренним уважением в письме к Вейдемейеру, которого он также подбивал «поухаживать» за Фрейлигграто м, так как поэты — это такой народец, который любит, чтобы их гладили по головке, когда хотят, чтобы они пели. И в другой раз Маркс, вообще не склонный к сердечным излияниям, писал в час

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 120. — *Ред.*

размолвки самому Фрейлиграту: «Откровенно признаюсь, что я не могу решиться из-за незначительных недоразумений потерять одного из тех немногих людей, кого я любил как *друга* в подлинном смысле этого слова»[1]. Во времена жесточайшей нужды Маркс наряду с Энгельсом не имел более верного друга, чем Фрейлиграт.

Простота и искренность этой дружбы всегда были для филистеров предметом глупого раздражения. То говорили, будто разгоряченная фантазия поэта сыграла с ним плохую шутку и вовлекла его в общество темных личностей, то утверждали, что демонический демагог духовно отравил невинного певца и привел его к молчанию. Не стоило бы терять даже немногих слов, если бы в качестве противоядия против такой бессмыслицы не прибегали к столь плохому средству, как попытка изобразить Фрейлиграта каким-то современным социал-демократом, что, конечно, тоже выставляет его в неверном свете. Фрейлиграт был революционер по своим поэтическим воззрениям, а не по научным убеждениям. Он видел в Марксе передового революционного борца, а в Союзе коммунистов — революционный авангард, не имевший себе подобного в то время. Но исторический ход мыслей «Коммунистического манифеста» оставался ему более или менее чуждым, а с другой стороны, его пылкая фантазия не могла удовлетворяться «нередко убогим, трезвым и мелочным способом агитации».

Совсем другого склада человеком был Фердинанд Лассалъ, который в этот же период близко сошелся с Марксом. Он был на семь лет моложе Маркса и до того момента прославился лишь своей упорной борьбой за графиню Гацфельдт — жертву жестокости мужа, брошенную ее кастой. Арестованный в феврале 1848 г. якобы за подстрекательство к краже шкатулки, Лассаль после блестящей защиты был оправдан 11 августа кёльнскими присяжными заседателями и лишь после этого мог принять участие в революционной борьбе. При своей «безграничной симпатии ко всякой великой силе» Лассаль преклонялся перед Марксом как руководителем этой борьбы.

Лассаль прошел школу Гегеля и вполне усвоил метод своего учителя, не сомневаясь еще в его непогрешимости, но и без свойственного эпигонам убожества. При своем посещении Парижа Лассаль изучил французский социализм, и проницательный взор Гейне предсказал ему великую будущность. Однако большие надежды, которые возлагались на этого юношу, понижались вследствие некоторой двойственности его натуры, еще не выравнявшейся в борьбе с тянувшим вниз наследием угнетенной расы: в доме его отца еще безраздельно царил пошлый дух польского еврейства. В борьбе Лассаля за графиню Гацфельдт даже более

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 297. — *Ред.*

свободные умы не всегда признавали то, что он сам утверждал и с своей точки зрения имел право утверждать: что он в этом отдельном случае боролся против общественного зла умирающей эпохи. Фрейлигрaт, который вообще его недолюбливал, с пренебрежением говорил о «семейном навозе», вокруг которого, по мнению Лассаля, вращалась вся мировая история.

Семь лет спустя Маркс высказался приблизительно так же: Лассаль мнил себя неотразимым потому, что действовал без стеснения в одном частном деле, как будто действительно выдающийся человек способен принести в жертву такому пустяку десять лет своей жизни. И еще несколько десятков лет спустя Энгельс говорил, что Маркс с самого начала питал к Лассалю сильную антипатию и что он не уделял почти никакого внимания процессам Гацфельдт, которые вел Лассаль, так как не желал выказать общности с Лассалем в подобном деле. Однако в этом случае память изменила Энгельсу: «Neue Rheinische Zeitung» до самого своего закрытия 27 сентября очень подробно освещала дело о краже шкатулки, и по ее отчетам становится ясно, что процесс имел свою неблаговидную сторону. И Маркс, как он сам упоминает в письме к Фрейлигрaту, также пришел на помощь графине Гацфельдт в ее тогдашнем стесненном положении, дав ей взаймы из своих скромных средств. А когда вскоре после своего пребывания в Кёльне Маркс сам впал в острую нужду, то в городе, где у него было достаточно старых друзей, он доверился наряду с Фрейлигратом и Лассалю.

Конечно, Энгельс прав в том отношении, что Маркс, так же как Энгельс и Фрейлигрaт, просто, употребляя ходячее выражение, испытывал к Лассалю антипатию, — антипатию, не поддающуюся никаким доводам разума. Имеются, однако, достаточные доказательства того, что Маркс не дал этой антипатии настолько овладеть собой, чтобы не признавать и более глубокий смысл заступничества за Гацфельдт, не говоря уже о признании пламенного революционного воодушевления Лассаля, его выдающихся талантов в классовой борьбе пролетариата и, наконец, той дружеской преданности, которую проявлял по отношению к Марксу его более юный товарищ по борьбе.

Не ради Лассаля, исторические права которого давно защищены, необходимо точно выяснить, как сложились уже с самого начала отношения между ним и Марксом. Скорее приходится защищать Маркса от какого-либо ложного понимания, так как его отношения к Лассалю являются самой сложной психологической проблемой его жизни[1].

[1] Критику неправильного освещения Мерингом характера разногласий между Марксом и Лассалем и ошибочной оценки им Лассаля и лассальянства см. во вступительной статье к настоящему изданию, стр. 10—17. — *Ред.*

7
ОКТЯБРЬСКИЕ И НОЯБРЬСКИЕ ДНИ

Когда «Neue Rheinische Zeitung» с 12 октября начала вновь выходить в свет с оповещением, что в состав ее редакции вступил Фрейлиграт, на ее долю выпало счастье приветствовать новую революцию. 6 октября венский пролетариат ударил дюжим кулаком по коварному плану габсбургской контрреволюции. План этот заключался в том, чтобы после побед Радецкого в Италии сначала разбить при помощи славянских народностей мятежную Венгрию, а затем добраться и до немецких мятежников.

С 28 августа по 7 сентября Маркс пробыл в Вене с целью просвещения тамошних масс. Судя по имеющимся очень скудным газетным сведениям, это ему не удалось, потому что венские рабочие находились еще на сравнительно низкой ступени развития. Тем выше следует оценить истинно революционный инстинкт, в силу которого они воспротивились движению полков, получивших приказ выступить против Венгрии. Этим способом они отвлекли в свою сторону первый удар контрреволюции — великодушная жертва, на которую венгерская знать была не способна. Она хотела вести борьбу за независимость своей страны, опираясь на свои вписанные в конституцию права, и венгерское войско отважилось лишь на робкий натиск, который не только не облегчил, а напротив — сделал еще более трудной борьбу венских повстанцев не на жизнь, а на смерть.

Не лучше вела себя и немецкая демократия. Она прекрасно сознавала, сколь многое и для нее самой зависит от успеха венского восстания. В случае победы в австрийской столице контрреволюция нанесла бы решительный удар и в прусской столице, где она давно уже подкарауливала удобный момент. Но немецкая демократия расплывалась в сентиментальных жалобах, в бесплодных симпатиях и воззваниях о помощи, обращенных к беспомощному правителю империи. Демократический конгресс, который собрался во второй раз в Берлине в конце октября[1], издал составленное Руге воззвание в защиту осажденной Вены, и «Neue Rheinische Zeitung» удачно заметила, что оно заменяет недостаток революционной энергии пафосом проповеднического завывания, прикрывающим полное отсутствие каких-либо мыслей и страстей. Пламенные воззвания газеты, написанные внушительной прозой Маркса и великолепными стихами Фрейлиграта и настаивавшие на той единственной помощи, которая только и могла

[1] Второй демократический конгресс состоялся 26—30 октября 1848 г. в Берлине. Вместо принятия действенных мер для мобилизации масс на борьбу с контрреволюцией конгресс занимался пустыми разговорами и выработкой бесполезных, противоречивых резолюций. — *Ред.*

их спасти, — на победе над контрреволюцией у себя дома, — эти воззвания остались гласом вопиющего в пустыне.

Этим была решена участь венской революции. Преданные буржуазией и крестьянами у себя дома, находя поддержку только у студентов и части мелкой буржуазии, венские рабочие оказывали геройское сопротивление. Но вечером 31 октября штурм осаждавших войск увенчался успехом, и 1 ноября над башней св. Стефана развевалось огромное черно-желтое знамя.

Тотчас вслед за потрясающей трагедией в Вене разыгралась жалкая трагикомедия в Берлине. Министерство Пфуля было распущено и сменилось министерством Бранденбурга, которое приказало Собранию удалиться в провинциальный город Бранденбург, а Врангель вступил со своими гвардейскими полками в Берлин, чтобы привести в исполнение этот приказ силой оружия. Бранденбург, незаконный Гогенцоллерн, слишком лестно сравнивал самого себя со слоном, который растопчет революцию. «Neue Rheinische Zeitung» правильнее называла Бранденбурга и его соучастника Врангеля «двумя людьми без головы и без сердца, без собственного образа мыслей и только с усами»; в качестве таковых они оказались, однако, достойным противовесом почтенному Собранию соглашателей.

Действительно, достаточно было «одних усов», чтобы устрашить это Собрание. Оно, правда, отказывалось покинуть назначенное ему конституцией местопребывание в Берлине, а когда удар стал следовать за ударом, когда распущена была гражданская гвардия и введено осадное положение, Собрание объявило министров государственными изменниками и подало на них донос прокурору. Но оно отклонило предложение берлинского пролетариата восстановить с оружием в руках попранные права страны и возвестило о своем «пассивном сопротивлении», иными словами, — о благородном намерении подставить спину под удары противника. Оно не сопротивлялось, когда войска Врангеля гнали его из одного зала в другой, и только, наконец, вспылив при виде вторгнувшихся на его заседание штыков, заявило, что лишает министерство Бранденбурга права распоряжаться государственными финансами и собирать налоги, до тех пор пока Собрание не сможет свободно заседать в Берлине. Но как только Собрание было разогнано, его председатель фон Унру в страхе за дорогой труп Собрания созвал бюро, чтобы занести в протокол, что постановление об отказе в праве собирать налоги, которое он уже разослал по всей стране, не может вступить в силу вследствие некоторых допущенных формальных погрешностей.

«Neue Rheinische Zeitung» суждено было оказать достойнее сопротивление насильственному перевороту правительства. Она считала, что наступил тот решительный момент, когда контрреволюцию должна победить вторая революция. Газета изо дня в

день убеждала массы ответить на насилие всяческими насильственными же действиями. Пассивное сопротивление должно иметь своим основанием сопротивление активное, иначе оно будет напоминать барахтанье теленка в руках мясника. Без колебаний отвергались всякие юридические хитросплетения теории соглашательства, за которыми скрывалась трусость буржуазии: «Прусская корона, — писала газета, — с своей точки зрения, *правомерно* противопоставляет себя Собранию в качестве *абсолютной короны.* Но Собрание действует *неправомерно,* не противопоставляя себя короне в качестве *абсолютного собрания...* Но старая бюрократия не хочет унизиться до роли служанки буржуазии, для которой она была до сих пор деспотической наставницей. Феодальная партия не хочет принести в жертву на алтарь буржуазии свои привилегии и свои интересы. И, наконец, корона видит в элементах старого феодального общества — общества, которое сна увенчивает собой, как его уродливое порождение, — свою настоящую, родственную ей общественную основу, в то время как в буржуазии она усматривает чуждую ей, искусственную почву, на которой она может только зачахнуть.

Романтическое право *«божьей милостью»* буржуазия превращает в прозаическое *право, основанное на документе,* господство благородной крови в господство бумаги, королевское солнце в буржуазную астральную лампу.

Поэтому королевская власть не поддалась льстивым уговорам буржуазии. На половинчатую революцию буржуазии корона ответила полной контрреволюцией. Она толкнула буржуазию обратно в *объятия революции, народа,* провозгласив:

Бранденбург в Собрании и Собрание в Бранденбурге»[1]. «Neue Rheinische Zeitung» превосходно перевела этот лозунг контрреволюции словами: «Военная казарма — в Собрании и Собрание — в военной казарме». Она надеялась, что народ победит этим паролем; она считала этот пароль могильной надписью бранденбургского дома.

Когда Берлинское собрание приняло постановление об отказе в уплате налогов, демократический окружной комитет потребовал в воззвании от 18 ноября, подписанном Марксом, Шаппером и Шнейдером, чтобы демократические союзы Рейнской провинции приняли следующие меры к осуществлению этого постановления: попыткам насильственного взимания налогов должно быть оказано повсюду всевозможное сопротивление; всюду должно быть организовано ополчение для отражения врага; для неимущих оружие должно быть приобретено на общественные средства или на счет добровольных взносов; если власти откажутся признать постановление Собрания и выполнять его, то должны быть уч-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 11, 12. — *Ред.*

реждены комитеты безопасности, по возможности в согласии с общинными советами; общинные советники, сопротивляющиеся постановлениям Законодательного собрания, должны быть переизбраны всеобщим народным голосованием. Демократический окружной комитет принимал, таким образом, меры, которые должно было принять Берлинское собрание, если бы оно серьезно отнеслось к своему постановлению об отказе в уплате налогов. Но эти герои сейчас же устрашились своего собственного героизма: они поспешили в свои избирательные округа, чтобы исподтишка свести на нет свои собственные постановления, а затем покатили в Бранденбург продолжать свои совещания. Этим Собрание настолько унизило себя, что 5 декабря правительство сумело одним пинком разогнать его, октроировав новую конституцию и новый избирательный закон.

Благодаря этому и рейнский окружной комитет оказался бессильным в своей провинции, запруженной войсками. 22 ноября был арестован в Дюссельдорфе Лассаль, воодушевленно следовавший призывам воззвания. В Кёльне против подписавших воззвание выступил государственный прокурор, но не осмеливался арестовать их, 8 февраля они предстали пред кёльнскими присяжными по обвинению в призыве к вооруженному сопротивлению военным и гражданским властям.

Маркс в яркой речи разбил попытку государственного прокурора вывести из законов 6 и 8 апреля, из тех именно законов, которые правительство разорвало своим путчем, неправоту Собрания и в еще большей степени — виновность подсудимых. Тот, кто успешно производит революцию, может вешать своих противников, но не может осуждать их; может устранять их со своего пути как побежденных врагов, но не может казнить их как преступников. Только трусливое лицемерие применяет ниспровергнутые совершившейся революцией или контрреволюцией законы против защитников этих законов. Вопрос о том, кто был прав — корона или Собрание, — исторический вопрос, и дело истории, а не суда присяжных решать его.

Но Маркс шел дальше и вообще отказывался признавать законы от 6 и 8 апреля. Он говорил, что они являются произвольной стряпней Соединенного ландтага, при помощи которой последний хотел избавить корону от признания ее поражения в мартовской борьбе. Нельзя судить по законам феодальной корпорации Собрание, которое является представителем современного буржуазного общества. Утверждение, что общество зиждется на законе, есть лишь юридическая выдумка. Наоборот, закон опирается на общество. «Вот этот Code Napoleon[1], который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества.

[1] Уголовный кодекс Наполеона. — *Ред.*

Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX веке, находит в этом Кодексе только свое юридическое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится просто в пачку бумаги. Вы не можете сделать старые законы основой нового общественного развития, точно так же, как и эти старые законы не могли создать старых общественных отношений»[1]. Берлинское собрание не поняло своего исторического положения, каким оно вышло из мартовской революции. Упрек прокурора в том, что оно не приняло никакого компромисса, бьет мимо цели: несчастьем и ошибкой Собрания является именно то, что оно низвело себя с положения революционного конвента до роли двусмысленной братии соглашателей. «То, что здесь происходило, не было политическим конфликтом двух фракций на почве *одного* общества — это был *конфликт между двумя обществами,* социальный конфликт, принявший политическую форму, — это *была борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом,* борьба между обществом *свободной конкуренции* и *обществом цехового строя,* между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания»[2]. Между этими обществами не может быть мира, а возможна только борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. Отказ в уплате налогов, вопреки смехотворному утверждению прокурора, не потрясает основы общества, а является лишь мерой самообороны общества против правительства, которое угрожает самым основам общества.

Отказав в праве взимания налогов, Собрание не нарушило закона, но оно действовало противозаконно, провозгласив пассивное сопротивление. «Но если взимание налогов объявляется незаконным, разве я не обязан насильственно сопротивляться насильственно совершаемому беззаконию?»[3].

Так как господа, отказавшие в уплате налогов, не решились идти революционным путем, чтобы не рисковать своими головами, то народу пришлось самому стать на революционную почву для осуществления запрета взимать налоги. Поведение Собрания — не закон для народа. «Национальное собрание само по себе не имело никаких прав — народ доверил ему только защиту своих собственных прав. Раз оно не действует согласно данному ему мандату — этот мандат теряет свою силу. Сам народ тогда собственной персоной выступает на сцену и действует на основании своей суверенной власти... Когда корона совершает контрреволюцию, народ с полным правом отвечает революцией»[4].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 259. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 267. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 271. — *Ред.*
[4] Там же, стр. 272. — *Ред.*

Маркс заключил свою речь указанием, что теперь окончен первый акт драмы. Продолжением будет либо полная победа контрреволюции, либо новая победоносная революция. Быть может, победа революции возможна только после завершения контрреволюции.

После этих слов, полных революционной гордости, присяжные оправдали подсудимых, и вдобавок старшина присяжных поблагодарил оратора за его поучительную речь.

8
УДАР ИЗ ЗАСАДЫ

С победой контрреволюции в Вене и Берлине участь Германии была решена. От революционных завоеваний оставалось только Франкфуртское собрание, которое давно потеряло всякое политическое доверие, изнемогая в бесконечных словоизлияниях о своей бумажной конституции, относительно которой оставалось только одно сомнение: какой шпагой ее проткнуть — австрийской или прусской.

В декабре «Neue Rheinische Zeitung» снова изложила в ряде блестящих статей историю прусской революции и контрреволюции, а в начале 1849 г. она с надеждой направила свой взор на восстание французского рабочего класса, ожидая, что оно приведет к мировой войне. «Страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая уже однажды взяла на себя расходы европейской Реставрации, страна, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее резкой и бесстыдной форме, — *Англия кажется* скалой, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество еще во чреве матери, Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия — над Англией»[1]. Поэтому всякий французский социальный переворот разобьется об английскую буржуазию, о промышленное и коммерческое мировое господство Великобритании. Всякая частичная социальная реформа во Франции и вообще на европейском континенте, поскольку она мыслится окончательной, есть лишь пустое доброе пожелание. А старую

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 159—160. — *Ред.*

Англию свергнет только мировая война. Только такая война создает для чартистов, для английской организованной рабочей партии, условия успешной борьбы против их исполинских угнетателей. Только в тот момент, когда чартисты окажутся во главе английского правительства, социальная революция выйдет из царства утопии и вступит в царство действительности.

Предпосылка этих надежд на будущее не осуществлялась. Со времени июньских дней французский рабочий класс, истекая кровью от тысячи ран, был не способен на новое выступление. Совершив свой круговорот, начиная от парижских июньских дней через Франкфурт, Вену и Берлин, европейская контрреволюция до поры до времени закончила свое движение 10 декабря избранием лже-Бонапарта в президенты французской республики. Революция же держалась еще только в Венгрии, и в лице Энгельса, который тем временем вернулся в Кёльн, имела своего самого красноречивого и умелого защитника. В остальном «Neue Rheinische Zeitung» приходилось ограничиваться мелкой войной с надвигавшейся контрреволюцией, и она боролась в этой войне столь же смело и упорно, как и в великих сражениях предшествовавшего года. Ряд процессов печати, которые министерство возбудило против нее как против «худшей из всех плохих газет», она встретила насмешливым замечанием, что имперская власть — самая комичная из всех комичных властей. На хвастовство «пруссачеством», обычное у восточноэльбских юнкеров после берлинского государственного переворота, она отвечала заслуженной насмешкой: «Нам, *жителям Рейнской провинции,* посчастливилось на великом торге людьми в Вене заполучить нижнерейнского «великого *герцога»,* не выполнившего затем условий, на которых он был объявлен «великим герцогом». *«Король Пруссии»* существует для нас лишь в силу решения Берлинского *национального собрания,* а так как для нашего нижнерейнского *«великого герцога»* никакого Берлинского *национального собрания* не существует, то и для нас не существует никакого *«короля Пруссии».* Нижнерейнскому великому герцогу мы достались в результате торга народами! Когда мы вырастем настолько, что перестанем признавать торговлю человеческими душами, мы потребуем от «нижнерейнского великого герцога» предъявить свой **«документ на право владения»!»**[1]. И это писалось среди самых диких оргий контрреволюции!

Одного, однако, нет на столбцах «Neue Rheinische Zeitung», что, казалось бы, должно было стоять на первом месте: подробного отчета о рабочем движении того времени в Германии. Оно проникло даже в восточноэльбские районы и было вовсе не так незначительно. Оно имело свои съезды, свои организации, свои

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 80—81. — *Ред.*

газеты. Его самый даровитый вождь, Стефан Борн, был дружен еще с Брюсселя и Парижа с Энгельсом и Марксом. Он и теперь писал из Берлина и Лейпцига в «Neue Rheinische Zeitung». Борн очень хорошо понимал «Коммунистический манифест», хотя и не очень умело приспособил его к совершенно неразвитому в большей части Германии сознанию пролетариата. Энгельс лишь впоследствии высказывался с несправедливой резкостью о тогдашней деятельности Борна. Борн говорит в своих «Воспоминаниях» — и это вполне правдоподобно, — что Маркс и Энгельс в революционные годы никогда ни одним словом не выражали недовольства его тогдашней деятельностью. Возможно, однако, что кое в чем они были ею недовольны. Во всяком случае они сами сблизились весною 1849 г. с рабочим движением, которое возникло независимо от их влияния.

Недостаточное внимание «Neue Rheinische Zeitung» к этому движению объяснялось отчасти тем, что в Кёльне выходил тогда два раза в неделю особый орган кёльнского Рабочего союза под редакцией Молля и Шаппера, а главным образом тем, что газета считала себя прежде всего «органом демократии», т. е. отстаивала общие интересы буржуазии и пролетариата против абсолютизма и феодализма. Это действительно было самым необходимым, ибо готовило почву, на которой пролетариат мог начать схватку с буржуазией. Однако буржуазная составная часть этой демократии со временем все сильнее расшатывалась, при каждом более или менее серьезном испытании она проваливалась. В пятичленном Центральном комитете, который был избран первым Демократическим конгрессом в июне 1848 г., участвовали такие люди, как Мейен и вернувшийся из Америки Криге. При таких руководителях эта организация быстро пришла в упадок, что проявилось с ужасающей ясностью, когда она собралась во второй раз в Берлине накануне прусского государственного переворота. Если тогда и был избран новый Центральный комитет, в состав которого вошел также Д'Эстер, человек, лично и политически близкий к Марксу, то этим был лишь выдан вексель на будущее время. Парламентская левая Берлинского собрания оказалась неспособной к действию во время ноябрьского кризиса, а Франкфуртская левая еще больше погрузилась в болото жалких компромиссов.

При таком положении вещей Маркс, Вильгельм Вольф, Шаппер и Герман Беккер заявили 15 апреля о своем выходе из состава окружного комитета демократов[1]. Они мотивировали свое решение следующим образом: «Мы считаем, что теперешняя организация демократических союзов включает слишком разно-

[1] Заявление датировано 14 апреля 1849 года. 15 апреля того же года оно было опубликовано в «Neue Rheinische Zeitung» № 273. — *Ред.*

родные элементы и это препятствует успешной работе в пользу дела. Мы скорее думаем, что следует предпочесть тесную, сплоченную организацию рабочих союзов, так как они состоят из однородных элементов». Одновременно с этим кёльнский Рабочий союз вышел из Союза рейнских демократов, созвав затем все рабочие и другие союзы, примыкавшие к принципам социальной демократии, на провинциальный конгресс 6 мая. Этому съезду предстояло решать вопрос об организации рейнско-вестфальских рабочих союзов, а также о том, следует ли принять участие в конгрессе всех германских рабочих союзов, созываемом лейпцигским Рабочим братством. Во главе лейпцигского Рабочего братства стоял Борн, и конгресс был назначен на июнь в Лейпциге.

Еще до этих заявлений «Neue Rheinische Zeitung» выступила уже 20 марта с пламенными статьями Вильгельма Вольфа о силезских миллиардах, статьями, призывавшими сельскохозяйственный пролетариат к восстанию, а 5 апреля выступил и сам Маркс. Он напечатал доклады, которые читал в брюссельском Рабочем союзе о наемном труде и капитале. Раньше на примере грандиозной массовой борьбы 1848 г. газета доказывала, что всякое революционное движение, даже когда его цель кажется далеко стоящей от классовой борьбы, должно потерпеть неудачу, пока не победит революционный рабочий класс. Теперь она намеревалась перейти к разбору экономических отношений, на которых зиждется существование буржуазии и рабство рабочих.

Этот многообещающий план был, однако, нарушен борьбой за бумажную имперскую конституцию, которая, наконец, была сфабрикована Франкфуртским собранием. Сама по себе она не стоила того, чтобы пролить за нее хоть каплю крови. Наследственная императорская корона, которую она хотела нахлобучить на голову прусского короля, походила скорее на шутовской колпак. Король не принимал ее, но вместе с тем и не отказывался от нее. Он хотел сговориться об имперской конституции с немецкими князьями в тайной надежде, что они признают прусскую гегемонию, если он сокрушит прусским мечом последние остатки революционных сил в средних и малых немецких государствах.

Это было ограблением трупа революции и вызвало новую вспышку революционного пламени. Произошел ряд восстаний, которым имперская конституция дала название, но не содержание. Конституция все же воплощала собой суверенитет народа, поэтому шла подготовка к убийству этого суверенитета из-за угла с целью восстановления суверенитета князей. В королевстве Саксонии, в великом герцогстве Баденском, в баварском Пфальце поднялась вооруженная борьба за имперскую конституцию, и повсюду прусский король играл роль палача, причем, однако, его надували те же властители, которых он спасал: они отказывали ему в плате за услуги палача. И в Рейнской провинции

произошли отдельные восстания, но они были в самом зародыше подавлены численным перевесом войск, которыми правительство наводнило внушавшую ему страх провинцию.

Наконец, власти набрались достаточной храбрости для того, чтобы нанести уничтожающий удар «Neue Rheinische Zeitung». По мере того как усиливались признаки нового революционного подъема, все ярче разгоралось пламя революционной страсти на столбцах газеты. Ее экстренные выпуски в апреле и мае представляли собой воззвания к народу, призывавшие его готовиться к выступлению. Тогда газета получила из уст «Kreuzzeitung» почетную похвалу «дерзости, превышающей Чимборасо», перед которой бледнеет «Moniteur» («Вестник») 1793 г. Правительство давно уже собиралось схватить газету за горло, но как было отважиться на это! Два процесса против Маркса закончились, при тогдашнем настроении рейнских присяжных, лишь новым торжеством для него. Когда из Берлина пришло предложение вновь ввести в Кёльне осадное положение, трусливая крепостная комендатура на это не решилась. Она предпочла обратиться к директору полиции с предложением выслать Маркса как «опасного человека».

Директор полиции в своем затруднительном положении обратился в свою очередь к кёльнскому окружному управлению, а то выплакало свою боль на груди Мантёйфеля, ибо он, как министр внутренних дел, был его начальником. Директор полиции сообщил 10 марта, что Маркс все еще пребывает в Кёльне, не имея там права на жительство, и что редактируемая им газета по-прежнему проводит свои разрушительные идеи, подстрекает к ниспровержению существующих государственных учреждений и к созданию социальной республики, издеваясь решительно над всем тем, что люди уважают и считают священным. Газета, как гласило донесение, оказывает тем более вредное влияние, что ее нахальство и тон, в котором написаны статьи, все больше увеличивают круг ее читателей. Директор полиции, однако, высказывал свои сомнения относительно целесообразности предложенной крепостной комендатурой высылки Маркса, полагая, что правительство признает эти сомнения основательными: высылка «без особого внешнего повода», «только ввиду опасного направления газеты», могла бы вызвать демонстрацию со стороны демократической партии.

Получив это сообщение, Мантёйфель обратился к Эйхману, обер-президенту Рейнской провинции, чтобы выслушать и его мнение.

Эйхман ответил 29 марта, что высылка хотя и вполне оправдывается обстоятельствами, но не является безопасным мероприятием, пока Маркс не провинится в чем-либо. Вслед за этим Мантёйфель заявил 7 апреля, что он не возражает против высылки, но предоставляет кёльнскому правительству решить, когда

она явится своевременной; желательно, чтобы она произошла в связи с какой-либо провинностью со стороны Маркса. Высылка действительно последовала 11 мая[1], однако, не по причине какого-либо особого проступка Маркса, а ввиду опасного направления «Neue Rheinische Zeitung». Другими словами, правительство почувствовало себя 11 мая достаточно сильным, чтобы нанести удар из засады, на который оно еще не решалось 29 марта и 7 апреля. Прусский профессор, извлекший недавно эту документальную справку из архивов, хотел, по-видимому, прославить поэтическую прозорливость Фрейлиграта, который под свежим впечатлением высылки Маркса писал:

Не честный удар в лихом бою,
Но коварной клики обходы
Сломили внезапно мощь мою —
Калмыков прусской породы.

9

ЕЩЕ ОДИН УДАР ИЗ-ЗА УГЛА

Маркс находился вне пределов города, когда последовал приказ о высылке. Хотя газета все время продолжала идти в гору и насчитывала уже около 6000 подписчиков, все же ее финансовые затруднения не были еще устранены: вместе с ростом подписчиков росли наличные расходы, а на доходы можно было рассчитывать только впоследствии. В Гамме Маркс вел переговоры с Ремпелем, одним из тех двух капиталистов, которые соглашались в 1846 г. основать коммунистическое издательство. Но храбрый Ремпель и теперь оказался человеком с застегнутыми карманами. Он лишь направил Маркса к бывшему лейтенанту Генце, действительно выдавшему для газеты 300 талеров под личную ответственность Маркса за их возвращение. Генце, из которого впоследствии вылупился провокатор, в то время сам подвергался преследованиям полиции и поехал с Марксом в Кёльн, где Маркс и застал «полицейскую бумажонку».

Этим была решена участь газеты. Несколько других сотрудников также можно было выслать как «иностранцев», остальные находились под судебным следствием. 19 мая появился последний красный номер газеты[2] с знаменитой прощальной песней Фрейлиграта и с резким прощальным словом Маркса, в котором он сыпал градом удары на спину правительства: «К чему эти глупые фразы, эта официальная ложь!..

Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать терроризм лицемер-

[1] Распоряжение о высылке Маркса было отдано 12 мая.— *Ред.*
[2] Этот номер газеты был напечатан красной краской. — *Ред.*

ными фразами. Но *монархические террористы,* террористы милостью бога и закона, на практике жестоки, презренны и подлы, в теории трусливы, скрытны и двуличны, в обоих отношениях *бесчестны»*[1]. Газета предостерегала кёльнских рабочих от всяких выступлений: они были совершенно безнадежны ввиду военного положения Кёльна. Редакторы благодарили рабочих за их участие и говорили, что «их последним словом всегда и повсюду будет: **освобождение рабочего класса!»**[2]**.**

Наряду с этим Маркс выполнил обязанности, которые лежали на нем, как на капитане тонувшего корабля. 300 талеров, данных ему Генце, 1500 талеров, полученных по почте от подписчиков, принадлежавшие ему скоропечатные машины и прочий инвентарь Маркс обратил целиком на покрытие долгов газеты наборщикам, печатникам, бумаготорговцам, конторщикам, корреспондентам, персоналу редакции и т. д. Себе лично он оставил только серебряную посуду, принадлежавшую его жене, и отправил ее во франкфуртский ломбард. Пара сотен гульденов, вырученных за серебро, были единственным средством пропитания его семьи, когда ей пришлось снова, как говорили наши предки, скитаться по «стране бедствий».

Из Франкфурта Маркс вместе с Энгельсом отправились на поле сражения баденско-пфальцского восстания. Они поехали сначала в Карлсруэ, затем в Кайзерслаутерн, где встретили Д'Эстера, который был душою временного правительства. От него Маркс получил мандат Демократического Центрального комитета, направившего его представителем немецкой революционной партии в Париж, к монтаньярам Национального собрания. Это была тогдашняя социал-демократия, составившаяся из мелкобуржуазных и пролетарских элементов и подготовлявшая серьезный удар против партий порядка и их представителя, лже-Бонапарта. На обратном пути Маркс и Энгельс были арестованы гессенскими войсками по подозрению в участии в восстании. Их отправили в Дармштадт и оттуда во Франкфурт, где отпустили на свободу. Тогда Маркс прямо направился в Париж, Энгельс же вернулся в Кайзерслаутерн и вступил адъютантом в добровольческий отряд, составленный бывшим прусским лейтенантом Виллихом.

7 июня Маркс писал из Парижа, что там свирепствует роялистская реакция, еще более ужасная, чем при Гизо, но что вместе с тем никогда еще не было так близко колоссальное извержение революционного вулкана. Эти надежды, однако, обманули его: удар, замышленный монтаньярами, потерпел полную и довольно жалкую неудачу. Самого Маркса месть победителей

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 547, 548. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 564. — *Ред.*

настигла месяц спустя: 19 июля министр внутренних дел предписал ему через префекта полиции поселиться в департаменте Морбиан. Это был трусливый удар, «величайшая гнусность», как писал Марксу Фрейлигрaт, узнав о предписании. «Даниельс считает Морбиан одной из самых нездоровых местностей Франции, болотистой, изобилующей лихорадками; это — Понтийские болота Бретани». Маркс не поддался на «замаскированную попытку убийства»: он сумел прежде всего отсрочить исполнение приказа, обратившись к министру внутренних дел.

Маркс очутился в жесточайшей нужде, так как его скудные средства окончательно иссякли, и обратился к Фрейлигрaту и Лассалю за помощью. Оба сделали все, что могли, чтобы помочь ему, но Фрейлигрaт жаловался на неделикатность приемов Лассаля, сделавшего положение Маркса предметом обсуждения во всех пивных. Маркс был болезненно задет этим и писал 31 июля в ответ Фрейлигрaту: «Я предпочитаю жесточайшую нужду публичному попрошайничеству. Я ему[1] написал об этом. Вся история злит меня невыразимо»[2]. Лассалю удалось рассеять огорчение Маркса письмом, которое было преисполнено добрых намерений, хотя уверения автора в том, что он вел это дело «с крайней деликатностью», оставляли некоторые сомнения.

23 августа Маркс сообщил Энгельсу, что покидает Францию, а 5 сентября писал Фрейлигрaту, что его жена последует за ним 15 сентября, и он не знает, откуда добыть необходимые средства для ее переезда и поселения на новом месте. В третье изгнание Маркса сопровождала черная забота, и она оставалась там, пожалуй, его слишком верной спутницей.

[1] Имеется в виду Лассаль. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 57. — *Ред.*

Глава седьмая

ЛОНДОНСКОЕ ИЗГНАНИЕ

1
НОВОЕ РЕЙНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

О последнем письме, которое Маркс отправил из Парижа Энгельсу, он сообщал, что ему представляется возможность основать в Лондоне немецкий журнал и что часть денег уже обеспечена. Он приглашал Энгельса, жившего после краха баденско-пфальцского восстания эмигрантом в Швейцарии, немедленно же приехать в Лондон. Энгельс откликнулся на призыв, совершив путешествие из Генуи на парусном судне.

Откуда притекали средства для задуманного предприятия, теперь уже невозможно установить. Их во всяком случае было не очень много, и, по-видимому, они не были рассчитаны на долгое существование журнала. Маркс надеялся, что через три-четыре месяца разгорится мировой пожар. «Приглашение к подписке на акции «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue» («Новой рейнской газеты. Политико-экономического обозрения»), редактируемого Карлом Марксом», помечено 1 января 1850 г. в Лондоне и подписано Конрадом Шраммом как заведующим делами предприятия. В приглашении указывалось, что сотрудники «Neue Rheinische Zeitung» принимали участие в революционных движениях минувшего лета в южной Германии и Париже, а потом снова собрались в Лондоне и решили продолжать издание газеты. Она будет пока выходить в свет лишь в виде журнала, ежемесячными выпусками, приблизительно в пять листов каждый. Но когда позволят средства, газета сделается двухнедельной и даже по возможности большой еженедельной, типа американских и английских еженедельников, а затем снова превратится в ежедневную газету, как только обстоятельства позволят возвратиться в Германию. За этим следовало приглашение подписываться на акции, по 50 франков каждая.

Однако вряд ли удалось разместить большое количество акций. Газета печаталась в Гамбурге, где одна книготорговая фирма взяла на себя ее комиссионное издательство. Она

потребовала за это 50% из 25 зильбергрошей, составлявших подписную плату за четверть года. Особенных трудов фирма не затратила на это дело, тем более что ей мешала прусская оккупация в Гамбурге. Впрочем, дело едва ли пошло бы лучше, если бы она прилагала и большее усердие. Лассаль не набрал в Дюссельдорфе и 50 подписчиков, а Вейдемейер, который выписал 100 экземпляров для распространения во Франкфурте, получил за полгода лишь 51 гульден: «хотя я в достаточной степени надоедаю людям, однако, несмотря на все напоминания, никто не торопится платить». Со справедливым огорчением писала ему жена Маркса, что издание загублено небрежным и беспорядочным ведением дела, и неизвестно, что более всего повредило — неаккуратность ли книгоиздательской фирмы, знакомых и управляющих делами в Кёльне или же поведение демократии.

Часть вины заключалась также в недостаточной редакционной подготовке издания, которая в сущности лежала только на Марксе и Энгельсе. Рукопись для январского выпуска получена была в Гамбурге лишь 6 февраля. Однако потомки должны быть благодарны и за то, что этот план был вообще приведен в исполнение: еще несколько месяцев, и быстрый упадок революционного настроения сделал бы выполнение его вообще невозможным. В шести выпусках «Revue» сохранились драгоценные свидетельства того, как Маркс «благодаря своей энергии, благодаря спокойному, ясному и невозмутимому самосознанию своего существа» — слова его жены — умел возвышаться над всеми мелочными заботами жизни. А эти мелочи жизни ежедневно и ежечасно вторгались к нему «самым возмутительным образом».

Маркс и Энгельс — последний еще более, чем первый — видели, особенно в молодости, наступление грядущего в слишком близком времени. Они нередко надеялись, что скоро сорвут плоды, в то время когда едва лишь начинали распускаться цветы. Как часто бранили их за это лжепророками! А слыть лжепророком не особенно лестно для политика. Однако следует различать, вытекают ли ложные пророчества из смелой уверенности ясного и острого мышления или же из тщеславного самообольщения собственными благими пожеланиями. Во втором случае разочарование действует подавляющим образом, и мечта рассеивается бесследно, тогда как в первом — уверенность усиливается, ибо мыслящий дух исследует причины своей ошибки и тем самым приобретает новое понимание.

Никогда, быть может, не было столь беспощадно искренних в самокритике политиков, как Маркс и Энгельс. Они были вполне свободны от того беспочвенного упорства, которое вопреки самому горькому разочарованию все же старается продолжить самообман, воображая, что оказалось бы правым, если бы то или иное случилось иначе, чем оно фактически произошло. Они были сво-

бодны также и от всякого дешевого мудрого отрицания, от всякого бесплодного пессимизма; они извлекали уроки из поражений, чтобы с усиленной энергией вновь приняться за подготовку победы.

Парижской неудачей 13 июня, крахом кампании за имперскую конституцию в Германии и подавлением венгерской революции царем закончился целый этап революции. Новое пробуждение ее было возможно только во Франции, где решающий жребий революции все еще не был брошен. В это пробуждение Маркс верил очень твердо. Однако это не только не мешало ему, но скорее заставляло подвергнуть истекший период французской революции беспощадной критике, высмеивающей всяческие иллюзии. Исходя из внутренних источников, из экономических противоречий, Маркс освещал тот запутанный ход борьбы, о котором политики-идеологи обычно думали, что распутать его невозможно.

Благодаря этому ему удалось в статьях, напечатанных в трех первых выпусках «Revue», разрешить самые запутанные вопросы текущего времени при помощи двух-трех метких и кратких фраз. Как много наговорили просвещенные умы буржуазии и даже социалисты-доктринеры в Парижском национальном собрании о праве на труд и как исчерпывающе охарактеризовал Маркс исторический смысл и историческую бессмысленность этого лозунга в нескольких фразах: «В первом проекте конституции, составленном до июньских дней, еще упоминалось *«droit au travail»,* право на труд, эта первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата. Теперь она превратилась в droit a l'assistance, в право на общественную благотворительность, — а какое же современное государство не кормит так или иначе своих нищих? Право на труд в буржуазном смысле есть бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание, но за правом на труд кроется власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»[1]. Маркс уяснил себе впервые на примере французской истории, что классовая борьба есть маховое колесо исторического, развития. И действительно, она особенно наглядно и в классических формах выступает во французской истории, начиная со средних веков, и этим легко объясняется особая любовь Маркса к истории Франции. Этот очерк в «Revue», как и другие — о бонапартовском перевороте и еще позднее — о Парижской Коммуне, является самым блестящим камнем в сокровищнице его небольших исторических работ.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 40. — *Ред.*

В качестве забавной противоположности, однако не без трагического исхода, изображалась в трех первых выпусках «Revue» картина мелкобуржуазной революции, в которой Энгельс представил немецкую кампанию за имперскую конституцию. Совместной работой Маркса и Энгельса были ежемесячные обзоры, в которых они следили по преимуществу за развитием экономической жизни. Уже в февральском выпуске они указывали на открытие калифорнийских золотых приисков, говоря, что этот факт «еще более важен, чем февральская революция» и даст миру еще гораздо более значительные результаты, чем открытие Америки: «Побережье, простирающееся на 30 градусов широты, одно из прекраснейших и плодороднейших мест в мире, до сих пор почти необитаемое, превращается у нас на глазах в богатую, цивилизованную страну, густо населенную представителями всех племен и народов, от янки до китайцев, от негров до индейцев и малайцев, от креолов и метисов до европейцев. Калифорнийское золото потоками разливается по Америке и азиатскому берегу Тихого океана и втягивает даже самые непокорные варварские народы в мировую торговлю, в цивилизацию. Во второй раз мировая торговля получает новое направление... Благодаря калифорнийскому золоту и неутомимой энергии янки оба побережья Тихого океана скоро будут так же густо населены, так же открыты для торговли, так же развиты в промышленном отношении, как теперь побережье от Бостона до Нового Орлеана. И тогда Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море, — роль великого водного пути для мировых сношений; а Атлантический океан будет низведен до роли внутреннего моря, какую теперь играет Средиземное море. Единственным условием, при котором европейские цивилизованные страны смогут не впасть в такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, в какой в настоящее время находятся Италия, Испания и Португалия, является социальная революция; эта революция, пока еще не поздно, преобразует способ производства и обмена в соответствии с порождаемыми современными производительными силами потребностями самого производства, и сделает, таким образом, возможным создание новых производительных сил, которые обеспечат превосходство европейской промышленности и тем самым уравновесят невыгоды географического положения»[1]. Но беда была лишь в том, как вскоре вынуждены были признать сами авторы этих грандиозных предсказаний, что современную революцию «занесло песком» из-за открытия калифорнийских золотых приисков.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 232, 233. — *Ред.*

Совместной работой Маркса и Энгельса были также критические отзывы о некоторых произведениях, в которых пытались свести счеты с революцией домартовские светила: немецкий философ Даумер, французский историк Гизо и английский чародей-гений Карлейль. Даумер вышел из школы Гегеля, Гизо оказал значительное влияние на Маркса, а Карлейль — на Энгельса. Но теперь на весах революции все трое оказались слишком легковесными. Невероятные общие места, в которых Даумер проповедовал «религию нового века», сведены были воедино Марксом и Энгельсом в следующей «трогательной картине»: немецкая философия ломает руки и рыдает у смертного одра своего приемного отца — немецкого обывателя. На примере Гизо критики доказывали, что даже самые дельные люди старого режима, люди, которым никак нельзя отказать в известном историческом таланте, растерялись от роковых февральских событий и утратили всякое историческое понимание, даже понимание своей собственной прежней деятельности. И если книга Гизо свидетельствовала, что способности буржуазии пришли в упадок, то несколько брошюр Карлейля обнаруживали гибель его литературного гения в обострившейся исторической борьбе, против которой он пытался выставить свое непризнанное созерцательное и пророческое вдохновение.

Доказывая в своих блестящих критических статьях, что революция оказала опустошительное действие на литературных корифеев домартовской эпохи, Маркс и Энгельс были, однако, далеки от того, чтобы верить, как им подчас приписывали, в какую-то мистическую силу революции. Революция не создала той картины, которая до смерти испугала Даумера, Гизо и Карлейля; она только сорвала покрывало с этой картины. Историческое развитие не меняет в революциях свое направление, а лишь приобретает более ускоренный ход; в этом смысле Маркс назвал революции «локомотивами истории»[1]. Глупая филистерская вера в «мирные и законные реформы», которые де стоят выше всех революционных взрывов, была, конечно, всегда чужда Марксу и Энгельсу; насилие для них являлось также экономической потенцией, повивальной бабкой каждого нового общества.

2
ДЕЛО КИНКЕЛЯ

После выхода четвертого выпуска в апреле 1850 г. «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue» перестало уже появляться регулярно, и одной из причин этого, несомненно, была

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 185 или Соч., 2 изд., т. 7, стр. 86. — *Ред.*

небольшая статья в апрельском выпуске; авторы ее заранее говорили, что она вызовет «всеобщее негодование сентиментальных лжецов и демократических фразеров...»[1]. Статья эта заключала в себе краткую, но уничтожающую критику защитительной речи, которую Готфрид Кинкель произнес 7 августа 1849 г. на военном суде в Раштатте, где он судился за участие в вольных революционных отрядах. Эта речь была опубликована им в начале апреля 1850 г. в одной из берлинских газет.

Сама по себе критика была вполне заслуженная. Кинкель отрекся на военном суде от революции и от своих товарищей по оружию. Он восхвалял «картечного принца» и провозглашал многолетие «Гогенцоллернской императорской фамилии» на том же военном суде, который послал 26 его товарищей на казнь, которую они все мужественно приняли. Но Кинкель сидел в каторжной тюрьме в то время, когда Маркс и Энгельс нападали на него. По общему мнению, он был обреченной жертвой королевской мести: заключение его в крепость по приговору военного суда было заменено, по королевскому распоряжению, бесчестием каторжной тюрьмы. Пригвождение его при таких обстоятельствах к политическому позорному столбу могло вызвать сильные протесты не только «сентиментальных обманщиков и демократических болтунов».

Впоследствии открыты были архивные материалы по делу Кинкеля, и в свете их дело это рисуется как целая сеть трагикомических недоразумений. Кинкель был вначале теолог, и даже ортодоксальный. Он отпал от «истинной» веры и, женившись на разведенной католичке, вызвал непримиримую ненависть к себе со стороны правоверных, что создало ему славу «героя свободы», далеко превосходившую его действительные заслуги и достоинства. Кинкель только «по недоразумению» попал в одну партию с Марксом и Энгельсом и политически не пошел дальше лозунгов ходячей демократии. При этом его, по выражению Фрейлиграта, «проклятое красноречие», которое он унаследовал еще от своей богословской деятельности, порою увлекало его так далеко влево, как в раштаттской речи оно увлекло его далеко вправо. Скромное поэтическое дарование способствовало тому, что он приобрел большую известность, чем другие демократы его склада.

Во время кампании за имперскую конституцию Кинкель вступил в добровольческий отряд Виллиха, в рядах которого боролись также Энгельс и Молль. Он проявлял храбрость в сражениях, а в последней битве у Мурга, в которой пал Молль, был легко ранен в голову и попал в плен. Военный суд присудил его к пожизненному заключению в крепости, но этим не удовольствовался «картечный принц», или, как более почтительно выра-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 315. — *Ред.*

зился Кинкель в своей защитительной речи, «его королевское высочество, наш наследник». Генерал-аудитор в Берлине сделал представление королю об отмене вынесенного военным судом приговора, он доказывал, что Кинкель заслужил смертную казнь, и ходатайствовал о новом рассмотрении дела в военном суде.

Против этого восстало все министерство. Оно хотя и признавало, что назначенное наказание слишком мягко для государственной измены, но советовало все же утвердить приговор «из милости», считаясь с общественным мнением. Вместе с тем правительство находило «целесообразным», чтобы Кинкель отбывал наказание «в гражданском месте заключения», так как обращение с ним, как с крепостным арестантом, могло вызвать «большую сенсацию». Король принял предложение министерства, но именно это и вызвало ту «большую сенсацию», которой хотели избежать. «Общественное мнение» сочло жестокой насмешкой то, что король «из милости» послал в каторжную тюрьму государственного изменника, которого даже военный суд решил лишь посадить в крепость.

Общественное мнение, однако, ошибалось, так как оно не было знакомо с тонкостями прусской карательной системы. Кинкель был присужден не к аресту в крепости, а к военному заключению в ней, т. е. к еще более суровому и отвратительному наказанию, чем каторжная тюрьма. Отбывавшие это наказание были скучены по десяти или двадцати человек в Тесных камерах, спали на жестких нарах, получали скудную и плохую пищу; их посылали на самые унизительные работы, такие, как чистка выгребных ям, подметание улиц и т. п., а за малейшие провинности они подвергались наказанию плетью. Министерство боялось «общественного мнения» и хотело поэтому оградить заключенного Кинкеля от такой собачьей жизни. Но когда «общественное мнение» представило дело в обратном смысле, то министерство не осмелилось из страха перед «картечным принцем» и его мстительной партией открыто признаться в своих «гуманных» намерениях. Оно предпочло оставить короля под подозрением, которое должно было сильно повредить ему и действительно повредило даже в глазах его благонамеренных подданных.

Под тяжелым впечатлением этого неудавшегося заступничества министерство не хотело вызывать новой «сенсации» вестями о переживаниях Кинкеля в каторжной тюрьме и отважилось только на приказ, чтобы заключенного ни в коем случае не подвергали телесным наказаниям. Оно хотело также освободить Кинкеля от принудительного физического труда и предложило директору каторжной тюрьмы в Наугарде, где сначала сидел Кинкель, взять ответственность за это на самого себя. Но упрямый бюрократ держался имеющихся у него инструкций и посадил Кинкеля за мотальное колесо. Это вызвало сильное возбуждение.

Создалась «песенка о катушке», которую повсюду распевали; картинки, изображавшие «поэта за мотальным колесом», наводнили Германию, а сам Кинкель писал своей жене: «Игра судьбы и партийная ярость доходит до безумия, до того, что рука, которая написала для немецкого народа «Отто-стрелок», теперь вертит мотальницу». Но и в этом случае оправдалась старая истина, что «нравственное возмущение» филистера тонет в комизме.

Штеттинское окружное управление испугалось скандала; проявляя большую смелость, чем министерство, — за что, впрочем, его сейчас же обвинили в «демократических воззрениях», — оно предписало перевести Кинкеля на занятия по письменной части. Но сам Кинкель заявил, что предпочитает оставаться при своем мотальном колесе, так как легкое физическое напряжение не мешало ему предаваться сколько он хочет своим мыслям, тогда как переписка бумаг в течение целого дня вредно действует ему на грудь и расшатывает его здоровье.

Широко распространенное мнение, будто с Кинкелем по приказу короля обращались в тюрьме исключительно сурово, ничем не подтверждается, хотя, конечно, ему пришлось многое претерпеть. Директор Наугарда Шнухель был непреклонный бюрократ, но не зверь. Он говорил Кинкелю «ты», но разрешал ему много бывать на воздухе. Он также проявлял сочувствие к жене Кинкеля и к ее неустанным стараниям добиться освобождения мужа. Напротив, в Шпандау, куда Кинкель был переведен в мае 1850 г., с ним обращались на «вы», но заставили сбрить бороду и волосы; директор тюрьмы, благочестивый реакционер Иезерих, мучил его попытками обращения на путь истины и тотчас же завел отвратительную грызню с «супругой Кинкель». Впрочем, и этот душепродавец не очень сопротивлялся, когда министерство запросило его относительно предложения жены Кинкеля: она ходатайствовала, чтобы мужа ее отпустили в Америку с тем, что он обязуется честным словом отказаться от всякой политической деятельности и никогда не возвращаться в Европу. Иезерих высказался даже в том смысле, что, поскольку он знает Кинкеля, пребывание в Америке содействовало бы его скорейшему исправлению. Но он все же полагал, что Кинкель должен отбыть по крайней мере год заключения для того, чтобы меч власти не показался тупым и зазубренным. Потом, через год, можно разрешить ему эмигрировать из Германии. Другое дело, конечно, если бы здоровье Кинкеля пострадало от долгого заключения; но никаких признаков этого пока налицо нет. Доклад Иезериха направлен был королю, который, однако, проявил большую мстительность, чем министр и директор каторжной тюрьмы. Согласно «высочайшему постановлению» решено было не отпускать Кинкеля в Америку по истечении года заключения, а, напротив, подвергнуть его еще гораздо большему унижению, чем он претерпел до того.

Шумиха, поднятая вокруг Кинкеля, не могла не возмущать таких людей, как Маркс и Энгельс. Им всегда были ненавистны подобного рода мещанские сенсации. Уже в своем изложении борьбы за имперскую конституцию Энгельс с горечью указывал на то, что столько чрезмерного внимания уделялось исключительно «образованным жертвам» майских восстаний и никто словом не упоминал о сотнях и тысячах рабочих, которые гибли в боях, гнили в раштаттских казематах или бедствовали в изгнании больше, чем все другие эмигранты. Но и помимо этого даже среди «образованных жертв» было много испытавших несравненно больше, чем Кинкель, и несравненно более мужественно переносивших свою участь. О них, однако, никто и словом не заикался. Достаточно вспомнить об Августе Рёкеле, художнике, по меньшей мере столь же талантливом, как и Кинкель. Его подвергали в вальдгеймской каторжной тюрьме самому жестокому обращению вплоть до телесных наказаний; но и после двенадцати лет невыносимых пыток он не соглашался бровью повести, чтобы добиться помилования. Отчаявшись сломить его гордость, реакция в конце концов, так сказать, силой выгнала его из тюрьмы. И Рёкель не был единственным в своем роде. Единственным исключением являлся скорее Кинкель, который уже после нескольких месяцев сравнительно сносного заключения поведал миру о своем раскаянии, напечатав свою раштаттскую речь, чем и вызвал сострадание филистеров. Суровая критика этой речи Марксом и Энгельсом была вполне уместна, и они с полным правом могли сказать, что не ухудшили, а улучшили положение Кинкеля.

Дальнейшее течение дела показало, что они были правы и в другом отношении. Общее увлечение Кинкелем так широко раскрыло кошельки буржуазии, что удалось подкупить одного из служащих при тюрьме в Шпандау, и в ноябре 1850 г. Карл Шурц устроил Кинкелю побег. Вот все, чего добился король своей мстительностью. Если бы он разрешил Кинкелю уехать в Америку под честное слово, что тот никогда больше не будет заниматься политикой, то Кинкеля бы скоро забыли; это понимал даже тюремный директор Иезерих. А после своего удачного побега Кинкель сделался трижды прославленным агитатором, королю же еще пришлось терпеть и насмешки.

Но король стерпел это по-королевски. Донесение о побеге Кинкеля навело его на мысль, которую он сам имел честность назвать нечистой. Он приказал своему Мантёйфелю раскрыть при содействии «драгоценного» Штибера заговор и наказать виновных. Штибера уже тогда все презирали. Даже берлинский начальник полиции Гинкельдей, человек весьма покладистой совести, когда дело шло о преследовании политических противников, резко протестовал против восстановления Штибера на

полицейской службе. Никакие протесты, однако, не помогли, и в качестве пробной работы Штибер инсценировал, прибегая к кражам и лжесвидетельствам, кёльнский процесс коммунистов.

По многим низостям кёльнский процесс в десять раз превосходил дело Кинкеля. Однако не слышно было, чтобы хоть один добродетельный представитель буржуазии возмутился этим. Быть может, этот почтенный класс хотел доказать, что Маркс и Энгельс с самого начала верно поняли его.

3
РАСКОЛ В СОЮЗЕ КОММУНИСТОВ

В общем дело Кинкеля имело скорее симптоматическое, нежели фактическое значение. На этом деле легче всего понять сущность спора, в который Маркс и Энгельс вступили с лондонскими эмигрантами. Но само по себе оно вовсе не являлось каким-то событием в этом споре, а тем более его непосредственной причиной.

В чем заключалась связь Маркса и Энгельса с остальными эмигрантами и что их отделяло от них, яснее всего видно на двух начинаниях, которым они отдавали свои силы наряду с изданием «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue» в 1850 г. Одно из этих начинаний — эмигрантский комитет. Маркс и Энгельс основали его вместе с Бауэром, Пфендером и Виллихом для помощи эмигрантам, которые большими массами притекали в Лондон, после того как Швейцария стала все враждебнее относиться к беженцам. Другим начинанием Маркса и Энгельса было возрождение Союза коммунистов. Возобновление его деятельности становилось настоятельной необходимостью, по мере того как победоносная реакция стала бесцеремонно отнимать у рабочего класса свободу печати и собраний и вообще все средства публичной пропаганды. Солидарность Маркса и Энгельса с эмиграцией в целом была, можно сказать, житейской, но не политической. Они разделяли лишения эмигрантов, но не их измышления, они готовы были жертвовать для них последней копейкой, но ни малейшей частицей своих убеждений.

Немецкая и в особенности международная эмигрантская среда представляла собой хаотическую смесь самых разнородных элементов. Все эти люди надеялись на возрождение революции, которая даст им возможность вернуться на родину. Все они работали в этом направлении, что, казалось бы, должно было объединить их в общем деле. В действительности же всякая попытка единения неизбежно заканчивалась неудачей. В лучшем случае дело доходило до бумажных манифестов, пустозвонство которых стояло в прямой пропорции к их торжественности. Стоило только

приступить к какому-нибудь делу, как возникали несноснейшие ссоры. Их причина заключалась вовсе не в характере людей, бедственное же положение эмигрантов в худшем случае только обостряло столкновения. Истинная причина заключалась в классовой борьбе. Она определяла ход революции и продолжалась в эмиграции, несмотря на всяческие попытки вообразить, что ее не существует. Маркс и Энгельс видели с самого начала бесплодность таких попыток и не принимали в них участия. Но это объединило все эмигрантские группы и группки по крайней мере в том общем мнении, что Маркс и Энгельс — действительные и неисправимые виновники всех разногласий.

Маркс и Энгельс продолжали пролетарскую классовую борьбу, которую начали еще до революции. Прежние члены Союза коммунистов собрались с осени 1849 г. в Лондоне почти в полном составе, за исключением Молля, который пал в битве при Мурге. Шаппер приехал летом 1850 г., а Вильгельм Вольф переселился из Швейцарии еще на год позже. Кроме того, удалось привлечь к делу некоторые новые силы, например Августа Виллиха, бывшего прусского офицера. Во время баденско-пфальцского похода Виллих проявил себя очень умелым руководителем отрядов добровольцев. Теперь бывший адъютант Виллиха, Энгельс, завербовал его для революции. Виллих был весьма дельный человек, но в теоретическом отношении довольно путаная голова. Затем шла молодежь: купец Конрад Шрамм, учитель Вильгельм Пипер и, наконец, Вильгельм Либкнехт, который учился в германских университетах, но сдавал экзамены в баденских восстаниях и в швейцарском изгнании. Все они окружали в эти годы Маркса, причем из них наиболее преданным и верным его другом был Либкнехт. О двух других Маркс отзывался иногда неодобрительно, так как они причиняли ему порой немало хлопот. Но не следует понимать буквально все, что он говорил о них по тому или иному случаю. Когда Конрад Шрамм умер совсем молодым от чахотки, Маркс прославил его, назвав «неистовым Перси партии»; и про Пипера Маркс тоже говорил, что он «в сущности добрый малый». Через посредство Пипера переписку с Марксом завязал геттингенский адвокат Иоганн Микель, который затем вступил в члены Союза коммунистов. Маркс, видимо, ценил его как умного человека, и Микель в течение целого ряда лет был верен коммунистическому знамени. Однако впоследствии он, как и его друг Пипер, повернул назад в либеральный лагерь.

Для того чтобы возродить Союз коммунистов, Центральный комитет издал Обращение, помеченное мартом 1850 г. и составленное Марксом и Энгельсом. Это Обращение привез в Германию Генрих Бауэр, командированный в качестве эмиссара. Авторы исходили из того, что предстоит новая революция, которая «будет... вызвана самостоятельным восстанием французского

пролетариата или вторжением Священного союза в революционный Вавилон»[1]. Подобно тому как мартовская революция доставила победу буржуазии, новая революция принесет победу мелкой буржуазии; она же снова предаст рабочий класс. Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазным демократам формулировалось следующим образом: «она идет вместе с ней против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить свое положение в своих собственных интересах»[2]. Мелкая буржуазия использовала бы победоносную для нее революцию с целью реформировать капиталистическое общество настолько, чтобы сделать его более удобным и терпимым для нее самой, а до известной степени и для рабочего класса. Но пролетариат ни в коем случае не может этим удовлетвориться. Мелкобуржуазные демократы, естественно, будут стараться возможно скорее закончить революцию, — как только будут осуществлены их умеренные требования; задача же рабочих, напротив, заключается в том, чтобы сделать революцию перманентной, «пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится, и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев»[3]. Соответственно этому Обращение предостерегало рабочих, чтобы они не дали себя обмануть проповедью мелкобуржуазных демократов об единстве и примирении и не дали низвести себя до роли придатка буржуазной демократии. Им необходимо, напротив, образовать по возможности прочную и сильную организацию. Тогда после победы революции, которой они, как и всегда до сих пор, добьются лишь собственной силой, собственным мужеством, они продиктуют мелкой буржуазии такие условия, при которых господство буржуазных демократов будет носить в самом себе зародыши своего разрушения. И тем легче будет вытеснить потом это господство буржуазной демократии господством пролетариата. «Рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы... Они не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I. 1955, стр. 82 или Соч., 2 изд., т. 7, стр. 259. — *Ред.*

[2] Там же, стр. 83 или Соч., 2 изд., т. 7, стр. 260. — *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 261. — *Ред.*

мести по отношению к ненавистным лицам или официальным зданиям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и взять на себя руководство ими»[1]. При выборах национального представительства рабочие должны всюду выставлять своих собственных кандидатов, даже там, где нет видов на победу, и не поддаваться никаким уговорам демократов. Конечно, в начале движения рабочие не должны предлагать непосредственно коммунистические меры; но они могут оказывать достаточное давление на демократов, чтобы последние вынуждены были по возможности во многих направлениях врываться в теперешний общественный порядок, препятствовать его нормальному течению и тем самым компрометировать себя, а также сосредоточивать в руках государства как можно больше производительных сил, транспортных средств, фабрик, железных дорог и т. д. Прежде всего рабочие не должны допустить, чтобы при уничтожении феодализма поместья, как это было в эпоху великой французской революции, перешли в свободную собственность крестьян. Этим сохранилось бы существование сельскохозяйственного пролетариата, и наряду с таковым возник бы мелкобуржуазный крестьянский класс, который проделал бы тот же круговорот обеднения и задолженности, что и французский крестьянин. Рабочие должны, напротив, требовать, чтобы конфискованные феодальные поместья оставались государственным достоянием и чтобы их превращали в рабочие колонии. Возделывание земель должно стать делом ассоциированного сельского пролетариата, располагающего всеми средствами крупного земледелия. Таким путем принцип общественной собственности станет на твердую почву в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности.

Вооруженный этим Обращением, Бауэр с большим успехом выполнил свою миссию в Германии. Ему удалось вновь связать порванные нити, а также создать новые связи благодаря тому, что он приобрел большое влияние на остатки союзов рабочих, крестьян, поденщиков и гимнастических союзов, которые еще уцелели в разгуле контрреволюции. Наиболее влиятельные члены Рабочего братства, основанного Стефаном Борном, тоже примкнули к Союзу, который, таким образом, «привлек к себе все пригодные силы»: так доложил в Цюрих Карл Шурц, который в это же время объезжал Германию по поручению одной швейцарской организации эмигрантов. Во втором Обращении, помеченном июнем 1850 г., Центральный комитет уже извещал, что Союз утвердился в целом ряде германских городов и образовал руково-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 86 или Соч., 2 изд., т. 7, стр. 263. — *Ред.*

дящие центры: в Гамбурге для Шлезвиг-Гольштейна, в Шверине для Мекленбурга, в Бреславле для Силезии, в Лейпциге для Саксонии и Берлина, в Нюрнберге для Баварии, в Кёльне для Рейнской провинции и Вестфалии.

То же Обращение называло лондонский округ самым сильным оплотом Союза, ибо он нес почти исключительно на себе все расходы, руководил Лондонским просветительным обществом немецких рабочих, а также большей частью тамошних эмигрантов. Кроме того, лондонский Центральный комитет стоял в тесной связи с революционной партией англичан, французов и венгров. В другом отношении, однако, лондонский округ был самым слабым местом Союза, ибо он запутывал Союз во все сильнее разгоравшуюся и все более безысходную борьбу в эмигрантской среде.

Летом 1850 г. стало очевидно, что надеяться на скорое возрождение революции уже нельзя. Во Франции было уничтожено всеобщее избирательное право, что, однако, не вызвало восстания рабочего класса. Борьба шла уже только между претендентом на престол Луи Бонапартом и монархистским реакционным Национальным собранием. В Германии мелкобуржуазная демократия сошла с политической сцены, а либеральная буржуазия приняла участие в ограблении трупа революции, учиненном Пруссией. При этом Пруссию надули германские средние и мелкие государства, которые все плясали под австрийскую дудку, в то время как царь грозно пощелкивал кнутом над всей этой немецкой компанией. Но по мере того как шел отлив истинной революции, все более усиливались лихорадочные стремления эмигрантов сфабриковать искусственную революцию. Эмиграция обманывалась относительно всех отрицательных признаков и возлагала надежды на чудеса, которые она готовила совершить упорством своей воли. С тем большим недоверием эмигранты относились ко всякой самокритике, исходившей из их собственных рядов. Маркс и Энгельс, ясным и спокойным взором оценившие истинное положение вещей, чувствовали все большую рознь между собой и эмигрантами. Как мог голос логики и разума сдержать бурю страстей в этой все более отчаивавшейся массе! Голос этот оказался настолько бессильным, что всеобщее опьянение проникло также в лондонское отделение Союза коммунистов и потрясло изнутри его Центральный комитет.

На заседании Центрального комитета 15 сентября 1850 г. дело дошло до открытого раскола. Шесть членов Союза стояли против четырех: Маркс и Энгельс, затем Бауэр, Эккариус, Пфендер — из старой гвардии, а из молодого поколения — Конрад Шрамм — против Виллиха, Шаппера, Френкеля и Лемана. Среди последних был только один старый член — Шаппер, «первобытный революционер», как его удачно прозвал Энгельс. Его

увлекла революционная стихия, так как ему в течение целого года пришлось наблюдать в непосредственной близости ужасы контрреволюции, и он только что перед этим приехал в Англию.

На этом решающем заседании Маркс в следующих словах определил сущность возникшего разногласия: «На место критических воззрений меньшинство ставит догматические, на место материалистических — идеалистические. Движущей силой революции для него становится *просто воля* вместо действительных отношений. Между тем как мы говорим рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, не только для того чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». Вы говорите наоборот: «Мы должны сейчас же достигнуть господства, или нам не остается ничего делать». В то время как мы специально указываем германским рабочим на неразвитое состояние германского пролетариата, вы самым грубым образом льстите его национальному чувству и сословным предрассудкам германских ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* в что-то святое, так вы проделываете это со словом *пролетариат*»[1]. Дело дошло до крупных споров, даже — вопреки решительному осуждению Маркса — до того, что Шрамм вызвал на дуэль Виллиха, и дуэль состоялась близ Антверпена: Шрамм был легко ранен. Но достичь какого-либо единения оказалось невозможным.

Большинство пыталось спасти Союз тем, что перевело руководство им в Кёльн. Кёльнскому округу предложено было избрать новый Центральный комитет, а прежний лондонский округ предполагалось заменить двумя другими, независимыми друг от друга и состоящими в общении лишь с Центральным комитетом. Кёльнский округ на это согласился и выбрал новый Центральный комитет, но меньшинство отказалось его признать. Оно имело больше сторонников в лондонском округе и главным образом в Просветительном обществе немецких рабочих, из которого Маркс и его ближайшие друзья вышли. Виллих и Шаппер основали особый союз, но он вскоре запутался в авантюристской игре в революцию.

Более обстоятельно, чем на заседании 15 сентября, Маркс и Энгельс обосновали свои взгляды в пятом-шестом выпуске «Revue». Он вышел двойным номером, и этим номером закончилось в ноябре 1850 г. существование журнала. Кроме большой статьи, в которой Энгельс дал изображение крестьянской войны 1525 г. с точки зрения исторического материализма, в последнем номере

[1] См. *К. Маркс* и *Ф.* Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 506—507. — *Ред.*

«Revue» напечатана была статья Эккариуса о положении портняжного дела в Лондоне, которую Маркс радостно приветствовал: «Прежде чем пролетариат победит на баррикадах и на боевых линиях, — писал Маркс, — он возвещает о своем грядущем господстве рядом интеллектуальных побед». Эккариус, работавший сам в одной из лондонских портняжных мастерских, воспринимал упадок мелких ремесленных предприятий и их вытеснение крупной промышленностью как исторический прогресс. Но в то же время он понимал, что в результатах и достижениях крупной промышленности историей заложены и с каждым днем наново создаются реальные условия пролетарской революции. В таком чисто материалистическом, чуждом всякой сентиментальности воззрении Эккариуса на буржуазное общество и его развитие Маркс усматривал огромный шаг вперед по сравнению с сердобольной, проповеднической, психологической критикой Вейтлинга и других писателей из рабочих, нападавших на существующий порядок вещей. Материалистическое понимание общественных явлений Эккариусом было плодом неустанной работы Маркса, и самым желанным ее плодом.

Центр тяжести последнего выпуска журнала составляло, однако, экономически-политическое обозрение за период с мая до октября. Маркс и Энгельс в обстоятельном исследовании выясняли экономические причины политической революции и контрреволюции и доказывали, что первая возникла из тяжелого хозяйственного кризиса, а вторая коренилась в новом подъеме производства. Они приходили к следующему выводу: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы* и *буржуазные формы производства,* вступают между собой *в противоречие.* Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к новым революциям; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна.* Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов. *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и* наступление *этого последнего*»[1].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 467. — *Ред.*

Этому ясному и убедительному изложению обстоятельств противопоставлялось в конце воззвание европейского Центрального комитета, подписанное Мадзини, Ледрю-Ролленом, Дарашем и Руге. Все иллюзии эмигрантов были сжато изложены в этом воззвании. Оно приписывало крушение революции честолюбивой ревности отдельных вождей и враждебному столкновению взглядов различных учителей народа. Свое собственное исповедание воззвание определяло как веру в свободу, равенство, братство, в семью, общину, государство, отечество — словом, в общественный строй, имеющий на своей вершине бога и его законы, а в основе — народ.

Обозрение помечено было 1 ноября 1850 г. На этом прервалась на целых два десятилетия совместная, в одном городе, деятельность двух авторов: Энгельс уехал в Манчестер и там снова поступил приказчиком в бумагопрядильню фирмы «Эрмен и Энгельс», а Маркс остался в Лондоне и посвятил все свои силы научной работе.

4
ЭМИГРАНТСКАЯ ЖИЗНЬ

Эти ноябрьские дни почти точно совпали с завершением первой половины жизни Маркса и. являются не только внешне значительным поворотным пунктом на жизненном пути, проделанном Марксом. Он сам живо это ощущал, и, пожалуй, еще в большей степени это чувствовал Энгельс.

«Все более и более убеждаешься в том, — писал он Марксу в феврале 1851 г., — что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не устранится от эмиграции и не удовлетворится положением независимого литератора, которому нет решительно никакого дела до так называемой «революционной партии»»[1]. На это Маркс ему ответил: «Мне очень нравится та настоящая общественная изоляция, в которой находимся теперь мы оба, ты и я. Она вполне соответствует нашей позиции и нашим принципам. Система взаимных уступок, половинчатости из приличия и обязанность брать на себя долю ответственности перед публикой за смехотворные деяния этой партии вместе со всеми этими ослами, — со всем этим теперь покончено»[2]. Затем Энгельс снова писал ему в том же духе: «Мы имеем теперь, наконец, опять, в первый раз за долгое время, возможность показать, что мы не нуждаемся ни в какой популярности, ни в какой поддержке со стороны какой-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 148. — *Ред.*
[2] Там же. — *Ред.*

либо партии какой бы то ни было страны и что наша позиция совершенно независима от подобных пустяков. С настоящего момента мы ответственны только лишь за самих себя... По существу мы не можем даже слишком жаловаться, что и эти petits grands hommes (маленькие великие люди) нас избегают; разве мы в продолжение стольких лет не притворялись, будто у нас бог весть какая партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии... не понимали даже элементарных начал наших теорий»[1]. Не следует, конечно, понимать буквально такие слова, как «дураки» и «мошенники», и кое-что другое из этих страстных суждений тоже не нужно толковать дословно. Одно несомненно: Маркс и Энгельс были совершенно правы, когда видели спасительное решение в том, чтобы резко отмежеваться от бесплодных споров эмиграции и, как выражался Энгельс, заняться научными изысканиями «в некотором одиночестве» — до тех пор пока наступит другое время и придут люди, которые поймут их дело.

Впрочем, пропасть была не столь глубока и не так быстро образовалась, как может показаться оглядывающемуся назад наблюдателю. В письмах, которыми обменивались Энгельс и Маркс в ближайшие после того годы, еще часто звучали отголоски борьбы с эмиграцией. Это проистекало уже из непрекращавшихся трений между двумя фракциями, на которые раскололся Союз коммунистов. К тому же оба друга, решив не вмешиваться в эмигрантские дрязги, никак не предполагали отказаться от всякого участия в политической борьбе. Если они не прекратили сотрудничества в чартистских органах, то еще меньше они были склонны примириться с гибелью «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue».

Базельский издатель Шабелиц хотел взять на себя дальнейшее издание «Обозрения», но из этого ничего не вышло. С Германом Беккером, который жил в Кёльне и стоял сначала во главе «Westdeutsche Zeitung» («Западной немецкой газеты»), а потом, когда ее закрыли, вел небольшое издательское дело, Маркс начал переговоры об издании собрания своих сочинений, а также об издании трехмесячника, причем предполагалось, что он будет выходить в Льеже. Эти планы рухнули с арестом Беккера в мае 1851 г., но из «Собрания трудов, издаваемого Германом Беккером», все же вышел в свет один выпуск. По плану «Собрание трудов» должно было появиться в свет в двух томах, примерно по 25 печатных листов каждый. Подписавшиеся на эти тома до 15 мая должны были получить их в виде десяти выпусков по восьми зильбергрошей за каждый; после этого срока цена должна

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 151. — *Ред.*

была повыситься до одного талера и пятнадцати зильбергрошей за том. Первый выпуск был очень быстро распродан, но утверждение Вейдемейера, будто он разошелся в 15000 экземпляров, вероятно, ошибочно: даже десятая часть такой цифры знаменовала бы в тогдашних условиях весьма значительный успех.

Во всех этих планах большую роль играла для Маркса также «настоятельная необходимость в заработке». Он жил в крайне тяжелых материальных условиях. В ноябре 1849 г. у него родился четвертый ребенок, сынок Гвидо. Мать сама кормила грудью ребенка и так писала о нем: «Мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скрытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдал от острых болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух-трех часов»[1]. Несчастный ребенок умер через год после рождения.

Из первой их квартиры в Челси Маркса с семьей выселили самым грубым образом, так как хотя они и платили квартирной хозяйке, но она не уплатила домовладельцу. Тогда они с большим трудом и хлопотами нашли себе пристанище в одном немецком отеле на Лейстер-стрит, близ Лейстер-сквера, а оттуда вскоре переселились на Дин-стрит, 28, в районе Сохо-сквера. Там они обосновались в двух маленьких комнатках и прожили в них около шести лет.

Но это не избавило их от нужды. Напротив, нужда все более и более одолевала их. В конце октября 1850 г. Маркс написал Вейдемейеру во Франкфурт, прося его выкупить и продать заложенные в тамошнем ломбарде серебряные вещи; только детский столовый прибор, принадлежащий маленькой Женни, непременно должен быть спасен. «Мое положение сейчас таково, — писал Маркс, — что я должен во что бы то ни стало достать денег, чтобы вообще быть в состоянии продолжать работу»[2]. Как раз в эти дни Энгельс переселился в Манчестер, чтобы заняться «собачьей коммерцией», решившись на это, по-видимому, с целью прежде всего помочь своему другу.

Других друзей у Маркса становилось все меньше в это тяжелое время. «Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, — писала жена Маркса в 1850 г. Вейдемейеру, — так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелких невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи. Но не подумайте, дорогой Вейдемейер, что мы к кому-нибудь предъявляем претензии. Единственное, чего мой муж вполне мог требовать от тех, с кем он делился своими мыслями, кому он

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 242. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 86. — *Ред.*

оказывал поддержку, служил опорой, так это проявления большей деловой энергии, большего участия к его журналу. Я могу с гордостью и смелостью это утверждать. Это немногое они должны были сделать для него, от этого никто бы не пострадал. Вот это-то и огорчает меня. Но мой муж думает иначе. Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее, всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежностью ласкающихся к своей мамочке»[1]. И так же, как она тревожилась о муже, когда молчали друзья, он заботился о ней, когда слишком громко бряцали оружием враги.

Тому же Вейдемейеру Маркс писал в августе 1851 г.: «Ты, конечно, понимаешь, что я нахожусь в очень печальном положении. Моя жена погибнет, если так будет долго продолжаться. Постоянные заботы, самая мелочная житейская борьба подтачивают ее силы. К этому еще присоединяется подлость наших врагов; они *ни разу* даже не пытались напасть на меня по существу и, мстя за свое собственное бессилие, распространяют обо мне невыразимые гадости и набрасывают тень на мою репутацию...

Я, конечно, смеюсь над всей этой мерзостью, и она ни на минуту не отвлекает меня от моей работы, но ты понимаешь, что на мою жену, которая хворает и с утра до вечера занята самыми безрадостными житейскими заботами и нервная система которой издергана, не очень-то благотворно действует, когда изо дня в день через глупых сплетников до нее доходят зловонные испарения чумной демократической клоаки. Бестактность, проявляемая в этом отношении некоторыми людьми, бывает прямо невероятна»[2]. За несколько месяцев до того (в марте) у Маркса родилась дочь Франциска. Жена Маркса, хотя самые роды были легкие, лежала долго тяжело больная, «скорее по причинам свойства материального, чем физического». В доме не было ни гроша, «и вдобавок я еще эксплуатировал рабочих! И стремлюсь к диктатуре!»[3], — писал Маркс с большой горечью Энгельсу.

Лично для себя Маркс находил неисчерпаемое утешение в научной работе. Он сидел с девяти часов утра до семи вечера в Британском музее. По поводу пустых шатаний Кинкеля и Виллиха он писал: «Демократическим «простакам», которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не нужно. Зачем этим счастливчикам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это гак *просто,* как говорил бывало достойный Виллих. Все так просто! Да, — в этих пустых башках! Вот уж действительно простаки!»[4]. Маркс надеялся в то

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 243. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 107. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 181—182. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 102. — *Ред.*

время, что в течение нескольких недель закончит свою критику политической экономии, и начал уже искать издателя, что тоже приносило ему одно разочарование за другим.

В мае 1851 г. в Лондон приехал верный друг, на которого Маркс мог вполне положиться. С ним он был связан тесной дружбой и в последующие годы. Это был Фердинанд Фрейлигрaт. Но вслед за его приездом пришла печальная весть: 10 мая в Лейпциге арестовали портного Нотъюнга, эмиссара Союза коммунистов. Он приехал в Лейпциг с агитационными целями, и по забранным у него бумагам полиция узнала о существовании Союза. Вслед за тем были арестованы члены Центрального комитета в Кёльне, и Фрейлигрaт едва успел избежать такой же участи благодаря тому, что уехал в Лондон, не подозревая о грозившей ему опасности. При его появлении в Лондоне все мелкие фракции немецкой эмиграции стали тянуть к себе знаменитого поэта, но Фрейлигрaт заявил, что будет держаться только Маркса и его тесного круга. Он отклонил поэтому предложение принять участие в собрании, назначенном на 14 июля 1851 г. На этом собрании предполагалось сделать еще одну попытку объединения немецких эмигрантов в одно целое. Попытка не удалась, как и все прежние, и повела только к новой розни. 20 июля основан был «агитационный союз» под руководством Руге, а 27 июля — «эмигрантский клуб», во главе которого стоял Кинкель. Эти два союза вскоре начали ожесточенную борьбу между собой как в Лондоне, так и в немецкой прессе в Америке.

Маркс отнесся, конечно, с едкой насмешкой к этой «войне мышей и лягушек», главари которой были ему оба одинаково противны по всему своему образу мыслей. Попытки Руге «редактировать смысл событий» в 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» трактовала с особым искусством и увлечением, выступая при этом иногда и с тяжелой артиллерией против «Арнольда Винкельрида Руге», «мыслителя из Померании», сочинения которого — «сточный желоб», куда «стекаются нечистоты всех словопрений и все противоречия немецкой демократии». Но при всей его путанице в области политики Руге все же был совсем другого рода человек, чем Кинкель; последний, бежав из шпандауской тюрьмы в Лондон, пытался разыгрывать там светского льва «то в кабаке, то в салоне», как про него острил Фрейлигрaт. Для Маркса он представлял, однако, в то время особый интерес ввиду того, что в компанию с Кинкелем вошел Виллих, затеяв мошенническую проделку высшей марки — устройство новой революции, основанной на акциях. 14 сентября 1851 г. Кинкель высадился в Нью-Йорке, и миссия его заключалась в том, чтобы заручиться содействием эмигрантов, пользующихся почетом, и выставить их поручителями для немецкого национального займа «в два миллиона долларов на организацию предстоящей республиканской

революции», а также для сбора предварительного фонда в 20000 талеров. Правда, первый, кому пришла в голову гениальная мысль переправиться через океан с кошельком для сбора денег на революцию, был Кошут. Но в более скромных размерах Кинкель проделывал это с таким же усердием и бесцеремонностью. Учитель, так же как и ученик, проповедовал в северных штатах *против,* а в южных штатах — *за* рабство.

В противоположность такому шутовству Маркс завязал серьезные отношения с Новым Светом. Ввиду все возрастающей нужды — «дальше так жить невозможно»[1], — писал он 31 июля Энгельсу — Маркс задумал издавать вместе с Вильгельмом Вольфом литографированную «Корреспонденцию» для американских газет; но несколько дней спустя он получил от «New-York Daily Tribune», самой распространенной североамериканской газеты, предложение о постоянном сотрудничестве. Приглашение исходило от издателя газеты Дана, с которым он познакомился еще в Кёльне. Маркс не владел еще в то время английским языком в такой степени, чтобы писать на нем, поэтому вначале ему помогал Энгельс, написавший ряд статей о немецкой революции и контрреволюции. Марксу же вскоре после того удалось издать в Америке одно свое сочинение на немецком языке.

5
ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА

Иосиф Вейдемейер, старый брюссельский друг Маркса, мужественно боролся в революционные годы на посту редактора одной демократической газеты во Франкфурте-на-Майне. Но затем все более наглевшая контрреволюция закрыла газету. А после того как полиция обнаружила существование Союза коммунистов, к числу самых активных членов которого принадлежал Вейдемейер, ему пришлось скрываться от гнавшихся за ним ищеек.

Сначала он укрылся в «тихом кабачке в Саксенгаузене». Он хотел переждать там непогоду и тем временем написать популярную политическую экономию для народа. Но атмосфера становилась все более удушливой, и «кой черт может без конца скитаться и скрываться!». Так как у него были жена и двое маленьких детей, ему казалось безнадежным перебиваться с семьей в Швейцарии или в Лондоне; поэтому он решил эмигрировать в Америку.

Марксу и Энгельсу очень не хотелось лишаться своего верного товарища. Маркс тщетно напрягал ум, строя планы, как бы доставить Вейдемейеру место инженера, железнодорожного слу-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 230. — *Ред.*

жащего или что-нибудь в этом роде: «Ведь если ты окажешься по ту сторону океана, кто поручится, что ты не затеряешься где-нибудь на дальнем Западе? А у нас так мало сил, и мы должны очень бережно относиться к имеющимся у нас способным людям»[1]. Но уж если Вейдемейеру необходимо было уехать, то все же была и некоторая польза в том, чтобы иметь толкового представителя коммунистических интересов в столице Нового Света, «Нам как раз не хватает в Нью-Йорке такого солидного парня, как он, и, в конце концов, Нью-Йорк тоже не находится на том свете, а относительно Вейдемейера можно быть уверенным, что он в случае необходимости явится тотчас же»[2], — рассуждал Энгельс. Они поэтому дали свое благословение плану Вейдемейера. Он выехал 29 сентября из Гавра и после бурного плавания, длившегося около 40 дней, прибыл в Нью-Йорк.

Маркс уже 31 октября отправил Вейдемейеру письмо, в котором предлагал ему подвизаться на поприще книгопродавца-издателя и издавать в виде отдельных сочинений лучшее из того, что печаталось в «Neue Rheinische Zeitung» и в «Revue». Потом Маркс сразу загорелся воодушевлением, когда Вейдемейер, проклиная в письме торгашество, которое нигде не выступает в такой отвратительной наготе, как в Новом Свете, сообщил ему, что собирается с начала января издавать еженедельник под заглавием «Revolution» («Революция»), и просил по возможности скорее прислать ему статьи. Маркс поспешил впрячь в дело всех коммунистических писателей — прежде всего Энгельса, потом Фрейлигграта, стихи которого Вейдемейеру особенно хотелось получить, затем Экариуса и Веерта, а также обоих Вольфов. Он сделал Вейдемейеру упрек за то, что тот не назвал и Вильгельма Вольфа в объявлении о своем еженедельнике: «Ни один из нас не умеет писать так популярно, как он, — писал Маркс. — Он чрезвычайно скромен. Тем более следует избегать всего, что могло бы подать ему повод думать, что его сотрудничество считают излишним»[3]. Сам Маркс обещал прислать кроме обстоятельного разбора нового произведения Прудона статью «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», посвященную бонапартистскому путчу 2 декабря. В то время это было великим событием европейской политики, и вскоре оно создало тьму литературы.

Из всех книг особенно прославились две, и они принесли авторам богатое вознаграждение. Отличие их от своего произведения Маркс характеризовал впоследствии следующим образом: ««Наполеон малый» *Виктора Гюго*... ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государствен-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 111. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 231 — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 121. — *Ред.*

ного переворота. Самое событие изображается у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь насильственное деяние одного человека. Он не замечает, что возвеличивает этого человека, вместо того чтобы умалить его, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы. Прудон со своей стороны стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность посредственному и смешному персонажу сыграть роль героя»[1].

Произведение Маркса появилось в свет, точно Золушка в сравнении со своими более удачливыми сестрами. Но те книги уже давно покрылись пылью забвения, а книга Маркса сияет и по сегодняшний день в своей неувядаемой свежести.

В этом сверкающем умом и остроумием сочинении Маркс сумел с дотоле вряд ли кем-либо достигнутым мастерством проанализировать до самого основания современное ему событие в свете исторического материализма. Форма книги столь же поразительна, как и содержание. Приведем здесь хотя бы блестящее сравнение из самого начала: «Буржуазные революции, как, например, революция XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, затем, чтобы еще раз начать это сызнова, с жестокой основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли всосал свежие силы и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенною громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезывающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Здесь Родос, здесь прыгай!»[2].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 209. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 215. — *Ред.*

В заключении же мы читаем уверенные пророческие слова: «Если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны»[1].

И при каких обстоятельствах написана эта изумительная книга! Еще наименьшей из бед было то, что Вейдемейеру пришлось из-за недостатка средств «застопорить» дело уже после первого номера еженедельника. Вот что он писал об этом: «Безработица, которая с осени свирепствует здесь неслыханным образом, ставит большие препятствия на пути каждого нового предприятия, А затем еще здесь идет в последнее время эксплуатация рабочих самыми различными способами. Сначала появился Кинкель, затем Кошут, а большинство людей настолько глупо, что охотнее дает доллар на враждебную ему пропаганду, чем цент на защиту своих интересов. Американская почва действует на людей крайне развращающим образом, и вместе с тем они начинают воображать, что стоят значительно выше своих товарищей в Старом Свете». Вейдемейер, однако, не отчаивался, надеясь, что ему удастся воскресить свой еженедельник в виде ежемесячника; он полагал, что ему достаточно будет для этого каких-нибудь жалких 200 долларов.

Гораздо хуже было то, что сейчас же после первого января Маркс заболел и лишь с большим трудом мог работать: «Уже давно ничто, даже последний французский скандал, так не обессиливал меня, как этот проклятый геморрой»[2]. Но более всего ему отравляла существование постоянная нужда в «презренном металле». «Вот уже неделя, — писал он 27 февраля, — как я достиг того приятного пункта, когда из-за отсутствия унесенных в ломбард сюртуков я не выхожу больше из дому и из-за отсутствия кредита не могу больше есть мяса»[3]. Наконец, 25 марта он отправил последнюю часть рукописи Вейдемейеру вместе с поздравлением по случаю возвещенного ему Вейдемейером рождения маленького революционера: «Нет более замечательного времени, чтобы родиться на свет, чем нынешнее. К тому времени, когда путь из Лондона в Калькутту будет продолжаться семь дней, у нас обоих головы будут давным-давно снесены или будут трястись от старости. А Австралия, Калифорния и Тихий океан! Новые граждане мира не в состоянии будут понять, до какой степени мал был наш мир»[4]. Думая о широких перспективах развития человечества, Маркс сохранял бодрое душевное равновесие среди всех личных затруднений.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф, Энгельс,* Избранные произведения в двух томах» т. I, 1955, стр. 302. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 121. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 335. — *Ред.*
[4] См *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 147. — *Ред.*

Но ему предстояли еще очень печальные дни в ближайшем будущем. В письме от 30 марта Вейдемейер, по-видимому, сообщал, что нет никакой надежды напечатать присланную ему рукопись. Самое письмо не сохранилось, но отголосок его слышится в резком письме Вильгельма Вольфа от 16 апреля. Письмо написано было в тот день, когда хоронили ребенка Маркса, написано «среди неудач и несчастий со всех сторон и страшной нужды почти всех знакомых». Письмо полно горьких упреков Вейдемейеру, жизнь которого тоже не была усеяна розами и который делал все, что было в его силах.

Это были ужасные пасхальные дни для Маркса и его семьи. У них умерла родившаяся за год до того дочка, и в дневнике матери мы читаем берущие за душу слова: «На пасху того же 1852 года наша бедная маленькая Франциска заболела бронхитом в тяжелой форме. Три дня боролось бедное дитя со смертью, она так сильно страдала. Крохотное бездыханное тельце умершей покоилось в маленькой задней комнате. Мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли на полу, — трое живых детей лежали вместе с нами. Мы все плакали о маленьком ангеле, который, холодный и побледневший, покоился возле нас. Смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни... Я в смятении побежала к одному французскому эмигранту, который жил неподалеку и незадолго до этого посетил нас... Он тотчас же дал мне с самым дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, и ей было долго отказано в последней маленькой обители. Каково же было нам, когда мы провожали нашу девочку в последний путь!»[1]. И в этот черный день пришло злополучное письмо Вейдемейера. Маркс сильно тревожился за жену, которой в течение двух лет пришлось быть свидетельницей крушения всех его начинаний.

Но в эти несчастные часы через океан шло уже целую неделю другое письмо Вейдемейера. Оно было помечено 9 апреля и начиналось следующими словами: «Неожиданная помощь устранила, наконец, препятствия к напечатанию брошюры. После того как я отправил последнее письмо, я встретил одного из наших франкфуртских рабочих, портного, который тоже этим летом приехал сюда. Он тотчас же предоставил в мое распоряжение все свои сбережения — сорок долларов». Этому рабочему мы обязаны появлением в свет «Восемнадцатого брюмера». Вейдемейер даже не назвал его имени — но не все ли равно, как его звали. Им ру-

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 231. — *Ред.*

ководило классовое самосознание пролетариата, готового неустанно приносить жертвы для своего освобождения.

«Восемнадцатое брюмера» составило первый выпуск «Revolution» — того ежемесячника, который пытался издавать Вейдемейер. Второй и последний выпуск заключал в себе два поэтических послания Фрейлиграта к Вейдемейеру, и в них Фрейлиграт с ярким юмором обличал и вышучивал попрошайнические поездки Кинкеля по Америке. На этом издание и закончилось; несколько статей, посланных Энгельсом, затерялись при пересылке.

«Восемнадцатое брюмера» Вейдемейер издал в тысяче экземпляров, из которых приблизительно треть он отправил в Европу; но и это количество экземпляров не поступило в книжные магазины — партийные друзья распространили их в Англии и в особенности на Рейне. Даже «радикальные» книгопродавцы не соглашались распространять столь «несвоевременное» произведение. Точно так же трудно было сбыть английский перевод «Восемнадцатого брюмера», сделанный Пипером и проредактированный Энгельсом.

Трудность найти издателя увеличивалась для Маркса еще вследствие того, что непосредственно вслед за бонапартистским переворотом последовал кёльнский процесс коммунистов.

6
КЁЛЬНСКИЙ ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ

Со времени арестов, произведенных в мае 1851 г., Маркс с живейшим участием следил за ходом следствия; но оно останавливалось на каждом шагу «за недостатком объективных оснований для обвинения», как это было признано даже обвинительной камерой кёльнского апелляционного суда, и поэтому пока мало что приходилось предпринимать. Одиннадцати подсудимым ничего нельзя было поставить в вину, кроме участия в тайном обществе пропаганды, а за это по уголовному уложению не полагалось никакого наказания.

Но по желанию короля «драгоценному» Штиберу пришлось показать «образчик своего искусства» и разыграть перед прусской публикой давно желанное представление раскрытого и, главное, наказанного заговора, а Штибер был слишком хороший патриот, чтобы не исполнить желания своего повелителя и короля. Он достойным образом начал с кражи со взломом, приказав одному из своих агентов взломать письменный стол некоего Освальда Дица, секретаря в особом союзе Виллиха. Своим верным полицейским нюхом Штибер учуял, что головотяпские способы действия этого союза откроют для его возвышенной миссии такие шансы на успех, каких тщетно было ждать от «партии Маркса».

Ему действительно удалось с помощью выкраденных бумаг, при содействии всяческих провокаторов и путем разных полицейских художеств (причем ему деятельно помогала бонапартовская полиция накануне государственного переворота) сфабриковать так называемый «немецко-французский заговор в Париже». Это привело к тому, что парижский суд присяжных приговорил в феврале 1852 г. нескольких несчастных немецких рабочих к более или менее продолжительному тюремному заключению. Но при всем его искусстве Штиберу не удалось установить какую-нибудь связь этого дела с кёльнскими подсудимыми: никаких доказательств участия их в «немецко-французском заговоре» не было обнаружено.

Напротив, благодаря парижскому процессу резче обозначалась рознь между «партией Маркса» и «партией Виллиха — Шаппера». Весною и летом 1852 г. трения между ними усилились, особенно ввиду того, что Виллих был по-прежнему заодно с Кинкелем, а возвращение последнего из Америки вновь разожгло обычные эмигрантские ссоры. Кинкелю не удалось собрать 20000 талеров, которые должны были послужить основой для революционного национального займа. Он собрал лишь около половины этой суммы, и демократы-эмигранты не только ломали себе головы, но и расшибали их друг другу, обсуждая вопрос, как использовать эти деньги. Наконец, решено было вложить 1000 фунтов — остальное ушло на путевые издержки и иные расходы — в вестминстерский банк как фонд для первого временного правительства. Для этой цели деньги Кинкеля так никогда и не послужили, но пятнадцать лет спустя — и в этом примиряющий конец всей авантюры — эти деньги помогли немецкой социал-демократической печати справиться с некоторыми затруднениями на первых ее шагах.

В то время как еще бушевали распри из-за этого клада Нибелунгов, Маркс и Энгельс охарактеризовали героев борьбы в нескольких набросках, к сожалению, не сохранившихся для потомства. Сделали они это по предложению венгерского полковника Банди, который представился им в качестве директора полиции венгерской эмиграции, предъявив патент на это звание, изготовленный собственноручно Кошутом. В действительности Бандя был международный сыщик, с которого как раз в этом случае была сорвана маска: доверенную ему Марксом рукопись, которая предназначалась для одного берлинского издателя, он передал прусскому правительству! Маркс немедленно разоблачил этого афериста, послав в нью-йоркскую криминалистическую газету сообщение за своей подписью; но рукопись пропала и так и осталась неразысканной до сих пор. Если прусское правительство стремилось завладеть рукописью, чтобы извлечь из нее материал для кёльнского процесса, то это были «тщетные усилия любви».

Приходя в отчаяние от невозможности собрать обвинительный материал против подсудимых, правительство откладывало разбирательство дела с одной сессии на другую, и нетерпение почтеннейшей публики достигло наивысшего напряжения. Наконец, в октябре 1852 г. оно вынуждено было решиться поднять занавес и начать представление. Однако даже при помощи судорожных лжесвидетельств полицейских нельзя было доказать, что подсудимые имели какое-либо отношение к «немецко-французскому заговору»: заговор этот был подстроен полицейскими провокаторами, когда уже кёльнские подсудимые содержались под стражей; кроме того, он касался организации, с которой подсудимые находились в открытой вражде. Штибер поэтому придумал другой фортель и предъявил суду «подлинную книгу протоколов партии Маркса» с целым рядом записанных в ней протоколов заседаний, на которых Маркс и его сообщники обсуждали свои нечестивые планы мирового переворота. Книга эта была гнусной подделкой; ее грубо смастерили в Лондоне провокаторы Шарль Флери и Вильгельм Гирш под руководством лейтенанта полиции Грейфа. Следы подделки бросались в глаза уже во внешнем виде книги, не говоря о бессмысленном ее содержании. Но Штибер рассчитывал на буржуазное тупоумие тщательно подобранных присяжных и на строгий надзор за почтой, каковым надеялись предотвратить всякую присылку разъяснений из Лондона.

Весь этот подлый план разбился, однако, об энергию и осмотрительность, которыми Маркс сумел обезвредить его, как ни плохо он был вооружен для утомительной многонедельной борьбы. 8 сентября он писал Энгельсу: «Жена моя больна, Женичка больна, у Ленхен нечто вроде нервной горячки. Врача я не могу и не мог позвать, не имея денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем, и сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это...

Статью для Дана я не написал, так как не имел ни одного пенни на чтение газет...

Самое лучшее и желательное, что могло бы случиться, это — если бы домовладелица вышвырнула меня из квартиры. Тогда я расквитался бы, по крайней мере, на сумму в 22 фунта ст. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же еще булочник, молочник, чаеторговец, зеленщик, старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью? Наконец, в последние восемь-десять дней я занял несколько шиллингов и пенсов у каких-то обывателей; это мне неприятнее всего, но это было необходимо для того, чтобы не околеть»[1]. В таких отчаянных обстоятельствах ему пришлось вступить в борьбу с

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 404—405. — *Ред.*

превосходящими силами противника, и в этой борьбе и он и его стойкая жена забыли о домашних заботах.

Еще прежде чем выяснилось, на чьей стороне будет победа, жена Маркса писала одному американскому другу: «Доказательства того, что все это фальсифицировано, должны быть доставлены отсюда. Моему мужу приходится, таким образом, работать днем и ночью. А затем документы, переписанные в шести и даже восьми копиях, надо различными путями отправлять в Германию, через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа, так же как и письма отсюда в Кёльн, вскрываются и похищаются. Все это, вместе взятое, составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией и моим мужем, которому приписывают решительно все, всю революцию, и даже руководство процессом.

Простите меня за это бестолковое письмо, но я тоже принимаю участие в работе и переписывала столько, что пальцы онемели. Отсюда сумбурное письмо. От Веерта и Энгельса только что получены целые кипы купеческих адресов и мнимо коммерческих писем, чтобы без риска пересылать документы и пр. У нас теперь целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы могли существовать и приводить против старого официального мира доказательства неслыханнейшего скандала. А в добавление ко всему раздается пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего отца. Вот суматоха-то!»[1].

Маркс вышел победителем из этой борьбы: подлог был обнаружен еще до судебного разбирательства, и прокурору пришлось самому выбросить из числа доказательств «несчастную книгу». Но эта победа оказалась роковой для большей части подсудимых. Пятинедельное разбирательство обнаружило такое количество позорнейших деяний полиции, совершенных при помощи и участии высших государственных властей Пруссии, что полное оправдание всех обвиняемых заклеймило бы это государство перед всем светом. Для того чтобы спасти положение, присяжные произвели насилие над своей честью и совестью и осудили семерых из одиннадцати подсудимых за покушение на государственную измену: рабочий сигарной фабрики Рёзер, литератор Бюргерс, портняжный подмастерье Нотъюнг были приговорены к шести годам крепости, рабочий Рейф, химик Отто, бывший референдарий Беккер — к пяти годам и портняжный подмастерье Лесснер — к трем годам. Оправданы были приказчик Эрхардт и врачи Даниельс, Якоби и Клейн. Но один из оправданных пострадал больше всех: Даниельс умер несколько лет спустя от чахотки, которую он нажил в полуторагодичном одиночном заключении во время предварительного следствия. О смерти его глу-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 166—167. — *Ред.*

боко скорбел Маркс, которому жена Даниельса передала в потрясающем письме последние приветы своего мужа.

Остальные жертвы этого позорного процесса намного пережили его, и часть из них вернулась в буржуазное общество, как, например, Бюргере, который сделался депутатом рейхстага от прогрессивной партии, и Беккер, впоследствии обер-бургомистр Кёльна и член прусской верхней палаты. Он пользовался благоволением двора и правительства «за свое высокопатриотическое настроение». Из осужденных, которые остались верны своему знамени, Нотъюнг и Рёзер принимали еще участие в первых шагах возродившегося рабочего движения, а Лесснер на много лет пережил Маркса и Энгельса и принадлежал к числу их самых верных товарищей в изгнании.

После кёльнского процесса Союз коммунистов распался, и его участь вскоре разделил также особый союз Виллиха — Шаппера. Виллих переселился в Америку, где приобрел заслуженную славу в качестве генерала Северных штатов в войне за освобождение негров, а Шаппер, раскаявшись, вернулся к старым товарищам.

Маркс приступил затем к бичеванию морали той системы, которая одержала столь позорную победу перед кёльнским судом присяжных. Он написал «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» и хотел издать их в Швейцарии, а если окажется возможным, то и в Америке. 7 декабря он писал американским друзьям: «Вы лучше оцените юмор брошюры, если учтете, что, за отсутствием штанов и обуви, автор ее находится как бы под домашним арестом, а *семья его* каждую минуту рисковала и рискует очутиться в *полной нищете.* Процесс еще глубже затянул меня в нужду, так как в течение 5 недель, вместо того, чтобы зарабатывать на хлеб насущный, я должен был работать для партии, борясь с махинациями правительства. Кроме того, процесс окончательно оттолкнул от меня немецких издателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей Политической экономии»[1]. Но 11 декабря Шабелиц-сын, который взялся издать брошюру о кёльнском процессе, сообщил Марксу из Базеля, что он прочел уже первые корректурные листы: «Я убежден, — писал он, — что брошюра обратит на себя огромное внимание, так как она написана мастерски». Шабелиц хотел напечатать 2000 экземпляров и назначить цену в 10 зильбергрошей за экземпляр, принимая во внимание, что по крайней мере часть издания будет конфискована.

К сожалению, не часть, а все издание было конфисковано, когда его отправляли в глубь Германии из небольшого пограничного села в Бадене, где оно лежало в течение шести недель. 10 марта Маркс сообщил эту печальную весть Энгельсу и писал ему с горечью: «При таких обстоятельствах пропадает всякая

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 169. — *Ред.*

охота писать. Тоже, подумаешь, удовольствие работать все время «pour le roi de Prusse»[1]!»[2]. Совершенно неизвестно, как произошла беда. Сначала Маркс подозревал издателя, но, как скоро выяснилось, явно несправедливо. Шабелиц хотел распространить оставшиеся у него 500 экземпляров в Швейцарии, но из этого, по-видимому, вышло мало толку. Для Маркса же еще несколько времени спустя дело получило неприятный оборот и в материальном отношении: через три месяца, правда, не сам Шабелиц, а его компаньон Амбергер потребовал от автора брошюры сумму в 424 франка в возмещение расходов по печатанию.

Что не удалось в Швейцарии, увенчалось по крайней мере успехом в Америке; но, конечно, появление разоблачений Маркса там не могло особенно обеспокоить прусское правительство. Разоблачения появились в «New-England Zeitung» («Новоанглийской газете») в Бостоне, и Энгельс заказал за свой счет 440 отдельных оттисков, которые предполагалось распространить в Рейнской провинции с помощью Лассаля. Г-жа Маркс начала по этому предмету переписку с Лассалем, и он проявил большое усердие. Но по этой переписке нельзя установить, была ли достигнута намеченная цель или нет.

Более живой отзвук нашла брошюра Маркса в немецкой печати в Америке, где против нее стал орудовать Виллих. Это побудило Маркса написать небольшую брошюру против Виллиха, и она появилась в конце 1853 г. под заглавием «Рыцарь благородного сознания». Едва ли стоит воскрешать эту работу из забвения, которым она давно покрыта. Как всегда, в такой борьбе порою грешит и та и другая сторона, и Маркс, победив, охотно отказался праздновать торжество над побежденным. Уже в 1860 г. он сам утверждал относительно первых лет эмиграции, что лучшим способом ее защиты является сравнение ее истории с современной ей историей правительства и буржуазного общества. За исключением ее немногих отдельных членов эмиграции нельзя поставить в упрек ничего, кроме иллюзий, более или менее оправдываемых тогдашними условиями времени, да некоторых глупостей, по необходимости вытекавших из чрезвычайных обстоятельств, в которых внезапно для себя очутилась эмиграция.

И когда Маркс в 1875 г. подготовлял второе издание своих «Разоблачений», он с минуту колебался, не изъять ли из книжки главу о фракции Виллиха — Шаппера. Он все же оставил ее, но лишь потому, что по зрелому размышлению всякое искажение текста представилось ему подделкой исторического документа. Он только заметил: «Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с оте-

[1] — «для прусского короля». — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 466. — *Ред.*

чественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут дать себе отчета в ходе истории, они не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат; отсюда и промахи Шаппера и Виллиха. Виллих доказал в северо-американской гражданской войне, что он представляет собою нечто большее, чем фантазера, а Шаппер, всю жизнь бывший передовым борцом рабочего движения, понял и признал вскоре после окончания кёльнского процесса свое минутное заблуждение. Спустя много лет, лежа на смертном одре, за день до смерти он говорил мне с едкой иронией об этом времени «эмигрантского сумасбродства». — С другой стороны, обстоятельства, при которых были написаны «Разоблачения», объясняют резкость нападок против невольных пособников общего врага. В моменты кризиса опрометчивость становится преступлением против партии, требующим публичного искупления»[1]. Золотые слова, особенно в те дни, когда забота «о хорошем тоне» ставится выше соблюдения ясности принципов!

Когда борьба закончилась и победа была достигнута, Маркс менее всего был склонен к мелочному злопамятству. Он шел даже дальше навстречу своим противникам из эмиграции, чем был бы обязан, и написал в 1860 г. в ответ на резкие замечания Фрейлиграта о «сомнительных и дрянных элементах», проникших в Союз: «Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что время от времени кто-нибудь оказывается забрызганным грязью, это — несомненно». Он с полным правом прибавил, однако, далее: «Однако, если принять во внимание огромные усилия всего официального мира в борьбе против нас, официального мира, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прошел через всю уголовщину; если принять во внимание грязную клевету «демократии глупости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если известка история всех остальных партий того *же периода;* если, наконец, спросить себя, какие же факты... могут быть выдвинуты против всей партии, — то приходишь к заключению, что в этом XIX столетии наша партия выделяется своей *чистоплотностью*»[2].

С роспуском Союза коммунистов порвались последние нити, связывавшие Маркса с общественной жизнью Германии. Страна изгнания, «родина добрых», сделалась с тех пор для него второй родиной.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 201—202. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 323. — *Ред.*

Глава восьмая

ЭНГЕЛЬС — МАРКС

1
ГЕНИЙ И ОБЩЕСТВО

Если мы сказали, что Маркс обрел в Англии вторую родину, то в этом случае, конечно, не следует придавать понятию родины слишком широкое значение. Маркса никогда не преследовали в Англии за его революционную агитацию, которая в немалой степени была направлена против английского государства. Правительство «жадных и завистливых лавочников» обладало большей степенью самоуважения и самосознания, чем те континентальные правительства, которые в страхе перед своей нечистой совестью гоняются с полицейскими пиками и копьями за своими противниками даже в том случае, когда последние не выходят за пределы дискуссии и пропаганды.

Но в другом, более глубоком смысле этого слова у Маркса уже не было родины, с тех пор как он проник своим гениальным взглядом в нутро буржуазного общества. Судьба гения в этом обществе — очень обширная тема, при обсуждении которой высказывались различные мнения, начиная с филистерски-убогого, утешающего себя и других пророчеством о конечной победе гения, и кончая меланхоличными словами Фауста:

> Того, кто что-нибудь да знал
> И, сердцу в простоте душевной дав свободу,
> Свои воззрения и чувства нес народу,
> Враг на костре сжигал и распинал[1].

Исторический метод, разработанный Марксом, дает возможность глубже разобраться и в этом вопросе. Филистер предсказывает каждому гению конечную победу именно потому, что он — филистер. И если даже случается иногда, что гения не подвергают распятию или сожжению на костре, а признают, то лишь тогда, когда он в конечном счете сам мирится с собственным превращением в филистера. Без косички за плечами Гёте и Гегель никогда не стали бы гениями, признанными буржуазным обществом.

---

[1] См. *Гёте,* Фауст, ч. 1 («Ночь»), — *Ред.*

Буржуазное общество в этом отношении представляет собой лишь наиболее ясно отчеканенную форму всякого классового общества, и сколько бы заслуг за ним ни числилось, но гостеприимной родиной для гения это общество никогда не являлось. Оно и не может быть таковой: внутреннее существо гения в том и заключается, что оно вызывает к жизни творческий порыв стихийной человеческой силы, порыв, направленный против наследия традиций и на разрушение уз, в которых только и может существовать классовое общество. На воротах одинокого кладбища на острове Сильт, где хоронят неизвестные трупы, выброшенные морем на берег, стоит благочестивая надпись: «Крест на Голгофе — родина для лишившихся родины». Эти слова бессознательно, но удачно определяют удел гения в классовом обществе: бездомный в этом обществе, он находит свою родину только на кресте Голгофы.

Это, конечно, за исключением тех случаев, когда гений так или иначе примиряется с классовым обществом. Когда он поступал на службу к буржуазному обществу, чтобы низвергнуть общество феодальное, он как будто получал неизмеримую мощь. Однако эта мощь испарялась в тот момент, когда она оказывалась видимостью; но по крайней мере позволено было завершать свою жизнь на скалистом острове св. Елены. Иногда же гений наряжался в парадный сюртук мещанина, и тогда ему удавалось дойти до поста государственного министра великого герцогства Саксонского в Веймаре или прусского королевского профессора в Берлине. Но горе гению, если он в гордой независимости и недоступности противопоставляет себя буржуазному обществу, если он предсказывает и подготовляет его близкую гибель, раскрывая тайну этой гибели в самых глубоких истоках его бытия; горе ему, если он кует оружие, которое нанесет смертельный удар этому обществу. Для такого гения у буржуазного общества нет ничего, кроме мучений и пыток; они с виду, может быть, и не кажутся столь грубыми, но внутренне они еще более жестоки, чем мученический крест древности и костры средневековья.

Ни один из гениальных людей XIX века не испытал в большей степени такого удела, чем гениальнейший из всех — Карл Маркс. Уже в первое десятилетие его общественной деятельности ему приходилось бороться с повседневной нуждой, а с переселением в Лондон его встретило изгнание со всеми своими ужасами. Но поистине прометеевская участь постигла его тогда, когда, достигнув вершины путем неустанных усилий и в полном расцвете своих жизненных сил, он был на годы и десятилетия захвачен пошлой жизненной нуждой, удручающими заботами о насущном хлебе. До самой смерти ему не удалось обеспечить себе хоть сколько-нибудь сносное существование в буржуазном обществе.

При этом Маркс был весьма далек от того, что филистеры называют в пошлом, ходячем смысле «гениальным» образом жизни.

Его гигантской силе соответствовало и гигантское прилежание. Чрезмерная работа днем и ночью уже рано начала подтачивать его некогда железное здоровье. Потерю способности к труду Маркс считал смертным приговором для каждого человека, если он не животное по своей натуре; он говорил это с полной убежденностью. Когда ему пришлось несколько недель пролежать в тяжкой болезни, он писал Энгельсу: «За это время своей полной неработоспособности я прочел физиологию *Карпентера, Лорда* — то же, учение о тканях *Кёлликера,* анатомию мозговой и нервной системы *Шпурцгейма,* о клетках — *Шванна* и *Шлейдена*»[1]. И при всем своем неутомимо исследовательском духе Маркс всегда помнил слова, сказанные им в юности, что писатель не должен работать для того, чтобы зарабатывать, а должен зарабатывать для того, чтобы работать. Но Марксу всегда была знакома «повелительная необходимость работы для заработка».

Но все его усилия разбивались о злобу, ненависть или, в лучшем случае, страх враждебного ему мира. Даже те немецкие издатели, которые в других случаях разрешали себе жест независимости, пугались имени пресловутого «демагога». Все немецкие партии в одинаковой мере клеветали на него, и везде, где выступали чистые очертания его облика среди искусственно созданного тумана, гнусная интрига систематического замалчивания делала свое дело. Никогда величайший мыслитель не оставался так долго совершенно вне поля зрения своего народа, как это было с Марксом.

Единственной работой, которая могла бы создать более или менее твердую почву под ногами Маркса, было его сотрудничество в газете «New-York Daily Tribune», длившееся целых десять лет с 1851 г. Газета имела тогда 200000 подписчиков и была наиболее читаемой и наиболее богатой газетой Соединенных Штатов, а своей агитацией за американский фурьеризм она несколько возвышалась над пошлым выколачиванием денег чисто капиталистического предприятия. Сами по себе предполагаемые условия работы Маркса для газеты были довольно выгодны: он обязался писать по две статьи в неделю и должен был получать за каждую статью по 2 фунта стерлингов (40 марок). Это составило бы годовой доход около 4000 марок, а на такие деньги Маркс мог бы с грехом пополам существовать и в Лондоне. Фрейлигрaт, считавший себя вправе гордиться тем, что ему все же удается есть «бифштекс изгнания», выручал не более того в начале своей купеческой деятельности.

Речь шла, конечно, не о том, соответствовал ли хоть в какой-то мере гонорар, получаемый Марксом от американской газеты, литературным и научным достоинствам его статей: капиталистическое газетное предприятие считается только с рыночными ценами,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 193. — *Ред.*

и в буржуазном обществе оно имеет на это полное право. Большего Маркс и не требовал, но даже в буржуазном обществе он имел право рассчитывать на соблюдение уже заключенного контракта и, пожалуй, еще на некоторое уважение к своей работе. Этого, однако, он не встретил ни в «New-York Daily Tribune», ни у ее издателя. Дана хотя и был в теории фурьеристом, но на практике оказался прижимистым янки. Его социализм сводился к мерзкому мелкобуржуазному надувательству, как сказал Энгельс в минуту раздражения. Дана отлично знал, какого сотрудника он имеет в лице Маркса, немало хвастал им перед подписчиками и даже часто использовал письма Маркса, выдавая их за свою собственную редакционную работу, чем вызывал законное негодование их автора. Но это совершенно не мешало ему вести себя по отношению к Марксу с обычной бесцеремонностью капиталистического эксплуататора по отношению к эксплуатируемой им рабочей силе.

Дана не только переводил Маркса на половинный оклад тотчас же, как только дела газеты шли хуже, но вообще платил ему лишь за те статьи, которые были напечатаны, причем был не дурак бросать под стол все, что не подходило для его лавочки. Случалось, что в течение трех-шести недель подряд все посланные Марксом статьи попадали в корзину. Конечно, и те несколько немецких газет, в которых Маркс находил временное пристанище, как, например, «Presse» («Пресса»), поступали не лучше. Он был поэтому прав, когда говорил, что газетная работа хуже кормит его, чем любого начинающего стрококропателя.

Уже в 1853 г. Маркс мечтал о нескольких месяцах одиночества, необходимых для его научной работы: «Но, по-видимому, мне это не удастся. Постоянное газетное бумагомарание надоело мне. Оно отнимает у меня много времени, рассеивает внимание и ничего не дает. Как ни старайся быть независимым, все-таки оказываешься связанным газетой и ее публикой, особенно если, как я, получаешь деньги наличными. Чисто научная работа — совсем иное дело...»[1]. Совсем в другом тоне заговорил Маркс, проработав еще несколько лет под мягким скипетром Дана: «Право же противно, что приходится считать чуть не счастьем быть принятым в такую компанию. Толочь и молоть кости и варить из них суп, как делают нищие в работном доме, — вот к чему сводится там политическая работа, на которую осужден человек в такого рода предприятии»[2]. Не только скудностью средств к жизни, но и, в особенности, полной непрочностью своего существования Маркс всецело разделял участь современного пролетариата.

То, что раньше было известно только в общих чертах, обнаруживается в потрясающих подробностях в письмах Маркса к

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 195. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 176. — *Ред.*

Энгельсу: он пишет о том, как ему раз пришлось сидеть дома за неимением одежды и сапог; как в другой раз у него не было нескольких пенсов, чтобы купить писчей бумаги или чтобы прочесть газеты; как однажды он бегал по городу за почтовыми марками, чтобы послать рукопись издателю. Ко всему этому присоединялась вечная грызня с лавочниками, с которыми он не имел возможности своевременно расплачиваться за самое необходимое, не говоря уже о домохозяине, ежеминутно грозившем описать его вещи; завершением всего был в качестве постоянного прибежища ломбард. Ростовщические проценты ломбарда отнимали у Маркса последнее, что могло отпугнуть призрак нужды от порога его дома.

А нужда не только появлялась у порога, но часто сидела и за столом Маркса. Привыкшая с детства к жизни, свободной от всяких материальных забот, жена Маркса, благороднейшая женщина, иногда падала духом под ударами и стрелами яростной судьбы и не раз призывала смерть на себя и своих детей. В письмах Маркса слышатся отголоски домашних разногласий, и он порой думал, что женитьба — величайшая глупость для людей с идейными стремлениями, так как она связывает жизнь мелкими домашними заботами. Но даже в тех случаях, когда жалобы жены беспокоили его, он извинял и оправдывал ее: ей гораздо тяжелее, говорил он, выносить неописуемые унижения, муки и ужасы, чем ему, особенно потому, что для нее невозможно бегство в храм науки, спасавшее его. Но в одинаковой степени тяжело было обоим родителям видеть, как ограничены были невинные радости юных лет для их детей.

Такая судьба высокого духа печальна уже сама по себе; но она поднимается поистине на трагическую вершину, оттого что Маркс добровольно брал на себя свой мученический подвиг, длившийся целыми десятилетиями. Он отклонял всякий соблазн компромиссов, хотя имел полную возможность без какого бы то ни было урона для чести укрыться в гавани буржуазной профессии. Все, что нужно сказать об этом, Маркс сказал просто, без всяких высокопарных фраз: «Несмотря ни на какие препятствия, я буду идти к своей цели и не позволю буржуазному обществу превратить себя в машину для выделки денег»[1]. Этого Прометея приковали к скале не цепи Гефеста, а его собственная железная воля, которая с непогрешимостью магнитной стрелки указывала на высшие цели человечества. Все его существо было гибкой сталью. Самое поразительное то, что иногда в одном и том же письме Маркс, казалось бы, совершенно придавленный жесточайшей нуждой, вдруг с поразительной эластичностью ободрялся духом и решал труднейшие проблемы с душевным спокойствием мудреца, чье мыслящее чело не омрачено ни малейшими заботами.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 236. — *Ред.*

Все же Маркс очень больно ощущал удары со стороны буржуазного общества. Было бы нелепым стоицизмом спрашивать: какое значение имеют муки, выпавшие на долю Маркса, для гения, который получает свое право на признание впервые только у потомства? Насколько пошло литературное тщеславие, жаждущее видеть свое имя по возможности каждый день напечатанным в газете, настолько же всякой творческой силе необходим надлежащий простор для ее проявления, необходимо черпать энергию для новых творений из пробуждаемого ею отклика. Маркс — не ходульный болтун из плохой драмы или романа, он — жизнерадостный человек, каким был и Лессинг, и ему было не чуждо то настроение, в котором умирающий Лессинг писал своему старейшему другу молодости: «Вы, я полагаю, не считаете меня человеком, жаждущим похвал. Но та холодность, с которой свет показывает некоторым людям, что они ему ничем не могут угодить, если и не убивает, то во всяком случае действует леденящим душу образом». Такая же горечь звучит в словах Маркса, написанных накануне того дня, когда ему исполнилось пятьдесят лет: Полвека за плечами, и все еще бедняк! Он сказал однажды, что лучше бы ему лежать на сто саженей под землей, чем прозябать, как он прозябает. А в другой раз у него вырвался крик отчаяния, что он не пожелал бы и злейшему врагу попасть в такую трясину, в какой он завяз вот уже два месяца, испытывая при этом величайшую ярость от того, что от дрязг у него притупляется разум и подрывается работоспособность.

Маркс не сделался, конечно, «плаксой», как он в шутку иногда говорил о себе, и Энгельс имел основание утверждать, что друг его никогда не впадал в уныние. Но если Маркс любил называть себя суровой натурой, то еще более суровым он становился в горниле несчастья. Ясное небо, расстилавшееся над его юношескими работами, все более заволакивалось тяжелыми грозовыми тучами, мысли его сверкали из-за них подобно молниям, а суждения его о врагах, и часто даже о друзьях, приобретали резкость, оскорблявшую не только слабых духом.

Все же тот, кто ругает его за это холодным, как лед, демагогом, ошибается не меньше, — но, конечно, и не больше, — чем люди с унтер-офицерскими душами, которые видят в этом великом борце только сверкающую на плацпараде куклу в начальническом мундире.

2
СОЮЗ, НЕ ИМЕЮЩИЙ СЕБЕ ПОДОБНОГО

Однако победой в жизни Маркс обязан не только своей огромной силе. По всем человеческим расчетам он все-таки в конце концов был бы так или иначе побежден обстоятельствами, если бы

не обрел в лице Энгельса друга, о самоотверженной преданности которого можно составить себе ясное представление только теперь, после выхода в свет их переписки.

Другого примера подобной дружбы не знает история. Во все времена бывали прославленные историей дружбы. Были и в Германии друзья, жизнь которых так тесно сливалась в их общем деле, что у них нельзя отделить «мое» от «твоего». Но во всех таких случаях был налицо неразложимый остаток обособленной воли, обособленной мысли или по крайней мере скрытое нежелание отказаться от собственной личности — «высшего счастья детей земли», по выражению поэта. Лютер видел в конце концов в Меланхтоне только мягкосердечного ученого, а для Меланхтона Лютер был лишь грубый мужик. И нужно быть лишенным настоящего чутья, чтобы не подметить в переписке Шиллера и Гёте скрытой неприязни между великим тайным советником и маленьким надворным советником. Дружба, связывавшая Маркса и Энгельса, была свободна от малейшего следа человеческой скудости; чем более сплетались их мышление и творчество, тем более цельной личностью был каждый из них.

Они очень отличались друг от друга уже по внешности. Энгельс был светловолосый тевтон, высокий, с английскими манерами, как пишет о нем один наблюдатель, всегда тщательно одетый, вымуштрованный дисциплиной не только казармы, но и конторы. Он говорил, что ему легче организовать какую-нибудь отрасль управления с шестью приказчиками, чем с шестьюдесятью правительственными советниками, которые не умеют даже четко писать и так все перепутают в книгах, что потом сам черт в них не разберется. Но при всей респектабельности члена манчестерской биржи, среди занятий и развлечений английской буржуазии, травли лисиц и рождественских пиров Энгельс оставался идейным работником и борцом. В своем домике на далекой окраине города он скрывал свое сокровище — простую ирландскую девушку. С нею он отдыхал от надоедавших ему пошлых людей.

Маркс в противоположность ему был приземистый, коренастый человек. Сверкающие глаза и черная, как смоль, львиная грива выдавали его семитское происхождение. Он мало заботился о своей внешности. Измученный семейными заботами, Маркс жил вдали от общественных развлечений мировой столицы. Поглощавшая его умственная работа, продолжавшаяся до глубокой ночи, едва оставляла ему время наскоро пообедать и пожирала его физические силы. Маркс был неутомимый мыслитель, и мышление было для него высшим наслаждением; в этом отношении он истинный наследник Канта, Фихте и в особенности Гегеля. Маркс часто повторял слова Гегеля: «Даже преступная мысль злодея возвышеннее и значительнее, чем все чудеса неба». Однако в отличие от этих философов, мысль беспрерывно толкала Маркса к дей-

К. Маркс и Ф. Энгельс в Манчестере (60-е годы)
(Рис. художника Н. Н. Жукова)

ствию. Он был непрактичен в мелочах, но практичен в великих делах. Совершенно беспомощный в тех случаях, когда приходилось справляться с собственным маленьким хозяйством, Маркс с несравненным талантом умел вербовать армию и руководить армией, которая должна совершить переворот в мире.

Поскольку стиль — это человек, Маркс и Энгельс очень различны и как писатели. Каждый из них был в своем роде мастером стиля и обладал талантом к языкам: оба владели многими языками и даже диалектами. Энгельс превосходил Маркса в этом отношении, но когда он писал на своем родном языке даже письма, не говоря уже о сочинениях для печати, он был очень осмотрителен и не вплетал в ткань своей речи ни одной иноземной ниточки, не впадая, однако, в причуды тевтонствующего пуризма. Он писал легко и ясно, течение его речи было чисто и прозрачно до дна.

Маркс писал более небрежно и вместе с тем более тяжеловесно. В его юношеских письмах, как и в письмах молодого Гейне, сильно заметна еще борьба с языком, а в письмах зрелых лет, главным образом со времени переселения в Англию, он перемешивал немецкий с английским и французским языками. Да и в произведениях Маркса встречается больше иностранных слов, чем это неизбежно, а также немало английских и французских оборотов. Но вместе с тем он такой мастер немецкой речи, что при переводе на другой язык многое из тонкостей его стиля теряется. Когда Энгельс прочел главу из книги своего друга во французском переводе, над последней отделкой которого сам Маркс тщательно работал, он нашел, что вся сила и сочность, вся жизнь этой главы «пошли к черту». Гёте писал однажды г-же фон Штейн: «В области сравнений я могу поспорить с поговорками Санчо Панса». И точно так же Маркс в смысле поражающей образности языка мог бы поспорить с величайшими «мастерами сравнений» — Лессингом, Гёте, Гегелем. Он понял Лессинга, который говорил, что в совершенном изложении понятие и образ взаимосвязаны — как мужчина и женщина. За это на Маркса, как подобает, обрушивались университетские педанты, начиная с ветерана Вильгельма Рошера и до самого молодого приват-доцента, бросая ему поразительный упрек в том, что он излагает свои мысли якобы очень неопределенно, «сшивая их лоскутьями образов». Маркс исчерпывал трактуемые им вопросы лишь настолько, чтобы предоставить читателю простор для собственного плодотворного мышления. Речь его подобна игре волн над величественной глубиной моря.

Энгельс всегда признавал превосходство гения Маркса и считал себя лишь второй скрипкой в их общем деле. Все же он никогда не был только истолкователем и помощником Маркса; он — самостоятельный соратник Маркса, не подобный ему, но равный с ним по силе ума. О том, что Энгельс в начале их дружбы давал в одной существенной области знания больше, чем получал,

свидетельствует сам Маркс в письме к Энгельсу двадцать лет спустя: «Ты знаешь, — писал он, — что, во-первых, все у меня приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам»[1]. Энгельс благодаря легкости своего вооружения двигался гораздо быстрее; взгляд его был достаточно проницателен, чтобы сразу проникнуть в суть какого-нибудь вопроса или положения, но не настолько глубок, чтобы сразу же обозреть всякие «но» и «однако», которыми осложнены все важные решения. Этот недостаток составляет большое преимущество для людей действия, и Маркс не принимал никаких политических решений, не посоветовавшись с Энгельсом, который всегда умел попасть в точку.

Но по этой же причине в теоретических вопросах, с которыми Маркс тоже постоянно обращался к Энгельсу, советы Энгельса были менее плодотворны, чем в политике. Тут Маркс шел всегда впереди своего друга. В особенности он оставался глух к совету, на котором Энгельс часто настаивал, убеждая Маркса скорее закончить свой главный научный труд. «Будь хоть раз менее добросовестен по отношению к своей собственной работе, — советовал Энгельс, — для этой паршивой публики она все еще слишком хороша. Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет; слабые стороны, которые тебе бросаются в глаза, ослы и не заметят»[2]. В этих словах сказался подлинный Энгельс, как подлинный Маркс сказался в том, что он отверг совет друга.

Из всего этого ясно, что Энгельс был более, чем Маркс, вооружен для публицистической работы. «Он — настоящая энциклопедия, — писал про него Маркс одному общему другу. — Способен работать во всякий час дня и ночи, после еды или натощак, быстро пишет и сообразителен, как черт». По-видимому, они собирались после закрытия «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue» осенью 1850 г. начать новое общее предприятие в Лондоне. Вот что по крайней мере Маркс писал Энгельсу в декабре 1853 г.: «Если б мы, — ты да я, — в свое время основали в Лондоне *Английское* бюро корреспонденции, то ты не сидел бы в Манчестере, замученный конторой, а я — замученный долгами»[3]. Но если Энгельс предпочел место приказчика в отцовской фирме перспективам корреспондентского бюро в Лондоне, то это вызвано было тяжелым денежным положением Маркса и надеждой на лучшие времена: у Энгельса отнюдь не было намерения отдаться надолго «проклятой коммерции». Еще весной 1854 г. Энгельс подумывал о том, не вернуться ли ему в Лондон, к писательской работе, но это колебание было последним. С тех пор он принял решение прочно запрячься в ненавистное ярмо не только для того, чтобы помочь

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 193. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 480. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 534. — *Ред.*

другу, но и с тем, чтобы сохранить для партии ее лучшую умственную силу. Лишь во имя этого Энгельс и принес свою жертву, а Маркс ее принял. Для того чтобы предложить и для того чтобы принять такую жертву, нужен одинаково высокий дух.

Прежде чем Энгельс спустя много лет сделался участником фирмы, он был простым приказчиком в ней и тоже не очень-то благоденствовал. Но с первого же дня переселения в Манчестер он стал помогать Марксу и никогда не уставал делать это и впоследствии. Билеты в один, пять, десять, а потом и в сто фунтов стерлингов отправлялись в Лондон непрерывно. Энгельс никогда не терял терпения, хотя оно и подвергалось иногда тяжкому испытанию, более тяжкому, чем это было необходимо, вследствие весьма, по-видимому, слабых хозяйственных способностей Маркса и его жены. Энгельс едва покачал головой, когда Маркс однажды забыл сумму выданного на его имя векселя, а потом был неприятно поражен, когда наступил срок платежа. В другой раз, когда Энгельсу опять пришлось выручать их из хозяйственных затруднений, жена Маркса из ложной деликатности молчала об одной крупной сумме, надеясь постепенно покрыть ее из расходных денег, и вследствие этого, несмотря на все усилия со стороны Энгельса, снова началось старое бедствие. Энгельс предоставил своему другу в некотором смысле фарисейское удовольствие поговорить о «глупости женщин», «очевидно постоянно нуждающихся в опеке», а сам ограничился добродушной просьбой: постарайся только, чтобы этого впредь не случалось.

Энгельс не только отдал себя ради Маркса в кабалу повседневной работы в конторе и на бирже, но и приносил ему большей частью в жертву свой вечерний досуг до глубокой ночи. Вначале это нужно было для того, чтобы исправлять за Маркса корреспонденции в «New-York Daily Tribune» или же переводить их с немецкого, так как Маркс еще недостаточно хорошо владел английским, чтобы выступать с ним как писатель. Но и потом, когда первоначальная причина отпала, Энгельс все же продолжал свое негласное сотрудничество.

Но это еще ничто в сравнении с величайшей жертвой, которую принес Энгельс, отказавшись от научного творчества настолько, насколько это было возможно при его беспримерной работоспособности и большом даровании. Правильное представление о научных наклонностях Энгельса можно составить себе тоже лишь из переписки между Энгельсом и Марксом, причем для этого достаточно встречающихся в письмах указаний на занятия языками и военными науками. Энгельс питал к ним особый интерес отчасти по «старой склонности», отчасти же ввиду практических потребностей пролетарской освободительной борьбы. Как он ни ненавидел всякий дилетантизм — «это ерунда», говорил он с презрением, — и как ни основателен был его научный метод, все же он, как и Маркс,

не был кабинетным ученым. Каждое новое научное приобретение становилось для него вдвое ценнее, если оно могло содействовать освобождению пролетариата от своих цепей.

Так, он начал с изучения славянских языков по тому «соображению», что «по крайней мере один из нас» должен ввиду грядущей мировой драмы знать язык, историю, литературу, общественные учреждения тех народов, с которыми предстоят столкновения в самое ближайшее время. Осложнения на Востоке направили его внимание на восточные языки. Арабский с его четырьмя тысячами корней отпугнул его, но «персидский язык — прямо детская забава», пишет он, прибавляя, что одолеет его в три недели. Затем пришла очередь германских языков: «Я совсем увяз в Вульфиле, — пишет Энгельс, — надо же когда-нибудь покончить с проклятым готским языком, которым я до сих пор занимался лишь мимоходом. К своему удивлению, убеждаюсь, что знаю гораздо больше, чем думал; если получу еще одно руководство, то рассчитываю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древненорвежскому и англо-саксонскому, которыми я всегда тоже владел наполовину. До сих пор работаю без словаря и без всяких других пособий: имею под рукой только готский текст и Гримма, но старик действительно изумителен»[1]. Когда в 60-х годах возник шлезвиг-гольштейнский вопрос, Энгельс занялся «фризо-английско-ютландско-скандинавской филологией и археологией». В связи с воскресением ирландского вопроса он «подзанялся кельтско-ирландским» и так далее. Его обширное знание языков очень пригодилось ему в Генеральном Совете Интернационала. Правда, про него там говорили, что «Энгельс заикается на двадцати языках», так как он, когда волновался, слегка шепелявил.

Энгельса прозвали также «генералом» за то, что он еще более ревностно и основательно занимался военными науками. И здесь «старая склонность» питалась практическими потребностями революционной политики. Энгельс имел в виду «огромное значение, которое получат военные в ближайшем движении». Опыт с участием офицеров, сражавшихся в годы революции на стороне народа, оказался не особенно удачным. «Этот солдатский сброд, — говорил Энгельс, — проникнут отвратительным сословным духом. Они смертельно ненавидят друг друга, завидуют друг другу, как школьники, по поводу малейшего отличия, но все заодно по отношению к «штатским»». Энгельс добивался того, чтобы иметь возможность теоретически обсуждать эти вопросы, не попадая впросак.

Устроившись в Манчестере, Энгельс тотчас же принялся «зубрить военщину». Он начал с самых обычных и распространенных сведений — с того, «о чем спрашивают на экзаменах прапор-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 452. — *Ред.*

щиков и лейтенантов и что поэтому во всех книгах предполагается заранее известным»[1]. Он прошел учение о войске во всех технических подробностях: элементарный курс тактики, фортификация, начиная с Вобана до современной системы отдельных фортов, устройство понтонных мостов и полевых окопов, виды вооружения вплоть до разных систем устройства полевых лафетов, уход за ранеными в лазаретах и многое другое. Затем он перешел к всеобщей военной истории, причем особенно усердно изучал англичанина Непера, француза Жомини и немца Клаузевица.

Энгельс менее всего был склонен заниматься упражнениями в духе плоского либерализма против нравственного бессмыслия войны. Он, напротив, старался выяснить исторический смысл войны, чем неоднократно вызывал сильный гнев высокопарных демократов. Некогда Байрон изливал потоки бурного гнева на обоих полководцев, которые в битве под Ватерлоо были знаменосцами феодальной Европы и нанесли смертельный удар наследнику французской революции. По характерной случайности Энгельс в своих письмах к Марксу тоже набросал исторические портреты Блюхера и Веллингтона. Портреты эти при всей своей сжатости сделаны так ясно и точно, что и при современном состоянии военной науки едва ли требуют даже малейшей поправки.

И в третьей области знаний, очень занимавшей Энгельса, — в области естествознания, ему не суждено было довести до конца свои исследования в течение тех десятилетий, которые он провел в кабале купечества, чтобы предоставить простор для научной работы тому, кого он ставил выше себя.

Судьба Энгельса была, таким образом, тоже трагична. Но Энгельс никогда не сетовал на нее: он был так же чужд сентиментальности, как и его друг. Он всегда считал величайшим счастьем своей жизни то, что стоял сорок лет рядом с Марксом, хотя его и затмевала более мощная фигура друга. Он даже не испытывал запоздавшего удовлетворения, когда после смерти Маркса занимал в течение десятилетия первое место в международном рабочем движении и был в нем, бесспорно, первой скрипкой. Напротив, Энгельс считал, что ему придают большее значение, чем он заслуживает.

Оба друга целиком растворялись в общем деле; каждый приносил делу без всякого ропота или хвастовства не тождественную, ко одинаково большую жертву. Их дружба сделалась союзом, не имеющим себе подобного во всей истории.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 109. — *Ред.*

Глава девятая

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И КРИЗИС

1
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Когда в конце 1853 г. Маркс небольшим памфлетом против Виллиха закончил свою борьбу с «демократическим эмигрантским шарлатанством и игрой в революцию», начался с Крымской войны новый период европейской политики, сильно захватившей внимание Маркса в последующие годы.

Мысли Маркса по этому вопросу изложены преимущественно в его статьях в «New-York Daily Tribune». Хотя эта газета и стремилась низводить его на степень обыкновенного газетного корреспондента, все же Маркс с полным правом утверждал, что «лишь в виде исключения занимался собственно газетной корреспонденцией». Верный себе, он облагораживал и ремесленный газетный труд. Много работая над научной подготовкой статей, он придавал им непреходящую ценность.

Эти сокровища все еще большей частью хранятся под спудом, и потребуются известные усилия, чтобы извлечь их на свет. «New-York Daily Tribune» обращалась со статьями Маркса, так сказать, как с сырым материалом, по своему усмотрению: то бросала их в корзину, то печатала под собственным флагом; а часто, как говорил рассердившись Маркс, она печатала за его подписью только «дрянь». Ввиду этого теперь нельзя уже восстановить подлинные размеры того, что писал Маркс для американской газеты. И если даже это окажется возможным, то нужна будет еще тщательная проверка, чтобы установить в точности границы его работы.

Необходимое для этого подспорье появилось лишь сравнительно недавно, когда вышла в свет «Переписка» Энгельса и Маркса. Из нее, например, выясняется, что серия статей о немецкой революции и контрреволюции, автором которых издавна считали Маркса, написана была большей частью Энгельсом. Кроме того, выясняется, что Энгельс писал для «New-York Daily Tribune» статьи не только по военным вопросам, что было давно известно, но много работал в газете и в других областях. Кроме упомянутой

серии статей собраны еще его статьи из «New-York Daily Tribune» по восточному вопросу. Но этот сборник, как по тем материалам, что в него вошли, так и по тем, что не вошли, является еще более спорным, чем первый, в котором только неверно обозначено имя подлинного автора.

Такого рода критическая проверка — еще не самая трудная часть работы. Хотя Маркс и поднял ежедневный газетный труд на значительную высоту, он все же не мог поднять его выше его сущности. Даже величайшему гению не дано делать новые открытия или рождать новые мысли два раза в неделю — как раз к отходу парохода по вторникам и пятницам. В таких условиях почти всегда неизбежна, как сказал однажды Энгельс, «скоропалительность — приходится полагаться на память». Кроме того, газетная работа всегда зависит от текущих новостей и связанных с ними меняющихся настроений и непременно должна с этим считаться, чтобы не стать скучной и сухой. Что представляли бы собой четыре толстых тома «Переписки» Энгельса и Маркса, не будь в них сотни противоречий, в которых развивались великие основы их мышления и борьбы!

Руководящие линии их европейской политики, начиная с Крымской войны, совершенно ясны в настоящее время и без того огромного материала, который погребен на столбцах «New-York Daily Tribune» и ждет еще своего воскрешения. Эту политику Маркса и Энгельса можно в некотором смысле назвать поворотом. Авторы «Коммунистического манифеста», так же как впоследствии и «Neue Rheinische Zeitung», обращали свое главное внимание на Германию. Потом эта газета воодушевленно выступала за независимость поляков, итальянцев и венгров и, наконец, требовала войны с Россией, как с мощным резервом европейской контрреволюции. Затем газета Маркса свою борьбу все более и более заостряла на пропаганде мировой войны против Англии, считая, что только при условии такой войны социальная революция перейдет из царства утопии в царство действительности.

«Англо-русское рабство», тяготеющее над Европой, — вот исходный пункт европейской политики Маркса в эпоху Крымской войны. Он приветствовал эту войну, поскольку казалось, что она положит предел перевесу, достигнутому царизмом благодаря победе контрреволюции. Но это далеко не означает, что он одобрял способы, которыми западные державы боролись против России. Таково же было мнение Энгельса. Энгельс называл Крымскую войну единственной в своем роде колоссальной комедией ошибок, где ежеминутно приходится задаваться вопросом, кого же здесь, собственно, надувают. И Маркс и Энгельс считали эту войну, поскольку ее вела Франция и в особенности Англия, только показной, хотя она и стоила миллиона человеческих жизней и несчетных миллионов деньгами.

Так оно действительно и было, в том смысле, что ни лже-Бонапарт, ни лорд Пальмерстон, тогдашний английский министр иностранных дел, не намеревались сразить русского колосса в его жизненном нерве. Уверившись, что Австрия будет удерживать главные русские силы на западной границе, они перенесли войну в Крым, но споткнулись там о севастопольскую крепость, половину которой им «удалось» взять после целого года осады. Этими скудными лаврами им и пришлось удовольствоваться, и в конце концов победители «выпрашивали» у «побежденной» России позволения беспрепятственно увести свои войска домой.

Со стороны лже-Бонапарта было понятно, почему он не решился начать против царя борьбу не на жизнь, а на смерть; менее понятно это было со стороны Пальмерстона, которого континентальные правительства боялись как революционного «поджигателя», а континентальные либералы почитали как образец конституционно-либерального министра. Маркс разрешил загадку, тщательно изучив Синие книги и парламентские отчеты первой половины века и, сверх того, еще ряд дипломатических донесений, хранившихся в Британском музее. На основании их он доказал, что со времени Петра Великого и до самой Крымской войны существовала тайная согласованность действий между лондонским и петербургским кабинетами и что Пальмерстон — продажное орудие царской политики. Выводы, к которым пришел Маркс, оспаривались и оспариваются до сих пор, в особенности по отношению к Пальмерстону. Несомненно, что Маркс гораздо вернее, чем континентальные правительства и либералы, понимал беззастенчивую маклерскую политику Пальмерстона, ее половинчатость и противоречивость; но из этого не следует с неизбежной необходимостью, что Пальмерстон был подкуплен Россией. Однако гораздо важнее, чем вопрос, не слишком ли Маркс перегнул палку в данном случае, — самый факт, что с этого времени он постоянно проводил эту линию борьбы: он видел настоятельную задачу рабочего класса в том, чтобы вникать в тайны международной политики и противодействовать дипломатическим интригам правительств или, если противодействие окажется еще невозможным, разоблачать эти интриги.

Самым важным Маркс считал непримиримую борьбу против той варварской державы, главу которой он видел сидящей в Петербурге, а руки — действовавшими во всех европейских кабинетах. Он видел в царизме не только главный оплот европейской реакции, — причем самое его пассивное существование представляет постоянную угрозу и опасность, — он видел в нем и главного врага, тормозящего своим непрерывным вмешательством в дела Запада всякое нормальное развитие его и ставящего ему преграды с целью завоевать себе географические позиции, которые обеспечат ему господство над Европой и тем самым сделают невозмож-

ным освобождение европейского пролетариата. Решительное значение, которое Маркс стал придавать этому, влияло с тех пор в значительной степени и на его рабочую политику — гораздо более, чем в годы революции.

Этим он лишь продолжал ткать ту же нить, что и в «Neue Rheinische Zeitung». Однако те народы, которым он там так горячо сочувствовал в их борьбе за освобождение, отошли для него, как и для Энгельса, далеко на задний план. И Маркс и Энгельс, конечно, никогда не переставали стоять за независимость Польши, Венгрии и Италии, за право этих стран, защищая это право также и в интересах Германии и Европы. Но уже в 1851 г. Энгельс довольно сухо отвернулся от своих прежних любимцев: «Итальянцам, полякам и венграм я скажу достаточно ясно, что во всех современных вопросах им бы следовало молчать»[1]. Несколько месяцев спустя он сказал полякам, что они — никудышная нация, а как орудие годятся лишь до тех пор, пока Россия не будет сама втянута в революцию. Поляки, по его словам, никогда ничего Другого не делали в истории, кроме храбрых, драчливых глупостей. Даже по отношению к России они не совершили ничего, что имело бы историческое значение, в то время как Россия действительно прогрессивна по отношению к Востоку. Русское владычество при всей его низости и славянской грязи является носителем культуры на Черном и Каспийском морях и в Центральной Азии, для башкир и татар. Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности промышленного развития, чем барски-ленивая по своей натуре Польша[2]. Слова эти, конечно, сильно окрашены страстностью эмигрантских распрей. Впоследствии Энгельс говорил снова о поляках более мягко и в последние годы своей жизни признавал, что Польша по крайней мере два раза спасла европейскую цивилизацию: своим восстанием в 1792—1793 гг. и своей революцией 1830—1831 гг.

Сам же Маркс написал в альбом прославленному герою итальянской революции: «Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их просвещенными гражданами. Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для парящих в поднебесьи фраз его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 142. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 210, 211. — *Ред.*

системы аренды в свободную буржуазную собственность»[1]. А подвизавшемуся в Лондоне хвастливому Кошуту Маркс разъяснил в открытом письме своего друга Эрнеста Джонса, что европейские революции являются крестовым походом труда против капитала. Их нельзя низвести до социального и духовного уровня такого темного, полуварварского народа, как мадьяры, которые живут еще в полукультуре XVI века, а воображают, будто имеют право указать путь великому просветительному движению Германии и Франции; они лишь выманивают уважение к себе легковерной Англии.

Но дальше всего от традиций «Neue Rheinische Zeitung» Маркс ушел в своем отношении к Германии. Он не только перестал сосредоточивать на ней преимущественное внимание, но почти совсем изгнал ее со своего политического горизонта. Германия, правда, играла в то время чрезвычайно жалкую и темную роль в европейской политике и являлась как бы русской сатрапией, и это до некоторой степени объясняет отношение к ней Маркса, но самый факт, что он, как и Энгельс, уже несколько лет как утратил тесную связь с развитием немецкой жизни, был для Маркса в некотором смысле роковым. В особенности то презрение, которое они оба как уроженцы аннексированной Рейнской провинции всегда питали к прусскому государству, настолько возросло в дни Мантёйфеля — Вестфалена, что стояло в сильном несоответствии с остротой их взгляда на реальное положение вещей.

Очень показательным в этом смысле является тот исключительный случай, когда Маркс удостоил своим вниманием тогдашние события в Пруссии. Это произошло в конце 1856 г., когда Пруссия столкнулась с Швейцарией из-за нейнбургской торговли. Этот инцидент побудил Маркса, как он писал Энгельсу 2 декабря 1856 г., пополнить свои «в высшей степени недостаточные познания в прусской истории»[2]. Выводы же, к которым он пришел, Маркс определил словами, что мировая история никогда еще не создавала подобной дряни. То, что он в связи с этим изложил в самом письме и несколько дней спустя подробнее повторил в «People's Paper» («Народной газете»), органе чартистов, стоит далеко не на высоте свойственного обыкновенно Марксу исторического понимания. Оно, напротив, напоминает морализирующую манеру демократов, между тем как преодоление этого как раз является заслугой Маркса.

Такой твердый кусок, как прусское государство, становится, конечно, поперек горла каждому культурному человеку; но все же его не раскусишь одними только насмешками над «божественным правом Гогенцоллернов», над тремя постоянно возвращающимися

[1] Меринг ошибается. Маркс написал это в письме к Вейдемейеру 11 сентября 1851 г. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 112. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 165. — *Ред.*

«характерными масками» Пруссии — пиетистом, унтер-офицером и шутом, — над «нечистоплотной семейной хроникой» Пруссии, сравниваемой с «дьявольским эпосом» австрийской истории, и так далее в том же роде. Все это в лучшем случае объясняло ближайшие причины, но оставляло совершенно невыясненными причины более глубокие.

2
ДАВИД УРКАРТ, ГАРНИ И ДЖОНС

Одновременно с работой в «New-York Daily Tribune» и в том же духе, как там, Маркс писал также в уркартовских и чартистских изданиях.

Давид Уркарт был английским дипломатом, большая заслуга которого заключалась в том, что он был хорошо знаком с русскими планами мирового господства и неустанно боролся с ними, но заслуга эта умалялась его фанатической ненавистью к русским и столь же фанатическим восхищением турками. Маркса часто называли последователем Уркарта, но это совершенно несправедливо. Скорее следует сказать, что и он и Энгельс гораздо более критиковали нелепые крайности Уркарта, чем ценили его истинные заслуги. Вот что пишет Энгельс при первом же упоминании о нем в марте 1853 г.: «Сейчас у меня дома Уркарт, сумасшедший депутат, который считает Пальмерстона наемником России. Дело объясняется очень просто. Человек этот — шотландец кельтского происхождения, получивший саксонско-шотландское образование, По настроению он романтик, по своему образованию фритредер, Он поехал в Грецию в качестве филэллина, но, повоевав три года с турками, уехал в Турцию и стал поклонником этих самых турок. Он обожатель ислама и его лозунгом является: если б я не был кальвинистом, я мог бы быть только магометанином»[1]. В общем Энгельс находил книгу Уркарта, бесспорно, весьма забавной.

Точкой соприкосновения между Марксом и Уркартом была борьба против Пальмерстона. Одна статья Маркса против Пальмерстона, напечатанная в «New-York Daily Tribune» и перепечатанная в одной выходившей в Глазго газете, привлекла внимание Уркарта, и в феврале 1854 г. он встретился с Марксом, причем приветствовал его комплиментом, что статьи его таковы, будто они написаны турком. Когда Маркс ответил ему, что он «революционист», это очень разочаровало Уркарта, так как одной из его причуд было мнение, что европейские революционеры служат сознательным или бессознательным орудием царизма, который пользуется ими, чтобы создавать затруднения европейским правительствам. «Он — форменный маниак», — писал Маркс Энгельсу после

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 464. — *Ред.*

этой беседы, прибавляя, что, как он и заявил Уркарту, он ни в чем не согласен с ним, кроме взгляда на Пальмерстона. Но к этому взгляду, подчеркивал Маркс, он пришел не под влиянием Уркарта.

Эти конфиденциальные суждения не следует, однако, понимать дословно. Публично Маркс при всех своих критических оговорках неоднократно признавал заслуги Уркарта и не скрывал также, что Уркарт если и не убедил его, то во всяком случае навел на мысль о Пальмерстоне. Маркс поэтому не видел ничего предосудительного в том, чтобы давать статьи в журнал Уркарта, в лондонский «Free Press» («Свободную прессу»), и разрешил ему также распространить в виде брошюр несколько своих статей из «New-York Daily Tribune». Эти брошюры о Пальмерстоне выходили в изданиях от 15 до 30 тысяч экземпляров и производили большое впечатление. Но в остальном у Маркса было так же мало общего с шотландцем Уркартом, как и с янки Дана.

Прочные отношения между Марксом и Уркартом были немыслимы уже потому, что Маркс стоял за чартизм, а Уркарт ненавидел чартизм вдвойне — и как сторонник свободы торговли и как противник России. В каждом революционном движении ему мерещился звон рубля. Чартизм не мог более оправиться от тяжкого поражения, постигшего его 10 апреля 1848 г.[1]. Но пока остатки его пытались возродиться, Маркс и Энгельс мужественно и преданно поддерживали последних чартистов. Они безвозмездно сотрудничали в органах, издававшихся в 50-х годах Джорджем Джулианом Гарни и Эрнестом Джонсом. Гарни издавал быстро следовавшие один за другим: «Red Republican» («Красный республиканец»), «Friend of the People» («Друг народа») и «Democratic Review» («Демократическое обозрение»), а Джонс — «Notes to the People» («Заметки для народа») и «People's Paper», которая существовала дольше других изданий — до 1858 г.

Гарни и Джонс принадлежали к революционной фракции чартистов и были из всех чартистов наиболее свободны от всякой островной ограниченности. В международном обществе «Братских демократов» они считались главарями. Гарни был сын матроса и вырос в условиях пролетарского существования. Он самоучкой воспитал себя на французской революционной литературе, причем идеалом его был Марат. Он был на год старше Маркса, и, в то время когда Маркс издавал «Rheinische Zeitung», он уже состоял в редакции «Northern Star» («Северной звезды»), главного органа чартистов. Там к нему явился в 1843 г. Энгельс, «стройный молодой человек, с виду почти мальчик, уже тогда

[1] 10 апреля 1848 г. в Лондоне состоялась чартистская демонстрация в связи с подачей в парламент третьей петиции о всеобщем избирательном праве; демонстрация была разогнана с помощью полиции. — *Ред.*

говоривший поразительно хорошо по-английски». В 1847 г. Гарни познакомился и с Марксом и сделался его восторженным сторонником.

Гарни напечатал в своем «Red Republican» перевод «Коммунистического манифеста», сделав к нему примечание, в котором говорил, что это самый революционный документ, когда-либо дарованный миру; а в «Democratic Review» он поместил перевод статей «Neue Rheinische Zeitung» о французской революции, считая их «истинной критикой» французских событий. Во время эмигрантской борьбы он вернулся к своей «старой любви» и вступил в ожесточенную распрю с Джонсом, так же как с Марксом и Энгельсом. Вскоре после этого Гарни переселился на остров Джерси, а затем — в Соединенные Штаты, где Энгельс посетил его еще в 1888 г. Вслед за тем Гарни вернулся в Англию и умер в преклонном возрасте, оставшись последним свидетелем великой эпохи.

Эрнест Джонс происходил из старого нормандского рода, но родился и воспитывался в Германии. Отец его жил там в качестве адъютанта герцога кумберлендского, впоследствии ганноверского короля Эрнста Августа. Этот ультрареакционный развратник, которому английская пресса приписывала все преступления за исключением самоубийства, был крестным отцом маленького Эрнеста. Но ни это кумовство, ни придворные связи семьи Джонса не отразились на нем самом. Уже мальчиком он обнаружил безудержную жажду свободы и потом в зрелые годы устоял против всех попыток заковать его в золотые цепи. Джонсу было около двадцати лет, когда семья его вернулась в Англию, где он стал изучать юридические науки и был принят в адвокатуру. Но он пожертвовал всеми перспективами, которые открывались ему благодаря его блестящим способностям и аристократическим связям семьи, и посвятил себя всецело делу чартизма. Джонс служил ему с таким пылким рвением, что в 1848 г. был приговорен к двум годам тюремного заключения. В наказание за измену своему классу он был подвергнут в заключении общему уголовному режиму, но вышел из тюрьмы в 1850 г. совершенно неисправившимся. С тех пор, с лета 1850 г., Джонс был около двадцати лет близок с Марксом и Энгельсом. Кстати, по возрасту он занимал среднее место между ними.

Правда, и эта дружба не обошлась без размолвок — таких же, как с Фрейлигратом, с которым у Джонса была общность поэтического дарования, и как с Лассалем. О Лассале Маркс отзывался даже несравненно резче, но в том же духе, как о Джонсе, о котором он писал в 1855 г.: «Несмотря на всю энергию, выдержку и работоспособность, которых нельзя не признать за Джонсом, он все портит базарной крикливостью, бестактной погоней за различными поводами для агитации и беспокойным стремлением пере-

гнать время»[1]. И позднее между ними тоже происходили иногда резкие стычки, когда чартистская пропаганда неудержимо пошла на убыль и Джонс стал сближаться с буржуазным радикализмом. Но по существу они оставались искренними и подлинными друзьями. В конце жизни Джонс был адвокатом в Манчестере и умер внезапно в 1869 г. еще в расцвете зрелых лет. Энгельс спешно сообщил об этом в Лондон в краткой записке, которая заканчивалась словами: «Еще один из старой гвардии!». Маркс ответил на это: «Известие об Э. Джонсе, понятно, глубоко поразило весь наш дом, так как он был одним из немногих старых друзей»[2]. Энгельс сообщил затем, что Джонса при огромном стечении народа похоронили на том же кладбище, где уже покоился один из их верных друзей — Вильгельм Вольф. «Поистине жаль этого парня, — писал Энгельс. — Ведь его буржуазные фразы были лишь лицемерием... Он был среди политиков единственным *образованным* англичанином, стоявшим по существу вполне на нашей стороне»[3].

3
СЕМЬЯ И ДРУЗЬЯ

Маркс держался в те годы вдали от всяких политических связей и почти от всякого общества. Он всецело ушел в работу и отвлекался от книг только для того, чтобы проводить время среди своей семьи, которая в январе 1855 г. увеличилась еще — родилась дочь Элеонора.

Маркс, как и Энгельс, очень любил детей, и если он отрывался на час от неустанной работы, то лишь для того, чтобы поиграть со своими детьми. Они его обожали, хотя, или, быть может, именно потому, что он не проявлял по отношению к ним никакого родительского авторитета. Они обращались с ним, как с товарищем, и называли его «Мавром» за его черные волосы и смуглый цвет лица. Маркс часто говорил, что вообще «дети должны воспитывать родителей». Его дети прежде всего запретили ему работать по воскресеньям, считая, что по праздникам отец принадлежит только им одним. Воскресные загородные прогулки, отдых в простых ресторанчиках, куда они заходили выпить имбирного пива и закусить хлебом с сыром, были скудными солнечными лучами, выглядывавшими из-за тяжелых туч, которые постоянно висели над домом Маркса.

Самыми любимыми были прогулки на Хэмпстед-Хис — хэмпстедское поле, незастроенный в то время холм в северной

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 86. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 157. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 160. — *Ред.*

части Лондона, поросший деревьями и диким кустарником. Либкнехт в очень привлекательных красках описал эти экскурсии. Теперь Хэмпстед-Хис уже не то, чем был шестьдесят лет тому назад. Но из старого ресторана «Замок Джэка Стро», в котором Маркс часто сиживал за столиком, все еще открывается прелестный вид на холмы и долины, особенно живописные, когда по воскресеньям там собирается веселая толпа. С юга — гигантский город, громады домов, увенчанных куполом собора св. Павла и башнями Вестминстера; в смутной дали обрисовываются холмы Сэррея, на севере — густонаселенная, плодородная полоса, усеянная множеством деревень, а на западе — соседний Хайгетский холм, где Маркс покоится вечным сном.

Скромное семейное счастье Маркса вдруг омрачилось сразившим его громовым ударом: в страстную пятницу 1855 г. смерть отняла у него единственного сына, девятилетнего Эдгара, или «Муша», как его называли в семье. Мальчик обнаруживал ужа большие способности и был общим любимцем. «Это горестная, ужасная потеря, и у меня нет слов выразить, как я скорблю душой», — писал Фрейлигрaт на родину.

Страшное горе звучит в письмах Маркса к Энгельсу о болезни и смерти сына. 30 марта он писал: «Моя жена вот уже с неделю так больна от душевного потрясения, как никогда раньше. У меня самого сердце обливается кровью и голова горит, хотя, конечно, я должен крепиться. Ребенка, за все время болезни, ни на минуту не покидает его оригинальный, приветливый и в то же время самостоятельный характер»[1]. А 6 апреля он пишет: «Бедного Муша нет больше на свете. Он заснул (в буквальном смысле слова) у меня на руках сегодня между 5 и 6 часами. Я никогда не забуду, как твоя дружба облегчила нам это ужасное время. Как велика моя скорбь о ребенке, ты понимаешь»[2]. И затем в письме от 12 апреля: «Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душою. Нельзя выразить, как не хватает нам этого ребенка на каждом шагу. Я перенес уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее несчастье...

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем сможем сделать еще на свете что-либо разумное»[3].

Прошло еще много времени, прежде чем рана стала заживать. В ответ на сочувственное письмо Лассаля Маркс писал 28 июля: «Бэкон говорит, что у действительно выдающихся людей так много связей с природой и миром и так много объектов интереса,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 92. — *Ред.*
[2] Там же, стр 93. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 94. — *Ред.*

что они легко переносят всякую потерю. Я не принадлежу к числу этих выдающихся людей. Смерть моего ребенка потрясла меня до глубины души, и чувство потери еще так же живо во мне, как и в первый день. Моя бедная жена также совершенно убита»[1]. А Фрейлиграт писал Марксу 6 октября: «Мне бесконечно грустно, что ты не можешь забыть свою потерю. В этом тебе нельзя ничем помочь, ничего посоветовать. Я понимаю и уважаю твою скорбь, но постарайся преодолеть ее, а то она одолеет тебя. Этим успокоением ты не изменишь памяти своего сына».

Смерть маленького Эдгара была верхом несчастий, связанных с постоянными болезнями в семье Маркса в те годы. Весной заболел и сам Маркс, и с тех пор он никогда не мог полностью избавиться от болезней. Особенно много страданий ему причиняла болезнь печени, которую он, по его словам, унаследовал от отца. Но постоянные болезни в семье Маркса вызваны были и тем, что они жили в плохой квартире и в нездоровой части города. Летом 1854 г. там свирепствовала холера, и это приписывали рытью водосточных каналов, которые проходили через места, где были похоронены умершие от чумы в 1665 г. Врач настаивал, чтобы семья покинула «заклятое место у сквера Сохо», воздухом которого Маркс дышал беспрерывно в течение нескольких лет. Еще одно печальное событие в семье дало возможность переселиться в другое место. Летом 1856 г. жена Маркса поехала с тремя дочерьми в Трир еще раз увидеться со своей старой матерью. Но она приехала как раз, чтобы закрыть усталые глаза матери после одиннадцати дней страданий.

Наследство, оставшееся от матери, было очень невелико, но все же на долю жены Маркса пришлось несколько сот талеров, и, кроме того, вероятно, она еще получила маленькое наследство от шотландских родных. Это дало Марксам возможность переехать осенью 1856 г. в маленький домик неподалеку от их излюбленного Хэмпстед-Хиса (9 Графтен-террес, Мейтленд-парк-род, Хаверсток-Хилл). Они платили за домик *36* фунтов стерлингов в год. «Это поистине княжеская квартира по сравнению с прежними дырами, в которых нам приходилось жить, — писала жена Маркса одной своей приятельнице, — и, хотя все ее устройство обошлось немногим больше 40 фунтов стерлингов.., вначале я казалась себе прямо-таки величественной в нашей уютной гостиной. Все белье и другие остатки прежнего величия были выкуплены нами из ломбарда, и я с удовольствием вновь пересчитала камчатные салфетки еще старинного шотландского происхождения. Впрочем, великолепие длилось недолго: вскоре пришлось снова нести одну вещь за другой в «поп-хаус» (так дети называют таинственный дом с тремя

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 211. — *Ред.*

шарами[1]); все же мы успели порадоваться окружавшему нас житейскому уюту»[2]. Передышка была очень коротка.

Смерть собирала жатву и среди друзей Маркса: Даниельс умер осенью 1855 г., Веерт — в январе 1856 г. в Гаити, Конрад Шрамм — в начале 1858 г. на острове Джерси. Маркс и Энгельс энергично, но тщетно старались добиться, чтобы пресса посвятила им хотя бы краткие некрологи, и часто жаловались, что старая гвардия тает, а никакого притока свежих сил нет. Как бы им ни нравилась вначале их «общественная изоляция» и как бы ни тверда была у этих двух одиночек уверенность в победе, с которой они участвовали в европейской политике, точно они сами являлись одной из европейских держав, все же они были слишком страстными политиками, чтобы на длительное время не чувствовать отсутствия партии, ибо их немногие сторонники, как однажды сказал сам Маркс, не составляли еще партии. К тому же среди этих сторонников не было никого, кто дорос бы до высоты их мыслей, кроме одного, по отношению к которому они никогда не могли преодолеть полностью своего недоверия.

В Лондоне ежедневным гостем Маркса, в то время когда он жил на Динстрит, был Либкнехт. Он жил в мансарде и тяжело боролся с нуждой. В таком положении были и старые товарищи Маркса по Союзу коммунистов — Лесснер и столяр Лохнер, Эккариус и «раскаявшийся грешник» Шаппер. Другие рассеялись по разным городам: Дронке занимался торговлей в Ливерпуле, а затем в Глазго, Имандт получил кафедру в Денди, Шили сделался адвокатом в Париже, где к тесному кругу преданных друзей Маркса принадлежал и Рейнхардт, секретарь Гейне в последние годы жизни поэта.

Но и самые преданные его сторонники постепенно отходили от политической борьбы. Вильгельм Вольф, который довольно сносно жил в Манчестере, давая частные уроки, оставался таким же, каким был, — «честнейшей, энергичной плебейской натурой», как про него писала однажды жена Маркса. Только с годами у него умножились капризы холостяка, и «главные битвы» происходили у него с его хозяйкой из-за чая, сахара и угля. В идейном отношении он уже не мог много дать старым друзьям по изгнанию. И Фрейлигрaт оставался по-прежнему верным другом. Летом 1856 г. он получил лондонскую агентуру одного швейцарского банка и с этого времени еще шире пользовался открывшейся возможностью оказывать Марксу финансовую поддержку: он выплачивал ему авансом наличными гонорары «New-York Daily Tribune», которая вдобавок ко всему другому еще запаздывала с. присылкой денег. Фрейлигрaт оставался непоколебимым и

[1] Ломбард (у входа в английский ломбард висят три позолоченных шара). — *Ред.*
[2] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 249. — *Ред.*

в своих революционных убеждениях, но все более отдалялся от партийной борьбы. Хотя он и говорил с искренней убежденностью, что революционеру не подобает быть погребенным нигде, кроме как в изгнании, но все же он оставался немецким поэтом, и ему тяжело было жить изгнанником. Он видел, как тосковала по родине его жена, ему грустно было зажигать на чужбине елку для своих детей, и в этих условиях у него все более иссякал источник поэтического вдохновения. Он сильно страдал от этого и потому воспрянул душой, когда родина начала вновь вспоминать о своем знаменитом поэте.

Кроме оторванных смертью друзей был еще длинный ряд «живых мертвецов». Маркс встретился в Лондоне с некоторыми товарищами своей философской молодости: с Эдуардом Мейеном, таким же язвительным, как прежде, с Фаухером, секретарем Кобдена, утверждавшим, что он своей причастностью к фритредерству «творит историю», с Эдгаром Бауэром. Последний, наоборот, разыгрывал роль коммунистического агитатора, но Маркс называл его всегда клоуном. Бруно Бауэр тоже приехал в Лондон повидаться с братом; он пробыл там довольно долго, и Маркс несколько раз встречался со своим другом молодости. Но Бруно Бауэр восторгался первобытной мощью России, а в пролетариате видел только «чернь»; чтобы управлять ею, говорил он, нужны насилие и хитрость, а в крайнем случае рабочих всегда можно удовлетворить прибавкой в несколько грошей. При таких его взглядах не могло быть, конечно, и речи о каком-либо взаимопонимании между ним и Марксом. Маркс нашел его заметно постаревшим (он полысел и усвоил себе манеры педантичного профессора), но все же подробно писал Энгельсу о своих беседах с «занятным стариком».

«Живых мертвецов» было, однако, много и среди единомышленников более близкого прошлого Маркса, и число их возрастало с каждым годом. Отошли старые рейнские друзья — Георг Юнг, Генрих Бюргере, Герман Беккер и другие. Некоторые из них, как Беккер, а после него простодушный Микель, придумывали «научные» обоснования своего отхода. Они доказывали, что сначала буржуазия должна окончательно победить юнкерство, а потом уже может идти речь о победе пролетариата: «Пусть древесный червь подлых материальных интересов, — учил Беккер, — все глубже подтачивает прогнившие основы юнкерства; оно обратится в прах и при первом дуновении мирового духа история, минуя всю внешнюю облицовку, перейдет чрезвычайно просто к порядку дня». Недурная теория! Она и в настоящее время может соблазнить кое-каких лукавцев. Но когда Беккер сделался кёльнским обер-бургомистром, а Микель — прусским министром финансов, оба они настолько увлеклись «подлыми материальными интересами», что упирались ногами и руками против «первого

дуновения мирового духа» вместе с его «чрезвычайно простым порядком дня».

Довольно сомнительной заменой таких людей, как Беккер и Микель, был некий дюссельдорфский купец Густав Леви. Он явился к Марксу весной 1856 г. и предложил преподнести ему в виде подарка фабричное восстание в Изерлоне, Золингене и т. д. Маркс очень резко высказался против этой опасной, бесполезной и глупой затеи, Он передал через Леви рабочим, от лица которых Леви, по его словам, явился, чтобы они спустя некоторое время сиять прислали своего представителя в Лондон, но ничего не предпринимали без предварительного соглашения.

Не столь отрицательно, однако, отнесся Маркс к другому поручению, с которым Леви явился к нему тоже будто бы от дюссельдорфских рабочих: рабочие, по словам Левк, предостерегают Маркса от Лассаля, как от ненадежного кантониста, который, выиграв процесс графики Гацфельдт, постыдно подпал под ее власть, живет у нее на содержании и хочет поехать с нею в Берлин и окружить ее литераторами. Рабочих он бросит будто бы как ненужное ему больше орудие и перейдет к буржуазии и т. п. Можно с полным правом усомниться, что рейнские рабочие посылали такого рода наказ Марксу, ибо те же рабочие несколько лет спустя заверяли в торжественных адресах и горячих приветствиях, что дом Лассаля в Дюссельдорфе был «надежным убежищем самой бесстрашной и решительной партийной помощи» во времена белого террора 50-х годов. Более чем вероятно, что Леви сам все это выдумал; он был страшно зол на Лассаля за то, что тот согласился дать ему взаймы только 500 талеров вместо 2000, о которых просил Леви.

Если бы Маркс это знал, то, конечно, отнесся бы с величайшей осторожностью к словам Леви и к нему самому. Но и само по себе сообщение Леви должно было вызвать сильное недоверие. Маркс был хотя и не в частой, но все же в постоянной переписке с Лассалем. Он видел в нем как в политическом» так и в личном отношении надежного друга и товарища по партии. Маркс даже сам боролся с еще действительно существовавшим в дик Союза коммунистов недоверием рейнских рабочих к Лассалю, когда он впутался в историю процессов графини Гацфельдт. Еще за год до того, получив письмо от Лассаля из Парижа, Маркс очень сердечно ответил ему: «Меня поразило, конечно, — писал он, — что ты, находясь так близко от Лондона, не думаешь заглянуть сюда хотя бы на несколько дней. Я надеюсь, что ты еще передумаешь и учтешь, как короток и дешев путь из Парижа в Лондон. Если бы двери Франции не были герметически закрыты для меня, я нагрянул бы к тебе в Париж»[1].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 211. — *Ред.*

Поэтому трудно понять, отчего Маркс, сообщая Энгельсу пустую болтовню Леви в письме от 5 марта 1856 г., прибавил от себя: «Все это — только частности, которые я запомнил и кратко отметил. Но все, вместе взятое, произвело на меня и на Фрейлиграта совершенно *определенное* впечатление, несмотря на то, что я очень хорошо отношусь к Лассалю и с полным недоверием — к сплетням рабочих»[1]. Маркс сказал Леви, как он сообщает Энгельсу, что нельзя принимать какое-либо решение, выслушав только одну сторону, но что во всяком случае подозрительность полезна; пусть следят за Лассалем, избегая пока всякой огласки дела. Энгельс с этим согласился и сделал несколько замечаний, которые с его стороны не столь удивительны: он не так хорошо знал Лассаля, как Маркс. Жаль его, писал Энгельс, он очень талантливый человек, но все это слишком ужасно. Лассаль всегда был таков, что за ним нужно было чертовски следить; как настоящий еврей со славянской границы, он всегда готов под партийными предлогами использовать всякого для своих личных целей.

Маркс же оборвал переписку с человеком, который немного лет спустя с полным правом писал ему: «У тебя в Германии нет друга, кроме меня».

4

КРИЗИС 1857 г.

Отойдя осенью 1850 г. от открытой партийной борьбы, Маркс и Энгельс заявили: «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего»[2]. С этого времени они с каждым годом все нетерпеливее следили за признаками наступающего кризиса. Либкнехт рассказывает, что Маркс иногда пророчествовал на эту тему и потом друзья дразнили его, когда пророчества не сбывались. Когда же кризис действительно наступил, Маркс передал Вильгельму Вольфу через Энгельса, что он докажет, что нормальным образом кризис должен был разразиться на два года раньше.

Кризис начался в Соединенных Штатах, и уже предвестники его чувствительно отразились на Марксе: «New-York Daily Tribune» понизила его гонорар наполовину. Удар этот был тем более тяжел, что в новом доме Маркса уже водворилась старая нужда, или даже еще более безысходная, чем прежде. Перебиваться со дня на день, как на Динстрит, на новом месте нельзя было: впереди ничего не предвиделось, а расходы на семью увеличились. «Абсолютно не знаю, что делать, и положение мое, поистине,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 127. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 7, стр. 467. — *Ред.*

более отчаянное, чем было пять лет тому назад»[1], — писал Маркс Энгельсу 20 января 1857 г. Эта весть поразила Энгельса, как «гром среди ясного неба», и он поспешил помочь другу, упрекнув его только, что Маркс не написал ему на две недели раньше о своих затруднениях. Он как раз купил себе лошадь на деньги, присланные ему отцом в подарок на рождество: «Мне очень больно, — писал Энгельс, — что у меня тут лошадь, в то время как ты с семьей бедствуешь в Лондоне»[2]. Он поэтому очень обрадовался, когда несколько месяцев спустя Дана предложил Марксу сотрудничество в издаваемом им энциклопедическом словаре, между прочим и по военным вопросам. Энгельс писал, что это пришло «весьма кстати» и «доставляет ему бесконечное удовольствие», так как поможет Марксу выпутаться из вечных денежных затруднений. Пусть только Маркс берет на себя побольше статей, а потом постепенно он сможет организовать целое бюро.

Но из этого ничего не вышло, прежде всего из-за недостатка в людях. К тому же и условия работы оказались не такими блестящими, как предполагал Энгельс. Гонорар в конце концов был меньше пенни за строчку; и хотя относительно многих слов ничего не требовалось, кроме компилятивного заполнения строчек, но Энгельс был слишком добросовестный человек, чтобы писать о чем-либо спустя рукава. То, что просочилось в «Переписку» относительно этой словарной работы, совершенно не оправдывает позднейшего пренебрежительного суждения Энгельса о статьях, написанных отчасти им, отчасти Марксом: «Чисто ремесленная работа для денег и больше ничего; их можно спокойно предать забвению». Эта в общем побочная работа постепенно замирала, и, повидимому, постоянное сотрудничество Энгельса и Маркса в энциклопедии Дана не пошло дальше третьей буквы латинского алфавита — «С».

С самого начала работе сильно помешало то обстоятельство, что Энгельс летом 1857 г. заболел болезнью желез и вынужден был уехать к морю на довольно продолжительное время. Здоровье Маркса тоже пошатнулось. Болезнь печени проявилась у него в новом, настолько сильном припадке, что лишь с величайшим напряжением удавалось ему выполнять самые необходимые работы. В июле жена его разрешилась от бремени нежизнеспособным ребенком. Это произошло при ужасных обстоятельствах и так потрясло Маркса, что ему было мучительно вспоминать о пережитом. «Тебе, должно быть, очень круто пришлось, если ты так написал»[3], — ответил испуганный Энгельс; но Маркс отложил всякие объяснения до личной встречи, говоря, что писать об этом он не в силах.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 172. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 174. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 210. — *Ред.*

Все личные невзгоды были, однако, забыты, когда осенью кризис перебросился в Англию, а затем и на континент. «Хотя я и нахожусь в нищете, но с 1849 года я не чувствовал себя так хорошо, как при этом крахе»[1], — писал Маркс Энгельсу 13 ноября. Энгельс же был озабочен лишь тем, чтобы развитие кризиса не пошло сразу слишком быстрым темпом. «Было бы желательно, — писал он, — чтобы это «улучшение» в сторону хронического кризиса наступило раньше, чем последует второй и решающий главный удар. Необходимо хроническое давление в течение некоторого времени, чтобы подогреть народные массы. Тогда пролетариат будет биться лучше, с большим знанием дела и с большею согласованностью; это точно так же, как кавалерийская атака удается лучше, если лошадям дают сначала пробежать 500 шагов рысью, прежде чем подойти к врагу на расстояние, с которого их можно пустить в галоп. Мне не хотелось бы, чтобы что-либо произошло слишком рано, прежде чем не будет охвачена вся Европа, иначе борьба была бы труднее, скучнее и с большими колебаниями. Май и июнь — это, пожалуй, было бы еще рано. Вследствие долгого периода благополучия массы должны были стать чертовски сонливыми...

Со мною — то же, что и с тобою. С тех пор как в Нью-Йорке начался спекулятивный крах, я не мог найти себе покоя в Джерсее и чувствую себя превосходно при этом всеобщем крушении. За последние семь лет меня все же затянула немного буржуазная тина; теперь она смывается, и я снова становлюсь другим человеком. Кризис будет так же полезен моему организму, как морские купанья, я это и сейчас чувствую. В 1848 году мы говорили: теперь наступает наше время, и в некотором смысле оно действительно наступило; но на этот раз оно наступает окончательно, теперь речь идет о голове»[2].

О жизни или смерти, однако, дело еще не шло. Кризис имел свои революционные последствия, но другого рода, чем предполагали Маркс и Энгельс. Они, впрочем, не предавались ни на чем не основанным утопическим надеждам, а изо дня в день с величайшим вниманием следили за ходом кризиса, и Маркс писал 18 декабря: «Работаю я теперь колоссально, большею частью до 4 часов утра. Работа двоякая:

1. Выработка основных положений экономии. (Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей, а для меня, лично, освободиться, наконец, от этого кошмара.)

2. *Нынешний кризис.* О нем — кроме статей для «Трибуны» — я веду лишь регистрацию, но она отнимает много времени. Я рассчитываю, что к весне мы *совместно* напишем памфлет об этой

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 251. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 255. — *Ред.*

истории с целью *напомнить* снова о себе немецкой публике, о том — что мы опять тут, все те же самые»[1]. Из этого памфлета ничего не вышло, так как кризис не поднял массы на восстание; ко именно благодаря этому у Маркса остался досуг для выполнения теоретической части своего плана.

За десять дней до этого письма Маркса жена его писала умирающему Конраду Шрамму в Джерси: «Мы ощущаем американский кризис на своем кармане, так как теперь Карл пишет в «Tribune» только одну корреспонденцию в неделю вместо двух. «Tribune» отказала всем своим европейским корреспондентам, кроме Баярда Тейлора и Карла. Однако Вы можете себе представить, как, несмотря на это, Мавр доволен, К нему вернулась вся его прежняя работоспособность, свежесть и ясность духа, надломленная со времени нашего великого горя — потери любимого ребенка, о котором будет вечно скорбеть мое сердце. Карл работает весь день для добывания хлеба насущного, а ночью заканчивает свою «Экономию». Теперь, когда этот его труд отвечает настоятельной потребности, найдется же для него, надеюсь, какой-нибудь несчастный издатель». Издатель, благодаря стараниям Лассаля, действительно нашелся.

Лассаль написал Марксу в апреле 1857 г. в прежнем дружеском тоне, выражая только удивление, что Маркс так запустил переписку, о причинах чего он ни малейшим образом не догадывался. Энгельс советовал Марксу ответить на письмо Лассаля, но Маркс не ответил. В декабре того же года Лассаль снова написал, но по случайному поводу: двоюродный брат Лассаля, Макс Фридлендер, просил его предложить Марксу сотрудничество в «Presse». Фридлендер был одним из редакторов этой газеты. Маркс ответил отказом на предложение Фридлендера, говоря, что хотя настроение его и «антифранцузское», но оно вместе с тем и «антианглийское», и он менее всего расположен стоять за Пальмерстона. На жалобу Лассаля, что, как он ни чужд сентиментальности, ему все же было больно не получить ни слова в ответ на свое апрельское письмо, Маркс написал «кратко и холодно», что не ответил по причинам, которые неудобно разъяснять в письме. К этому он прибавил всего только несколько слов о себе, причем сообщил, что собирается выпустить в свет труд по политической экономии.

В январе 1858 г. в Лондоне был получен экземпляр лассалевского «Гераклита»[2]. Об отправке книги автор сообщал в декабрьском письме, причем писал, что берлинский ученый мир

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 212. — *Ред.*

[2] Имеется в виду книга Лассаля «Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln von Ephesos» («Философия Гераклита Темного из Эфеса»), опубликованная в 1858 г. — *Ред.*

очень восторженно отзывается о «Гераклите». Уже то, что за посылку пришлось доплатить два шиллинга, «обеспечило книге плохой прием». Но и к содержанию «Гераклита» Маркс отнесся довольно отрицательно. «Грандиозная выставка» учености не произвела на него впечатления. Он говорил, что легко нагромождать цитаты, когда имеешь для этого достаточно денег и времени и есть возможность получать на дом книги из боннской университетской библиотеки. Среди этой философской мишуры Лассаль, по словам Маркса, движется с грацией парня, впервые надевшего элегантный костюм. Такое суждение о подлинной учености Лассаля было несправедливо, но вполне объяснимо — книга Лассаля произвела на Маркса неприятное впечатление по той же причине, по которой, как он полагал, она нравилась профессорам: Маркса отталкивала старообразность духа в молодом человеке, который слыл великим революционером. Как известно, большая часть книги написана была за десять лет до ее появления в свет.

По «краткому и холодному» ответу на свою жалобу Лассаль все еще не догадался, что произошло что-то неладное. Слова Маркса о необходимости личного объяснения он понял — вполне, по-видимому, простодушно, а не умышленно, как подозревал Маркс, — в том смысле, что Маркс хочет сообщить ему нечто конфиденциальное. Он ответил в феврале 1858 г. совершенно просто, дал едкое изображение того головокружения, которое испытывала берлинская буржуазия, упоенная бракосочетанием прусского кронпринца с английской принцессой, и, кроме того, предложил найти издателя для труда Маркса по политической экономии. Маркс принял его предложение, и уже в конце марта Лассаль заключил для Маркса договор со своим собственным издателем, Францем Дункером, на еще более благоприятных условиях, чем рассчитывал автор. Маркс сам высказал желание, чтобы труд его выходил выпусками, и был готов отказаться от всякого гонорара за первые выпуски. Лассаль же обеспечил ему с самого начала три золотых за печатный лист, в то время как обычно профессора получали лишь по два золотых. Издатель только выговорил себе право прекратить издание на третьем выпуске в том случае, если оно не будет покрывать расходов.

Прошло, однако, более девяти месяцев, прежде чем Маркс подготовил к печати рукопись первого выпуска. Новые приступы болезни печени и домашние заботы мешали Марксу закончить работу. На рождество 1858 г. в доме Маркса было «более мрачно и безнадежно, чем когда-либо». 21 января 1859 г. «злосчастная рукопись» была закончена, но в доме не было «ни гроша», чтобы отправить ее издателю, застраховав посылку. «Вряд ли приходилось кому-нибудь писать о «деньгах» при таком отсутствии денег! Большинство авторов по этому вопросу

состояло в наилучших отношениях с объектом своих исследований»[1]. Так писал Маркс Энгельсу, прося его выслать необходимые деньги на отправку рукописи.

5
«К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

План большого труда по политической экономии, исследующего капиталистический способ производства до самых его основ, возник у Маркса лет за пятнадцать до того, как он приступил к практическому его осуществлению. Он обдумывал его еще в домартовские дни, и брошюра против Прудона была первой уплатой по этому обязательству Маркса перед собой. После участия в борьбе революционных лет Маркс тотчас же снова вернулся к задуманному труду и уже 2 апреля 1851 г. писал Энгельсу: «Я уже так далеко подвинулся, что недель через пять покончу со всей экономической дрянью. И, сделав это, буду дома разрабатывать экономию, а в музее возьмусь за другие науки. Это начинает мне надоедать. В сущности со времен Адама Смита и Давида Рикардо эта наука не продвинулась больше ни на шаг вперед, несмотря на достижения отдельных, подчас чрезвычайно тонких исследований»[2]. Энгельс очень обрадовался сообщению Маркса: «Я рад, что ты, наконец, покончил с экономией. Эта история действительно чересчур затянулась...». Но, как опытный человек, он прибавил: «Пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за писание»[3]. Энгельс считал, однако, что при всех других помехах «главная задержка» все же — в «собственной научной добросовестности» его друга.

Научные сомнения были, конечно, — Энгельс так их и понимал — не поверхностного свойства. О том, что побудило в 1851 г. Маркса не заканчивать еще работу, а начать ее вновь сначала, он сам говорит в предисловии к первому выпуску, перечисляя следующие причины задержки: «Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота...»[4].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 377. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Письма о «Капитале», 1948, стр. 33. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 187. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах» т. I, 1955, стр. 323—324. — *Ред.*

Он еще прибавил, что его уже почти восьмилетняя работа в «New-York Daily Tribune» повлекла за собой крайнюю разбросанность в его научных занятиях. На это, однако, можно возразить, что корреспондентская деятельность возвращала Маркса до известной степени к политической борьбе, которая стояла для него всегда на первом месте. Ведь именно виды на возрождение революционного рабочего движения и побудили Маркса засесть за работу, чтобы изложить, наконец, на бумаге то, что он, не переставая, обдумывал в течение всех этих лет.

Красноречивым свидетельством этого является переписка Маркса с Энгельсом. В ней идет непрерывное обсуждение экономических вопросов, разрастаясь до объема целых статей, тоже касающихся «больших тонкостей». Как при этом происходил обмен мнений между двумя друзьями, показывают некоторые отдельные места в письмах. Так, Энгельс пишет в одном письме о своей «обычной лености в области теории»[1]. Она ограничивается внутренним протестом его лучшего «я» и не вникает в суть вещей. А Маркс в другом случае восклицает со вздохом: «Если бы люди знали, до чего я мало сведущ во всем этом», рассказывая, как один фабрикант приветствовал его забавным предположением, что он, наверное, был прежде сам фабрикантом.

Если отбросить в обоих случаях — как это и следует сделать — юмористическое преувеличение, то остается фактом, что Энгельс точнее знал внутренний механизм капиталистического общества, а Маркс с большей силой и проницательностью вникал в сущность законов, управляющих его движением. Когда он изложил другу план первого выпуска, Энгельс ему ответил: «Это, действительно, очень абстрактная схема, да иначе и не могло быть при краткости изложения, и часто мне приходится с трудом искать диалектических переходов, так как я очень отвык от всякого отвлеченного мышления»[2]. Марксу же, с другой стороны, было до некоторой степени трудно разбираться в сведениях, полученных от Энгельса относительно исчисления фабрикантами и купцами той доли прибыли, которую они потребляют на себя, или об изнашивании машин, или об исчислении оборота авансированного оборотного капитала. Он жаловался на то, что в политической экономии практически важное и теоретически необходимое во многих случаях сильно расходятся.

О том, что Маркс приступил к окончательной обработке своего произведения только в 1857 и 1858 гг., свидетельствует также изменение плана книги уже в процессе работы. Еще в ап-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 134 — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 331. — *Ред.*

реле 1858 г. он предполагал рассматривать в первом выпуске «капитал вообще»; но хотя выпуск разросся вдвое или втрое сравнительно с предполагавшимся объемом, все же в нем еще нет ничего о капитале, а имеются только две главы о товаре и деньгах. Маркс видел в этом то преимущество, что критикам нельзя будет при таком распределении материала ограничиваться одной руганью по адресу автора за тенденциозность. Он только упустил из виду, что тем настоятельнее необходимым покажется критикам другой способ — пустить в ход весьма действенное оружие, т. е. замолчать книгу.

В предисловии Маркс сделал обзор своего научного развития, и нельзя не привести знаменитых фраз, определяющих сущность исторического материализма. «Мои исследования (гегелевской философии права)[1] привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии... Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко формулировать следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей

[1] Заключенные в скобки слова принадлежат Мерингу. — *Ред.*

громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и ведут свою борьбу до ее завершения. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а *в* смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория человеческого общества»[1].

В самой книге, которую он озаглавил «К критике политической экономии», Маркс сделал решительный шаг, переступив через буржуазную политическую экономию в том виде, в каком она была разработана, особенно Адамом Смитом и Давидом Рикардо. Ее высшим достижением было определение стоимости товаров рабочим временем. Но, рассматривая буржуазное производство как вечную естественную форму общественного производства, она считала создание стоимостей естественным свойством человеческого труда, как он дан в индивидуальном конкрет-

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 321—323. — *Ред.*

ном труде отдельного человека, и впадала поэтому в целый ряд противоречий, которые не в состоянии была разрешить. Маркс же, наоборот, видел в буржуазном производстве не вечную естественную форму, а лишь определенную историческую форму общественного производства, которой предшествовал целый ряд других форм. С этой точки зрения Маркс подверг основательной проверке способность труда создавать стоимость. Он исследовал, какой труд, почему и каким образом создает стоимость, почему стоимость есть не что иное, как застывший труд этого рода.

Таким путем он пришел к «решающему пункту», вокруг которого вращается понимание политической экономии, — к двойственному характеру труда в буржуазном обществе. Индивидуальный, конкретный труд создает потребительные стоимости, безразличный общественный труд создает меновые стоимости. Поскольку труд создает потребительные стоимости, он свойствен всем формам общества. В качестве целесообразной деятельности для присвоения продуктов природы в той или другой форме труд является естественным условием человеческого существования, условием обмена веществ между человеком и природой, независимым от каких бы то ни было социальных форм. Этот труд имеет своей предпосылкой вещество природы, и потому труд не является единственным источником им создаваемого, т. е. вещественного богатства. Как бы различно ни складывалось отношение между трудом и природным веществом в различных потребительных стоимостях, во всех случаях потребительная стоимость содержит в себе природный субстрат.

Иначе обстоит дело с меновой стоимостью. Она не содержит никакого природного вещества; единственным источником ее является труд, и поэтому труд есть источник богатства, состоящего из меновых стоимостей. В качестве меновой стоимости всякая потребительная стоимость равна любой другой такой же потребительной стоимости, конечно, если она имеется в правильной пропорции. «Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок ваксы в своих дворцах»[1]. При обмене товары, совершенно независимо от формы их вещественного существования и от тех потребностей, для удовлетворения которых они созданы, представляют собою, несмотря на их пеструю видимость, одно и то же единство: они есть результат однородного, безразличного труда, «которому так же безразлично, проявляется ли он в золоте, в железе, пшенице или шелке, как

[1] См. *К. Маркс,* К критике политической экономии, 1953, стр. 13. — *Ред.*

безразлично для кислорода, находится ли он в ржавчине железа, в атмосфере, в соку винограда или в крови человека»[1]. Различие потребительных стоимостей возникает из различия труда, производящего эти потребительные стоимости; труд же, создающий меновые стоимости, относится безразлично к особенностям материи потребительных стоимостей, так же как и к особенностям формы самого труда. Это — одинаковый, безразличный, абстрактно всеобщий труд, который различается уже не по виду, а только по размеру, в зависимости от тех различных количеств, в которых он овеществляется в меновых стоимостях различной величины. Единственным мерилом различных количеств абстрактно общего труда является время в его естественных подразделениях — час, день, неделя и т. д. Рабочее время является живым бытием труда, независимо от его формы, содержания и индивидуальности. Как меновые стоимости все товары представляют собою лишь определенное количество застывшего рабочего времени. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях, является вместе с тем и субстанцией, превращающей их в меновые стоимости и, следовательно, в товары; оно точно так же определяет известную величину их стоимости.

Двоякий характер труда есть общественная форма труда, свойственная товарному производству. При первобытном коммунизме, который имел место на пороге истории всех культурных народов, единичный труд был непосредственно частью общественного организма. В натуральных поставках и натуральных повинностях средневековья общественную связь составлял частный, а не общий труд. В сельски-патриархальной семье, когда для удовлетворения собственных потребностей семьи женщины пряли, а мужчины ткали, пряжа и холст были общественными продуктами, а прядение и тканье — общественным трудом в границах семьи. Семейная связь с ее естественным разделением труда накладывала своеобразную печать на продукт труда: пряжа и холст не обменивались одна на другой как равнозначащие и равностоящие выражения одного и того же общего рабочего времени. Только в товарном производстве частный труд становится общественным лишь вследствие того, что принимает форму своей непосредственной противоположности — форму отвлеченного общего труда.

Товар есть непосредственное единство потребительной и меновой стоимости, причем он является товаром лишь по отношению к другим товарам. Выражением истинного отношения товаров друг к другу служит процесс обмена. В этом процессе, в котором участвуют независимые друг от друга отдельные люди, каждый товар должен представлять собой одновременно и по-

[1] См. *К. Маркс,* К критике политической экономии, 1953, стр. 13. — *Ред.*

требительную и меновую стоимость, являться и частным трудом, служащим для удовлетворения частных потребностей, и общим трудом, который может быть обменен на одинаковое количество такого же общего труда. Процесс обмена товаров должен развить и разрешить противоречие, заключающееся в том, что индивидуальный труд, овеществленный в каком-либо отдельном товаре, имеет непосредственный характер общности.

В качестве меновой стоимости всякий отдельный товар становится мерой стоимости всех других товаров. Но, наоборот, всякий отдельный товар, в котором измеряют все другие товары свою стоимость, делается воплощением меновой стоимости. Благодаря этому меновая стоимость становится особенным, исключительным товаром, который, превращая в себя все другие товары, непосредственно овеществляет всеобщее рабочее время, воплощенное в деньгах. Таким образом, в единичном виде товара разрешается противоречие, которое заключает в себе товар как таковой и которое сводится к тому, что одна особенная потребительная стоимость становится всеобщим эквивалентом и благодаря этому — потребительной стоимостью для всякого, всеобщей потребительной стоимостью. Таким товаром являются деньги.

В деньгах кристаллизуется меновая стоимость товаров как особенный товар. Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена: в нем фактически уравниваются разнообразные продукты труда и таким образом фактически превращаются в товары. Денежный кристалл возник стихийно-историческим путем. Непосредственная меновая торговля, естественная форма процесса обмена, представляет собою скорее начинающееся превращение потребительных стоимостей в товары, чем превращение товаров в деньги. Чем больше развивается меновая стоимость и чем более потребительные стоимости становятся товарами, — следовательно, чем более меновая стоимость приобретает свободную форму и перестает быть непосредственно связанной с потребительной стоимостью, тем настоятельнее дело идет к возникновению денег. Сначала роль денег играет один или несколько товаров, представляющих наиболее общую потребительную стоимость: скот, зерно, рабы. Функцию денег исполняли поочередно весьма разные, в той или иной мере неподходящие товары. Если в конце концов эта функция перешла к благородным металлам, то это произошло по той причине, что благородные металлы обладают необходимыми физическими качествами особенного товара, в котором должно кристаллизоваться денежное бытие всех товаров, поскольку качества эти непосредственно вытекают из природы меновой стоимости: постоянством их потребительной стоимости, делимостью в любой степени, однородностью частей и одинаковостью всех образцов этого товара.

Из благородных металлов исключительным денежным товаром становится золото. Оно служит мерой стоимости и масштабом цен, оно служит средством обращения товаров. Через превращение товара (Salto mortale) в золото накопленный в товаре особенный труд оказывается отвлеченно-общим, общественным трудом. Если это перевоплощение не удается, то труд утрачивает свое существование не только как товар, но и как продукт, так как он является товаром лишь потому, что не представляет для своего владельца какой-либо потребительной стоимости.

Таким образом, Маркс доказал, как и почему в силу присущих товару свойств стоимости товар и товарообмен должны породить противоположность между товаром и деньгами. Он открыл, что деньги, кажущиеся предметом природы с определенными свойствами, на самом деле представляют собой общественное, производственное отношение. Путаные объяснения природы денег современными экономистами Маркс сумел объяснить тем, что они неуклюже считали вещью то, что на самом деле является общественным отношением. С другой стороны, перед ними выступало, дразня их, вещью то, что они только что определили как общественное отношение.

Обилие света, исходившего из этого критического исследования, сначала скорее ослепило всех, даже друзей автора, чем просветило их. Либкнехт говорил, что ни одно сочинение не разочаровывало его так, как это, а Микель нашел в нем «мало действительно нового». Лассаль сделал весьма изысканные комплименты по поводу художественности изложения, которое он без зависти ставил по форме выше своего «Гераклита»; но если эти «фразы» вызвали у Маркса подозрение, что Лассаль не понял «многое экономическое», то на этот раз он не ошибся. Лассаль тотчас же обнаружил, что не понял именно «исходного пункта» различия между трудом, результатом которого является потребительная стоимость, и трудом, выраженным в меновой стоимости.

Если таков был отклик молодых побегов, то чего было ждать от засохших ветвей? Хотя Энгельс и утверждал в 1885 г., что Маркс создал первую исчерпывающую теорию денег и что она была молча всеми принята, однако семь лет спустя в «Словаре общественных наук», образцовом труде буржуазных экономистов, появилась статья о деньгах, которая на пятидесяти столбцах разводила старую тарабарщину и, даже не упоминая о Марксе, заявляла, что загадка денег еще не разрешена.

Как деньгам и не быть неисповедимыми для мира, для которого они сделались богом?

Глава десятая

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ

1
ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Кризис 1857 г. не вылился в пролетарскую революцию, как надеялись Маркс и Энгельс. Но он все же имел революционные последствия, вылившиеся, однако, лишь в форму династических переворотов. Образовалось королевство Италия и затем германская империя; французская же империя бесследно сошла со сцены.

Эти перемены объясняются двояко: тем, что буржуазия никогда не сражается сама в своих революционных битвах, и тем, что со времени революции 1848 г. она потеряла вкус к проведению борьбы также и при помощи пролетариата. В этой революции, а именно в парижских июньских боях, рабочие отказались от своей стародавней роли пушечного мяса в интересах буржуазии и потребовали по крайней мере некоторой доли от плодов победы, которую они одержали своей кровью и своими костями.

Поэтому буржуазия уже в революционные годы напала на хитрую мысль таскать для себя каштаны из огня не при помощи пролетариата, который сделался недоверчив и ненадежен, а посредством другой силы. Так было в Германии и Италии, т. е. в тех странах, где предстояло еще создать сначала национальное государство, в котором, капиталистические производительные силы нуждались для своего беспрепятственного развития. Самым подходящим было вручить какому-нибудь областному государю власть над всей страной, если он за это обеспечит буржуазии свободное поле деятельности для ее эксплуататорских и захватнических стремлений. Правда, буржуазии пришлось при этом пустить в трубу свои политические идеалы и примириться с удовлетворением своих интересов одной лишь голой наживой, ибо, призывая на помощь правителей, она подчиняла себя их власти.

И буржуазия уже в революционные годы пыталась заигрывать с самыми реакционными из мелких государств. В Италии

таким было королевство Сардиния, то «военно-иезуитское» областное государство, где — так гласило проклятие немецкого поэта — «солдаты и попы высасывали мозг из костей народа». В Германии буржуазия заигрывала с королевством Пруссией, находившимся под тупым гнетом восточноэльбского юнкерства. Вначале эти происки не достигали цели ни в Италии, ни *в* Германии. Король Сардинии Карл Альберт хотя и провозгласил себя «мечом Италии», но был разбит в бою австрийской армией и умер изгнанником на чужбине, В Пруссии же Фридрих Вильгельм IV отверг германскую императорскую корону, преподнесенную ему немецкой буржуазией, как призрачный обруч из грязи и глины, и предпочел сделать гнусную попытку ограбления революции. Но и ему сильно досталось в Ольмюце, причем не столько от австрийского меча, сколько от австрийской плети[1].

Тот самый расцвет промышленности, вследствие которого революция 1848 г. исчерпала себя, теперь стал мощным средством укрепления буржуазии в Германии и Италии, и в связи с этим национальное единство становилось для нее все более настоятельной необходимостью. Когда затем кризис 1857 г. напомнил о неустойчивости всякого капиталистического благополучия, все пришло в движение. Началось с Италии, но это объясняется не тем, что капитализм был там более развит, чем в Германии. Наоборот, в Италии еще совершенно не существовало крупной промышленности, и потому противоположность интересов буржуазии и пролетариата еще не выразилась настолько резко, чтобы породить взаимное недоверие. Не менее веское значение имело и то, что раздробленность Италии основывалась на власти чужеземцев и свержение этой чужеземной власти являлось общей целью всех классов. Австрия господствовала непосредственно над Ломбардией и Венецианской областью, а косвенным образом и над Средней Италией, мелкие государи которой повиновались приказам венского двора. Борьба против этого чужеземного владычества длилась непрерывно уже с 20-х годов и приводила к жесточайшим репрессиям, что в свою очередь вызывало ожесточенную месть со стороны угнетаемых; итальянский кинжал выступал неизбежно ответом на австрийскую палку.

Но все эти покушения, мятежи и заговоры не могли преодолеть габсбургское могущество, об него же разбились и в революционные годы все итальянские восстания. Обет Италии, что она добьется самостоятельности собственными силами (Italia fara da se), оказался иллюзией. Италия нуждалась в иностран-

[1] Имеется в виду соглашение между Пруссией и Австрией, подписанное 29 ноября 1850 г. в г. Ольмюце. По этому соглашению Пруссия была вынуждена отказаться от одностороннего пересмотра порядков в Германии, установленных решениями Венского конгресса 1814/15 г., и тем самым признавала первенство Австрии в Германском союзе. — *Ред.*

ной помощи для того, чтобы освободиться от австрийского гнета, и она обратила свои взоры на родственную ей французскую нацию. Правда, расчленение Италии, как и Германии, составляло старый принцип французской политики; но авантюрист, занимавший в то время французский престол[1], был человеком, с которым можно было столковаться. Вторая империя превращалась в фарс, поскольку она оставалась в границах, определенных другими странами для французских владений после падения Первой империи. Франция нуждалась в завоеваниях, которые лже-Бонапарт не мог совершать методами подлинного Бонапарта. Ему пришлось поэтому довольствоваться тем, что он стянул у своего мнимого дядюшки так называемый «национальный принцип» и разыгрывал роль спасителя угнетенных народов, при условии оплаты его добрых услуг щедрой подачкой землей и людьми.

Но общее положение Бонапарта лишало его возможности предпринять что-либо крупное. Он не мог нести никакой европейской (не говоря уже о революционной) войны; в лучшем случае, с начальственного согласия Европы, он мог обрушиться на общего козла отпущения, каковым в начале 50-х годов была Россия, а в конце их — Австрия. Постыдное хозяйничанье Австрии в Италии выродилось в европейский скандал. Дом Габсбургов смертельно перессорился со старыми товарищами по Священному союзу — с Пруссией из-за Ольмюца, а с Россией из-за Крымской войны, — и Бонапарт твердо рассчитывал именно на русскую помощь при нападении на Австрию.

Кроме того, и внутреннее положение Франции толкало Бонапарта к тому, чтобы освежить свой престиж внешнеполитическим выступлением. Торговый кризис 1857 г. парализовал французскую промышленность, а вследствие мер, принятых правительством с целью не допустить острого развития кризиса, бедствие приняло затяжной характер, и застой французской торговли длился годами. Это вызывало мятежное настроение как у буржуазии, так и в пролетариате. Да и крестьянство, истинная опора государственного переворота, начало роптать. Сильное падение цен на зерно в 1857—1859 гг. вызвало жалобы крестьянства на то, что при столь низких ценах и при высоком обложении земледелие во Франции становится невозможным.

Пользуясь таким положением Бонапарта, за ним усердно ухаживал фактический руководитель Сардинии министр Кавур, который воспринял традиции Карла Альберта, но проявлял гораздо больше ловкости в осуществлении их. Однако стесненный беспомощностью дипломатических средств, он очень медленно двигался вперед, тем более что всякое быстрое решение

[1] Имеется в виду Наполеон III (Луи Бонапарт). — *Ред.*

тормозилось медлительно-нерешительным характером Бонапарта. В противоположность Кавуру итальянская партия действия[1] сумела весьма быстро растормошить этого «освободителя народов». 14 января 1858 г. Орсини и его сообщники по заговору бросили в Париже ручные гранаты в карету императора, и 76 осколков гранат изрешетили карету. Сидевшие в карете остались невредимыми, но, как свойственно таким людям, герой декабрьского путча за свой смертельный испуг отомстил установлением режима террора. Этим, однако, он только обнаружил, что власть его после семи лет господства все еще стоит на глиняных ногах, и письмо, которое Орсини прислал ему из тюрьмы, снова нагнало на него страх. Орсини писал ему: «Не забывайте, что спокойствие Европы и ваше собственное призрачны до тех пор, пока Италия не станет независимой»[2]. Второе письмо Орсини было, по-видимому, еще более вразумительным. В похождениях своей жизни авантюриста Бонапарт оказался однажды и среди итальянских заговорщиков и знал, что их месть не шутка.

Он пригласил поэтому Кавура летом 1858 г. в курорт Пломбьер и договорился с ним о войне против Австрии. Было условлено, что Сардиния получит Ломбардию и Венецианскую область и превратится, округлив свои владения, в королевство Верхней Италии, а за это уступит Франции Савойю и Ниццу. Это была дипломатическая сделка, в сущности имевшая мало общего с независимостью и свободой Италии. Относительно Средней и Южной Италии ничего не было решено, хотя как Наполеон, так и Кавур имели свои задние мысли. Бонапарт не мог изменить традициям французской политики в такой степени, чтобы содействовать созданию единой Италии. Он желал — уже ради сохранения папской власти — союза итальянских династий, которые обессиливали бы одна другую и тем самым обеспечили бы преобладание французского влияния. При этом он носился также с мыслью создать для своего кузена Жерома среднеитальянское королевство. Кавур же рассчитывал на национальное движение: с его помощью он надеялся подавить все династически-сепаратистские стремления, как только Верхняя Италия превратится в более сильную державу.

В день нового, 1859 г. Бонапарт раскрыл свои планы в обращении к австрийскому послу в Париже, а несколько дней спустя сардинский король заявил, что не может оставаться глухим к страдальческому крику Италии. Эта угроза была понята в Вене, и война быстро надвигалась, причем австрийское правительство по своей глупости оказалось в положении нападающей

[1] «Партия действия», основанная Мадзини в 1855 г., объединяла революционные буржуазно-демократические элементы в период борьбы за воссоединение Италии. Партия распалась в 70-е годы XIX в. — *Ред.*

[2] См. *«Le Moniteur Universel»* № 58, 27 fevrier 1858, p. 255. — *Ред.*

стороны. Наполовину обанкротившаяся, подвергаясь нападению со стороны Франции и угрозе со стороны России, Австрия очутилась в очень затруднительном положении, из которого ее не могло выручить довольно равнодушное поведение ее «друзей» — английскихториев. Австрийское правительство пыталось поэтому привлечь на свою сторону Германский союз. Последний по договору не был обязан выступать в защиту внегерманских владений союзного государства, но его надеялись приманить фразой о военно-политическом значении защиты Рейна на берегах По, т. е. о необходимости сохранения австрийского господства в Италии в целях национальных жизненных интересов Германии.

В Германии после кризиса 1857 г. и его последствий тоже началось национальное движение. Но это движение отличалось от итальянского не в свою пользу. Ему недоставало стимула борьбы против чужеземного господства, и, кроме того, с 1848 г. немецкую буржуазию одолевал бесконечный страх перед пролетариатом, который в то время, однако, еще не стал для нее очень опасным. Лишь июньские бои в Париже послужили ей хорошим уроком. Если до 1848 г. идеалом немецкой буржуазии был путь развития французской буржуазии, то после 1848 г. в качестве образца она избрала Англию, где буржуазия и пролетариат, казалось, жили в столь трогательном единении. Уже женитьба прусского наследника престола на английской принцессе вызвала у немецкой буржуазии припадок восхищения, а когда осенью 1858 г. заболевший душевным расстройством король вынужден был передать правление своему брату и тот составил весьма умеренное либеральное министерство, — сделав это отнюдь не из либеральных побуждений, — то буржуазия пришла в тот «бычачий коронационный восторг», который столь горько, и все же мало, высмеивал Лассаль. Этот почтенный класс отрекался от своих собственных героев 1848 г., чтобы не раздражать принца-регента[1]. Он не только не пытался идти вперед, когда министерство оставило в сущности все по-старому, но даже провозгласил пресловутый лозунг «только не торопиться» из страха, как бы гнев нового господина, не согнал, как тень со стены, «новую эру», существующую только по его милости.

С наступлением же военной непогоды волны в Германии стали вздыматься выше. Германскую буржуазию очень прельщала проводимая Кавуром тактика объединения Италии, так как буржуазия уже давно предназначала для Пруссии ту роль, которую взяла на себя Сардиния. Однако нападение наследственного врага, Франции, на первенствующую державу Германского союза пробудило опасения и воспоминания, заставлявшие

[1] Впоследствии король Пруссии и император Германии Вильгельм I. — *Ред.*

германскую буржуазию трусить. Уж не пойдет ли этот лже-Бонапарт по следам настоящего? Не вернутся ли дни Аустерлица и Иены, не загремят ли снова в Германии цепи чужеземного господства? Австрийские наемные перья неустанно рисовали воображению этот кошмар и набрасывали райскую картину некоей будущей «среднеевропейской великой державы», которая, при преимущественном влиянии Австрии, включит в себя Германский союз, Венгрию, славянско-румынские придунайские земли, Эльзас-Лотарингию, Голландию и еще невесть что. В противовес этой пропаганде и Бонапарт, конечно, выпустил своих чернильных поденщиков. Они клятвенно заверяли, что ничто так не чуждо незлобивой душе их содержателя, как притязания на берега Рейна, и что в своей войне с Австрией он преследует только самые возвышенные цели цивилизации.

Обыватель весьма смутно разбирался в этом хаосе мнений, но все же его постепенно стали больше прельщать габсбургские, нежели бонапартовские приманки. Они соответствовали запросам его квасного патриотизма, в то время как надо было быть слишком доверчивым, чтобы верить в цивилизаторское призвание героя декабрьского путча. Положение дел было, однако, настолько запутано, что настоящие и к тому же революционные политики, вполне сходившиеся между собой во всех принципиальных вопросах, не смогли прийти к единству относительно практической политики, которой Германии следовало держаться по отношению к итальянской войне.

2
СПОР С ЛАССАЛЕМ

По уговору с Марксом Энгельс выступил по этому вопросу сначала в своей брошюре «По и Рейн»[1], для которой Лассаль нашел ему издателя в лице Франца Дункера. Целью этого сочинения было полное опровержение габсбургского лозунга, гласившего, что Рейн нужно оборонять на берегах По. Энгельс доказывал, что Германия не нуждается ни в какой части Италии для своей защиты и что Франция — если считаться с чисто военными соображениями — имеет еще гораздо более сильные притязания на Рейн, чем Германия на По. Далее Энгельс указывает на то, что в военном отношении австрийское господство в Верхней Италии не принесет Германии никакой пользы, а политически оно для нее в высшей степени вредно, ибо неслыханные жестокости австрийцев, применение палки против итальянских патриотов навлекает на Германию ненависть и фанатическую вражду всей Италии.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XI, ч. II, стр. 1—50. — *Ред.*

Однако, утверждал Энгельс, вопрос о владении Ломбардией является вопросом взаимоотношений Италии с Германией, а не Луи Наполеона с Австрией. По отношению же ко всякому третьему лицу, каким является Бонапарт, который желает вмешаться лишь во имя своих, заведомо антигерманских, интересов, дело сводится лишь к простому удержанию провинции, от которой отказываются только по принуждению, дело сводится к удержанию военной позиции, которую оставляют лишь тогда, когда нет больше возможности удержать ее. Поэтому по отношению к бонапартовским угрозам габсбургский лозунг вполне обоснован. Если По — лишь предлог для Луи Наполеона, то его конечной целью со всяком случае является Рейн. Только завоевание рейнской границы может на длительное время упрочить во Франции господство автора декабрьского путча. Словом, как гласит пословица, — бьют по мешку, но имеют в виду осла. Если Италии приходится изображать мешок, то Германия на этот раз не имеет никакой охоты играть роль осла. Если в конечном итоге речь идет о владении левым берегом Рейна, то Германия ни в коем случае не может и думать о том, чтобы сдать По, т. е. одну из своих наиболее сильных, даже самую сильную позицию, не обнажив меча. Накануне войны, как и во время самой войны, овладевают каждой пригодной позицией, с которой можно угрожать и вредить врагу, — без всяких моральных рассуждений о том, совместимо ли это с вечной справедливостью и национальным принципом. Дело идет только о защите своей шкуры.

Маркс был вполне согласен с этими положениями Энгельса. Прочтя рукопись брошюры, он написал автору: «Удивительно умно; прекрасно обработана и политическая сторона вопроса, что было чертовски трудно. Брошюра будет иметь большой успех»[1]. Лассаль же, наоборот, заявил, что совершенно не понимает такого взгляда. Вскоре после того он напечатал, тоже в издательстве Франца Дункера, памфлет под заглавием «Итальянская война и задача Пруссии». Лассаль исходил из совершенно иных предпосылок и пришел поэтому к совершенно иным выводам. Маркс считал брошюру Лассаля «громадной ошибкой»[2].

Лассаль видел в германском национальном движении, возникшем под знаком угрожающей войны, только *«абсолютное французоедство* и французофобство (Наполеон — только предлог; действительная же скрытая причина это — революционное развитие Франции)»[3]. Немецко-французская народная война, в которой два великих культурных народа европейского материка будут

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 391. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 406. — *Ред.*
[3] См. Письма Ф. Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу, С.-Петербург 1903, стр. 182. — *Ред.*

раздирать друг друга ради национальных миражей, народная война против Франции, не вызванная никакими жизненными национальными интересами, а питающаяся болезненно раздраженным национальным чувством, навязчивым патриотизмом и ребяческим французоедством, — такая война была в глазах Лассаля величайшей опасностью для европейской культуры, для всех как национальных, так и революционных интересов. Она явилась бы, по его убеждению, величайшей после марта 1848 г., необозримой по своим последствиям победой реакционного принципа. Противодействие всеми силами такой войне Лассаль считал жизненной задачей демократии.

Он подробно останавливался на том, что итальянская война не представляет серьезной угрозы для Германии, и доказывал, что немецкая нация чрезвычайно заинтересована в успехе итальянского объединительного движения. Хорошее дело не становится плохим оттого, что за него берется дурной человек. Если Бонапарт итальянской войной хочет добиться на несколько грошей популярности, то нужно отказать ему в этих грошах и таким образом действия, на которые он решился ради личных целей, превратить в бесполезные для этих целей. Но нельзя бороться против того, что до сих пор представлялось желательным. На одной стороне — и плохой человек, и хорошее дело. На другой — плохое дело и... «ну да, а человек?». Лассаль напомнил об убийстве Блюма, об Ольмюце, Гольштейне, Бронцелле, обо всех тех преступлениях, в которых повинен был не бонапартовский, а габсбургский деспотизм по отношению к Германии. Немецкий народ нисколько не заинтересован в том, чтобы не допустить ослабления Австрии. Наоборот, полное поражение Австрии является первым условием для германского единства. В тот день, когда Италия и Венгрия сделаются самостоятельными, двенадцать миллионов австрийских немцев снова вернутся к немецкому народу; только тогда они почувствуют себя немцами, только тогда будет возможна единая Германия.

Из общего исторического положения Бонапарта Лассаль выводил заключение; что этому ограниченному, столь переоцененному во всей Европе человеку нечего и думать о завоеваниях даже в Италии, не говоря уже о Германии. Но если бы даже он и действительно тешился фантастическими завоевательными планами, есть ли у немцев причина столь непристойно предаваться страху? Лассаль высмеивал отважных патриотов, которые измеряют национальные силы масштабом Иены и лишь со страха становятся отчаянно смелыми; пугаясь в высшей степени невероятного нападения Франции, они толкают Германию к нападению на Францию. Совершенно очевидно, что Германия, если ей придется обороняться от нападения Франции, сможет развернуть и развернет совсем иные силы, чем в наступательной войне, которая к тому же

объединила бы французский народ вокруг Бонапарта и лишь укрепила бы его трон.

Войны против Франции Лассаль требовал лишь в том случае, если бы Бонапарт захотел удержать для себя захваченную у австрийцев добычу или воздвигнуть для своего кузена трон в Средней Италии. Если ни того, ни другого не случится, а прусское правительство будет все же втравливать немецкий народ в войну с Францией, то демократия должна этому воспротивиться. Но и одного нейтралитета недостаточно. Историческая задача Пруссии, которую она должна выполнить в интересах немецкой нации, заключается скорее в том, чтобы послать свои войска против Дании, заявив следующее: «Наполеон ревизует европейскую карту по принципу национальностей на юге. Прекрасно. Мы сделаем то же на севере. Освободит Наполеон Италию — прекрасно; мы возьмем Шлезвиг-Гольштейн»[1]. Если Пруссия будет по-прежнему медлить и ничего не делать, то это вновь и вновь докажет, что монархия в Германии не способна более ни на какое национальное дело.

За эту программу Лассаля прославляли чуть ли не как национального пророка, предсказавшего позднейшую политику Бисмарка. Но та династическая завоевательная война, которую Бисмарк вел в 1864 г. из-за Шлезвиг-Гольштейна, ничего общего не имела с революционной народной войной за Шлезвиг-Гольштейн, проповедовавшейся Лассалем в 1859 г. Она походила на нее не более, чем верблюд на лошадь. Лассаль прекрасно знал, что принц-регент не выполнит задачи, которую он ему ставил; уже поэтому он имел полное основание сделать предложение, соответствовавшее национальным интересам, даже если это *предложение* немедленно превратилось в *упрек,* направленный против правительства. Он имел полное право отвлечь возбужденные массы от ложного пути, указав им правильный путь.

Но кроме соображений, которые он изложил в своей брошюре, у Лассаля были еще «подпольные доводы», высказанные им в его письмах к Марксу и Энгельсу. Он знал, что принц-регент был готов выступить за Австрию в итальянской войне, и Лассаль даже ничего не имел против этого. Он надеялся, что война будет вестись плохо и на неизбежных перипетиях ее можно будет создать капитал для революции. Но возможность этого появится лишь в том случае, если национальное движение с самого начала воспримет эту войну принца-регента как войну династически-кабинетную, ни в каком отношении не диктуемую национальными интересами. Непопулярная война с Францией, по мнению Лассаля, была

[1] См. *Ф. Лассаль,* Итальянская война и задача Пруссии в книге: Лассаль. Под ред. В. В. Чуйко, 2-е дополненное изд., С.-Петербург 1889, стр. 248. — *Ред.*

бы «огромным счастьем» для революции. Популярная же война под династическим руководством повлекла бы за собой всевозможные контрреволюционные последствия, которые он предвидел и так красноречиво изложил в своей брошюре.

Лассалю поэтому была в большей или меньшей степени непонятна тактика, которую рекомендовал Энгельс в своем сочинении. Насколько блестяще Энгельс доказывал, что Германия не нуждается в По для утверждения своей военной позиции, настолько спорным представлялся его вывод, что в случае войны следует прежде всего удержать По и что поэтому германский народ обязан сказать поддержку Австрии против французского нападения. Ведь было совершенно ясно, что победоносное отражение Австрией бонапартовского нападения повлечет за собой только контрреволюционные последствия. Если Австрия победит, опираясь на свои верхне-итальянские владения и при поддержке Германского союза, то никто ей не помешает сохранить свое господство в Верхней Италии, столь резко осуждаемое самим же Энгельсом. Это укрепило бы гегемонию Габсбургов в Германии и гальванизировало бы жалкое хозяйничанье Союзного сейма. Даже в том случае, если бы Австрия низвергла французского узурпатора, она восстановила бы старый бурбонский режим, а от этого не оказались бы в выигрыше ни германские, ни французские, ни тем более революционные интересы.

Чтобы правильно понять взгляды Маркса и Энгельса, следует учитывать, что и у них, как у Лассаля, имелись свои «подпольные доводы» и у обоих по одной и той же причине, указанной Энгельсом в письме к Марксу. «Выступать политически и полемически в духе нашей партии непосредственно в самой Германии — совершенно невозможно»[1]. Однако «подпольные доводы» друзей в Лондоне не столь ясны для нас, как лассалевские, так как сохранились только письма Лассаля к ним, но не их письма к Лассалю[2]. Но основные их взгляды все же раскрываются при общем обозрении их тогдашней публицистической деятельности. Во второй брошюре, под заглавием «Савойя, Ницца и Рейн»[3], которую Энгельс издал год спустя, ополчившись против аннексии Савойи и Ниццы Бонапартом, он ясно изложил те предпосылки, из которых исходил в своей первой брошюре. Таких предпосылок было в основном две или в сущности три.

Прежде всего Маркс и Энгельс верили в подлинность национального движения в Германии. По их мнению, оно возникло

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 480. — *Ред.*

[2] В первом издании Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса опубликованы письма Маркса Лассалю по этому вопросу. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 240—242, 243—244, 246—247, 262— 265, 274—276. — *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 209—246. — *Ред.*

«естественно, инстинктивно, непосредственно»[1] и могло увлечь за собой сопротивлявшиеся правительства. Это немецкое национальное движение, как они думали, сначала относилось равнодушно к австрийскому чужеземному господству в Италии и итальянскому движению за независимость; народный инстинкт требовал борьбы против Луи Бонапарта, против традиций Первой французской империи, и был прав в своих требованиях.

Затем Маркс и Энгельс полагали, что франко-русский союз представляет серьезную угрозу для Германии. Маркс писал в «New-York Daily Tribune», что финансовое и внутреннее политическое положение Второй империи достигло критического пункта и только внешняя война может продлить господство бонапартовского путча во Франции, а вместе с ним и господство контрреволюции в Европе. Он опасался, что освобождение Италии является для Бонапарта только предлогом для того, чтобы держать Францию под своим ярмом, подчинить своему господству Италию, отодвинуть «естественные границы» Франции в сторону Германии, превратить Австрию в русское орудие и навязать народам войну за легитимную или нелегитимную контрреволюцию. Энгельс же, как он указывал на это во второй своей брошюре, в выступлении Германского союза на помощь Австрии усматривал решающий момент, когда на поле битвы выступит и Россия, чтобы завоевать для Франции левый берег Рейна и развязать себе руки в Турции.

Наконец, Маркс и Энгельс предполагали, что германские правительства и в особенности берлинские «сверхумники» оставят Австрию на произвол судьбы. Ведь они ликовали по поводу Базельского мира[2], который передавал левый берег Рейна Франции, и тайно потирали руки, когда австрийцы были разбиты при Ульме и Аустерлице. По мнению Маркса и Энгельса, национальное движение должно было толкнуть вперед германские правительства. Свои чаяния в связи с этим Энгельс высказал[3] в одной фразе, которую Лассаль дословно повторил в своем ответном письме: «Да здравствует война, если французы и русские одновременно нападут на нас, если мы окажемся перед лицом гибели, так как в таком отчаянном положении выдохнутся все партии, начиная от ныне господствующей и до Цица и Блюма, и народ в целях

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 210. — *Ред.*

[2] Имеется в виду сепаратный мирный договор между Францией и Пруссией, заключенный 5 апреля 1795 г. в Базеле; подписание этого договора Пруссией было продиктовано, в частности, ее стремлением обеспечить себе свободу рук для участия в третьем разделе Польши и для создания новой конфедерации германских княжеств в противовес Австрийской империи. — *Ред.*

[3] Меринг по-видимому имеет в виду письмо Энгельса Лассалю от 18 мая 1859 г. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 262. — *Ред.*

своего собственного спасения должен будет обратиться к самой энергичной партии». На это Лассаль заметил, что такое рассуждение вполне правильно и что он выбивается из сил в Берлине, стараясь доказать, что прусское правительство, вступив в войну, будет работать на руку революции — конечно, лишь при том условии, если народу будет ненавистна эта война правительства как контрреволюционная война Священного союза. Во всяком случае, если все произойдет так, как полагал Энгельс, то это в равной мере обречет на гибель и Германский союз и австрийское господство в Верхней Италии, и французскую империю, и только в этом смысле предложенная им тактика становится вполне понятной.

В результате всего этого получается, что между спорящими сторонами не было принципиального разногласия в мнениях, а имелись лишь «противоположные суждения о фактических предпосылках», как год спустя говорил Маркс. Они ни в чем не расходились между собой, ни по национальному вопросу, ни по вопросу о революции. Для всех них высшей целью являлось освобождение пролетариата, а неизбежной предпосылкой для достижения этой цели было образование больших национальных государств. Как немцы, они принимали ближе всего к сердцу объединение Германии, а необходимым условием этого считали устранение династического многодержавия. Поэтому, именно из-за их национального сознания, у них и не было никакого другого чувства к германским правительствам, кроме ненависти, и они желали их поражения. Им никогда даже и в голову не приходила такая пресловутая идея, что, в случае если между правительствами разгорится война, рабочий класс должен отказаться от всякой собственной политики и безотчетно передать свою судьбу в руки господствующих классов. Национальное сознание Маркса и Энгельса было слишком глубоким и подлинным, чтобы их могли обмануть династические лозунги.

Положение затруднялось лишь тем, что наследие революционных лет начало ликвидироваться в династических переворотах. Найти верное разграничение революционных и реакционных целей в этой смеси — было вопросом не принципов, а фактов. Практической проверки не было сделано ни в ту, ни в другую сторону, но именно то развитие событий, которое помешало ей, с достаточной ясностью показало, что Лассаль по существу правильнее оценил «фактические предпосылки», чем Энгельс и Маркс[1]. Последние в данном случае поплатились за то, что до известной степени потеряли из виду положение дел в Германии и в некоторой мере переоценивали, если не завоевательные поползновения, то во всяком случае завоевательные возможности царизма. Лассаль,

[1] См. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 11—14. — *Ред.*

быть может, впадал в преувеличение, сводя все национальное движение к старой песне о ненависти к французам, но то, что это движение было менее всего революционным, показал младенец, которым оно, наконец, разрешилось: выродок Германского национального союза.

Возможно, что Лассаль недооценивал также русскую опасность; в своей брошюре он лишь попутно затронул этот вопрос. Но что эта опасность была еще в далекой перспективе, обнаружилось, когда принц-регент Пруссии совершенно так, как предполагал Лассаль, мобилизовал прусскую армию и внес в Германский союз предложение о проведении мобилизации армии в средних и в малых государствах Германии. Достаточно было этой военной демонстрации, чтобы сразу настроить в пользу мира как героя декабря, так и царя. Под резким давлением одного русского генерал-адъютанта, который немедленно приехал во французскую главную квартиру, Бонапарт предложил мир побежденному австрийскому императору, наполовину отказавшись даже от своей официальной программы. Он удовольствовался Ломбардией, а Венеция осталась под габсбургским скипетром[1]. Бонапарт не мог вести европейской войны за собственный страх и риск, а Россия была парализована брожением в Польше, затруднениями в связи с раскрепощением крестьян и далеко еще не пришла в себя от подзатыльников Крымской войны.

С подписанием мира в Виллафранке закончился спор о революционной тактике по отношению к итальянской войне, но Лассаль еще не раз возвращался к этому вопросу в своих письмах к Марксу и Энгельсу. Он продолжал утверждать, что его взгляды были правильны и оправдались ходом последующих событий. Однако имея в виду отсутствие ответов от Маркса и Энгельса[2], а также то, что они не изложили своих взглядов, как предполагали это сделать в официальном манифесте по этому вопросу, мы лишены возможности взвесить доводы той и другой стороны. Лассаль имел право ссылаться на фактический ход итальянского объединительного движения, на низвержение среднеитальянских династий путем восстания их угнетенных «подданных», на завоевание Сицилии и Неаполя добровольческими отрядами Гарибальди и на то, что все это разбивало расчеты Бонапарта, хотя дело и кончилось тем, что савойская династия в конце концов сняла сливки с молока.

К сожалению, спор с Лассалем обострялся до некоторой степени тем непреодолимым недоверием, которое питал к нему

[1] Меринг имеет в виду условия сепаратного прелиминарного мира между Францией и Австрией, подписанного 11 июля 1859 г. в Виллафранке (Италия). В этом же году условия Виллафранкского мира были подтверждены мирным договором сторон в Цюрихе. — *Ред.*

[2] См. примечание на стр. 298 настоящего издания. — *Ред.*

Маркс. Нельзя сказать, что Маркс не желал заполучить его всего целиком. Он называл Лассаля «энергичным парнем», неспособным вступить в сделку с буржуазной партией. Он даже считал, что «Гераклит» Лассаля, хотя и неуклюже написанный, все же лучше всего того, чем могли бы похвастать демократы[1]. Но, несмотря на то, что Лассаль шел ему навстречу с открытой душой, Маркс все же всегда считал необходимым применять по отношению к Лассалю дипломатическое поведение и меры «мудрого руководства», чтобы держать Лассаля в строгости; и недоверие к нему вновь и вновь возникало у Маркса по всякому случайному поводу. Когда Фридлендер повторил Марксу через Лассаля свое предложение писать для «Presse», не поставив ему на этот раз никаких условий, а затем оставил этот вопрос без всякого движения, то Маркс стал подозревать, что дело расстроил Лассаль. Когда печатание политической экономии Маркса[2] затянулось с начала февраля до конца мая, то он видел в этом «происки» Лассаля и говорил, что никогда не простит их ему. Фактически проволочка была вызвана медлительностью самого издателя, который все же мог оправдаться тем, что ему нужно было в первую очередь напечатать брошюры Энгельса и Лассаля, написанные на злободневные темы.

3
НОВАЯ БОРЬБА С ЭМИГРАНТАМИ

Двойственный характер итальянской войны вызвал среди эмигрантов старые противоречия и новое смятение.

В то время как итальянские и французские эмигранты боролись против слияния итальянского освободительного движения с французским переворотом Бонапарта, значительная часть немецких эмигрантов была склонна повторять глупости, первое издание которых стоило им уже один раз десятилетнего изгнания. Они были при этом очень далеки от взглядов Лассаля; они бредили, наоборот, новой эрой милостью принца-регента и надеялись, что их тоже коснется хоть один луч ее; они лопались от «амнистийного бешенства», как острил Фрейлигрaт, и готовы были на любое патриотическое действие, если бы «его королевское высочество» пожелало сковать Германию воедино мечом, как возвестил уже Кинкель перед военным судом в Раштатте.

Кинкель и на сей раз снова сделался глашатаем этого направления и стал издавать с 1 января 1859 г. еженедельник под заглавием «Hermann» («Герман»). Уже это допотопное заглавие

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 388, 385. — *Ред.*
[2] Имеется в виду работа К. Маркса «К критике политической экономии». — *Ред.*

показывало, кто был его духовным отцом. В журнале, опять-таки по выражению Фрейлиграта, «стали трубить о тоске по родине», которая спешила окунуться в «либеральный унтер-офицерский обман». Но тем быстрее начал процветать еженедельник Кинкеля. Он сразу убил маленькую рабочую газету «Neue Zeit» («Новое время»), издававшуюся Эдгаром Бауэром по поручению Просветительного общества немецких рабочих. «Neue Zeit» существовала благодаря *тому,* что типография оказывала ей кредит; газета поэтому была обречена на гибель, когда Кинкель предложил типографии более прибыльный и солидный заказ на печатание «Hermann». Эта проделка, однако, не встретила единодушного сочувствия и среди буржуазных эмигрантов. Фритредер Фаухер образовал даже финансовый комитет, чтобы продолжать издание «Neue Zeit», что и было выполнено, причем газета только переменила свое название на «Volk» («Народ»). Редактирование принял на себя Элард Бискамп, кургессенский эмигрант. Он и раньше сотрудничал в «Neue Zeit» из провинции, а теперь отказался от места учителя, чтобы посвятить все свои силы возрожденной газете.

Вместе с Либхнехтом Бискамп обратился вскоре к Марксу с предложением сотрудничества. Маркс никаких связей с рабочим Просветительным обществом после разрыва в 1850 г. не поддерживал. Он был даже недоволен, когда Либкнехт лично для себя возобновил эту связь, хотя взгляд Либкнехта, что рабочая партия без рабочих представляет собой противоречие, по существу заключал в себе много верного. Однако вполне понятно, что Маркс не мог так скоро отделаться от всех дурных воспоминаний и «озадачил» делегацию, посланную к нему от общества, заявлением, что он и Энгельс сами себя назначили представителями пролетарской партии и это их положение скреплено той всеобщей и исключительной ненавистью, какую питают к ним все партии старого мира.

Сначала Маркс отнесся очень сдержанно и к предложению сотрудничать в «Volk». Хотя он также считал, что не следует предоставлять Кинкелю свободу действий, и выразил свое согласие на то, чтобы Либкнехт участвовал в редактировании газеты вместе с Бискампом, но сам он не желал сотрудничать ни в маленькой газетке, ни вообще в каком-либо партийном органе, не редактируемом им самим и Энгельсом. Он обещал, впрочем, оказать содействие распространению газеты, предоставлять ей для использования свои напечатанные в «Tribune»[1] статьи и давать устные сведения и указания по разным вопросам. Энгельсу же он написал, что считает «Volk» эмигрантским листком («Bummelblatchen»), какими в свое время были парижская газета «Vorwarts!» и

[1] Имеется в виду «New-York Daily Tribune». — *Ред.*

«Deutsche-Brusseler-Zeitung». Однако может наступить момент, когда для них будет весьма важно иметь в своем распоряжении лондонскую газету. Бискамп тем более заслуживает поддержки, писал он дальше, что работает в газете безвозмездно.

Но Маркс был слишком неукротимо боевой натурой, чтобы не выступить за «Bummelblatchen», когда он стал мешать происками Кинкеля. Он затратил много сил и времени на спасение газеты — не столько сотрудничеством в ней, которое, по словам Маркса, свелось к ряду небольших заметок, сколько борьбой за обеспечение таких материальных условий, при которых этот орган, выходивший на четырех страницах большого формата, мог бы по крайней мере перебиваться изо дня в день. Все, кто только мог внести свою лепту из числа немногих партийных друзей, и в первую очередь Энгельс, были привлечены к делу. Энгельс усердно помогал и своим пером; он написал в «Volk» военные статьи об итальянской войне и, в частности, поместил там ценную статью о только что вышедшем научном труде своего друга[1]; однако третья и последняя часть статьи не была там опубликована. В конце августа газета прекратила свое существование, и практическим результатом усилий Маркса было то, что владелец типографии, где она печаталась, некий Фиделио Холлингер, потребовал от Маркса оплаты непокрытых расходов по печатанию. Это требование было, конечно, совершенно необоснованно, но «так как кинкелевская шайка только и ждала истории, чтобы произвести публичный скандал, и к тому же весь персонал, вертевшийся вокруг газеты, был таков, что неудобно было выставлять его напоказ на суде»[2], то Марксу пришлось откупиться приблизительно пятью фунтами стерлингов.

Несравненно больших жертв и забот стоило Марксу другое наследство, также оставленное ему газетой «Volk». 1 апреля 1859 г. Карл Фогт разослал из Женевы лондонским эмигрантам, и в том числе Фрейлигграту, программу поведения германской демократии в итальянской войне. Он приглашал их сотрудничать в духе этой программы в новом швейцарском еженедельнике. Фогт был племянником братьев Фоллен, которые играли заметную роль в студенческом движении. Во Франкфуртском национальном собрании он вместе с Робертом Блюмом являлся лидером левых и в последние минуты умирающего парламента был даже назначен одним из пяти имперских регентов. Теперь он проживал в Женеве в качестве профессора теологии и вместе с Фази, лидером женевских радикалов, был депутатом от Женевы в швейцарском сословном совете. В Германии он поддерживал

[1] В газете «Volk» от 6 и 20 августа 1859 г. была напечатана рецензия Энгельса «Карл Маркс. «К критике политической экономии»». См. *К. Маркс,* К критике политической экономии, 1953, стр. 227—238. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 447. — *Ред.*

память о себе усердной агитацией в пользу ограниченного естественнонаучного материализма, который немедленно впадал в заблуждения, как только переходил в область истории. К тому же Фогт представлял этот материал «с мальчишеской шаловливостью», как метко выразился Руге, и любил дразнить филистеров циничными словечками. Но когда он дошел до фраз вроде следующей: «Мысли находятся в таком же отношении к мозгу, как желчь к печени или моча к почкам», то даже его ближайший единомышленник, Людвиг Бюхнер, восстал против подобных примеров просвещения народа.

Фрейлиграт просил Маркса высказать свое суждение о политической программе Фогта и получил лаконичный ответ: «Словоизвержение». Несколько подробнее Маркс писал о программе Фогта Энгельсу: «Германия отказывается от своих не-немецких владений. Не поддерживает Австрию. Французский деспотизм преходящ, австрийский — неизменен. Обоим деспотам предоставляется истекать кровью. (Заметно даже некоторое предпочтение Бонапарту.) Германия — вооруженный нейтралитет. О революционном движении в Германии, как Фогт «знает из самого лучшего источника», при нашей жизни нечего и думать. Следовательно, лишь только Австрия будет уничтожена Бонапартом, в отечестве само собою начнется имперско-регентское умеренное либерально-национальное развитие, и Фогт, пожалуй, будет еще прусским придворным шутом»[1]. Подозрение, которое чувствуется уже в этих строках Маркса, превратилось у него в уверенность, когда Фогт издал — правда, не задуманный им еженедельник, а лишь «Очерки современного положения Европы». Духовная связь этой книги с бонапартовскими лозунгами была уже несомненна.

Кроме Фрейлиграта Фогт обратился также к Карлу Блинду, баденскому эмигранту, который был в дружбе с Марксом с революционных лет и напечатал статью в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue», но не принадлежал к ближайшим единомышленникам Маркса. Блинд был скорее одним из тех «серьезных» республиканцев, для которых «баденский кантон» все еще являлся пупом земли. Особенно Энгельс любил подшучивать над этими «государственными мужами», убеждения которых при всей их мрачной возвышенности сводились обыкновенно к неизмеримому преклонению перед собственным «я». Тогда Блинд обратился к Марксу с разоблачениями изменнических происков Фогта и утверждал, что у него имеются доказательства. По словам Блинда, Фогт получил от Бонапарта субсидию на агитационные цели; он хотел подкупить одного южнонемецкого писателя за 30 тысяч гульденов, и в Лондоне тоже сделал попытки

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 401—402. — *Ред.*

подкупа; уже летом 1858 г. в Женеве при встрече принца Жерома Бонапарта с Фази и К° обсуждался вопрос об итальянской войне и русский великий князь Константин намечался даже будущим королем Венгрии.

Маркс вскользь упомянул об этих сведениях, когда его посетил Бискамп, чтобы просить его о сотрудничестве в «Volk»; при этом он прибавил, что южногерманцам свойственна манера сгущать краски. Не спросясь Маркса, Бискамп использовал кое-что из сообщенного Блиндом и написал статью в «Volk» с остротами об имперском регенте — имперском изменнике; один экземпляр этого номера он послал Фогту. Фогт ответил в «Bieler Handelscourier» («Бильском торговом курьере»), напечатав там «Предостережение» рабочим с изобличением «клики эмигрантов», которые были известны прежде среди швейцарских эмигрантов под кличкой «бюрстенгеймеров» или «серной банды»[1], а теперь собрались в Лондоне под руководством своего предводителя Маркса, чтобы плести заговоры среди немецких рабочих. Эти заговоры-де уже с самого начала известны континентальной тайной полиции и вовлекают рабочих в беду. Маркс не стал волноваться из-за этой «свинской статейки» и предоставил «Volk» разделываться с нею.

Но потом, когда в начале июня Маркс поехал в Манчестер, чтобы собрать там среди партийных друзей деньги для «Volk», Либкнехт нашел в типографии газеты корректурный лист направленной против Фогта анонимной статьи, которая содержала в себе разоблачения Блинда; как утверждал наборщик Фёгеле, статья была передана для печатания Блиндом в его собственноручной рукописи; на корректурном листе, кроме того, имелись поправки, сделанные также рукою Блинда. Несколько дней спустя Либкнехт получил от Холлингера оттиск статьи и послал его в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», в которой корреспондировал в течение нескольких лет. Он добавил, что статья написана одним из самых уважаемых немецких эмигрантов и что имеются доказательства, подтверждающие все сообщенные в статье факты.

Когда статья эта появилась в «Allgemeine Zeitung», Фогт предъявил обвинение в клевете. Редакция для своей защиты потребовала от Либкнехта обещанных доказательств, а тот в свою очередь обратился к Блинду. Но Блинд отказался вмешиваться в дела чуждой ему газеты и стал вообще оспаривать свое авторство, хотя и должен был признать, что сообщил Марксу фактическое содержание статьи и частью даже опубликовал его в «Free Press» — органе Уркарта. Маркс сначала не имел никакого касательства ко всему этому, и Либкнехт заранее примирился с мыслью, что Маркс отмежуется от него в этом вопросе. Однако

[1] О происхождении названий «бюрстенгеймеры» или «серная банда», оскорбительно употребляемых Фогтом в отношении Маркса и его сторонников, см. *К. Маркс,* Господин Фогт, 1938, стр. 18—43. — *Ред.*

Маркс приложил все старания, чтобы сорвать маску с Фогта, который притянул его за волосы к этому делу. Но и его попытки добиться сознания у Блинда разбились об упорство последнего, и Марксу пришлось удовольствоваться письменным заявлением наборщика Фёгеле о том, что рукопись статьи была написана известным ему почерком Блинда и что статья была набрана и напечатана в типографии Холлингера. Это, конечно, ни в какой мере не доказывало еще виновность Фогта.

Но еще раньше, чем дело дошло до судебного разбирательства в Аугсбурге, среди лондонских эмигрантов возник новый спор, вызванный празднованием столетия со дня рождения Шиллера, 10 ноября 1859" г. Известно, как отпраздновали этот день немцы у себя на родине и на чужбине — как свидетельство «духовного единства» всего немецкого народа, говоря словами Лассаля, и как «радостный залог его национального пробуждения». В Лондоне также собирались устроить торжество в Хрустальном дворце и на выручку предполагали основать институт имени Шиллера с библиотекой и ежегодными докладами, которые должны были всегда начинаться в годовщину дня рождения Шиллера. К сожалению, фракции Кинкеля удалось захватить в свои руки всю подготовку к устройству торжества, и она начала использовать ее злобно-мелочным образом в свою пользу. Пригласив к участию в торжестве одного из чиновников прусского посольства, приобревшего себе в дни процесса кёльнских коммунистов весьма дурную репутацию, фракция Кинкеля старалась отпугнуть пролетарские элементы эмиграции. Некий Беттцих, который писал под именем Бета и был как бы литературным подручным Кинкеля, напечатал статью в журнале «Gartenlaube» («Беседка») с безвкуснейшей рекламой своему хозяину и господину. Столь же безвкусно он высмеял в этой статье членов рабочего Просветительного общества, которые также собирались принять участие в шиллеровском празднике.

Маркс и Энгельс были ввиду этого весьма неприятно поражены тем, что Фрейлигрaт согласился выступить в Хрустальном дворце в качестве юбилейного поэта наряду с Кинкелем, выступавшим юбилейным оратором. Маркс предостерегал своего старого друга от всякого участия в «демонстрации Кинкеля». Фрейлигрaт также признавал, что дело подозрительно и, быть может, имеет целью лишь удовлетворить чье-либо тщеславие; но он считал, что ему, как немецкому поэту, неудобно держаться совершенно в стороне. Ему казалось, что это даже не требует доказательств и что при шиллеровских торжествах дело в конце концов не в побочных целях какой-либо фракции, если бы таковые у ней вообще имелись. Во время подготовки празднества Фрейлигрaт сделал, однако, «странные наблюдения» и признал, несмотря на присущую ему душевную простоту в оценке людей и

вещей только с их лучшей стороны, что Маркс был прав в своем предостережении. Но Фрейлиграт все же утверждал, что своим присутствием и одним фактом своего участия он больше поможет расстроить некоторые планы, чем если бы он держался в стороне.

Однако Маркс с этим не согласился и еще в большей степени — Энгельс, который бросил в адрес Фрейлиграта гневный упрек в «поэтическом тщеславии и литературной навязчивости в соединении с угодливостью»[1]. Это уже было преувеличением. Тогдашнее шиллеровское торжество не было обычной праздничной шумихой немецких буржуа в честь своих мыслителей и ученых, пролетающих, подобно журавлям, над их ночными колпаками, — оно нашло отклик и среди крайних левых.

Когда Маркс стал жаловаться на Фрейлиграта Лассалю, Лассаль ответил: «Возможно, что Фрейлиграту лучше бы не присутствовать на празднике. Но во всяком случае хорошо, что он сочинил кантату. Она — наилучшее из всего, что было написано для юбилея»[2]. В Цюрихе Гервег сочинил праздничную песню, а в Париже Шили произнес торжественную речь. В Лондоне рабочее Просветительное общество тоже приняло участие в празднествах в Хрустальном дворце, а чтобы успокоить свою политическую совесть, оно устроило накануне торжество в честь Роберта Блюма, на котором выступил с речью Либкнехт. В Манчестере устроителем торжества был один юный поэт из Вупперталя, Зибель, причем Энгельс, которому он приходился дальним родственником, нисколько не сердился на него за это. Правда, он написал Марксу, что сам он тут ни при чем, но что Зибель составил эпилог. «Разумеется, банальная декламация, но в приличной форме. Кроме того, этот бездельник ставит «Лагерь Валленштейна»; я был два раза на репетиции; если ребята эти наберутся дерзости, то сойдет недурно»[3]. Позднее сам Энгельс стал председателем Шиллеровского института, учрежденного в Манчестере по случаю юбилея, а Вильгельм Вольф в своем завещании оставил значительную сумму в пользу этого учреждения.

В те же самые дни, когда создались натянутые отношения между Фрейлигратом и Марксом, окружной суд в Аугсбурге рассмотрел жалобу Фогта против «Allgemeine Zeitung». Жалоба эта была оставлена без последствий с возложением на Фогта судебных издержек, но это юридическое поражение превратилось для него в нравственное торжество. Обвиняемые редакторы не смогли представить решительно никаких доказательств подкупа Фогта и занялись «политически безвкусной тарабарщиной», по слишком мягкому выражению Маркса; поведение их заслуживало

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 451. — *Ред.*
[2] См. «Письма Ф. Лассаля К. Марксу и Ф. Энгельсу», С.-Петербург 1905, стр. 198. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 453. — *Ред.*

самого резкого осуждения не только с политической, но и с нравственной точки зрения. Им удалось выиграть дело благодаря тому, что они отстаивали положение, будто честь политического противника не находится под защитой закона. Неужели, спрашивали они, баварские суды станут на защиту прав того человека, который ожесточенно нападал на баварское правительство и должен жить за границей из-за своих революционных происков? Вся социал-демократическая партия Германии, которая одиннадцатью годами ранее освятила свои первые мечты о свободе убийством генералов Латура, Гагерна и Ауэрсвальда и князя Лихновского, разразилась бы настоящим ликованием, если бы обвиняемые редакторы были осуждены. Если попытка Фогта увенчается успехом, продолжали редакторы, то открывается утешительная перспектива, что в скором времени перед аугсбургским окружным судом выступят в качестве жалобщиков также Клапка, Кошут, Пульски, Телеки, Мадзини.

Несмотря на эту обычную хитрость, или скорее именно благодаря ей, такая защита подействовала на судей. Их юридическая совесть не настолько заглохла, чтобы оправдать обвиняемых, которые не представили с своей стороны никаких доказательств; но все же ее не хватило на то, чтобы признать правым человека, крайне ненавистного как баварскому правительству, так и баварскому населению. Они поэтому ухватились за спасительную мысль, подсказанную им прокурором, и передали дело по формальным основаниям в суд присяжных, где Фогт тем вернее мог рассчитывать на осуждение, что в этом суде не допускается никакое доказывание истины и присяжные не обязаны приводить обоснования своего приговора.

Если Фогт не пустился в эту неравную игру, то его не следует за это винить. Наоборот, он имел основание возликовать в блеске двойного мученичества: его не только заподозрили без всякого основания, но и отказали ему в признании его права. Некоторые побочные обстоятельства еще более способствовали его торжеству. Получилось весьма тягостное впечатление, когда его противники по суду представили письмо Бискампа, в котором этот первый публичный обвинитель Фогта сам сознавался, что у него нет действительных доказательств, высказывал лишь неопределенные догадки и венчал дело вопросом, не назначит ли его «Allgemeine Zeitung» после прекращения им издания «Volk» своим вторым лондонским корреспондентом наряду с Либкнехтом. Но редакция «Allgemeine Zeitung» продолжала еще и после окончания процесса молоть прежний вздор, говоря, что Фогт-де осужден своими людьми, Марксом и Фрейлигратом, а давно известно, что Маркс более проницательный и последовательный мыслитель, чем Фогт, и что Фрейлиграт стоит выше Фогта в нравственно-политическом отношении.

Уже в письменных объяснениях, представленных суду редактором Кольбом, Фрейлигрaт назван был сотрудником «Volk» и одним из обвинителей Фогта. Кольба ввело в заблуждение письменное, не вполне ясное заявление Либкнехта по этому поводу. Но когда в Лондоне получили номер «Allgemeine Zeitung» с отчетом о процессе, Фрейлигрaт послал в газету краткое заявление, что он никогда не состоял сотрудником «Volk» и что его имя было названо в числе обвинителей Фогта без его ведома и согласия. Из этого заявления были сделаны неприятные выводы ввиду того, что Фогт принадлежал к интимным друзьям Фази, от которого зависело положение Фрейлигрaта в Швейцарском банке. Эти выводы были бы, однако, справедливы лишь в том случае, если бы Фрейлигрaт был почему-либо обязан выступить против Фогта. Но об этом не могло быть и речи. Фрейлигрaт до этого момента вообще не интересовался делом Фогта и имел полное право не желать, чтобы Кольб прикрывался его именем, когда Кольбу стало трудно вывернуться из создавшегося положения. Конечно, из лаконически сухого заявления Фрейлигрaта можно было косвенно вычитать отказ от Маркса; сам Маркс чувствовал, что заявление Фрейлигрaта совсем не было способно предотвратить видимость личного разрыва с ним и публичного отречения от партии. Этот недостаток заявления можно было объяснить некоторым недовольством Фрейлигрaта: Маркс из партийных соображений хотел — так полагал Фрейлигрaт — запретить ему опубликование безобидной поэмы, написанной им в честь Шиллера, но, с другой стороны, требовал от него немедленно вступить в затеянный Марксом опор, к которому Маркса никто не принуждал.

Злонамеренная видимость подчеркивалась еще тем, что одновременно и Блинд напечатал в «Allgemeine Zeitung» заявление, в котором он хотя и «безусловно осуждал» политику Фогта, но категорически отрицал свое авторство статьи против Фогта. Он приложил к письму два свидетельских показания: в одном Фиделио Холлингер называл «злостной выдумкой» утверждение Фёгеле, будто статья о Фогте была напечатана в его типографии и составлена Блиндом; во втором наборщик Вне подтверждал правильность заявления Холлингера.

Помимо всего этого одно злополучное дело подлило масла в огонь и еще более углубило разлад между Фрейлигратом и Марксом. Как раз в это время в «Gartenlaube» появилась статья Беты, в которой этот литературный поденщик Кинкеля превозносил напыщенным стилем поэтическое дарование Фрейлигрaта и закончил статью низкой бранью по адресу Маркса. Этот злополучный виртуоз ядовитой злобы, писал Бета, отнял у Фрейлигрaта голос, свободу и характер; поэт перестал творить, с тех пор как его коснулось дыхание Маркса.

Однако все это после некоторого препирательства в переписке между Фрейлигратом и Марксом, как казалось, погрузилось в море забвения вместе с тревожным 1859 г. Но с наступлением нового года старые распри снова выплыли наружу, так как бравый Фогт хотел подтвердить старую поговорку: «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить».

4
ИНТЕРМЕДИЯ

К новому году Фогт напечатал книгу под заглавием «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»». В ней помещен был стенографический отчет о разбирательстве дела в аугсбургском окружном суде и ряд заявлений вместе с прочими документами, появившимися в свет при споре. Весь материал был приведен в книге полностью и в дословной передаче.

Но среди прочего была напечатана в более подробном изложении старая болтовня Фогта о «серной банде», впервые появившаяся в «Bieler Handelscourier». Маркс изображался в ней особо, как глава шайки вымогателей, которая существовала тем, что компрометировала «людей, живших на родине», чтобы они платили ей за молчание. *«Не одно, сотни* писем, — буквально писал Фогт, — посылались в Германию этими людьми... с открытой угрозой разоблачить причастность к тому или иному акту революции, если к известному сроку по указанному адресу не будет доставлена определенная сумма денег»[1]. Это была наихудшая, но далеко не единственная клевета, выдвинутая Фогтом против Маркса. Несмотря на всю свою очевидную лживость, изложение было настолько переплетено с полуправдой из истории эмиграции, что требовалось точное знакомство со всеми подробностями, чтобы в первый момент не быть ошеломленным этой басней. А между тем менее всего можно было предположить такое знакомство с фактами из жизни эмиграции у немецких филистеров.

Книга Фогта обратила на себя действительно большое внимание, и особенно германская либеральная пресса восторженно приветствовала ее. «National-Zeitung» («Национальная газета») посвятила ей две большие передовые статьи, которые сильно взволновали семью Маркса, когда газета получена была в Лондоне; особенно тяжело была потрясена жена Маркса. Так как самой книги Фогта нельзя было достать в Лондоне, то Маркс обратился к Фрейлиграту с запросом, не получил ли он экземпляр от своего «друга» Фогта. Фрейлиграт обиженно ответил, что Фогт не является его «другом» и экземпляра книги он не имеет.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 272. — *Ред.*

Марксу с самого начала стало ясно, что необходимо ответить Фогту, хотя вообще он был мало склонен отвечать даже на самую отборную брань, Он считал, что печать имеет право оскорблять писателей, политиков, актеров и других общественных деятелей. Еще раньше чем книга Фогта была получена в Лондоне, Маркс решил начать судебное преследование против «National-Zeitung». Она обвиняла его в ряде преступных и позорящих его деяний, и вдобавок перед такой публикой, которая из партийных предубеждений была вообще склонна верить отъявленному вздору, а кроме того, не имела никакого материала для правильного суждения лично о нем ввиду его одиннадцатилетнего отсутствия в Германии. Маркс руководствовался при этом не только политическими соображениями: он считал своим долгом перед женой и детьми возбудить судебное преследование против «National-Zeitung» за ее оскорбительные для его чести обвинения. Кроме того, он собирался дать и литературную отповедь Фогту.

Прежде всего Маркс рассчитался с Блиндом. Он все еще предполагал, что у Блинда есть улики против Фогта, но он их прячет из кумовства: один вульгарный демократ считает себя обязанным перед другим вульгарным демократом. Однако Маркс, по-видимому, заблуждался в этом отношении, а Энгельс был на более правильном пути, предполагая, что Блинд из ребячески глупого важничанья высосал из пальца подробности о попытках подкупа со стороны Фогта; когда же дело приняло скверный оборот, он забил отбой, но при этом все глубже увязал в болоте. 4 февраля Маркс отправил написанное по-английски открытое письмо[1] редактору «Free Press». В этом письме он назвал заявления Блинда, Вие и Холлингера о том, что анонимная статья не была напечатана в типографии Холлингера, гнусной ложью, а Карла Блинда соответственно тому — гнусным лжецом. А если Блинд оскорблен этим обвинением, заявлял Маркс, то он может привлечь его, Маркса, к английскому суду. Но Блинд благоразумно воздержался от обращения к суду и попытался выпутаться из всей этой истории тем, что поместил в «Allgemeine Zeitung» длинное объяснение, в котором резко высказывался против Фогта и намеками говорил об его подкупности, но все же по-прежнему отрицал, что он — автор статьи.

Однако Маркс этим совершенно не удовлетворился. Ему удалось возбудить в мировом суде дело против наборщика Вие и получить от него показание под присягой: Вие на этот раз подтверждал, что он сам проводил в типографии Холлингера верстку статьи для перепечатки в «Volk», а также видел ряд опечаток, исправленных рукой Блинда на корректурных листах; затем он заявлял, что его прежнее, противоположное показание у него вы-

[1] См. *К. Маркс,* Господин Фогт, 1938, стр. 392—393. — *Ред.*

нудили Холлингер и Блинд: Холлингер обещал ему денежную награду, а Блинд уверил его в своей благодарности в будущем. По английским законам это показание устанавливало подсудность Блинда, а Эрнест Джойс брался на основании показания Вие получить приказ об аресте Блинда. Но он добавил, что если дело будет возбуждено, то обвинение уже нельзя будет взять обратно, так как речь идет об уголовном преступлении и он сам как адвокат подвергся бы уголовной ответственности, если бы стал после этого пытаться окончить дело мирным путем.

Но Маркс не пожелал зайти так далеко из-за семьи Блинда. Он послал письменное показание Вие Луи Блану, который был дружен с Блиндом, и написал ему, что очень бы сожалел — не ради самого Блинда, вполне это заслужившего, а ради его семьи, — если бы был вынужден начать уголовное преследование против Блинда[1]. Это произвело должное действие: 15 февраля 1860 г. в «Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф»), также перепечатавшем ругань «National-Zeitung», появилась заметка, в которой некий Шайбле, домашний друг Блинда, называл себя автором статьи против Фогта. Несмотря на всю прозрачность этого маневра, Маркс удовлетворился им, так как тем самым с него снималась всякая ответственность за содержание статьи.

Прежде чем выступить против самого Фогта, Маркс пытался примириться с Фрейлигратом. Он послал ему свое заявление против Блинда в «Free Press» и письменные показания Вие, но не получил от него ответа. Тогда он обратился к нему в последний раз, чтобы указать, какое важное значение приобрело дело Фогта для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии. Он старался опровергнуть те упреки, которые мог бы ему сделать Фрейлигрaт: «Если я чем-либо перед тобой виноват, то я в любое время готов признаться в своей ошибке. Ничто человеческое мне не чуждо»[2]. Он хорошо понимает, писал Маркс, что Фрейлиграту в его теперешнем положении дело это только противно, но Фрейлигрaт должен понять, что ему невозможно оставаться совершенно в стороне. «Если мы оба сознаем, что мы, каждый по-своему, отбрасывая всякого рода личные интересы и исходя из самых чистых побуждений, в течение долгих лет несли знамя «класса, наиболее обремененного трудом и нуждой», подняв его на недосягаемую для филистеров высоту, то я счел бы за недостойное прегрешение против истории, если бы мы разошлись из-за пустяков, которые все в конце концов сводятся к недоразумениям»[3]. Письмо заканчивалось уверениями в искренней дружбе.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 325. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 297. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 298. — *Ред.*

Фрейлигрaт пожал протянутую ему руку, но не с такой сердечностью, с какой протянул ему ее «бессердечный» Маркс. Он ответил, что вовсе не собирается изменять «классу, наиболее обремененному трудом и нуждой» (classe la plus laborieuse et la plus misérable), которому всегда был верен, и вместе с тем желает сохранить личные связи с Марксом, как с другом и единомышленником. Но он прибавил к этому: «Все эти семь лет (с того времени, как прекратил свое существование Союз коммунистов) я далеко стоял от партии. Я не посещал ее собраний, ее постановления и действия оставались для меня чуждыми. Фактически, следовательно, мои отношения к партии давно были нарушены. Мы никогда в этом отношении не обманывали друг друга. Это было своего рода молчаливое соглашение между нами. Я могу только сказать, что я себя при этом хорошо чувствовал. Моей природе и природе всякого поэта необходима свобода! Партия тоже клетка, и даже самой партии лучше честь, если петь на воле, чем в ней. Я был поэтом пролетариата и революции задолго до того, как сделался членом Союза и членом редакции «Новой рейнской газеты». И в будущем я хочу только стоять на своих собственных ногах, принадлежать только самому себе и распоряжаться сам собою»[1]. В этом объяснении Фрейлигрaта ярко сказалась его старая антипатия к мелочам политической агитации. Поэтому ему мерещилось даже то, что не существовало: собраний, которых он не посещал, постановлений и речей, о которых он ничего не знал, на самом деле никогда и не было.

Маркс указал на это в своем ответе. Выяснив еще раз все другие недоразумения, которые могли возникнуть, он писал, пользуясь любимым словечком Фрейлигрaта: ««Наперекор всему» мы всегда предпочитаем лозунг «Смерть филистерам!» лозунгу «Подчиняйся филистерам!».

Я открыто высказал тебе свой взгляд и надеюсь, что в основном ты его разделяешь. Кроме того, я постарался рассеять недоразумение, будто под «партией» я разумею «Союз», переставший существовать восемь лет тому назад, или редакцию газеты, прекратившую свое существование двенадцать лет тому назад. Под партией я понимал партию в великом историческом смысле»[2]. Эти верные слова подействовали примиряющим образом, так как в широком историческом смысле Маркс и Фрейлигрaт были действительно единомышленниками, «наперекор всему». И слова эти делают Марксу тем больше чести, что после гнусных нападок Фогта он был вправе ожидать, что Фрейлигрaт публично устранит всякую видимость своей общности с Фогтом. Но Фрейлигрaт ограничился тем, что возобновил дружеские отношения с

[1] См. *Ф. Фрейлигрaт,* Избранные стихотворения и переписка с Марксом, «Пролетарий», 1924, стр. 46. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 325—326. — *Ред.*

Марксом. В остальном он упорно держался в стороне, и Маркс облегчал ему это тем, что с тех пор по возможности избегал вмешивать в дела имя Фрейлиграта.

Совершенно по-иному разыгралось столкновение, происшедшее из-за дела Фогта, между Марксом и Лассалем. Маркс писал Лассалю в последний раз в ноябре предшествующего года по поводу их полемики в связи с итальянской войной, и писал, по его словам, «с грубостью мастерового». Вот почему молчание, которым Лассаль ответил на это письмо, Маркс объяснял его задетой чувствительностью. После нападок «National-Zeitung» Маркс, естественно, желал иметь в Берлине своего человека и просил Энгельса уладить дело с Лассалем, который по сравнению с другими все-таки является «лошадиной силой». Это было связано с тем, что некий прусский асессор Фишель отрекомендовался Марксу как последователь Уркарта и предложил свои услуги для всякого рода поручений в немецкой прессе. Лассаль, которому Фишель передал поклон от Маркса, не пожелал и знать этого «неспособного и невежественного субъекта». И как бы ни вел себя в Лондоне этот человек, вскоре после того погибший от несчастного случая, в Германии он во всяком случае принадлежал к литературной лейб-гвардии герцога фон Кобурга, которая справедливо пользовалась самой плохой репутацией.

Но прежде чем Энгельс взялся за исполнение данного ему поручения, Лассаль сам написал Марксу. Он объяснял свое продолжительное молчание недостатком времени и энергично требовал какого-нибудь вмешательства в «высшей степени фатальную историю» с Фогтом, так как она производит сильное впечатление на общество. Конечно, россказни Фогта не повредят Марксу в глазах тех, которые его знают; но им могут поверить все не знающие его, так как вся история довольно искусно пересыпана полуправдивыми сведениями и неизощренный глаз может принять их за полную правду. Лассаль особенно выдвигал два пункта. Во-первых, сам Маркс тоже отчасти виноват: он принял всерьез такого жалкого враля, каким оказался, по крайней мере впоследствии, Блинд, и поверил на слово его тягчайшим обвинениям против Фогта. Если у Маркса нет других доказательств, то он должен начать свою защиту с того, чтобы взять обратно свои обвинения Фогта в подкупности. Лассаль признавал, что нужно иметь громадное самообладание, чтобы отнестись с полной справедливостью к человеку, который так безудержно и несправедливо нападает на тебя; но Маркс должен дать это доказательство своей добросовестности, если не желает с самого начала сделать недействительной свою защиту. Затем Лассаль назвал предосудительным сотрудничество Либкнехта в столь реакционном органе, как «Allgemeine Zeitung», и предсказал, что это вызовет в публике бурю удивления и недовольства партией.

Когда Маркс получил письмо Лассаля, у него еще не было книги Фогта, и поэтому он еще не мог составить себе правильного взгляда на положение дел. Но ему, конечно, мало пришлось по вкусу предложение начать с признания честности Фогта, относительно бонапартистских происков которого у него были другие свидетельства, кроме россказней Блинда. Маркс не мог согласиться также и с резким осуждением деятельности Либкнехта в «Allgemeine Zeitung». Он, конечно, менее всего был другом этой газеты, с которой он вел страстную борьбу во времена обеих «Рейнских газет», но при всей своей контрреволюционности аугсбургская газета давала место на своих столбцах представителям самых различных направлений в области внешней политики. В этом отношении «Allgemeine Zeitung» издавна представляла собой исключение в германской печати.

Маркс ответил в очень недовольном тоне, что для него «Allgemeine Zeitung» почти то же самое, что и «Volks-Zeitung» («Народная газета»), что он собирается возбудить судебное преследование против «National-Zeitung», а также что он выступит против Фогта и в предисловии заявит о том, что мнение немецкой публики ему совершенно безразлично. Этим вырвавшимся в минуту досады словам Лассаль опять придал слишком большое значение; он протестовал против того, что Маркс поставил на одну доску вульгарно-демократическую «Volks-Zeitung» с «самой позорной, пользующейся дурной славой» газетой в Германии. Но главным образом он предостерегал Маркса от возбуждения судебного преследования против «National-Zeitung» — по крайней мере до тех пор, пока не появится его литературное опровержение Фогта, — и в заключение выражал надежду, что Маркс не обидится на его письмо, а поймет, что оно вызвано «честной и сердечной дружбой».

Но Лассаль ошибся в своих ожиданиях. Маркс написал об этом письме Энгельсу в самых резких выражениях и выдвинул против Лассаля даже те «официальные обвинения», которые в свое время привез в Лондон Леви. Правда, Маркс старался избежать видимости необоснованного недоверия и доказывал, что эти «официальные обвинения» и другие сплетни о Лассале не могли ввести его в заблуждение. Характер сплетен был, однако, таков, что Лассаль не мог признать оговорку Маркса его особой заслугой и отомстил достойным образом, прекрасно и убедительно изобразив самоотверженность и верность, которые он проявил в дни самой свирепой реакции по отношению к рейнским рабочим.

Итак, Маркс отнесся к Лассалю иначе, чем к Фрейлигграту, но и Лассаль поступил иначе, чем Фрейлигграт. Он дал совет Марксу по своему разумению и совести, а когда его совет был отвергнут, он все-таки продолжал оказывать свою помощь на деле.

5
«ГОСПОДИН ФОГТ»

Предостережение Лассаля, советовавшего не обращаться к прусским судам, вскоре оправдалось. При посредстве Фишеля Маркс поручил советнику юстиции Веберу представить его жалобу против «National-Zeitung» в местный городской суд, но не достиг даже того, чего удалось добиться Фогту в аугсбургском окружном суде, т. е. рассмотрения своей жалобы.

Городской суд постановил отклонить жалобу за «отсутствием состава преступления», так как оскорбительные выражения были допущены не самой «National-Zeitung», а являлись «только цитатами из сказанного третьими лицами». Следующая инстанция, правда, отвергла эту плоскую глупость, но лишь для того, чтобы отличиться еще большим тупоумием: она высказалась в том смысле, что Маркса не оскорбили, изобразив его «обуздывающим и рассудительным» главой шайки вымогателей и фальшивомонетчиков. Высший суд не нашел в этой пресловутой мотивировке «судебной ошибки», и таким образом жалоба Маркса была отвергнута во всех инстанциях.

Ему оставалось заняться литературным опровержением Фогта, и на это ушел почти весь год. Для опровержения всех наветов и мелочных сплетен, выдвинутых против него Фогтом, понадобилась обширная переписка с тремя странами света. Только 17 ноября 1860 г. Маркс закончил книгу, которую озаглавил просто «Господин Фогт». Это — единственное из его произведений, которое до сих пор еще не появилось в новом издании и сохранилось лишь в немногих экземплярах. Объясняется это тем, что при своем значительном объеме, в двенадцать листов убористой печати, — при обычном наборе, по словам самого Маркса, она заняла бы вдвое больше места — книга эта нуждается теперь еще и в обширном комментарии для понимания всех заключающихся в ней намеков и всех отношений, которых она касается.

Но подобный труд и не оправдал бы себя. Многие из эмигрантских историй, в которых Марксу приходилось разбираться, так как его вынуждала к этому нападающая сторона, ныне справедливо забыты. Трудно также отделаться от чувства неловкости, читая, как Маркс защищается против клеветнических нападок, которые не могут запятнать даже края его подошв. Но зато книга может доставить исключительное наслаждение литературным знатокам. На первой же странице Маркс выдвигает тему, которую он в деталях развивает с остроумием Шекспира, — тему о прототипе Карла Фогта, бессмертном сэре Джоне Фальстафе[1], «который

[1] Фальстаф — один из наиболее известных персонажей в произведениях Шекспира, тип лживого, хвастливого и трусливого наемного солдата-разбойника. — *Ред.*

нисколько не убавился в *веществе* в своем новом зоологическом перевоплощении»[1]. Но в развитии этой темы Маркс сумел уберечься от всякого однообразия; его огромная начитанность в старой и новой литературе доставляла ему стрелу за стрелою, и он со смертоносной меткостью попадал ими в нахального клеветника.

«Серная банда» оказалась просто-напросто небольшим товариществом веселых студентов, которые после неудачи баденско-пфальцского восстания зимою 1849/1850 г. очаровывали женевских красавиц своим бесшабашным весельем и пугали швейцарских обывателей своими выходками; общество это, однако, исчезло со сцены лет за десять до того. Безобидную жизнь студентов весело изобразил один из участников компании, Сигизмунд Боркгейм, сделавшийся с тех пор зажиточным купцом лондонского Сити; живые описания Боркгейма Маркс изложил в первой же главе своего сочинения. Между прочим, в лице Боркгейма он обрел верного друга. Вообще Маркс получил удовлетворение в том, что ему оказывали помощь многие эмигранты не только в Англии, но также во Франции и в Швейцарии, даже такие, которые были ему далеки или которых он и не знал, как, например, Иоганн Филипп Беккер, испытанный в борьбе ветеран швейцарского рабочего движения.

Невозможно, однако, перечислить здесь в подробностях, как Маркс разоблачал все козни и сплетни Фогта, так что от них не осталось и жалкого следа. Более важным был тот уничтожающий контрудар, который нанес Маркс, доказав, что пропаганда Фогта как по своему вероломству, так и по своему невежеству есть точный отголосок лозунгов, данных лже-Бонапартом. И действительно, в бумагах Тюильри, опубликованных правительством национальной обороны после падения Второй империи, найдена была расписка на 40 тыс. франков — мзда, полученная Фогтом в августе 1859 г. из секретного фонда декабрьского разбойника: вероятно, деньги были переданы через посредство венгерских революционеров, если даже принять самое мягкое для Фогта толкование. Фогт особенно дружил с Клапкой и не понял того, что отношение германской демократии к Бонапарту было иным, чем отношение к нему венгерской демократии. Последней могло быть дозволено то, что для первой являлось постыдной изменой.

Но как бы ни обстояло дело с происками Фогта и если бы он даже не получил наличными деньги из Тюильри, все же Маркс привел самые убедительные и неопровержимые доказательства того, что пропаганда Фогта целиком проводилась в духе лозунгов Бонапарта. Эти главы бросают ослепительный свет на тогдашнее европейское положение и являются самыми ценными в книге; они представляют много поучительного и для нашего времени. Лотар

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 255. — *Ред.*

Бухер, относившийся тогда скорее враждебно, чем дружественно к Марксу, при появлении книги назвал эти главы сжатым курсом современной истории. А Лассаль со свойственной ему честностью и искренностью признал, что считает теперь вполне оправданным и естественным убеждение Маркса в подкупности Фогта. Самую книгу Лассаль приветствовал как «мастерское во всех отношениях произведение». Маркс, признал Лассаль, развивал «внутреннее доказательство с колоссальной убедительностью». Энгельс ставил книгу о Фогте даже выше «Восемнадцатого брюмера», говоря, что она гораздо проще по стилю и столь же блестяща и что это вообще лучшая из всех полемических работ Маркса. Тем не менее исторически самой значительной из его полемик книга о Фогте не сделалась; она все более исчезала в тени, тогда как «Восемнадцатое брюмера» и его полемический труд против Прудона все более выдвигались на свет. Это объясняется отчасти ее содержанием, ибо все дело Фогта — сравнительно ничтожный эпизод; но отчасти причина заключается в великом искусстве Маркса и в его маленьких слабостях.

Ему не дано было спуститься до той низкой ступени полемики, на которой можно убедить филистеров, хотя основная задача его заключалась именно в том, чтобы разбить наголову обывательские предрассудки. Книга его, однако, убедила только «всех значительных людей»[1], как несколько наивно, но удачно выразилась в своем письме жена Маркса; другими словами, книга убедила тех, которым вообще не приходилось доказывать, что Маркс — не разбойник, каким его хотел изобразить Фогт, и которые обладали достаточным вкусом и умом, чтобы оценить литературные достоинства книги. «Даже старинный враг Руге назвал ее «забавной штукой»»[2], — писала г-жа Маркс. Но для отечественных пошляков книга Маркса была малодоступна и едва ли проникла в их круги; еще во времена закона о социалистах такие претенциозные писатели, как Бамбергер и Трейчке, вытаскивали на свет «серную банду» Фогта как свидетельство против немецкой социал-демократии.

К этому присоединилась обычная неудача, преследовавшая Маркса во всех практических личных делах, и, по крайней мере на этот раз, не без его собственной вины. Энгельс настаивал на том, чтобы книга о Фогте была напечатана и издана в Германии, что при тогдашнем положении печати было уже возможно. Лассаль также это советовал. Он, впрочем, имел в виду только то, что это обойдется дешевле, между тем как Энгельс выдвигал более веские соображения: «Мы уже сто раз проделали опыт с эмигрантской литературой, и всегда получалась та же безрезультат-

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 251. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 252. — *Ред.*

ность: всегда деньги и труд выбрасывались в помойную яму, и получались только огорчения... Что поможет нам ответ Фогту, если никто его не увидит?»[1] Но Маркс настоял на том, чтобы печатание работы было передано одному молодому немецкому издателю в Лондоне на условии одинакового участия в прибылях и убытках, причем издателю уплатили 25 фунтов стерлингов в виде задатка на расходы по печатанию. В деле участвовали Боркгейм и Лассаль, первый взносом в двенадцать фунтов, второй — в восемь. Новая фирма оказалась, однако, весьма шаткой: она не только не организовала доставку книги в Германию, но скоро и вовсе прекратила свое существование. Маркс не получил ни гроша назад из своего задатка, и ему пришлось еще почти столько же, сколько он вложил, приплатить по иску одного из компаньонов издателя. Он не позаботился о том, чтобы облечь свой договор с издателем в письменную форму, и потому сделался ответственным за все издержки по предприятию.

Когда начался спор с Фогтом, один из друзей Маркса, Имандт, писал ему: «Не хотел бы я быть осужденным писать об этом и буду в высшей степени удивлен, если ты сочтешь возможным впутаться в эту кашу». Точно так же отговаривали Маркса русские и венгерские эмигранты. Теперь, пожалуй, можно пожалеть, что Маркс не послушался их советов. Дьявольская распря доставила ему несколько новых друзей и, главное, снова укрепила его дружественные связи с лондонским рабочим Просветительным обществом, которое немедленно со всей энергией стало на его сторону. Но вся эта история скорее послужила помехой, чем помощью, для великого труда его жизни: она потребовала драгоценных жертв временем и силами, которые Маркс затратил без действительной пользы, и повлекла за собой тяжкие семейные заботы.

6
СЕМЕЙНЫЕ И ЛИЧНЫЕ ДЕЛА

Еще больше, чем сам Маркс, от «ужасной досады из-за гнусных нападок» Фогта страдала жена Маркса, преданная мужу всей душой. Они стоили ей многих бессонных ночей. Она долгое время мужественно все переносила и тщательно переписывала объемистую рукопись для печати, но, едва закончив работу, слегла. Приглашенный врач заявил, что она заболела оспой и что дети должны немедленно покинуть дом.

Наступили ужасные дни. Детей взяли к себе Либкнехты, а Маркс вместе с Ленхен Демут приняли на себя уход за больной. Она невыразимо страдала от жгучей боли, от бессонницы, от

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXII, стр. 527. — *Ред.*

смертельного страха за мужа, который не отходил от ее кровати, от потери всех внешних чувств, причем сознание все время не оставляло ее. Только через неделю наступил спасительный кризис благодаря тому обстоятельству, что ей дважды была сделана противооспенная прививка. И когда больная выздоровела, врач сказал, что эта ужасная болезнь имела и свои счастливые стороны: нервное возбуждение, в котором жила г-жа Маркс в течение многих месяцев, способствовало тому, что она восприняла заразу где-нибудь в лавке, в омнибусе или в другом месте; но не случись этой болезни, ее душевное состояние привело бы к опасной нервной горячке или к чему-либо подобному.

Едва только она стала выздоравливать, как сам Маркс свалился с ног: он заболел от тревоги за жену, от забот и всякого рода терзаний. В первый раз проявилась в острой форме его хроническая болезнь печени. Его заболевание врач тоже приписывал постоянным волнениям. За книгу о Фогте, стоившую ему столько труда, Маркс не получил ни гроша; в это же время «New-York Daily Tribune» опять перевела его на половинный гонорар, и кредиторы снова стали осаждать дом Маркса. После своего выздоровления Маркс решился, как писала об этом его жена г-же Вейдемейер, «сделать налет на Голландию, страну предков, табака и сыра»[1]*;* он надеялся раздобыть у своего дяди хоть сколько-нибудь презренного металла.

Это письмо, помеченное 11 марта 1861 г., озарено солнечным юмором и красноречиво свидетельствует о духовной силе, которой у Женни Маркс было не меньше, чем у ее мужа. Вейдемейеры, которым в американском изгнании суждено было перенести также немало нужды, прислали о себе вести после долголетнего молчания, и г-жа Маркс сразу излила все свое сердце «мужественному, верному товарищу по борьбе, страданиям и испытаниям»[2]. Она писала ей, что во всех горестях и бедах «светлая сторона нашей жизни»[3] — радость в детях. Семнадцатилетняя Женни больше похожа на отца, «со своими темными, блестящими, густыми волосами и такими же темными, блестящими и ласковыми глазами, со своим смуглым лицом креолки, которое приобрело, однако, свойственную англичанкам свежесть...»[4]. Пятнадцатилетняя Лаура больше похожа на мать: «Так хороши волнистые, пышные каштановые волосы, так очаровательны милые зеленоватые глаза, в которых всегда как бы светится радостный огонек...»[5]. «Обе сестры отличаются поистине цветущим видом и обе так мало кокетливы, что я часто про себя дивлюсь

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 253. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 248. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 249. — *Ред.*
[4] Там же, стр. 250. — *Ред.*
[5] Там же. — *Ред.*

этому, тем более, что не могу сказать того же об их матери во времена ее молодости, когда она еще носила легкие, воздушные платья»[1].

Но хотя обе старшие дочери доставляли родителям много радости, все же «кумиром и баловнем всего дома» была младшая дочь Элеонора, или Тусси, как ее звали дома. «Ребенок родился как раз тогда, когда умер наш бедный, милый Эдгар. Вся любовь к брату, вся нежность к нему была теперь перенесена на маленькую сестренку, которую старшие девочки нянчили с почти материнской заботливостью. Да и трудно себе представить более очаровательного, красивого, как картинка, наивного, забавного ребенка. Девочка особенно отличается сшей удивительно милой болтовней и своими рассказами. Этому она научилась у братьев Гримм, ставших ее неизменными спутниками. Мы все до одурения читаем сказки и горе нам, если мы пропускаем хоть один слог в «Белоснежке», у «Румпельштильцхена» или у «Короля-Дроздовика». Благодаря этим сказкам девочка наряду с английским, который она все время слышит, научилась немецкому и говорит по-немецки необычайно правильно и точно. Девочка — поистине любимица Карла и своим смехом и щебетанием отвлекает его от множества забот»[2]. Затем г-жа Маркс пишет и о добром духе дома, Ленхен Демут: «Спросите о ней Вашего мужа, он Вам скажет, какое это для меня сокровище. В течение шестнадцати лет она делила с нами и радость и горе»[3]. Это прелестное письмо заканчивается сообщением о некоторых друзьях, которых она как настоящая женщина осуждала строже, чем сам Маркс, если они оказывались недостаточно преданными ее Карлу. «Я не люблю полумер», — писала она; и, руководясь этим, жена Маркса порвала все отношения с женской частью семьи Фрейлиграта.

«Разбойничий налет» на Голландию, к дяде Филипсу, был довольно удачен. Из Голландии Маркс направился в Берлин, чтобы привести в исполнение план, о котором много раз заговаривал Лассаль, — основать собственный партийный орган. Необходимость в таковом особенно сильно чувствовалась во время кризиса 1859 г., а возможность издания появилась благодаря амнистии, дарованной королем Вильгельмом в январе 1861 г. при его вступлении на престол. Амнистия была весьма куцая; в ней оказалось немало ловушек и лазеек, но все же она давала возможность бывшим редакторам «Neue Rheinische Zeitung» вернуться в Германию.

В Берлине Лассаль встретил Маркса «очень дружественно», но «город» был ему «лично противен». Никакой высокой поли-

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 250. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 251. — *Ред.*
[3] Там же. — *Ред.*

тики, одни дрязги с полицией и вражда между военными и штатскими. «Тон, царящий в Берлине, дерзкий и фривольный. Палаты презираются»[1]. Даже по сравнению с соглашателями 1848 г., которые тоже уж, конечно, не были титанами, прусская палата депутатов с ее Симеонами и Финке казалась Марксу «странной смесью канцелярии со школой»[2]. Единственными сколько-нибудь приличными фигурами в этой конюшне пигмеев были на одной стороне Вальдек, а на другой — Вагенер и донкихотствующий фон Бланкенбург. Все же Марксу казалось, что он почувствовал общий дух свободомыслия и среди большинства публики — сильное недовольство буржуазной прессой; люди всех слоев считали катастрофу неизбежной. Маркс полагал, что на предстоявших осенью выборах безусловно будут избраны прежние соглашатели, которых король боялся как красных республиканцев, и что борьба загорится при обсуждении новых военных кредитов. Ввиду всего этого Маркс считал, что мысль Лассаля об издании газеты заслуживает обсуждения.

Маркс представлял себе осуществление этого плана не так, как предполагал Лассаль. Лассаль хотел быть редактором вместе с Марксом и допускал участие Энгельса в качестве третьего редактора при условии, однако, что Маркс и Энгельс будут иметь не больше голосов, чем он; иначе он в каждом случае окажется в меньшинстве. Такой фантастический план, превращавший газету с самого начала в мертворожденного младенца, был, вероятно, набросан Лассалем лишь в ходе беглого разговора. Но это не имело значения, так как Маркс вообще не был склонен предоставить Лассалю какое-либо руководящее влияние. Ослепленный уважением, которое он снискал себе в кругах некоторых ученых благодаря своему «Гераклиту», а в кругах паразитов — благодаря своему хорошему вину и хорошей кухне, Лассаль не подозревал — таково было мнение Маркса, — что у него дурная слава среди большой публики. «Кроме того, его мания считать себя всегда правым; его пребывание в мире «спекулятивных понятий» (парень мечтает даже о новой гегелевской философии в квадрате, которую он собирается написать); его зараженность старым французским либерализмом; его фанфаронский стиль, навязчивость, отсутствие такта и т. д.

Лассаль мог бы быть полезен, как один из редакторов, при условии строгой дисциплины. А иначе он бы нас только осрамил»[3]. Так писал Маркс Энгельсу о своих переговорах с Лассалем, прибавив, что, не желая обидеть Лассаля, у которого он жил гостем, он отсрочил свой окончательный ответ до тех пор, пока

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 17. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 22. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 18. — *Ред.*

не посоветуется с Энгельсом и Вильгельмом Вольфом. Энгельс разделял колебания Маркса и отклонил предложение Лассаля.

Впрочем, весь план был воздушным замком, как его, словно предчувствуя, однажды назвал Лассаль. Одной из ловушек прусской амнистии было то, что, разрешив эмигрантам революционных лет безнаказанно возвращаться на родину в более или менее приемлемых условиях, им при этом вовсе не возвращали права отечественного гражданства, которые они согласно прусским законам утрачивали, пробыв более десяти лет за границей. Поэтому эмигранта, вернувшегося сегодня на родину, могли завтра же снова выслать за границу по злой прихоти какого-нибудь полицейского паши. Для Маркса дело осложнялось еще тем, что он уже за несколько лет до революции — правда, под давлением прусских полицейских, но все же на основании его собственного определенного заявления — вышел из прусского подданства. В качестве уполномоченного им представителя Лассаль привел в движение все для того, чтобы добиться для него прав прусского гражданства. Он обхаживал с этой целью президента берлинской полиции фон Цедлица и министра внутренних дел графа Шверина, одного из столпов «новой эры»; но все его усилия были тщетны. Цедлиц заявил, что единственное препятствие к натурализации Маркса — это его «республиканские или по крайней мере нероялистические убеждения», а Шверин был еще менее податлив. Когда Лассаль убеждал его не продолжать «инквизиции преследований за политические убеждения», которые он так резко порицал в своих предшественниках, Мантёйфеле и Вестфалене, Шверин сухо заявил, «что в настоящее время по крайней мере нет никаких особых оснований для того, чтобы разрешить Марксу натурализацию». Совершенно очевидно, что Маркс не мог быть терпим в таком государстве, как Пруссия; в этом отношении министры-обскуранты были правы, граф Шверин — так же как его предшественники, Кюльветтер и Мантёйфель.

Уехав из Берлина, Маркс побывал в Рейнской провинции, посетил старых друзей в Кёльне и свою престарелую мать в Трире, доживавшую там свои последние дни, а в первых числах мая вернулся в Лондон. Он надеялся, что семья его перестанет, наконец, бедствовать и что ему удастся закончить свою книгу. В Берлине он после неоднократных неудач завязал сношения с редакцией газеты «Presse». Редакция обещала ему платить по одному фунту стерлингов за передовые статьи и по полуфунту — за корреспонденции. По-видимому, и связь с «New-York Daily Tribune» вновь оживилась. Печатая его статьи, газета часто сопровождала их указаниями на их достоинства. «Странная манера у этих янки, — говорил Маркс, — давать аттестации своим собственным сотрудникам»[1].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 46. — *Ред.*

И «Presse» «тоже очень носилась с его статьями». Но старые долги никогда полностью не погашались, и так как во время болезни и поездки в Германию не было никаких поступлений, то «снова всплыла старая дрянь». Свое новогоднее приветствие Энгельсу Маркс сопровождал проклятиями по адресу нового года, признаваясь, что посылает новый год ко всем чертям, если он будет для него похож на старый.

Но 1862 год не только уподобился своему предшественнику — он даже превзошел его своими ужасами. «Presse», хотя и устраивала себе рекламу статьями Маркса, но была при этом еще более скупа, чем американская газета. Уже в марте Маркс писал Энгельсу: «Меня не трогает, что они *не* печатают как раз самых лучших статей (хотя я *все время* пишу так, что они могли бы напечатать). Но с финансовой точки зрения невозможно, что они печатают только одну статью из четырех-пяти и только за одну платят. Это ставит меня ниже даже пишущих построчно»[1]. С «New-York Daily Tribune» в течение этого года у Маркса прекратились вообще всякие сношения. Теперь уже нельзя установить все частные причины этого разрыва, но общая причина, несомненно, заключалась в американской гражданской войне.

Хотя эта война принесла таким образом Марксу величайшие невзгоды, все же он приветствовал ее с живейшим сочувствием. «Нечего предаваться иллюзиям, — писал он несколько лет спустя в предисловии к своему главному научному труду. — Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла американская гражданская война XIX столетия»[2]. Из переписки Маркса с Энгельсом видно, что он с глубоким интересом следил за ходом войны. По чисто военным частностям он охотно учился у Энгельса, так как считал себя дилетантом в военных науках: все, что было сказано по этому предмету Энгельсом, до сих пор полно не только исторического, но и политического интереса. Так, Энгельс осветил до глубины вопрос об армии и о милиции в следующем замечании: «Только коммунистически устроенное и *воспитанное* общество может достаточно приблизиться к милиционной системе, да и то лишь приблизительно»[3]. Тут оправдались — но в другом смысле, чем это сказал поэт, — слова, что мастер познается лишь в умении ограничивать себя.

Мастерство, которое Энгельс проявлял в обсуждении военных вопросов, ограничивало его общий горизонт. Наблюдая, как жалко вели войну Северные штаты, он временами думал, что они

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 63. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 7. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 14. — *Ред.*

потерпят поражение. «Что меня смущает у янки, — писал он в мае 1862 г., — при всех их успехах, так это не военное положение само по себе. Последнее важно лишь постольку, поскольку оно является результатом вялости и тупости, обнаруживающейся на всем Севере. Где в народе революционная энергия? Они позволяют себя колотить и затем гордятся полученными колотушками. Укажи мне на всем Севере хотя бы один единственный признак, свидетельствующий, что они берут все это всерьез? Ничего подобного я не видел в Германии даже в самое худшее время. Янки, напротив, больше всего, кажется, рады тому, как они потом объегорят своих государственных кредиторов»[1]. Таким же образом в июле Энгельс полагал, что дело Севера проиграно, а в сентябре «южные молодцы, которые, по крайней мере, знают, чего они хотят...»[2], казались ему героями по сравнению с дряблыми северянами.

Маркс, напротив, непоколебимо верил в победу Севера. Он отвечал в сентябре: «Что касается янки, то я по-прежнему убежден, что, в конце концов, победит Север...

Способ, которым Север ведет войну, таков именно, какого и следовало ожидать от *буржуазной* республики, в которой так долго и суверенно царил обман. Юг, олигархия, гораздо больше подходит для таких вещей, и именно такая олигархия, в которой весь производительный труд лежит на неграх, а 4 млн. белой сволочи являются профессиональными флибустьерами. Несмотря на все это, я готов поручиться головой, что они будут разбиты, несмотря ни «а каких Джексонов-«каменные стены»»[3]. Маркс оказался прав, предсказывая, что и война в конечном итоге определяется экономическими условиями, в которых живут воюющие стороны.

Эта удивительная ясность понимания тем более поражает, что из того же письма видно, в какой гнетущей нужде жил в то время Маркс. Как выясняется из его письма к Энгельсу, он сделал шаг, на который не мог решиться ни до, ни после этого: пытался найти гражданскую службу и имел кое-какие виды на место в одном английском железнодорожном бюро. Дело, однако, не состоялось — он сам не знал, радоваться этому или печалиться, — из-за неразборчивости его почерка. Но нужда все возрастала. Маркс все время прихварывал; кроме приступов его старой болезни печени начались мучившие его многие годы карбункулы и фурункулы; при полной безвыходности положения была опасность, что жена Маркса снова не выдержит и заболеет. У дочерей не было обуви и одежды, чтобы ходить в школу, и, в то время как их подруги веселились в этот год на всемирной вы-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 72. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 107. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 107, 108. — *Ред.*

ставке, они из-за своей бедности избегали, чтобы к ним кто-нибудь приходил в гости. Старшая дочь, уже взрослая, понимала положение родителей и очень страдала; она даже без их ведома сделала попытку подготовиться к игре на театральной сцене.

Ввиду этих обстоятельств Маркс все более примирялся с мыслью, которую он уже давно взвешивал, но постоянно откладывал из-за воспитания дочерей: он хотел оставить свою обстановку в уплату домохозяину, который уже направил к нему судебного пристава, объявить себя несостоятельным должником по отношению ко всем остальным кредиторам, найти обеим старшим дочерям при содействии знакомой английской семьи места гувернанток, пристроить Ленхен Демут на другое место, а самому с женой и с младшей дочерью поселиться в одном из казарменных домов, построенных для беднейшего населения.

Энгельс спас его от этого крайнего шага. Весною 1860 г. он потерял отца и занял более высокое положение в фирме «Эрмен и Энгельс», правда, с большими репрезентативными обязательствами, причем за ним осталось право сделаться впоследствии компаньоном фирмы. Но американский кризис тяжело отзывался на делах и значительно ограничивал его доходы. В начале января 1863 г. его постигло несчастье: умерла Мери Бёрнс, та крестьянская девушка ирландка, с которой он в течение десяти лет был связан свободной любовью. Глубоко потрясенный ее смертью, он писал Марксу: «Не могу тебе описать, что у меня на душе делается. Бедная девочка любила меня от всей души»[1]. Но Маркс ответил ему — и это всего яснее показывает, как жестоко жизнь схватила его за горло, — не с тем участием, какого мог ожидать Энгельс. Он коснулся в нескольких внутренне холодных словах смерти подруги Энгельса и затем перешел к подробному описанию своего отчаянного положения: если ему не удастся получить довольно значительной суммы, то его хозяйство не продержится и двух недель. Правда, он сам признавал, что «чудовищно эгоистично» говорить обо всем этом другу в такую минуту. «И в конце концов, что мне делать? Во всем Лондоне нет ни одного человека, с которым я мог бы хоть поговорить по душе, а у себя дома я играю роль молчаливого стоика, чтобы уравновесить бурные взрывы с другой стороны»[2]. Энгельс был задет «холодным отношением» к его несчастью со стороны Маркса и не скрыл этого в своем ответе, написанном с опозданием на несколько дней. Не располагая сколько-нибудь крупной суммой денег, он все же сделал несколько предложений, как выручить Маркса из нужды.

Маркс также ответил не сразу, но только с целью дать успокоиться взволнованным чувствам, а не потому, что он упорствовал

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 123. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 124. — *Ред.*

в своей неправоте. Напротив, он честно признал ее и отклонил лишь обвинение «в бессердечности»: в этом и в одном из последующих писем он откровенно и вместе с тем в тактичной примиряющей форме рассказал, почему у него голова пошла кругом. Жена Маркса ни звуком не откликнулась на смерть подруги Энгельса, и Маркс понимал, как глубоко это должно было огорчить Энгельса. «Женщины — курьезные создания, — писал он, — даже те из них, которые одарены большим умом. Утром моя жена так плакала над Мери и над твоей потерей, что совершенно забыла свои собственные горести, которые как раз в этот день дошли до своего апогея, а вечером она была уверена, что кроме нас нет ни одного человека, который мог бы страдать, если у него в доме нет судебного пристава и детей»[1]. Но Энгельса успокоило уже одно слово раскаяния: «Если так долго прожил с женщиной, то смерть ее не может не произвести потрясающего впечатления. Я чувствовал, что с ней вместе я похоронил последнюю частицу своей молодости. Когда получилось твое письмо, она еще не была похоронена. Должен сказать тебе, что это письмо целую неделю не выходило у меня из головы... Но все равно, твое последнее письмо искупает его, и я рад, что одновременно с Мери я не потерял и своего самого старого и лучшего друга»[2]. Это был первый и последний случай размолвки в отношениях между Марксом и Энгельсом.

Энгельс «необычайно смелой комбинацией» собрал 100 фунтов стерлингов, с помощью которых Маркс оправился по крайней мере настолько, что мог отказаться от переселения в казарменный дом. Так ему удалось с трудом продержаться в течение 1863 г., к концу которого умерла его мать. Наследство, полученное Марксом, вероятно, было невелико. Некоторое облегчение ему принесли только 800 или 900 фунтов, завещанные ему Вильгельмом Вольфом как главному наследнику.

Вольф умер в мае 1864 г., глубоко оплакиваемый Марксом и Энгельсом. Ему еще не было 55 лет; он никогда не берег себя среди бурь и непогод тяжелой жизни, а, как заметил Энгельс, упорная преданность своему призванию педагога ускорила его смерть. Благодаря популярности, которой он пользовался среди немцев в Манчестере, Вольф устроился там довольно хорошо после тяжелых испытаний первых лет изгнания; к тому же, по-видимому, незадолго до смерти он получил наследство от отца. Позднее Маркс посвятил первый том своего бессмертного гениального произведения «Моему незабвенному другу, смелому, верному, благородному, передовому бойцу пролетариата...»[3]; по-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 129—130. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 127. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 1. — *Ред.*

следняя дружеская забота о нем Вольфа значительно облегчила Марксу беспрепятственную работу над главным его трудом.

Конечно, заботы не окончательно покинули Маркса, но уже никогда нужда не подступала к нему в такой раздирающей сердце форме, как в эти последние годы. Так как в сентябре 1864 г. Энгельс заключил с Эрменом контракт на пять лет, в силу которого он сделался участником фирмы, то у него с этого времени появилась возможность с прежней неустанностью, но более щедрой рукой помогать Марксу, когда последний нуждался в его помощи.

7
АГИТАЦИЯ ЛАССАЛЯ

В дни самых тяжелых забот, в июле 1862 г. Лассаль приехал к Марксу с ответным визитом в Лондон.

«... Чтобы соблюсти некоторый декорум по отношению к этому парню, моей жене пришлось снести в ломбард все до последней нитки»[1], — писал Маркс Энгельсу. Лассаль совсем не имел представления о стесненном положении Маркса; он принял видимость, созданную для него Марксом и его женой, за действительность; преданная управительница дома, Елена Демут, не могла забыть благословенный аппетит этого гостя. Так создалось «прескверное положение», и нельзя винить Маркса, если с появлением Лассаля, никогда не страдавшего чрезмерной скромностью, он поддался тому настроению, в котором Шиллер однажды сказал о Гёте: Как легко все досталось этому человеку, и как тяжело мне приходится бороться за все!

Только при прощании, прожив у Маркса несколько недель, Лассаль, по-видимому, уяснил себе положение вещей. Он предложил свою помощь и хотел выслать к новому году 15 фунтов стерлингов; кроме того, он разрешил Марксу взять любую сумму под его вексель, если Энгельс или кто-либо другой поручится за уплату. С помощью Боркгейма Маркс пытался получить таким путем 400 талеров, но Лассаль письменно поставил свое согласие выдать вексель в зависимость от того, что для «предотвращения всех непредвиденных обстоятельств как для жизни, так и на случай смерти» Энгельс выдаст письменное обязательство, что за восемь дней до наступления срока векселя он передаст ему, Лассалю, следуемую для погашения векселя сумму. Маркс был, конечно, неприятно поражен недоверием к его личному обещанию, но Энгельс просил его Не волноваться из-за «такой ерунды» и тотчас же дал требуемое поручительство.

Дальнейшее течение этих денежных дел не вполне ясно.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 86. — *Ред.*

29 октября Маркс писал Энгельсу, что Лассаль «очень зол» на него и требует, чтобы деньги для погашения векселя были присланы по его личному адресу, так как у него нет банкира; а 4 ноября он пишет, что Фрейлигрaт выразил готовность передать 400 талеров Лассалю. На следующий день Энгельс ответил, что «завтра» он пошлет 60 фунтов стерлингов Фрейлигрaту. Но вместе с тем оба говорили о «возобновлении» векселя, и, по-видимому, из-за этого вышли какие-то неприятности. По крайней мере 24 апреля 1864 г. Лассаль говорил третьему лицу, что он уже около двух лет не переписывается с Марксом, так как между ними создались натянутые отношения из-за «денежных дел». Лассаль действительно писал Марксу в последний раз в конце 1862 г., посылая ему свою брошюру под заглавием «Что же теперь?». Письмо это не сохранилось, но Маркс упоминает о нем в письме к Энгельсу от 2 января 1863 г., говоря, что оно содержало просьбу прислать обратно одну книгу. Но 12 июня Маркс писал Энгельсу, резко критикуя агитацию Лассаля: «С самого начала этого года никак не могу решиться написать этому человеку»[1]. Таким образом, Маркс прервал переписку с Лассалем из-за политических разногласий.

Все же возможно, что по существу между утверждениями Лассаля и Маркса нет никакого противоречия. Одно могло усугублять другое. В высшей степени неприятные обстоятельства, при которых они в последний раз встретились, по-видимому, во многом способствовали обострению их политических разногласий. И эти разногласия во всяком случае не уменьшились после посещения Марксом Берлина.

Осенью 1861 г. Лассаль совершил путешествие в Швейцарию и Италию и познакомился в Цюрихе с Рюстовым, а на острове Капри — с Гарибальди; в Лондоне он посетил Мадзини. Он, по-видимому, интересовался несколько фантастическим и никогда не осуществившимся планом итальянской партии действия. Согласно этому плану Гарибальди должен был высадиться со своей добровольческой армией в Далмации и оттуда поднять восстание в Венгрии. Сам Лассаль не оставил об этом никаких письменных материалов; быть может, все это было мимолетной затеей. Во всяком случае у Лассаля голова была в это время занята иными планами, и он начал проводить их еще до своего прибытия в Лондон, прочитав с этой целью два доклада.

Гораздо важнее всех итальянских затей было для него склонить Маркса к содействию этим планам. Но Маркс оказался еще более недоступным, чем в предыдущем году. Он готов был согласиться — при условии приличной оплаты — стать английским корреспондентом газеты, которую все еще затевал Лассаль, но не

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 154. — *Ред.*

желал брать на себя никакой ответственности или принимать политическое участие в предприятии Лассаля, так как ни в чем не был согласен с ним, кроме некоторых отдаленных конечных целей. Столь же отрицательно Маркс отнесся к плану агитации среди рабочих, который развивал ему Лассаль. Он находил, что Лассаль слишком поддается влиянию условий непосредственного момента и хочет сделать центром своей агитации борьбу против такого карлика, как Шульце-Делич, т. е. выдвигает «государственную помощь» против «самопомощи». Этим Лассаль возобновил, по мнению Маркса, лозунг, с которым в 40-е годы католический социалист Бюше боролся против подлинного рабочего движения во Франции. Снова выдвигая чартистский лозунг всеобщего избирательного права, Лассаль упускает из виду различие между германскими и английскими условиями, а также уроки Второй империи относительно этого избирательного права. Отрицая всякую естественную связь с прежним движением в Германии, Лассаль впадает в ошибку сектантства — в ошибку Прудона: он ищет реальную основу не в действительных элементах классового движения, а навязывает этому движению известный ход действий согласно определенному доктринерскому рецепту.

Все это, однако, не запугало Лассаля, и он продолжал свою агитацию с весны 1863 г. именно как решительно рабочую агитацию. Он даже не отказался от надежды все же убедить Маркса в правоте своего дела, ибо и после прекращения переписки с Марксом он регулярно посылал ему свои агитационные сочинения. Отношение Маркса к этим сочинениям было, однако, таким, какого Лассаль не мог ожидать. В письмах к Энгельсу Маркс критиковал их с резкостью, иногда доходившей до самой горькой несправедливости. Мы не станем входить здесь в неприятные подробности, с которыми можно ознакомиться по переписке между Марксом и Энгельсом. Достаточно сказать, что Маркс клеймил эти произведения Лассаля, указавшие путь к новой жизни сотням тысяч немецких рабочих, как плагиаты ученика приготовительного класса. Так он говорил о тех вещах Лассаля, которые читал, а те, что не читал, он характеризовал как ученические упражнения, на. чтение которых не стоит убивать свое время.

Только тупые фарисеи могут отделаться по этому поводу той глупой отговоркой, что Маркс как учитель Лассаля якобы имел право так говорить о нем. Маркс не был сверхчеловеком и сам считал себя только человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Бессмысленное попугайничанье — это было как раз то, чего он больше всего не выносил! В его собственном духе ему воздается не меньше уважения исправлением допущенной им несправедливости, чем возмездием за несправедливость, совершенную по отношению к нему. Маркс больше выигрывает от обоснованной и беспристрастной критики его отношений к Лассалю, чем от

подражания тем людям, которые молятся на каждую его букву и которые, пользуясь сравнением Лессинга, с его ночными туфлями в руках плетутся по проложенному им пути.

Маркс и был и не был учителем Лассаля. С известной точки зрения он мог бы сказать о Лассале то же, что, по преданию, сказал перед смертью Гегель о своих учениках: «Только один из моих учеников меня понял, да и тот, к сожалению, понял меня неверно». Лассаль, несомненно, был самым гениальным приверженцем из всех приобретенных Марксом и Энгельсом, но альфу и омегу их нового мировоззрения — исторического материализма — он никогда не усвоил себе с полной ясностью. В действительности он никогда не освободился от «спекулятивного понятия» гегелевской философии и при всем своем понимании всемирно-исторического значения пролетарской классовой борьбы всегда представлял себе ее в идеалистической форме мышления, свойственного буржуазной эпохе, — в форме ее философии и юриспруденции.

Следствием этого было то, что Лассаль как экономист не шел ни в какое сравнение с Марксом, и экономические взгляды Маркса он недостаточно усвоил или даже совершенно неверно понимал. Маркс сам — иногда слишком мягко, но чаще слишком резко — упрекал его в этом. В изложении Лассалем своей теории стоимости он находил лишь «значительные недоразумения», а между тем вернее было бы сказать, что Лассаль совершенно не понял этой теории. Он воспринял из нее только то, что подходило к его философски-правовому мировоззрению: доказательство, что общественно необходимое рабочее время, которое образует стоимость, приводит к необходимости общественного производства, чтобы обеспечить рабочему полный доход от его труда. Но для Маркса развитая им теория стоимости была разгадкой всех загадок, заключающихся в капиталистическом способе производства. Она была нитью, по которой можно проследить образование стоимости и прибавочной стоимости как всемирно-исторический процесс, который должен превратить капиталистическое общество в общество социалистическое. Лассаль проглядел различие между трудом, поскольку он производит потребительные стоимости, и трудом, поскольку он создает меновые стоимости; он проглядел ту двоякую природу заключенного в товарах труда, которая была для Маркса краеугольным камнем понимания всей политической экономии. В этом решающем пункте и вскрывается глубочайшее различие, существовавшее между Лассалем и Марксом, — различие между философски-правовым и экономически-материалистическим пониманием общественных явлений.

В других экономических вопросах Маркс слишком резко судил о слабостях Лассаля. Так, он особенно резко критиковал основные экономические положения лассалевской агитации — назван-

ный им «железным» закон заработной платы и производительные товарищества с государственным кредитом. Маркс считал, что свой «железный» закон заработной платы Лассаль заимствовал у английских экономистов Мальтуса и Рикардо, а производительные товарищества взял у французского католического социалиста Бюше. На самом деле, однако, Лассаль взял и то и другое из «Коммунистического манифеста».

Из теории народонаселения Мальтуса, утверждавшего, что люди размножаются всегда быстрее, чем увеличиваются средства пропитания, Рикардо вывел закон, согласно которому средняя заработная плата ограничивается минимумом средств, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей по привычному уровню, установившемуся для поддержания существования и для размножения населения. Этого обоснования закона заработной платы посредством якобы естественного закона Лассаль никогда не принимал. Он так же резко боролся против теории народонаселения Мальтуса, как Маркс и Энгельс. «Железный» характер закона заработной платы он подчеркивал только для капиталистического общества, «при существующих обстоятельствах, при господстве спроса на труд и предложения труда»[1]. В этом он шел по следам «Коммунистического манифеста».

Только спустя три года после смерти Лассаля Маркс указал на растяжимый характер закона заработной платы в том виде, как он формируется при высшем развитии капиталистического общества. Он указал, что высшим пределом его действия является потребность капитала в увеличении стоимости, а низшим — та степень нищеты, которую может вынести рабочий, не умирая немедленно голодной смертью. В этих пределах высота заработной платы определяется не естественным движением населения, а тем сопротивлением, которое оказывают рабочие постоянной тенденции капитала выжать из их рабочей силы возможно большее количество неоплачиваемого труда. Вследствие этого профессиональная организация рабочего класса приобретает для пролетарской освободительной борьбы совсем другое значение, чем то, которое приписывал ей Лассаль.

Если в этом пункте Лассаль по своему пониманию экономической теории отстал лишь от Маркса, то со своими производительными товариществами он впал в сплошное непонимание. Он не перенял их от Бюше и не считал их панацеей, а видел в них начало обобществления производства. С такой точки зрения «Коммунистический манифест» рассматривал централизацию кредита в руках государства и учреждение национальных фабрик. Но эти мероприятия перечислялись в «Коммунистическом манифесте»

[1] См. «Новая история в документах и материалах», Соцэкгиз, 1934, 2 изд., вып. II, стр. 92. — *Ред.*

лишь среди ряда других. Все они признавались «экономически... недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»[1]. Лассаль же видел в своих производительных товариществах «органическое горчичное зерно, неудержимо стремящееся к дальнейшему развитию и развертывающееся из самого себя». Этим Лассаль безусловно обнаруживает «заражение французским социализмом», допуская возможность устранить законы товарного производства на почве товарного же производства.

Слабые стороны экономических воззрений Лассаля — мы указали лишь на несколько основных пунктов, — конечно, могли вызвать чувство досады у Маркса. То, что он давно уже выяснил, снова подвергалось сомнению. Вот почему некоторые его резкости по этому поводу вполне понятны. Но, поддаваясь этому понятному чувству досады, Маркс упускал из виду, что Лассаль при всех своих теоретических промахах проводил по существу его политику. Маркс всегда сам советовал примыкать к крайне левому крылу уже существующего движения для того, чтобы толкать его вперед, и в 1848 г. он сам следовал этой практике. Лассаль поддавался влиянию «условий непосредственного момента» не в большей мере, чем сам Маркс в революционные годы. А когда Маркс утверждал, что Лассаль как основатель секты отрицал всякую естественную связь с прежним движением, то это верно в том отношении, что в своей агитации Лассаль никогда не упоминал о Союзе коммунистов и о «Коммунистическом манифесте». Но также тщетно искать упоминания о Союзе и Манифесте и в нескольких сотнях номеров «Neue Rheinische Zeitung».

После смерти Маркса и Лассаля Энгельс, правда, лишь косвенно, но тем решительнее оправдывал тактику Лассаля. Когда в 1886 и 1887 гг. в Соединенных Штатах стало развиваться массовое пролетарское движение с очень путаной программой, Энгельс написал своему старому другу Зорге: «Первым серьезным шагом, — что важно для каждой вновь вступающей в движение страны, — всегда является конституирование рабочих в виде самостоятельной политической партии, — все равно как, лишь бы она была особой рабочей партией»[2]. Если первая программа этой партии будет вначале путаная и страдающая многими недостатками, то это — неизбежное, но скоропреходящее зло. В таком же смысле он писал и другим партийным товарищам в Америке. Марксистская теория есть не единственно спасительная догма, говорил он им, а изложение процесса исторически неизбежного развития; не следует усиливать хаотичность

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 4, стр. 446. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 606. — *Ред.*

первого выступления, насильственно навязывая людям такие вещи, которых они теперь еще не в состоянии понять, но которым они скоро научатся.

Энгельс ссылался при этом на пример, данный им и Марксом в революционные годы. «Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г., мы примкнули к демократической партии, потому что это было единственным возможным средством быть услышанным рабочим классом; мы были самым передовым крылом этой партии, но все же ее крылом»[1]. И как «Neue Rheinische Zeitung» молчала о «Коммунистическом манифесте», так и Энгельс предостерегал от того, чтобы выдвигать его в американском движении. Этот «Манифест», как и все почти мелкие работы, написанные Марксом и им, говорил Энгельс, еще слишком мало понятны для Америки. Американские рабочие только вступают в движение; они еще очень неразвиты и особенно отсталы в теоретическом отношении: «Тут приходится опираться непосредственно на практику, а для этого нужна совершенно новая литература... Как только люди там более или менее встанут на правильный путь, «Манифест» не замедлит оказать свое действие. Сейчас же он может оказать влияние лишь на немногих»[2]. А когда Зорге, возражая ему, указывал, как глубоко «Манифест» подействовал при своем появлении на него, когда он был еще мальчиком, Энгельс написал: «Вы ведь и сорок лет тому назад были немцами, с немецким теоретическим умом, и потому в то время «Манифест» оказал свое действие, тогда как на другие народы он не произвел никакого впечатления, хотя и был переведен на французский, английский, фламандский, датский и другие языки»[3]. В 1863 г. в германском рабочем классе, после долгих лет тяжкого гнета, осталось лишь немного из этого теоретического смысла, и он также нуждался в продолжительном воспитании, чтобы снова понять «Манифест».

Агитация Лассаля была безукоризненна именно в том, что Энгельс, постоянно и вполне правильно ссылаясь на Маркса, определял как «главное» в начинающемся рабочем движении. Если Лассаль как экономист стоял далеко позади Маркса, то как революционер он с ним одного ранга, если только мы не хотим порицать Лассаля за то, что бурный порыв революционной энергии перевешивал в нем неустанное терпение научного исследователя. Все его писания, за одним исключением — «Гераклита», были рассчитаны на непосредственное практическое действие.

Таким образом, Лассаль строил свою агитацию на широком и прочном фундаменте классовой борьбы и ставил своей неизменной целью завоевание политической власти рабочим классом. Он

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 402. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 626. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 637. — *Ред.*

отнюдь не прописывал этому движению доктринерских рецептов, в чем его упрекал Маркс, а связал его с теми «элементами действительности», которые уже сами по себе вызвали известное движение среди германских рабочих, а именно: всеобщее избирательное право и вопрос о товариществах. Лассаль гораздо правильнее оценил всеобщее избирательное право в качестве рычага пролетарской классовой борьбы, чем это сделали — по крайней мере в свое время — Маркс и Энгельс. А что касается его производительных товариществ с государственным кредитом, то каких бы нареканий они ни вызывали, в основе их лежит верная мысль о том, что — цитируем подлинные слова Маркса, сказанные им несколько лет спустя, — «чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на средства всей нации»[1]. «Основателем секты» Лассаля делало — и то лишь по видимости — чрезмерное преклонение его приверженцев, и в этом нельзя винить во всяком случае непосредственно и в первую голову его самого. Лассаль достаточно старался, чтобы «бараньи головы не принимали все движение за дело одного человека»; он пытался привлечь к своей агитации не только Маркса и Энгельса, но Бухера, Родбертуса и некоторых других. А так как ему не удалось привлечь к работе духовно равного ему товарища, то вполне естественно, что признательность рабочих принимала иногда безвкусную форму личного культа. Но Лассаль не был, конечно, человеком, оставляющим свой светильник под спудом. Самоотверженностью Маркса, для которого все личное отступало на задний план перед делом, Лассаль не обладал.

Следует обратить внимание еще на одно решающее обстоятельство — на резкую по видимости борьбу либеральной буржуазии с прусским правительством, из которой исторически исходила агитация Лассаля. С 1859 г. Маркс и Энгельс стали уделять повышенное внимание немецким делам, но, как это видно из их переписки, до 1866 г. действительного контакта с этими делами они не установили. Несмотря на опыт, вынесенный ими из революционных лет, они все еще рассчитывали на возможность буржуазной и даже милитаристской революции. Переоценивая германскую буржуазию, они в той же мере недооценивали великопрусскую политику. Они не могли отрешиться от впечатлений своей молодости, когда их рейнская родина в гордом сознании своей передовой культуры свысока смотрела на старопрусские вотчинные области. Потом, чем более их главное внимание обращалось на царские планы установления мирового господства, тем более они усматривали в Пруссии в лучшем случае только русскую

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 342. — *Ред.*

сатрапию. В Бисмарке они склонны были видеть лишь «орудие одного русского орудия» — того «таинственного человека в Тюильри», о котором они говорили уже в 1859 г., что он пляшет только под дудку русской дипломатии. Им была совершенна чужда та мысль, что великопрусская политика при всех своих прочих недостатках может привести к результатам, которые будут в одинаковой мере неприятным сюрпризом как для Парижа, так и для Петербурга. Но так как они считали, что в Германии еще возможна буржуазная революция, то тактика Лассаля казалась им совершенно несвоевременной. И если бы они рассуждали правильно, то никто не согласился бы с ними более охотно, чем Лассаль.

Лассаль стоял ближе к немецкой действительности и вернее судил о ней. Он исходил как раз из того — и под этим знаком победил, — что филистерское движение прогрессивной буржуазии никогда не приведет ни к чему, «хотя бы прождать столетия и даже целые геологические периоды». Но если отпадает возможность буржуазной революции, то национальное объединение Германии, по предвидению Лассаля, поскольку оно в этом случае вообще будет еще возможно, явится делом династического переворота, и в нем, по его мнению, новая рабочая партия должна стать тараном. Конечно, когда он уже в своих переговорах с Бисмарком хотел заманить великопрусскую политику на скользкий путь, то этим он нарушил требования, правда, еще не принципа, но уже политического такта. В этом Маркс и Энгельс справедливо могли обвинять и обвиняли его.

То, что в 1863 и 1864 гг. разъединяло их с Лассалем, было по существу, как и в 1859 г., «противоположные суждения относительно фактических предпосылок». Этим устраняется видимость личной вражды, созданная резкими суждениями Маркса о Лассале именно в эти годы. Маркс все же никогда не мог полностью преодолеть свое предубеждение против Лассаля, имя которого история германской социал-демократии всегда будет упоминать рядом с именами Маркса и Энгельса. Даже примиряющая сила смерти не надолго смягчила отношения Маркса к Лассалю.

Известие о смерти Лассаля Маркс получил от Фрейлиграта и 3 сентября телеграфировал об этом Энгельсу. Энгельс на следующий день ответил: «Ты можешь себе представить, как это известие меня поразило. Каков бы Лассаль ни был как личность, как литератор, как ученый, но как политик это был несомненно один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом, но все же становится очень больно, когда видишь, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии. Какое ликование будет теперь в лагере

фабрикантов и прогрессистских собак, ведь в самой Германии Лассаль был единственным человеком, которого они боялись»[1].

Маркс ответил не сразу, а 7 сентября написал: «Несчастье с Лассалем мучило меня все эти дни. Он ведь все же принадлежал еще к старой гвардии и был врагом наших врагов... Несмотря на все это, мне больно, что в последние годы наши отношения были омрачены, — правда, по его вине. С другой стороны, мне очень приятно, что я не поддался подстрекательствам с различных сторон и ни разу не выступил против него во время его «года торжества».

Черт возьми, кучка становится все меньше, новые не прибывают»[2]. Графине Гацфельдт Маркс написал сочувственное письмо: «Он умер молодым, в триумфе, как Ахилл»[3]. Когда вскоре после этого болтун Блинд хотел придать себе важность за счет Лассаля, Маркс очень резко отчитал его: «Я далек от намерения разъяснять значение такой личности, как *Лассаль,* и подлинную тенденцию его агитации этому нелепому шуту, за которым не стоит ничего, кроме его собственной тени. Наоборот, я убежден, что, лягая *мертвого льва, г.* Карл Блинд выполняет лишь то призвание, которым наделили его природа и Эзоп»[4]. И еще несколько лет спустя Маркс в письме к Швейцеру подтверждал «бессмертную заслугу Лассаля», который, несмотря на совершенные им при агитации «крупные ошибки», вновь вызвал к жизни после пятнадцатилетней спячки германское рабочее движение.

Наступило, однако, опять время, когда Маркс судил о мертвом Лассале с еще большей горечью и несправедливостью, чем когда-либо о живом. От этого остается тяжелый осадок, и он исчезает лишь при возвышенной мысли, что современное рабочее движение слишком огромно для того, чтобы его мог исчерпать даже самый огромный ум.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 199.— *Ред.*
[2] Там же, стр. 201.— *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 419. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 20.— *Ред*.

Глава одиннадцатая

НАЧАЛО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1
ОСНОВАНИЕ

Через несколько недель после смерти Лассаля, 28 сентября 1864 г., в Лондоне, на большом митинге в Сент-Мартинс Холле, было основано Международное Товарищество Рабочих.

Оно не являлось созданием одного человека, не было «маленьким туловищем с большой головой», безродной бандой заговорщиков; оно не было ни тем ничтожным призраком, ни тем страшилищем, каким его поочередно представляла подхлестываемая злой совестью фантазия капиталистических герольдов. Оно было скорее переходной формой пролетарской освободительной борьбы, а по своему историческому существу эта форма была столь же необходимой, сколь и преходящей.

Капиталистический способ производства, противоречивый сам в себе, создает современные государства и вместе с тем разрушает их. Он обостряет национальные противоречия до крайних пределов и в то же время пересоздает все нации по своему образу и подобию. На почве капиталистического способа производства это противоречие является неразрешимым, и о него разбивались все попытки установить то братство народов, о котором столько пела и трубила буржуазная революция. В то время как крупная промышленность так много проповедовала о свободе и о мире между нациями, именно она превратила весь земной шар в военный лагерь, чего в такой мере не знал ни один из предшествующих периодов истории.

Но вместе с падением капиталистического способа производства падает и его внутреннее противоречие. Конечно, пролетарская освободительная борьба может развиваться только на национальной почве; а так как капиталистический процесс производства совершается также в национальных рамках, то пролетариат каждой страны прежде всего сталкивается со своей буржуазией. Но пролетариат не подчинен той безжалостной конкурентной борьбе, которая готовит быстрый и стремительный конец всяким интернациональным мечтаниям буржуазии о свободе и о мире. Как только рабочие осознают — а это осознание совпадает с первым пробуждением их классового сознания, — что они должны прекратить

конкуренцию в собственных рядах, чтобы иметь вообще возможность успешно противодействовать превосходству сил капитала, в этот момент останется лишь один шаг до более углубленного понимания необходимости прекратить также и конкуренцию между рабочим классом различных стран, а также необходимости совместных действий для того, чтобы сломить интернациональное господство буржуазии.

Соответственно с этим в современном рабочем движении уже очень рано обнаружилась интернациональная тенденция. То, что буржуазному рассудку, забаррикадированному интересами наживы, казалось только отсутствием патриотизма, а также недостатком образования и понимания, было не чем иным, как жизненным условием пролетарской освободительной борьбы. Но хотя эта борьба должна и может разрешить разлад между национальными и интернациональными стремлениями, между которыми вечно мечется буржуазия, все же она не владеет волшебной палочкой и не может в этой, как и во всех других областях, сразу превратить тяжелый и крутой подъем в гладкую и ровную дорогу. Современному рабочему классу приходится бороться в условиях, поставленных ему историческим развитием; их нельзя разбить одним могучим натиском, а можно преодолеть лишь поняв их — в смысле гегелевского выражения: «понять — значит преодолеть».

Такое понимание, однако, в высшей степени затруднялось тем, что начало европейского рабочего движения, в котором уже сразу обнаружилось его интернациональное направление, часто совпадало и перекрещивалось с созданием великих национальных государств, а это было результатом капиталистического способа производства. Через несколько недель после того как «Коммунистический манифест» возвестил о необходимости объединения пролетариата всех цивилизованных стран как неизбежного условия его освобождения, разразилась революция 1848 г. В Англии и Франции она уже противопоставила друг другу буржуазию и пролетариат как враждебные силы, но в Германии и в Италии она вызвала лишь борьбу за национальную независимость. Правда, пролетариат, поскольку он уже активно проявлял себя, вполне верно понял тогда, что эта борьба за независимость, если и не является ни в каком случае его конечной целью, все же служит этапом на пути к достижению этой цели. Именно он выставил самых отважных борцов национального движения в Германии и Италии, и нигде это движение не встречало более энергичного содействия, чем в «Neue Rheinische Zeitung», издававшейся авторами «Коммунистического манифеста». Национальная борьба, однако, естественно отодвинула назад идею интернационализма, в особенности после того, как немецкая и итальянская буржуазия начала искать спасения в помощи реакционных штыков. В Италии стали организовываться союзы рабочей помощи под знаме-

нем Мадзини; это знамя отнюдь не было социалистическим, но оно все же было республиканским. А в более развитой Германии, где рабочим уже со времени Вейтлинга не было чуждо сознание интернациональной общности их дела, именно из-за национального вопроса возникла почти десятилетняя междоусобица.

Иначе обстояло дело во Франции и в Англии, где национальное единство было давно уже прочно обеспечено, когда началось рабочее движение. Там уже в домартовское время веял дух интернационализма: Париж считался столицей европейской революции, а Лондон был столицей мирового рынка. Однако и тут интернациональное течение более или менее отступило назад после поражений пролетариата.

Ужасное кровопускание июньских сражений парализовало французский рабочий класс, а железный гнет бонапартовского деспотизма мешал развитию его профессиональных и политических организаций. Получился рецидив домартовского сектантства; из его хаоса ясно проступали два более заметных течения, в которых до известной степени раздельно выявлялись в одном — революционный, в другом — социалистический элемент. Первое примыкало к Бланки, не имевшему, собственно, социалистической программы и хотевшему завоевать политическую власть посредством отважного нападения решительно действующего меньшинства. Второе течение, несравненно более сильное, находилось под духовным влиянием Прудона, который своими меновыми банками для устройства безвозмездного кредита и другими доктринерскими экспериментами только отвлекал пролетариат от политического движения. Об этом течении Маркс уже в своей книге «Восемнадцатое брюмера» говорил, что оно отказывается от мысли перевернуть старый мир его же собственными громадными совокупными средствами, а пытается достигнуть освобождения лишь за спиною общества, частным образом, оставаясь в пределах его ограниченных условий существования.

В некоторых отношениях аналогичное движение происходило и в английском рабочем классе после крушения чартизма. Великий утопист Оуэн был еще жив, хотя и в престарелом возрасте, но его школа выродилась в религиозное свободомыслие. Наряду с этим возник христианский социализм Кингсли и Морриса. Хотя этот социализм и не следует сваливать в одну кучу с его континентальными пародиями, но и он стоял вне всякой политической борьбы, ограничиваясь распространением образования и кооперирования. И даже профессиональные союзы тред-юнионов, составлявшие преимущество Англии перед Францией, были равнодушны к политике и ограничивались удовлетворением своих ближайших потребностей, что облегчалось лихорадочной промышленной деятельностью 50-х годов и преобладанием Англии на мировом рынке.

Несмотря на все это, интернациональное рабочее движение лишь весьма постепенно затихало на английской почве. Последние следы его можно обнаружить еще в конце 50-х годов. «Братские демократы» протянули свое существование до Крымской войны, и даже когда эта организация окончательно заглохла, возник еще Интернациональный комитет и затем Интернациональная ассоциация, над созданием которых особенно потрудился Эрнест Джонс. Большого значения они, конечно, не приобрели, но все же показали, что идея интернационализма не угасла окончательно, а еще тлела слабой искрой и могла легко разгореться ярким пламенем от более сильных порывов ветра.

Такими порывами ветра были последовавшие один за другим торговый кризис 1857 г., война 1859 г. и в особенности гражданская война, вспыхнувшая после 1860 г. между северными и южными штатами Североамериканского союза. Торговый кризис 1857 г. нанес бонапартовскому величию во Франции первый серьезный удар, а попытка отвести этот удар при помощи авантюры в области внешней политики оказалась неудачной. Духи, вызванные к жизни декабрьским героем, давно уже не были в его власти. Движение за объединение Италии уже вышло за желательные ему пределы, а французская буржуазия не довольствовалась тощими лаврами битв при Мадженте и Сольферино. Тогда-то и пришло ему на ум предоставить большую свободу действия рабочему классу, чтобы поубавить растущую спесь буржуазии. Ведь возможность существования Второй империи зависела, собственно говоря, от успешного разрешения задачи — как поставить буржуазию и пролетариат под взаимную угрозу.

Бонапарт, конечно, думал не о политических уступках, а только о профессиональных. Прудон, пользовавшийся сравнительно наибольшим влиянием во французских рабочих кругах, был противником империи, — хотя некоторые из его парадоксальных причуд могли дать повод к противоположному заключению, — но он был также противником стачек. Однако именно здесь были задеты жизненные интересы французских рабочих. Несмотря на увещания Прудона и на строгий запрет коалиций, за время с 1853 по 1866 г. уголовными судами было осуждено не менее 3909 рабочих за участие в 749 коалициях. Бонапарт, этот поддельный Цезарь, начал с того, что даровал осужденным помилование. Затем он поддерживал отправку французских рабочих на Лондонскую всемирную выставку 1862 г., и его поддержка была, бесспорно, более основательной, чем одновременное осуществление той же «остроумной» идеи немецким Национальным союзом. Делегатов должны были избрать их товарищи по ремеслу. В Париже было устроено 50 избирательных бюро для рабочих 150 профессий, которые послали в Лондон в целом 200 представителей; расходы были покрыты частью путем добровольной подпис-

ки, а главным образом из средств имперского и городского казначейств, давших по 20 тысяч франков каждое. После своего возвращения делегаты получили право напечатать подробные отчеты, которые в значительной степени выходили за пределы чисто деловых интересов. При тогдашних обстоятельствах это было делом большого, государственного значения и вызвало тяжкий вздох у вещего ангела — парижского префекта полиции. Прежде чем пускаться на такие шутки, говорил он, лучше бы император сразу отменил запрет коалиций.

И действительно, рабочие не оказали своему своекорыстному покровителю той признательности, на которую он претендовал. Они отблагодарили его так, как он этого заслужил. На выборах 1863 г. в Париже за кандидатов, выставленных правительством, было подано только 82 тысячи голосов, а за кандидатов оппозиции — 153 тысячи голосов, в то время как на выборах 1857 г. правительство имело еще 111 тысяч голосов, оппозиция же — всего 96 тысяч. По общему мнению, такая перемена лишь в небольшой мере объяснялась отходом буржуазии; она была вызвана главным образом изменившимся отношением со стороны рабочего класса, который именно тогда, когда лже-Бонапарт начал заигрывать с ним, стал проявлять свою независимость — сначала, правда, только под знаменем буржуазного радикализма. Это предположение подтвердилось при дополнительных выборах в Париже в 1864 г. тем, что шестьдесят рабочих выставили своим кандидатом гравера Толена и издали манифест, в котором возвещали о пробуждении социализма. Конечно, говорилось в нем, социалисты многому научились из опыта прошлого. В 1848 г. рабочие не выработали еще ясной программы; они следовали той или иной социальной теории скорее инстинктивно, чем сознательно. Теперь же они держатся подальше от утопических крайностей и стремятся к социальным реформам. В качестве таких реформ Толен требовал свободы печати и собраний, отмены запрета коалиций, обязательного и бесплатного обучения, а также отмены бюджета вероисповеданий.

Толен, однако, собрал всего лишь несколько сотен голосов. Прудон вполне разделял мысли манифеста, но был против участия в выборах: подача чистых избирательных записок казалась ему более резкой формой протеста против империи. Бланкисты считали манифест слишком умеренным, а буржуазия в ее либеральных и радикальных оттенках, за немногими исключениями, с насмешками и издевательством обрушилась на самостоятельное выступление рабочих, хотя предвыборная программа Толена не создавала еще для нее никаких поводов к беспокойству. Все это было весьма похоже на то, что происходило одновременно в Германии. Подбодренный этим Бонапарт решился еще на один шаг: в мае 1864 г. издан был закон, правда, еще не отменявший

запрещения профессиональных союзов (самый запрет был снят лишь четыре года спустя), но устранявший те статьи Code penal (уголовного уложения), которые воспрещали коалиции рабочих, направленные на улучшение условий труда.

В Англии запрет стачек снят был уже в 1825 г., но существование тред-юнионов еще не было обеспечено ни юридически, ни фактически; масса их членов была лишена политических избирательных прав, которые помогли бы им устранить законы, затруднявшие борьбу за улучшение условий жизни. Возникновение континентального капитализма, лишавшего прочных основ существования несметное число людей, грозило им опасной и грязной конкуренцией: при всякой попытке к увеличению заработной платы и к сокращению рабочего дня капиталисты угрожали ввозом французских, бельгийских, германских или других иностранных рабочих. Особенно взбудоражила рабочих американская гражданская война. Она вызвала хлопковый кризис, который навлек величайшие бедствия на рабочих английской текстильной промышленности.

Так пробудились тред-юнионы от своего созерцательного существования. Возник Новый юнионизм, представленный несколькими опытными руководителями самых крупных тред-юнионов. Это были: Аллан — от машиностроительных рабочих, Аппльгарт — от плотников, Лекрафт — от столяров, Кример — от каменщиков, Оджер — от сапожников и др. Они признали необходимость политической борьбы и для профессиональных союзов и сосредоточили внимание на избирательной реформе. Они были движущей силой грандиозного митинга в Сент-Джемс Холле под председательством радикального политика Брайта. На митинге поднят был бурный протест против плана Пальмерстона, который хотел вмешаться в американскую гражданскую войну в пользу южных рабовладельческих штатов. Затем эти же вожди тред-юнионов устроили торжественный прием Гарибальди, когда он приехал в Лондон весной 1864 г.

Политическое пробуждение английского и французского рабочего класса снова вызвало к жизни идею интернационализма. Уже во время всемирной выставки 1862 г. устроен был «праздник братания» между французскими делегатами и английскими рабочими. Связь сделалась еще более тесной благодаря польскому восстанию 1863 г. Польское дело было издавна очень популярным среди революционных элементов западноевропейских культурных народов. Вследствие расчленения и угнетения Польши три восточные державы сделались одной реакционной силой. Восстановление Польши явилось бы ударом в сердце для русской гегемонии в Европе. Уже «Братские демократы» регулярно праздновали торжественным образом памятные дни польской революции 1830 г., восторженно приветствуя польский народ, но

всегда в том смысле, что восстановление свободной и демократической Польши является необходимой предпосылкой освобождения пролетариата. Так было и в 1863 г. На польском митинге в Лондоне, на который послали своих представителей французские рабочие, ясно звучала социальная нота. Она была также основным тоном адреса, отправленного комитетом английских рабочих под председательством Оджера французским рабочим с выражением благодарности за их участие в польских митингах. Адрес указывал, что грязная конкуренция, которую английский капитал устраивает английскому пролетариату, ввозя в Англию иностранных рабочих, только потому и возможна, что нет организованной связи между рабочим классом всех стран.

Этот адрес был переведен на французский язык профессором Бизли. Он читал историю в Лондонском университете и имел многочисленные заслуги перед рабочим классом. Адрес вызвал столь оживленный отклик на парижских заводах, что решено было отправить в Лондон делегацию с ответом. Для принятия этой делегации лондонский комитет созвал на 28 сентября 1864 г. большей митинг в Сент-Мартинс Холле. Заседание происходило под председательством профессора Бизли, и зал был битком набит. Толен прочел ответный французский адрес, который начинался с отклика на польское восстание: «Польша снова покрыта окровавленным саваном, а мы остались бессильными зрителями»[1]. Затем следовало требование, чтобы голосу народа внимали во всех важных политических и общественных вопросах. Нужно сломить деспотическую власть капитала. Разделение труда превратило человека в механическое орудие, а свободная торговля без солидарности рабочих приведет к промышленному закрепощению, еще более беспощадному и роковому, чем крепостничество, свергнутое в дни великой французской революции. Рабочие всех стран должны соединиться, чтобы поставить непреодолимые преграды этому роковому строю.

После оживленных прений, в которых от имени немецких рабочих выступил Эккариус, митинг по предложению тред-юниониста Уилера постановил избрать комитет с правом кооптации новых членов и поручить ему выработать устав интернационального союза. Устав предполагался временным, действующим до созыва на следующий год международного конгресса в Бельгии, который и примет о нем окончательные решения. Комитет был избран; он состоял из многочисленных тред-юнионистов и иностранных представителей рабочего дела; среди них был и представитель германских рабочих, в газетном отчете он назван последним — Карл Маркс.

[1] См. «Первый Интернационал в документах», под ред. Адоратского и др., Партиздат, 1934, стр. 12. — *Ред.*

2
УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ И УСТАВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

До того времени Маркс не принимал деятельного участия в этом деле. Его пригласил француз Ле Любе как представителя немецких рабочих и предложил ему выставить одного из них в качестве оратора. Маркс выдвинул Эккариуса, сам же присутствовал на митинге, безмолвно сидя на эстраде.

Маркс был достаточно высокого мнения о своей научной работе, чтобы отдавать ей предпочтение перед всякой игрой в единение, если оно с самого начала представлялось безнадежным; но он всегда готов был отложить свою работу, когда дело шло о чем-нибудь, приносящем пользу пролетариату. Он видел, что на этот раз выступили «действительные силы». Он писал Вейдемейеру, как и другим друзьям: «Только что созданный Международный рабочий комитет... не лишен значения. Его *английские* члены являются по большей части вождями здешних тред-юнионов, т. е. настоящими рабочими королями Лондона; это те самые люди, которые устроили грандиозную встречу Гарибальди и, организовав огромный митинг в Сент-Джемс Холле (под председательством Брайта), помешали Пальмерстону объявить *войну Соединенным Штатам,* которую он готов уже был начать. Французские члены комитета — незначительные фигуры, но они являются непосредственными представителями руководящих «рабочих» Парижа.

Существует связь также и с итальянскими обществами, конгресс которых состоялся недавно в Неаполе. Хотя я систематически в течение ряда лет уклонялся от какого-либо участия во всяческих «организациях», тем не менее *на этот раз* я принял предложение, так как в данном случае дело идет о такой организации, в которой можно провести большую работу»[1]. Маркс признал, что, «очевидно, происходит воскресение рабочего класса», и счел своим высшим долгом подготовить ему новые пути.

По счастливой случайности, в силу внешних обстоятельств, на его долю само собой выпало духовное руководство. Избранный комитет пополнил свой состав привлечением новых сил и состоял приблизительно из пятидесяти членов; половину их составляли английские рабочие. Затем наиболее многочисленно представлена была Германия — десятью членами, из которых Маркс, Эккариус, Лесснер, Лохнер и Пфендер раньше принадлежали еще к Союзу коммунистов. Франция имела девять представителей, Италия — шесть, Польша и Швейцария — по два.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 426. — *Ред.*

После своего создания комитет избрал подкомиссию, которой и было поручено выработать проект программы и устава.

В эту подкомиссию был избран также и Маркс, но ему несколько раз не удавалось присутствовать на заседаниях из-за болезни или потому, что он не получал своевременно уведомлений. А между тем члены подкомиссии — майор Вольф, частный секретарь Мадзини, англичанин Уэстон и француз Ле Любе тщетно пытались разрешить поставленную им задачу. Мадзини, несмотря на всю свою большую популярность среди английских рабочих, был слишком мало знаком с тогдашним рабочим движением, и его проект не мог удовлетворить опытных тред-юнионистов. Пролетарская классовая борьба была для него непонятна и потому ненавистна. Его программа доходила самое большее до некоторой социалистической фразеологии, уже давно превзойденной пролетариатом в начале 60-х годов. Его проект устава также родился из духа минувшего времени. Написанный по традиции строго централизованных политических конспиративных обществ, он шел вразрез как с жизненными условиями тред-юнионов в частности, так и вообще с жизненными условиями всего Международного Товарищества Рабочих. Это последнее должно было не столько создавать новое движение, сколько связывать между собою уже возникшее в разных странах, но разрозненное классовое движение пролетариата. Равным образом и проекты, предложенные Ле Любе и Уэстоном, не выходили из пределов обычного фразеологического пустозвонства.

Таким образом, все дело находилось в крайне запутанном состоянии, когда Маркс взял его в свои руки. Он решил по возможности не оставить «в этих произведениях ни одной строки»[1] и, чтобы совершенно освободиться от них, составил проект Манифеста к рабочему классу — этого совершенно не предусматривало собрание в Сент-Мартинс Холле, — в котором оглядывался назад, на судьбы рабочего класса с 1848 г., а затем в более ясной и краткой форме излагал самый устав. Подкомиссия тотчас же приняла его предложения и только вставила в его вступление несколько фраз о «правах, обязанностях, истине, нравственности и справедливости»[2]. Однако, как Маркс писал Энгельсу, ему удалось вставить их таким образом, что они не могут принести никакого вреда. Затем и генеральный комитет единогласно и с большим воодушевлением принял проект Манифеста и устав.

Об этом Учредительном манифесте Бизли сказал однажды впоследствии, что он представляет собой, по всем вероятиям, самое сильное и убедительное изложение дела рабочих против буржуазии, какое только умещалось когда-либо на двенадцати

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 209. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 210. — *Ред.*

небольших страницах. Манифест начинался с установления того бесспорного факта, что нищета рабочего класса за время с 1848 по 1864 г. не уменьшилась, хотя именно этот период не имеет себе равных в истории по развитию промышленности и росту торговли. В качестве доказательства Маркс документально противопоставил, с одной стороны, ужасающие статистические данные английских Синих книг о бедственном положении английского пролетариата, а с другой стороны, — цифры, которые представил канцлер казначейства Гладстон в своей бюджетной речи об «опьяняющем» росте могущества и богатства Англии за этот период. Рост этот, однако, отразился исключительно лишь на положении имущих классов. Манифест вскрывал это вопиющее противоречие на примере политических и экономических условий Англии, потому что Англия занимала первое место в Европе в отношении промышленности и торговли; но в нем указывалось также, что это же противоречие с несколько другой местной окраской и в несколько меньшем масштабе существует во всех странах европейского континента, где развивается крупная промышленность.

Этот «опьяняющий» рост могущества и богатства ограничивается повсюду лишь имущими классами, — разве только небольшое число рабочих, например в Англии, получает несколько более высокую заработную плату, что, впрочем, уравнивается общим повышением цен. «Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой стоящие над ними классы поднимались вверх по общественной лестнице. Во всех странах Европы теперь стало очевидной истиной для каждого непредубежденного ума, что ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни улучшение средств сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни расширение рынков, ни свободная торговля, ни все это, вместе взятое, не устранит нищеты трудящихся масс; на современной порочной основе всякое новое развитие производительных сил труда неизбежно углубляет общественные противоположности и обостряет общественные антагонизмы. Отрицают это только люди, заинтересованные в том, чтобы убаюкивать других ложными надеждами. Во время этой «опьяняющей» эпохи экономического прогресса голодная смерть почти приобрела в столице Британской империи характер общественного установления. Эта эпоха отмечена в летописях мира все более частыми повторениями, все более обширными размерами и все более гибельными результатами социальной чумы, именуемой торговым и промышленным кризисом»[1].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 339. — *Ред.*

Манифест обозревает далее поражение рабочего движения в 50-х годах и показывает, что это время имело и свои положительные черты. В частности, подчеркиваются два крупных факта. Прежде всего установленный законом десятичасовой рабочий день с его столь благотворными последствиями для английского пролетариата. Борьба за ограничение в законодательном порядке продолжительности рабочего дня была прямым вмешательством в великую борьбу между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и регулируемым путем общественного надзора производством, представителем которого является рабочий класс. «Поэтому закон о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса»[1].

Еще более значительную победу одержала политическая экономия пролетариата благодаря кооперативному движению, при помощи основанных на принципе кооперации фабрик, вызванных к жизни руками немногих стойких, но и никем не поддерживаемых людей. Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. «Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что для успешного производства орудия труда вовсе не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим и для его ограбления и что, подобно рабскому и крепостному труду, наемный труд — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с воодушевлением и радостью»[2]. Но кооперативный труд, ограничиваясь случайными попытками, не в состоянии сломить капиталистическую монополию. «Именно поэтому, вероятно, благонамеренные аристократы, буржуазные болтуны-филантропы и даже педантичные экономисты — все как один вдруг стали расточать вызывающие отвращение похвалы той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно старались погубить в зародыше, которую они осмеивали как утопию мечтателей или клеймили как кощунство социалистов»[3]. Только развитие кооперативного труда до общенациональных размеров

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 341. — *Ред.*
[2] Там же. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 342. — *Ред.*

может спасти массы. Против этого, конечно, магнаты землевладения и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для увековечивания своих экономических монополий. Поэтому завоевание политической власти стало великой обязанностью рабочего класса.

Эту обязанность рабочие, по-видимому, поняли, что доказывает их одновременное пробуждение в Англии, Франции, Германии и Италии, а также их одновременное стремление к политической реорганизации рабочей партии. «Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»[1]. Опыт прошлого учит, что пренебрежение к узам братства, которые должны существовать между рабочими различных стран и побуждать их крепко стоять друг за Друга во всякой борьбе за свое освобождение, мстит за себя общим поражением их разрозненных усилий. Это соображение и побудило митинг, собравшийся в Сен-Мартине Холле, основать Международное Товарищество Рабочих.

И еще одно убеждение господствовало на этом митинге. Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества, то как же могут рабочие достигнуть этой великой цели при наличии внешней политики правительств, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народов? Не мудрость господствующих классов, *а* героическое сопротивление пролетариата против их преступного безумия спасло Западную Европу от позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, указали рабочему классу на его обязанность проникать в тайны международной политики, следить за дипломатическими проделками правительств, с тем чтобы при всякой возможности, всеми средствами оказывать им противодействие. Если же невозможно предотвратить эти проделки, то нужно объединяться для одновременных демонстраций и возводить в высшие законы отношений между народами те простые законы нравственности и справедливости, которые должны определять отношения частных лиц друг к другу. Борьба за такую внешнюю политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 342. — *Ред.*

класса. Манифест заканчивался, как и «Коммунистический манифест», словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Устав[1] начинался с изложения ряда мотивов, которые сводились к следующим положениям: освобождение рабочего класса должно быть завоевано самими рабочими; борьба за их освобождение является не борьбой за новые классовые привилегии, а борьбой за уничтожение всякого классового господства. Экономическое подчинение рабочего собственнику средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах: социальной нищеты, умственной приниженности и политической зависимости. Экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, та великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение как средство. Все усилия, направленные к этой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между различными группами рабочих каждой страны и между рабочими различных стран. Освобождение рабочих есть не местная и не национальная, а социальная задача, охватывающая все страны, в которых существует современное общество; оно может осуществиться лишь при планомерном сотрудничестве этих стран. К этим ясным и отточенным положениям были затем присоединены те «нравоучительные» общие места о справедливости и истине, о правах и обязанностях, которые Маркс лишь нехотя включил в свой текст.

Во главе Товарищества был поставлен Генеральный Совет из рабочих различных стран, представленных в Товариществе. До открытия первого конгресса полномочия Генерального Совета взял на себя комитет, избранный в Сент-Мартинс Холле. Они состояли в том, чтобы осуществлять международную связь между рабочими организациями различных стран, постоянно осведомлять рабочих каждой страны относительно движений рабочего класса в других странах, собирать статистические данные о положении рабочего класса, предлагать на обсуждение всех рабочих обществ вопросы, имеющие общий интерес, организовывать в случае международных конфликтов совместные и одновременные выступления объединенных организаций, печатать периодические отчеты и т. п. Генеральный Совет избирался конгрессом, который созывался раз в год. Конгресс определял место пребывания Генерального Совета, а также время и место созыва следующего конгресса. Генеральному Совету, однако, предоставлялось право пополнять свой состав и в случае необходимости менять место заседаний конгресса, но он не имел права откладывать время его

[1] См *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 344—347. — *Ред.*

созыва. Рабочие общества отдельных стран, примыкавшие к Интернационалу, сохраняли свою организацию в нетронутом виде. Никакому независимому местному обществу не возбранялось входить в непосредственные сношения с Генеральным Советом, но вместе с тем указывалось одно предварительное условие, необходимое для успешной деятельности Генерального Совета, а именно, что разрозненные рабочие общества отдельных стран должны по возможности объединяться в национальные организации, представленные своими центральными органами.

Хотя и неверно утверждать, что Интернационал был изобретением одного «великого ума», но то, что при его возникновении нашелся великий ум, который избавил его от долгих блужданий, сразу указав ему правильную дорогу, — это было счастьем для Интернационала. Большего Маркс не сделал и большего он не хотел сделать. Несравненное мастерство его Манифеста и устава состояло именно в том, что они последовательно исходили из существующего положения вещей и вместе с тем, как удачно сказал однажды Либкнехт, содержали в себе последние выводы коммунизма в не меньшей степени, чем «Коммунистический манифест».

От «Коммунистического манифеста» Манифест и устав отличались, однако, не только формой. «Необходимо время, — писал Маркс Энгельсу, — чтобы вновь возродившееся движение сделало возможным прежний смелый язык. Необходимо быть «сильным в деле и умеренным в форме»»[1]. Задача Манифеста была в сущности иная: дело шло о том, чтобы слить в единое великое воинство все во многом расходившиеся между собой рабочие организации Европы и Америки, выработать такую программу, которая, по словам Энгельса, не закрывала бы двери ни перед английскими тред-юнионами, ни перед французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами, ни перед немецкими лассальянцами. Свою надежду на конечную победу научного социализма, как он был изложен в «Коммунистическом манифесте», Маркс возлагал единственно и исключительно на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно стать следствием объединенного действия рабочих.

Однако уже вскоре ожидания Маркса подверглись суровому испытанию: едва он начал дело сплочения сил для Интернационала, как ему пришлось вступить в тяжелое столкновение с тем европейским рабочим классом, которому принципы Интернационала были более понятны, чем всем другим.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 210. — *Ред.*

3
РАЗРЫВ С ШВЕЙЦЕРОМ[1]

Существует старое, но некрасивое и неверное предание, будто немецкие лассальянцы отказались от вступления в Интернационал и вообще держали себя враждебно по отношению к нему.

Прежде всего нельзя понять, что могло их к этому побудить. Их строгая организация, которой они, естественно, придавали большое значение, ни малейшим образом не затрагивалась уставом Интернационала; а Учредительный манифест они могли по своим убеждениям подписать от начала до конца, в особенности в той его части, где говорилось о кооперативном труде, который только тогда спасет массы, когда будет доведен до национального масштаба и получит поддержку из государственных средств[2].

В действительности немецкие лассальянцы с самого начала отнеслись к Интернационалу вполне сочувственно, хотя во время его возникновения были очень заняты своими внутренними делами. После смерти Лассаля согласно содержавшейся в его завещании рекомендации председателем Общегерманского рабочего союза был избран Бернхард Беккер. Но он оказался столь несостоятельным председателем, что довел дела до безнадежной путаницы. Союз держался только благодаря партийному органу «Social-Demokrat» («Социал-демократ»), который выходил с конца 1864 г. под духовным руководством И. Б. фон Швейцера. Швейцер был очень энергичным и способным человеком; он весьма усердно добивался сотрудничества Маркса и Энгельса в газете, принял — к чему его никто не принуждал — в состав редакции Либкнехта и напечатал уже во втором и третьем номере своего издания Учредительный манифест.

Правда, Мозес Гесс, который присылал в «Social-Demokrat» корреспонденции из Парижа, поставил под сомнение независимость Толена, назвав его другом Пале-Рояля, где Жером Бонапарт разыгрывал роль красного демагога. Но Швейцер напечатал это письмо только с ясно выраженного согласия Либкнехта. Когда Маркс высказал свое недовольство этим, Швейцер пошел еще дальше, установив, чтобы сам Либкнехт лично редактировал все то, что будет касаться Интернационала. 15 февраля 1865 г. он написал Марксу, что предложит резолюцию, в которой Общегерманский рабочий союз заявит о своем полном согласии с принципами Интернационала и даст обещание посылать своих представителей на его конгрессы. От формального же присоединения союз воздержится только ввиду германских союзных законов, воспрещающих соединение различных обществ. На это предложение

[1] Критику ошибочной оценки Рингом Швейцера см. во вступительной статье к настоящему изданию, стр. 19, 20. — *Ред.*

[2] См. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 15. — *Ред.*

Швейцер не получил ответа; более того, Маркс и Энгельс в публичном заявлении[1] отказались от сотрудничества в «Social-Demokrat».

Уже из этого достаточно ясно, что разрыв с Швейцером никак не был связан с разногласиями по поводу Интернационала. Причины, вызвавшие его, открыто изложены в разъяснении Маркса и Энгельса. По их словам, они ни на минуту не упускали из виду трудного положения «Social-Demokrat» и не предъявляли никаких претензий, невыполнимых на меридиане Берлина. Но они несколько раз выставляли требование, чтобы с правительством и феодально-абсолютистской партией газета говорила по крайней мере столь же смелым языком, как с прогрессистами. Тактика же «Social-Demokrat», по их заявлению, исключала возможность их дальнейшего сотрудничества в газете. Они напоминали о том, что они писали в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» о королевско-прусском правительственном социализме и об отношении рабочей партии к подобному шантажу в ответ «Rheinischer Beobachter», который рекомендовал «союз» «пролетариата» с «правительством» против «либеральной буржуазии». Под всем этим они и теперь подписываются от слова до слова.

С таким «союзом» или с «прусским правительственным социализмом» тактика «Social-Demokrat» не имела ничего общего. После того как не осуществилась надежда Лассаля одним могучим взмахом поднять немецкий рабочий класс, Общегерманский рабочий союз со своими несколькими тысячами членов оказался защемленным между двумя противниками, из которых каждый был достаточно силен, чтобы раздавить его. При тогдашнем положении вещей молодая рабочая партия ничего не могла ждать для себя от тупоумной ненависти буржуазии. А от лукавого дипломата Бисмарка она ждала по крайней мере то, что, если он хочет проводить свою великопрусскую политику, он вынужден будет сделать некоторые уступки народным массам. Швейцер не предавался каким бы то ни было иллюзиям ни относительно значения, ни относительно цели таких уступок. Однако в то время, когда немецкий рабочий класс был почти совершенно лишен всех законных условий для своей организации, когда у него не было действительного избирательного права, а свобода печати, коалиций и собраний была предоставлена бюрократическому произволу, развитие движения не было бы возможно, если бы «Social-Demokrat» одинаково сильно нападал на обоих противников. Правильнее была тактика натравливания одного противника на другого. Непременным условием такой политики было лишь ограждение со всех сторон независимости молодой рабочей партии и постоянная поддержка сознания этой независимости в рабочих массах.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I. стр. 78, 79—82. — *Ред.*

А это Швейцер проводил с большим старанием и не меньшим успехом. Тщетно было искать в «Social-Demokrat» хоть одного слова, которое имело бы привкус «союза» с правительством против прогрессивной партии. Если проследить тогдашнюю публичную деятельность Швейцера в связи с общим политическим развитием, то в ней обнаружится ряд ошибок, которых, впрочем, не отрицал и сам Швейцер, но в основном политика его была умна и последовательна: исключительной ее целью были интересы рабочего класса, и невозможно предположить, чтобы она могла быть продиктована Бисмарком или каким-либо другим реакционером.

Одно преимущество Швейцер все же имел перед Марксом и Энгельсом: оно заключалось в его точном знании прусской действительности. Они же ее видели лишь через окрашенные очки, а Либкнехт не оказался на высоте роли осведомителя и посредника, которая в силу обстоятельств была его делом. Он вернулся в Германию в 1862 г. по зову красного республиканца Брасса, который тоже возвратился из изгнания и основал «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманскую всеобщую газету»). Но, как только Либкнехт вступил в состав редакции, выяснилось, что Брасс продал свою газету правительству Бисмарка. Либкнехт тотчас же ушел из газеты. Этот первый опыт на германской почве оказался для него весьма печальным и в житейском смысле, ибо он снова очутился на улице, как и в долгие годы своего изгнания. Но это менее всего печалило его: идейные интересы были для него всегда выше личных. Однако его опыт с Брассом помешал ему свободно разобраться в новом положении дел, создавшемся в Германии.

При своем возвращении в Германию Либкнехт все еще оставался старым революционером 1848 г., революционером в смысле «Neue Rheinische Zeitung», для которой социалистическая теория и даже пролетарская классовая борьба отступали еще на задний план, а главным делом была революционная борьба народа против господства отживших свой век классов. Социалистическая теория со всем ее ученым снаряжением никогда не была сильной стороной Либкнехта, хотя он вполне понимал ее основные идеи. В долгие годы изгнания он научился у Маркса освещать главным образом обширное поле международной политики, разыскивая везде зародыши революционного движения. При этом Маркс и Энгельс как уроженцы Рейнской провинции, относящиеся с презрением ко всему восточноэльбскому, весьма сильно недооценивали прусское государство; в особенности же так относился к Пруссии Либкнехт, уроженец южной Германии, работавший в революционные годы только на баденской и швейцарской территориях, в этих гнездах провинциальной политики. Пруссия была для него все еще домартовским вассальным государством русского царизма, которое противится историческому прогрессу презрен-

ными средствами подкупа. Он считал, что Пруссия должна быть сметена, прежде чем может идти речь о классовой борьбе в Германии. Либкнехт не отдавал себе отчета, насколько экономическое развитие 50-х годов преобразовало и Прусское государство, создав в нем условия, благодаря которым высвобождение рабочего класса из-под влияния буржуазной демократии становилось исторической необходимостью.

Таким образом, длительное согласие между Либкнехтом и Швейцером было невозможно. В глазах Либкнехта Швейцер хватил через край, опубликовав пять статей о министерстве Бисмарка, которые хотя и проводили мастерскую параллель между велико-прусской и пролетарско-революционной политикой по вопросу о германском единстве, но содержали ту «ошибку», что слишком красноречиво изображали опасный размах великопрусской политики. Могло показаться, что они почти прославляют ее. Маркс со своей стороны тоже сделал «ошибку», сказав в письме к Швейцеру от 13 февраля[1], что от прусского правительства можно ждать даже самого беззастенчивого заигрывания с производительными товариществами, но никак не отмены запрета коалиций, так как это повлекло бы за собой прорыв бюрократизма и полицейского владычества. Маркс забыл при этом лишь то, что он когда-то столь красноречиво выдвигал против Прудона, а именно, что не правительства управляют экономическими отношениями, а, наоборот, экономические отношения управляют правительствами. Прошло немного лет, и министерству Бисмарка пришлось волей или неволей отменить запрет коалиций. В своем ответе от 15 февраля — в том именно письме, в котором Швейцер обещал содействовать присоединению Общегерманского рабочего союза к Интернационалу и еще раз подчеркивал, что все, относящееся к Интернационалу, в дальнейшем будет самостоятельно редактироваться Либкнехтом, — в этом ответе Швейцер заметил, что охотно примет к сведению всякое теоретическое разъяснение, которое ему даст Маркс, но, для того чтобы правильно решать практические вопросы повседневной тактики, нужно стоять в центре движения и в точности знать все обстоятельства. Вслед за этим и произошел разрыв с ним Маркса и Энгельса.

Полностью, однако, весь этот разлад и путаница могут быть объяснены лишь роковыми происками графини Гацфельдт. Старая приятельница Лассаля совершила тогда тяжкий грех по отношению к памяти человека, который когда-то защитил ее жизнь от безысходного позора. Она хотела сделать из созданной Лассалем организации нечто вроде верующей секты, которая бы свято чтила каждое слово учителя, и даже не в том виде, как он действитель-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 164— 165. — *Ред.*

но сказал его, а как его толковала графиня Гацфельдт. Как далеко заходило это безобразие, видно из письма Энгельса к Вейдемейеру от 10 марта. После нескольких слов об основании «Social-Demokrat» в письме говорится: «Но, во-первых, эта газета стала проповедовать невыносимый культ Лассаля, а мы тем временем узнали наверняка (старуха Гацфельдт рассказывала об этом Либкнехту и предлагала ему действовать в том же духе), что Лассаль *гораздо теснее* был связан с Бисмарком, чем мы когда-либо подозревали. Между ними существовал настоящий союз, зашедший так далеко, что Лассаль должен был ехать в Шлезвиг-Гольштейн и выступать там за присоединение этих герцогств к Пруссии, а Бисмарк дал неопределенные обещания о введении чего-то вроде всеобщего избирательного права и более определенные обещания насчет права коалиций, уступок социального характера, государственной поддержки рабочих ассоциаций и т. д. Глупый Лассаль не имел *никаких гарантий* в отношении Бисмарка, — наоборот, его без всяких церемоний засадили бы в тюрьму, как только он стал бы неудобным. Господа из «Social-Demokrat» все *это знали,* но, несмотря на это, все с большим и большим усердием проповедовали культ Лассаля. Кроме того, эти субъекты дали себя запугать *угрозами* Вагенера (из «Kreuzzeitung») и стали заискивать перед Бисмарком, кокетничать с ним и т. д., и т. д... Мы напечатали прилагаемое заявление и вышли из газеты, а с нами вышел и Либкнехт»[1]. Трудно понять, каким образом Маркс, Энгельс и Либкнехт, которые все знали Лассаля и все читали «Social-Demokrat», поверили басням графини Гацфельдт. Но, поскольку они поверили им, вполне понятно, что они отстранились от движения, начатого Лассалем.

Однако их отказ не имел практического влияния на это движение. Даже старые члены Союза коммунистов, как, например, Рёзер, когда-то столь красноречиво защищавший положения «Коммунистического манифеста» перед кельнскими присяжными, высказались за тактику Швейцера.

4
ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛОНДОНЕ

Если, таким образом, лассальянцы уже с самого начала откололись от нового союза, то, с другой стороны, и вербовка новых членов среди английских профессиональных союзов и среди французских прудонистов шла на первых порах весьма медленно.

Только небольшой круг руководителей профессиональных союзов понимал необходимость политической борьбы. Однако и они

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 446—447. — *Ред.*

видели в Интернационале, пожалуй, лишь средство для своих профессиональных целей. Но эти люди обладали по крайней мере большим практическим опытом во всех организационных вопросах; у французских же прудонистов не было и этого, как не было также ясного понимания исторической сущности рабочего движения. Задача, которую поставил себе новый союз, была поистине огромна, а для выполнения ее требовалось огромное терпение и напряжение всех сил.

Маркс проявил в высшей степени и терпение и силу, хотя в то время часто страдал от приступов мучительной болезни и горел нетерпением поскорее довести до определенного конца свой главный научный труд. Он как-то сказал со вздохом: «При такой агитационной работе скверно то, что участие в ней у тебя отнимает много времени»[1]. Он говорил также, что Интернационал и все, что с ним связано, тяготеет над ним, «как ночной кошмар»[2], и он был бы рад сбросить с себя это бремя.

Но сделать это уже нельзя: взявшись за гуж, не говори, что не дюж. И было бы в сущности непохоже на Маркса, если бы это тяжелое бремя не доставляло ему больше удовлетворения и радости, чем освобождение от него.

Очень скоро обнаружилось, что Маркс был истинным «главою» всего движения. Он нисколько не выдвигал самого себя на первый план. Он безгранично презирал всякую дешевую популярность, и, в отличие от манеры демократов побольше показываться публично, важничать, а на самом деле ничего не делать, он предпочитал работать за кулисами и публично не выступать. Но никто, кроме него, из всех работавших в небольшом союзе не обладал хотя бы в отдаленной степени теми редкими качествами, которые были необходимы для столь широкой агитации союза: ясным и глубоким пониманием законов исторического развития, энергией, чтобы добиваться необходимого, достаточным терпением, чтобы довольствоваться возможным, снисходительностью к ошибкам добросовестно заблуждающихся и властной неумолимостью к закоренелому невежеству. Маркс смог проявить здесь в гораздо более широкой области, чем в Кёльне во время революции, свое несравненное умение покорять людей, обучая их и руководя ими.

«Страшно много времени» стоили ему с самого начала личные препирательства и ссоры, неизбежные в начинаниях такого рода. Итальянские и в особенности французские члены союза создавали много ненужных затруднений. В Париже с революционных лет создался глубокий разлад между представителями «умственного и физического труда»; пролетарии не могли забыть слишком частых измен со стороны литераторов, а литераторы усматривали

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 222. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 315. — *Ред.*

ересь во всяком рабочем движении, которое не желало ничего знать о них. Но и внутри самого рабочего класса под гнетом бонапартовского военного деспотизма развивалось подозрение, так как его окружили со всех сторон бонапартистские агенты, тем более что у рабочего класса не было никакой возможности сноситься между собой через свою печать или союз. Кипенье этого «французского котла» стоило Генеральному Совету Интернационала немало драгоценных вечеров и подробных резолюций.

Более приятной и плодотворной была для Маркса работа, связывавшая его с английской ветвью Интернационала. Английские рабочие вели борьбу против вмешательства английского правительства, стоявшего на стороне восставших южных штатов Североамериканского союза, и послали приветствие Аврааму Линкольну, когда он вторично был избран президентом. Маркс составил проект адреса «честному сыну рабочего класса», которому «пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы...»[1]. Пока белые рабочие Американского союза не понимали, что рабство позорит их республику, пока они гордились перед негром, которого продают, не спрашивая его согласия, своим высоким преимуществом белого рабочего, имеющего право продавать себя и выбирать себе господина, — до тех пор они не способны были завоевать себе истинную свободу и оказать поддержку европейским братьям в их освободительной борьбе. Эти преграды унесены красным морем крови за время гражданской войны. Адрес был составлен с явной симпатией и любовью к делу. Правда, Маркс, который, подобно Лессингу, любил говорить о своих работах в пренебрежительном тоне, писал Энгельсу, что ему пришлось самому составить адрес (что гораздо труднее, чем написать содержательную работу) — для того чтобы те фразы, к которым обычно сводятся подобного рода сочинения, по крайней мере отличались от демократической вульгарной фразеологии[2]. Линкольн вполне оценил это: он ответил в очень дружелюбном и сердечном тоне — к удивлению лондонской прессы, потому что в ответ на приветствия с буржуазно-демократической стороны «старик» ограничился лишь несколькими формальными комплиментами.

«По содержанию» гораздо значительнее адреса был, конечно, доклад о «Заработной плате, цене и прибыли»[3], который Маркс прочел на заседании Генерального Совета 26 июня[4] 1865 г., чтобы опровергнуть высказанный некоторыми членами взгляд, будто общее поднятие заработной платы не может принести никакой

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 22. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 222. — *Ред.*
[3] См *К Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 356—407. — *Ред.*
[4] Маркс выступил с докладом 20 и 27 июня. — *Ред.*

пользы рабочим и, следовательно, тред-юнионы приносят вред. Этот взгляд являлся следствием того ошибочного положения, что заработная плата рабочих определяет стоимость товаров и что, если капиталисты сегодня станут уплачивать пять шиллингов заработной платы вместо четырех, то завтра они ввиду возросшего спроса станут продавать свои товары по пяти шиллингов вместо четырех. При всей пошлости и поверхностности такого взгляда Маркс все же считал, что не так легко растолковать несведущим людям все связанные с этим экономические вопросы. Нельзя прочесть в один час полный курс политической экономии. Ему это, однако, превосходно удалось, чем он сослужил большую службу тред-юнионам.

Своим первым существенным успехом Интернационал был обязан прежде всего народившемуся движению за английскую избирательную реформу. Уже 1 мая 1865 г. Маркс сообщал Энгельсу: «Лига реформы — дело наших рук. В узком комитете, состоящем из 12 человек (6 буржуа и 6 рабочих), все рабочие — члены нашего Совета (среди них Эккариус). Все компромиссные попытки буржуазии совлечь рабочий класс с правильного пути нам удалось разбить... Если удастся этим путем вновь оживить политическое движение английского рабочего класса, то наше Товарищество, безо всякого шума, сделает для европейского рабочего класса больше, чем это было возможно каким-либо другим путем. А есть все основания надеяться на успех...»[1]. На это Энгельс отвечал 3 мая: «Международное Товарищество действительно в короткое время и без большого шума завоевало большую территорию. Но хорошо, что оно теперь занято английскими делами, вместо того чтобы вечно возиться с французскими дрязгами. Все же ты имеешь награду за потерянное время»[2]. Скоро, однако, выяснилось, что и этот успех имел оборотную сторону.

В общем Маркс считал положение еще недостаточно созревшим для открытого конгресса, который был предположен на 1865 г. в Брюсселе. Он не без оснований опасался, что там произойдет вавилонское столпотворение языков. С большим трудом, особенно вследствие противодействия французов, ему удалось добиться замены открытого конгресса закрытой предварительной конференцией в Лондоне, на которую созывались только представители руководящих комитетов для подготовки будущего конгресса. В качестве доводов для необходимости такого предварительного соглашения Маркс указал на движение в пользу избирательной реформы в Англии, на стачки, начавшиеся во Франции, и, наконец, на только что принятый в Бельгии закон об иностранцах, который делал невозможным устройство конгресса в Брюсселе.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф.* Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 174. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 279. — *Ред.*

Лондонская конференция заседала с 25 по 29 сентября 1865 г. Со стороны Генерального Совета были делегированы, кроме председателя Оджера, генерального секретаря Кримера, нескольких английских членов, Маркс и оба его главных помощника по работе в Интернационале — Эккариус и Юнг, швейцарский часовщик, постоянно живший в Лондоне и одинаково хорошо говоривший по-немецки, по-английски и по-французски. Из Франции приехали Толен, Фрибур и Лимузен, которые все впоследствии отреклись от Интернационала, затем Шили, старый друг Маркса еще с 1848 г., и Варлен, впоследствии герой и мученик Парижской Коммуны. Из Швейцарии явились переплетчик Дюпле от романских рабочих и Иоганн Филипп Беккер, бывший щеточник, ставший неутомимым агитатором, — от немецких рабочих. Из Бельгии приехал Сезар Де Пап, бывший ученик-наборщик, который стал изучать медицину и сделался врачом.

Конференция занялась прежде всего финансовым положением союза. Выяснилось, что за первый год собрано было не более 33 фунтов стерлингов. Относительно постоянного членского взноса не было еще достигнуто соглашения, и только решили собрать на цели пропаганды и на расходы по устройству конгресса 150 фунтов стерлингов: 80 фунтов — в Англии, 40 — во Франции и по 10 — в Германии, Бельгии и Швейцарии. Правда, это не укрепило бюджета, ибо «нерв всякого дела» никогда не был нервом Интернационала. Еще много лет спустя Маркс с горьким юмором говорил, что финансы Генерального Совета были постоянно возраставшей отрицательной величиной, а десятки лет спустя Энгельс писал, что вместо пресловутых «миллионов Интернационала» Генеральный Совет большей частью располагал только долгами; никогда, вероятно, не было сделано так много на столь незначительную сумму денег.

О положении дела в Англии представил отчет генеральный секретарь Кример. На континенте считают, говорил он, что тред-юнионы очень богаты и могут поддерживать дело, которое служит также их интересам. Но они связаны своими мелочными уставами, которые ставят им тесные границы. За исключением немногих отдельных лиц, они стоят совершенно вне политики и привить им ее понимание трудно. Все же наблюдается некоторый прогресс. Еще несколько лет тому назад они бы даже не выслушали делегатов Интернационала; теперь же их дружелюбно принимают, слушают и одобряют их принципы. В первый раз объединение, имеющее некоторое отношение к политике, так хорошо принято английскими тред-юнионами.

Относительно Франции Фрибур и Толен сообщили, что там к Интернационалу относятся сочувственно. Кроме Парижа завербованы члены союза в Руане, Нанте, Эльбефе, Кайене и в других местах; продано значительное количество членских карточек

с годовым взносом в 1,25 франка, но выручка израсходована на устройство парижского центрального бюро и на поездку делегатов. Делегаты утешали Генеральный Совет надеждой на продажу оставшихся 400 членских карточек и жаловались на отсрочку конгресса, считая ее большой помехой для развития дела, а также на застращивания рабочих, применяемые бонапартовским полицейским режимом. Они говорили, что слышат со всех сторон: покажите, что вы умеете действовать, и мы примкнем к вам.

Весьма благоприятными были отчеты Беккера и Дюпле относительно Швейцарии, хотя там агитация началась всего за шесть месяцев до конференции. В Женеве насчитывалось 400 членов, в Лозанне — 150 и столько же в Вевэ. Ежемесячный членский взнос равнялся 50 пенсам, но, говорили делегаты, члены уплатили бы и двойную сумму: они вполне сознают необходимость помогать взносами Генеральному Совету. Правда, делегаты не привезли с собой денег, а лишь сообщили в утешение, что у них была бы в руках довольно приличная сумма, если бы она не ушла на путевые издержки.

В Бельгии агитация велась всего только один месяц. Однако, как сообщал Пап, там уже было завербовано 60 членов, обязавшихся уплачивать ежегодно по крайней мере по 3 франка, из которых третья часть будет отчисляться на нужды Генерального Совета.

Что касается конгресса, то Маркс предложил от имени Генерального Совета созвать его в сентябре или октябре 1866 г. в Женеве. Место было единогласно одобрено, но время созыва по энергичному настоянию французов было передвинуто вперед, на последнюю неделю мая. Французы требовали также, чтобы всякий, кто предъявит свою членскую карточку, имел право присутствовать и голосовать на конгрессе. Для них это было принципиальным вопросом: именно так понимали они всеобщее избирательное право. Только после горячих прений было принято представительство на конгрессе через делегатов, за которое высказывались особенно Кример и Эккариус.

Порядок дня конгресса, составленный Генеральным Советом, был очень обширный: кооперативный вопрос; сокращение рабочего времени; женский и детский труд; прошлое и будущее профессиональных союзов; влияние постоянных армий на интересы рабочего класса и т. д. Все это прошло единогласно; только два пункта вызвали расхождение во мнениях.

Один из этих пунктов был предложен не Генеральным Советом, а французами. Они требовали, чтобы в порядок дня была включена в качестве особого вопроса тема: «Религиозные идеи и их влияние на социальное, политическое и духовное движение». Почему им это понадобилось и как к этому отнесся Маркс, яснее всего видно из нескольких фраз в статье Маркса, написанной в

память Прудона и напечатанной в «Social-Demokrat» Швейцера за несколько месяцев до того. Это была единственная статья Маркса, помещенная в органе Швейцера. «Однако его нападки на религию, церковь и т. д., — писал Маркс, — были большой заслугой в условиях Франции в то время, когда французские социалисты считали уместным видеть в религиозности знак своего превосходства над буржуазным вольтерьянством XVIII и немецким безбожием XIX века. Если Петр Великий варварством победил русское варварство, то Прудон сделал все от него зависящее, чтобы фразой победить французское фразерство»[1]. Английские делегаты тоже предостерегали от этого «яблока раздора», но французы провели свое предложение большинством восемнадцати голосов против тринадцати.

Другим пунктом, вызвавшим споры, была тема, предложенная Генеральным Советом. Она касалась особенно важного для Маркса вопроса европейской политики — «необходимости сдержать усиливающееся влияние России на Европу путем восстановления — на основе принципа самоопределения наций — независимой Польши на демократических и социалистических основах». Но с этим не были согласны именно французы. Зачем, говорили они, смешивать политические вопросы с социальными? Зачем теряться в далеких перспективах, когда зло стучится в нашу собственную дверь? Зачем сдерживать влияние русского правительства, когда влияние прусского, австрийского, французского и английского правительств является не менее роковым? Особенно решительно высказывался в этом смысле бельгийский делегат Сезар Де Пап. Он считал, что восстановление Польши может принести пользу только трем классам: аристократии, мелкому дворянству и духовенству.

В этом очень ясно отразилось влияние Прудона. Прудон несколько раз высказывался против восстановления Польши — в последний раз еще во время польского восстания в 1863 г., когда он, как выразился Маркс в своем некрологе, проявил циничный кретинизм в честь царя. У Маркса и Энгельса это восстание, напротив, оживило их старые симпатии к делу Польши, сохранившиеся еще с революционных лет. Они хотели издать по поводу восстания общий манифест, но из этого ничего не вышло.

Их симпатии к полякам вовсе не были лишены критического отношения. 21 апреля 1863 г. Энгельс писал Марксу: «Должен сказать: увлекаться поляками 1772 г. может только буйвол. В большинстве европейских стран дворянство пало в ту эпоху с достоинством, частью даже с некоторым блеском, несмотря на то, что его общим принципом было убеждение, что материализм

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 354. — *Ред.*

состоит в том, чтобы есть, пить, совокупляться, выигрывать в карты или получать вознаграждение за совершенные мерзости. Но ни одно дворянство не поступило так глупо, как польская шляхта, усвоившая себе один метод — продаваться России»[1]. Однако до тех пор, пока не могло быть еще и речи о революции в России, восстановление Польши представляло единственную возможность ослабить влияние царя на европейскую культуру. Соответственно с этим Маркс видел в жестоком подавлении польского восстания и в одновременном продвижении царского деспотизма на Кавказе самые важные события европейской истории после 1815 г. На этих событиях он более всего останавливался в своем Учредительном манифесте — в части, касавшейся внешней политики, — и еще долго потом говорил с горечью о противодействии, которое встретил со стороны Толена и Фрибура этот пункт порядка дня. Ему удалось, однако, сломить противодействие с помощью английских делегатов: польский вопрос остался в порядке дня.

Конференция собиралась утром на закрытые заседания под председательством Юнга, а вечером — на полупубличные заседания под председательством Оджера. Вопросы, уже выясненные на закрытых заседаниях, обсуждались на этих открытых собраниях в более широком кругу рабочих. Парижские делегаты напечатали отчет о конференции и программу конгресса, которая встретила живой отклик в парижской прессе. Маркс отметил это с видимым удовлетворением: «Наши парижане, — писал он, — несколько смущены тем, что параграф о России и Польше, которого они *не* хотели, как раз производит наибольшую сенсацию»[2]. И еще лет двенадцать спустя Маркс с удовольствием упоминал о «восторженном отзыве» известного французского историка Анри Мартена обо всей программе конгресса вообще и об этом параграфе в особенности.

5
НЕМЕЦКАЯ ВОЙНА

Маркс отдал все свои силы делу Интернационала. Это имело лично для Маркса то печальное последствие, что вызвало задержку в работе для заработка и возобновило прежнюю нужду.

Уже 31 июля ему пришлось написать Энгельсу, что в течение двух последних месяцев они пробавлялись исключительно ломбардом. «Уверяю тебя, что я лучше дал бы себе отсечь большие пальцы, чем написать тебе это письмо. Это может прямо довести до отчаяния — мысль, что полжизни находишься в зависимости

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 147. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 312. — *Ред.*

от других. Единственная мысль, которая меня при этом поддерживает, это то, что мы оба ведем дело на компанейских началах, причем я отдаю свое время теоретической и партийной стороне дела. Я, правда, занимаю квартиру слишком дорогую для моего положения, да и кроме того мы этот год жили лучше, чем когда-либо. Но это единственный способ дать детям возможность поддерживать такие связи и отношения, которые могли бы обеспечить их будущее, не говоря уже о необходимости хоть на короткое время вознаградить их за все то, что они выстрадали. Я думаю, что ты сам будешь того мнения, что если даже рассматривать это с чисто купеческой точки зрения, то теперь был бы неуместен чисто пролетарский образ жизни, который был бы очень хорош, если бы мы были с женой одни или если бы мои девочки были мальчиками»[1]. Энгельс немедленно оказал нужную помощь, но все же на несколько лет Маркс снова попал в тиски нужды и мелких жизненных забот.

Несколько месяцев спустя Марксу открылся новый источник заработка благодаря столь же странному, сколь и неожиданному предложению, которое ему сделал Лотар Бухер в письме от 5 октября 1865 г. В те годы, когда Бухер жил эмигрантом в Лондоне, у Маркса не было с ним никаких отношений, в особенности же дружественных. Да и после того, как Бухер занял самостоятельное положение в эмигрантском мирке и примкнул к Уркарту в качестве его восторженного сторонника, Маркс относился к нему очень критически. Бухер же, напротив, очень хвалил Боркгейму книгу Маркса о Фогте и хотел написать о ней в «Allgemeine Zeitung»; это, однако, осталось невыполненным: либо Бухер не написал рецензии, либо аугсбургская газета отклонила ее. После прусской амнистии Бухер вернулся на родину и подружился в Берлине с Лассалем. С ним же он и приехал в 1862 г. в Лондон на Всемирную выставку и через посредство Лассаля познакомился лично с Марксом, которому он показался «тонким, хотя и нескладным человечком...»[2]. Маркс не верил, что Бухер согласен с «внешней политикой» Лассаля. После смерти Лассаля Бухер поступил на службу к прусскому правительству, и Маркс покончил с ним и с Родбертусом резкой фразой в письме к Энгельсу: «Что за мерзавцы вся эта сволочь из Берлина, Марки и Померании!»[3].

Теперь же Бухер писал Марксу: «Прежде всего бизнес! «Staatsanzeiger» («Государственный вестник») желает иметь ежемесячные отчеты о движении денежного рынка (и, конечно, товарного, поскольку нельзя отделять один от другого). Меня запросили, не могу ли я рекомендовать кого-нибудь для этой

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 294. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 88. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 226. — *Ред.*

работы, и я ответил, что никто этого лучше не сделает, чем вы. Ввиду этого меня просили обратиться к вам. Относительно размера статей вам предоставляется полная свобода: чем основательнее и обширнее они будут, тем лучше. Что же касается содержания, то, само собою разумеется, что вы будете руководствоваться только вашим научным убеждением; но все же во внимание к кругу читателей (haute finance)[1], а не к редакции, желательно, чтобы самая суть была понятна только специалистам и чтобы вы избегали полемики». Затем следовало несколько деловых замечаний, воспоминание об общей прогулке за город с Лассалем, смерть которого все еще, по словам Бухера, оставалась для него «психологической загадкой», и сообщение, что он, как известно Марксу, вернулся к своей первой любви — к канцелярщине. «Я всегда был несогласен с Лассалем, который представлял себе ход развития слишком быстрым. Либеральная партия еще несколько раз будет менять кожу, прежде чем умрет; поэтому тот, кто еще хочет в течение своей жизни работать в пределах государства, должен примкнуть к правительству». Письмо заканчивалось после поклонов г-же Маркс и барышням, в особенности самой младшей, обычными словами — «с совершенным уважением и преданностью».

Маркс ответил отказом, но более точными сведениями о том, что именно он написал и что он думал о письме Бухера, мы не располагаем. Тотчас же по получении этого письма он поехал в Манчестер, где безусловно обсудил дело с Энгельсом. В их переписке об этом нет упоминаний, и в письмах к другим своим друзьям Маркс лишь один раз бегло коснулся этого предложения. Но четырнадцать лет спустя, когда после покушения Хёделя и Нобилинга[2] в Берлине началась бешеная травля социалистов, он швырнул это письмо в лагерь науськивателей, и оно произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Бухер был тогда секретарем Берлинского конгресса[3] и, по уверению его официального биографа, написал проект первого закона о социалистах[4], который после покушения Хёделя был предложен рейхстагу, но был им пока что отвергнут.

С того времени в печати многократно обсуждался вопрос, не пытался ли Бисмарк посредством письма Бухера подкупить Маркса. Верно то, что Бисмарк осенью 1865 г., когда договор в

[1] — финансовая аристократия. — *Ред.*

[2] Имеются в виду два покушения на императора Вильгельма I: со стороны Хёделя (11 мая 1878 г.) и Нобилинга (2 июня 1878 г.). — *Ред.*

[3] Речь идет о дипломатическом конгрессе по пересмотру условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. между Россией и Турцией. — *Ред.*

[4] Имеется в виду проект исключительного закона против Социал-демократической партии Германии, внесенный на рассмотрение рейхстага 20 мая 1878 г. — *Ред.*

Гаштейне[1] на время замазал угрожавший Пруссии разрыв с Австрией, был склонен, по его собственному охотничьему сравнению, «выпустить всех собак, какие только захотят лаять». Он был, конечно, слишком закоренелым восточноэльбским юнкером, чтобы заигрывать с рабочим движением в духе, скажем, Дизраэли или хотя бы Бонапарта. Известно, какое курьезное представление он имел о Лассале, с которым все же несколько раз лично беседовал. Но у него были под рукой два человека, лучше его разбиравшиеся в этом деликатном вопросе, — Лотар Бухер и Герман Вагенер. Вагенер старался в то время всеми силами поймать на свою удочку немецкое рабочее движение, но успех он имел только поскольку дело касалось графини Гацфельдт. Однако как духовный руководитель юнкерской партии и старый друг Бисмарка еще с домартовского периода Вагенер занимал более независимое положение, чем Бухер. Последний полностью зависел от расположения Бисмарка, так как бюрократия косо смотрела на него, как на непрошенного нахала, а король не хотел его знать из-за 1848 г. Кроме того, Бухер отличался вообще слабым характером, был «рыбой без костей», как его часто называл его друг Родбертус.

Поэтому, если предполагалось подкупить Маркса при помощи письма Бухера, то это, конечно, было сделано не без ведома Бисмарка. Вопрос лишь в том, действительно ли тут была попытка подкупа. Способ, которым Маркс использовал письмо Бухера против травли социалистов в 1878 г., был искусным и вполне допустимым шахматным ходом. Но это не доказывает даже того, что Маркс уже с самого начала рассматривал письмо Бухера как попытку подкупа, а тем более — что это была именно такая попытка. Бухер очень хорошо знал, что Маркс после отказа от Швейцера был одно время на весьма плохом счету у лассальянцев. Кроме того, ясно, что ежемесячные отчеты о международном денежном и товарном рынке в одной из скучнейших газет едва ли были подходящим средством для ослабления общего недовольства политикой Бисмарка, а тем более для того, чтобы склонить рабочих на сторону этой политики. Поэтому уверения Бухера в том, что он просто, без всякой задней политической мысли, рекомендовал своего старого товарища по изгнанию куратору «Staatsanzeiger», вполне правдоподобны — правда, с той оговоркой, что редактор, наверное, сразу отклонил бы сотрудничество прогрессивного сторонника свободной торговли. Получив отказ от Маркса, Бухер обратился к Дюрингу, который принял было его предложение, но вскоре отказался, так как редактор совершенно не проявил того

[1] Речь идет о так называемом Гаштейнском соглашении между Пруссией и Австрией от 14 августа 1865 г. о разделе Шлезвиг-Гольштейна. — *Ред.*

уважения «к научному убеждению», которое так расхваливал в нем Бухер.

Еще хуже материальных невзгод, вызванных изнурительной работой Маркса для Интернационала и над его научным трудом, было возраставшее расстройство его здоровья. 10 февраля 1866 г. Энгельс писал ему: «Ты, действительно, должен в конце концов предпринять что-нибудь разумное, чтобы избавиться от этой карбункульной пакости... Брось на время работать по ночам и веди несколько более регулярный образ жизни»[1]. На это Маркс ответил 13 февраля: «Вчера я опять лежал в постели, так как вскочил злокачественный карбункул на левом бедре. Если бы у меня было больше средств, т. е. > — 0 для моей семьи, и если бы моя книга была готова, мне было бы совершенно безразлично, буду ли я сегодня или завтра выброшен на живодерню, иначе говоря, околею. Но при вышеупомянутых условиях мне этого нельзя»[2]. Неделю спустя[3] Энгельс получил ужасное известие: «На этот раз дело шло о жизни. Моя семья не знала, насколько случай был серьезен. Если эта история повторится еще в той же форме три-четыре раза, то я готов. Я отчаянно похудел и дьявольски ослабел, т. е. не голова, а бедра и ноги. Врачи совершенно правы, главная причина этого рецидива *чрезмерная ночная работа.* Но я не могу сообщить этим господам — да это было бы совершенно бесцельно — о причинах, *вынуждающих* меня к этой экстравагантности»[4]. Но Энгельс все же настоял на том, чтобы Маркс разрешил себе несколько недель отдыха и поехал на берег моря в Маргэт.

Там к Марксу скоро вернулось его бодрое настроение. В веселом письме к дочери Лауре он писал: «Очень рад, что поселился в частном доме, а не в пансионе или отеле, где к тебе неизбежно пристают с местной политикой, семейными скандалами и соседскими сплетнями. И все-таки я не могу петь, как мельник из Ди: «Мне ни до кого нет дела и никому нет дела до меня», потому что есть моя хозяйка, которая глуха, как пень, и ее дочь, страдающая хронической хрипотой. Но они очень славные люди, внимательные и не назойливые.

Сам я превратился в бродячую трость... большую часть дня гуляю, дышу свежим воздухом, ложусь в десять часов спать, ничего не читаю, еще меньше пишу и погружаюсь в то душевное состояние небытия, которое буддизм рассматривает как вершину человеческого блаженства»[5]. А в конце письма Маркс поддразни-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 324. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 325. — *Ред.*
[3] Ф. Меринг ошибается. Письмо Маркса, которое он цитирует ниже, датировано 10 февраля 1866 г. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 322. — *Ред.*
[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 467. — *Ред.*

вает дочь намеками, которые указывают на подготовлявшиеся в семье события: «Этот проклятый негодяй Лафарг мучает меня своим прудонизмом. Он, должно быть, до тех пор не успокоится, пока я не проломлю его креольского черепа»[1].

Как раз в те дни, когда Маркс отдыхал в Маргэте, сверкнули первые молнии военной непогоды, нависшей над Германией. 8 апреля Бисмарк заключил наступательный союз с Италией против Австрии и на следующий день внес в Союзный сейм предложение созвать немецкий парламент на основе всеобщего избирательного права, чтобы обсудить общесоюзную реформу, на которой уже должны будут сойтись немецкие правительства. Позиция, которую заняли Маркс и Энгельс в этом вопросе, показала, что они очень отдалились от понимания условий немецкой действительности. Они колебались в своих суждениях. 10 апреля Энгельс писал о предложении Бисмарка созвать немецкий парламент: «Каким он должен быть ослом, чтобы верить, что это поможет ему хоть на йоту...

Если дело, действительно, дойдет до потасовки, то в первый раз в истории развитие событий будет зависеть от поведения Берлина. Если берлинцы выступят вовремя, дело может пойти хорошо — но кто может на них положиться?»[2].

Три дня спустя он снова писал с замечательно ясным предвидением хода событий: «По-видимому, немецкий обыватель, немного поупрямившись, пойдет на это (т. е. на принятие всеобщего избирательного права)[3], так как бонапартизм — истинная религия современной буржуазии. Мне становится все яснее, что буржуазия неспособна сама непосредственно управлять, и потому во всех тех случаях, где олигархия не может, как здесь в Англии, принять на себя, за хорошее вознаграждение, управление государством и обществом в интересах буржуазии, — нормальною формою является бонапартовская полудиктатура; существенные материальные интересы буржуазии она проводит даже против воли самой буржуазии, но ей самой не оставляет никакого участия в господстве. С другой стороны, сама эта диктатура в свою очередь вынуждена против своей воли защищать эти материальные интересы буржуазии. Так, господин Бисмарк принял теперь программу Национального союза. Конечно, ее проведение а жизнь совсем другое дело, но Бисмарк вряд ли потерпит крушение из-за сопротивления немецкого обывателя»[4]. На чем, однако, по мнению Энгельса, Бисмарк действительно потерпит крушение, — это на австрийской военной мощи. Бенедек во всяком случае лучший генерал, чем принц Фридрих Карл; Австрия

[1] См *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 469.— *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 342. — *Ред.*
[3] В скобки заключены слова Меринга. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 343—344. — *Ред.*

может собственной силой принудить Пруссию к миру, но Пруссия не может принудить к тому же Австрию; каждый прусский успех был бы, таким образом, призывом к вмешательству Бонапарта.

Почти теми же словами характеризовал Маркс тогдашнее положение в письме[1] к новообретенному другу — врачу Кугельману в Ганновере; последний еще в 1848 г., будучи молодым человеком, увлекался Марксом и Энгельсом и тщательно собирал все их сочинения. Но только в 1862 г. при посредстве Фрейлиграта он познакомился с Марксом и вскоре очень близко сошелся с ним. По всем военным вопросам Маркс подчинялся суждениям, высказываемым Энгельсом, отказываясь от какой бы то ни было критики, что во всяком случае меньше всего было ему свойственно.

Еще поразительнее переоценки австрийской мощи было то представление, которое составил себе Энгельс о внутреннем состоянии прусской армии. Оно тем более удивляет, что в одном своем превосходном сочинении[2] Энгельс изложил с пониманием, непостижимым для буржуазно-демократических болтунов, ту военную реформу, из-за которой в Пруссии загорелся конституционный конфликт. 25 мая он писал: «Если у австрийцев хватит ума не наступать, то в прусской армии, наверное, начнется катавасия. Они никогда еще не были настроены так мятежнически, как при этой мобилизации. К сожалению, узнаешь лишь ничтожнейшую часть того, что происходит на деле, но и этого достаточно для того, чтобы убедиться, что с такой армией невозможна наступательная война»[3]. А 11 июня он вновь писал: «В этой войне ландвер будет для пруссаков столь же опасен, как в 1806 г. поляки, которые тоже составляли свыше одной трети армии и еще до сражения дезорганизовали все дело, но с той разницей, что ландвер, вместо того чтобы дезертировать после поражения, устроит мятеж»[4]. Это было написано за три недели до Кёниггреца.

Кёниггрец[5] рассеял весь туман, и уже через день после битвы Энгельс писал: «Что скажешь ты о пруссаках? Они с невероятной энергией использовали первые успехи... Еще не случалось, чтобы такое решительное сражение было закончено в восемь часов; при других обстоятельствах оно продолжалось бы два дня.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 473. — *Ред.*

[2] Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 33—76. — *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 353. — *Ред.*

[4] Там же, стр. 358. — *Ред.*

[5] Имеется в виду сражение при городе Кёниггреце 3 июля 1866 г., в результате которого австрийская армия потерпела полное поражение. Сражение известно также как битва при Садовой. — *Ред.*

Но игольчатое ружье — страшное оружие, и к тому же эти молодцы, действительно, дерутся со смелостью, которой я никогда не видел в таком мирном войске»[1]. Энгельс и Маркс могли ошибаться и часто ошибались, но они никогда не закрывали глаз на события и не упорствовали, когда им приходилось признать то, что навязывали им сами события. Прусская победа стала им поперек горла, но они очень быстро нашли правильную ориентацию. Энгельс, которому по-прежнему принадлежало руководство в этом вопросе, 25 июля резюмировал положение в следующих словах: «Положение дел в Германии кажется мне теперь очень простым. С того момента, как Бисмарк с таким колоссальным успехом провел при помощи прусской армии малогерманский план буржуазии, развитие Германии так решительно пошло в этом направлении, что мы, как и другие, вынуждены признать этот совершившийся факт, нравится он нам или нет...

Все это имеет ту хорошую сторону, что положение упрощается и революция облегчается тем, что устраняется драка маленьких столиц и, во всяком случае, ускоряется развитие. В конце концов, германский парламент это совсем не то, что прусская палата депутатов. Все мелкие государства будут вовлечены в движение, прекратятся самые худшие локализирующие влияния, и партии станут, наконец, действительно национальными, а не только местными»[2]. На это Маркс ответил два дня спустя с сухим спокойствием: «... Я вполне согласен с тобой, что надо брать эту пакость такой, какова она есть. Но все-таки приятно оставаться в отдалении в это время первой юной любви»[3].

Одновременно Энгельс писал отнюдь не в одобрительном тоне, что «брат Либкнехт ударился в фанатическую приверженность к Австрии...»[4]; несомненно, именно он писал «яростные корреспонденции» из Лейпцига во «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртскую газету»). Эта смерть государям несущая газета зашла так далеко, что бросила Пруссии упрек в позорном обращении с «почтенным курфюрстом Гессенским» и увлеклась бедным слепым Вельфом[5]. Швейцер высказался в Берлине по тем же причинам и в тех же выражениях, как Маркс и Энгельс в Лондоне. И за эту «оппортунистскую» политику несчастный Швейцер является до сих пор объектом нравственного возмущения претенциозных государственных деятелей, которые хотя и не понимают Маркса и Энгельса, но все же поклоняются им.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 360. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 181. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 182. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 368. — *Ред.*
[5] *Слепой Вельф* — последний король Ганновера Георг V, лишенный престола в 1866 г. после занятия Ганновера прусскими войсками. — *Ред.*

6
ЖЕНЕВСКИЙ КОНГРЕСС

Вопреки всем намерениям, первый конгресс Интернационала еще не состоялся в дни битвы при Кёниггреце. решившей участь Германии. Его пришлось еще раз отложить на сентябрь, хотя второй год существования нового союза принес ему несравненно более быстрый подъем, чем первый.

На континенте в качестве важнейшего центра союза стала выдвигаться Женева. Там образовались как романская, так и немецкая секции, создавшие свои собственные партийные органы. Органом немецкой секции был «Vorbote» («Предвестник») — ежемесячник, основанный и руководимый старым Беккером. Его шесть годовых комплектов до сих пор являются важнейшим источником для истории Интернационала. «Vorbote» стал выходить с января 1866 г. и именовал себя «центральным органом секции немецкого языка», так как к Женеве тяготели и все немецкие члены Интернационала: германские союзные законы мешали образованию секций внутри самой Германии. По тем же основаниям и романская секция в Женеве распространяла свое влияние в глубь Франции.

В Бельгии рабочее движение тоже основало свою собственную газету «Tribune du Peuple» («Народная трибуна»), которую Маркс признавал таким же официальным органом Интернационала, как и обе женевские газеты. Он не причислял, однако, к партийным органам одну или несколько газеток, издававшихся в Париже и по-своему отстаивавших интересы рабочих. Правда, дело постепенно пошло на лад и во Франции; но там оно скорее вспыхивало мелькающим огоньком, а не горело ровным пламенем очага. При полном отсутствии свободы печати и собраний трудно было создавать настоящие центры движения, а двусмысленность терпимого отношения бонапартовской полиции действовала на энергию рабочих скорее усыпляющим, чем ободряющим образом. С другой стороны, сильно распространенный прудонизм не был годен на то, чтобы крепить организаторские силы пролетариата.

Особенно шумно проявлялся прудонизм в «молодой Франции», мелькавшей то в Брюсселе, то в Лондоне. В феврале 1866 г. образовавшаяся в Лондоне французская секция выступила с резкой оппозицией против Генерального Совета за то, что он включил в программу Женевского конгресса также и польский вопрос. Как можно думать о том, спрашивала она в духе Прудона, чтобы ослаблять влияние России посредством восстановления Польши, в тот момент, когда Россия освободила своих крепостных, а польская знать и духовенство всегда отказывались предоставить свободу своим крепостным? При начале немецкой войны француз-

ские члены Интернационала и даже его Генерального Совета также вызвали много бесполезных споров своим, как выразился однажды Маркс, «прудонистским штирнерианством». Они доказывали, что все национальности устарели и должны распасться на маленькие «группы», которые в свою очередь образуют «союз», но не государство. «В то время как происходит эта «индивидуализация» человечества и развивается соответствующий mutualisme [взаимопомощь], история во всех остальных странах должна приостановиться, и весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают на наших глазах этот опыт, и весь остальной мир, побежденный силой их примера, сделает то же»[1]. Такие насмешки Маркс направлял в первую очередь против своих «добрых друзей» — Лафарга и Лонге, которые позднее сделались его зятьями, но вначале как «правоверные прудонисты» вызывали в нем некоторую досаду.

Основной опорой Интернационала все еще оставались тред-юнионы. Так смотрел на дело и Маркс: 15 января 1866 г. он в письме к Кугельману[2] высказал свое удовлетворение по поводу того, что удалось вовлечь в движение эту единственную действительно большую организацию рабочих. Особенную радость доставил ему огромный митинг, состоявшийся под духовным руководством Интернационала за несколько недель до того в Сент-Мартинс Холле в пользу избирательной реформы, В марте 1866 г. министерство вигов Гладстона внесло билль об избирательной реформе. Но этот законопроект показался слишком радикальным даже для некоторой части членов самой партии Гладстона, и министерство пало вследствие отпадения этих членов. Оно было заменено торийским министерством Дизраэли, которое попыталось отложить избирательную реформу в долгий ящик. Тогда движение стало принимать бурные формы. 7 июля Маркс писал Энгельсу: «... Демонстрации лондонских рабочих, небывалые по сравнению с теми, которые мы здесь видели после 1849 г., исключительно дело рук *Интернационала.* Г-н Лекрафт, например, бывший главным лицом в Трафальгар-сквере, — член нашего Совета»[3]. На Трафальгар-сквере, где собралось 20 тысяч человек, Лекрафт созвал митинг в саду Уайтхолла, где «мы в свое время снесли голову одному из наших королей»[4]; вслед за этим на митинге в Гайд-парке, где собралось 60 тысяч человек, дело дошло почти до открытого восстания.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 179. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 176. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 179. — *Ред.*
[4] Имеется в виду казнь английского короля Карла I во время буржуазной революции XVII века и Англии. — *Ред.*

Тред-юнионы вполне признали заслуги Интернационала в этом движении, которое обошло почти всю страну. Конференция представителей всех тред-юнионов, собравшаяся в Шеффилде, постановила: «Выражая свою полную признательность Международному Товариществу Рабочих за его усилия объединить рабочих всех стран узами братства, конференция рекомендует самым настоятельным образом всем представленным здесь союзам примыкать к этой организации, ибо она убеждена, что это чрезвычайно важно для прогресса и для пользы всего рабочего класса»[1]. Вскоре затем к Интернационалу примкнул целый ряд профессиональных союзов; но эта великая морально-политическая победа не была в одинаковой степени и материальной. Примкнувшим к Интернационалу союзам было предоставлено платить взносы по их усмотрению или даже совсем не платить. И если они платили, то во всяком случае взносы были скромные. Так, союз сапожников, насчитывавший 5 тысяч членов, платил ежегодно пять фунтов, союз плотников с 9 тысячами членов — два фунта, а союз каменщиков с числом членов от 3 до 4 тысяч — всего один фунт.

Марксу пришлось вскоре убедиться и в том, что в «движении за избирательное право» снова обнаруживается «проклятый традиционный характер всех английских движений». Еще до создания Интернационала тред-юнионы вступили в сношения с буржуазными радикалами из-за избирательной реформы. Эти отношения сделались еще более тесными, когда движение начало обещать осязательные результаты. «Уступки», которые раньше отвергались с негодованием, теперь рассматривались как достойное вознаграждение за борьбу. Маркс, однако, считал, что этому движению не хватает огненного духа старого чартизма. Он порицал неспособность англичан сразу заниматься двумя делами; чем сильнее подвигается вперед избирательное движение, тем холоднее относятся лондонские вожди «к нашему внутреннему движению». «В Англии избирательное движение, нами же вызванное к жизни, почти убило нас». Еще одно сильное препятствие к такому развитию движения отпало вследствие того, что Маркс не мог вмешаться в него лично ввиду своей болезни и отъезда в Маргэт.

Много труда и забот причинил Марксу «Workman's Advocate» («Защитник рабочего»), еженедельник, превращенный конференцией 1865 г. в официальный орган Интернационала и переменивший с февраля 1866 г. свое название на «Commonwealth» («Республика»). Маркс участвовал в административном совете этой газеты, которая постоянно боролась с финансовыми затруднениями и потому зависела от поддержки буржуазных сторонни-

[1] См. *Г. Иекк,* Интернационал, 1926, стр. 17. — *Ред.*

ков реформы избирательного права. Он упорно старался оказывать противодействие буржуазным влияниям и наряду с этим противодействовал соперничеству за руководство редакцией. Одно время редактором был Эккариус, и он напечатал в «Commonwealth» свою известную полемическую статью против Стюарта Милля, в составлении которой ему много помог Маркс. В конце концов, вопреки стараниям Маркса, «Commonwealth», как он писал Кугельману, превратился пока что в орган реформы, отчасти по экономическим, отчасти по политическим соображениям.

Ввиду всех этих обстоятельств вполне понятно, что у Маркса были большие опасения относительно первого конгресса Интернационала: он боялся, как бы этот конгресс «не осрамился перед всей Европой». Так как парижане настаивали на постановлении Лондонской конференции, что конгресс должен состояться в конце мая, то Маркс хотел сам поехать в Париж и убедить их в невозможности этого срока. Энгельс же считал, что вся история не стоит того, чтобы Маркс рисковал попасть в сети бонапартовской полиции, где он оказался бы беззащитным. Вопрос о том, примет ли конгресс какие-либо положительные решения, — это вопрос второстепенный, если только удастся избежать скандала, а это в конце концов вполне возможно. В известном смысле — по крайней мере для них самих (Маркса и Энгельса) — всякая подобная демонстрация явится неудачей, но это не значит, что таково будет впечатление от нее в глазах Европы.

Узел был распутан тем, что сами женевцы не закончили приготовлений и постановили отсрочить конгресс до сентября. С этим согласились везде, кроме Парижа. Сам Маркс не намеревался лично принять участие в конгрессе, так как его научный труд не допускал более никакого перерыва. Он считал, что этот труд важнее для рабочего класса, чем всякое его личное участие в каком бы то ни было конгрессе. Но он затратил все же много времени на то, чтобы обеспечить успешное течение конгресса; он составил памятную записку для лондонских делегатов и умышленно ограничил ее только такими пунктами, «на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок»[1]. Эта записка заслуживает такой же похвалы, с какой Бизли говорил об Учредительном манифесте: главнейшие очередные требования международного пролетариата сформулированы на нескольких страницах столь основательно и наглядно, как никогда. В качестве представителей Генерального Совета в Женеву поехал председатель Оджер, генеральный секретарь Кример и с ними Эккариус и Юнг,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 184. — *Ред.*

на рассудительность которых Маркс мог положиться в первую очередь.

Конгресс заседал с 3 по 8 сентября под председательством Юнга и при участии шестидесяти делегатов. Маркс находил, что конгресс «вопреки ожиданию прошел в целом хорошо». Только о «господах парижанах» он говорил резко. «У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно относятся ко всякому *революционному,* т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено также и *политическими* средствами (как, например, *законодательное* сокращение рабочего дня). Под *предлогом свободы* и антигувернаментализма [отрицания всякого правительства] или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, — которые 16 лет преспокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм, — проповедуют на деле лишь прудонистски идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство!»[1] И он продолжает в том же духе, употребляя еще более резкие выражения.

Приговор Маркса действительно очень суров, хотя несколько лет спустя Иоганн Филипп Беккер, сам один из деятельнейших участников конгресса, выразился, быть может, еще резче о той неразберихе, которая там царила. Разница только та, что Беккер не забыл о немцах из-за французов и о шульце-деличеанцах из-за прудонистов. «Какие любезности приходилось расточать всем этим добрым людишкам, чтобы спастись от их поздравительного пыла». Отчеты о конгрессе в «Vorbote» написаны были, конечно, в совершенно ином тоне; но их следует читать с некоторой критикой.

Французы имели сравнительно большое число представителей, располагая приблизительно третью всех мандатов; они проявили также большое красноречие, но все же многого не достигли. Их предложение принимать в Интернационал только людей физического, а не умственного труда провалилось, так же как предложение включить в программу союза религиозные вопросы. Таким образом, и эта причуда была навсегда устранена. Принято же было внесенное ими довольно безобидное предложение — заняться изучением международного кредита с целью создать впоследствии при Интернационале центральный банк в духе Прудона. Хуже было то, что прошло предложение Толена и Фрибура об упразднении женского труда, так как он является «фактором вырождения», причем женщине указывалось на ее место в семье. Но это предложение вызвало возражения даже со стороны Варлена и других французов и было принято лишь наряду с предло-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 184. — *Ред.*

жениями Генерального Совета о труде женщин и детей, которые фактически сводили первое предложение на нет. Помимо этого французам удалось кое-где протащить в постановления некоторые обрывки прудоновской контрабанды. Маркса достаточно огорчали эти нелепые поправки, которые уродовали выработанную им с таким упорным трудом программу конгресса. Но все же нетрудно заметить, что он остался доволен общим ходом конгресса.

Только в одном пункте Маркс встретил отпор, который должен был ощущаться им особенно чувствительно, — в польском вопросе. После опыта Лондонской конференции этот пункт был тщательно разработан в упомянутой выше английской памятной записке. Европейские рабочие должны поднять этот вопрос особенно потому, говорилось в записке, что правящие классы, несмотря на свое показное увлечение всевозможными национальностями, в действительности угнетают их, а также и потому, что аристократия и буржуазия всегда рассматривали мрачную азиатскую державу в тылу как последнее прибежище против наступательного движения рабочего класса. Эту державу можно обезвредить только путем восстановления Польши на демократической основе. От этого зависит, останется ли Германия лишь форпостом Священного союза или сделается союзницей республиканской Франции. Рабочее движение будет постоянно тормозиться, прерываться и задерживаться, пока не будет разрешен этот великий европейский вопрос. Англичане энергично выступили в защиту предложения Маркса, французы же и часть романских швейцарцев не менее активно возражали ему. Наконец, все сошлись на предложении Беккера, который сам высказался за предложение Маркса, но желал избежать открытого раскола по этому вопросу. Было принято уклончивое постановление, что Интернационал высказывается против всякого насильственного господства: поэтому он и стремится устранить империалистическое влияние России и восстановить Польшу на социал-демократической основе.

В остальном английские предложения победили по всей линии. Временный устав был утвержден с небольшими изменениями; Учредительный манифест не подвергался обсуждению, но с этого времени приводился во всех постановлениях и декларациях Интернационала как официальный документ. Генеральный Совет был переизбран, и местонахождением его назначался Лондон. Ему поручалось собрать подробные статистические сведения о положении международного рабочего класса и, поскольку позволят его средства, составлять отчеты обо всем, что может интересовать Международное Товарищество Рабочих. Для покрытия расходов Совета на каждого члена союза был в виде исключения наложен на следующий год особый налог в 30 сантимов; в качестве же постоянного ежегодного взноса в кассу Генерального

Совета конгресс предлагал взимать пенс или полпенса помимо платы за членскую карточку.

Среди программных деклараций конгресса впереди всех стояли постановления о законодательстве по охране труда и о профессиональных союзах. Конгресс выдвинул принцип, что рабочий класс должен добиться законов об охране труда. «Требуя таких законов, рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, власть, которою теперь пользуются против него, он превращает в свое орудие»[1]. С помощью общего закона рабочий класс достигнет того, что было бы тщетно пытаться установить путем изолированных усилий отдельных лиц. Конгресс рекомендовал ограничение продолжительности рабочего дня как условие, вне которого должны потерпеть крушение все другие усилия пролетариата, направленные на его освобождение. Это ограничение необходимо для восстановления физической энергии и здоровья рабочего класса, для того чтобы дать ему возможность духовно развиваться, жить общественной жизнью и проявлять себя в социальной и политической деятельности. В качестве установленного законом предела рабочего дня конгресс предложил восемь часов, которые должны быть включены в определенное время дня и притом так, чтобы это время охватывало восемь часов работы и перерывы для еды. Восьмичасовой рабочий день должен быть осуществлен для всех достигших совершеннолетия рабочих, мужчин и женщин, причем совершеннолетием считается 18-летний возраст. Ночная работа недопустима в интересах здоровья; неизбежные же исключения из этого правила должны быть точно установлены законом. С особенной строгостью от ночной работы должны быть освобождены женщины. Кроме того, их следует вообще не допускать и ко всем таким видам труда, которые опасны для здоровья или угрожают нравственности женщин.

В тенденции современной промышленности привлекать к участию в общественном производстве детей и подростков обоего пола конгресс усматривал полезное и прогрессивное явление, как ни отвратительна форма, в которой этот прогресс осуществляется при господстве капитала. При разумном строе общества всякий ребенок должен, начиная с девяти лет, быть производительным работником, точно так же как необходимо, чтобы каждый взрослый человек без исключения подчинялся всеобщему естественному закону, а именно: он должен работать, чтобы есть, и работать не только умом, но и руками. В теперешнем обществе рекомендуется разделить детей и подростков на три разряда и к каждому из них применять различное отношение: на детей от 9 до 12 лет, детей от 13 до 15 лет и подростков от 16 до 17 лет. Ра-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 199. — *Ред.*

бочее время первой категории в мастерских или при работе на дому должно ограничиваться двумя часами, второй категории — четырьмя, а третьей — шестью часами, причем последней категории должен быть предоставлен по крайней мере часовой перерыв для обеда и отдыха. Но производительная работа детей и подростков допустима только тогда, когда она связана с их обучением, причем под обучением следует понимать три отрасли: духовное образование, гимнастика тела и, наконец, техническое обучение, которое дает общие научные основания всех процессов производства и вместе с тем приучает подрастающее поколение к практическому пользованию самыми элементарными орудиями труда.

Относительно профессиональных союзов конгресс постановил, что их деятельность не только целесообразна, но и необходима. Они являются тем средством, при помощи которого пролетариат может противопоставить концентрированной социальной власти капитала единственную социальную силу, которой он обладает, — именно свою численность. Пока будет существовать капиталистический способ производства, профессиональные союзы необходимы. Мало того, они должны стремиться к тому, чтобы распространить и обобщить свою деятельность посредством международных связей. Сознательно противодействуя непрекращающимся злоупотреблениям со стороны капитала, они становятся, не сознавая того, центром тяжести организации всего рабочего класса, подобно тому как средневековые коммуны стали таким центром тяжести для буржуазного класса. Ведя непрерывную мелкую войну в повседневной борьбе между трудом и капиталом, профессиональные союзы приобретут еще большее значение как организованное средство для уничтожения наемного труда. До сих пор устремление этих союзов направлялось слишком исключительно на непосредственную борьбу против капитала; в будущем же они не должны отделять себя от общеполитического и социального движения своего класса. Наибольшее распространение они получат, когда широкие массы пролетариата убедятся, что их цель далеко не ограниченная и узко эгоистическая, а, напротив, направлена на общее освобождение миллионов угнетенных.

В духе этой резолюции Маркс предпринял вскоре после Женевского конгресса еще одну попытку, от которой ожидал очень многого. 13 октября 1866 г. он писал Кугельману: «Лондонский совет английских тред-юнионов (его секретарь — наш президент Оджер) обсуждает в настоящее время вопрос о том, объявить ли ему себя Британской секцией Международного Товарищества. Если он это сделает, то руководство рабочим классом перейдет здесь, в некотором смысле, к нам, и мы в состоянии будем сильно толкать движение вперед»[1]. Но совет тред-юнионов не сделал

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 481. — *Ред.*

этого: при всем своем дружественном отношении к Интернационалу он решил сохранить свою самостоятельность. И если освещение, данное историками тред-юнионов, верно, то совет тред-юнионов отказался также допустить к участию в своих заседаниях представителя Интернационала. Последний сделал такое предложение в целях быстрого осведомления тред-юнионов обо всех забастовках на континенте.

Уже в первые годы Интернационал убедился, что ему предстоят большие успехи, но что эти успехи имеют определенные пределы. Все же он пока имел основание радоваться своим достижениям. И Маркс с живым удовлетворением отметил в своем большом труде, который он тогда как раз заканчивал, что одновременно с Женевским конгрессом Всеобщий рабочий конгресс в Балтиморе выставил восьмичасовой рабочий день как первое требование, выполнение которого необходимо для освобождения рабочих от оков капитализма.

Маркс полагал, что белые рабочие не могут достигнуть свободы там, где черные рабочие все еще носят клеймо. Но первый плод американской гражданской войны, уничтожившей рабство, — это агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии — по всей Америке[1].

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 306. — *Ред.*

Глава двенадцатая

«КАПИТАЛ»

1
РОДОВЫЕ МУКИ

Маркс отказался от участия в Женевском конгрессе, так как завершение его главного труда (он считал все написанное им до этого времени только «мелочью») казалось ему более важным для рабочих, чем участие его в каком бы то ни было конгрессе; он имел при этом в виду стилистическую правку и переписку I тома, начатую им 1 января 1866 г. И дело подвигалось сначала очень быстро, так как ему, «конечно, было приятно вылизывать ребенка после столь длительных родовых мук».

Эти родовые муки длились почти вдвое больше лет, чем то количество месяцев, которого требует физиология для вынашивания ребенка. Маркс имел право говорить, что, быть может, никогда работа такого рода не писалась при более тяжелых обстоятельствах. Он постоянно устанавливал сроки для окончания своей книги: «в пять недель», как он говорил в 1851 г., или «в шесть недель» — в 1859 г. Но эти намерения всегда разбивались о безжалостную самокритику и беспримерную добросовестность Маркса, беспрестанно толкавшие его к новым исследованиям. В этом его не могли поколебать нетерпеливые увещевания даже его вернейшего друга.

В конце 1865 г. работа была закончена, но лишь в виде огромной рукописи, такой, что никто — даже Энгельс — не мог бы приготовить ее к печати, кроме самого Маркса. Из этой огромной массы Маркс в промежуток времени между январем 1866 г. и мартом 1867 г. извлек и обработал «как художественное целое» I том «Капитала» в его классической редакции, что было блестящим свидетельством его баснословной работоспособности: эти пять четвертей года ознаменовались постоянными и порою даже, как, например, в феврале 1866 г., опасными для жизни приступами болезни, значительным скоплением долгов, которые ему «давили мозг», и, наконец, поглощавшей много времени подготовкой к Женевскому конгрессу Интернационала.

В ноябре 1866 г. первая часть рукописи была отправлена в Гамбург Отто Мейснеру, издателю демократической литературы, который уже выпустил небольшую работу Энгельса по прусскому военному вопросу. В середине апреля 1867 г. сам Маркс привез в Гамбург остальную часть рукописи. Мейснер оказался «славным малым», и после кратких переговоров все было устроено. В ожидании первых корректурных листов — книга печаталась в Лейпциге — Маркс посетил своего друга Кугельмана в Ганновере, где его очень радушно приняла приветливая семья Кугельмана. Маркс провел там несколько счастливых недель, которые сам причислял к «прекраснейшим и самым отрадным оазисам в жизненной пустыне». Его хорошему настроению способствовало отчасти и то обстоятельство, что к нему — очень неизбалованному в этом отношении — отнеслись с почтением и симпатией образованные круги ганноверского общества. «Мы оба, — писал он 24 апреля Энгельсу, — занимаем в Германии совсем другое положение, чем нам казалось...»[1], в частности среди «образованного» чиновничества. И Энгельс ответил на это 27 апреля: «Мне всегда казалось, что эта проклятая книга, которую ты так долго вынашивал, была главною причиною всех твоих несчастий и что ты никогда не выкарабкался бы и не мог выкарабкаться, пока не отделался от нее. Эта вечно все еще не готовая вещь пригибала тебя к земле в физическом, духовном и финансовом отношениях, и я отлично понимаю, что теперь, стряхнув с себя этот кошмар, ты почувствовал себя совсем другим человеком, тем более, что и свет, как только ты опять вступил в него, показался тебе уже не таким мрачным, как раньше»[2]. В связи с этим Энгельс выражал надежду скоро освободиться от «собачьей коммерции». Он писал, что ни на что не способен, пока занимается ею. Положение особенно ухудшилось с тех пор, как он стал во главе фирмы и несет на себе большую ответственность.

Маркс ответил ему на это письмом от 7 мая: «Я надеюсь и глубоко уверен, — писал он, — что через год я уже настолько завоюю себе положение, что смогу в корне реформировать свое экономическое положение и стать, наконец, на собственные ноги. Без тебя я никогда не мог бы довести до конца этого сочинения и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на торговлю и даешь им ржаветь главным образом из-за меня, и в придачу еще должен переживать вместе со мною все мои маленькие неприятности»[3]. Конечно, Маркс ни через год, ни вообще никогда «не завоевал себе положения», а Энгельсу пришлось еще несколь-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 404. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 405. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 409. — *Ред.*

ко лет заниматься «собачьей коммерцией»; но все же горизонт начинал понемногу проясняться.

В эти ганноверские дни написан давно просроченный ответ Маркса на письмо одного его сторонника, горного инженера Зигфрида Мейера, который раньше жил в Берлине, а около этого времени переселился в Соединенные Штаты, и этот ответ лишний раз ярко освещает «бессердечность» Маркса. Он писал: «Вы, вероятно, очень плохого мнения обо мне и будете еще худшего, если узнаете, что Ваши письма не только доставляли мне *большую радость,* но и были для меня *настоящим утешением, на* протяжении того очень мучительного периода, когда они приходили ко мне. Сознание, что я привлек к нашей партии ценного человека, стоящего на высоте ее принципов, вознаграждало меня даже за самое худшее. К тому же Ваши письма были полны самых дружеских личных чувств по отношению ко мне, а Вы понимаете, что, ведя жесточайшую борьбу со всем (официальным) миром, я меньше всего могу недооценивать это.

Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я был работоспособен, чтобы закончить мое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практическими» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным,* если бы подох... не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи»[1].

В этом приподнятом настроении Маркс получил сообщение от некоего неведомого ему адвоката Варнебольда, передавшего, будто Бисмарк желает использовать его и его большой талант в интересах немецкого народа. Маркс серьезно отнесся к этому сообщению, но его, естественно, не опьянила эта приманка; он, конечно, подумал, как Энгельс: «Характерно для образа мыслей и кругозора этого субъекта, что он мерит всех людей на свой аршин»[2]. Но в прежнем будничном настроении Маркс не поверил бы словам Варнебольда. В те дни, когда еще не закончилось образование Северогерманского союза, когда едва только миновала опасность войны с Францией из-за Люксембургского торга[3], Бисмарк никак не мог думать о том, чтобы привлечь к себе на службу автора «Коммунистического манифеста». Не в интересах

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 484—485. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 407. — *Ред.*
[3] Меринг имеет в виду резкое обострение в 1867 г. франко-прусских противоречий в результате срыва Бисмарком переговоров Наполеона III с королем Нидерландов о продаже Франции герцогства Люксембург. — *Ред.*

Бисмарка было раздражать недавно перешедшую в его лагерь буржуазию, которая уже весьма косо посматривала на его помощников — Бухера и Вагенера.

Не с самим Бисмарком, а с одной его родственницей у Маркса было при возвращении в Лондон небольшое приключение, о котором он не без удовольствия сообщил Кугельману. На пароходе к нему обратилась за некоторыми справками относительно лондонских железнодорожных станций одна барышня немка, поразившая Маркса своей военной выправкой. Ей пришлось ждать в течение нескольких часов нужного ей поезда, и Маркс рыцарски предложил ей прогуляться в это время по Гайд-парку. «Выяснилось, что ее зовут Елизавета фон-Путткамер и что она *племянница Бисмарка,* у которого она только что провела в Берлине несколько недель. Она знала множество военных: оказалось, что наше «храброе воинство» насчитывает в своей среде немало «доблестных гвардейцев» из этой семейки. Она оказалась веселой и образованной девушкой, но аристократкой и верноподданной до мозга костей. Она была немало удивлена, когда узнала, что попала в *«красные»* руки»[1]. Но это не испортило барышне хорошего настроения. Она написала Марксу милое письмецо, принося «с детским почтением» «сердечную благодарность» своему рыцарю за его хлопоты о «неопытном создании»; и родители ее тоже выразили радость, что встречаются еще хорошие люди в путешествии.

В Лондоне Маркс закончил корректуру своей книги. И на этот раз дело не обошлось без жалоб на медленность печатания, но уже 16 августа 1867 г., в 2 часа ночи, Маркс сообщил Энгельсу, что закончил корректуру последнего (49-го) листа. *«Итак, этот том готов.* Только *тебе* обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности!..

Привет, мой дорогой, верный друг!»[2].

2
ПЕРВЫЙ ТОМ

В первой главе своего труда Маркс еще раз свел воедино то, что он изложил в своей книге 1859 г. о товаре и деньгах[3]. Это сделано было не только для полноты, но и потому, что даже луч-

[1] См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 491. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 429. — *Ред.*
[3] Имеется в виду книга К. Маркса «К критике политической экономии». — *Ред.*

шие умы не вполне правильно поняли этот вопрос — и, значит, были недостатки в изложении, в особенности при анализе товара.

К числу этих лучших умов, конечно, не относились немецкие ученые, которые прокляли первую главу «Капитала» из-за ее «неясной мистики». «На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного... Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, но становится пред лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать»[1]. Это обидело все «деревянные головы», которые производят в большом количестве сверхчувственные мудрствования и богословские ухищрения, но не могут создать такой простой чувственной вещи, как обыкновенный осязаемый деревянный стол.

В действительности эта первая глава с чисто литературной точки зрения принадлежит к самому значительному из всего написанного Марксом. Затем он перешел к исследованию того, как деньги превращаются в капитал. Если при обращении товаров обмениваются одинаковые стоимости, то как может собственник денег, покупая и продавая товары по их стоимости, все же извлечь из обращения больше стоимости, чем он бросил в него? Это возможно для него потому, что при существующих общественных отношениях собственник денег находит на товарном рынке такой своеобразный товар, потребление которого является источником новой стоимости. Этот товар — рабочая сила.

Она существует в виде живого рабочего, который для сохранения своего существования, а также для поддержания своей семьи, обеспечивающей и после его смерти непрерывность рабочей силы, нуждается в известном количестве средств существования. Рабочее время, необходимое для производства этих средств существования, представляет стоимость рабочей силы. Эта стоимость, выплачиваемая в виде заработной платы, является, однако, значительно меньшей, чем та стоимость, которую может извлечь из рабочей силы ее покупатель. Прибавочный труд рабочего, затрачиваемое им на работу время сверх необходимого для возмещения его заработной платы, и составляет источник прибавочной стоимости и постоянно растущего накопления капитала.

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 77. — *Ред.*

Неоплаченный труд рабочего содержит всех нетрудящихся членов общества; на этом держится весь общественный строй, в котором мы живем.

Однако неоплачиваемый труд сам по себе не является особенностью современного буржуазного общества. С тех пор как существуют имущие и неимущие классы, неимущие классы должны были всегда доставлять неоплачиваемый труд. Пока часть общества монопольно владеет средствами производства, рабочие — свободные или несвободные — вынуждены добавлять избыточное рабочее время к рабочему времени, необходимому для поддержания их существования, чтобы производить средства существования для собственников средств производства. Наемный труд есть лишь особая историческая форма системы неоплачиваемого труда, господствующей со времени разделения общества на классы. Эту историческую форму следует изучать как таковую, чтобы правильно понять ее.

Собственник денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: во-первых, он должен располагать своей рабочей силой, как свободная личность своим товаром, во-вторых, не должен иметь для продажи никакого другого товара, должен быть гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для практического применения своей рабочей силы. Природа не производит, с одной стороны, собственников денег и товаров, с другой стороны, собственников одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно является результатом предшествующего длительного исторического развития, продуктом многих экономических переворотов, продуктом гибели целого ряда более древних формаций общественного производства.

Товарное производство есть исходный пункт капитала. Производство товаров, обращение товаров и развитое обращение товаров — торговля — представляют те исторические предпосылки, при наличии которых возникает капитал. Современная история капитала ведет свое начало от возникновения современной мировой торговли и современного мирового рынка в XVI столетии. Иллюзия вульгарных экономистов, что когда-то существовали, с одной стороны, трудолюбивые избранники, которые накапливали богатства, с другой — масса ленивых люмпенов, у которых в конце концов не осталось ничего для продажи, кроме собственной шкуры, — эта иллюзия есть нелепость; она является столь же вздорной, как и полумрак, под сенью которого буржуазные историки изображают разложение феодального способа производства как освобождение рабочих, а не как превращение феодального способа производства в капиталистический способ производства.

Рабочие перестали быть непосредственно средствами производства, как рабы и крепостные. Но также и им перестали принадлежать средства производства, как это имеет место у ведущих самостоятельное хозяйство крестьян и ремесленников, Путем ряда насильственных и жестоких приемов, которые Маркс подробно изображает в главе о первоначальном накоплении капитала на примере истории Англии, у широких масс народа были отняты земля, средства существования и орудия труда. Так создались те свободные рабочие, в которых нуждается капиталистический способ производства. Капитал явился на свет покрытый с головы до пят кровью и грязью, сочащимися изо всех его пор. И, как только он стал на собственные ноги, он не только добился отделения рабочего от собственности на средства, необходимые для приложения труда, но и воспроизводит это отделение в постоянно возрастающем масштабе.

От прежних способов неоплачиваемого труда наемный труд отличается тем, что движение капитала безгранично, его волчья жажда прибавочного труда ненасытна. В тех экономических общественных формациях, где преобладает не меновая, а потребительная стоимость продукта, этот прибавочный труд ограничивается более тесным или более широким кругом потребностей; но в этих формациях из самого способа производства не возникает безграничной потребности в прибавочном труде. Иначе обстоит дело там, где преобладает меновая стоимость. Капитал, присваивая труд других людей, являясь извлекателем прибавочного труда и эксплуататором рабочей силы, далеко превосходит своей энергией, ненасытностью и действенностью все прежние процессы производства, основанные на непосредственно принудительном труде. Для него важен не самый процесс труда, не производство потребительных стоимостей, а процесс увеличения стоимости, производство меновых стоимостей, из которых он может извлечь больше стоимости, чем вложил в них. Жадность к прибавочной стоимости ненасытна; у производства меновых стоимостей нет тех пределов, которые для производства потребительных стоимостей определены удовлетворением потребностей.

Как товар представляет собой единство потребительной и меновой стоимости, так и процесс производства товаров является единством процесса труда и процесса образования стоимости. Процесс образования стоимости длится до того момента, пока выплаченная капиталом в виде заработной платы стоимость рабочей силы не будет возмещена другой, равной ей стоимостью. За пределами этой стадии производства процесс образования стоимости становится процессом производства прибавочной стоимости, процессом увеличения стоимости. Как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости процесс производства товаров становится капиталистическим процессом производства,

капиталистической формой товарного производства. В процессе труда соединяются рабочая сила и средства производства. В процессе же увеличения стоимости те же составные части капитала появляются как постоянный и переменный капитал. Постоянный капитал превращается в средства производства, в сырой материал, в вспомогательные материалы, в орудия труда и не изменяет величины своей стоимости в производственном процессе. Переменный капитал превращается в рабочую силу и в процессе производства изменяет свою стоимость. Он воспроизводит свою собственную стоимость и, кроме того, некоторый излишек — прибавочную стоимость, которая может сама изменяться, может быть большей или меньшей. Таким путем Маркс расчищает себе ясный путь для изучения прибавочной стоимости. Он устанавливает две формы прибавочной стоимости — абсолютную и относительную прибавочную стоимость; каждая из них сыграла в истории капиталистического способа производства различную, но решающую роль.

Абсолютная прибавочная стоимость производится тем, что капиталист удлиняет продолжительность рабочего времени свыше того, которое необходимо для воспроизведения рабочей силы. Если бы это было в его власти, то капиталист удлинил бы рабочий день до двадцати четырех часов, ибо, чем длиннее рабочий день, тем большая создается прибавочная стоимость. Напротив, рабочий обладает здоровым сознанием того, что каждый час его труда сверх времени, необходимого для возмещения заработной платы, несправедливо отнимается у него. Ему приходится испытывать на собственном теле, что значит работать слишком долгое время. Борьба за продолжительность рабочего дня началась с первого выступления свободных рабочих в истории и продолжается по сегодняшний день. Капиталист борется за свою прибыль, и конкуренция принуждает его, будь он лично благородный или дурной человек, растягивать рабочий день до крайних пределов человеческой работоспособности. Рабочий борется за свое здоровье, за несколько часов ежедневного отдыха, чтобы иметь возможность кроме работы, еды и сна еще жить как человек. Маркс дает захватывающее изображение полувековой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом в Англии. Она началась с зарождения крупной промышленности, побуждавшей капиталистов разбивать все преграды эксплуатации пролетариата, созданные природой и обычаями, возрастом и полом, днем и ночью, и кончилась изданием закона о десятичасовом рабочем дне. Он был завоеван рабочим классом и, в качестве весьма могучего общественного препятствия, не позволяет даже самому рабочему посредством добровольного соглашения с капиталом продаваться вместе со своим родом на смерть и в рабство капиталу.

Относительная прибавочная стоимость производится при помощи сокращения рабочего времени, необходимого для воспроизводства рабочей силы, в пользу прибавочного труда. Стоимость рабочей силы снижают тем, что увеличивают производительную силу труда в тех отраслях промышленности, продуктами которых определяется стоимость рабочей силы. Для этого необходим постоянный переворот в способах производства, в технических и общественных условиях процесса труда. Исторические, экономические, технологические к социально-психологические обобщения, сделанные Марксом в ряде глав, посвященных кооперации, разделению труда, мануфактуре, машинам и крупной промышленности, признаются и буржуазными учеными богатейшим источником знания.

Маркс доказывает не только то, что крупная машинная индустрия создала такое бедственное положение рабочих, какого не существовало ни при одном способе производства до этого, но он показывает также, что она, постоянно революционизируя капиталистическое общество, подготовляет более высокую форму общественного строя. Фабричное законодательство есть первое сознательное и планомерное обратное воздействие общества на противоестественную форму его производственного процесса. Регулируя работу на фабриках и мануфактурах, это законодательство первоначально выступает только как вмешательство в право эксплуатации рабочих капиталом.

Но сила фактов вскоре заставляет законодательство регулировать также домашнюю работу и вторгаться в сферу родительской власти; тем самым оно вынуждено признать, что крупная промышленность, разрушая экономические основы старого семейного строя и соответствующего ему домашнего труда, разрушает также и сами старые семейные отношения. «Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного

развития»[1]. Машина, низводя рабочего до своего простого придатка, вместе с тем создает возможность для поднятия производительных сил общества на более высокую ступень, которая откроет для всех членов общества равную возможность достойного человека развития, в то время как прежние общественные формы были слишком бедны для этого.

Выяснив производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости, Маркс дает первую в истории политической экономии рациональную теорию заработной платы. Цена товара есть выраженная в деньгах стоимость его, и заработная плата есть цена рабочей силы. Не труд появляется на товарном рынке, а рабочий, продающий свою рабочую силу; труд же возникает лишь посредством потребления товара рабочая сила. Труд есть субстанция и неотъемлемая мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости. Однако по видимости труд оплачивается заработной платой, потому что рабочий получает свою плату лишь после окончания работы. Форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на оплаченный и неоплаченный труд. Здесь происходит обратное тому, что имеет место при рабстве. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный, или неоплаченный, труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает работу раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего. Понятно поэтому, говорит Маркс, какое решающее значение имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в форму стоимости и цены самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии.

Двумя основными формами заработной платы являются повременная плата и поштучная плата. На законах повременной платы Маркс доказывает корыстную пустоту фраз о том, что сокращение рабочего дня должно повлечь за собой понижение заработной платы. Правильно как раз противоположное: временное сокращение рабочего дня понижает заработную плату, но длительное сокращение повышает ее; чем продолжительнее рабочий день, тем ниже заработная плата.

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 495. — *Ред.*

Поштучная плата есть не что иное, как превращенная форма повременной платы; это наиболее подходящая для капиталистического способа производства форма заработной платы. Она приобрела широкое применение в самый расцвет мануфактуры и в период «бури и натиска» английской крупной промышленности служила рычагом для удлинения рабочего времени и сокращения заработной платы. Поштучная плата весьма выгодна для капиталиста, так как она делает в значительной степени излишним надзор за работой и, сверх того, создает множество поводов к вычетам из заработной платы и всякого рода надувательствам. Рабочим же она приносит, напротив, большой вред: мучения вследствие чрезмерного труда, который якобы должен повысить их заработную плату, фактически же стремится понизить ее; усиление конкуренции между рабочими и ослабление чувства солидарности между ними; вклинивание между капиталистами и рабочими особой категории паразитов — посредников, которые отщепляют себе от уплачиваемой заработной платы изрядный кусок, и т. д.

Отношение между прибавочной стоимостью и заработной платой таково, что капиталистический способ производства не только постоянно вновь воспроизводит капиталисту его капитал, но постоянно вновь производит нищету рабочих: на одной стороне — капиталисты, собственники всех жизненных средств, всего сырья и всех орудий труда, а на другой стороне — громадная масса рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу этим капиталистам за такое количество средств существования, которого в лучшем случае как раз хватает для того, чтобы сохранять их работоспособность и воспитать новое поколение работоспособных пролетариев. Но капитал не только просто воспроизводит себя — он постоянно увеличивается и умножается; этому «процессу накопления капитала» Маркс и посвящает последний отдел первого тома.

Не только прибавочная стоимость возникает из капитала, но и капитал возникает из прибавочной стоимости. Часть ежегодно производимой прибавочной стоимости, которая распределяется между имущими классами, поглощается ими как доход, а другая часть накопляется как капитал. Неоплаченный труд, который был выжат из рабочего класса, служит теперь средством для дальнейшего выкачивания из него все большей массы неоплаченного труда. В потоке производства всякий первоначально авансируемый капитал вообще является исчезающей величиной по сравнению с непосредственно накопляемым капиталом, т. е. с уже превращенной в капитал прибавочной стоимостью, или прибавочным продуктом, безразлично, находится ли он снова в тех же руках, накопляющих капитал, или в чужих руках. Основанный на производстве и обращении товаров закон частной собственности превращается посредством своей внутренней, неизбежной

диалектики в свою прямую противоположность. Казалось бы, законы товарного производства основывают право собственности на собственном труде. Равноправные владельцы товаров противостояли один другому, причем средством присвоения чужого товара могло быть только отчуждение собственного товара, а последний мог быть произведен только своим трудом. Теперь же собственность выступает со стороны капиталиста как право присвоения чужого неоплаченного труда или его продукта, а со стороны рабочего — как невозможность присвоить свой собственный продукт.

Когда современный пролетариат начал постигать эту связь, когда городской пролетариат в Лионе стал бить в набат, а сельский пролетариат в Англии пускать красного петуха, то вульгарные политикоэкономы изобрели «теорию воздержания», согласно которой капитал будто бы возникает благодаря «добровольному воздержанию» капиталистов. Эту теорию Маркс заклеймил столь же резко, как до него Лассаль. В действительности же накоплению капитала содействует вынужденное «воздержание» рабочих, насильственное понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы с целью превратить часть необходимого потребительного фонда рабочих в фонд накопления капитала. В этом кроется истинный источник жалобных воплей о «роскошной» жизни рабочих, отсюда бесконечные причитания по поводу бутылки шампанского, которую будто бы выпили однажды за завтраком каменщики, дешевые кухонные рецепты христианских социал-реформаторов и тому подобные проявления капиталистического шантажа.

Всеобщий закон капиталистического накопления таков: рост капитала включает в себя и рост его переменной, или превращающейся в рабочую силу составной части. Если состав капитала остается неизменным, если определенное количество средств производства будет постоянно требовать той же массы рабочей силы для того, чтобы придти в движение, то, очевидно, спрос на труд и фонд средств существования рабочих возрастут соответственно росту капитала и тем быстрее, чем быстрее растет капитал. Подобно тому как простое воспроизводство постоянно воспроизводит само капиталистическое отношение, так и накопление капитала воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: чем больше капиталистов или чем крупнее капиталисты на одном полюсе, тем больше наемных рабочих на другом. Накопление капитала означает, таким образом, увеличение пролетариата, а в данном случае оно и происходит при наиболее благоприятных для рабочих условиях. Наибольшая часть их собственного прибавочного продукта, который все растет и в возрастающих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме средств платежа, благодаря чему они могут расширять круг своих потребностей, лучше обставлять свой

потребительный фонд одежды, мебели и т. д. Все это нисколько не меняет зависимого положения, в котором находятся рабочие, так же как хорошо одетый и хорошо питающийся раб не перестает быть рабом. При всех условиях рабочие должны доставить определенное количество неоплаченного труда; оно даже может сократиться, но никогда до той точки, когда капиталистический характер производственного процесса мог бы подвергаться серьезной опасности. Если заработная плата поднимается выше этой точки, то стимул получения прибыли притупляется, и накопление капитала ослабевает, пока заработная плата опять не упадет до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала.

Однако только в том случае, если при накоплении капитала не изменится отношение между его постоянной и переменной составными частями, только тогда ослабевает и становится легче та золотая цепь, которую наемные рабочие сами куют для себя. Фактически же одновременно с накоплением капитала происходит великая революция, как это называет Маркс, в органическом строении капитала. Постоянный капитал растет за счет переменного капитала; растущая производительность труда приводит к тому, что масса средств производства увеличивается быстрее, чем масса присоединенной к ним рабочей силы; спрос на труд не повышается равномерно с накоплением капитала, а относительно понижается. Такое же действие в другой форме производит концентрация капитала, которая независимо от накопления капитала происходит вследствие того, что законы капиталистической конкуренции приводят к поглощению малого капитала большим. С одной стороны, добавочный капитал, образующийся в ходе накопления, притягивает все меньше и меньше рабочих по сравнению со своей величиной. С другой стороны, старый капитал, периодически воспроизводимый в новом строении, все больше и больше отталкивает рабочих, которые раньше были заняты им. Так образуется относительно излишнее рабочее население, т. е. рабочее население, излишнее для потребности в увеличении стоимости капитала, — промышленная резервная армия. В периоды плохого или посредственного состояния деловой жизни она оплачивается ниже стоимости своей рабочей силы, не имеет постоянной работы или падает бременем на общественное призрение. Но при всех обстоятельствах она служит для того, чтобы ослабить силу сопротивления занятых рабочих и держать на низком уровне их заработную плату.

Если промышленная резервная армия есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то эта армия в свою очередь становится рычагом капиталистического способа производства. С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, которая нуждается в

огромных массах людей, чтобы разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить их на другие рынки или в новые отрасли производства. Характерный жизненный путь современной промышленности, форма прерываемого небольшими колебаниями десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и образовании снова промышленной резервной армии. Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина рабочего населения и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия. Относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем больше те слои рабочих, нищета которых обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.

Отсюда вытекает также историческая тенденция капиталистического накопления. Рука об руку с накоплением и концентрацией капитала развивается кооперативная форма процесса труда, во все более и более широких, крупных размерах развивается сознательное технологическое применение науки, общая планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как общих средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации. Но вместе с тем возрастает и возмущение рабочего класса, который постоянно обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Бьет час капиталистической частной собственности, экспроприаторов экспроприируют.

Тогда опять восстанавливается индивидуальная, основанная на личном труде собственность, но уже на базе достижений капиталистической эры: как кооперация свободных рабочих и как их общая собственность на землю и средства производства, создан-

ные самим трудом. Конечно, превращение капиталистической собственности, фактически уже основанной на общественном производстве, в общественную собственность есть далеко не столь длительный, тяжелый и мучительный процесс, как превращение раздробленной, покоившейся на собственном труде отдельных лиц частной собственности в капиталистическую собственность. В последнем случае дело шло об экспроприации массы народа немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов.

3
ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ТОМА[1]

II и III тома «Капитала» постигла та же судьба, что и I том. Маркс надеялся, что сможет издать их вскоре после I тома, но протекли долгие годы, и ему уже не удалось закончить их для печати.

Дополнительные и все глубже проникающие исследования, затяжные болезни и, наконец, смерть помешали Марксу привести весь труд в окончательный вид, и уже Энгельс составил два последних тома из незаконченных рукописей, оставленных его другом. Эти рукописи представляли собой записи, наброски, заметки, то большие, связанные между собой отделы, то вкратце набросанные замечания в том виде, как это делают исследователи для собственного пользования, — в общем огромная умственная работа, которая с более или менее значительными перерывами продолжалась в течение большого периода — с 1861 до 1878 г.

Эти обстоятельства говорят о том, что в двух последних томах «Капитала» не следует искать законченного готового решения всех важнейших проблем политической экономии, а лишь постановку части этих проблем и указания на то, в каком направлении следует искать их разрешения[2]. Как и все мировоззрение Маркса, его основной труд не есть библия с готовыми, раз навсегда данными истинами в последней инстанции; но он является неисчерпаемым источником побуждения к дальнейшей умственной работе, к дальнейшим исследованиям и борьбе за истину.

Эти же обстоятельства объясняют также то, что и внешне, по своей литературной форме, II и III тома не столь закончены, не так сверкают и искрятся умом, как первый том. Несмотря на это, по непосредственной работе мысли, чуждой всяких забот о форме изложения, они доставляют многим читателям еще большее наслаждение, чем I том. По содержанию оба тома составляют

[1] Этот параграф написан Розой Люксембург. См. Предисловие автора. — *Ред.*
[2] См. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 24. — *Ред.*

существенное дополнение и дальнейшее развитие I тома и необходимы для понимания всей системы. К сожалению, они до сих пор еще не переложены в популярной форме и потому остаются неизвестными широким массам образованных рабочих.

В I томе Маркс исследует основной вопрос политической экономии: откуда возникает богатство, где лежит источник прибыли? Ответ на этот вопрос до выступления Маркса давался в двух различных направлениях.

«Научные» защитники этого лучшего из миров, в котором мы живем, люди, частью пользовавшиеся уважением и доверием и среди рабочих, как, например, Шульце-Делич, объясняли капиталистическое богатство целым рядом более или менее «правдоподобных» оправдательных соображений и хитрых манипуляций: как плод систематического повышения цен на товары для «вознаграждения» предпринимателя за «благородно» предоставленный им свой капитал для производства; как возмещение за «риск», которому подвергается каждый предприниматель; как плату за «духовное руководство» предприятием и т. п. Эти объяснения сводились каждый раз лишь к тому, чтобы представить богатство одних и, следовательно, нищету других как нечто «справедливое», а потому и неотвратимое.

В противоположность этому критики буржуазного общества, в частности социалистические школы, предшествовавшие Марксу, объясняли обогащение капиталистов чаще всего как чистое надувательство, даже как кражу у рабочих, ставшую возможной при посредстве денег или из-за отсутствия организации производственного процесса. Отсюда эти социалисты переходили к различным утопическим планам, каким образом возможно устранить эксплуатацию путем упразднения денег, «организации труда» и т. п.

В I томе «Капитала» Маркс показал действительные корни капиталистического обогащения. Он не занимается ни попытками оправдания богатства капиталистов, ни обвинениями их в несправедливости: он впервые показывает, как возникает прибыль и как она направляется в карман капиталистов. Это он объясняет двумя решающими экономическими фактами: во-первых, тем, что масса рабочих состоит из пролетариев, которые вынуждены продавать свою рабочую силу как товар, и, во-вторых, тем, что этот товар, рабочая сила, обладает в настоящее время такой высокой степенью производительности, что может производить в определенное время гораздо большее количество продуктов, чем необходимо для поддержания ее собственного существования в это же время. Благодаря этим двум чисто экономическим фактам, вызванным объективным историческим развитием, плоды, создаваемые трудом пролетариев, сами собой попадают в руки капиталистов и вместе с сохранением системы наемного труда механически накопляются в огромные, все более увеличивающиеся капиталы.

Итак, Маркс объясняет капиталистическое обогащение не как какое-то вознаграждение капиталистов за их воображаемые жертвы и благодеяния, а также не как надувательство и кражу в обычном смысле этого слова, но как вполне правомерную с точки зрения уголовного права меновую сделку между капиталистом и рабочим, которая происходит точно по тем же законам, что и всякая другая купля или продажа товаров. Чтобы вполне осветить эту «безупречную» сделку, приносящую золотые плоды капиталистам, Маркс развил до конца закон стоимости, установленный в конце XVIII и в начале XIX века великими английскими классиками Смитом и Рикардо, иными словами, объяснил внутренние законы товарообмена и применил их к тому товару, который называется рабочей силой. Закон стоимости и выведенные из него Марксом законы заработной платы и прибавочной стоимости, иными словами, объяснение того, как без всяких насилий и мошенничеств продукт наемного труда сам собой делится на скудную поддержку существования рабочих и на богатство капиталиста, не обусловленное трудом с его стороны, — вот что составляет главное содержание I тома «Капитала». И великое историческое значение этого тома заключается в изложении того, что эксплуатация может быть устранена только тогда, когда будет уничтожена продажа рабочей силы, т. е. система наемного труда.

В I томе «Капитала» мы все время находимся в рабочей мастерской: на отдельной фабрике, в руднике или в современном сельскохозяйственном предприятии. Те выводы, к которым приходит здесь Маркс, действительны для каждого капиталистического предприятия. Речь идет только об отдельном капитале, как о типе всего способа производства. По прочтении этого тома нам становится ясным ежедневное происхождение прибыли, и весь механизм эксплуатации освещается до глубины. Перед нами лежат горы всевозможных товаров такими, какими они выходят из мастерских, еще пропитанных потом рабочих, и во всех них мы можем строго различить ту часть их стоимости, которая возникает из неоплаченного труда пролетария и которая столь же закономерно, как и весь товар, переходит в собственность капиталиста. Мы своими руками осязаем здесь корень эксплуатации.

Однако пока жатва капиталиста еще не свезена в амбары. Плод эксплуатации налицо, но еще в форме, непригодной для предпринимателя. Пока капиталист владеет им только в виде скопления товаров, он еще не может возрадоваться своей эксплуатации. Он не рабовладелец античного греко-римского мира и не средневековый феодальный властитель, которые обирали трудящихся только для своей собственной роскоши и для поддержания своего двора. Капиталисту необходимо, чтобы его богатство заключалось в звонкой монете и чтобы он мог использовать его не только для поддержания «подобающего его положению образа

жизни», но и для постоянного увеличения своего капитала. Для этого необходима продажа товаров, созданных наемными рабочими, вместе с заключающейся в них прибавочной стоимостью. Товар из фабричных складов или сельскохозяйственных амбаров должен пойти на рынок; капиталист следует за ним из конторы на биржу, в лавку, и мы следуем за ним туда же во II томе «Капитала».

В сфере товарообмена, где разыгрывается вторая глава жизни капиталиста, у него возникают некоторые затруднения. У себя на фабрике, в своей крепости, он был хозяином. Там царила строжайшая организация, дисциплина и планомерность. На товарном рынке, наоборот, царит полнейшая анархия, так называемая свободная конкуренция. Тут никому нет дела ни до кого другого, и никому нет дела до всего в целом. И все же как раз через посредство этой анархии капиталист чувствует свою зависимость во всех отношениях от других, от общества.

Он должен идти в ногу со всеми своими конкурентами. Если он замедлит с окончательной продажей своих товаров дольше, чем это безусловно необходимо, если он не запасется достаточными деньгами и своевременно не закупит сырье и все необходимое, чтобы предприятие тем временем не пострадало от перерыва, если он не позаботится о том, чтобы его деньги, оказавшиеся у него снова на руках после продажи товаров, не остались без дела, а были бы выгодно помещены куда-нибудь, то он так или иначе останется в дураках. Кто много спит, тому денег не скопить: предприниматель, который не позаботился о том, чтобы его дело шло так же гладко в беспрерывном движении между мастерской и товарным рынком, как оно идет в самой мастерской, не получит обычной прибыли, как бы «добросовестно» он ни эксплуатировал своих рабочих. Часть его «честно заслуженной» прибыли застрянет где-нибудь, но только не в его кармане.

Однако это еще не все. Для того чтобы капиталист скопил богатство, он должен производить товары, т. е. предметы потребления. Но он должен производить как раз те виды и сорта товаров, в которых нуждается общество, и только в таком количестве, в каком оно нуждается. Иначе товары останутся непроданными, а скрытая в них прибавочная стоимость вылетит в трубу. Но как все это знать отдельному капиталисту? Никто не скажет ему, сколько и какие именно товары нужны обществу в определенное время, не скажет потому, что никто этого не знает. Ведь мы живем в бесплановом, анархическом обществе! Каждый отдельный предприниматель находится в таком же положении. И все же из этого хаоса, из этой путаницы должно образоваться нечто целое, обеспечивающее как отдельное дело капиталистов и их обогащение, так и удовлетворение потребностей и дальнейшее существование общества в целом.

Говоря точнее, из хаоса рынка, из стихии его бесплановости должен возникнуть, во-первых, постоянный кругооборот отдельного капитала — возможность производить, продавать, закупать и вновь производить, причем капитал постоянно сменяет свою личину, переходя из денежной формы в товарную и обратно. Эти фазы должны согласовываться между собой, нужен запас денег, чтобы пользоваться всякой конъюнктурой на рынке для закупки и покрывать текущие расходы предприятия. С другой стороны, деньги, возвращающиеся постепенно по мере продажи товаров, должны быть немедленно снова пущены в дело. Отдельные капиталисты, с первого взгляда как будто совершенно независимые друг от друга, здесь уже фактически объединяются в великое братство, так как они постоянно дают взаймы друг другу необходимые деньги через систему кредита, банков и вместе с тем берут имеющиеся в запасе деньги и тем самым обеспечивают возможность беспрерывного производства и продажи товаров как для отдельных лиц, так и для общества. Кредит, который буржуазная политическая экономия может объяснить лишь как хитрое учреждение для «облегчения товарообмена», Маркс во II томе своего труда попутно объясняет как простую форму существования капитала, как связь между двумя фазами жизни капитала — в производстве и на товарном рынке, а также как связь между по видимости самодовлеющими движениями отдельных капиталов.

Во-вторых, в хаосе отдельных капиталов нужно постоянно поддерживать кругооборот производства и потребления общества в целом, и притом таким образом, чтобы остались обеспеченными условия капиталистического производства: производство средств производства, средств существования рабочего класса, прогрессирующее обогащение класса капиталистов, т. е. постоянно растущее накопление и движение совокупного капитала общества. Во II томе своего сочинения Маркс впервые за сто лет, со времени Адама Смита, хотя и не вполне разрешил, но поставил на прочную основу закономерности целый ряд относящихся сюда проблем. Он показал, как из бесчисленных хаотических движений отдельных капиталов образуется нечто целое; как это движение целого осуществляется лишь через постоянные колебания то в сторону высокой конъюнктуры, то в сторону крушения при кризисах, и таким путем вновь восстанавливается правильное соотношение, но только для того, чтобы в ближайший момент снова оказаться нарушенным. При всем этом собственное пропитание и экономический прогресс являются для современного общества лишь средством; подлинная же цель его есть прогрессирующее накопление капитала, происходящее во все более грандиозных размерах.

Но всем этим еще не исчерпывается «тернистый путь» капиталиста. Теперь, после того и по мере того как прибыль в

возрастающих размерах превращается в деньги, возникает великий вопрос — как поделить добычу. На нее заявляют притязания самые разнообразные группы: наряду с предпринимателем — купец, банкир, землевладелец. Они все, каждый в своей области, способствовали эксплуатации наемного рабочего или продаже изготовленных им товаров, и потому требуют своей доли прибыли. Это распределение представляет собой, однако, гораздо более щекотливую задачу, чем может показаться с первого взгляда. Действительно, среди предпринимателей, в зависимости от рода предприятия, есть значительные различия в получаемых прибылях, как только эта прибыль, так сказать, в свежем виде выходит из рабочей мастерской.

В одной отрасли производства производство товаров и продажа их происходят очень быстро, и потому капитал возвращается вместе с приростом в самое короткое время. Он быстро вновь начинает функционировать и дает новую прибыль. В другой отрасли капитал занят в производстве целые годы и лишь спустя долгое время приносит прибыль. В некоторых отраслях производства предприниматель вынужден вкладывать большую часть своего капитала в мертвые средства производства — постройки, дорогие машины и т. д., которые сами по себе ведь не приносят ничего, не несут прибыли, как бы они ни были необходимы для выжимания ее. В других же отраслях предприниматель может при совершенно незначительных издержках применять свой капитал главным образом для найма рабочих, из которых каждый является старательной курицей, несущей для него золотые яйца.

Таким образом, в самом производстве прибыли возникают значительные различия между отдельными капиталистами, и эти различия представляют собой в глазах буржуазного общества гораздо более «вопиющую несправедливость», чем своеобразное «разделение» дохода между капиталистом и рабочим. Как же установить здесь известное уравнение, «справедливое» распределение добычи так, чтобы каждый капиталист получил «свое»? При этом все эти вопросы приходится решать без всякого сознательного и планомерного распределения. Распределение в современном обществе носит ведь такой же анархический характер, как и производство. Никакого действительного «распределения» в смысле какого-либо общественного мероприятия здесь вообще нет; есть только обмен, только обращение товаров, только покупка и продажа. Но как же одним лишь путем слепого товарообмена каждой категории эксплуататоров и каждому отдельному эксплуататору среди них получить «справедливую» с точки зрения господства капитала часть богатства, созданного рабочей силой пролетариата?

На эти вопросы Маркс отвечает в III томе «Капитала». После того как Маркс в I томе разобрал производство капитала и тайну

производства прибыли, а во II — изложил движение капитала между фабрикой и товарным рынком, между производством и потреблением общества, в III томе он исследует распределение прибыли. И он делает это при соблюдении тех же трех основных условий: 1) все, что происходит в капиталистическом обществе, протекает не случайно, а по определенным, постоянно действующим, хотя и не осознанным участвующими лицами законам; далее, 2) хозяйственные отношения покоятся не на насильственных способах грабежа и кражи и, наконец, 3) нет планомерного воздействия на целое со стороны некоего общественного разума. Все явления и отношения капиталистического хозяйства Маркс с прозрачной последовательностью и ясностью выводит исключительно из механизма обмена, иными словами, из закона стоимости и выведенного из него закона прибавочной стоимости.

Если бросить общий взгляд на весь труд Маркса в целом, то можно сказать, что I том с содержащимся в нем учением о законе стоимости, заработной плате и прибавочной стоимости вскрывает фундамент современного общества; II же и III тома показывают этажи здания, которое покоится на этом фундаменте. Или, пользуясь другого рода сравнением, можно сказать, что I том обнажает сердце общественного организма, где образуется животворящий сок, а II и III тома объясняют кровообращение и питание организма в целом до наружного покрова.

Соответственно содержанию мы обретаемся в двух последних томах на совершенно иной плоскости, чем в первом. В I томе мы нащупывали источник капиталистического обогащения в мастерской, в глубокой общественной шахте труда. Во II и III томах мы движемся на поверхности, на официальной сцене общества. На первом плане здесь — товарные склады, банки, биржа, денежные дела, «нуждающиеся аграрии» и их заботы. Рабочий во всем этом не участвует. Ему действительно мало дела до всего, что разыгрывается за его спиной, после того как с него уже содрали шкуру. И в жизни, в шумной суете деловой толпы, мы встречаем рабочих лишь при свете утренней зари, когда они группами спешат в мастерские, и в сумерках наступающего вечера, когда мастерские извергают их длинными вереницами из своих недр.

Может показаться непонятным, какой интерес имеют для рабочих различные частные заботы капиталистов при извлечении прибыли и их ссоры между собой из-за дележа добычи. Фактически, однако, II и III тома «Капитала» столь же нужны для исчерпывающего понимания современного хозяйственного механизма, как и I том. Конечно, они не имеют того решающего и основного исторического значения для современного рабочего движения, какое имеет I том. Но они заключают в себе богатство прозрений, которые неоценимы и для духовного вооружения пролетариата в его практической борьбе. Приведем только два примера.

Во II томе Маркс, рассматривая вопрос о том, как из хаотического движения отдельных капиталов может получиться правильное питание общества, естественно, затрагивает вопрос о кризисах. Систематического и поучительного исследования о кризисах тут ожидать не приходится, а есть лишь несколько попутных замечаний. Но знакомство с этими замечаниями оказало бы большую пользу передовым и мыслящим рабочим. Так сказать, к железному фонду социал-демократической и в особенности профсоюзной агитации относится утверждение, что кризисы возникают прежде всего вследствие близорукости капиталистов: они никак не хотят понять, что массы их же рабочих являются их наилучшими потребителями и что достаточно поднять заработную плату рабочих, чтобы приобрести платежеспособных потребителей и устранить опасность кризиса.

Как ни популярно это воззрение, оно все же совершенно неправильно, и Маркс опровергает его следующими словами: «Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением потребления нищего или потребления «мошенника». То, что товары не могут быть проданы, не означает ничего иного, кроме того, что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей... Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что кризисы каждый раз подготовляются как раз таким периодом, когда происходит общее повышение заработной платы и рабочий класс действительно получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей простого (!) и здравого человеческого смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису»[1].

И действительно, II и III тома дают нам возможность очень глубоко заглянуть в сущность кризисов; последние оказываются просто неизбежными последствиями движения капитала — движения, которое в своем неистовом, ненасытном стремлении к накоплению, к росту, обычно вскоре выходит за все границы потребле-

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. II, 1955, стр. 411. — *Ред.*

ния, как бы сильно это потребление ни расширялось вследствие увеличения покупательной способности определенного отдельного общественного слоя или вследствие завоевания совершенно новых рынков сбыта, Поэтому следует выбросить за борт ту скрывающуюся за популярной профсоюзной агитацией мысль, что между капиталом и трудом существует гармония интересов и что только близорукие предприниматели не видят ее. Вместе с тем нужно оставить и всякую надежду на лечение болезни капитализма — его хозяйственной анархии — с помощью пластыря. Борьба за материальный подъем наемных рабочих имеет тысячи настоящих и притом отличных орудий в своем духовном арсенале и не нуждается в теоретически несостоятельной и практически двусмысленной аргументации.

Другой пример. В III томе Маркс дает в первый раз научное объяснение тому явлению, перед которым с беспомощным изумлением останавливалась политическая экономия со времени своего возникновения. Явление это сводится к следующему: во всех отраслях производства, при каких бы самых различных условиях в них не был вложен капитал, он, как правило, приносит так называемую «обычную» прибыль. С первого взгляда это как будто противоречит тому объяснению, которое дал сам Маркс, а именно возникновению капиталистического богатства из неоплаченного труда наемных рабочих. Действительно, каким образом капиталист, который вложил в мертвые средства производства сравнительно большую часть своего капитала, будет получать такую же прибыль, как и его коллега, потративший на это лишь ничтожные средства, вследствие чего он может впрячь в работу большое количество живой силы?

И вот Маркс разрешает эту загадку поразительно просто, показывая, каким образом выравниваются различия в прибыли и образуется одинаковая для всех отраслей производства «средняя прибыль» посредством продажи одних сортов товаров по цене выше их стоимости, а других — ниже стоимости. Сами не имея об этом представления, без всякого сознательного соглашения между собой, капиталисты при обмене своих товаров как бы собирают в одну кучу всю отнятую у рабочих прибавочную стоимость и затем братски распределяют между собой общую жатву эксплуатации, давая каждому часть, соответствующую величине его капитала. Отдельный капиталист, таким образом, получает вовсе не лично им добытую прибыль, а лишь приходящуюся на его долю часть прибыли, добытой всеми его коллегами. «Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала; поэтому для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от

величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии...»[1].

Какое глубокое проникновение заключается в этом, казалось бы, совершенно сухом законе «средней нормы прибыли»! Как ярко он разъясняет твердую материальную основу классовой солидарности капиталистов: в повседневной борьбе они являются враждующими братьями, но по отношению к рабочему классу они образуют нечто вроде франкмасонского братства, самым близким и самым эгоистическим образом заинтересованного в общей эксплуатации рабочих. Капиталисты, нисколько не сознавая, конечно, действия этих экономических законов, по безошибочному инстинкту господствующего класса проявляют понимание собственных классовых интересов и противоположности их интересам пролетариата. Это стихийное понимание остается, к сожалению, более твердым и надежным среди всех бурь истории, чем научно разъясненное и обоснованное в трудах Маркса и Энгельса классовое самосознание рабочих.

Эти два кратких и наудачу вырванных примера показывают, какие непочатые сокровища побуждения к мысли и углублению знаний для просвещенных рабочих содержатся в двух последних томах «Капитала», которые ждут еще своей популяризации. Несмотря на незаконченность, оба тома дают больше, чем всякая готовая истина: они вызывают работу мысли, побуждают к критике и самокритике, которая является самым основным элементом учения, оставленного после себя Марксом.

4
ПРИЕМ, ОКАЗАННЫЙ «КАПИТАЛУ»

Надежда, выраженная Энгельсом после окончания I тома, что Маркс, «сбросив с себя этот кошмар», станет совершенно другим человеком, оправдалась лишь отчасти.

Здоровье Маркса улучшилось ненадолго, а его материальное положение осталось по-прежнему мучительно неопределенным. Он серьезно подумывал о переселении в Женеву, где жизнь была гораздо дешевле, но судьба все еще пока привязывала его к Лондону, к сокровищам Британского музея. Он надеялся найти издателя для английского перевода своего труда и вместе с тем не мот и не хотел выпустить из своих рук духовное руководство Интернационалом, прежде чем движение не станет на прочные рельсы.

Семейную радость доставил ему выход замуж его второй дочери, Лауры, за «медика-креола», Поля Лафарга. Они обручились

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1955, стр. 165. — *Ред.*

уже в августе 1866 г., но решено было, что жених должен закончить сначала свое медицинское образование, а потом уже можно будет подумать о женитьбе. Лафарг был исключен на два года из Парижского университета за участие в студенческом конгрессе в Льеже; приехал он в Лондон по делам Интернационала. Как сторонник Прудона, он не имел более близких отношений с Марксом и только из вежливости явился к нему передать рекомендательную карточку Толена. Случилось, однако, то, что часто случается. «Первоначально этот юноша привязался ко мне, — писал Маркс после помолвки Энгельсу, — но скоро перенес свою привязанность со старика на дочь. Его материальное положение средней руки, так как он — единственный сын бывшего плантатора»[1]. Маркс *изображал* Лафарга своему другу красивым, интеллигентным, энергичным, физически сильным молодым человеком, славным малым и только находил, что он слишком избалован и слишком «дитя природы».

Лафарг родился в Сант-Яго на острове Куба, но уже ребенком девяти лет прибыл во Францию. От матери своего отца, мулатки, он унаследовал негритянскую кровь, о чем сам охотно говорил и о чем свидетельствовали также матовый цвет его кожи и большие белки глаз, выделявшиеся на правильно очерченном лице. Это смешение крови и породило, пожалуй, некоторое упрямство Лафарга, вызывавшее порой досадливо-веселые насмешки Маркса над «негритянским черепом». Но тон добродушного поддразнивания в их обращении друг с другом показывал лишь, как великолепно они понимали друг друга. Маркс обрел в Лафарге не только зятя, создавшего жизненное счастье его дочери, но также способного и умелого помощника, верного хранителя его духовного наследия.

Главной заботой Маркса в то время был успех его книги. 2 ноября 1867 г. он писал Энгельсу: «Молчание о моей книге нервирует меня. Я не получаю никаких сведений. Немцы славные ребята. *Их* заслуги в этой области, в качестве прислужников англичан, французов и даже итальянцев, действительно, дали им право игнорировать мою книгу. Наши люди там не умеют агитировать. Однако остается делать то, что делают русские — ждать. Терпение, это — основа русской дипломатии и успехов. Но наш брат, который живет лишь один раз, может околеть, не дождавшись»[2].

Нетерпение, проглядывающее в этих строках, было очень понятно, но все же не вполне справедливо.

Когда Маркс так писал Энгельсу, не прошло еще двух месяцев после того, как книга вышла в свет, а в такой краткий срок нельзя

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 373. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 462—463. — *Ред.*

было написать серьезный критический разбор. Поскольку же дело шло не об основательности отзыва, а лишь о том, чтобы «поднять шум», — Маркс считал это сначала самым нужным для воздействия на Англию, — то Энгельс и Кугельман прилагали к этому все усилия, какие только были возможны. При этом их нельзя было упрекнуть в чересчур большой точности изложения. И они достигли значительных результатов. Им удалось поместить в целом ряде буржуазных газет предварительные заметки о выходе книги или перепечатки предисловия. Они изготовили даже сенсационную по представлениям тогдашнего времени рекламу: обеспечили помещение биографической статьи о Марксе вместе с его портретом в журнале «Gartenlaube». Но сам Маркс просил их воздержаться от такой «шутки». «Я считаю это скорее вредным, чем полезным, и не соответствующим достоинству человека науки. Редакция энциклопедического словаря Мейера уже давно письменно просила меня доставить ей мою биографию. Я не только не послал ее, но даже не ответил на письмо. Каждый опасается на свой манер». Изготовленная Энгельсом для «Gartenlaube» статья — «пустяковина, сфабрикованная с величайшей поспешностью и в самой неотесанной форме», как ее охарактеризовал сам автор, — позднее появилась в «Zukunft» («Будущем»), органе Иоганна Якоби, издаваемом с 1867 г. в Берлине Гвидо Вейсом. Любопытна ее дальнейшая судьба. Она была в сокращенном виде перепечатана Либкнехтом в «Demokratisches Wochenblatt» («Демократическом еженедельнике»), что вызвало нелестное замечание Энгельса: «Вильгельмчик теперь так низко пал, что не смеет даже сказать, что Лассаль списывал у тебя, и притом неверно. Этим оскоплена вся биография. Зачем он ее еще печатает, — ведомо ему одному»[1]. Сам Либкнехт, как известно, вполне разделял сказанное в вычеркнутой части биографии, но он не хотел задевать группу лассальянцев, которые только недавно отпали от Швейцера и именно в то время помогали основать фракцию эйзенахцев. Итак, не только книги, но даже статьи имеют свою судьбу.

Но если и не в первые же месяцы, то все-таки в скором времени Маркс дождался нескольких хороших критических отзывов о своей книге. Таковы были отзывы Энгельса в «Demokratisches Wochenblatt», Швейцера — в «Social-Demokrat» и Иосифа Дицгена — также в «Demokratisches Wochenblatt». Не говоря об Энгельсе, относительно которого это само собой разумелось, Маркс признал, что и Швейцер, несмотря на отдельные ошибки, сумел одолеть книгу и понять, в чем ее центр тяжести; в Дицгене же, о котором он в первый раз услышал только после появления своей книги, Маркс приветствовал философский склад ума, однако не переоценивая его.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 235. — *Ред.*

В 1867 г. появился первый отзыв «специалиста». Таковым был Дюринг. Он написал рецензию на книгу Маркса в «Приложениях» к словарю Мейера, не уловив при этом, по мнению Маркса, новизны главных элементов содержания «Капитала». В общем, однако, Маркс не был недоволен этой критикой. Он даже назвал ее «очень приличной», хотя и догадывался, что Дюринг написал свою статью не столько из интереса и сочувствия к книге, сколько из злобы к Рошеру и прочим университетским авторитетам. Энгельс сразу отнесся к статье Дюринга менее благожелательно и проявил этим больше дальновидности, чем Маркс. Это очень быстро обнаружилось на деле, когда Дюринг переменил фронт и не находил достаточно сильных слов для осуждения книги Маркса.

Не менее печальным оказался опыт Маркса и с другими «специалистами». Еще восемь лет спустя один из этих господ, предусмотрительно скрыв свое имя, выпалил подобно оракулу, что Маркс как «самоучка» проспал целую эпоху в науке. После таких и подобных отзывов становится понятной та горечь, с которой Маркс обыкновенно отзывался о такого рода людях. Он только, быть может, относил слишком многое за счет их злого умысла и недостаточно — за счет их невежества. Его диалектический метод был им действительно непонятен. Это обнаруживалось, между прочим, в том, что даже люди, не лишенные лучших намерений, а также и экономических знаний, лишь с трудом разбирались в книге Маркса. И напротив, люди, весьма мало подкованные в экономике и более или менее враждебные коммунизму, но некогда хорошо усвоившие диалектику Гегеля, отзывались о книге Маркса с большим воодушевлением.

Так, Маркс с несправедливой суровостью говорил о книге Ф. А. Ланге по рабочему вопросу, во втором издании которой автор подробно останавливается на I томе «Капитала»: «Господин Ланге рассыпает мне большие похвалы, но только с целью придать важность самому себе». Цель Ланге безусловно была не в этом, и его искренний интерес к рабочему вопросу стоит выше всяких сомнений. Но Маркс был безусловно прав, утверждая, что, во-первых, Ланге ничего не понимал в методе Гегеля, а, во-вторых, еще менее он понял критический способ применения его Марксом. Ланге действительно поставил вопрос наголову, утверждая, что Лассаль свободнее и независимее относится к спекулятивному методу Гегеля, чем Маркс, у которого спекулятивная форма тесно примыкает к манере его философского образца; он считал, что эта форма в некоторых частях книги, например в теории стоимости, которой Ланге не придавал большого значения, с трудом проникает в излагаемый предмет.

Отзыв Фрейлиграта о I томе, который ему подарил Маркс, был еще более странным. Дружеские отношения между Марксом и Фрейлигратом продолжались с 1859 г., хотя иногда и омрача-

лись по вине третьих лиц. Фрейлигрaт собирался вернуться в Германию, где известный общественный сбор обеспечивал ему спокойный закат жизни, после того как он в возрасте уже почти шестидесяти лет вследствие закрытия управляемого им отделения банка остался без работы. Последнее письмо, которое он написал своему старому другу, — после этого они больше не переписывались — содержало сердечные поздравления к свадьбе молодой четы Лафарг и не менее сердечную благодарность за I том «Капитала». Фрейлигрaт писал, что вынес много поучительного из чтения книги и испытал самое большое наслаждение. Он считал, что успех ее, вероятно, будет не очень быстрым и не чрезмерно громким, но тем более глубоким и прочным окажется ее действие. «Я знаю, что на Рейне многие купцы и фабриканты очень восхищаются «Капиталом», В этих кругах книга достигнет своей цели, а для ученых она кроме того будет необходимым научным источником». Правда, Фрейлигрaт называл себя лишь «экономистом с душой», «гегельянство — разглагольствование» оставалось ему противным в течение всей его жизни. Все же он прожил около двух десятилетий в Лондоне, в этом центре мировой торговли, и совершенно поразительно, что в I томе «Капитала» он ничего не увидел, кроме руководства для молодых коммерсантов и в лучшем случае наряду с этим — полезный источник знаний.

Совершенно иное гласил отзыв Руге, хотя он был непримиримым врагом коммунизма и не был обременен какими-либо экономическими познаниями. Но он когда-то был младогегельянцем. «Этот труд, — писал он, — составляет эпоху и бросает блестящий, порой ослепляющий свет на развитие и гибель, на родовые муки и страшные дни страданий различных исторических эпох. Исследования о прибавочной стоимости вследствие неоплаченного груда, об экспроприации рабочих, которые раньше работали на себя, и предстоящая экспроприация экспроприаторов — классические. Маркс обладает широкой ученостью и блестящим диалектическим талантом. Книга превышает горизонт многих людей и газетных писак, но она совершенно несомненно проникнет в общее сознание и, несмотря на свои широкие задания или даже именно благодаря им, будет иметь могущественное влияние». Подобным же образом отозвался о книге и Людвиг Фейербах; но соответственно его собственному развитию для него важна была не столько диалектика автора, сколько то, что «книга изобилует интереснейшими, неоспоримыми, хотя и ужасными фактами». Они были для него подтверждением его моральной философии: где отсутствует самое необходимое для жизни, там отсутствует и нравственная необходимость.

Перевод I тома появился раньше всего в России. Уже 12 октября 1868 г. Маркс сообщал Кугельману[1], что один петербург-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXV, стр. 534. — *Ред.*

ский книготорговец поразил его известием о том, что перевод его книги уже находится в печати, и просил его прислать свою фотограмму[1] в качестве виньетки для титульного листа. Маркс не хотел отказать своим «добрым друзьям», русским, в этой мелочи. Ему казалось иронией судьбы, что русские, против которых он неустанно и беспрерывно боролся в течение 25 лет на трех языках — немецком, французском и английском, оказывались всегда его «доброжелателями». Его труд против Прудона, его книга «К критике политической экономии» также не получили, по словам Маркса, нигде большего сбыта, чем в России. Он, однако, не придавал этому большого значения, говоря, что это — чистейшее гурманство, которое стремится ухватиться за самое крайнее из того, что дает Запад.

Но это было неверно. Хотя перевод появился только в 1872 г., но он был серьезной научной работой и «мастерски удался», как признал сам Маркс по его окончании. Переводчиком был Даниельсон, известный под своим псевдонимом «Николай — он»; некоторые важнейшие главы перевел Лопатин, молодой, смелый революционер, «у него очень живой *критический* ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет»[2], — так изображал Маркс Лопатина, после того как тот посетил его летом 1870 г. Русская цензура разрешила издание перевода с нижеследующей мотивировкой: «Хотя автор по своим убеждениям законченный социалист и вся книга обнаруживает совершенно определенный социалистический характер, однако, принимая во внимание, что изложение ее не может быть названо доступным для всякого и что, с другой стороны, оно обладает формой научно-математической аргументации, комитет признает, что преследование этой книги в судебном порядке невозможно». Перевод вышел в свет 27 марта 1872 г., и уже к 25 мая была распродана тысяча экземпляров — одна треть всего издания.

В то же время начал появляться и французский перевод, и приблизительно тогда же — второе немецкое издание книги, оба выходившие выпусками. Французский перевод был сделан Ж. Руа при значительном содействии самого Маркса, причем на долю Маркса выпала «чертовская работа», и он неоднократно жаловался, что легче было бы сделать перевод самому. Этому французскому переводу он зато имел право придавать особенную научную ценность, даже наряду с оригиналом.

Несколько меньший успех, чем в Германии, России и Франции, имел I том «Капитала» в Англии. О нем появился только краткий отзыв в журнале «Saturday Review» («Субботнее обозрение»),

[1] — снимок подписи. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 347—348. — *Ред.*

который с одобрением отозвался об изложении, говоря, что сухие политико-экономические вопросы приобретают у Маркса своеобразную привлекательность. Более подробная статья, написанная Энгельсом для «Fortnightly Review» («Двухнедельного обозрения»), была отклонена редакцией, как «слишком сухая», хотя Бизли, имевший тесные связи с редакцией этого журнала, прилагал старания к тому, чтобы она была принята. Английского перевода, от которого Маркс ждал столь многого, он при жизни так и не дождался.

Глава тринадцатая

ИНТЕРНАЦИОНАЛ НА ВЫСОТЕ

1
АНГЛИЯ, ФРАНЦИЯ, БЕЛЬГИЯ

Незадолго до выхода в свет I тома «Капитала» — от 2 до 8 сентября 1867 г. в Лозанне заседал II конгресс Интернационала. Он, однако, не был на высоте Женевского конгресса.

Уже само воззвание, которое Генеральный Совет издал в июле с целью привлечения многочисленных делегатов на конгресс, поражало сухостью помещенного в нем обзора деятельности Союза за третий год его существования. Только из Швейцарии сообщали о продолжающемся росте движения, который, впрочем, наблюдался и в Бельгии, где кровавая расправа над бастовавшими рабочими в Маршьене вызвала гнев и возмущение пролетариата.

В остальном воззвание состояло из жалоб на разные обстоятельства, мешающие пропаганде в различных странах. В нем говорилось, что Германия, проявлявшая до 1848 г. столь глубокий интерес к изучению социального вопроса, теперь поглощена объединительным движением. Во Франции при ничтожной свободе, которой пользовался рабочий класс, Союз не получил такого широкого распространения, какого можно было ожидать после деятельной поддержки Интернационалом происходивших там стачек. Этим воззвание намекало на большой локаут парижских бронзовщиков весной 1867 г., который вырос в принципиальную борьбу за свободу стачек и закончился победой рабочих.

Англии также был сделан легкий упрек в виде замечания, что, занятая избирательной реформой, она на время упустила из виду экономическое движение. Но избирательная реформа уже завершилась. Дизраэли под давлением масс должен был согласиться на нее в еще несколько более широкой форме, чем первоначально намечал Гладстон, а именно: вынужден был предоставить избирательные права всем городским квартиронанимателям независимо от высоты уплачиваемой ими квартирной платы. Поэтому Генеральный Совет высказывал надежду, что уже наступил час, когда английским рабочим стало ясно полезное значение Интернационала.

Наконец, Генеральный Совет указывал на Североамериканский союз где рабочие в некоторых штатах завоевали себе восьмичасовой рабочий день. Далее в воззвании подчеркивалось, что каждая секция независимо от своей величины имеет право послать на конгресс одного делегата; секции же, насчитывающие более 500 членов, могут посылать по одному делегату от каждых 500 членов. В программу конгресса были поставлены следующие вопросы: 1) какими практическими средствами Интернационал рабочего класса может создать общий центр для освободительной борьбы рабочих? и 2) каким способом рабочий класс может использовать для своего освобождения кредит, который он оказывает буржуазии и правительству?

Программа, таким образом, до некоторой степени касалась общих вопросов, но не сопровождалась никакой обосновывающей ее в деталях запиской. Представителями Генерального Совета в Лозанне явились Эккариус и инструментальный мастер Дюпон, секретарь-корреспондент для Франции, очень способный рабочий, который в отсутствие Юнга председательствовал на заседаниях. Присутствовал 71 делегат. Среди них от немцев явились Кугельман, Ф. А. Ланге, Луи Бюхнер, автор книги «Материя и сила», и Ладендорф, бравый буржуазный демократ, горячий противник коммунизма. Значительно преобладал романский элемент; наряду с немногими бельгийцами и итальянцами присутствовали французы и французские швейцарцы.

Прудонисты оказались на этот раз во всеоружии значительно раньше, чем Генеральный Совет. Они за три месяца до того выработали программу конгресса: в нее входило обсуждение взаимопомощи как основы общественных взаимоотношений, равенство во взаимных услугах, кредит и народные банки, учреждения взаимного страхования, положение мужчины и женщины по отношению к обществу, коллективные и индивидуальные интересы, государство как блюститель и защитник права, уголовное право и еще десяток других подобных же вопросов. Это повело к чрезвычайной путанице; заниматься ею нам нет надобности, тем более что Маркс не имел со всем этим ничего общего и принятые, отчасти противоречивые постановления остались только на бумаге.

Больший успех, чем в теоретических вопросах, конгресс имел в вопросах практического характера. Он утвердил состав Генерального Совета и местопребывание его в Лондоне, установил годовой взнос каждого члена в 10 сантимов, или в 1 грош, и обусловил аккуратной платой этого взноса право посылки делегатов на ежегодные конгрессы. Далее конгресс постановил, что борьба за социальное освобождение рабочего класса неразрывно связана с его политической активностью и что завоевание политической свободы является первой и абсолютной необходимостью. Этому постановлению конгресс придавал настолько большое значение, что решил

повторять его каждый год. Наконец, он занял правильную позицию и по отношению к буржуазной Лиге мира и свободы, которая возникла незадолго перед тем из лона радикальной буржуазии и собралась сейчас же после I конгресса Интернационала на свой первый конгресс в Женеве. Всем попыткам хитростью втереться в доверие конгресс Интернационала противопоставил простое программное заявление: мы охотно будем вас поддерживать, поскольку это будет полезно для наших собственных целей.

Странным образом, а быть может и вполне естественно, этот менее удавшийся конгресс вызвал в буржуазном мире гораздо больше интереса, чем предшествующий, который заседал, правда, еще в атмосфере сильного резонанса немецкой войны. Так, английская пресса во главе с «Times», куда корреспондировал Эккариус, живо интересовалась Лозаннским конгрессом, в то время как на первый конгресс она не обратила никакого внимания. Конечно, не было недостатка и в насмешках со стороны буржуазной печати, но в общем отношение к Интернационалу становилось все серьезнее. «Когда конгресс сравнивали, — писала г-жа Маркс в «Vorbote»,— с его сводным братом — конгрессом мира, — сравнение всегда выходило в пользу старшего брата; в Интернационале видели угрожающую трагедию судьбы, в конгрессе мира — лишь фарс»[1]. Этим утешался и Маркс, которого прения в Лозанне вряд ли могли удовлетворить. «События движутся... И притом без денежных средств! С интригами прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, с завистливыми Оджером, Кримером, Поттером в Лондоне, с Шульце-Деличем и лассальянцами в Германии! Мы можем быть очень довольны!»[2] Но Энгельс считал, что все решения, принятые в Лозанне, не стоят и выеденного яйца, важно только, чтобы Генеральный Совет остался в Лондоне. И действительно, суть дела была в этом, ибо с третьим годом существования Интернационала закончился период его спокойного развития и наступило время горячей борьбы.

Уже через несколько дней после окончания Лозаннского конгресса возник конфликт, имевший весьма значительные последствия. 18 сентября 1867 г. в Манчестере среди белого дня произошло вооруженное нападение фениев[3] на полицейскую карету, перевозившую двух арестованных фениев: карету силою открыли, оба арестованных были освобождены, а сопровождавший их полицейский чиновник был расстрелян. Настоящих виновников не обнаружили, но из массы арестованных фениев выбрали нескольких человек, которым предъявили обвинение в убийстве, и троих из них повесили, хотя на судебном следствии, крайне пристрастном,

[1] См. «Vorbote», 1867, S. 155. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 193.— *Ред.*

[3] *Фении* — ирландские мелкобуржуазные революционеры 50—70-х годов XIX в., боровшиеся за национальную независимость Ирландии. — *Ред.*

не удалось собрать против обвиняемых каких-либо явных улик. Дело это произвело глубокое впечатление во всей Англии и разрослось до размеров «фенианской паники», когда в декабре фении устроили взрыв у стен тюрьмы в Клеркенуэле, одном из лондонских кварталов, населенном почти исключительно мелкой буржуазией и пролетариатом; взрывом было убито двенадцать человек и ранено более ста.

С фенианским заговором Интернационал сам по себе не имел ничего общего. Что касается взрыва в Клеркенуэле, то Маркс и Энгельс осуждали его как большую глупость, которая сильнее всего повредит самим фениям, охладив или даже уничтожив симпатии английских рабочих к ирландскому делу. Но самый способ расправы английского правительства с фениями, восставшими против подлого векового угнетения их ирландской родины, отношение к ним, как к уголовным преступникам, не могло не возмутить всякое революционное сознание. Уже в июне 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «Эти подлецы прославляют, как *английскую* гуманность, то обстоятельство, что с политическими заключенными обращались *не хуже,* чем с убийцами, уличными грабителями, фальшивомонетчиками и педерастами!»[1]. Энгельс волновался еще и потому, что Лиззи Бёрнс, на которую он перенес свою любовь после смерти ее сестры Мери, была горячей ирландской патриоткой.

Однако живой интерес, проявляемый Марксом к ирландскому вопросу, имел еще более глубокие корни, чем сочувствие угнетаемому народу. Его исследования привели его к убеждению, что освобождение английского рабочего класса, от которого в свою очередь зависело и освобождение европейского пролетариата, имеет своей необходимой предпосылкой освобождение ирландцев. Свержение английской земельной олигархии невозможно до тех пор, пока она будет держать свои сильно укрепленные форпосты в Ирландии. Как только дело перейдет в руки ирландского народа, как только он станет своим собственным законодателем и правителем и получит автономию, уничтожить земельную аристократию, состоящую большей частью из английских лендлордов, будет гораздо легче, чем в Англии, так как в Ирландии это не только простой экономический вопрос, но и национальное дело: лендлорды в Ирландии не являются традиционными официальными представителями нации, как в Англии, — они там, напротив, смертельно ненавидимые угнетатели народа. Как только английская армия и английская полиция уйдут из Ирландии, там немедленно произойдет аграрная революция.

Что касается английской буржуазии, то она, по мнению Маркса, вместе с английской аристократией заинтересована в превращении Ирландии исключительно в пастбище, которое бы снабжало ан-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 423. — *Ред.*

глийский рынок мясом и шерстью по возможно более дешевым ценам. Но буржуазия еще и по другим, более важным причинам заинтересована в теперешнем хозяйственном строе Ирландии. Благодаря постоянно возрастающему укрупнению арендных владений Ирландия постоянно выбрасывает на английский рабочий рынок свой избыток населения и тем самым способствует понижению заработной платы, а также ухудшению материального и морального положения английского рабочего класса. Рабочие всех промышленных и торговых центров в Англии раскалываются на два враждебных лагеря — на английский пролетариат и ирландский пролетариат. Средний английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как своего конкурента и противопоставляет ему себя как члена господствующей нации. Тем самым он становится орудием аристократов и капиталистов против Ирландии и укрепляет их власть над самим собой. Английский пролетарий проникнут по отношению к ирландскому рабочему религиозными, социальными и национальными предрассудками. Он относится к нему приблизительно так же, как в прежних рабовладельческих штатах Американского союза белые рабочие относились к неграм. Ирландцы расплачиваются той же монетой, и с процентами. Ирландец видит в английском рабочем одновременно и соучастника и тупое орудие английского господства над Ирландией. В этом антагонизме, искусственно поддерживаемом прессой, духовенством, юмористическими журналами — словом, всеми средствами, имеющимися в распоряжении господствующих классов, коренится бессилие английского рабочего класса, несмотря на его организованность.

Это зло, по словам Маркса, перекинулось и через океан. Антагонизм между англичанами и ирландцами мешает всякому искреннему и серьезному сотрудничеству английского и американского пролетариата. Если важнейшей задачей Интернационала является ускорение социальной революции в Англии как мировой столице капитала, то единственное средство для такого ускорения — добиться независимости для Ирландии. Интернационал должен повсюду открыто становиться на сторону Ирландии, и обязанность Генерального Совета, в частности, — пробуждать в английском рабочем классе сознание, что национальное освобождение Ирландии является для него вовсе не вопросом отвлеченной справедливости и гуманности, а первым условием его собственной социальной эмансипации.

Над этой задачей Маркс работал и в последующие годы с исключительной энергией. Как в разрешении польского вопроса, который со времени Женевского конгресса исчез с порядка дня Интернационала, он видел рычаг для ниспровержения русского господства, так ирландский вопрос был для него рычагом для ниспровержения английского мирового господства. Он

не поколебался в своей позиции и тогда, когда «интриганы» среди рабочих, которые на очередных выборах хотели пройти в парламент, — он причислял к ним даже Оджера, прежнего председателя Генерального Совета, — нашли в этом предлог для того, чтобы примкнуть к буржуазным либералам. Гладстон использовал ирландский вопрос, в то время животрепещущий, в качестве избирательного лозунга, чтобы снова стать у кормила власти. Генеральный Совет отправил петицию к английскому правительству — конечно, совершенно безрезультатную — с протестом против казни троих осужденных в Манчестере фениев, как против судебного убийства, и организовал в Лондоне ряд публичных митингов для защиты прав Ирландии.

Вызвав этим неудовольствие английского правительства, Генеральный Совет вместе с тем навлек на Интернационал удар со стороны французского правительства. Бонапарт в течение трех лет спокойно следил за развитием Союза, чтобы пугать им строптивую буржуазию. Когда французские члены Интернационала организовали бюро в Париже, они послали об этом извещение парижскому префекту полиции и министру внутренних дел, но не получили ответа ни от того, ни от другого. При этом Бонапарт не гнушался и мелких препирательств и мошенничества. Когда, например, акты Женевского конгресса были посланы Генеральному Совету через одного натурализованного в Англии швейцарского уроженца — из боязни черного кабинета бонапартовской почты, — то полиция на французской границе выкрала их у посланного, и французское правительство осталось глухо к жалобам на это Генерального Совета. Но министерство иностранных дел в Лондоне заставило французское правительство услышать, и французской полиции пришлось вернуть похищенное. В другом случае потерпел неудачу вице-император Руэр, соглашавшийся разрешить к печати манифест, прочитанный французскими членами на Женевском конгрессе, только при том условии, что «в него будет внесено несколько слов благодарности императору, так много сделавшему для рабочих». Это было отклонено, хотя французские члены конгресса крайне остерегались раздражать насторожившееся чудовище и поэтому были даже в подозрении у буржуазных радикалов, видевших в них скрытых бонапартистов.

Не установлено, действительно ли они вследствие этого дали себя настолько сбить с толку, что приняли участие в нескольких безобидных манифестациях буржуазных радикалов против империи, как утверждают некоторые французские писатели. Причины, которые привели Бонапарта к открытому разрыву с рабочим классом, были во всяком случае более глубокими. Стачечное движение, вызванное опустошительным кризисом 1866 г., приняло беспокоившие его размеры. Затем парижские рабочие под влиянием Интернационала обменялись мирными декларациями с берлинскими ра-

бочими, когда весною 1867 г. угрожала разразиться война Франции с Северогерманским союзом из-за люксембургского торга. Наконец, французская буржуазия подняла столь оглушающий вой, требуя «мести за Садову», что в тюильрийском дворце возникла хитроумная мысль заткнуть ей рот «либеральными» уступками.

При таких обстоятельствах Бонапарт считал, что убьет нескольких мух одним взмахом, нанеся решительный удар парижскому бюро Интернационала под предлогом, будто там обнаружен центр фенианского заговора. У членов бюро произвели внезапные ночные обыски, но не нашли ни малейших следов какого-либо тайного заговора. Чтобы удар впустую не вызвал слишком большого скандала, оставалось только привлечь парижское бюро к судебной ответственности за то, что оно функционирует, не имея разрешения, необходимого для общества, в котором насчитывается более двадцати членов. Обвинение было предъявлено 6 и 20 марта против пятнадцати членов Интернационала; суд приговорил каждого из них к уплате 100 франков и вынес постановление о закрытии парижского бюро. Высшие инстанции утвердили этот приговор.

Но еще до того началось новое дело. Обвинители и суд отнеслись к обвиняемым крайне мягко, и от имени всех Толен защищал себя и других в очень умеренном тоне. Но спустя два дня после первого разбирательства, 8 марта, образовалось новое бюро, и эта явная насмешка похоронила последние иллюзии Бонапарта. Девять членов нового бюро предстали перед судом 22 мая; они были приговорены к трем месяцам тюрьмы каждый после блестящей и резкой речи их лидера Варлена. Таким образом империя вступила в открытую вражду с Интернационалом, и французская его секция почерпнула новую силу из этого окончательного и явного разрыва с декабрьским палачом.

С бельгийским правительством Интернационал также вступил в резкое столкновение. Владельцы угольных шахт в бассейне Шарлеруа довели своих нищенски оплачиваемых рабочих постоянными притеснениями до мятежа, а потом выпустили вооруженную силу против невооруженной толпы. Среди общего панического ужаса бельгийская секция Интернационала взяла жестоко преследуемых рабочих под свою защиту, стала разоблачать в печати и на публичных собраниях ужасающую эксплуатацию их, оказывала поддержку семьям павших и раненых, а также обеспечила заключенным судебную защиту, благодаря которой они были оправданы присяжными.

Министр юстиции де Бара отомстил за это тем, что на заседании бельгийской палаты разразился дикой руганью по адресу Интернационала и угрожал ему насильственными мерами, в частности запрещением его ближайшего конгресса, который должен был состояться в Брюсселе. Но члены Интернационала не растерялись и ответили письмом, в котором заявили, что они

не подчиняются приказам одного человека и что ближайший конгресс состоится в Брюсселе, как бы к этому ни относился министр юстиции.

2
ШВЕЙЦАРИЯ И ГЕРМАНИЯ

Самым действенным рычагом великого подъема Интернационала за эти годы было общее стачечное движение, вызванное во всех более или менее развитых капиталистических странах кризисом 1866 г.

Генеральный Совет нигде и никогда не вызывал стачечного движения; но если оно где-нибудь возникало, то он советом и делом содействовал победе рабочих, мобилизуя интернациональную солидарность пролетариата. Он выбивал из рук капиталистов удобное оружие, состоявшее в обессиливании бастующих рабочих ввозом иностранной рабочей силы. Более того. Из несознательных вспомогательных войск врага он вербовал себе самоотверженных союзников; он умел разъяснять рабочим каждой страны, куда только проникало его влияние, что в их собственных интересах оказывать поддержку своим заграничным товарищам по классу, ведущим борьбу за повышение заработной платы.

Эта деятельность Интернационала оказалась чрезвычайно полезной и создала ему общеевропейскую репутацию, которая даже превышала действительно приобретенную им мощь. Так как буржуазный мир не желал понимать или даже действительно не понимал, что причина распространения стачек коренится в бедственном положении рабочего класса, то он искал эту причину в тайных происках Интернационала. Последний представлялся буржуазии исчадием ада, и при каждой стачке она пыталась одолеть его. Каждая большая стачка превращалась в борьбу за существование Интернационала, и из каждой такой борьбы Интернационал выходил с вновь закаленными силами.

Типичными явлениями этого рода была стачка строительных рабочих, разразившаяся весной 1868 г. в Женеве, и стачка рабочих шелковых и ленточных изделий, начавшаяся осенью того же года в Базеле и тянувшаяся до следующей весны. В Женеве строительные рабочие начали борьбу, требуя повышения заработной платы и сокращения рабочего дня; хозяева поставили условием соглашения выход рабочих из Интернационала. Бастующие рабочие сразу отвергли это наглое предложение и благодаря помощи, оказанной им Генеральным Советом из Англии, Франции и других стран, смогли отстоять свои первоначальные требования. Еще нахальнее поступили самонадеянные капиталисты в Базеле, где рабочим одной ленточной фабрики без всякого повода отказали в нескольких праздничных часах, на которые они по старинному обы-

чаю имели право в последний день осенней ярмарки: «Кто не подчинится, — грозили им, — тот вылетит вон». Часть рабочих не повиновалась, и на следующий день, нарушая правило предупреждения о расчете за две недели, их при помощи полиции прогнали с порога фабрики. Этот грубый вызов подхлестнул рабочих Базеля, и завязалась многомесячная борьба, которая дошла, наконец, до того, что швейцарский Большой совет[1] пытался запугать рабочих военными мерами и чем-то вроде осадного положения.

Как вскоре оказалось, целью этой глупой травли рабочих в Базеле также было уничтожение Интернационала. Для достижения этой цели капиталисты не остановились ни перед жестокими средствами, отказывая рабочим, потерявшим работу, в квартирах, закрывая им кредит у булочников, мясников и мелочных торговцев, ни перед такими комическими выходками, как посылка эмиссара в Лондон для расследования, каковы денежные средства Генерального Совета. «Если бы эти правоверные христиане жили в первые века христианства, они бы прежде всего стали наводить справки о банковых кредитах апостола Павла в Риме». Так шутил Маркс по поводу того, что «Times» сравнил секции Интернационала с первыми христианскими общинами. Но базельские рабочие твердо держались за Интернационал и отпраздновали свою победу большим шествием по рыночной площади, когда капиталисты, наконец, сдались. Базельские рабочие также получили щедрую поддержку от рабочих организаций других стран. Волны, поднятые этой стачкой, докатились до Соединенных Штатов, где Интернационал тоже начал чувствовать под собой твердую почву: Ф. А. Зорге, эмигрант 1848 г., сделавшийся учителем музыки, занял в Нью-Йорке такое же положение, какое Беккер занимал в Женеве.

Прежде всего стачечное движение, руководимое Интернационалом, проложило себе путь в Германию, где до того существовали лишь разрозненные секции. Общегерманский рабочий союз после долгой борьбы и хаоса вырос в превосходную организацию и продолжал успешно развиваться, в особенности после того, как его члены избрали Швейцера своим вождем. Швейцер был также депутатом от Эльберфельд-Бармена в Северогерманском рейхстаге, где его старый противник Либкнехт был представителем саксонского избирательного округа Штольберг-Шнееберг. Вскоре они резко столкнулись из-за их противоположных позиций по национальному вопросу. Швейцер вслед за Марксом и Энгельсом становился на почву, созданную битвой при Кёниггреце; Либкнехт же боролся с Северогерманским союзом, считая его порождением беззакония и злодейства, которое необходимо разрушить прежде всего, даже временно отодвинув на второй план социальные задачи.

[1] Орган государственной власти в Швейцарии. — *Ред.*

Осенью 1866 г. Либкнехт содействовал созданию Саксонской народной партии с радикально-демократической, но еще не социалистической программой и с начала 1868 г. начал издавать в Лейпциге в качестве ее органа «Demokratisches Wochenblatt». Саксонская народная партия состояла преимущественно из представителей рабочего класса Саксонии. Этим она выгодно отличалась от Немецкой народной партии, в которой наряду с горсточкой честных идеологов типа Иоганна Якоби находились франкфуртские демократы-биржевики, швабские республиканцы-партикуляристы и нравственно возмущенные борцы против того преступного нарушения права, которое учинил Бисмарк изгнанием некоторых средних и малых владетельных государей. В гораздо более добрососедских отношениях Саксонская народная партия состояла с Объединением немецких рабочих союзов, основанным прогрессивной буржуазией при первом выступлении Лассаля для противодействия его агитации. Но именно в борьбе с лассальянцами этот союз повернул влево, в особенности после того как Август Бебель, в лице которого Либкнехт нашел верного боевого товарища, был избран председателем этого объединения.

В первом же номере «Demokratisches Wochenblatt» указывал на Швейцера, как на человека, к которому-де повернулись спиной все передовые борцы за социал-демократическое дело. Это стало тем временем устарелой басней: когда за три года до того Маркс и Энгельс отказались сотрудничать у Швейцера, это ни на минуту не сбило его с толку в его намерении руководить немецким рабочим движением хотя и в духе Лассаля, но именно поэтому без сектантства, рабски цепляющегося за каждое слово Лассаля. Так, он раньше Либкнехта и основательнее его старался разъяснять немецким рабочим I том «Капитала», и в апреле 1868 г. он лично обратился к Марксу, чтобы спросить у него совета по поводу предполагавшегося в Пруссии понижения пошлин на железо.

Уже как секретарь-корреспондент Генерального Совета для Германии Маркс не мог уклониться от ответа на вопрос, который ставил ему представитель рабочих в парламенте, избранный крупным промышленным округом. Но Маркс вообще существенно изменил свой взгляд на деятельность Швейцера. Хотя он следил за нею лишь издали, но видел, с каким «безусловным пониманием и энергией» Швейцер выступает в рабочем движении; на заседаниях Генерального Совета Маркс говорил о нем, как о человеке своей партии, ни словом не упоминая о пунктах разногласия.

Такие пункты разногласия продолжали существовать по-прежнему. Маркс и Энгельс не преодолели даже личного недоверия к Швейцеру. Хотя они уже не подозревали его в кумовстве с Бисмарком, но полагали, что его сближение с Марксом имеет целью выбить Либкнехта из седла. Они не могли отделаться от мысли, что Общегерманский рабочий союз есть «секта» и что Швейцер

прежде всего желает иметь «свое собственное рабочее движение». Но они всегда признавали, что политика Швейцера гораздо дальновиднее, чем политика Либкнехта.

Маркс считал Швейцера безусловно самым интеллигентным и самым энергичным из всех тогдашних вождей рабочего класса в Германии и полагал, что только благодаря ему Либкнехт вынужден был вспомнить, что существует рабочее движение, независимое от мелкобуржуазно-демократического движения. Таково же было и мнение Энгельса. Он говорил, что «этот малый» гораздо яснее, чем все другие, представляет себе общее политическое положение и отношение к другим партиям и лучше излагает свои мысли. «Он называет «все старые партии по отношению к нам единой реакционной массой, различия которой не имеют для нас почти никакого значения». Хотя он и признает, что 1866 год и его последствия разрушают карликовые королевства, подрывают принцип легитимности, колеблют реакцию и привели народ в движение, он все же — теперь — обрушивается и на другие последствия, гнет налогов и т. д., и держится по отношению к Бисмарку гораздо «корректнее», как говорят берлинцы, чем, например, Либкнехт по отношению к экс-государям»[1]. В другом случае Энгельс сказал об этой тактике Либкнехта, что ему до смерти надоели еженедельные наставления о том, что «мы не должны делать революцию до тех пор, пока Союзный сейм, слепой Вельф и добродушный гессенский курфюрст не будут восстановлены и пока безбожный Бисмарк не понесет жестокое, удовлетворяющее принципу легитимности наказание». Энгельс, конечно, в своем раздражении преувеличивал, но высказал этой фразой и много правды.

Позднее Маркс говорил, что до сих пор верили, будто христианское мифотворчество в эпоху Римской империи было возможно только потому, что не существовало книгопечатания. На самом деле происходит как раз обратное. Пресса и телеграф, в одно мгновение распространяющие по всему свету свои выдумки, фабрикуют гораздо больше мифов (а буржуазное быдло верит им и распространяет их) в один день, чем прежде могли состряпать в течение целого столетия. Особенно убедительным примером справедливости этих слов является сказка, в которую в течение десятилетий верили — и притом не только «буржуазное быдло», — будто Швейцер хотел предать рабочее движение Бисмарку[2] и уже только потом Либкнехт и Бебель вновь дали рабочему движению приличное направление.

Дело обстояло как раз наоборот. Швейцер занимал принципиальную социалистическую позицию, в то время как

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 120. — *Ред.*

[2] О связях Швейцера с Бисмарком см. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 20. — *Ред.*

«Demokratisches Wochenblatt» заигрывал с сепаратистами, сторонниками «владетельных экс-князей», и с либеральными взяточниками в Вене. Эта тактика никак не может быть оправдана с социалистической точки зрения. Бебель задним числом доказывает в своих воспоминаниях[1], что победа Австрии над Пруссией была тогда желательной, так как революция могла легче удаться в таком внутренне более слабом государстве, как Австрия, чем во внутренне более сильной Пруссии. Но это объяснение придумано задним числом и, как бы его ни расценивать, в тогдашней литературе нет никаких следов его.

Несмотря на свою личную дружбу с Либкнехтом и на свое личное недоверие к Швейцеру, Маркс вовсе не упускал из виду истинного положения вещей. Он ответил на запрос Швейцера о понижении пошлин на железо в очень сдержанной внешне форме, но по существу исчерпывающим образом. Тогда Швейцер осуществил намерение, созревшее у него еще за три года до этого, и предложил общему собранию Общегерманского рабочего союза, которое заседало в Гамбурге в конце августа 1868 г., присоединиться к Интернационалу. В силу существовавших тогда союзных законов об обществах это присоединение не могло быть официальным, а заключалось лишь в заявлении о солидарности и симпатии. Маркс был приглашен на общее собрание в качестве почетного гостя, которому хотели принести благодарность от лица немецких рабочих за его научный труд. На предварительный запрос Швейцера Маркс ответил согласием, но все же не приехал в Гамбург, как настоятельно ни просил его об этом Швейцер.

В своем благодарственном письме за «почетное предложение» Маркс ссылался, как на препятствие, к его приезду на подготовительные работы Генерального Совета к Брюссельскому конгрессу, но «с радостью» отметил, что программа общего собрания содержит вопросы, составляющие действительно исходные пункты всякого серьезного рабочего движения: агитацию за полную политическую свободу, за установленную законом продолжительность рабочего дня и планомерную интернациональную кооперацию рабочего класса. Но если Маркс писал Энгельсу, что в этом письме он поздравлял лассальянцев с тем, что они отказались от программы Лассаля, то в сущности трудно сказать, что мог бы возразить Лассаль против этих трех пунктов программы.

Действительный же разрыв с традициями Лассаля заключался в поведении самого Швейцера на гамбургском общем собрании: несмотря на сильное сопротивление, и в конце концов только благодаря тому, что он поставил вопрос о доверии, он заставил разрешить ему и его товарищу по рейхстагу Фриче созвать в конце сентября общегерманский рабочий конгресс в Берлине, чтобы со-

[1] *А. Бебель,* Из моей жизни, Госиздат, 1925. — *Ред.*

здать широкую организацию рабочего класса с целью забастовок. Швейцер вынес хороший урок из европейского стачечного движения. Он не переоценивал его, но прекрасно понимал, что рабочая партия, которая желает остаться на высоте своих задач, не должна допускать, чтобы стачки, возникающие со стихийной силой, протекали беспорядочным образом. Он стоял поэтому за организацию профессиональных союзов, но ошибался относительно их жизненных условий: он хотел ввести в них такую же строгую дисциплину, какая существовала в Общегерманском рабочем союзе, с тем, чтобы профессиональные союзы стали, в известной мере, подчиненным ему вспомогательным войском.

Маркс тщетно предостерегал его от этой тяжкой ошибки. Из переписки между ними до нас дошли все письма Швейцера; из писем же Маркса сохранилось только одно — от 13 октября 1868 г., по-видимому важнейшее из всех[1]. Безукоризненное по форме, по искренней любезности к Швейцеру, письмо Маркса содержит весьма существенные возражения против проектируемой Швейцером организации профессиональных союзов; но впечатление от его критики ослабляется тем, что Маркс называет основанный Лассалем союз «сектою», которая должна решиться на то, чтобы влиться в классовое движение. В своем ответном письме, последнем написанном им Марксу, Швейцер справедливо указывает, что он всегда стремился идти в ногу с европейским рабочим движением.

Через несколько дней после гамбургского общего собрания состоялось собрание Объединения немецких рабочих союзов в Нюрнберге. И это собрание тоже поняло знамение времени. Большинством голосов оно приняло основные положения из устава Интернационала в качестве своей политической программы и избрало «Demokratisches Wochenblatt» органом объединения. После этого меньшинство исчезло навсегда. Затем большинство отклонило предложение основать рабочие кассы страхования по старости под надзором государства; оно высказалось в пользу организации профессиональных товариществ, которые, как это доказал опыт, лучше всего умеют с помощью своих касс оказывать поддержку престарелым, больным и странствующим рабочим. Этот довод был слабее указания на борьбу между капиталом и трудом, которая вспыхивает в стачках. Присоединение к Интернационалу мотивировалось в Гамбурге общностью интересов всех рабочих партий, в Нюрнберге же этот вопрос не был поставлен так резко. Уже несколько недель спустя «Demokratisches Wochenblatt» сообщил жирным шрифтом о том, что Немецкая народная партия на конференции в Штутгарте постановила примкнуть к нюрнбергской программе.

[1] См *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 212 — 215. — *Ред.*

Между Общегерманским рабочим союзом и Объединением немецких рабочих союзов также произошло сближение, и Маркс сделал все для того, чтобы объединить немецкое рабочее движение, выступив беспристрастным посредником между Либкнехтом и Швейцером. Однако это ему не удалось. Нюрнбергские союзы под разными несостоятельными предлогами отказывались послать своих делегатов на профессиональный конгресс, созванный Швейцером и Фриче в Берлине. Несмотря на это, конгресс оказался довольно многолюдным и привел к учреждению ряда «рабочих организаций»; они объединялись «Союзом рабочих организаций», во главе которого фактически стал Швейцер.

Нюрнбергские союзы со своей стороны на основании устава, составленного Бебелем и гораздо лучше отвечавшего жизненным условиям профессионального движения, чем устав Швейцера, основали — названные слишком торжественным именем — «Интернациональные профессиональные союзы». После этого они неоднократно делали предложение об объединении и даже слиянии с союзом Швейцера, но всякий раз получали резкий отказ. Им возражали, что они первые нарушили единство и потому могут избавить себя от попытки восстановить это, ими же нарушенное единство предложением о соглашении; если они действительно стремятся к единению, пусть входят в существующий уже «Союз рабочих организаций» и выступают внутри его за те изменения, которые считают желательными.

Не имея возможности помешать расколу внутри немецкого рабочего движения, Маркс все же мог констатировать присоединение обоих его течений к Интернационалу. Ему пришла в голову мысль перенести при настоящих условиях местопребывание Генерального Совета на следующий год в Женеву, поскольку организации рабочих, хотя немногочисленной, удалось уже везде очертить главное поле своего действия. Этому намерению Маркса содействовало также раздражение против французской секции в Лондоне; последняя, несмотря на свою немногочисленность, поднимала сильный шум и причинила Интернационалу ряд неприятностей, выражая одобрение комедианту Пиа за проповедь убийства Бонапарта. Она также немало шумела, возмущаясь «диктатурой» Генерального Совета, так как он по мере сил противодействовал ее бесчинству, и готовила на него жалобу к Брюссельскому конгрессу.

К счастью, Энгельс решительно отсоветовал Марксу предпринять этот рискованный шаг. Из-за нескольких ослов не следует, доказывал он, передавать дело людям, у которых хотя и есть добрые намерения и верное чутье, но нет умения руководить движением. Чем внушительнее становится это движение, захватывая и Германию, тем более Маркс должен держать его в своих руках. И действительно, именно в Женеве вскоре обнаружилось, что добрые намерения и одно только чутье сами по себе недостаточны.

3
АГИТАЦИЯ БАКУНИНА[1]

III конгресс Интернационала заседал с 6 по 13 сентября 1868 г. в Брюсселе.

Он был многолюднее, чем какой-либо из прежних или позднейших конгрессов, и все же носил ярко выраженный местный характер. Более половины его членов составляли бельгийцы, около одной пятой — французы. Среди одиннадцати английских делегатов было шесть представителей Генерального Совета; наряду с Эккариусом, Юнгом, Лесснером здесь находился также и тред-юнионист Лекрафт. Швейцарцев было только восемь, немцев всего-навсего три, и среди них Мозес Гесс от кёльнской секции. Швейцер, получивший официальное приглашение на конгресс, не мог приехать вследствие совпадения конгресса с несколькими судебными делами, но письменно известил о солидарности Общегерманского рабочего союза с целями Интернационала. Формальному присоединению Союза к Интернационалу препятствовали, по его словам, лишь немецкие законы о союзах и обществах. Италия и Испания прислали по одному представителю.

В заседаниях конгресса ясно ощущалось более быстрое биение пульса Интернационала в этот четвертый год его существования. Противодействие, которое оказывали прудонисты в Женеве и Лозанне профессиональным союзам и стачкам, сменилось почти противоположным отношением. Но они провели еще одну чисто академическую резолюцию о «меновых банках» и о «бесплатном кредите», хотя Эккариус, ссылаясь на опыт Англии, указывал на практическую неосуществимость этих прудонистских целебных средств, а Гесс доказывал теоретическую несостоятельность их ссылкой на книгу, написанную Марксом против Прудона за двадцать лет до того.

Зато прудонисты потерпели полное поражение по «вопросу о собственности». По предложению Де Папа была принята большая резолюция с подробной мотивировкой, которая указывала, что в правильно организованном обществе каменоломни, угольные копи и другие рудники, а также железные дороги должны принадлежать всему обществу, т. е. построенному на началах справедливости государству будущего, и что до наступления этого эксплуатацию их следует передать рабочим товариществам с необходимыми гарантиями соблюдения общих интересов. Точно так же земли и леса должны быть с соблюдением тех же гарантий переданы в общегосударственную собственность и предоставлены для эксплуатации обществам земледельцев. Наконец, каналы, проезжие дороги,

[1] Об ошибочной оценке Мерингом взглядов Бакунина см. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 19—23. — *Ред.*

телеграфы — словом, все средства сообщения должны остаться общим достоянием общества. Своим горячим протестом против этого «грубого коммунизма» французы достигли только того, что решено было еще раз обсудить этот вопрос на ближайшем конгрессе; местом для него был избран Базель.

Маркс, по его собственному заявлению, не принимал никакого участия в составлении резолюций, принятых в Брюсселе. Однако он не был недоволен ходом конгресса — не только потому, что там, как в Гамбурге и Нюрнберге, ему была выражена благодарность рабочего класса за его научный труд, что, конечно, доставило ему большое удовлетворение и в личном смысле и в интересах дела, но и потому, что все обвинения со стороны французской секции в Лондоне против Генерального Совета были конгрессом отвергнуты. Но он назвал «ерундой» одно постановление конгресса по вопросу, поднятому еще в Женеве, о том, что угрозу войн должно предотвратить посредством общего прекращения работы, стачки народов. Менее всего он мог возражать против постановления конгресса об окончательном разрыве с Лигой мира и свободы, которая вскоре после этого созвала свой II конгресс в Берне. Она предложила Интернационалу вступить с нею в союз, но получила в Брюсселе сухой ответ, что у нее нет разумных оснований для существования и что ей следует просто советовать своим членам вступать в секции Интернационала.

За это слияние особенно решительно выступал Михаил Бакунин, который присутствовал уже на первом конгрессе Лиги мира и свободы в Женеве и вступил в Интернационал за несколько месяцев до Брюссельского конгресса. После отклонения предложения о заключении союза Бакунин пытался склонить Лигу мира и свободы к принятию программы, которая имела бы целью разрушить все государства и создать на их обломках федерацию свободных производственных ассоциаций всех стран. Он, однако, остался в меньшинстве, среди которого оказался также Иоганн Филипп Беккер. Опираясь на меньшинство, Бакунин учредил Международный альянс социалистической демократии; этот Альянс хотя и ставил себе задачей вступление в Интернационал в полном составе, однако в качестве особой цели намечал для себя изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа всеобщего равенства и нравственной общности всех людей.

Уже в сентябрьской книжке «Vorbote» Беккер оповещал об этом Альянсе, целью которого является создание секций Интернационала в Италии, Франции, Испании и вообще повсюду, куда только проникает его влияние. Но лишь четверть года спустя, 15 декабря 1868 г., Беккер обратился к Генеральному Совету с просьбой о принятии Альянса в Интернационал, после того как такая же его просьба была отклонена бельгийским и французским

федеральными советами. Неделю спустя, 22 декабря, Бакунин писал из Женевы Марксу: «Мой старый друг!.. Лучше чем когда-либо... я понимаю теперь, как был ты прав, выбрав, — и нас приглашая за тобой следовать, — большую дорогу, осмеивая тех из нас, которые блуждали по тропинкам национальных или чисто политических предприятий. Я делаю теперь то дело, которое ты начал уже более двадцати лет назад. Со времени торжественного и публичного прости, которое я сказал буржуа на Бернском конгрессе, я не знаю теперь другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Моим отечеством будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Ты видишь, следовательно, дорогой друг, что я — твой ученик, и я горжусь этим. Вот все, что я считаю необходимым сказать...»[1]. Нет никаких оснований сомневаться в искренности этих уверений.

Скорее и глубже всего характеризуются их отношения тем сравнением между Марксом и Прудоном, которое сделал Бакунин несколько лет спустя, уже во время ожесточенной борьбы с Марксом. Он говорил: «Маркс очень серьезный, очень глубокий мыслитель-экономист. Он имеет то огромное преимущество перед Прудоном, что он реалист, материалист. Несмотря на все усилия стряхнуть с себя традиции классического индивидуализма, Прудон оставался всю свою жизнь неисправимым идеалистом, который, как я говорил ему за два месяца до его смерти, вдохновлялся то библией, то римским правом и всегда оставался метафизиком до кончиков ногтей. Его величайшим несчастьем было, что он никогда не занимался естественными науками и не усвоил себе их методов. У него был гениальный инстинкт, часто предсказывавший ему правильный путь, но, увлекаемый дурными или идеалистическими привычками своего ума, он постоянно впадал в старое заблуждение, вследствие чего превратился в ходячее противоречие — мощный гений, революционный мыслитель, вечно возившийся с призраками идеализма и никогда не имевший сил победить их»[2]. Так Бакунин говорил о Прудоне.

В непосредственной связи с этим Бакунин следующим образом изображал характер Маркса, каким он ему представлялся. «Маркс как мыслитель стоит на правильном пути. Он выставил основное положение, что все религиозные, политические и юридические процессы в истории являются не причинами, а следствиями экономических процессов. Это — великая и плодотворная мысль, честь изобретения которой принадлежит не исключительно ему; многие другие издали видели ее и даже отчасти выразили, но на долю Маркса выпала честь дать ей прочное обоснование и положить ее

[1] См. «Материалы для биографии М. Бакунина» под ред. Полонского, Госиздат, 1928, т. 3, стр. 137—138. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 366. — *Ред.*

в основу всей своей экономической системы. С другой стороны, Прудон гораздо лучше понимал и чувствовал свободу. Когда Прудон не предавался доктринерству и метафизике, он обладал истинным чутьем революционера, он поклонялся сатане и провозглашал анархию. Очень возможно, что теоретически Маркс может дойти до более рациональной системы свободы, но ему недостает чутья Прудона. Как немец и еврей, он с ног до головы властен (Autoritar)»[1]. Такова бакунинская характеристика Маркса.

По отношению к себе самому Бакунин делал из этого сравнения тот вывод, что именно он осуществил высшее единство этих двух систем, развив анархическую систему Прудона, освободив ее от всех доктринерских, идеалистических и метафизических придатков и положив в основу ее материализм в науке и политическую экономию в истории. Но это был огромный самообман Бакунина. Он пошел далеко вперед по сравнению с Прудоном, перед которым имел то преимущество, что лучше овладел европейской культурой и гораздо лучше понял Маркса, чем понимал его Прудон. Но он не прошел так основательно школу немецкой философии и не изучил так подробно, как Маркс, классовую борьбу западноевропейских народов. И прежде всего для него оказалось еще более роковым незнание политической экономии, чем для Прудона незнакомство с естественными науками. Этот пробел в образовании Бакунина не уменьшался оттого, что — весьма почетным для него образом — объяснялся пребыванием в течение долгого ряда лучших его лет в саксонских, австрийских и русских тюрьмах и в снегах Сибири.

«Воплощенный сатана» — в этом состояла и его сила и его слабость. То, что он понимал под этим своим любимым выражением, раскрыл нам знаменитый русский критик Белинский в прекрасных и метких словах: «Михаил во многом виновен и грешен, но в нем есть нечто такое, что перевешивает все его недостатки, — это вечно действенное начало, которое живет в глубине его духа». Бакунин был насквозь революционной натурой и обладал, подобно Марксу и Лассалю, талантом заставлять людей прислушиваться к своему голосу. Дли бедного эмигранта, не имевшего ничего, кроме своего ума и воли, было поистине настоящим подвигом завязать первые нити интернационального рабочего движения в целом ряде европейских стран — в Испании, Италии и России. Однако стоит только назвать эти страны, чтобы сразу натолкнуться на глубокое различие между Бакуниным и Марксом. Оба они видели быстрое приближение революции, но Маркс, изучавший рабочее движение в Англии, Франции и Германии, видел именно в крупнопромышленном пролетариате ядро революционной армии. Бакунин же

[1] См. «Материалы для биографии М. Бакунина» под ред. Полонского, Госиздат, 1928, т. 3, стр. 366—367. — *Ред.*

рассчитывал на воинствующую толпу деклассированной молодежи, на крестьянские массы и даже на люмпен-пролетариат. Хотя он всегда ясно сознавал, что Маркс стоит выше его как научный мыслитель, но в своей деятельности постоянно впадал в ошибку, свойственную «революционерам прежнего поколения». Он, однако, мирился со своей судьбой, считая, что хотя наука и является компасом жизни, но все же она еще не есть сама жизнь, а творить по-настоящему может только жизнь.

Было бы нелепо и к тому же несправедливо — в равной мере как в отношении Бакунина, так и Маркса — судить об их взаимных отношениях только по тому непоправимому разладу, которым они закончились. Политически и особенно психологически гораздо увлекательнее проследить, как в течение тридцати лет они постоянно то тяготели друг к другу, то отталкивали друг друга. Оба начали с младогегельянства: Бакунин принадлежал к крестным отцам «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». При разрыве между его старым покровителем Руге и Марксом он примкнул к последнему. Но когда он затем в Брюсселе увидел, что именно Маркс понимает под коммунистической пропагандой, он пришел в ужас и несколько месяцев спустя стал увлекаться авантюристским походом добровольческих отрядов Гервега в Германию, а потом понял глупость своего увлечения и открыто в ней признался.

Сейчас же после этого, летом 1848 г., «Neue Rheinische Zeitung» обвинила Бакунина в том, что он агент русского правительства; но свою ошибку, в которую она была введена двумя полученными из различных источников известиями, «Neue Rheinische Zeitung» признала с откровенностью, вполне удовлетворившей Бакунина. При встрече в Берлине Маркс и Бакунин возобновили свою старую дружбу, и «Neue Rheinische Zeitung» энергично выступила за Бакунина, когда его высылали из Пруссии. Вслед за тем газета подвергла строгой критике его панславистскую агитацию, но предпослала этому замечание, в котором говорилось, что «Бакунин наш друг», и определенно признавалось, что он действует из демократических соображений и его заблуждения в славянском вопросе вполне простительны. К тому же Энгельс, который был автором этой статьи[1], ошибался и в своем главном возражении Бакунину, ибо все же славянские народности Австрии имели историческую будущность, в которой им отказывал Энгельс. Революционное участие Бакунина в дрезденском майском восстании Маркс и Энгельс признали раньше и горячее, чем кто-либо.

Во время отступления из Дрездена Бакунин был арестован и приговорен к смертной казни сначала саксонским, а потом австрийским военным судом; затем «в виде милости» казнь в обоих случаях была заменена пожизненной каторгой; наконец, он был

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., 2 изд., т. 6, стр. 289—306. — *Ред.*

выдан России, где провел целый ряд лет в ужасающих страданиях в Петропавловской крепости. В это время один сумасшедший уркартист опять выдвинул против Бакунина в газете «Morning Advertiser» («Утренний вестник») обвинение, что он — агент русского правительства, и утверждал, будто он вовсе не содержится в тюрьме. Против этого в той же газете наряду с Герценом, Мадзини и Руге протестовал и Маркс. По несчастной случайности клеветник Бакунина также носил фамилию Маркс, что было известно в тесном кругу, хотя этот джентльмен упорно уклонялся, когда ему предлагали назвать себя в печати. Этим совпадением имен и воспользовался впоследствии мнимый революционер Герцен[1] для недостойной интриги. Когда Бакунин, высланный в 1857 г. из Петропавловской крепости в Сибирь, бежал оттуда в 1861 г., затем через Японию и Америку прибыл в Лондон, то Герцен обманул его, сказав, будто Маркс обличал Бакунина в английской печати как русского шпиона. Это было первое из тех нашептываний, которые создали впоследствии много неладов между Бакуниным и Марксом.

Бакунин более десяти лет был оторван от европейской жизни и потому понятно, что в Лондоне он прежде всего примкнул к русским эмигрантам типа Герцена, с которыми в сущности имел мало общего. Даже в своем панславизме, поскольку о нем вообще могла идти речь, Бакунин оставался всегда революционером, в то время как Герцен своей руганью «гнилого Запада» и своим мистическим культом русской крестьянской общины на самом деле под маскою мягкосердечного либерализма играл на руку царизму. Все же Бакунин — и это не говорит против него — поддерживал лично дружественные отношения с Герценом до самой его смерти, помня, как тот помогал ему в тяжелых испытаниях молодости. Политическое же прощальное письмо Бакунин написал Герцену уже в 1866 г. Бакунин упрекал Герцена в том, что он желает достичь социального переворота без переворота политического и готов все простить государству, лишь бы оно оставило нетронутой великорусскую сельскую общину, от которой Герцен ожидал спасения не только для России и всех славянских народов, но также для Европы и всего мира. Бакунин подверг этот фантом уничтожающей критике.

Но после своего бегства из Сибири Бакунин вначале жил в доме Герцена и вследствие этого держался в стороне от Маркса. Тем более характерно для него, что он перевел на русский язык «Коммунистический манифест» и напечатал его в «Колоколе» Герцена.

Во время второго пребывания Бакунина в Лондоне, в ту пору, когда учреждался Интернационал, Маркс первый сломал лед и

[1] Оценку революционной общественно-политической деятельности Герцена см. в статье В. И. Ленина «Памяти Герцена» (Соч., 4 изд., т. 18, стр. 9—15). — *Ред.*

пришел к Бакунину. Он имел полное основание заверить его, что не только не возводил на него клеветы, но, наоборот, упорно боролся против таковой. Они расстались друзьями. Бакунин восторгался планом Интернационала, а Маркс писал Энгельсу 4 ноября: *«Бакунин* просит тебе кланяться. Он сегодня уехал в Италию, где он и живет (Флоренция)... Должен сказать, что он мне очень понравился, больше, чем прежде...

В общем это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, еще развились»[1].

Радость, с которой Бакунин приветствовал Интернационал, продолжалась, однако, недолго. Пребывание в Италии пробудило в нем «революционера старого поколения». Он избрал эту страну не только из-за мягкого климата и потому, что там можно было дешево жить, — тем более что Германия и Франция тогда были для него закрыты, — но также и по политическим соображениям. Он считал итальянцев естественными союзниками славян против австрийского полицейского государства, а геройские подвиги Гарибальди воспламеняли его фантазию уже в Сибири. Они были для него первым доказательством подъема революционной волны. В Италии, когда он туда приехал, оказалась масса тайных политических обществ. Он нашел там также деклассированную интеллигенцию, которая всегда была готова броситься во всякий заговор, крестьянскую массу, постоянно находившуюся на краю голодной смерти, и, наконец, вечно подвижной люмпен-пролетариат — в частности, лаццарони Неаполя, куда он вскоре переселился из Флоренции и где прожил несколько лет. Эти классы были в его глазах действительно самыми подлинными движущими силами революции. Но если в Италии он видел страну, в которой социальная революция, быть может, произойдет скорее, чем где-либо, то ему пришлось скоро убедиться, что это ошибка. В Италии преобладала еще пропаганда Мадзини, а Мадзини был противником социализма. В своих туманных религиозных кличах и при своих строго централизаторских тенденциях он боролся только за объединенную буржуазную республику.

В эти годы жизни в Италии революционная агитация Бакунина приняла более определенные формы. При недостаточности теоретического образования наряду с излишком умственной живости и бурной активностью Бакунин всегда действовал под влиянием окружающей среды. Религиозно-политический догматизм Мадзини еще больше обострил в нем атеизм и анархизм и вызвал отрицательное отношение ко всякой государственной власти. В то же время революционные традиции тех классов, которые с его точки зрения являлись передовыми борцами за всеобщий

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 210, 211. — *Ред.*

переворот, очень сильно повлияли на его склонность к тайным заговорам и к местным восстаниям. Бакунин основал тайный революционно-социалистический союз, сначала только из итальянцев, главным образом для борьбы против «отвратительной буржуазной риторики Мадзини и Гарибальди». Вскоре, однако, союз расширился и сделался международным.

В интересах этого тайного общества Бакунин осенью 1867 г., переселившись в Женеву, пытался сначала повлиять на Лигу мира и свободы. Когда это ему не удалось, он начал искать путь к Интернационалу, которым совершенно не интересовался около четырех лет.

4
АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Маркс все же сохранял дружеские чувства к старому революционеру и противился нападкам, которые направлялись или подготовлялись против Бакунина из непосредственного окружения Маркса.

Эти нападки исходили от Сигизмунда Боркгейма, честного демократа, который оказывал много услуг Марксу в связи с его борьбой с Фогтом и в нескольких других случаях. Боркгейм имел, однако, две слабости: он считал себя остроумным писателем, не будучи таковым, и страдал странной ненавистью к русским, нисколько не уступавшей столь же странной ненависти Герцена к немцам.

В первую очередь Боркгейм обрушился на Герцена и основательно разнес его в ряде статей в первых номерах «Demokratisches Wochenblatt» в начале 1868 г. Бакунин к тому времени уже давно порвал с Герценом, но Боркгейм напал и на него, как на «казака» Герцена, и распинал его наряду с Герценом, называя его «воплощением отрицания». Дело сводилось к следующему: Боркгейм прочел у Герцена, что Бакунин за много лет перед тем высказал «замечательное положение»: «Активное отрицание является творческой силой»; и вот Боркгейм спрашивал с нравственным возмущением, есть ли кто-либо придерживающийся этого лозунга по эту сторону русской границы и не вызывает ли это смех у тысячи немецких школьников. В своей наивности добрый Боркгейм не подозревал, что крылатое в свое время выражение Бакунина — «радость разрушения — творческая радость» — впервые появилось в одной из статей «Deutsche Jahrbucher» в то время, когда Бакунин жил в кругу немецких младогегельянцев и вместе с Марксом и Руге был восприемником от купели «Deutsch-Franzosische Jahrbucher».

Понятно, что Маркс с тайным ужасом смотрел на подобные стилистические упражнения и упирался руками и ногами, когда

Боркгейм пытался использовать для своей тарабарщины статьи, которые Энгельс напечатал против Бакунина в «Neue Rheinische Zeitung», так как эти статьи «удивительно подходили к намерениям Боркгейма». Маркс требовал, чтобы Боркгейм не использовал эти статьи с оскорбительной целью, ибо Энгельс — давнишний личный друг Бакунина. Энгельс тоже запротестовал, и таким образом затея Боркгейма не удалась. С своей стороны и Иоганн Филипп Беккер просил Боркгейма не нападать на Бакунина, но получил в ответ «грозное письмо»: Боркгейм, как о том писал Маркс Энгельсу, заявлял «со свойственной ему деликатностью», что по-прежнему остается его другом и будет продолжать оказывать ему денежную поддержку (впрочем, весьма незначительную), но что отныне политика должна быть исключена из их переписки. При всей своей дружбе к Боркгейму Маркс находил, что его «русофобия» приняла опасные размеры[1].

Сам он сохранил дружеское отношение к Бакунину и тогда, когда последний принял участие в конгрессах Лиги мира и свободы. Уже после того как первый из этих конгрессов состоялся в Женеве, Маркс послал Бакунину экземпляр «Капитала» с надписью; не получив ни слова благодарности в ответ, он осведомился у одного русского эмигранта[2] в Женеве, которому он писал по другому поводу, о «своем старом друге Бакунине», выражая, впрочем, некоторое сомнение, остается ли еще Бакунин его другом. Ответом на этот косвенный запрос было письмо Бакунина от 22 декабря; в этом письме Бакунин обещал вступить на тот же боевой путь, по которому Маркс следовал уже в течение двадцати лет.

Но в тот день, когда Бакунин писал письмо Марксу, Генеральный Совет уже постановил отклонить переданное Беккером предложение принять в Интернационал Альянс социалистической демократии. Марксу принадлежала инициатива этого решения. Он знал о существовании Альянса, возвещенного в «Vorbote», но считал его до того момента лишь местным женевским растением, мертворожденным и в общем безобидным. Он знал старого Беккера, который любил кружковщину, но был вполне надежным человеком. Теперь же Беккер прислал программу и устав Альянса и писал при этом, что цель Альянса — восполнить собою недостаток «идеализма» в Интернационале. Эта претензия вызвала в Генеральном Совете «большую ярость, — как писал Маркс Энгельсу, — в особенности среди французов», и Генеральный Совет тотчас же постановил отклонить предложение. Марксу было поручено отредактировать это постановление. Что он сам был до некоторой степени взволнован, показывает письмо, которое он написал

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 122. — *Ред.*
[2] А. А. Серно-Соловьевича. — *Ред.*

18 декабря «после полуночи» Энгельсу, обращаясь к нему за советом. «На этот раз Боркгейм оказался прав», — прибавил он. Его возмутила не столько программа, сколько устав Альянса. Программа объявляла Альянс прежде всего атеистическим; она требовала уничтожения всякого религиозного культа, замены веры научным знанием, божественной справедливости — человеческой. Затем она требовала политического, экономического и социального уравнения классов и полов, причем предлагалось начать с отмены права наследования. Далее, для всех детей обоего пола, начиная с рождения, ока требовала одинаковых средств развития, т. е. содержания, воспитания и обучения на всех ступенях науки, промышленности и искусства. Наконец, программа отвергала всякую политическую деятельность, которая не ставила своей прямой и непосредственной задачей победу рабочего дела над капиталом.

Маркс отозвался об этой программе весьма нелестно. Несколько позднее он назвал ее «винегретом отшлифованных общих мест», «бессмысленной болтовней, четками вздорных вымыслов, претендующих на то, чтобы внушать страх, и рассчитанных лишь на минутный успех». Но в теоретических вопросах Интернационал по необходимости проявлял сначала большую терпимость. Ведь его историческая задача состояла именно в том, чтобы выработать из своей практической деятельности общую программу международного пролетариата.

Тем важнее была для Интернационала его организация как предпосылка всякой успешной практической деятельности. Устав же бакунинского Альянса пытался роковым образом вторгнуться в эту организацию: хотя Альянс и объявил себя ветвью Интернационала, устав которого он целиком принимал, но он желал создать свою особую организацию. Учредители его собрались в Женеве в качестве временного центрального комитета. По проекту Альянса в каждой стране должны были быть учреждены национальные бюро, имевшие целью создание местных групп и способствование их приему в Интернационал. На ежегодных конгрессах Интернационала представители Альянса как ветви Интернационала желали устраивать свои публичные заседания в отдельном помещении.

Энгельс сразу и решительно выступил против такого предложения: создалось бы два Генеральных Совета и два конгресса. При первом же случае у практического Генерального Совета в Лондоне вышло бы столкновение с «идеалистическим» Генеральным Советом в Женеве. В остальном Энгельс советовал действовать хладнокровно: резкое выступление раздражило бы ненужным образом весьма многочисленных среди рабочих (в особенности в Швейцарии) филистеров и повредило бы Интернационалу. Нужно ответить этим людям спокойным, но решительным отказом, сказав им, что они избрали специальную область, по-

этому следует подождать, пока не выяснится, чего они в ней достигнут. Пока же ничто не препятствует тому, чтобы члены одной ассоциации были также и членами другой. Относительно теоретической программы Альянса Энгельс также нашел, что никогда не читал ничего более жалкого. Бакунин, по-видимому, стал «совершенным ослом». Это выражение не означало, впрочем, особой враждебности к Бакунину: Маркс, например, ругал в письмах своего преданного друга Беккера «старым путаником». Маркс и Энгельс вообще очень щедро употребляли такие почетные титулы в своих интимных письмах.

Между тем Маркс успокоился и предложил проект постановления Генерального Совета, отклонявшего принятие Альянса в состав Интернационала, так что ничего нельзя было возразить ни против формы, ни против содержания ответа. Небольшой выпад против Беккера содержался лишь в указании на то, что вопрос этот был уже предрешен некоторыми из учредителей Альянса, когда они в качестве членов Интернационала соучаствовали в решении Брюссельского конгресса отклонить слияние Интернационала с Лигой мира и свободы. По существу мотивировка отказа сводилась к тому, что существование второй международной корпорации, действующей как внутри Интернационала, так и вне его, было бы самым верным средством разрушения организации самого Интернационала.

Весьма неправдоподобно утверждение, что Беккера это постановление привело в ярость. Более похоже на истину указание Бакунина, что Беккер был с самого начала против учреждения Альянса, но его предложение было отвергнуто большинством голосов его тайного союза; он хотя и желал сохранить этот тайный союз, члены которого должны были действовать внутри Интернационала и в духе его, но требовал безусловного вступления их в Интернационал во избежание всякого соперничества. Во всяком случае женевский Центральный комитет Альянса ответил на отрицательное постановление Генерального Совета новым предложением — включить секции Альянса в секции Интернационала, если Генеральный Совет признает теоретическую программу Альянса.

Между тем Маркс получил встречное письмо Бакунина от 22 декабря; но его подозрительность была уже настолько возбуждена, что он не обратил внимания на этот «сентиментальный подход». Точно так же и новое предложение Альянса вызвало у него недоверие, но он не поддался ему и ответил исключительно по существу. По предложению Маркса Генеральный Совет 9 марта 1869 г. постановил, что в его задачи не входит обсуждение теоретических программ отдельных рабочих партий. Рабочий класс находится на столь различных ступенях развития в разных странах, что его реальное движение выражается в весьма

разнообразных теоретических формах. Общность действия, вызываемого к жизни Интернационалом, обмен идеями через посредство разных органов его секций во всех странах и, наконец, прения на общих конгрессах приведут постепенно к выработке и общетеоретической программы для всего рабочего движения, А пока Генеральному Совету приходится лишь следить за тем, соответствует ли общее направление отдельных рабочих программ общему направлению Интернационала, т. е. задаче полного освобождения рабочего класса.

В этом отношении программа Альянса содержит фразу, допускающую опасные недоразумения. Политическое, экономическое и социальное уравнение классов ведет, если его понимать буквально, к гармонии между капиталом и трудом, которую проповедуют буржуазные социалисты. Подлинной же тайной пролетарского движения и великой целью Интернационала является уничтожение классов. Но так как «уравнение классов» попало в программу Альянса, как явствует из общего смысла, только вследствие описки, то Генеральный Совет уверен, что Альянс откажется от этой сомнительной фразы; тогда не представится никаких затруднений к превращению секций Альянса в секции Интернационала. Если такое превращение последует, то согласно уставу Интернационала Генеральный Совет должен быть поставлен в известность относительно местонахождения и числа членов каждой новой секции.

На этом основании Альянс исправил вызвавшую возражения фразу в желательном для Генерального Совета смысле; 22 июня он известил Совет, что прекращает свое существование, и предложил своим секциям превратиться в секции Интернационала. Женевская секция, во главе которой стоял Бакунин, была принята единогласным постановлением Генерального Совета в состав Интернационала. И тайный союз Бакунина был якобы распущен, но фактически он продолжал существовать, хотя и в менее строгой организационной форме, а сам Бакунин действовал и далее в духе программы, которую составил для себя Альянс. С осени 1867 г. до осени 1869 г. Бакунин жил на берегу Женевского озера, частью в самой Женеве, частью в Вевэ и Кларансе, и приобрел большое влияние среди романских рабочих Швейцарии.

Бакунину в этом помогали своеобразные условия, в которых жили эти рабочие. Для правильности суждения о тогдашнем положении вещей не следует забывать, что Интернационал не был партией с определенной теоретической программой; он допускал в своей среде самые разнообразные направления, как это признал сам Генеральный Совет в обращении к Альянсу. Еще и теперь можно проследить по «Vorbote», что даже столь ревностный и заслуженный борец этого великого Союза, как Беккер, никогда не принимал близко к сердцу теоретических вопросов. Так и в же-

невской секции Интернационала представлены были два очень различных течения. На одной стороне была «fabrique»[1], под которой женевский диалект разумел квалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих ювелирной и часовой промышленности, почти исключительно местных уроженцев, а на другой — «gros metiers»[2], представленные по преимуществу строительными рабочими, почти исключительно иностранцами, в частности немцами, которые добивались для себя мало-мальски сносных условий труда только при помощи постоянных стачек. Первые обладали избирательным правом, вторые же не обладали им. Но вследствие своей немногочисленности «фабрика» не могла рассчитывать на самостоятельный успех при выборах и поэтому была очень склонна к избирательным компромиссам с буржуазными радикалами; между тем «грубые ремесла», для которых не существовало такого рода соблазна, скорее увлекались прямым революционным действием в той форме, которую проповедовал Бакунин.

Еще более широкое поле для пропаганды Бакунин нашел среди рабочих-часовщиков в Юре. Это не были квалифицированные рабочие по изготовлению предметов роскоши, они большею частью работали на дому, и их жалкому существованию постоянно угрожала конкуренция американских машин. Рассеянные небольшими гнездами в горах, они были мало подготовлены к массовым политическим движениям, а если и годились для этого, то печальный опыт в прошлом отпугивал их от политики. Агитацию в пользу Интернационала начал среди них врач Кулери; он был гуманный человек, но плохо разбирался в политических вопросах. Он склонял рабочих к избирательным соглашениям не только с радикалами, но даже с монархически настроенными невшательскими либералами, причем рабочие постоянно попадали из-за него впросак. После полного провала политики Кулери юрские рабочие нашли нового руководителя в лице молодого учителя промышленной школы в Локле Джемса Гильома; он вполне слился с их образом мыслей и стал издавать местную газетку «Progres» («Прогресс»), защищая в ней идеалы анархического общества, в котором все люди свободны и равны. Когда Бакунин в первый раз приехал в Юру, он нашел вполне подготовленную почву для своего посева, и тамошние бедняки скорее повлияли на него, чем он на них, ибо осуждение всякой политической деятельности стало с тех пор значительно резче проявляться у Бакунина, чем до того.

Но пока еще среди секций романской Швейцарии царил мир. В январе 1869 г. они объединились в Федеральный совет, глав-

[1] — «фабрика». — *Ред.*
[2] — «грубые ремесла». — *Ред.*

ным образом по настоянию Бакунина, и стали издавать большой еженедельник под заглавием «Egalite» («Равенство»). В нем участвовали Бакунин, Беккер, Эккариус, Варлен и другие известные члены Интернационала. Бакунину принадлежала также инициатива выступления романского Федерального совета перед лондонским Генеральным Советом с предложением внести в программу Базельского конгресса вопрос о наследовании. На это Бакунин имел полное право, так как обсуждение подобных вопросов составляло одну из главных задач конгрессов Интернационала, и Генеральный Совет принял его предложение.

Маркс, конечно, усмотрел и в этом как бы вызов на борьбу со стороны Бакунина, но был доволен таким вызовом.

5
БАЗЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС

На ежегодном конгрессе, заседавшем 5 и 6 сентября 1869 г. в Базеле, Интернационал сделал военный смотр своей деятельности за пятый год своего существования.

Это был самый оживленный из всех пережитых годов. Он ознаменовался многочисленными «партизанскими стычками между капиталом и трудом», стачками, о которых все больше и больше говорили среди имущих классов Европы, считая, что они вызваны не бедственным положением пролетариата и не деспотизмом капитала, а тайными происками Интернационала.

И вследствие этого еще больше возрастало грубое желание сразить движение силой оружия. Даже в Англии дело дошло до кровавых столкновений между бастующими углекопами и войсками. В угольных округах Луары пьяная солдатня устроила кровавую расправу при Рикамари, во время которой двадцать рабочих — среди них две женщины и ребенок — были расстреляны и значительное число рабочих ранено. Но отвратительнее всего было то, что происходило в Бельгии, этом «образцовом государстве континентального конституционализма, уютном, хорошо отгороженном маленьком раю помещиков, капиталистов и попов»[1], — как сказано было в воззвании Генерального Совета, написанном Марксом с громадным размахом; оно призывало всех рабочих Европы и Соединенных Штатов оказать помощь жертвам безудержной жадности к прибыли, павшим в бойне, учиненной в Серене и Боринаже. «Бельгийское правительство устраивает свое ежегодное избиение рабочих с точностью, не уступающей ежегодному обращению земли вокруг солнца»[2], — говорилось в воззвании.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 304. — *Ред.*
[2] Там же. — *Ред.*

Кровавые посевы приготовили жатву для Интернационала. В Англии осенью 1868 г. произошли первые выборы на основании нового избирательного закона, и они вполне подтвердили основательность предостережений Маркса против односторонней политики Лиги реформы. Ни один представитель от рабочих не был избран. Победили «золотые мешки», и Гладстон снова очутился у кормила правления. Но он и не думал серьезно изменить курс в ирландском вопросе или идти навстречу тред-юнионам в их справедливых требованиях. Это влило свежие силы в Новый юнионизм. На годовом конгрессе тред-юнионов в Бирмингаме в 1869 г. представители тред-юнионов самым настойчивым образом приглашали организованных рабочих королевства примкнуть к Интернационалу. И не только потому, что интересы рабочего класса повсюду одинаковы, но также и потому, что принципы Интернационала способны обеспечить мир между всеми народами земного шара. Летом 1869 г. возникла угроза войны между Англией и Североамериканским союзом, и от имени Генерального Совета было послано составленное Марксом обращение к Национальному союзу рабочих Соединенных Штатов, в котором говорилось: «Теперь наступила ваша очередь воспрепятствовать войне, которая, несомненно, отбросила бы назад на неопределенное время растущее движение рабочего класса по обе стороны океана»[1]. Обращение это вызвало живой отклик по ту сторону океана.

Во Франции рабочее движение тоже успешно продвигалось вперед. Полицейские преследования Интернационала по обыкновению лишь содействовали возрастанию числа его сторонников. Вмешательство и помощь, оказанные Генеральным Советом при многочисленных стачках, привели к учреждению профессиональных союзов; запретить их было невозможно, как ни силен в них был дух Интернационала. На выборах 1869 г. рабочие еще не выставили собственных кандидатов, но поддерживали кандидатов крайней левой буржуазной партии, которая провозгласила очень радикальную избирательную программу. Этим они по крайней мере косвенно содействовали тяжкому поражению Бонапарта в больших городах, хотя плоды их усилий в данный момент еще раз достались буржуазной демократии. Но и помимо этого Вторая империя уже начинала тогда трещать по всем швам: извне она получила тяжелый удар от испанской революции, которая осенью 1868 г. изгнала из страны королеву Изабеллу.

Несколько другое направление приняли события в Германии, где бонапартизм еще не приходил в упадок, а, наоборот, пока

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 309. — *Ред.*

усиливался. Национальный вопрос вызвал раскол в германском рабочем классе, и этот раскол был серьезной помехой для профессионального движения, которое начало было там развиваться. Швейцер попал в затруднительное положение вследствие неверного пути, выбранного им для своей агитации в профессиональных союзах, и не был в состоянии восстановить свой прежний авторитет. Необоснованные и частые доносы, направленные против его честности, все же внушили недоверие некоторым из его сторонников, а он сам имел неосторожность небольшим государственным переворотом подвергнуть серьезной опасности свою пока еще незначительно поколебленную репутацию.

Вследствие этого меньшинство Общегерманского рабочего союза отпало и объединилось с нюрнбергскими союзами в новую Социал-демократическую партию, члены которой называли себя по месту возникновения партии «эйзенахцами». Обе фракции сначала упорно боролись между собой, но по отношению к Интернационалу заняли приблизительно одинаковую позицию. Их позиция, будучи по существу одинакова, разнилась по форме, так как они были вынуждены считаться с германским законом о союзах. Маркс и Энгельс были в высшей степени недовольны, когда Либкнехт козырял Генеральным Советом Интернационала против Швейцера, на что он не имел никакого права. Хотя они и приветствовали «процесс распада лассалевской церкви», но и с другим направлением не знали что делать, до тех пор пока организация его совершенно не отделится от Немецкой народной партии, сохраняя с нею в крайнем случае лишь некоторый сговор по отдельным вопросам (loses Kartellverhaltnis). Они по-прежнему считали, что Швейцер как полемист превосходит всех своих противников.

Более единодушно развивалось австро-венгерское рабочее движение, которое возникло только после поражений Австрии в 1866 г. Лассальянство там совершенно не привилось, но тем большие массы сплотились вокруг знамени Интернационала, как докладывал Генеральный Совет в годовом отчете Базельскому конгрессу.

Конгресс собрался, таким образом, при весьма благоприятных перспективах. Хотя он насчитывал всего 78 членов, но имел гораздо более «интернациональный» вид, чём прежние конгрессы. В общем на нем были представлены девять стран. От Генерального Совета присутствовали, как всегда, Эккариус и Юнг и, кроме того, двое из наиболее выдающихся тред-юнионистов — Аппльгарт и Лекрафт. Франция послала 26 делегатов, Бельгия — 5, Германия — 12, Австрия — 2, Швейцария — 23, Италия — 3, Испания — 4 и Северная Америка — 1. Либкнехт был представителем новой фракции эйзенахцев, а Мозес Гесс — бер-

линской секции. Бакунин имел кроме французского еще и итальянский мандат, Гильом был послан от Локля. Председательствовал на конгрессе опять Юнг.

Заседания конгресса были посвящены сначала организационным вопросам. По предложению Генерального Совета конгресс единогласно постановил посоветовать всем секциям и присоединившимся к Интернационалу обществам, чтобы они упразднили у себя должность президента, как это сделал Генеральный Совет уже за несколько лет до того: рабочей ассоциации не подобает сохранять монархический и авторитарный принцип; даже там, где должность президента является лишь чисто почетной, она все же заключает в себе нарушение демократического принципа. В противовес этому Генеральный Совет предложил расширить его полномочия; он желал быть правомочным исключать до решения ближайшего конгресса каждую секцию, действующую в противоречии с духом Интернационала. Предложение было принято с тем ограничением, что федеральные советы — там, где только они существуют, — должны быть до исключения секций запрошены по этому поводу. Бакунин и Либкнехт живо поддерживали это предложение, что было вполне понятно со стороны Либкнехта, но не со стороны Бакунина: этим он шел против своего анархического принципа, каковы бы ни были его оппортунистические соображения. Вероятнее всего, он хотел победить черта с помощью Вельзевула и рассчитывал на поддержку Генерального Совета в борьбе против всякой парламентско-политической деятельности, которая была в его глазах чистейшим оппортунизмом. В этом взгляде Бакунина могла лишь укрепить известная речь Либкнехта, резко выступившего против участия Швейцера, а также Бебеля в работе Северогерманского рейхстага. Но Маркс не одобрял речи Либкнехта, и таким образом Бакунин произвел расчет без хозяина; ему пришлось вскоре убедиться, что нарушение принципов всегда мстит за себя.

Из теоретических вопросов, которыми должен был заняться конгресс, первое место занимали вопросы об общественной собственности на землю и о наследственном праве. Первый из них фактически был уже разрешен в Брюсселе. Быстрее, чем в предшествующем году, большинством 54 голосов, было решено, что общество имеет право превращать землю в общественную собственность, и затем большинством 53 голосов было признано, что такое превращение необходимо в интересах общества. Меньшинство преимущественно воздержалось от голосования: против второго постановления голосовало всего 8 делегатов, а против первого — лишь 4. Относительно практического осуществления этого постановления были высказаны весьма разнообразные мнения. Окончательное их обсуждение было отложено до следующего конгресса в Париже.

По вопросу о праве наследования Генеральный Совет выработал доклад, который с присущим Марксу мастерством сводил к немногим положениям основные взгляды Интернационала. Как и все остальные буржуазные законы, законы о наследовании являются не причиной, а выражением, юридическим следствием экономической организации общества, основанного на частной собственности на средства производства. Не право получать по наследству рабов было причиной рабства, а наоборот — рабство было причиной наследования рабов. Когда средства производства сделаются общественной собственностью, право наследования, поскольку оно имеет социальное значение, само собой исчезнет, так как человек может оставлять после себя только то, чем владел при жизни. Поэтому великой целью остается упразднение тех учреждений, которые предоставляют отдельным лицам на всю их жизнь преимущество присваивать себе плоды труда многих других людей. Провозглашать уничтожение права наследования как исходный пункт социальной революции так же нелепо, как желать отменить законодательство о договорах между покупателями и продавцами при сохранении теперешнего состояния товарообмена. Такая отмена была бы неправильной в теории и реакционной на практике. Изменения в наследственном праве могут наступить лишь в переходную эпоху, когда, с одной стороны, современные экономические основы общества еще не преобразованы, но, с другой стороны, рабочий класс обладает уже достаточной силой, чтобы провести подготовительные меры для радикального преобразования общества. В качестве таких переходных мер Генеральный Совет рекомендовал расширение налогов на наследство и ограничение права наследования по завещанию. Это право еще более суеверно, чем право семейного наследования, ибо еще более усиливает основы частной собственности.

В противоположность такой точке зрения комиссия, которой была поручена разработка этого вопроса, предлагала выставить отмену права наследования как основное требование рабочего класса. Но она обосновывала свое предложение только несколькими идеологическими общими местами, вроде таких, как: «преимущественные права», «политическая и экономическая справедливость», «социальный порядок». Во время довольно кратких прений за доклад Генерального Совета высказались наряду с Эккариусом бельгиец Де Пап и француз Варлен, в то время как Бакунин защищал доклад комиссии, духовным отцом которого он и являлся. Он отстаивал его в силу якобы практических, но тем не менее призрачных соображений, утверждая, что без упразднения наследственного права нельзя добиться общественной собственности. Если захотят отнять у рабочих их землю, то они воспротивятся этому, но при отмене наследственного права они не почувствуют себя непосредственно задетыми в своих интересах, и част-

нал собственность на землю будет таким образом постепенно вымирать. При поименном голосовании проекта комиссии получилось следующее соотношение числа голосов: за доклад — 32 голоса, против — 23, 13 воздержалось и 7 отсутствовало, в то время как при голосовании проекта Генерального Совета получилось 19 голосов — за, 37 — против, 6 — воздержавшихся и 13 — отсутствовавших. Таким образом, абсолютного большинства не собрал ни один из проектов, и обсуждение вопроса не дало осязательных результатов.

Базельский конгресс вызвал как в буржуазном, так и в пролетарском мире еще более живой отклик, чем предшествовавшие ему. Буржуазные ученые наполовину с ужасом, наполовину со злорадством установили выявившийся, наконец, коммунистический характер Интернационала; в пролетарской же среде решения конгресса об общественной собственности на землю вызвали радостный отклик. В Женеве немецкая секция обратилась с манифестом к сельскохозяйственному населению. Манифест этот сейчас же перевели на французский, итальянский, испанский, польский и русский языки, и он получил быстрое и широкое распространение. В Барселоне и Неаполе возникли первые секции сельских рабочих. В Лондоне на большом митинге была учреждена Лига земли и труда; в ее комитете заседали десять членов Генерального Совета, и ее лозунгом было: «Земля — народу!».

В Германии против решений Базельского конгресса неистовствовали «благородные рыцари» из Немецкой народной партии. Это сначала испугало Либкнехта и побудило его сделать заявление, что эйзенахская фракция не считает себя связанной решениями конгресса. К счастью, сильно возмущенные рыцари Народной партии не удовольствовались этим и потребовали прямого отречения эйзенахцев от решений конгресса. Тогда Либкнехт развязался, наконец, с этой братией, как того давно желали Маркс и Энгельс. Но его первоначальное колебание было на руку Швейцеру. Он уже много лет «проповедовал» в Общегерманском рабочем союзе общественную собственность на землю. Маркс же, называя его поведение «наглостью», думал, что он лишь сейчас принялся за эту проповедь, и то только для издевательства над своими противниками. Энгельс сдержал свой гнев против «негодяя», по крайней мере настолько, что признал «очень ловким» то, что Швейцер держит себя теоретически всегда совершенно корректно, прекрасно зная, что его противники будут разбиты в пух и прах, как только дело дойдет до теоретической точки зрения.

Между тем лассальянцы оставались не только самой замкнутой в своей организации немецкой рабочей партией, но и самой передовой в принципиальном отношении.

6

ЖЕНЕВСКИЕ СМУТЫ

Поскольку базельские прения о наследственном праве были в некотором роде духовным поединком между Бакуниным и Марксом, они, не закончившись, правда, определенным решением, все же приняли скорее неблагоприятное, чем благоприятное для Маркса направление. Из этого сделали вывод, что Маркс был больно задет и готовился сразить Бакунина сильным ударом; однако такое утверждение не подтверждается фактами.

Маркс остался вполне доволен ходом Базельского конгресса. Он отдыхал тогда вместе с дочерью Женни в Германии и 25 сентября писал из Ганновера дочери Лауре: «Я рад, что Базельский конгресс закончился и что он прошел сравнительно хорошо. Я всегда испытываю беспокойство в случаях, когда партию публично выставляют напоказ «со всеми ее язвами». Ни один из актеров не был на высоте принципов, но идиотизм высших классов исправляет ошибки рабочего класса. Через какой бы крошечный германский город мы ни проезжали, всюду захолустные газетки были полны деяний этого «ужасного конгресса»»[1].

Как и Маркс, Бакунин был в общем доволен ходом Базельского конгресса. Говорили, что своим предложением по вопросу о наследовании он хотел сразить Маркса и добиться посредством этой теоретической победы перенесения местопребывания Генерального Совета из Лондона в Женеву. Когда это ему не удалось, он якобы с тем большей горячностью обрушился в газете «Egalitе» на Генеральный Совет. Эти утверждения повторялись столь часто, что превратились в настоящую легенду. Между тем все это выдумка от начала до конца: *после* Базельского конгресса Бакунин вообще не написал ни одной строчки в «Egalite»; до Базельского конгресса, в июле и августе 1869 г., он был, правда, главным редактором этой газеты, но в длинном ряде его статей тщетно было бы искать каких-либо следов враждебности к Генеральному Совету или к Марксу. В частности, четыре статьи о «Принципах Интернационала» написаны вполне в духе тех начал, на которых был основан этот великий Союз. Если Бакунин и высказывал в них некоторые опасения относительно рокового влияния на пролетарских депутатов того, что Маркс называл «парламентским кретинизмом», то, во-первых, эти опасения с того времени в достаточной мере подтвердились, а во-вторых, они были весьма невинны по сравнению с одновременными горячими выпадами Либкнехта против соучастия рабочего класса в буржуазном парламентаризме.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 31. — *Ред.*

Затем, если даже воззрения Бакунина на право наследования и были лишь причудой, то он все же был вправе требовать обсуждения их; ведь на конгрессах Интернационала дискутировались и более странные причуды, однако никто не приписывал их авторам какого-либо коварства. Предъявленное же ему обвинение в желании добиться переселения Генерального Совета из Лондона в Женеву он разбил следующими краткими и меткими словами: «Никто ему этого не говорил, никто не мог сказать ему этого, потому что я первый со всей возможной энергией выступил бы против такой меры, если бы она была предложена, настолько она показалась бы мне роковой для будущего Интернационала. Правда, женевские секции сделали за очень короткое время огромные успехи. Но в Женеве царит еще слишком узкий, слишком специально женевский дух, чтобы туда можно было перенести Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих. К тому же ясно, что пока будет существовать современное политическое устройство Европы, Лондон останется единственным подходящим для него местопребыванием, и нужно быть сумасшедшим или подлинным врагом Интернационала, чтобы пытаться перенести Совет в другой город»[1].

Но есть люди, которые считают Бакунина профессиональным лжецом; они скажут, что его заявление есть не что иное, как придуманная задним числом отговорка. Однако и это возможное возражение отпадает ввиду того, что Бакунин еще *до* Базельского конгресса решил переселиться *после* конгресса из Женевы в Локарно. Решил он это ввиду обстоятельств, изменить которые было не в его власти. Он находился в крайне тяжелом материальном положении; предстояли роды у его жены, и он решил ожидать их в Локарно. Сам он намеревался заняться там переводом на русский язык I тома «Капитала». Один его молодой почитатель, некий Любавин, подыскал для него русского издателя[2], который согласился заплатить за перевод 1200 рублей, и Бакунин получил 300 рублей в виде аванса.

Таким образом, все мнимые интриги, которыми Бакунин будто бы занимался до или после Базельского конгресса, обращаются в ничто; но все же у него остался горький привкус от этого конгресса. Под влиянием натравливания со стороны Боркгейма Либкнехт заявил в присутствии третьих лиц, будто у него имеются доказательства, что Бакунин — агент русского правительства. Бакунин созвал в Базеле суд чести, и Либкнехту было предложено обосновать на суде свое обвинение. Никаких оснований для этих обвинений у него не оказалось, и суд чести

[1] См. «Материалы для биографии М. Бакунина» под ред. Полонского, Госиздат, 1928, т. 3, стр. 184. — *Ред.*
[2] Полякова Н. П. — *Ред.*

выразил ему резкое порицание. Это не помешало Либкнехту, который после кёльнского процесса коммунистов и со времени эмигрантства был слишком склонен видеть повсюду шпионов, честно протянуть противнику руку примирения, которую Бакунин так же честно пожал.

Тем обиднее было для Бакунина, что несколько недель спустя, 2 октября, Мозес Гесс выступил в парижской газете «Reveil» («Пробуждение») со старой сплетней. Гесс, бывший немецким делегатом в Базеле, обещал изложить тайную историю конгресса и в связи с этим рассказывал об «интригах» Бакунина, будто бы имевших целью опрокинуть принципиальные основы Интернационала и перетянуть Генеральный Совет из Лондона в Женеву. Интриги эти, по его словам, разбились в Базеле. В заключение Гесс высказывал гнусное подозрение, что хотя он не сомневается в революционных воззрениях Бакунина, но этот русский является близким идейным родственником Швейцера, а именно в Базеле немецкие делегаты обвиняли Швейцера в том, что он — уличенный агент немецкого правительства. Злостное намерение этого доноса бросалось в глаза тем яснее, что невозможно было усмотреть никакого «близкого родства» между агитацией Бакунина и агитацией Швейцера. И лично эти два человека не имели ни малейших точек соприкосновения друг с другом.

Конечно, Бакунин поступил бы умнее всего, не обратив никакого внимания на эту совершенно нелепую статью. Но нетрудно понять, что он был взбешен постоянными сомнениями в его политической честности и тем больше выходил из себя, чем коварнее на него нападали из-за угла. Поэтому он написал опровержение, но сгоряча написал его слишком длинно и сам понимал, что «Reveil» не сможет принять его статью. Он очень резко нападал на «немецких евреев», причем, однако, говоря о пигмеях вроде Боркгейма и Гесса, он делал исключение для таких «великанов», как Лассаль и Маркс. Бакунин решил использовать свою длинную полемическую статью в качестве предисловия к обширной книге о своем революционном кредо и послал ее в Париж Герцену с просьбой найти для нее издателя. К этой статье он присоединил более краткое объяснение для газеты «Reveil». Но Герцен опасался, что и оно не будет принято газетой; поэтому он сам написал статью в защиту Бакунина, против Гесса, и «Reveil» не только напечатала ее, но и снабдила примечанием от редакции, которое вполне удовлетворило Бакунина.

Однако большая статья Бакунина очень не понравилась Герцену. Он осуждал выпады против «немецких евреев» и был особенно удивлен тем, что Бакунин ополчается на столь мало известных людей, как Боркгейм и Гесс, вместо того чтобы направить свой клинок против Маркса. На это Бакунин ответил 28 октября, что хотя он и считает Маркса зачинщиком всей по-

лемики, но по двум причинам пощадил его и даже назвал «великаном». Первая из этих причин — справедливость. «Оставив в стороне все его гадости против нас, нельзя не признать, я по крайней мере не могу не признать за ним огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергически и верно, вот уж скоро 25 лет и в котором он несомненно опередил нас всех. Он был одним из первых, чуть ли не главным основателем Интернационала. А это в моих глазах заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы он против нас ни делал»[1].

Далее Бакунин говорил, что он руководствуется также политическими и тактическими соображениями по отношению к Марксу, «который меня терпеть не может, да я думаю, и никого, кроме себя и разве близких своих, не любит... Маркс несомненно полезный человек в Интернационале. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма, — одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов, И я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его несомненно благодетельное влияние. А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, теперь же время еще не пришло»[2].

В последнюю очередь Бакунин приводит одно тактическое соображение, которое, по его словам, мешает ему напасть на Маркса. Если бы он открыто выступил против него, то три четверти членов Интернационала оказались бы его противниками. И наоборот — большинство будет на его стороне, если он выступит против той нищей братии, которая окружает Маркса; и сам Маркс почувствует радость или, вернее, «злорадство», как выразился по-немецки Бакунин в своем письме, написанном на французском языке.

Вскоре после этого письма Бакунин переселился в Локарно. Занятый своими личными делами, он в течение нескольких недель, которые прожил еще в Женеве после Базельского конгресса, почти не принимал участия в местном рабочем движении, даже не написал ни одной строчки для «Egalite». Его преемником в редакции был Робен, один бельгийский учитель, за год до того переселившийся в Женеву, а также Перрон, тот самый

[1] См. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», С.-Петербург 1906, стр. 338. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 339. — *Ред.*

живописец по эмали, который редактировал газету еще до Бакунина. Оба они были единомышленниками Бакунина, но писали и действовали вовсе не в его духе. Бакунин стремился просвещать и побуждать к самостоятельному действию рабочих «gros metiers», в которых пролетарско-революционный дух гораздо живее, чем в рабочих «fabrique». Он действовал по отношению к ним даже вразрез с их собственными комитетами, не говоря уже о противоречии с «fabrique», которая хотя и поддерживала «gros metiers» во время стачек, но делала из этой своей неоспоримой заслуги неправильный вывод, будто «gros metiers» должны во всех случаях идти по ее стопам. То, что Бакунин говорил против объективной опасности такой «политики инстанций», как мы назвали бы ее в настоящее время, представляет большой интерес даже теперь. Бакунин боролся с этим, имея в особенности в виду неискоренимую склонность «fabrique» к соглашению с буржуазным радикализмом. Робен же и Перрон, напротив, считали возможным склеить и замазать то противоречие между «fabrique» и «gros metiers», которое не было создано Бакуниным, а коренилось в социальных противоположностях. Это приводило их к постоянному шатанию, не удовлетворявшему ни «fabrique» ни «gros metiers», а лишь широко раскрывавшему двери всевозможным интригам.

Мастером таких интриг был один русский эмигрант, проживавший тогда в Женеве, — Николай Утин. Он участвовал в русских студенческих волнениях в начале 60-х годов И, когда дело приняло опасный оборот, бежал за границу, где жил хорошо, получая изрядную годовую ренту — как говорили, от двенадцати до пятнадцати тысяч франков — от своего отца, откупщика водочной монополии. Благодаря своим деньгам этот пустой болтун занял положение, которого никогда не добился бы своими умственными способностями. Успехи ему давались, однако, в области сплетен, где, как выразился однажды Энгельс, «люди занятые никогда не угонятся за теми, у кого есть время болтать целый день». Утин сунулся сначала к Бакунину, но встретил решительный отпор, и отъезд Бакунина из Женевы дал ему удобный случай преследовать путем сплетен этого ненавистного ему человека. Для этой благородной цели он потрудился не без успеха и вслед за тем бросился к ногам царя, смиренно прося о помиловании. Царь с своей стороны не оказался неумолимым, и во время русско-турецкой войны 1877 г. Утин сделался царским военным поставщиком, благодаря чему скопил еще большее, хотя наверное не более чистое богатство, чем то, которое ему дала торговля его отца водкой.

С такими людьми, как Робен и Перрон, Утину было тем легче достигать своих целей, что они при всей своей честности были невероятно беспомощны. В довершение всего они затеяли

ссору с Генеральным Советом Интернационала, и как раз по таким вопросам, которые менее всего могли интересовать рабочих французской Швейцарии. «Egalite» жаловалась на то, что Генеральный Совет уделяет слишком много внимания ирландскому вопросу, что он не учреждает Федерального совета для Англии, что он не решает спора между Либкнехтом и Швейцером и т. п. Бакунин был здесь ни при чем, и если казалось, что он одобряет эти нападки или даже подстрекает к ним, то лишь потому, что Робен и Перрон принадлежали к числу его приверженцев, а газетка Джемса Гильома целила в ту же точку.

В частном циркуляре, помеченном 1 января 1870 г. и посланном кроме Женевы еще только Федеральным советам французского языка, Генеральный Совет дал отпор всем нападкам Робена. Очень резкий по форме, циркуляр этот держался строго в пределах существа дела. Любопытны и по настоящее время те основания, по которым Генеральный Совет отказывался учредить отдельный английский Федеральный совет. Он указывал на то, что, хотя инициатива революционного движения будет исходить, вероятно, от Франции, одна только Англия сможет послужить рычагом для серьезной экономической революции. Это единственная страна, где уже нет крестьян и где все землевладение сосредоточено в немногих руках. Это единственная страна, где капиталистическая форма производства овладела почти всем производством в стране, где широкие массы населения состоят из наемных рабочих. Это единственная страна, где классовая борьба и организация рабочего класса через тред-юнионы достигли известной степени всеобщности и зрелости. Наконец, благодаря господству Англии на мировом рынке всякая революция ее экономических отношений должна непосредственно отразиться на всем мире.

Но если, таким образом, у англичан имеются все необходимые материальные предпосылки для социальной революции, то, с другой стороны, им недостает духа обобщения и революционной страсти. Задача Генерального Совета заключается в том, чтобы влить в них этот дух и эту страсть, что ему и удается, как видно по жалобам влиятельнейших лондонских буржуазных газет на то, что Генеральный Совет отравляет национальный дух рабочего класса Англии и толкает его к революционному социализму. Английский Федеральный совет, занимая среднее положение между Генеральным Советом Интернационала и Генеральным Советом тред-юнионов, не пользовался бы никаким авторитетом. С другой стороны, Генеральный Совет лишился бы своего влияния на этот великий рычаг пролетарской революции. Было бы глупо передать этот рычаг исключительно в английские руки и заменить серьезную и незаметную работу рыночной шумихой.

Но раньше чем этот циркуляр дошел по назначению, разразилась катастрофа в самой Женеве. В редакционном комитете «Egalite» семь членов были сторонниками Бакунина и только два — его противниками. Из-за одного совершенно незначительного, политически безразличного инцидента большинство поставило вопрос о доверии, и тогда обнаружилось, что Робен и Перрон со своей неустойчивой политикой сидят между двух стульев. Меньшинство нашло поддержку в Федеральном совете, и семь членов большинства вышли из редакции; среди них оказался старый Беккер, который, пока Бакунин жил в Женеве, поддерживал с ним дружеские отношения, но вовсе не одобрял поведение Робена и Перрона. Заведование газетой «Egalite» перешло после этого в руки Утина.

7

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ»

Тем временем Боркгейм продолжал свою кампанию против Бакунина.

18 февраля он жаловался Марксу, что «Zukunft» — газета, издаваемая Иоганном Якоби, отказалась поместить его «чудовищное письмо о русских делах, невероятную мешанину из всякой всячины»[1], как писал Маркс Энгельсу. Вместе с тем Боркгейм, ссылаясь на Каткова, который в молодости был единомышленником Бакунина, но затем перешел в реакционный лагерь, высказывал подозрения насчет «некоторых не совсем чистых денежных историй Бакунина». Этому, однако, не придавали значения ни Маркс, ни Энгельс; последний с философским равнодушием заметил: «Заем денег — слишком обычный у русских способ добывать средства к жизни, чтобы один русский мог по этому поводу упрекать другого»[2]. В непосредственной связи со своими сообщениями о происках Боркгейма Маркс писал, что Генеральный Совет должен решить, следовало ли исключать в Лионе из Интернационала некоего Ришара, который позднее действительно оказался предателем. Он прибавил, что не может поставить в упрек Ришару ничего, кроме его рабской привязанности к Бакунину и связанных с ней чрезмерных мудрствований. «Похоже, что наш,, последний циркуляр произвел большую сенсацию, и в Швейцарии, равно как и во Франции, началась травля бакунистов. Однако всему есть мера, и я позабочусь о том, чтобы не было несправедливостей»[3].

В резком противоречии с этими добрыми намерениями

[1] См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 295. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 298. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 296. — *Ред.*

стояло то «Конфиденциальное сообщение»[1], которое Маркс несколько недель спустя, 28 марта, направил через посредство Кугельмана брауншвейгскому комитету эйзенахцев. Сообщение это содержало в себе главным образом циркуляр Генерального Совета от 1 января, предназначенный только для Женевы и для Федеральных советов французского языка в Швейцарии, уже достигший своей практической цели и вызвавший даже «травлю» бакунинцев, которую осуждал Маркс. Нельзя понять, для чего Марксу понадобилось отправить в Германию этот циркуляр, несмотря на такое нежелательное последствие, тем более что в Германии вообще не было никаких последователей Бакунина.

И еще менее понятно то, что Маркс в своем «Конфиденциальном сообщении» снабдил циркуляр предисловием и заключением, которые могли гораздо больше, чем сам циркуляр, вызвать «травлю» Бакунина. Предисловие начиналось с горьких упреков по адресу Бакунина в том, что он сначала пытался пробраться в Лигу мира и свободы, в исполнительном комитете которой за ним, однако, постоянно зорко следили, как за «подозрительным русским». После того как он провалился в этой Лиге со своими программными нелепостями, он примкнул к Интернационалу, чтобы превратить его в орудие своих личных целей. Для этого он основал Альянс социалистической демократии, а затем, когда Генеральный Совет отказался признать его, он объявил его распущенным; однако фактически Альянс продолжал существовать под руководством Бакунина, который старался достигнуть своей цели другим путем: он добился включения в программу Базельского конгресса вопроса о наследовании, чтобы одержать теоретическую победу над Генеральным Советом и тем самым подготовить почву для перевода Генерального Совета в Женеву. Бакунин, по словам Маркса, организовал «форменную конспирацию», чтобы обеспечить себе большинство на Базельском конгрессе, но ему не удалось провести свои предложения, и Генеральный Совет остался в Лондоне. «Досада на эту неудачу, — а с успехом этого дела Бакунин, может быть, связывал всякие личные спекуляции», — проявилась в выпадах «Egalite» против Генерального Совета, на которые Генеральный Совет и ответил в своем циркуляре от 1 января.

Затем Маркс дословно воспроизводил циркуляр в своем «Конфиденциальном сообщении» и указывал, что еще до получения его в Женеве там наступил кризис, что романский Федеральный совет отнесся неодобрительно к выпадам «Egalite» против Генерального Совета и намерен подчинить газету строгому надзору и что после этого Бакунин отступил из Женевы в Тессин. «Вскоре умер *Герцен.* Бакунин, который с тех пор как

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 355—367. — *Ред.*

задумал пролезть в *руководители европейского рабочего* движения, отрекся от Герцена, своего старого друга и учителя, — тотчас же после его смерти принялся расхваливать его. Почему? Герцен, хотя был и сам богатым человеком, получал ежегодно на пропаганду 25000 франков от сочувствующей ему псевдосоциалистической панславистской партии в России. Благодаря своим хвалебным гимнам Бакунин *получил в свое распоряжение эти деньги,* а следовательно и «наследство Герцена», — несмотря на всю ненависть к институту наследования...»[1]. В то время в Женеве образовалась колония молодых русских эмигрантов, состоявшая из честно относящихся к своим убеждениям студентов. Борьба с панславизмом была главным пунктом их программы. Они, по словам Маркса, хотели войти в Интернационал как его ветвь и выставили пока своим представителем в Генеральном Совете Маркса; оба эти предложения были приняты. Вместе с тем они заявили, что в ближайшем будущем сорвут маску с Бакунина, так что скоро игра этого в высшей степени опасного интригана будет раскрыта — по крайней мере в рамках Интернационала. Этим заканчивалось «Конфиденциальное сообщение».

Излишне перечислять многочисленные неверные данные, которые оно содержало относительно Бакунина. Обвинения, выставленные Марксом против Бакунина, тем более неосновательны, чем более тяжелыми они представляются. Это прежде всего относится к подозрениям, что Бакунин охотился за наследством Герцена. В России никогда не существовало псевдосоциалистической панславистской партии, которая давала Герцену 25 тысяч франков в год на пропаганду. Крошечное зерно истины в этих россказнях сводилось к тому, что один молодой социалист, Бахметьев, основал в 50-х годах революционный фонд[2] в 20 тысяч франков, которым заведовал Герцен. Ничем не доказано, однако, что Бакунин проявлял какие-либо стремления положить этот фонд себе в карман. Менее всего об этом можно говорить на основании сердечной статьи Бакунина в «Marseillaise» («Марсельезе») Рошфора, посвященной памяти политического противника, бывшего его другом молодости. В крайнем случае его можно за эту статью упрекнуть в сентиментальности, но она-то, как и все вообще недостатки и слабости Бакунина, была прямой противоположностью тех свойств, которые вообще присущи «в высшей степени опасному интригану».

Уже из заключительных фраз «Конфиденциального сообщения» видно, что именно ввело в заблуждение Маркса. Все ложные сведения были сообщены ему комитетом русских эмигран-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. I, стр. 366. — *Ред.*

[2] О бахметьевском фонде см. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, 1920, т. XIV, стр. 414—419. — *Ред.*

тов в Женеве, иначе говоря, Утиным или через его посредство Беккером. По крайней мере из одного письма Маркса к Энгельсу можно предположить, что самое худшее подозрение против Бакунина — обвинение его в вымогательстве наследства Герцена — было порождено сведениями, доставленными Марксу Беккером. С этим, однако, никак не согласуется то, что Беккер в сохранившемся его письме от того времени к Юнгу хотя и жаловался на запутанность положения в Женеве, на ссоры между «fabrique» и «gros metiers», на «слабонервные обманчивые огоньки, как Робен, и на упрямые головы, как Бакунин», но в заключение хвалил последнего и говорил, что он «изменился к лучшему». Письма Беккера и русской эмигрантской колонии к Марксу не сохранились. В своем ответе, как официальном, так и частном, адресованном новой ветви Интернационала, Маркс счел более разумным не упомянуть ни словом о Бакунине. Как на главную задачу русской секции он указывал на содействие полякам, иначе говоря, советовал русским помочь освободить Европу от их собственного соседства. Он не без юмора принял предложение быть представителем молодой России и говорил, что человек никогда не знает, в какой странной компании он может оказаться[1].

Несмотря на эту шутливую форму речи, для Маркса было, видимо, большим удовлетворением, что Интернационал начал привлекать русских революционеров. Иначе непонятно, как он мог поверить подобным подозрениям против Бакунина, получив их от совершенно неизвестного ему Утина; ведь раньше, когда сведения шли от его старого друга Боркгейма, он отвергал их. По странной случайности в то же самое время Бакунин был введен в обман одним русским эмигрантом, в котором он увидел первую ласточку грядущей русской революции и даже впутался в авантюру, которая сделалась опаснее для его репутации, чем все другие приключения его бурной жизни.

Спустя несколько дней после того, как было написано «Конфиденциальное сообщение», 4 апреля, в Ла-шо-де-фон собрался второй ежегодный конгресс Романской федерации. Там дело дошло до открытого разрыва. Женевская секция Альянса, уже принятая Генеральным Советом в состав Интернационала, просила об ее принятии в Романскую федерацию и о разрешении обоим ее делегатам участвовать в работах конгресса. Этому воспротивился Утин, ожесточенно нападая на Бакунина. Он называл женевскую секцию Альянса орудием интриг Бакунина; но у него оказался очень решительный противник в лице Гильома. Последний был ограниченным фанатиком и впоследствии не меньше согрешил по отношению к Марксу, чем Утин по отношению к Бакунину; но все же он был по своему образованию и

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 310. — *Ред.*

способностям иным человеком, нежели его жалкий противник. Он остался победителем с большинством в 21 голос против 18. Меньшинство, однако, отказалось подчиниться воле большинства, и конгресс раскололся на две части. Таким образом вместо одного образовалось два конгресса; конгресс большинства постановил перенести место заседаний Федерального совета из *Женевы* в Ла-шо-де-фон и сделать органом федерации газету «Solidarité» («Солидарность»). Предполагалось, что ее будет издавать Гильом в Нойенбурге.

Меньшинство основывало свою обструкцию на том, что большинство-де на самом деле лишь случайное, так как в Ла-шо-де-фон представлены только пятнадцать секций, тогда как одна Женева насчитывает тридцать секций, и все или почти все не желают, чтобы секция Альянса входила в состав Романской федерации. Большинство, напротив, настаивало на том, что секция, принятая Генеральным Советом, не может быть отвергнута Федеральным советом. Старый Беккер доказывал в своем «Vorbote», что все эти распри совершенно вздорны по существу и вызваны отсутствием братских чувств с обеих сторон. Секция Альянса, которая в сущности рассчитана на теоретическую пропаганду, совершенно не нуждается в том, чтобы ее приняли в национальный союз, тем более что ее считают орудием интриг Бакунина, которого в Женеве давно уже недолюбливают. Но если все-таки она желает быть принятой в федерацию, то отказывать ей в этом или превращать вопрос об ее принятии в повод для раскола было бы мелочностью и ребячеством.

Однако дело обстояло не так просто, как думал Беккер. Решения, принятые двумя конгрессами, после раскола хотя и имели между собою много точек соприкосновения, но расходились в том основном вопросе, из-за которого, собственно, и возникли женевские осложнения. Конгресс большинства защищал точку зрения «gros metiers». Он отказывался от всякой политики, которая ставит себе целью социальное преобразование только путем национальных реформ, так как каждое политически организованное государство есть не что иное, как средство капиталистической эксплуатации на почве буржуазного права. Поэтому всякое участие пролетариата в буржуазной политике служит лишь к укреплению теперешней системы и парализует революционное действие пролетариата. В противовес этому конгресс меньшинства защищал точку зрения «fabrique»; он боролся против воздержания от политики, считая, что оно вредит рабочему движению, и рекомендовал участие в выборах не потому, что это приведет к освобождению рабочего класса, а потому, что парламентское представительство рабочих является хорошим средством для пропаганды и из тактических соображений не следует им пренебрегать.

Новый Федеральный совет в Ла-шо-де-фон требовал, чтобы Генеральный Совет признал его руководителем Романской федерации. Генеральный Совет, однако, не удовлетворил этого требования и 28 июня постановил, чтобы женевский Федеральный совет, за который стояло большинство женевских секций, сохранил свои прежние функции; новому же Федеральному совету предложено было принять какое-нибудь местное наименование. Этому решению, довольно справедливому и притом вызванному самим новым Федеральным советом, он не подчинился, а разразился жалобами на властолюбие и «авторитаризм» Генерального Совета, и вследствие этого к лозунгу о воздержании от политики присоединился второй лозунг — об оппозиции внутри Интернационала.

Генеральный Совет со своей стороны порвал всякую связь с Федеральным советом в Ла-шо-де-фон.

8
ИРЛАНДСКАЯ АМНИСТИЯ И ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛЕБИСЦИТ

Зима 1869/1870 г. была для Маркса снова периодом разных физических недомоганий, но с него по крайней мере сняты были вечные денежные заботы. 30 июня 1869 г. Энгельс освободился от своей «милой коммерции»[1] и еще за полгода до того запросил Маркса, достаточно ли ему будет 350 фунтов стерлингов в год для жизни. Энгельс хотел заключить соглашение со своим компаньоном о том, чтобы тот в течение пяти или шести лет выплачивал эту сумму Марксу. К какому они пришли в конце концов соглашению, из переписки двух друзей не Выясняется. Во всяком случае Энгельс вполне обеспечил экономическое положение Маркса не только на пять-шесть лет, но и до самой его смерти.

В политической области оба друга в то время много занимались ирландским вопросом. Энгельс подробно изучал историю этого вопроса, но, к сожалению, результаты его работ остались неизданными[2], а Маркс энергично настраивал Генеральный Совет в пользу ирландского движения, требовавшего амнистии фениев, осужденных без соблюдения законных форм и подвергавшихся позорному обращению в каторжной тюрьме. Генеральный Совет выразил свое преклонение перед твердостью и отвагой ирландского народа в этом движении и заклеймил политику Гладстона, который, несмотря на данное при выборах обещание амнистии, отказывался от нее или ставил условия, оскорбительные

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 206. — *Ред.*

[2] Незаконченная рукопись Энгельса «История Ирландии» и часть подготовительных работ к ней опубликованы в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, стр. 59—263. — *Ред.*

для жертв гнилого правительства и для ирландского народа. Генеральный Совет резко обрушился на премьер-министра, разоблачая его в том, что, несмотря на свой ответственный пост, он выражал восторженное одобрение мятежу американских рабовладельцев, а теперь проповедует английскому народу необходимость подчинения, и далее, что все его поведение в вопросе об ирландской амнистии есть подлинный плод той «завоевательной политики», которую он пламенно клеймил у своих противников — консерваторов, отстранив их этим от власти. Генеральный Совет, по словам Маркса в письме к Кугельману, столь же решительно напал на Гладстона, как прежде на Пальмерстона. «Здешние эмигранты-демагоги,— писал Маркс, — любят нападать на континентальных деспотов из безопасного далека. Для меня же это имеет лишь тогда свою прелесть, когда совершается перед лицом самого тирана»[1].

Особенную радость доставил Марксу большой успех его старшей дочери в этой ирландской кампании. Так как английская печать упорно замалчивала все гнусности обращения с заключенными в тюрьму фениями, то Женни Маркс под псевдонимом Уильямс, которым пользовался в 50-е годы ее отец, послала несколько статей в «Marseillaise» Рошфора[2]; в них она изображала яркими красками, как обращаются с политическими преступниками в свободной Англии. Этих разоблачений, появившихся в то время в самой, быть может, распространенной на континенте газете, Гладстон не выдержал: через несколько недель большинство заключенных фениев было освобождено и выехало в Америку.

«Marseillaise» завоевала себе европейскую славу тем, что направила самые смелые удары на трещавшую по всем швам империю. В самом начале 1870 г. Бонапарт сделал последнюю отчаянную попытку спасти свой покрытый кровью и грязью режим ценою уступок буржуазии, произведя в премьер-министры либерального болтуна Оливье. Последний выступил с так называемыми «реформами»; но кошка не может не ловить мышей даже будучи при смерти, и Бонапарт потребовал для этих «реформ» подлинно бонапартистского освящения плебисцитом. Оливье имел слабость подчиниться и даже рекомендовал префектам развить «бешеную» деятельность для успеха плебисцита. Но бонапартовская полиция понимала лучше, чем этот пустой болтун, как устраивать удачный плебисцит. Накануне подачи голосов она раскрыла мнимый заговор бомбистов, будто бы задуманный

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 227— 228. — *Ред.*

[2] Упоминаемые Мерингом статьи Женни Маркс по ирландскому вопросу опубликованы на русском языке; см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т, XIII, ч. I, стр. 412—429. — *Ред.*

членами Интернационала против жизни Бонапарта. Оливье из трусости спрятался за спину полиции, в особенности поскольку дело касалось рабочих. По всей Франции были произведены обыски и аресты среди тех «руководителей» Интернационала, которые были известны.

3 мая Генеральный Совет поспешил выступить с протестом против этого шулерства и заявил следующее: «Но в то же время этот устав обязывает все секции нашего Товарищества действовать открыто. Если бы даже в уставе не было об этом ясного указания, то, во всяком случае, самая сущность пролетарского Товарищества несовместима с какими-либо формами тайного общества. Если конспирирует рабочий класс, составляющий огромное большинство каждой нации и создающий все богатства, — класс, представителем которого называет себя всякое, даже узурпаторское правительство, — то он конспирирует открыто, как солнце против мрака, — в полном сознании, что помимо него не может существовать никакой законной власти...

Преследования, которым подвергаются наши французские секции, очевидно, представляют собой не что иное как маневры, связанные с политикой плебисцита»[1]. Так на самом деле и было, но это низкое средство еще раз достигло своей низкой цели: «либеральная империя» была санкционирована большинством семи миллионов голосов против полутора миллионов.

Однако после этого выдумка с заговором бомбистов окончилась ничем. Когда полиция раструбила, будто бы она нашла у членов Интернационала шифрованный словарь, в котором не могла разобрать ничего, кроме отдельных имен, как Наполеон, и отдельных химических выражений, как нитроглицерин, то это было слишком очевидным вздором, чтобы выступить с ним даже перед бонапартовскими судьями. Обвинение поэтому свелось к тому же, в чем французские члены Интернационала уже дважды обвинялись и привлекались к ответственности: участие в тайных или неразрешенных обществах.

После блестящей зашиты, которую на этот раз вел медник Шален[2], впоследствии член Парижской Коммуны, 9 июля последовал ряд осуждений, причем наивысшими наказаниями были заключение на год в тюрьму и лишение на тот же срок прав чести. Но одновременно с этим во Франции разразилась буря, которая смела Вторую империю с лица земли.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс, Соч.,* т. XIII, ч. I, стр. 378—379. — *Ред.*

[2] В немецком издании вместо Шален (Chalain) ошибочно напечатано Шатен (Chatain). — *Ред.*

Глава четырнадцатая

ПАДЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1
ДО СЕДАНА

Об отношении Маркса и Энгельса к войне писали много, хотя по существу сказать об этом можно лишь весьма немногое. В войне они видели установление не божественного порядка, как Мольтке, а, наоборот, — дьявольского порядка, явление, неразрывно сопутствующее классовому и в особенности капиталистическому строю общества.

Будучи крупнейшими историками, они, естественно, не стояли на совершенно неисторической точке зрения, что война-де есть война и всякую войну следует рассматривать с одинаковой точки зрения. Для них каждая война имела свои определенные предпосылки и следствия, от которых зависело отношение рабочего класса к данной войне. Таково же было и воззрение Лассаля, с которым они спорили в 1859 г. о действительных условиях тогдашней войны. Для всех троих, однако, решающее значение имел вопрос, как лучше всего использовать эту войну для борьбы за освобождение пролетариата.

Этой же точкой зрения определялось и их отношение к войне 1866 г. После того как германской революции 1848 г. не удалось создать национальное единство, прусское правительство старалось использовать для себя немецкое объединительное движение, снова проснувшееся благодаря экономическому развитию Германии, и вместо единой Германии создать, как выразился старый император Вильгельм, расширенную Пруссию, Маркс и Энгельс, Лассаль и Швейцер, Либкнехт и Бебель — все были вполне согласны в том, что германское единство, нужное германскому пролетариату как предварительная ступень в его борьбе за освобождение, может быть достигнуто только путем национальной революции. Они поэтому самым решительным образом боролись против всяких династически-сепаратистских стремлений великопрусской политики. Но после решительной победы при Кёниггреце они, рано или поздно, в зависимости от понимания

ими «действительного положения вещей», должны были вкусить от этого кислого яблока. Тогда уже выяснилось, что национальная революция ввиду трусости буржуазии и слабости пролетариата невозможна и что спаянная «кровью и железом» великая Пруссия открывает более благоприятные перспективы для классовой борьбы пролетариата, чем восстановление, к тому же, конечно, невозможное, немецкого Союзного сейма с его жалким захолустным хозяйничаньем. Именно такой вывод сделали Маркс и Энгельс, а также Швейцер в качестве преемника Лассаля.

Они считались с Северогерманским союзом — при всей его искалеченной и хилой организации, — как с фактом действительности, ничуть не желанным, а тем более не вызывающим восторга, но все же создающим для немецкого рабочего класса более твердую основу, чем отвратительное хозяйничанье Союзного сейма. Либкнехт и Бебель, наоборот, держались еще великонемецкого революционного воззрения и после 1866 г. направляли неустанные усилия на разрушение Северогерманского союза.

Решение, принятое Марксом и Энгельсом в 1866 г., в известной степени предопределяло их отношение к войне 1870 г. Они никогда прямо не высказывались ни относительно непосредственных поводов, вызвавших эту войну, ни относительно выдвинутой Бисмарком против Бонапарта кандидатуры Гогенцоллернского принца на испанский престол, ни относительно задуманного Бонапартом против Бисмарка франко-итало-австрийского военного союза. Ни о том, ни о другом, ни о третьем нельзя было составить себе верного суждения по имевшимся тогда данным. Но, поскольку бонапартовская военная политика была направлена против национального единства Германии, Маркс и Энгельс признавали, что Германия находится в состоянии обороны.

Это воззрение Маркс подробно обосновал в составленном им воззвании, изданном Генеральным Советом Интернационала 23 июля. Он называл в нем военный заговор 1870 г. «исправленным изданием государственного переворота в декабре 1851 года»[1], поговорил, что это — похоронный звон по Второй империи и что она кончится, чем началась, — пародией. Но не надо забывать, писал он, что именно правительства и господствующие классы дали возможность Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс реставрированной империи. Если война является оборонительной с немецкой стороны, то кто поставил Германию перед необходимостью обороняться, кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? Пруссия. Бисмарк до Кёниггреца конспирировал с этим самым Бонапартом, а после Кёниггреца не только не

[1] См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 446. — *Ред.*

противопоставил порабощенной Франции свободную Германию, но и привил в Германии к исконным прелестям своей старой системы все уловки Второй империи; в результате бонапартовский режим процветал на обоих берегах Рейна. К чему другому это могло привести, как не к войне? «Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, — тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны. Все те несчастья, которые постигли Германию после так называемой освободительной войны, обрушатся на нее снова с еще большей жестокостью»[1]. Воззвание указывало на демонстрации немецких и французских рабочих против войны, позволяющие не опасаться столь печальных результатов. Оно также подчеркивало, что на заднем плане этой самоубийственной борьбы виднеется зловещая фигура России. Все симпатии, на которые по праву могут рассчитывать немцы в оборонительной войне против бонапартистского нападения, будут немедленно потеряны, если они позволят прусскому правительству призвать на помощь казаков или принять их помощь.

За два дня до выхода этого воззвания, 21 июля, Северогерманский рейхстаг ассигновал 120 миллионов талеров на военные кредиты. Парламентские представители лассальянцев согласно принятой ими в 1866 г. политике голосовали за кредиты. В противовес этому Либкнехт и Бебель, парламентские представители эйзенахцев, воздержались от голосования. Голосуя за кредиты, они бы выразили вотум доверия прусскому правительству, подготовившему своими действиями в 1866 г. настоящую войну; с другой стороны, голосование против кредитов могло быть оценено как одобрение гнусной и преступной политики Бонапарта. Так они мотивировали свою политику. Либкнехт и Бебель смотрели на войну преимущественно с моральной точки зрения, вполне соответствовавшей взглядам, высказанным позднее Либкнехтом в его статье об эмской депеше[2], и Бебелем — в его воспоминаниях.

Но этим они вступили в решительный конфликт со своей собственной фракцией и особенно с ее руководителями в лице брауншвейгского комитета. В действительности воздержание от голосования было со стороны Либкнехта и Бебеля не практиче-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 448. — *Ред.*

[2] Меринг имеет в виду статью В. Либкнехта «Эмская депеша или как делаются войны», в которой В. Либкнехт поставил под сомнение точность передачи Бисмарком содержания телеграммы Вильгельма I из Эмса о результатах его переговоров с французским послом. Действительно фальсифицированная Бисмарком телеграмма («эмская депеша») послужила поводом для начала франко-прусской войны 1870—1871 гг. — *Ред.*

ской политикой, а манифестацией морального характера: как бы ни была справедлива эта демонстрация по существу, она не соответствовала политическим требованиям момента. В частной жизни вполне возможно и в некоторых случаях достаточно сказать двум спорящим: вы оба неправы, и я не вмешиваюсь в вашу ссору. Но это неприменимо к государственной жизни, в которой народы расплачиваются за споры королей. Практические последствия невозможности такого нейтралитета проявились в той отнюдь не ясной и последовательной позиции, которую занял лейпцигский «Volksstaat» («Народное государство») — орган эйзенахцев — в первые недели войны. Это еще более обострило конфликт между редакцией, т. е. Либкнехтом, и брауншвейгским комитетом, который со своей стороны обратился за содействием и советом к Марксу.

Маркс еще в самом начале войны, 20 июля, следовательно, до воздержания Либкнехта и Бебеля от голосования, резко раскритиковал в письме к Энгельсу «республиканских шовинистов» во Франции и писал далее: «Французы нуждаются в колотушках. Если победят пруссаки, то централизация государственной власти будет полезна для централизации немецкого рабочего класса. Перевес немцев перенесет, далее, центр тяжести западноевропейского рабочего движения из Франции в Германию. А достаточно только сравнить движение с 1866 г. до нынешнего дня в обеих странах, чтобы видеть, что германский рабочий класс теоретически и организационно превосходит французский. Его перевес на мировой сцене над французским будет вместе с тем перевесом *нашей* теории над теорией Прудона и т. д.»[1]. Когда Маркс получил запрос брауншвейгского комитета, он, как всегда по важным вопросам, обратился к Энгельсу за советом, и Энгельс, как и в 1866 г., определил в деталях их общую тактику.

В своем ответном письме от 15 августа Энгельс писал: «Мне кажется, что дело обстоит следующим образом: Германия втянута Баденгэ[2] в войну за ее национальное существование. Если она окажется побежденной Баденгэ, то бонапартизм укрепится на многие годы, а Германии на многие годы, — может быть, на целые поколения, — конец. О самостоятельном немецком рабочем движении в таком случае не будет и речи, борьба за восстановление национального бытия будет поглощать все силы, и в лучшем случае германские рабочие будут тащиться на буксире французских. Если Германия победит, то с французским бонапартизмом будет во всяком случае покончено,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 355. — *Ред.*
[2] Прозвище Наполеона III. — *Ред.*

вечные раздоры из-за создания германского единства, наконец, прекратятся, германские рабочие смогут организоваться в совершенно ином национальном масштабе, чем до сих пор, а французские, какое бы там ни создалось правительство, будут несомненно иметь более свободное поле деятельности, чем при бонапартизме. Вся масса немецкого народа всех классов поняла, что в первую очередь дело идет именно о национальном существовании, и потому сразу заявила о поддержке. Мне представляется невозможным, чтобы при таких обстоятельствах какая-либо немецкая политическая партия проповедовала на манер Вильгельма полную обструкцию и выдвигала всякого рода побочные соображения взамен главного»[1].

Энгельс столь же резко, как и Маркс, осуждал французский шовинизм, который проявлялся во всех кругах французского общества, вплоть до республиканских. «Баденгэ не смог бы вести этой войны без шовинизма массы французского населения: буржуа, мелких буржуа, крестьян и созданного Бонапартом в крупных городах империалистически настроенного, османовского[2] строительного пролетариата, вышедшего из крестьянства. До тех пор, пока этому шовинизму не будет нанесен удар и крепкий удар, — мир между Германией и Францией невозможен. Можно было ожидать, что это сделает пролетарская революция; но после того как началась война, немцам не остается ничего другого, как сделать это самим и немедленно»[3].

Энгельс говорит также о «побочных соображениях», а именно о том, что диктаторствовать в войне будет Бисмарк и компания и удачный результат увенчает Бисмарка кратковременной славой. В этом виновата жалкая немецкая буржуазия. Это, конечно, весьма противно, но тут ничего не поделаешь. «Однако было бы абсурдом делать по этой причине единственным руководящим принципом антибисмаркизм. Во-первых, Бисмарк и теперь, как и в 1866 г., выполняет кусочек нашей работы; он это делает *по-своему* и сам того не желая, но он это делает. Он создает больше простора для нашей деятельности... И затем, сейчас не 1815 год. Южные немцы теперь неизбежно войдут в рейхстаг, и тем самым будет создан противовес пруссачеству... Вообще глупо, подобно Либкнехту, желать переделать всю историю с 1866 г., потому что она ему не нравится. Но мы ведь знаем наших образцовых южных немцев»[4].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 242. — *Ред.*

[2] По имени Османа, префекта департамента Сены при Наполеоне III, перестраивавшего Париж в целях облегчения борьбы с восстаниями рабочих. — *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 242— 243. — *Ред.*

[4] Там же, стр. 243. — *Ред.*

Энгельс еще раз возвращается в своем письме к политике Либкнехта. «Забавно утверждение Вильгельма, что так как Бисмарк бывший сообщник Баденгэ, то правильная точка зрения — сохранять нейтралитет. Если бы таково было в Германии общее мнение, то скоро мы снова получили бы Рейнский союз, и благородный Вильгельм увидел бы, какую роль ему пришлось бы играть в нем и что стало бы с рабочим движением. Народ, получающий постоянно пинки и удары, — это, конечно, и есть настоящий народ, призванный совершить социальную революцию, и притом в излюбленных Вильгельмом бесчисленных мелких государствах...[1] Вильгельм очевидно рассчитывал на победу Бонапарта, лишь бы Бисмарк таким образом сломил себе голову. Ты помнишь, как он постоянно пугал его французами. Ты, понятно, тоже *на стороне Вильгельма*»[2]. Последняя фраза, конечно, была сказана в ироническом смысле; Либкнехт ссылался именно на то, что Маркс был согласен с воздержанием его и Бебеля от голосования по вопросу о военных кредитах.

Маркс признавал, что он одобрил «заявление» Либкнехта. Но это было лишь в тот «момент», когда акт чисто принципиального характера свидетельствовал о проявлении большого мужества; отсюда, однако, не следует, что эта тактика актуальна еще и ныне и еще менее, что отношение немецкого пролетариата к войне, принявшей характер национальной войны, должно определяться антипатией Либкнехта к Пруссии. Маркс с полным основанием говорил о «заявлении», а не о воздержании от голосования как таковом. В то время как лассальянцы голосовали за военные кредиты в едином хоре с буржуазным большинством, никак не выявляя своей социалистической позиции, Либкнехт и Бебель «мотивировали» свое воздержание от голосования. Они, однако, не только мотивировали это свое решение, но «в качестве социалистов-республиканцев и членов Интернационала, который борется со всеми угнетателями без различия национальностей и стремится собрать в братский союз всех угнетаемых», они присоединили к нему принципиальный протест против этой, как и всякой, династической войны. Они высказали надежду, что народы Европы, наученные теперешними роковыми событиями, приложат все старания к тому, чтобы завоевать себе право на самоопределение и устранить теперешнее сабельное и классовое господство — причину всех государственных и общественных бедствий. В этом «заявлении» впервые широко и свободно было развернуто знамя

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 243— 244. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 382—383. — *Ред.*

Интернационала в европейском парламенте, и притом по вопросу всемирного значения. Это, конечно, доставило Марксу большое удовлетворение.

Что его «одобрение» имело именно такой смысл, явствует уже из выражений, которые он употребляет. Воздержание от голосования не было «чисто принципиальным поступком», а скорее компромиссом. Сначала Либкнехт хотел прямо голосовать против кредитов; потом только он поддался уговорам Бебеля и воздержался от голосования. Далее, воздержание от голосования связывало Либкнехта и Бебеля не на «один только момент», как это действительно доказывал каждый номер «Volksstaat». Наконец, это воздержание не являлось «актом мужества» в том смысле, что заключало уже в самом себе свое оправдание. Если бы Маркс имел в виду мужество такого рода, он бы с еще большей похвалой говорил о храбрости Тьера, энергично выступившего против войны во французской палате, хотя мамелюки империи обрушились на него с дикой бранью, или о буржуазных демократах вроде Фавра и Греви, которые не воздержались от голосования за военные кредиты, а голосовали прямо против них, хотя патриотический шум в Париже был по меньшей мере так же опасен, как и в Берлине.

Выводы, которые сделал Энгельс для политики немецких рабочих из своих взглядов на положение дел, сводились к следующему: примкнуть к национальному движению нужно постольку и до тех пор, пока оно будет ограничиваться защитой Германии (что не исключает необходимого по обстоятельствам наступления до заключения мира); при этом следует подчеркивать различие между германско-национальными и династическо-прусскими интересами; нужно противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии; как только в Париже создастся республиканское, нешовинистическое правительство, следует содействовать заключению почетного мира; нужно постоянно выдвигать единство интересов германских и французских рабочих, ибо не они вели эту войну, а наоборот — они ее осуждали.

Со всем этим Маркс вполне согласился и послал свое заключение, составленное в этом смысле, брауншвейгскому комитету.

2
ПОСЛЕ СЕДАНА

Но, еще прежде чем комитет успел практически использовать указания, присланные ему из Лондона, положение вещей совершенно изменилось. Произошла битва при Седане, император был взят в плен, империя рушилась, и в Париже образовалась буржуазная республика. Во главе ее стали бывшие депу-

таты французской столицы, провозгласившие себя «правительством национальной обороны».

Со стороны немцев оборонительная война уже закончилась. Прусский король в качестве верховного руководителя Северогерманского союза неоднократно торжественно заявлял, что воюет не с французским народом, а с правительством французского императора. С другой стороны, новые власти в Париже заявили, что готовы уплатить любую возможную для них сумму денег в качестве репарации за убытки, причиненные войной. Но Бисмарк требовал территориальных уступок. Он продолжал войну с целью завоевания Эльзаса и Лотарингии и тем самым превращал в насмешку идею немецкой оборонительной войны.

Следуя в этом отношении примеру Бонапарта, он пошел по его следам также в устройстве своего рода плебисцита, который бы освободил прусского короля от его торжественных обещаний. Всякого рода «знать» обратилась уже накануне Седана «с массовыми петициями» к королю, требуя «защищенных границ». «Единодушное желание немецкого народа» произвело на старого берлинского хозяина такое впечатление, что уже 6 сентября он писал домой: «Если владетельные князья воспротивятся этому настроению, то рискуют своими тронами». А 14 сентября полуофициальная газета «Provinzial-Correspondenz» («Провинциальная корреспонденция») признала «глупым» предположение, что верховный глава Северогерманского союза будет считать себя связанным своими собственными явно и свободно выраженными обещаниями.

Для того чтобы «единодушное желание немецкого народа» предстало в совершенно чистом виде, всякого рода возражения подавлялись насильственными мерами. 5 сентября Брауншвейгский комитет издал воззвание, в котором призывал рабочий класс к публичным выступлениям за почетный мир с французской республикой и против аннексии Эльзас-Лотарингии. В это воззвание дословно вошли отрывки из письма, посланного комитету Марксом. 9 сентября подписавшие воззвание были арестованы военными властями и отправлены в цепях в Летценскую крепость. Туда же в качестве гражданского заключенного был направлен и Иоганн Якоби за то, что на собрании в Кенигсберге он также выступил против аннексии частей французской земли и произнес еретические слова: «Еще несколько дней тому назад, — говорил он, — мы вели оборонительную войну, священную борьбу за наше дорогое отечество; сегодня же идет завоевательная война, борьба за господство германской расы в Европе». Целая масса конфискаций и запрещений, обысков и арестов дополнили режим военного террора, который охранял от всяких сомнений «единодушное желание немецкого народа».

В тот самый день, когда были арестованы члены брауншвейгского комитета, Генеральный Совет Интернационала выступил со вторым воззванием, также составленным Марксом и отчасти Энгельсом, чтобы осветить новое положение вещей. Он с полным основанием ссылался на быстроту, с которой сбылось его предсказание о том, что настоящая война будет погребальным звоном по Второй империи. Но вместе с тем быстро оправдались и его сомнения в том, что война сохранит со стороны немцев оборонительный характер. Прусская военная камарилья решилась на завоевания. Но как она освободила прусского короля от принятого им обязательства вести оборонительную войну? «Режиссеры всей этой комедии должны были представить дело так, как будто он против своей воли подчиняется неотступным требованиям немецкого народа; для этого они сейчас же подали сигнал немецкой либеральной буржуазии с ее профессорами и капиталистами, с ее депутатами и журналистами. Эта буржуазия, которая в своей борьбе за гражданскую свободу с 1846 по 1870 г. выказала невиданную нерешительность, неспособность и трусость, была, конечно, в восторге от той роли рыкающего Льва немецкого патриотизма, в которой она должна была выступить на европейской сцене. Она надела на себя маску гражданской независимости, чтобы прикинуться, будто она принуждает прусское правительство выполнить — что? — тайные планы самого же правительства. Она раскаивалась в своей долголетней и почти религиозной вере в непогрешимость Луи Бонапарта и поэтому громко требовала раздробления французской республики»[1].

Затем воззвание разбирало те «благовидные доводы», которые пустили в ход «эти рыцари патриотизма» в пользу аннексии Эльзас-Лотарингии. Они, конечно, не осмеливаются утверждать, что эльзас-лотарингцы тоскуют по немецким объятиям, но утверждают, что территория этих провинций некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. «Если восстанавливать старую карту Европы, согласно капризам любителей старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский состоял в качестве прусского владетельного князя вассалом польской республики»[2].

Но больше всего «многие неразумные люди» были сбиты с толку тем, что «изворотливые патриоты» требовали Эльзас-Лотарингию как «материальную гарантию» против французских нападений. В военно-научном обзоре, составленном Энгельсом, воззвание доказывало, что Германия совершенно не нуждается

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 451. — *Ред.*
[2] Там же. — *Ред.*

в укреплении своих границ против Франции, как это подтверждается опытом настоящей войны. «Если последняя кампания что-нибудь доказала, то именно легкость вторжения во Францию из Германии»[1]. Но разве не является вообще нелепостью и анахронизмом возводить военные соображения в принцип, согласно которому должны определяться национальные границы? «Если следовать этому правилу, то Австрия все еще могла бы предъявлять претензию на Венецию, на линию реки Минчио, а Франция — на линию Рейна для защиты Парижа, который безусловно больше подвержен опасности нападения с северо-востока, чем Берлин с юго-запада. Если границы должны определяться военными интересами, то претензиям не будет конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых примыкающих к ней областей; более того, эти границы никогда не смогут быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктует условия побежденному, и тут, следовательно, уже имеется зародыш новых войн»[2].

Воззвание напоминало о тех «материальных гарантиях», которые получил Наполеон по Тильзитскому миру[3]. И все же несколько лет спустя его гигантское могущество пало перед немецким народом, как подгнивший тростник. «Но могут ли сравниться «материальные гарантии», которых Пруссия в самых диких мечтах своих надеется добиться от Франции, с теми, которые заполучил Наполеон I от самой Германии? Результаты и на этот раз будут не менее гибельны»[4].

Но защитники немецкого патриотизма говорили, что нельзя смешивать немцев с французами: немцы хотят не славы, а безопасности; они по существу миролюбивый народ. «Не Германия в 1792 г. вторглась во Францию с возвышенной целью раздавить революцию XVIII века при помощи штыков! И не Германия запятнала себя при порабощении Италии, при подавлении Венгрии и при разделе Польши! Ее нынешняя милитаристская система, благодаря которой все здоровое мужское население делится на две части — постоянную армию на службе и вторую постоянную армию в запасе, причем обе обречены на беспрекословное подчинение своему, божьей милостью, начальству, — эта система является, конечно, «материальной гарантией» мира и, кроме того, высшей целью цивилизации! В Германии, как и везде, прихвостни

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 452. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 453. — *Ред.*
[3] Имеется в виду Тильзитский мирный договор между Францией и Пруссией от 9 июля 1807 г. — *Ред.*
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I. 1955, стр. 453. — *Ред.*

власть имущих отравляют общественное мнение фимиамом лживого самохвальства.

Их, этих немецких патриотов, очень раздражают французские крепости Мец и Страсбург, но они не видят ничего несправедливого в обширной системе русских укреплений Варшавы, Модлина и Ивангорода. Содрогаясь перед ужасами бонапартистских нападений, они закрывают глаза на весь позор царской опеки»[1].

В связи с этим воззвание доказывало, что аннексия Эльзас-Лотарингии бросит французскую республику в объятия царизма. Неужели тевтонские патриоты действительно думают, что этим будут обеспечены свобода и мир для Германии? «Если военное счастье, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться *явным* орудием русской завоевательной политики, либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой «оборонительной» войне, но не к одной из тех вновь изобретенных «локализованных» войн, а к *войне расовой,* к войне против объединенных славянской и романской рас»[2].

Немецкий рабочий класс, не будучи в состоянии помешать войне, энергично поддерживал ее как войну за независимость Германии и за освобождение Европы от гнетущего кошмара Второй империи. «Немецкие промышленные рабочие вместе с сельскими рабочими составляли ядро геройских войск, тогда как дома оставались их полуголодные семьи»[3]. Их ряды, поредевшие в битвах за границей, поредеют еще более от нищеты у себя на родине. И теперь они в свою очередь требуют гарантий в том, что их огромные жертвы не были напрасны, что они действительно завоевали свободу, что их победы над армиями Бонапарта не будут превращены в поражение народа, как это было в 1815 г. В качестве первой из этих гарантий они требуют «почетного для Франции мира» и «признания французской республики». Воззвание указывало на манифест брауншвейгского комитета. К несчастью, не приходится рассчитывать на непосредственный успех немецких рабочих. Но история покажет, что немецкие рабочие сделаны не из такого дряблого материала, как немецкая буржуазия. Они исполнят свой долг.

Затем воззвание переходило к характеристике нового положения дел во Франции. Республика не ниспровергла трон, а лишь заняла оставленное им пустое место. Она была провозглашена

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 453—454. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 454.— *Ред.*
[3] Там же, стр. 455. — *Ред.*

не как социальное завоевание, а как мера национальной обороны. Она находится в руках временного правительства, составленного частью из заведомых орлеанистов[1], частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое позорное клеймо. Распределение функций между членами этого правительства обещает мало хорошего. Орлеанисты заняли наиболее сильные позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили посты для упражнений в болтовне. Некоторые из первых действий этого правительства достаточно ясно доказывают, что оно унаследовало от империи не только груду развалин, но и ее страх перед рабочим классом.

«Таким образом, французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но они не должны позволить увлечь себя национальными *традициями* 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными *традициями* первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение пролетариата. От их силы и мудрости зависит судьба республики»[2].

Это воззвание встретило живой отклик среди французских рабочих. Они отказались от борьбы против временного правительства и выполнили свой гражданский долг. В особенности так действовал парижский пролетариат, который создал вооруженную Национальную гвардию и принял очень видное участие в мужественной защите французской столицы, не ослепляясь в то же время национальными воспоминаниями 1792 г., а усиленно работая над своей классовой организацией. В не меньшей степени оказались на высоте и германские рабочие. Несмотря на все угрозы и преследования, лассальянцы и эйзенахцы требовали почетного мира с республикой. Когда в декабре снова собрался Северогерманский рейхстаг, чтобы голосовать за новые военные кредиты, парламентские представители обеих фракций отказали в них государству наотрез. Либкнехт и Бебель в особенности вели эту борьбу с таким пламенным рвением и с такой вызывающей смелостью, что

[1] *Орлеанисты* — сторонники восстановления во Франции королевской власти Орлеанов, младшей ветви династии Бурбонов. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 456. — *Ред.*

именно вследствие этого, а не потому, как гласит широко распространенная легенда, что они воздержались от голосования в июле, слава этих дней связана прежде всего с их именами. Когда закончились заседания рейхстага, они были арестованы по обвинению в государственной измене.

Маркс был в эту зиму снова перегружен чрезмерной работой. В августе врачи отправили его на морские купанья, но там его «скрутила» сильная простуда, и он вернулся в Лондон только в самом конце августа, еще не вполне восстановив свое здоровье. Тем не менее ему пришлось взять на себя почти всю международную корреспонденцию Генерального Совета, так как наибольшая часть его заграничных корреспондентов уехала в Париж. 14 сентября он жаловался своему другу Кугельману, что никогда не ложится спать раньше трех часов ночи. Он надеялся, однако, на облегчение, по крайней мере в будущем, ввиду того что Энгельс как раз в эти дни на длительное время переселился в Лондон.

Маркс, несомненно, рассчитывал на победоносную борьбу французской республики против прусской завоевательной войны. Положение, создавшееся в Германии, преисполнило Маркса величайшей горечью. Оно дало повод даже вождю ультрамонтано-вельфской партии Виндхорсту очень зло сострить, что если Бисмарку непременно нужны аннексии, то пусть он лучше захватывает Кайенну[1]*:* это наиболее подходящее приобретение для его государственного искусства. 13 декабря Маркс писал Кугельману: «По-видимому, не только Бонапарт, его генералы и его армия захвачены в плен Германией, но вместе с ним и весь империализм со всеми его пороками акклиматизирован в стране дубов и лип»[2]. В этом письме он с явным удовлетворением отмечал, что общественное мнение в Англии, крайне сочувственное Пруссии в начале войны, теперь решительно изменилось в противоположную сторону. Помимо открытых симпатий народных масс к республике и других обстоятельств, всеобщее негодование вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников и тому подобные повторения Тридцатилетней войны. Конечно, англичане поступали точно так же в Индии, на Ямайке и т. д., но французы — не индусы, не китайцы и не негры, а пруссаки — не ««рожденные небом англичане»! Это чисто гогенцоллернская идея, будто народ совершает преступление, продолжая защищаться сам, когда все его постоянное войско уничтожено»[3]. Той же идеей страдал уже

[1] *Кайенна* — административный центр Французской Гвианы, колонии Франции в Южной Америке. В Кайенне находились французские каторжные тюрьмы. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 251. — *Ред.*

[3] Там же, стр. 252. — *Ред.*

Фридрих Вильгельм III в прусской народной войне против Наполеона первого.

Угрозу Бисмарка бомбардировать Париж Маркс называл «пустой уловкой». «Серьезного впечатления на Париж она, судя по всем правилам теории вероятности, произвести не может. Разрушат несколько внешних укреплений, пробьют брешь, какой будет толк от этого, если число осажденных больше числа осаждающих?..

Единственным верным средством является принудить Париж к сдаче голодом»[1]. Какая картина здесь попутно нарисована! Маркс, этот «лишенный отчизны человек», отрицавший за собою право на какие-либо самостоятельные научно-военные суждения, характеризовал угрозу Бисмарка бомбардировать Париж как «пустую уловку» на тех же основаниях, по которым все видные генералы германской армии, за исключением одного только Роона, осуждали эту «выходку, достойную лишь прапорщика», в ожесточенных, длившихся неделями спорах за кулисами германской главной квартиры. А патриотические профессора и сотрудники бисмарковских официозов обрушивались с нравственным негодованием на прусскую королеву и на прусскую наследную принцессу за то, что они из сентиментальных или даже изменнических соображений якобы мешали своим мужьям, этим храбрым «шляпам», бомбардировать Париж.

Когда Бисмарк к тому же стал упражняться в высокопарной фразеологии на тему о том, что французское правительство препятствует свободному выражению мнений в печати и через депутатов, Маркс в газете «Daily News» («Ежедневные новости») от 16 января 1871 г. высмеял эту «берлинскую шутку» едким изображением того полицейского разгула, который свирепствовал в Германии. Он закончил свое описание следующими словами: «Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы...»[2], и ее дело, к счастью, может считаться далеко не безнадежным. Эта фраза вполне определяет отношение Маркса и Энгельса к франко-германской войне после Седана.

3
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

28 января Париж капитулировал. В договоре относительно капитуляции, заключенном Бисмарком и Жюлем Фавром, было определенно сказано, что парижской Национальной гвардии предоставляется сохранить свое оружие.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 253. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 256. — *Ред.*

Выборы в Национальное собрание дали монархо-реакционное большинство, которое избрало президентом республики старого интригана Тьера. Его первой заботой после принятия Национальным собранием предварительных условий мирного договора — отторжение Эльзас-Лотарингии и уплата контрибуции в пять миллиардов — было обезоружение Парижа. Ведь для этого истого буржуа и для поместных юнкеров Национального собрания вооруженный Париж означал не что иное, как революцию.

18 марта Тьер попытался прежде всего похитить пушки у парижской Национальной гвардии под наглым и лживым предлогом, будто они являются государственной собственностью; на самом же деле они были изготовлены во время осады на средства Национальной гвардии и признаны ее собственностью даже в договоре о капитуляции от 28 января. Но Национальная гвардия оказала сопротивление, а войска, посланные для выполнения грабежа, перешли на ее сторону. Это и было началом гражданской войны. 26 марта Париж избрал свою Коммуну, история которой столь же богата эпизодами геройской борьбы и страданий парижских рабочих, как трусливой жестокостью и коварством версальских партий порядка.

Излишне говорить о том, с каким горячим участием Маркс следил за развитием этих событий. 12 апреля он писал Кугельману: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма!»[1]. Если парижане потерпят поражение, то это будет результатом их «великодушия». Им следовало идти на Версаль немедленно после того, как войска и реакционная часть Национальной гвардии очистили поле сражения. Но парижане из чрезмерной совестливости не хотели начать гражданскую войну, как будто эта война не была уже начата зловредным выродком Тьером, когда он пытался разоружить Национальную гвардию. Но даже если оно потерпит поражение, парижское восстание останется самым славным подвигом нашей партии со времени июньской революции. «Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства»[2].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 263. — *Ред.*
[2] Там же. — *Ред.*

Когда Маркс говорил о парижском восстании, как о деле «нашей партии», то это было верно и в общем смысле, потому что парижский рабочий класс был опорой движения и, в частности, потому что парижские члены Интернационала принадлежали к самым сознательным и самым храбрым борцам Коммуны, хотя и составляли лишь меньшинство в ее Совете. Но Интернационал уже был таким всеобщим пугалом, он служил для господствующих классов таким козлом отпущения за все неприятные события, что и парижское восстание приписывалось его дьявольскому подстрекательству. Странным образом один орган парижской полицейской прессы снимал с «великого вождя» Интернационала обвинение в участии в восстании: 19 марта он опубликовал подложное письмо, в котором Маркс будто бы выражал порицание парижским секциям за то, что они слишком много занимаются политическими вопросами и недостаточно — вопросами социальными. Маркс в «Times» вскоре разоблачил это письмо как «наглую подделку».

Никто лучше Маркса не сознавал, что Парижская Коммуна не была «делом рук» Интернационала, но он всегда считал ее плотью от его плоти и кровью от его крови. Конечно, только в духе программы и устава Интернационала, согласно которым всякое рабочее движение, стремящееся к освобождению пролетариата, входит в него как составная часть. Ни бланкистское большинство Совета Коммуны, ни даже его меньшинство, которое хотя и примыкало к Интернационалу, но вращалось главным образом в кругу идей Прудона, Маркс не мог причислить к своим близким единомышленникам. Все же с членами этого меньшинства Маркс сохранял духовную близость во время Коммуны, поскольку это было возможно при тогдашних обстоятельствах; к сожалению, однако, сохранились лишь очень слабые следы его общения с ними.

На одно несохранившееся письмо Маркса делегат департамента общественных работ Лео Франкель 25 апреля ответил, между прочим, следующее: «Я был бы очень рад, если бы Вы согласились как-нибудь помочь мне советом, ибо я теперь, можно сказать, один и несу ответственность за все реформы, которые я хочу провести в департаменте общественных работ. Уже из нескольких строк Вашего последнего письма явствует, что Вы сделаете все возможное, чтобы разъяснить всем народам, всем рабочим, и в особенности немецким, что Парижская Коммуна не имеет ничего общего со старой германской общиной. Этим Вы окажете, во всяком случае, большую услугу нашему делу»[1]. Ответ Маркса на это письмо — или, вернее, совет, который он, вероятно, дал, — не сохранился.

[1] См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». Документы и материалы, 1942, стр. 196. — *Ред.*

С другой стороны, потеряно письмо, написанное Марксу Франкелем и Варленом, и сохранился лишь ответ Маркса от 13 мая: «Я виделся с подателем письма, — пишет Маркс. —

Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналий? Подобная мера предосторожности никогда не помешает.

Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение носит слишком местный и «мирный» характер.

Я написал в защиту вашего дела несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения.

Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального злобного отношения к Коммуне. Время от времени мне даже удается контрабандным путем помещать в них сочувственные заметки.

Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время»[1].

В заключение Маркс указывал на необходимость действовать без малейшего промедления, так как за три дня до того во Франкфурте-на-Майне был заключен окончательный мир между Францией и Германией, и Бисмарк заинтересован теперь так же, как и Тьер, в свержении Коммуны, тем более, что с этого момента должна начаться выплата пятимиллиардной контрибуции.

В советах, которые Маркс дает в этом письме, заметна некоторая предусмотрительная сдержанность, и, несомненно, все то, что он писал членам Коммуны, носило такой же характер. Маркс нисколько не боялся брать на себя безусловную ответственность за дела Коммуны — ведь немедленно после поражения Коммуны он открыто и обстоятельно заявил о своей ответственности, — но ему были совершенно чужды всякие диктаторские устремления и он не считал возможным давать предписания издалека относительно того, что легче было увидеть и учесть на месте, среди разыгрывавшихся событий.

28 мая пали последние защитники Коммуны, и уже два дня спустя Маркс представил Генеральному Совету воззвание о «Гражданской войне во Франции»[2]. Это один из самых блестящих документов, когда-либо вышедших из-под его пера, и доныне самое блестящее произведение из всей огромной литературы, которая появилась с того времени о Парижской Коммуне. Маркс

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 265. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 458—503. — *Ред.*

снова проявил на очень трудной и сложной проблеме свою поразительную способность ясно отделять историческое ядро от обманчивой шелухи по видимости неразрешимых сплетений, среди хаоса сотен противоречивых слухов. В области фактов, а изложению фактического развития событий посвящены оба первых, а также четвертый (последний) отделы, воззвание везде верно и ни одно из его утверждений не было с тех пор опровергнуто.

Конечно, воззвание не дает критической истории Коммуны, но это и не входило в его задачу. Целью Маркса было осветить ярким светом честь и правоту Коммуны против клеветы и подлости ее противников. Воззвание было полемическим трудом, а не историческим повествованием. Все ошибки и грехи Коммуны подверглись с тех пор достаточно часто резкой и даже слишком резкой критике со стороны социалистов. Маркс же ограничился указанием: «Во всякой революции, наряду с ее истинными представителями, выдвигаются люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще сохраняющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своего мужества или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные декламации против существующих правительств и получающие поэтому звание революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта, и им случалось иногда играть видную роль. Насколько было в их силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, так же как раньше люди такого сорта мешали полному развитию всех прежних революций»[1]. Они — неизбежное зло, от них можно освободиться только со временем, но у Коммуны для этого не оказалось времени.

Особенный интерес представляет третий отдел воззвания, посвященный выяснению исторической сущности Парижской Коммуны. В нем гениально дано отличие сущности Парижской Коммуны от сущности прежних исторических организаций, внешним образом похожих на нее, — начиная от средневековой коммуны вплоть до прусского городского устройства.

«Только какому-нибудь Бисмарку, уделяющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему давнишнему, больше всего подходящему к его умственным способностям сотрудничеству в «Kladderadatsch» (в берлинском «Punch»)[2], только такому человеку могло придти в голову,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 486—487. — *Ред.*

[2] «*Kladderadatsch*» («Кладдерадач») — немецкий сатирический журнал, выходил в Берлине с 1848 г.; *«Punch»* («Панч») — английский юмористический журнал, выходил в Лондоне с 1841 г. Меринг опустил в тексте пояснение Маркса: «(в берлинском «Punch»)». — *Ред.*

что Парижская Коммуна в сущности стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г., — низводящему городские самоуправления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма»[1]. В большом разнообразии истолкований, которым подверглась Коммуна, и в многообразии интересов, которые нашли в ней свое выражение, воззвание устанавливало тот факт, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по своему существу, угнетательскими. «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса,* результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»[2]. Воззвание не могло подтвердить это положение определенной правительственной программой Коммуны: до этого она не дошла, да и не могла дойти, так как от первого и до последнего дня своего существования она вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Оно приводило доказательства на основании практической политики, проводившейся Коммуной, и глубочайшую сущность этой политики оно видело в уничтожении государства, которое в своей самой проституированной форме, в форме Второй империи, представляло лишь «паразитический нарост» на общественном теле, высасывавший его силы и задерживавший его свободное развитие. Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом. Коммуна лишила полицию, до сих пор бывшую орудием государственного управления, всех ее политических функций и превратила ее в свой ответственный орган. После устранения постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна сломала и его орудие духовного угнетения — силу попов. Она издала постановление об отделении церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Она открыла для народа бесплатный доступ во все учебные заведения и одновременно освободила дело обучения от всякого вмешательства государства и церкви. Государственную же бюрократию она вырвала с корнем постановлением о выборности всех должностных лиц, в том числе и судей, — их всех Коммуна объявила сменяемыми в любое время, а их оклады ограничила высшим пределом в 6 тысяч франков. Как ни разумны были эти постановления сами по себе, они все же находились в некотором противоречии с теми взглядами, которые Маркс и Энгельс отстаи-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 480. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 481. — *Ред.*

вали в течение четверти века и возвестили уже в «Коммунистическом манифесте». Согласно этим взглядам Маркса и Энгельса в конечном итоге грядущей пролетарской революции должно было, несомненно, произойти упразднение политической организации, именуемой государством, но лишь постепенное упразднение. Главной целью этой организации всегда было обеспечение для имущего меньшинства экономического угнетения трудящегося большинства при помощи вооруженной силы. С исчезновением этого исключительно владеющего благами меньшинства исчезает также и необходимость в вооруженной силе для угнетения, или, иначе говоря, в государственной власти. Но вместе с тем Маркс и Энгельс подчеркивали, что для достижения этой и других, гораздо более важных целей будущей социальной революции рабочий класс должен сначала овладеть организованной политической властью государства, с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и по-новому организовать общество. С этими воззрениями «Коммунистического манифеста» не согласовывалось, однако, то одобрение, которое воззвание Генерального Совета высказывало в отношении Парижской Коммуны за то, что она начала с решительного искоренения огнем и мечом паразитического государства.

Маркс и Энгельс, конечно, полностью сознавали это противоречие: в предисловии к новому изданию «Коммунистического манифеста», которое вышло в свет в июне 1872 г., еще под свежим впечатлением Коммуны они сделали поправку с прямой ссылкой на воззвание. Эта поправка гласила, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей[1]. Но позднее, после смерти Маркса, в борьбе с анархическими течениями Энгельс снова опустил эту оговорку и полностью повторил старые взгляды «Коммунистического манифеста»[2]. Вполне понятно, что приверженцы Бакунина по-своему воспользовались воззванием Генерального Совета. Сам Бакунин шутил, что Маркс, все идеи которого Коммуна выбросила за борт, наперекор всякой логике вынужден был снять шляпу перед Коммуной и присоединиться к ее программе и цели. В самом деле, если восстание, даже не подготовленное, а неожиданно вызванное грубым нападением, смогло несколькими простыми декретами устранить всю государственную машину, то разве этим не подтверждалось то, что неутомимо проповедовал Бакунин? При некотором добром желании или при некоторой злонамеренности это, пожалуй, можно было вычитать из воззвания

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I. 1955, стр. 2.— *Ред.*

[2] Критику ошибок Меринга в освещении взглядов Маркса на государство и диктатуру пролетариата см. во вступительной статье к настоящему изданию, стр. 19—20, 23—24. — *Ред.*

Генерального Совета, который изображал как уже действительно существовавшее то, что было только заложено в Коммуне как возможность. Во всяком случае, если агитация Бакунина оживилась в 1871 г. сильнее чем когда-либо раньше, то это объясняется тем огромным впечатлением, которое произвела Парижская Коммуна на весь европейский рабочий класс.

Воззвание заканчивается следующими словами: «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов»[1]. Воззвание произвело огромное впечатление, как только оно вышло в свет. «Оно производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клевещут и которому более всего грозят, — писал Маркс Кугельману. — Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии. Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий!»[2] Как только поднялся шум, Маркс тотчас же заявил, что он — автор воззвания.

В последующие годы Марксу пришлось выслушивать упреки от отдельных социал-демократов, утверждавших, что он подверг Интернационал опасности, взвалив на него совершенно не лежавшую на нем ответственность за Коммуну. Маркс мог, по их словам, защищать Коммуну против несправедливых нападок, но ему следовало бы при этом открещиваться от ее собственных ошибок и промахов. Это было бы тактикой, свойственной либеральным «государственным мужам», но Маркс не мог следовать ей именно потому, что он был Маркс. Он никогда не жертвовал будущностью своего дела из-за обманчивой надежды уменьшить таким путем опасность, грозившую ему в настоящем.

4
ИНТЕРНАЦИОНАЛ И КОММУНА

Приняв без остатка все наследство Коммуны, Интернационал поставил себя лицом к лицу с целым миром врагов.

Менее всего имели значение клеветнические нападки, с которыми обрушилась на него буржуазная печать всех стран. Напротив, благодаря этому он даже приобрел, до некоторой степени и в известном смысле, средство пропаганды. Генеральный Совет

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I. 1955, стр. 499—500. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 126. — *Ред.*

публично опроверг эти нападки, что открыло ему по крайней мере некоторый доступ в английскую большую прессу.

Большей тяжестью легли на Генеральный Совет заботы о многочисленных беглецах Коммуны, которые направились частью в Бельгию, частью в Швейцарию, но преимущественно в Лондон. При плохом, как всегда, состоянии своих финансов Генеральный Совет лишь с большим трудом доставал необходимые средства, причем ему приходилось в течение долгих месяцев затрачивать на это время и силы в ущерб своим непосредственным делам; последние же требовали тем более пристального внимания, что почти все правительства ополчились против Интернационала.

Но и эта война правительств была еще не самой тяжкой заботой Интернационала. Войну эту вели против него сначала в отдельных континентальных государствах с большей или меньшей настойчивостью, но попытки объединения всех правительств для общей травли классово сознательного пролетариата пока еще заканчивались неудачей. Первый выпад такого рода сделан был французским правительством уже 6 июня 1871 г. в циркулярном послании Жюля Фавра; однако этот документ оказался настолько глупым и лживым, что не встретил отклика у других правительств и даже у Бисмарка, который был вообще очень восприимчив ко всякого рода реакционным выступлениям и в особенности ко всякой травле рабочего класса; к тому же Бисмарк очнулся от своей мании величия, напуганный тем, что германская социал-демократия — как лассальянцы, так и эйзенахцы — стояла на стороне Коммуны.

Несколько позднее испанское правительство предприняло вторую попытку сплотить европейские правительства против Интернационала опять-таки посредством циркулярного послания своего министра иностранных дел. Недостаточно, говорилось в этом послании, чтобы отдельные правительства принимали строжайшие меры против Интернационала и подавляли у себя деятельность отдельных его секций; все правительства должны объединить свои усилия для устранения этого зла. Этот призыв скорее бы нашел отклик, если бы английское правительство немедленно не отвергло его. Лорд Гренвилл заявил, что Интернационал «здесь, в Англии», ограничивает свои действия главным образом советами по вопросам о стачках и располагает для поддержки этих стачек лишь ничтожными суммами. Революционные же планы, составляющие часть его программы, отражают собою скорее взгляды иностранных членов Интернационала, чем британских рабочих, внимание которых направлено преимущественно на вопросы заработной платы. Но иностранцы тоже, как и англичане, находятся под защитой законов. Если они нарушат эти законы, приняв участие в каких-либо военных действиях против государства, с которым Великобритания состоит в дружбе, то они понесут за это

наказание. Пока же нет никаких оснований принимать какие-либо чрезвычайные меры против иностранцев, находящихся на английской территории. Этот разумный отпор, данный неразумному требованию, конечно, вызвал в официозе Бисмарка ворчливое замечание, что все мероприятия по борьбе с Интернационалом остаются по существу безрезультатными, пока британская территория является прибежищем, из которого под защитой английского закона происходит постоянное и безнаказанное посягательство на все остальные европейские государства.

Если таким образом не удалось организовать общий крестовый поход правительств против Интернационала, то, с другой стороны, сам Интернационал тоже не смог выставить сомкнутой фаланги против преследований, которым подвергались его секции в отдельных государствах континента. Эта забота угнетала Интернационал больше всего, в особенности потому, что он чувствовал, как колеблется под его ногами почва именно в тех странах, рабочий класс которых он считал своей самой надежной опорой, — в Англии, Франции и Германии, где развитие крупной промышленности шло в большей или меньшей степени успешно вперед, а рабочие пользовались в большем или меньшем объеме избирательным правом в законодательные учреждения. Внешним образом значение этих стран для Интернационала проявлялось уже в том, что в Генеральный Совет входило 20 англичан, 15 французов, 7 немцев, но всего лишь 2 швейцарца и 2 венгерца и по одному поляку, бельгийцу, ирландцу, датчанину и итальянцу.

В Германии Лассаль уже с самого начала поставил свою агитацию на национальную почву. Маркс упрекал его за это в самой резкой форме. Однако, как вскоре обнаружилось, благодаря этому Германская рабочая партия избежала кризиса, который пережило социалистическое развитие во всех остальных странах европейского континента. Но все-таки война вызвала кратковременный застой германского рабочего движения: обе его фракции были в достаточной мере заняты собственными делами, так что им было не до Интернационала. К тому же они обе высказались против аннексии Эльзас-Лотарингии, за Парижскую Коммуну, причем эйзенахцы — Генеральный Совет только их и признавал ветвью Интернационала в Германии — настолько выступили на передний план, что им еще более, чем лассальянцам, угрожали обвинением в государственной измене и другими прелестями. Ведь именно Бебель своей пылкой речью в рейхстаге, в которой он заявил о солидарности германских социал-демократов с французскими коммунарами, по собственному признанию Бисмарка, впервые вызвал у него подозрение. А это подозрение разразилось теперь целым градом актов насилия, направленных на немецкое рабочее движение. Но гораздо более решающим обстоятельством в отношении, эйзенахцев к Интернационалу было то, что они все больше и

больше отходили от него, с тех пор как образовали самостоятельную партию в национальных пределах.

Во Франции Тьер и Фавр добились от Национального собрания захолустных дворян сурового исключительного закона против Интернационала. Этот закон полностью парализовал рабочий класс, и без того смертельно истощенный ужасным кровопусканием версальской бойни. Герои «порядка» зашли так далеко в своей дикой мстительности, что стали требовать выдачи беглецов Коммуны из Швейцарии и даже из Англии, утверждая, что они — уголовные преступники. В Швейцарии им даже почти удалось добиться этого. У Генерального Совета оборвались таким образом все связи с Францией. Чтобы иметь в своем составе французских представителей, Генеральный Совет принял в свою среду нескольких беглецов Коммуны, частью таких, которые уже раньше принадлежали к Интернационалу, частью же прославившихся революционной энергией. Это было сделано с целью оказать внимание Коммуне. Но, несмотря на всю правильность такого соображения, эта мера не усилила, а лишь ослабила Генеральный Совет. Ведь эмигранты Коммуны тоже испытали неизбежную судьбу всех эмигрантов, поскольку они сами себя доконали непрерывной внутренней распрей. Марксу пришлось заново переносить от французских эмигрантов те же неприятности, которые он за двадцать лет до того испытал от немецких. Менее, чем кто-либо, он требовал благодарности за то, что считал выполнением своего долга. Но бесконечные дрязги французских эмигрантов вызвали у него в ноябре 1871 г. невольную жалобу: «Это в благодарность за то, что я потерял почти пять месяцев на хлопоты об эмигрантах и своим «Воззванием о гражданской войне» спас их честь»[1].

Наконец, Интернационал потерял ту опору, которую он имел в лице английских рабочих. Разрыв внешним образом выразился сначала в том, что два видных вождя тред-юнионизма, Лекрафт и Оджер, принадлежавшие к составу Генерального Совета с самого его возникновения, — Оджер был даже его председателем, пока существовала эта должность, — заявили о своем выходе из Совета из-за Воззвания о гражданской войне во Франции. На этой почве создалась легенда, будто тред-юнионы отделились от Интернационала, возмутившись тем, что он стал на сторону Коммуны. Но крупица истины, которая имеется в этом утверждении, вовсе не является главной причиной: расхождение с английскими тред-юнионами имело более глубокие основания.

Союз между Интернационалом и тред-юнионами был с самого начала браком по расчету. Каждая из двух сторон нуждалась в этом союзе, но ни одна из них и не помышляла слиться полностью

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 167. — *Ред.*

и делить горе и радость с другой. Маркс с мастерским искусством создал в своем Учредительном манифесте и в уставе Интернационала общую для обоих программу. Но если тред-юнионы и подписались под этой программой, то практически заимствовали они из нее только то, что им пришлось по вкусу. Это отношение тред-юнионов к Интернационалу лорд Гренвилл совершенно правильно изобразил в своей ответной депеше испанскому правительству. Целью тред-юнионов было улучшение условий труда на почве капиталистического общества. Для достижения и обеспечения этой цели они не отказывались и от политической борьбы, но при выборе своих союзников и средств борьбы они оставались совершенно свободными от всяких принципиальных соображений в отношении вопросов, которые не касались их непосредственной цели.

Вскоре Марксу пришлось признать, что не так-то легко сломить эту чопорность тред-юнионизма, глубоко вкоренившуюся в историю и характер английского пролетариата. Тред-юнионы нуждались в Интернационале для завоевания избирательной реформы, а когда эта реформа была осуществлена, они стали заигрывать с либералами, без помощи которых не могли рассчитывать на отвоевание себе мест в парламенте. Уже в 1868 г. Маркс отхлестал этих «интриганов», в числе которых назвал и Оджера, неоднократно выставлявшего свою кандидатуру в парламент. В другой раз Маркс оправдывал факт присутствия в Генеральном Совете нескольких сторонников сектантского вождя Бронтера О'Брайена следующими словами: «Эти последователи О'Брайена, несмотря на их глупости, часто представляют в Совете необходимый противовес тред-юнионистам. Они более революционны, придерживаются радикальных взглядов в земельном вопросе, менее националистичны и недоступны буржуазному подкупу в той или иной его форме. Если бы не это, их давно бы выставили за дверь»[1]. И Маркс противился неоднократно выплывавшему предложению образовать для Англии особый Федеральный совет; при этом он выдвигал преимущественно то же основание, которое он приводил в циркуляре Генерального Совета от 1 января 1870 г., а именно — что англичанам недостает способности к обобщениям и революционной страсти и поэтому такой Федеральный совет сделался бы игрушкой в руках радикальных членов парламента.

После ухода английских рабочих вождей Маркс бросил им очень резкий упрек, что они продались либеральному министерству. Это, быть может, было справедливо относительно некоторых из них; относительно же других это неверно, даже если понимать подкуп «в иной форме», чем плату наличными деньгами. Аппльгарт пользовался как тред-юнионист по крайней мере таким же уважением, как Оджер и Лекрафт, и обе палаты парламента счи-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 174. — *Ред.*

тали его даже официальным представителем тред-юнионизма. Уже после Базельского конгресса парламентские «благожелатели» Аппльгарта запросили официально его о том, как он относится к постановлениям этого конгресса об общественной собственности, но Аппльгарт не испугался этой почти неприкрытой угрозы. В 1870 г. он был избран в королевскую комиссию для обсуждения законов о борьбе с венерическими болезнями и стал первым рабочим, получившим право на обращение монарха к нему, как «к нашему верному и возлюбленному». Несмотря на это, Аппльгарт все же подписал Воззвание о гражданской войне во Франции и вообще остался верен Генеральному Совету до его конца.

Однако именно на примере этого лично безупречного человека, который и позднее отказался занять должность по ведомству торговли, видно, в чем заключались причины отпадения английских рабочих вождей. Ближайшей задачей тред-юнионов было добиться правовой защиты их союзов и касс. Этой цели они, казалось, достигли, когда правительство весной 1871 г. внесло законопроект, по которому каждому тред-юниону предоставлялось право на законодательную регистрацию и на правовую защиту для своих касс, поскольку устав его не противоречит уголовному кодексу. Но то, что правительство давало одной рукой, оно отнимало другой.

Во второй части закона отменялась свобода коалиций путем подтверждения и даже заострения всех растяжимых постановлений, придуманных против стачек, как-то: запретов «применения насилия», «угроз», «запугивания», «приставания», «помех» и т. п. Это был поистине исключительный закон: под угрозу применения уголовного закона были поставлены действия, совершаемые тред-юнионами или содействующие их целям, в то время как те же действия оставались совершенно ненаказуемыми, если их предпринимали другие организации. Сохраняя вежливый тон, историки английского тред-юнионизма говорят: «Законодательное признание профессиональных союзов представлялось довольно бесполезным при такой растяжимости уголовных законов, что они распространяли свое действие на повседневные мирные средства, с помощью которых эти союзы обыкновенно достигали своих целей». В первый раз профессиональные союзы были объявлены корпорациями, признанными и охраняемыми законом. Но при этом подтверждались и даже усиливались положения закона, направленные против профессиональной деятельности.

Тред-юнионы и их руководители отвергли, конечно, этот дар данайцев. Но своим сопротивлением они добились только того, что правительство разделило свой проект на две части: на закон, который легализировал профессиональные союзы, и на новеллу по уголовному законодательству, угрожавшую тяжкими карами за всякое действие профессиональных союзов. Это, конечно, было

не настоящим успехом, а ловушкой, в которую хотели заманить руководителей профессионального движения; и они в нее действительно попались. Кассы были для них важнее, чем их профессиональные принципы. Они все, и Аппльгарт даже раньше других, зарегистрировали свои союзы на основании нового закона. Уже в сентябре 1871 г. конференция соединенных профессиональных союзов, состоявшая из представителей Нового тред-юнионизма, который прежде служил связью между Интернационалом и тред-юнионами, объявила себя распущенной самым формальным образом на том основании, «что уже достигнуты задачи, для разрешения которых она была призвана к жизни».

Вожди тред-юнионов успокаивали свою совесть, быть может, тем, что они при своем постепенном обуржуазивании стали усматривать в стачках лишь грубую форму профессионального движения. Уже в 1867 г. один из них заявил перед королевской комиссией, что стачки как для рабочих, так и для предпринимателей являются абсолютно пустой тратой денег. Поэтому они всеми силами тормозили начавшееся в 1871 г. мощное движение английского пролетариата за девятичасовой рабочий день. Массы этого пролетариата не проделали «государственного» развития вместе со своими руководителями и были до крайности раздражены новеллой по уголовному праву. Движение началось с забастовки машиностроителей в Сендерленде 1 апреля, затем быстро распространилось на машиностроительные округа и достигло высшего развития в ньюкаслской стачке, которая через пять месяцев закончилась полной победой рабочих. Большой союз машиностроительных рабочих отнесся, однако, весьма отрицательно к этому массовому движению. Только после четырнадцати недель бастующие рабочие, состоявшие членами этого союза, получили от него стачечную помощь в размере пяти шиллингов в неделю сверх обычной поддержки, оказываемой безработным. Это движение, быстро распространившееся на значительную часть других профессий, почти целиком вынесла на своих плечах Лига девятичасового рабочего дня, которая образовалась для этой борьбы и нашла весьма способного руководителя в лице Джона Бернетта.

Гораздо более живое сочувствие эта Лига встретила у Генерального Совета Интернационала, пославшего своих членов Кона и Эккариуса в Данию и Бельгию, чтобы воспрепятствовать вербовке тамошних рабочих агентами фабрикантов. Это им и удалось в широких размерах. При переговорах с Бернеттом Маркс не мог удержаться, чтобы не заметить с горечью, что, к несчастью, организованные рабочие корпорации держались в стороне от Интернационала до тех пор, пока не попали в затруднительное положение. Если бы они обратились в Интернационал своевременно, то необходимые меры предосторожности были бы приняты, когда следовало. Все же, по-видимому, Интернационал получил в самих мас-

сах полную замену того, что он потерял с уходом вождей тред-юнионов. Возникали все новые секции Интернационала, а существующие секции приобретали возрастающее число новых членов. Однако Интернационалу все настойчивее предъявлялось требование, чтобы Англия имела свой особый Федеральный совет.

Маркс пошел, наконец, на эту уступку, которой так долго противился. Так как после падения Коммуны никакой новой революции в ближайшем будущем не предвиделось, то он, по-видимому, уже не придавал особенно большого значения тому, чтобы Генеральный Совет держал руку непосредственно на самом сильном революционном рычаге. Но его старые сомнения все же оправдались. Основание Федерального совета привело к тому, что следы Интернационала исчезли в Англии скорее, чем в какой-либо другой стране.

5
ОППОЗИЦИЯ БАКУНИНЦЕВ

Если после падения Парижской Коммуны Интернационалу пришлось бороться с значительными затруднениями уже в Германии, Франции и Англии, то гораздо больше были эти затруднения в тех странах, где Интернационал еще совершенно не окреп. Небольшой очаг кризиса, возникший еще до начала немецко-французской войны в романской Швейцарии, распространился на Италию, Испанию, Бельгию и другие страны. Казалось, будто направление Бакунина берет верх над линией Генерального Совета.

Причиной этого было не расширение агитаторской деятельности Бакунина и не его интриги, как полагал Генеральный Совет. Правда, Бакунин уже в первые дни 1871 г. прервал свою работу над переводом «Капитала», чтобы посвятить себя новой политической деятельности. Но эта деятельность не имела ничего общего с Интернационалом и протекала так, что сильно поколебала политический авторитет Бакунина. Дело шло о пресловутой нечаевской истории, которую нельзя так легко обойти, как это пытаются сделать восторженные поклонники Бакунина, утверждающие, что вина Бакунина заключается только в его «чрезмерном доверии к Нечаеву вследствие его чрезмерной доброты».

Нечаев был молодым человеком лет двадцати; он родился крепостным, но затем благодаря расположению к нему некоторых либеральных людей получил возможность поступить в учительскую семинарию. Он участвовал в тогдашнем русском студенческом движении, и ему удалось создать себе известное положение в этом движении не благодаря своему скудному образованию или посредственным умственным способностям, а своей дикой энергией и безграничной ненавистью к царскому деспотизму. Но самым характерным его свойством была свобода от всяких моральных

соображений в тех случаях, когда речь шла о пользе для его дела. Лично для себя ему ничего не было нужно, и когда это требовалось, он ограничивал себя во всем, но его не отпугивал никакой, даже самый недопустимый образ действия, если ему представлялось, что он достигнет им революционных результатов.

Уже весной 1869 г. Нечаев появился в Женеве в двойном блеске — бежавшего из Петропавловской крепости государственного преступника и делегата всемогущего комитета, который якобы тайно подготовляет революцию во всей России. И то и другое было выдумкой: такого комитета не существовало, и сам Нечаев не сидел в Петропавловской крепости. После ареста нескольких его ближайших друзей он отправился за границу, чтобы — по его собственным словам — оказать воздействие на старых эмигрантов; по мнению Нечаева, нужно было, чтобы они подняли дух русской молодежи своими именами и своими писаниями. В отношении Бакунина он достиг этой цели в почти непостижимом размере. Нечаев, этот «молодой дикарь», «маленький тигр», как называл его Бакунин, внушал ему уважение как представитель нового поколения, которое разрушит старую Россию своей революционной энергией. Бакунин столь безусловно верил в существование «комитета», что дал обязательство подчиняться без всяких возражений его приказаниям, передаваемым ему Нечаевым; и он тотчас же согласился издать вместе с Нечаевым ряд крайне резких революционных сочинений и переправить их через русскую границу.

Бакунин, несомненно, разделяет с Нечаевым ответственность за эту литературу, и нет особого интереса в том, чтобы исследовать, кем написаны некоторые наихудшие памфлеты — им или Нечаевым. Во всяком случае его авторство не оспаривается ни в отношении воззвания, которое требовало от русских офицеров такого же безусловного повиновения «комитету», к какому он обязал самого себя, ни в отношении листовки, идеализировавшей русское разбойничество[1], ни революционного катехизиса, в котором чрезмерная склонность Бакунина к «страшным» представлениям и словам исчерпала себя до конца. Но не доказано, что Бакунин принимал когда-либо участие в демагогических приемах Нечаева; напротив, он сам же сделался их жертвой и тогда только, слишком поздно разглядев «маленького тигра», прогнал его прочь от себя. Если Генеральный Совет Интернационала и обвинял Бакунина и Нечаева в том, что они обрекли на гибель много невин-

[1] Меринг имеет в виду листовку Бакунина «Постановка революционного вопроса», изданную в Женеве в 1869 г. В этой листовке Бакунин превозносит русского разбойника как тип «подлинного революционера». Критику этой листовки см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 599—600. — *Ред.*

ных людей в России, посылая им письма, печатные произведения и телеграммы в такой форме, которая неизбежно должна была привлечь внимание русской полиции, то Бакунина по справедливости следовало бы защитить от подобных обвинений. Действительную суть дела рассказал сам Нечаев, когда его окончательно разоблачили: он бесстыдно признался в своем гнусном обыкновении компрометировать всех тех, которые не вполне примыкали к нему; его целью было или погубить их, или всецело втянуть в движение. Следуя тому же методу, он заставлял доверившихся ему людей в минуту возбуждения подписывать компрометирующие их заявления или выкрадывал у них интимные письма и потом пользовался этими письмами для всяческих вымогательств.

Бакунин еще не успел разгадать этот метод, когда Нечаев осенью 1869 г. возвратился в Россию. Нечаев захватил с собой письменное удостоверение от Бакунина, в котором тот признавал его «полномочным представителем» — конечно, не Интернационала и даже не Альянса социалистической демократии, а Европейского революционного альянса, изобретенного находчивым умом Бакунина в качестве некоего филиала Альянса социалистической демократии для русских дел. Этот союз существовал, вероятно, только на бумаге, но имя Бакунина оказалось достаточно авторитетным, чтобы придать некоторый вес агитации Нечаева среди учащейся молодежи. Главным образом, однако, деятельность Нечаева продолжала основываться на обманном «комитете», и когда один из новообращенных приверженцев его, студент Иванов, стал сомневаться в существовании этой тайной высшей инстанции, Нечаев путем коварного убийства устранил со своего пути этого неудобного скептика. Обнаружение трупа Иванова привело к многочисленным арестам, но Нечаеву удалось скрыться за границу.

В начале января 1870 г. он снова появился в Женеве и возобновил свою старую игру. Бакунин с пылким рвением доказывал, что убийство Иванова есть политическое, а не уголовное преступление и поэтому Швейцария не имеет права выдать Нечаева русскому правительству, которое потребовало этого. Сам же Нечаев пока что так ловко скрывался, что полиции не удавалось изловить его. Но он сам сыграл злую шутку со своим защитником. Он убедил Бакунина бросить перевод «Капитала» и посвятить все свои силы революционной пропаганде, обещав, что он уладит дело с издателем относительно выплаченного задатка. Бакунин, который находился тогда в очень стесненных обстоятельствах, мог понять это обещание только в том смысле, что Нечаев или его таинственный «комитет» вернут издателю 300 рублей задатка. Нечаев же послал «официальное постановление» «комитета» на бумаге с изображением названия этого комитета вместе с украшением в виде топора, кинжала и револьвера. Бумага эта была послана не самому

издателю, а Любавину, который являлся посредником между издателем и Бакуниным. В письме Любавину запрещалось под страхом смерти требовать от Бакунина возвращения задатка. Бакунин узнал обо всем этом только из оскорбительного письма Любавина. Он поспешил признать свой долг новой распиской и обязался вернуть задаток, как только сможет; тогда же он порвал с Нечаевым, узнав к тому времени и о ряде других его проделок, в том числе о плане напасть на симплонскую почту с целью ее ограбления.

Непостижимая и непростительная для политического деятеля легковерность, проявившаяся в этом авантюристском эпизоде из его жизни, имела для Бакунина весьма неприятные последствия. Маркс узнал об этой истории уже в июле 1870 г. и притом из вполне надежного источника — от отважного Лопатина, который во время своего майского пребывания в Женеве тщетно убеждал Бакунина, что в России не существует никакого «комитета», что Нечаев никогда не сидел в Петропавловской крепости, что Иванова задушили совершенно бесцельно и что он, Лопатин, знает это точнее, чем кто-либо. Это еще больше укрепило Маркса в его к тому времени уже сложившемся неблагоприятном мнении о Бакунине. Русское правительство, узнав о проделках Нечаева путем многочисленных арестов, произведенных после убийства Иванова, использовало благоприятные обстоятельства. Чтобы опозорить русских революционеров перед всем миром, русское правительство в первый раз передало дело на публичное судебное разбирательство с присяжными заседателями. В июле 1871 г. в Петербурге началось разбирательство так называемого нечаевского процесса, по которому было привлечено в качестве обвиняемых более восьмидесяти человек, преимущественно студентов. Большинство из них были присуждены к длительному тюремному заключению и даже к. каторжным работам в сибирских рудниках.

Сам Нечаев оставался еще тогда на свободе; он жил попеременно в Швейцарки, Лондоне и в Париже, где находился во время осады и при Коммуне. Только осенью 1872 г. его выдал в Цюрихе один шпик. Бакунину нельзя поставить в вину то, что он вместе со своими друзьями издал у Шабелица в Цюрихе листовку, имевшую целью помешать выдаче Нечаева швейцарским правительством по обвинению в уголовном убийстве. Нет ничего позорного для Бакунина и в том, что после все же состоявшейся выдачи Нечаева он написал Огареву (последний также был одурачен Нечаевым и даже выдал ему полностью или частью бахметьевский фонд, распоряжение которым перешло к нему после смерти Герцена): «Какой-то внутренний голос мне говорит, что Нечаев, который безвозвратно погиб и без сомнения знает, что он погиб, на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную

энергию и доблесть. Он погибнет героем и на этот раз ничему и никому не изменит»[1]. Это ожидание Нечаев оправдал в страшные десять лет каторги и до самой своей смерти; он пытался по возможности загладить свои прежние грехи и проявил стальную энергию, которая подчиняла его воле даже тюремную стражу.

Одновременно с разрывом между Бакуниным и Нечаевым разразилась немецко-французская война. Она сразу придала мыслям Бакунина другое направление. Старый революционер рассчитывал теперь на то, что вступление немецких войск послужит сигналом для социальной революции во Франции, ибо нельзя допустить, что французские рабочие останутся в бездействии перед лицом аристократического, монархического и милитаристского вторжения: этим они предали бы не только свое собственное дело, но и дело социализма. Победа Германии была бы победой европейской реакции. Бакунин справедливо оспаривал мнение, что внутренняя революция может ослабить сопротивление народа внешнему врагу, и ссылался при этом именно на французскую историю, но все же его проекты поднять бонапартистское и реакционно настроенное крестьянство для совместного с городскими рабочими революционного выступления, безусловно, витали в заоблачных пространствах. Он доказывал, что не следует обращаться к крестьянам с какими-либо декретами или коммунистическими проектами или формами организации — это вызвало бы лишь восстание их против городов; скорее нужно пробудить в их душе революционное настроение. Все дальнейшее было в таком же фантастическом духе.

После падения империи Гильом напечатал в газете «Solidarite» призыв поспешить на помощь французской республике с вооруженными отрядами добровольцев. Это была поистине дурацкая выходка, в особенности со стороны человека, который фанатически проповедовал воздержание Интернационала от всякой политики, и призыв Гильома действительно вызвал лишь смех. Но не следует с такой же точки зрения рассматривать попытку Бакунина провозгласить в Лионе 26 сентября революционную коммуну. Бакунина призвали туда революционные элементы. Им удалось захватить ратушу, упразднить «правительственный и административный аппарат государства» и вместо него провозгласить «революционную федерацию общин». Но измена генерала Клюзэрэ и трусость некоторых других лиц сделали возможной легкую победу Национальной гвардии над этим движением. Бакунин тщетно призывал к принятию энергичных мер и требовал в первую очередь ареста представителей правительства. Он сам был захвачен в плен, но его освободил отряд вольных стрелков. Он

[1] См. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», 1907, стр. 444. — *Ред.*

пробыл еще несколько недель в Марселе в надежде на возрождение движения, но когда эта надежда не оправдалась, он в конце октября вернулся в Локарно.

Насмешки над этой неудачной попыткой следовало бы предоставить реакции. Один противник Бакунина, весьма отрицательное отношение которого к анархизму не лишило его способности к беспристрастному суждению, очень верно пишет: «К сожалению, и в социал-демократической печати послышались насмешки, которых попытка Бакунина, по правде сказать, вовсе не заслуживала. Конечно, люди, не разделяющие анархических воззрений Бакунина и его единомышленников, могут и должны критически отнестись к его неосновательным надеждам... Но независимо от этих недостатков, его тогдашнее выступление было мужественной попыткой поднять уснувшую энергию французского пролетариата и направить ее, одновременно с отражением чужеземного нашествия, на борьбу против капиталистического строя. Приблизительно то же через полгода попыталась сделать Парижская Коммуна, которую, как известно, Маркс горячо приветствовал»[1]. Это во всяком случае было более основательное и разумное отношение, чем то, которое проявил лейпцигский «Volksstaat» к изданной Бакуниным в Лионе прокламации: он счел своевременным запеть по этому поводу старую песню о том, что даже берлинское бюро печати не выдумало бы ничего более подходящего для Бисмарка.

Неудача в Лионе привела Бакунина в глубокое уныние. Революция, которую он уже, казалось, нащупывал собственными руками, вновь исчезала в необозримой дали, в особенности после разгрома Парижской Коммуны, на мгновение опять воскресившей в нем надежду. Его ненависть к революционной пропаганде в том виде, как ее вел Маркс, возрастала по мере того, как он все более усматривал в ней главную причину сонного, по его мнению, поведения пролетариата. К тому же материальное положение Бакунина было чрезвычайно плачевно; его братья перестали оказывать ему помощь, и в иные дни у него в кармане бывало не более пяти сантимов, так что он даже не мог себе позволить выпить привычную чашку чая. Его жена боялась, что он утратит свою энергию и нравственно разложится; но сам он в это время решил развить свои взгляды на судьбы человечества, на философию, религию, государство и анархизм в сочинении, которое писал урывками в свободные минуты, задумав его как свое завещание.

Однако сочинение это осталось незаконченным; беспокойному духу Бакунина не суждено было долго отдыхать: Утин продолжал в Женеве его травлю и в августе 1870 г. добился того, что Бакунин и несколько его друзей были исключены из женевской цен-

[1] См. *Ю. Стеклов,* М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность, т. 4, 1927, стр. 46. — *Ред.*

тральной секции за то, что они принадлежали к секции Альянса социалистической демократии. Затем Утин пустил лживый слух, что секция Альянса никогда не была принята Генеральным Советом в Интернационал; документы, будто бы полученные об этом от Юнга и Эккариуса, — поддельные. Тем временем Робен переселился в Лондон и был принят в состав Генерального Совета, против которого он так горячо боролся на страницах «Egalite». Этим Генеральный Совет доказал свою беспристрастность, так как Робен продолжал оставаться ярым приверженцем Альянса. Уже 14 марта 1871 г. он внес предложение созвать частную конференцию Интернационала для разрешения женевского спора. Хотя Генеральный Совет считал, что накануне Коммуны это предложение нужно отклонить, но 25 июля он постановил внести женевское дело на рассмотрение конференции, созываемой в сентябре. На том же заседании Генеральный Совет по требованию Робена подтвердил подлинность документов, в которых Эккариус и Юнг сообщили о принятии женевской секции бакунинского Альянса в Интернационал.

Едва только это письмо успело дойти до Женевы, как секция Альянса добровольно распустила себя 6 августа и немедленно известила об этом Генеральный Совет. Эффект должен был получиться весьма внушительным; после того как секция получила удовлетворение от Генерального Совета, который отмежевался от лживых измышлений Утина, она пожертвовала собою в интересах полного примирения. На самом деле решающие причины были другие, как это впоследствии открыто признал Гильом. К тому времени секция потеряла уже всякое значение и представляла собой в глазах эмигрантов Коммуны в Женеве лишь мертвый пережиток личных дрязг. В этих именно эмигрантах Гильом видел пригодные элементы для того, чтобы начать борьбу против женевского Федерального совета на более широкой основе. Поэтому-то и была упразднена секция Альянса. И действительно, несколько недель спустя обломки ее соединились с коммунарами в новую «секцию пропаганды и революционного социалистического действия»; при этом она хотя и заявила, что согласна с общими принципами Интернационала, но оставила за собой полную свободу действия, которую предоставляли ей устав и решения конгрессов Интернационала.

Все это сначала совершенно не касалось Бакунина. Характерно для его положения якобы полномочного главы Альянса, что женевская секция не сочла даже нужным запросить его в Локарно, прежде чем заявить о своем упразднении. Бакунин в своем послании резко протестовал против этого, но не из-за оскорблённого самолюбия, а потому, что при создавшихся обстоятельствах видел в упразднении секции трусливый удар из-за угла. «Не будем совершать, — писал он, — трусливых поступков под предлогом

спасения единства в Интернационале»[1]. Вместе с тем он взялся за подробное изложение женевских смут, чтобы выяснить принципы, из-за которых, по его мнению, поднялся спор; тем самым он хотел дать руководящее указание своим приверженцам на Лондонской конференции.

Сохранились значительные отрывки этой работы; она сильно отличалась — в лучшую сторону — от русских листовок, которые Бакунин за год до того изготовлял вместе с Нечаевым. Эти отрывки написаны спокойно и дельно; лишь местами в них встречаются резкие выражения; и как ни относиться к особым взглядам Бакунина, он во всяком случае убедительно в них доказывает, что происхождение женевских смут коренилось глубже, чем в зыбком песке личных распрей, а если последние и сыграли некоторую роль, то значительная часть вины за это падает на Утина и его сотоварищей.

Бакунин ни на минуту не отрицал глубокого различия взглядов, которое отделяло его от Маркса и от «государственного коммунизма» последнего, и обошелся со своим противником далеко не кротко. Но все же он не выставлял его негодным человеком, который преследует только свои собственные вредные цели. Указывая, что Интернационал возник в лоне самих масс и был организован умными и преданными народному делу людьми, он прибавил: «Мы пользуемся этим случаем, чтобы выразить преклонение перед знаменитыми вождями немецкой коммунистической партии, и прежде всего перед гражданами Марксом и Энгельсом, а также перед гражданином Ф. Беккером, нашим бывшим другом и теперешним непримиримым противником. Они были подлинными созидателями Интернационала, поскольку вообще отдельным лицам дано что-либо созидать. Мы тем охотнее выражаем свое уважение к ним, что скоро будем вынуждены бороться против них. Наше уважение к ним — чистое и глубокое, но оно не доходит до идолопоклонства и никогда не побудит нас стать их рабами. Признавая их огромные заслуги перед Интернационалом в прошлом и в настоящем, мы все же будем не на живот, а на смерть бороться, с их ложными авторитарными теориями, с их диктаторскими замашками и манерой вести подпольные интриги, с их гнусными происками, жалкими личными дрязгами, грязными оскорблениями и подлой клеветой, которыми характеризуется почти повсюду политическая борьба немцев и которые к несчастью они протаскивали и в Интернационал»[2]. Конечно, эти слова были достаточно грубы, но все же Бакунин никогда не заходил так да-

[1] См. *J. Guillaume,* L'lnternationale. Documents et souvenirs (1864— 1878), Paris 1907, t. 2, p. 181 *[Д. Гильом,* Интернационал. Документы и воспоминания (1864—1878), Париж 1907, т. 2, стр. 181]. — *Ред.*

[2] Там же, стр. 165—166. — *Ред.*

леко, чтобы отрицать бессмертные заслуги Маркса как основателя и руководителя Интернационала.

Но и эта работа Бакунина осталась незаконченной. Он еще писал ее, когда Мадзини в еженедельнике, издаваемом им в Лугано, выступил с резкими нападками на Коммуну и на Интернационал. Бакунин немедленно напечатал свой «Ответ интернационалиста Мадзини», за которым последовали и другие памфлеты в том же духе, когда Мадзини и его приверженцы вступили с ним в полемику. После всех преследовавших его неудач Бакунин на этот раз достиг полного успеха: влияние Интернационала, влачившего до того в Италии лишь жалкое существование, сразу стало там быстро распространяться. Этим Бакунин был, конечно, обязан не своим «интригам», а тем горячим и убедительным словам, которыми он умел вызвать революционное настроение, особенно среди итальянской молодежи, увлекавшейся Парижской Коммуной.

В Италии крупная промышленность была еще очень слабо развита. В зарождавшемся пролетариате лишь медленно развивалось классовое сознание, и у него не было никаких предоставленных ему законодательством орудий для защиты и для сопротивления. В буржуазных же классах полувековая борьба за национальное единство создала и питала революционную традицию. Борьба за единство проходила в бесчисленных восстаниях и заговорах, пока, наконец, эта цель не была достигнута, но в таком виде, что не могла не принести горькое разочарование всем революционным элементам: под охраной сначала французского, а затем германского оружия самое реакционное государство Апеннинского полуострова создало итальянскую монархию. Геройская борьба Парижской Коммуны вывела революционную итальянскую молодежь из этого состояния апатии. И если Мадзини на краю могилы неприязненно отвернулся от нового света, возбуждавшего его старую ненависть к социализму, то тем искреннее прославлял «восходящее солнце» Интернационала Гарибальди, который был в несравненно большей степени национальным героем Италии.

Бакунин превосходно понимал, из каких слоев народа выходили его приверженцы. «То, чего до сих пор недоставало Италии, — писал он в апреле 1872 г., — были не инстинкты, а именно организация и идеи. И то и другое теперь развивается в такой степени, что Италия вместе с Испанией являются в настоящее время, быть может, самыми революционными странами. В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, *совершенно выбитая из колеи, без перспектив на карьеру, не видящая выхода,* молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, в нравственном и умственном отношении не изношена до такой степени, как буржуазная молодежь остальных стран. Теперь она очертя голову бросается в революционный социализм, принимая *всю нашу программу,* программу

Альянса»[1]. Эти строки были адресованы одному испанскому единомышленнику Бакунина, чтобы воодушевить его. Свои успехи в Испании, где он действовал даже не лично, а лишь через нескольких друзей, Бакунин ставил выше, чем свои успехи в Италии. И это было выражением вовсе не праздных иллюзий, а скорее трезвой оценки фактического положения.

В отношении промышленного развития Испания также была еще очень отсталой страной. Даже там, где имелся современный пролетариат, он был скован по рукам и ногам, лишен всяких прав, и единственным средством самообороны в его нужде осталось вооруженное восстание. Барселона, крупнейший испанский фабричный город, насчитывала в своей истории больше битв на баррикадах, чем какой-либо другой город в мире. К этому присоединялись многолетние гражданские войны, которые раздирали страну, и огромное разочарование всех революционных элементов: изгнав осенью 1868 г. бурбонскую династию, они подпали под власть — правда, очень шаткую — чужого короля. И в Испании, таким образом, огненные искры от пожара в революционном Париже упали на легко воспламеняющийся материал.

Иначе, чем в Италии и Испании, обстояли дела в Бельгии, поскольку там уже существовало массовое пролетарское движение. Но оно ограничивалось почти исключительно валлонской частью страны. Остов его составляли чрезвычайно революционно настроенные горнорабочие Боринажа. Их стремление достигнуть улучшения своего классового положения законными путями было задушено в корне теми кровавыми расправами, в которых там из года в год топили все стачечное движение. Их руководителями, однако, были прудонисты, и уже поэтому они склонялись к воззрениям Бакунина.

Если проследить бакунинскую оппозицию, как она развивалась внутри Интернационала после падения Парижской Коммуны, то придется признать, что у Бакунина она взяла только имя и то потому, что надеялась найти в его взглядах разрешение тех социальных противоречий и того напряженного состояния, из которых эта оппозиция фактически проистекала.

6
ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛОНДОНЕ

Конференция, которую Генеральный Совет постановил собрать в сентябре в Лондоне, должна была заменить собою очередной годовой конгресс.

[1] Часть письма Бакунина Маркс цитирует в своем произведении «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 584. — *Ред.*

В 1869 г. в Базеле было постановлено созвать ближайший конгресс в Париже. Но травля французских секций, устроенная достойным Оливье в ознаменование плебисцита, побудила Генеральный Совет в июле 1870 г. в силу предоставленных ему полномочий переменить место конгресса и созвать его в Майнце. Одновременно с этим Генеральный Совет внес предложение национальным Федеральным советам о перенесении места своего пребывания из Лондона в другую страну, что, однако, было единогласно отклонено. Но начало войны помешало собраться и Майнцскому конгрессу, и Генеральный Совет получил полномочие от Федеральных советов определить время ближайшего конгресса в зависимости от обстоятельств.

События развивались, однако, не так, чтобы представлялось желательным созвать конгресс уже осенью 1871 г. Можно было ожидать, что гнет, под которым члены Интернационала жили в отдельных странах, помешает им послать своих представителей на конгресс в достаточном числе, а те немногие члены Интернационала, которые все-таки явятся, наверняка подвергнутся мести со стороны их правительств. Увеличивать же количество своих жертв Интернационал не имел никаких оснований, так как и без того забота о мучениках Парижской Коммуны требовала от него крайнего напряжения сил и средств.

Поэтому Генеральный Совет решил созвать вместо открытого конгресса сначала закрытую конференцию в Лондоне, как в 1865 г. Скудное число представителей, явившихся на эту конференцию, подтвердило его опасения. Конференция, заседавшая с 17 по 23 сентября, состояла всего из двадцати трех делегатов: шестерых бельгийцев, двух швейцарцев, одного испанца и тринадцати членов Генерального Совета, из которых шесть имели только совещательный голос.

Некоторые из обстоятельных и многочисленных постановлений этой конференции, как, например, постановления, касавшиеся общей статистики рабочего класса, международных взаимоотношений профессиональных союзов и положения сельскохозяйственного пролетариата, имели при тогдашних обстоятельствах лишь академическое значение. Самым важным было вооружить Интернационал против бешеного натиска со стороны внешних врагов и укрепить его против изнутри разъедающих его элементов. Обе эти задачи по существу своему совпадали.

Важнейшее постановление конференции относилось к политической деятельности Интернационала. Это постановление сначала ссылалось на Учредительный манифест, на устав, на постановления Лозаннского конгресса и другие публичные декларации Союза, где говорилось, что политическое освобождение рабочего класса неразрывно связано с его социальным освобождением. Затем оно указывало, что Интернационалу противостоит безудержная

реакция, которая бессовестно подавляет освободительные стремления рабочего класса и пытается грубой силой увековечить и классовые различия и покоящееся на них господство имущих классов. Далее постановление разъясняло, что оказывать противодействие общему насилию имущих классов рабочий класс может только как класс в целом, если он создает свою особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям имущих классов. Конституирование особой рабочей партии как партии политической представляет собой необходимое условие торжества социальной революции и достижения ее конечной цели — упразднения классов. Наконец, объединение разрозненных сил, до некоторой степени уже достигнутое рабочим классом благодаря его экономической силе, должно быть использовано также и в качестве рычага для борьбы рабочих против политической власти их эксплуататоров. Исходя из всех этих соображений, конференция напоминала всем членам Интернационала, что в таком состоянии борьбы, в котором находится рабочий класс, его экономическое движение неразрывно связано с его политической деятельностью. В организационном отношении конференция просила Генеральный Совет ограничить пополнение своего состава новыми членами, а также избирать их не всегда исключительно из одной и той же национальности. Название Генерального Совета остается только за ним одним; Федеральные советы отдельных стран должны называться по имени страны, а местные секции — по имени местностей; все сектантские наименования, как позитивисты, мутуалисты, коллективисты, коммунисты и т. п. конференция отменила. Подтверждалось также, что каждый член Интернационала по-прежнему вносит ежегодно один пенс в кассу Генерального Совета.

По отношению к Франции конференция рекомендовала усиление агитации на фабриках и распространение печатных произведений; для Англии — образование собственного Федерального совета, который будет утверждаться Генеральным Советом, после того как его признают организации на местах и тред-юнионы. Далее конференция заявляла, что германские рабочие во время немецко-французской войны выполнили свой долг. Но, с другой стороны, она сняла с себя всякую ответственность за так называемый заговор Нечаева и поручила Утину опубликовать в женевской «Egalite» сжатый отчет о процессе Нечаева на основании русских источников, представив его, однако, до напечатания Генеральному Совету.

Вопрос о бакунинском Альянсе признан был исчерпанным, после того как его женевская секция добровольно распустила себя после запрещения сектантских и другого рода наименований, указывающих на особые задачи, отличные от общих целей Интернационала. По отношению к юрским секциям конференция одобрила решение Генерального Совета от 29 июня 1870 г., признавав-

шее женевский Федеральный совет единственно полномочным советом романской Швейцарии. Но вместе с тем она призывала к единению и солидарности, которыми должны быть проникнуты рабочие, в особенности ввиду преследований, испытываемых Интернационалом. Поэтому конференция рекомендовала мужественным рабочим юрских секций снова примкнуть к женевскому Федеральному совету. Вместе с тем конференция постановила, что если это окажется невозможным, то выделившиеся секции будут называться Юрской федерацией. Затем конференция заявила, что Генеральному Совету вменяется в долг отречение от всех тех мнимых органов Интернационала, которые, как «Progres» и «Solidarite» в Юре, раскрывали буржуазной публике внутренние вопросы Интернационала.

Наконец, конференция предоставила Генеральному Совету определить по его усмотрению время и место очередного конгресса или могущей заменить его конференции.

В общем и целом нельзя оспаривать деловитости всех постановлений конференции; выход из положения, предоставленный ею юрским секциям, т. е. право называть себя Юрской федерацией, обсуждался уже ими самими. Только решения по делу Нечаева заключали в себе некоторое личное заострение, не оправдываемое деловой точкой зрения. Если разоблачения по нечаевскому процессу были использованы буржуазной прессой для нападок на Интернационал, то это было клеветой вроде тех, которые тогда ежедневно обрушивались десятками на голову Интернационала. Он обыкновенно не считал себя обязанным выступать с опровержениями, а презрительно отшвыривал ногой приставшую к нему грязь. Если все же на этот раз делалось исключение из общего правила, то не следовало поручать расследование дела злобствующему интригану, от которого по отношению к Бакунину можно было ожидать примерно такой же добросовестности, как от буржуазной прессы.

Порученной ему работе Утин предпослал достойный его сенсационный вымысел о покушении на убийство. В Цюрихе, где он предполагал выполнить эту работу и где, по его словам, у него не было других врагов, кроме нескольких славян из Альянса под начальством Бакунина, на него будто бы напали в один прекрасный день в пустынном месте около канала восемь человек, говоривших на славянском наречии; они ранили его, повалили на землю и, несомненно, убили бы и бросили бы его труп в канал, если бы случайно не проходили мимо четыре немецких студента; они-то и спасли его драгоценную жизнь для будущих услуг царю.

За этим одним исключением постановления конференции создавали, без сомнения, удобную почву для взаимного понимания, в особенности в такое время, когда рабочее движение было со всех сторон окружено врагами. Но уже 20 октября к Генеральному

Совету обратилась с просьбой о принятии ее в Интернационал «Секция пропаганды и революционного социалистического действия», образовавшаяся в Женеве из обломков бакунинского Альянса и нескольких беглецов Коммуны. Генеральный Совет с согласия женевского Федерального совета ответил ей отказом. Тогда в газете «Revolution Sociale», сменившей в бозе почившую. газету «Solidarite», открыли ураганный огонь по «немецкому комитету, руководимому бисмарковским умом», каковым являлся, по мнению этой бравой газеты, Генеральный Совет Интернационала. Впрочем, этот замечательный пароль вскоре нашел широкий отклик. Маркс писал по этому поводу одному своему американскому другу: «Это относится к тому *непростительному* факту, что я по происхождению немец и действительно имею в Генеральном Совете решающее интеллектуальное влияние. (N. B.[1]: *немецкий* элемент в Совете *численно* на две трети слабее английского, а также слабее *французского.* Грех, следовательно, заключается в том, что английские и французские элементы в *теоретическом отношении* находятся под господствующим влиянием (!) немецкого элемента и находят это господство, т. е. немецкую науку, чрезвычайно полезным и даже необходимым.)»[2]

Но главное нападение было произведено юрскими секциями на конгрессе, который они собрали 2 ноября в Сонвилье. Там было представлено, правда, всего 9 из 22 секций шестнадцатью делегатами, и большинство этого меньшинства были больны скоротечной чахоткой. Но тем более широковещательны были их речи. Их глубоко оскорбило то, что Лондонская конференция навязала им название, которое они сами намеревались принять; но они все-таки постановили подчиниться и впредь называться Юрской федерацией. В отместку за «обиду» они объявили Романскую федерацию распущенной, что не имело ровным счетом никакого значения. Но главный подвиг конгресса заключался в составлении и рассылке всем федерациям Интернационала циркуляра, где были выражены протест против Лондонской конференции как незаконной и апелляция к общему конгрессу, который необходимо созвать в самый краткий срок.

Это послание, составленное Гильомом, исходило из того, что Интернационал находится на роковом наклонном пути. Он с самого начала был основан как «величайший протест против всякого авторитета»; устав его обеспечивал каждой секции или каждой группе секций самостоятельность, а Генеральный Совет был конструирован как исполнительная группа, наделенная весьма ограниченными полномочиями. Постепенно, однако, вошло в привычку относиться к нему со слепым доверием, которое в Базеле привело

[1] Заметьте. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 176. — *Ред.*

даже к добровольной отставке самого конгресса путем предоставления Генеральному Совету права принимать, отвергать и распускать отдельные секции до решения ближайшего конгресса. Следует заметить, что на самом деле это постановление Базельского конгресса было принято при активной поддержке Бакунина и с согласия Гильома.

В циркуляре утверждалось, что после этого Генеральный Совет, состоявший в течение пяти лет из одних и тех же людей и заседавший в том же месте, стал считать себя «законным главой» Интернационала. Он сделался в собственных глазах чем-то вроде правительства, и потому члены его рассматривали свои специфические идеи как официальную теорию, которая одна только и имеет право на существование в Интернационале. Отклоняющиеся от нее взгляды, возникавшие в других группах, представлялись членам Генерального Совета просто ересью. Таким образом, постепенно создалась некая ортодоксальность, центром которой является Лондон, а представителями — члены Генерального Совета. По мнению Гильома, не надо осуждать их стремления, так как они соответствовали воззрениям их особой школы, но следует самым решительным образом бороться против носителей этих взглядов, ибо их полновластие неизбежно действует развращающим образом. Совершенно невозможно, чтобы человек, приобретающий такую власть над себе подобными, мог оставаться нравственным человеком.

Затем в циркуляре говорилось, что Лондонская конференция продолжила работу Базельского конгресса и приняла решения, которые превращали Интернационал из свободного союза самостоятельных секций в одну авторитарную и иерархическую организацию, находящуюся в руках Генерального Совета. Чтобы увенчать это здание, конференция постановила, что Генеральному Совету надлежит также определять место и время ближайшего конгресса или конференции, заменяющей его. Это дает Генеральному Совету возможность заменять по своему произволу большие публичные собрания Интернационала тайными конференциями. Необходимо поэтому ограничить Генеральный Совет его первоначальным назначением, сохранив за ним роль простого бюро, ведущего переписку и статистику, и то единство, которого желали достичь посредством диктатуры и централизации, осуществить путем свободного союза самостоятельных групп. В этом Интернационал должен служить прообразом будущего общества.

Несмотря на такое сгущение красок, а может быть именно вследствие этого, циркуляр юрских секций не достиг своей цели: его требование скорейшего созыва конгресса не встретило сочувствия даже в Бельгии, Италии и Испании. В Испании за резкими нападками на Генеральный Совет усматривали ревнивую борьбу между Бакуниным и Марксом, в Италии так же мало желали

подчиняться командованию из Юры, как и из Лондона. И только в Бельгии открыто высказались за изменение устава в том смысле, чтобы Интернационал был объявлен союзом вполне независимых федераций, а Генеральный Совет — «центром для корреспонденции и справок».

Но тем большее одобрение циркуляр из Сонвилье встретил в европейской буржуазной прессе; она накинулась на него, как на редкостный лакомый кусочек. Вся та ложь, которую она распространяла о «жуткой» власти Генерального Совета, особенно после падения Парижской Коммуны, подтверждалась теперь документом, вышедшим из лона самого Интернационала. Юрский бюллетень, сменивший быстро скончавшуюся тем временем «Revolution Sociale», получил во всяком случае сомнительное удовлетворение в возможности привести на своих столбцах восторженные статьи из буржуазных газет.

Этот шум, вызванный циркуляром из Сонвилье, побудил Генеральный Совет ответить на него также циркуляром под заглавием: «Мнимые расколы в Интернационале»[1].

7

ИСТОЧНИК РАСКОЛА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ[2]

Поскольку этот циркуляр опровергал возведенные на Генеральный Совет из Сонвилье и других мест обвинения в превышении полномочий и даже подделке устава, в фанатической нетерпимости и так далее в том же роде, полемика его была победоносна, и остается только пожалеть, что она растрачивалась большей частью для возражений на такие совершенно необоснованные упреки. В самом деле, в настоящее время приходится сделать усилие над собой, чтобы вообще заняться этими пустяками. Так, из осторожности перед бонапартовской полицией парижские члены при учреждении Интернационала из одной фразы устава, в которой говорилось, что экономическому освобождению рабочего класса любое политическое движение должно быть подчинено как средство, выпустили при французском переводе слова «как средство». Дело обстояло совершенно просто и ясно, но Генеральному Совету стали назойливо и лживо вменять в вину, что слова «как средство» он внес в устав уже впоследствии, совершая при этом подделку. Или, придираясь к заявлению Лондонской конференции, что германские рабочие выполнили во время

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 389—433. — *Ред.*

[2] Критику ошибочных взглядов Меринга на причины прекращения деятельности I Интернационала см. во вступительной статье к настоящему изданию, стр. 22—23. — *Ред.*

войны свой долг, Генеральный Совет пытались обличить в «пангерманизме», который будто бы царит в его среде.

Циркуляр основательно разделался с этими пустяками. Если принять во внимание, что целью их было подкопаться под централизацию колеблющегося в своих основах Союза, которая одна только и могла еще спасти Союз против натиска реакционных сил, то становится понятной горечь заключительной фразы, содержащей прямое обвинение в том, что Альянс работает на руку международной полиции. «Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощное сосредоточение общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией»[1]. Чем более грозно теснили Интернационал извне, тем более непристойными казались нападки на него изнутри, и в особенности потому, что они были более необоснованны, чем когда-либо раньше.

Но яркий свет, падавший на эту сторону дела, ослаблял внимание циркуляра в другом направлении. Уже само заглавие показывает, что в нем признавался только «мнимый» раскол в рядах Интернационала. Он сводил весь спор, как это сделал уже Маркс в своем «Конфиденциальном сообщении», к проискам «нескольких интриганов», в особенности Бакунина. Он вновь повторял старые обвинения против Бакунина в «уравнении классов», по поводу Базельского конгресса и т. п., обвинял его в том, что он вместе с Нечаевым выдал русской полиции невинных людей, и посвящал особый отдел тому факту, что два сторонника Бакунина оказались агентами бонапартовской полиции. Этот факт был безусловно очень неприятен Бакунину, но не мог задевать его честь — подобно тому как не была задета и честь самого Генерального Совета, когда несколько месяцев спустя то же самое обнаружилось относительно двух его сторонников. И если циркуляр обвинял «молодого Гильома» в том, что он пытался представить «фабричных рабочих» Женевы какими-то ненавистными «буржуями», то он совершенно упускал из виду, что в Женеве под «fabrique» разумеют слой хорошо оплачиваемых рабочих, изготовляющих предметы роскоши и заключивших более или менее сомнительные избирательные компромиссы с буржуазными партиями.

Но самой слабой стороной циркуляра была его защита от упрека в «ортодоксальности», который был брошен Генеральному Совету. Он ссылался на то, что Лондонская конференция прямо запретила всем секциям принимать какие-либо сектантские названия. Эта мера, конечно, была оправдана постольку, поскольку

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 548. — *Ред.*

Интернационал состоял из довольно пестрого конгломерата профессиональных союзов, товариществ, просветительных и пропагандистских ассоциаций. Но истолкование, которое Генеральный Совет придал этому постановлению в своем циркуляре, было в высшей степени спорное.

В циркуляре сказано было дословно следующее: «Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители подвергают критике социальные противоречия и предлагают фантастические разрешения этих противоречий; рабочим же массам остается только принять, пропагандировать и осуществлять то, что те предлагают. Секты, созданные этими инициаторами, по самой своей природе настроены абстенционистски, чуждаются всякой реальной деятельности, политики, стачек, союзов, — одним словом, всякого коллективного движения. Пролетариат в массе своей всегда остается индиферентным или даже враждебным их пропаганде. Парижские и лионские рабочие не хотели знать сенсимонистов, фурьеристов, икарийцев, так же как английские чартисты и тред-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, начинают ему мешать, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет были помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали просто-напросто орудием в руках полиции»[1]. В другом месте циркуляра лассальянцы названы еще и «бисмарковскими социалистами», которые вне своего полицейского органа «Neue Sozial-Demokrat» («Новый социал-демократ») играли роль белых блуз прусско-германской империи.

Нигде нет определенных указаний на то, что автором этого циркуляра был Маркс. Судя по содержанию и стилю послания, в составлении его можно предположить более или менее близкое участие Энгельса. Но анализ сектантства исходил во всяком случае от Маркса. Та же мысль в совершенно той же форме встречается в его переписке с друзьями, относящейся к тому же времени, а в первый раз он развивал ее уже в своей полемической книге о Прудоне. Сама по себе эта мысль правильно характеризует историческое значение социалистического сектантства, но Маркс впадал в ошибку, ставя бакунистов и особенно лассальянцев на одну доску с прудонистами и оуэнистами.

Как ни презрительно мы будем относиться к анархизму, считая его всюду, где бы он ни проявлялся, просто болезнью рабо-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч, II, стр. 416—417. — *Ред.*

чего движения, но все же нельзя, в особенности теперь, после полувекового опыта, думать, что болезнь эта привита рабочему движению извне. Дело обстоит совсем не так: склонность к ней прирождена рабочему классу и развивается при благоприятных или, скорее, неблагоприятных условиях. Трудно понять, как можно было заблуждаться на этот счет даже в 1872 г. Бакунин меньше всего был человеком с готовым шаблоном или готовой системой, которую рабочим оставалось просто принять и осуществить. Ведь сам Маркс неустанно повторял, что Бакунин в теоретическом отношении является нулем и чувствует себя как дома только в области интриг, что его программа — это отовсюду понахватанная, поверхностная мешанина!

Решающей отличительной чертой основателей сект является их враждебное отношение ко всякому пролетарскому массовому движению — враждебное в том смысле, что они ничего знать не хотят о таком движении, а с другой стороны, такое движение ничего не хочет знать о них. Если бы даже Бакунин действительно хотел завладеть Интернационалом лишь для своих целей, то он доказал бы этим лишь то, что как революционер он ставил ставку только на массы. Несмотря на всю ожесточенность своей борьбы с Марксом, Бакунин почти до конца считал бессмертной заслугой Маркса то, что организацией Интернационала он создал широкий простор для массового пролетарского движения. Бакунина отделяло от Маркса различие во взглядах на тактику, которой должно следовать это массовое движение, чтобы достичь своей цели. Но как ни заблуждался в этом вопросе Бакунин, все же его взгляды не имели ничего общего с игрой в сектантство.

Еще в большей степени это относится к лассальянцам. Правда, в 1872 г. они еще не стояли на вершине социалистического принципа, но все же они превосходили своим теоретическим пониманием и организаторской силой все другие современные им рабочие партии в Европе, даже фракцию эйзенахцев, главной духовной пищей которых оставались по-прежнему агитационные сочинения Лассаля. Лассаль развил свою агитацию на широкой почве пролетарской классовой борьбы, тем самым наглухо закрыв двери перед всяким сектантством. Его преемник Швейцер был настолько проникнут мыслью о нераздельности политической и социальной борьбы, что заслужил от Либкнехта упрек в «парламентарничании». Если же в вопросе о профессиональном движении Швейцер на горе себе пренебрег предостережениями Маркса, то он уже давным-давно вышел из движения, а лассальянцы качали устранять и эту свою ошибку, как показали победоносные стачки строительных рабочих в Берлине. Они преодолели краткий застой в своей агитации, вызванный войной, и массы все более и более устремлялись к ним.

Можно было бы не уделять особого внимания выпадам против лассальянцев, поскольку Маркс вообще питал непреодолимое отвращение к Лассалю и ко всему, что было связано с его именем. Но в той связи, в которой эти выпады нашли себе место в циркуляре Генерального Совета, они получили особое значение. Они проливали яркий свет на подлинный источник раскола в Интернационале, на неразрешимое противоречие, в которое впал этот великий Союз вследствие разгрома Парижской Коммуны. С этого момента против Интернационала ополчился весь реакционный мир, и от такого натиска Интернационал мог защищаться только тесной спаянностью всех своих разрозненных сил. Но падение Коммуны показало также необходимость политической борьбы, которая в свою очередь была невозможна без значительного ослабления интернациональной связи, так как ее можно было вести только в национальных границах.

Требование воздерживаться от политики, как бы преувеличенно оно ни было, в своей основе вытекало из здорового недоверия и отвращения к разлагающему влиянию буржуазного парламентаризма, недоверия, которое наиболее ярко выразил еще Либкнехт в своей известной речи 1869 г. Точно так же и недовольство диктатурой Генерального Совета, обнаружившееся почти во всех странах после падения Парижской Коммуны, при всей своей преувеличенности проистекало из того более или менее ясного сознания, что каждая национальная рабочая партия условиями своего существования прежде всего связана с той нацией, часть которой она составляет, что она так же не может отрешиться от этих условий, как человек не может убежать от своей тени; другими словами, что она не может управляться из-за границы. И хотя Маркс уже в уставе Интернационала констатировал нераздельность политической и социальной борьбы, все же практически он повсюду исходил из социальных требований, общих для рабочих всех стран с капиталистическим способом производства. Политических же требований, как, например, требования сокращения рабочего дня в законодательном порядке, он касался лишь постольку, поскольку они вытекали из таких социальных требований. Политические вопросы в особенном и прямом смысле слова, т. е. вопросы, которые касались государственного устройства и складывались различно в каждой стране, Маркс откладывал до того времени, когда Интернационал воспитает рабочий класс и даст ему большую ясность понимания. Недаром он тяжко упрекал Лассаля за то, что последний ограничил свою агитацию меркой одной страны.

Высказывалось предположение, что Маркс еще долго продолжал бы откладывать обсуждение чисто политических вопросов, касающихся отдельных стран, если бы эти вопросы не были навязаны ему падением Парижской Коммуны и агитацией Бакунина. Это вполне возможно и даже вероятно. Но Маркс по своему

обыкновению принял борьбу такой, какой она была ему навязана. Он только упустил из виду, что задача, стоявшая перед ним, не могла быть разрешена при тогдашнем состоянии Интернационала, что Интернационал распадался изнутри в той же степени, в какой он все теснее сплачивался для борьбы с внешними врагами. Если вождь Генерального Совета Интернационала мог впасть в такую ошибку, что назвал самую развитую в его же смысле рабочую партию, к тому же партию на его родине, продажным полицейским отрядом, то это неоспоримо свидетельствовало, что исторический час Интернационала пробил.

Но это было не единственное доказательство. Повсюду, где начинали возникать национальные рабочие партии, Интернационал распадался. Какими резкими упреками осыпал когда-то Либкнехт Швейцера по поводу его будто бы равнодушного отношения к Интернационалу! Теперь же, когда Либкнехт сам стоял во главе эйзенахской фракции, ему пришлось выслушивать такие же упреки от Энгельса, и в ответ на это он по примеру Швейцера ссылался на германские законы о союзах: «Мне в голову не приходит рисковать теперь из-за этого существованием нашей собственной организации». Если бы несчастный Швейцер когда-нибудь позволил себе произнести столь дерзкую фразу, чего он никогда не делал, то еще сильнее обрушились бы на этого «портняжного короля», которому якобы непременно нужна была «собственная партия». Основание эйзенахской фракции нанесло первый удар женевской «секции немецкого языка». Последним ударом по этой старейшей и сильнейшей организации Интернационала на континенте было основание швейцарской Рабочей партии в 1871 г. Уже в конце этого года Беккеру пришлось приостановить издание «Vorbote».

Этой связи событий Маркс и Энгельс в 1872 г. еще не осознали. Но они шли против себя, утверждая, что Интернационал погиб вследствие происков отдельного демагога, в то время как он, Интернационал, мог сойти с исторической сцены с полной честью, выполнив великую задачу, которая затем переросла его. Действительно, нельзя не согласиться с теперешними анархистами, когда они говорят, что нет ничего более немарксистского, чем тот взгляд, будто такая пролетарская организация, как Интернационал, могла быть разрушена одним необычайно злокозненным человеком, «в высшей степени опасным интриганом». Эти анархисты более правы, чем те богобоязненные души, которых бросает в дрожь малейшее сомнение в верности положения, что Маркс и Энгельс не могли никогда ни в чем ошибаться. Если бы они сами могли высказаться теперь, оба они, конечно, отнеслись бы с едкой насмешкой к требованию, чтобы беспощадная критика, всегда бывшая в их руках самым острым оружием, не касалась их самих.

Подлинное величие их заключалось не в том, что они никогда не ошибались, а, напротив, в том, что, сознав свою ошибку, они никогда не упорствовали в ней. Уже в 1874 г. Энгельс признал, что Интернационал пережил себя. «Для того, чтобы был создан новый Интернационал наподобие старого, союз всех пролетарских партий всех стран, для этого было бы необходимо всеобщее подавление рабочего движения, подобно 1849—1864 гг. Но для этого пролетарский мир стал теперь слишком велик, слишком обширен»[1]. Он утешал себя тем, что в течение десяти лет европейской истории Интернационал играл в ней господствующую роль в одном направлении — обращенном к будущему — и может с гордостью оглянуться на свою работу.

А в 1878 г. Маркс в одном английском журнале боролся с утверждением, будто Интернационал потерпел неудачу и уже похоронен. «На самом же деле, — писал Маркс, — социал-демократические рабочие партии, организованные в более или менее национальном масштабе в Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Соединенных Штатах Америки, сосоставляют международные группы, которые не являются уже разрозненными секциями, в небольшом числе рассеянными по различным странам и объединенными вовне стоящим Генеральным Советом, а образуются самими рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями...

Таким образом, Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего прогрессивного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его истории»[2].

В этих строках вновь проявилось истинно пророческое предвидение Маркса. В то время, когда национальные рабочие партии существовали еще только в зародыше, более чем за десять лет до возникновения нового Интернационала он предвидел его историческую сущность. На и второй его форме он не сулил вечного существования и был уверен только в том, что наступит время и на развалинах его зацветет новая жизнь.

8
ГААГСКИЙ КОНГРЕСС

В циркуляре Генерального Совета от 5 марта говорилось о созыве ежегодного конгресса в начале сентября. Тем временем Маркс и Энгельс решили внести предложение о том, чтобы место-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 291. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 433. — *Ред.*

пребывание Генерального Совета было перенесено из Лондона в Нью-Йорк.

О необходимости и пользе этого предложения много спорили, так же как о мотивах, которыми оно было вызвано. На него смотрели как на похороны Интернационала по первому разряду: Маркс будто бы хотел прикрыть таким способом невозможность спасти Интернационал. Этому, однако, противоречит тот факт, что после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк Маркс и Энгельс поддерживали его всеми силами, стараясь спасти его существование. Затем говорили, что Марксу надоела работа в Интернационале и что он хочет снова вернуться к своей научной работе. Это было в некотором смысле подтверждено Энгельсом. В письме к Либкнехту от 27 мая 1872 г. Энгельс упоминает о бельгийском предложении совершенно упразднить Генеральный Совет и добавляет: «Я лично не имел бы ничего против этого, — я и Маркс, так или иначе, в Генеральный Совет вновь не войдем; при теперешних условиях у нас почти не остается времени для работы, и этому нужно положить конец»[1]. Но это было сказано мимоходом, под сердитую руку. Даже если бы Маркс и Энгельс отклонили переизбрание их в Генеральный Совет, это все же не делало необходимым перемещение Совета из Лондона. А затем Маркс неоднократно отказывался отодвинуть ради своих научных трудов работу в Интернационале на второй план, прежде чем он станет на прочные рельсы. И, конечно, Маркс по таким соображениям и теперь не покинул бы Интернационала в том тягчайшем кризисе, в котором он оказался.

Более верное объяснение дает сам Маркс в письме к Кугельману от 29 июля: «На международном конгрессе (в Гааге, открывается 2 сентября) вопрос идет о жизни или смерти Интернационала, и прежде чем я выйду из него, я хочу, по крайней мере, предохранить его от разлагающихся элементов»[2]. К этой защите «от разлагающихся элементов» относилось также и предложение перенести Генеральный Совет из Лондона, где он становился жертвой растущих распрей. Бакунинские тенденции совершенно не были представлены в Генеральном Совете или же во всяком случае были представлены так слабо, что их нечего было опасаться. Но среди немецких, английских и французских членов Совета царила такая сумятица, что пришлось образовать особую подкомиссию для разрешения вечных споров.

Даже между Марксом и двумя другими членами Генерального Совета, бывшими в течение долгих лет его самыми умелыми и верными помощниками, именно Эккариусом и Юнгом, наступило охлаждение, которое в мае 1872 г. привело даже к открытому

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 259. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 276. — *Ред.*

разрыву с Эккариусом. Эккариус жил в очень стесненных материальных условиях и заявил о том, что покидает свое место генерального секретаря Интернационала. Он считал себя незаменимым и желал повысить вдвое свое скромное жалованье в 15 шиллингов в неделю. Между тем на его место пригласили англичанина Джона Хейлза. Эккариус несправедливо обвинял в этом Маркса, тогда как Маркс всегда защищал его перед англичанами. Но Маркс неоднократно резко упрекал Эккариуса за то, что тот выболтал в печати сведения о внутренних делах Интернационала, в частности о тайных совещаниях Лондонской конференции. А Юнг, с другой стороны, в охлаждении к ним Маркса винил Энгельса, его властное поведение. В этом могла быть доля истины. Возможно, что с того времени, как Маркс стал ежедневно встречаться с Энгельсом, он — даже без всякого злого умысла — менее нуждался в обществе Эккариуса и Юнга, чем прежде. А сам «генерал», как называли Энгельса в тесном кругу, любил, даже по свидетельству его добрых друзей, военный, несколько повелительный тон. Когда очередь председательствовать в Генеральном Совете доходила до него, все обыкновенно ждали бурных сцен.

После того как Хейлз был назначен генеральным секретарем, между ним и Эккариусом возникла смертельная вражда, причем часть английских членов Интернационала была на стороне Эккариуса. Маркс в свою очередь не нашел опоры в новом генеральном секретаре. Наоборот, когда, согласно постановлению Лондонской конференции, была учреждена английская Федерация и ее первый конгресс состоялся 21 и 22 июля в Ноттингеме при участии 21 делегата, Хейлз, верный бакунинскому лозунгу об «угрозе для автономии федераций», внес предложение сноситься с другими федерациями не через посредство Генерального Совета, а прямым путем. Затем он предложил выступить на общем конгрессе за изменение устава в смысле ограничения полномочий Генерального Совета. Второе свое предложение Хейлз взял обратно, но первое было принято. В программном отношении этот конгресс хотя и не проявил склонности к бакунизму, но зато тяготел к английскому радикализму. Так, конгресс стоял за обобществление земли, но отнюдь не всех средств производства, причем за это выступал также и Хейлз. Последний совершенно открыто вел интригу против Генерального Совета, которому пришлось в августе удалить его с занимаемого поста.

Среди французских членов Генерального Совета преобладало бланкистское направление; оно было вполне надежно по обоим главным вопросам, вокруг которых шел спор, т. е. относительно политической деятельности и относительно необходимости прочной централизации. Но ввиду принципиального предпочтения, отдаваемого внезапным революционным переворотам, бланкист-

ское направление при тогдашних обстоятельствах могло оказаться более опасным для Интернационала, чем другие: европейская реакция только и жаждала удобного случая, чтобы броситься на Интернационал и раздавить его своим огромным перевесом сил. И действительно, Маркс потому и хотел перенести местопребывание Генерального Совета из Лондона в другое место, что опасался, как бы бланкисты не захватили дела в свои руки. С этой целью он избрал Нью-Йорк. Там можно было создать интернациональный состав Совета и обеспечить безопасность архивов Совета, неосуществимую во всех странах европейского континента.

На Гаагском конгрессе, заседавшем со 2 по 7 сентября, Маркс располагал надежным большинством благодаря сравнительно значительному представительству немцев и французов среди 61 делегата. Противники Маркса бросили ему упрек в том, что он искусственным образом сфабриковал это большинство; но этот упрек совершенно несостоятелен, поскольку он ставил под сомнение подлинность мандатов. Конгресс затратил почти половину времени на проверку мандатов, причем все мандаты были признаны действительными, за одним исключением. Правда, Маркс уже в июне направил в Америку просьбу о передаче мандатов немцам и французам. Некоторые делегаты были представителями секций не своей, а чужой нации. Другие из полицейских соображений выступали под вымышленными именами или по тем же причинам умалчивали о названиях секций, от которых получили мандаты. Вследствие этого в различных отчетах о конгрессе приводятся неодинаковые данные относительно численного представительства отдельных наций на конгрессе.

В строгом смысле представителей немецких организаций было только восемь: Бернхард Беккер (Брауншвейг), Куно (Штутгарт), Дицген (Дрезден), Кугельман (Целле), Мильке (Берлин), Риттингхаузен (Мюнхен), Шёй (Вюртемберг) и Шумахер (Золинген). Затем Маркс в качестве представителя Генерального Совета имел наряду с мандатом от Нью-Йорка еще мандат от Лейпцига и Майнца, а Энгельс — мандаты от Бреславля и Нью-Йорка. Гепнер из Лейпцига имел мандат от Нью-Йорка, Фридлендер из Берлина — мандат от Цюриха. Два других делегата с немецкими фамилиями — Вальтер и Сварм — на самом деле были французами; их настоящие фамилии — Хеддегем и Дантрейг. Оба были весьма сомнительные борцы: Хеддегем уже в Гааге состоял бонапартовским шпионом. Поскольку французские делегаты — Франкель и Лонге, примыкавшие к Марксу, Ранвье, Вайян и другие, причислявшие себя к бланкистам, — были эмигрантами Коммуны, они выступали под своими именами, но происхождение их мандатов оставалось более или менее в тени. Представителями Генерального Совета наряду с Марксом были двое англичан (Роч

и Секстон), один поляк (Врублевский) и три француза (Серрайе, Курне и Дюпон). Коммунистический рабочий союз в Лондоне представлен был Лесснером. Британский Федеральный совет прислал четырех делегатов, среди них Эккариуса и Хейлза, которые уже в Гааге столковывались с бакунистами.

Что касается бакунистов, то итальянцы не прислали на конгресс ни одного человека; они уже в августе, на конференции в Римини, отказались иметь что-либо общее с Генеральным Советом. Пять испанских делегатов, за исключением одного лишь Лафарга, примыкали к бакунистам, точно так же как восемь бельгийских и четыре голландских представителя. Юрская федерация прислала Гильома и Швицгебеля, а Женева сохранила своим представителем старого Беккера. Из Америки прибыло четыре делегата: Зорге, принадлежавший, как и Беккер, к числу преданнейших сторонников Маркса; затем бланкист Дерер, бывший член Коммуны; третий мандат был предоставлен одному бакунисту, а четвертый оказался тем единственным мандатом, который был признан недействительным. Дания, Австрия, Венгрия и Австралия прислали каждая по одному делегату.

Уже во время длившейся три дня проверки мандатов разыгрались бурные сцены. Испанский мандат Лафарга горячо оспаривался, но все же был утвержден при нескольких воздержавшихся. Во время прений относительно мандата от чикагской секции, который был передан члену, проживающему в Лондоне, делегат британского Федерального совета указал на то, что этот член не является признанным вождем рабочего движения; Маркс возразил на это, что не быть английским рабочим вождем — это скорее честь, так как большинство этих вождей продалось либералам. Это замечание, несмотря на утверждение мандата, испортило присутствующим немало крови, а после конгресса было усердно использовано Хейлзом и его товарищами против Маркса. Сам Маркс, будучи всегда господином своих поступков, конечно, никогда не раскаивался в своих словах и не брал их обратно. После окончания проверки мандатов особой комиссии из пяти членов было поручено предварительно рассмотреть ряд заявлений, относившихся к Бакунину и к учрежденному им Альянсу; комиссия эта была избрана из членов, менее причастных, чем другие, к спорам о бакунинском Альянсе. Председателем комиссии был немец Куно, а членами — французы Люкен, Вишар, Вальтер — Хеддегем и, наконец, бельгиец Спленгар.

Только на четвертый день конгресс приступил к деловым вопросам, начав с чтения отчета, представленного конгрессу Генеральным Советом. Отчет, составленный Марксом, был прочитан по-немецки им самим, по-английски — Секстоном, по-французски — Лонге и по-фламандски — Абееле. Отчет перечислял в резких выражениях все насилия, которым подвергался Интернацио-

нал со времени бонапартовского плебисцита. Он указывал на кровавое подавление Коммуны, на мерзости Тьера и Фавра, на позорные дела французской палаты из мелкопоместных дворян, на процессы о государственной измене в Германии. И английскому правительству тоже досталось в отчете за террор по отношению к ирландским секциям и за расследования, которые оно производило через свои дипломатические миссии относительно разветвлений Интернационала. В отчете говорилось, что наряду с травлей со стороны правительств шла кампания лжи и клеветы во всем цивилизованном мире; она действовала посредством распространения апокрифических рассказов об Интернационале, печатания сенсационных телеграмм и даже самого наглого подлога официальных документов, вроде той телеграммы — образца чудовищной клеветы, — которая приписывала Интернационалу большой пожар в Чикаго и облетела весь мир. Удивительно еще, как не приписали демоническому влиянию Интернационала урагана, опустошившего тогда Вест-Индию. Этим диким и гнусным измышлениям Генеральный Совет противопоставлял непрерывные успехи, достигнутые Интернационалом: его проникновение в Голландию, Данию, Португалию, Шотландию и Ирландию, его распространение в Соединенных Штатах, Австралии, Новой Зеландии и в Буэнос-Айресе. Конгресс отнесся к отчету одобрительно и по предложению бельгийского делегата выразил свое преклонение и симпатию всем жертвам пролетарской освободительной борьбы.

Затем перешли к прениям по вопросу о Генеральном Совете. Лафарг и Зорге доказывали необходимость сохранить его в интересах классовой борьбы: повседневную борьбу рабочего класса против капитала нельзя вести без центрального руководящего органа; если бы еще не существовало Генерального Совета, то его следовало бы изобрести. Противоположную позицию защищал особенно Гильом, который оспаривал необходимость сохранения Генерального Совета и допускал его существование в лучшем случае как центрального бюро для корреспонденции и статистики, требуя, чтобы у него была отнята всякая власть. Он утверждал, что Интернационал не есть изобретение какого-либо одного умного человека, придумавшего непогрешимую политическую и социальную теорию, а вырос из экономических условий существования рабочего класса, и это, по мнению юрской секции, достаточно обеспечивает единство его стремлений.

Прения закончились только на пятый день работы конгресса и притом на негласном заседании; впрочем, прения о действительности мандатов также велись при закрытых дверях. Маркс выступил с длинной речью за то, чтобы не только сохранить полномочия Генерального Совета, но даже расширить их. Ему должно быть предоставлено право приостанавливать до ближайшего

конгресса деятельность не только отдельных секций, но даже целых федераций — конечно, при определенных гарантиях. В распоряжении Совета не имеется ни полиции, ни солдат, но его авторитет не должен подвергаться ограничению; лучше совсем упразднить его, чем низводить до роли почтового ящика. Конгресс стал на сторону Маркса большинством *36* голосов против 6 при 15 воздержавшихся.

Затем Энгельс внес предложение перенести местопребывание Генерального Совета из Лондона в Нью-Йорк. Он ссылался на то, что уже несколько раз обсуждался вопрос о переезде Совета из Лондона в Брюссель, но Брюссель постоянно сопротивлялся этому. При теперешних же обстоятельствах решение не терпит отсрочки, и необходимо перенести Совет именно в Нью-Йорк. Нужно решиться на это по крайней мере на год. Предложение Энгельса вызвало всеобщее и для большинства тягостное изумление. Особенно горячо протестовали французские делегаты: они добились того, чтобы голосование было раздельным, сначала о необходимости переезда вообще, а затем конкретно о новом местопребывании. Вопрос о переезде был решен незначительным большинством 26 голосов против 23 при 9 воздержавшихся; затем в пользу Нью-Йорка высказалось 30 человек. После этого в новый Генеральный Совет было избрано 12 членов, получивших право кооптировать семь новых членов.

На том же заседании были открыты прения по политической работе. Вайян внес проект резолюции в духе постановления, принятого по этому вопросу Лондонской конференцией. Рабочий класс должен организоваться как политическая партия, резко обособленная от всех буржуазных партий и враждебно им противостоящая. Вайян и вместе с ним Лонге ссылались особенно на опыт Парижской Коммуны, которая погибла вследствие отсутствия политической программы. Менее убедительным был довод одного немецкого делегата относительно того, что Швейцер вследствие своего воздержания от политической деятельности сделался агентом полиции — тот самый Швейцер, которого уже за три года до того немецкие делегаты на Базельском конгрессе подозревали в шпионстве за его «парламентарничанье». Гильом со своей стороны сослался на опыт Швейцарии, где рабочие вступали в предвыборные соглашения с кем угодно — то с радикалами, то с реакционерами. С такими проделками юрская секция не желала иметь ничего общего. Члены ее — тоже политики, но политики отрицательного характера: они хотят не завоевать политическую власть, а разрушить ее.

Прения затянулись до следующего — шестого и последнего дня, который начался с неожиданности: Ранвье, Вайян и другие бланкисты покинули конгресс из-за решения перенести Генеральный Совет в Нью-Йорк. В листовке, которую они вскоре после

этого издали, говорилось: «Когда от Интернационала потребовали выполнения его долга, он отказался. Он удрал от революции и убежал за Атлантический океан»[1]. Вместо Ранвье председательское кресло занял Зорге. Затем предложение Вайяна было принято большинством 35 голосов против 6 при 8 воздержавшихся. Часть делегатов уже уехала, но большинство из них оставило письменные заявления о том, что они голосуют за это предложение.

Последние часы последнего дня были посвящены отчету комиссии пяти по вопросу о Бакунине и об Альянсе. Большинством четырех голосов против одного голоса бельгийского члена комиссия признала следующее: во-первых, доказано, что существовал тайный Альянс с уставом, диаметрально противоположным уставу Интернационала, но не удалось установить в достаточной мере, продолжает ли еще существовать этот союз. Во-вторых, проектом устава и письмами Бакунина доказано, что он пытался — и это ему, быть может, удалось — учредить внутри Интернационала тайное общество с уставом, решительно отличающимся в политическом и социальном отношении от устава Интернационала. В-третьих, Бакунин пытался обманным путем завладеть чужой собственностью; чтобы освободиться от принятых обязательств, он сам или его агенты прибегали к запугиваниям. По этим соображениям большинство комиссии предлагало исключить из Интернационала Бакунина, Гильома и некоторых других их сторонников. Материальных доказательств Куно, состоявший докладчиком комиссии, не представил; он только заявил, что большинство членов комиссии пришло к моральному убеждению по этому вопросу, и просил у конгресса доверия.

Гильом, уже до того отказавшийся явиться в комиссию, в ответ на приглашение председателя выступить в свою защиту заявил, что он отказывается от всякой защиты, чтобы, как он выразился, не принимать участия в комедии. Гильом утверждал, что этот удар направлен не против отдельных лиц, а против федералистических стремлений. Представители последних, поскольку они еще присутствуют на конгрессе, сговорились и уже заключили договор о солидарности. Этот договор был затем оглашен одним голландским делегатом. Договор был подписан четырьмя испанскими, пятью бельгийскими, двумя юрскими, одним голландским и одним американским делегатами. Во избежание всякого раскола в Интернационале подписавшие договор изъявили готовность поддерживать с Генеральным Советом административную связь,

[1] См. «Internationale et Revolution. A propos du congres de la Hage par des refugies de la Commune ex-membres du Conseil General de l'International», Londres 1872, p. 8 [«Интернационал и революция. По поводу Гаагского конгресса. Написана эмигрантами Коммуны, бывшими членами Генерального Совета Интернационала», Лондон 1872, стр. 8]. — *Ред.*

не допуская, однако, с его стороны никакого вмешательства во внутренние дела федераций, поскольку дело не касается нарушения общего устава Интернационала. Вместе с тем необходимо предложить всем федерациям и секциям подготовиться к следующему конгрессу, чтобы помочь победе принципа свободного объединения (autonomie federative). Конгресс не стал даже обсуждать это предложение, а постановил исключить Бакунина большинством в 27 против 7 (при 8 воздержавшихся) и Гильома большинством в 25 против 9 (при 9 воздержавшихся). Все остальные предложения об исключении, сделанные комиссией, были отклонены, но комиссии поручено было опубликовать относящиеся к делу Альянса материалы.

Эта заключительная сцена Гаагского конгресса была безусловно недостойна его. Постановления большинства комиссии уже потому не имели никакого значения, что в составлении их принимал участие один сыщик. Но об этом тогда еще никто не мог знать. Кроме того, было бы вполне понятно, если бы Бакунина исключили из политических соображений, правда, только в силу морального убеждения, что он — неисправимый «бузотер», хотя бы все его происки и нельзя было доказать черным по белому. Но позорить Бакунина за то, что он будто бы не делал различия между «моим» и «твоим», было совершенно непростительно. К сожалению, вина за это падала на Маркса.

Маркс раздобыл мнимое постановление мнимого «революционного комитета», заключавшее угрозы Любавину на тот случай, если бы он настаивал на возвращении задатка в 300 рублей, которые он передал Бакунину от одного издателя за перевод «Капитала». Буквальное содержание этого документа неизвестно, но когда Любавин, сделавшись ярым врагом Бакунина, отсылал его Марксу, он писал последнему: «Тогда участие в нем Бакунина казалось мне несомненным. Но я должен сказать, что теперь, когда я хладнокровно перебираю в голове всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина совсем не доказано, так как в действительности письмо могло быть послано Нечаевым совершенно независимо от Бакунина»[1]. Так оно фактически и было, а между тем только на основании этого письма, в уголовном характере которого сомневался сам адресат, Бакунина обвинили на Гаагском конгрессе в мошенничестве.

Хотя Бакунин несколько раз подтверждал получение задатка и обещал отработать его тем или иным образом, но, по-видимому, при его вечных денежных затруднениях ему это не удалось. С другой стороны, во всей этой печальной истории ничего не известно о единственно пострадавшей стороне — о самом изда-

[1] См. *Ю. Стеклов,* М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность, т. 3, 1927, стр. 493. — *Ред.*

теле; он, по-видимому, с философским спокойствием покорился судьбе, к которой его достаточно приучила его профессия. Сколько писателей, и среди них весьма знаменитых, получив от своих издателей задатки, остались должны им. Конечно, это не особенно похвально, но за это преступника еще не посылают на виселицу.

9
ПЕЧАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Гаагский конгресс завершил собою историю Интернационала, как ни старались Маркс и Энгельс продлить его существование. Они сделали все возможное, чтобы облегчить новому Генеральному Совету в Нью-Йорке его задачу.

Но этому Совету не удалось пустить прочных корней на американской почве. И там было много разногласий между различными секциями, и равным образом также не хватало опыта и связей, духовных сил и материальных средств. Душой нового Генерального Совета был Зорге. Он знал американские условия и раньше был против перенесения местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. Но, отказавшись сначала, он все же принял должность генерального секретаря, так как был слишком добросовестным и преданным делу человеком, чтобы отстраниться, когда возникли большие затруднения.

В пролетарских делах дипломатические ухищрения никогда не приводят к добру. Маркс и Энгельс справедливо опасались, что их план перенести Генеральный Совет в Нью-Йорк вызовет сильное сопротивление со стороны немецких, французских и английских рабочих, и они по возможности откладывали этот вопрос, чтобы преждевременно не умножать и без того в изобилии накопившихся поводов к столкновениям. Но их неожиданная удача на Гаагском конгрессе имела не менее печальные последствия. Ожидаемое сопротивление не только не было ослаблено, а, наоборот, еще больше обострилось.

Сравнительно весьма мягко оно проявилось среди немцев. Либкнехт был противником перенесения местонахождения Совета и позднее всегда указывал на ошибочность этой меры. Но в то время он вместе с Бебелем сидел в Губертусбурге. Если и у него до некоторой степени пропал интерес к Интернационалу, то в значительно большей мере это имело место у большинства членов эйзекахской фракции. Главной причиной этого были впечатления, вынесенные ее представителями с Гаагского конгресса. Энгельс писал об этом Зорге 3 мая 1873 г.: «Что касается немцев, то хотя у них есть своя собственная склока с лассальянцами, они очень разочарованы и обескуражены Гаагским конгрессом, где, в противоположность собственным ссорам, они ожидали найти

сплошное братство и гармонию...»[1]. Этой самой по себе очень мало отрадной причиной и объясняется то, что немецкие члены Интернационала не слишком беспокоились по поводу перенесения местонахождения Генерального Совета.

Гораздо опаснее было отпадение бланкистов. В решающих вопросах Маркс и Энгельс помимо немцев более всего опирались на них, особенно в своих выступлениях против прудонистов — другой французской фракции, которая по всем своим воззрениям тяготела к бакунистам. Озлобление бланкистов было тем большим, что в переносе местопребывания Генерального Совета они вполне правильно усматривали, как одну из основных причин, стремление вырвать у них этот рычаг их путчистской тактики. Правда, они наносили вред самим себе. Так как агитация на родине была для них невозможна, то после отпадения от Интернационала они обрекали себя на роковую эмигрантскую судьбу: «Французская эмиграция, — писал Энгельс 12 сентября 1874 г. Зорге, — совсем развалилась, все перессорились друг с другом по *чисто личным мотивам,* но большей частью из-за денежных вопросов, и мы от них почти совсем отделались... Праздная жизнь во время войны, Коммуны и в эмиграции страшно деморализовала этих людей, а заставить взяться за ум шалопая француза может лишь горькая нужда»[2]. Но это опять-таки было плохим утешением.

Наиболее заметное влияние перенесение местонахождения Генерального Совета оказало на английское движение. Уже 18 сентября Хейлз предложил в британском Федеральном совете вынести порицание Марксу за его замечание о продажности английских вождей рабочего движения. Это предложение было принято, и только добавление, что Маркс сам не верил в это обвинение, а выступил с ним лишь ради личных целей, было отклонено, так как голоса разделились поровну. Затем Хейлз огласил предложение исключить Маркса из Интернационала, а другой член Совета предложил отвергнуть постановления Гаагского конгресса. Хейлз теперь совершенно открыто продолжал поддерживать сношения с членами юрских секций, тайно установленные им еще в Гааге; 6 ноября он написал им от имени Федерального совета, что теперь разоблачено лицемерие старого Генерального Совета, стремившегося основать тайное общество в самом Интернационале под предлогом уничтожения другого тайного общества, существование которого он изобрел для своих целей. Но при этом Хейлз подчеркивал, что англичане не сходятся с юрскими секциями по основному политическому вопросу. Они убеждены в полезности политической активности, но признают за другими федерациями

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 335. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 376. — *Ред.*

право на полную автономию, необходимую в связи с разными условиями различных стран.

Ревностным союзником Хейлза оказался Эккариус, а также и Юнг. Последний, проявив вначале некоторую сдержанность, стал затем резче всех выступать против Маркса и Энгельса. Оба они наделали тогда много тяжких грехов, так как под влиянием личных мотивов утратили ясность суждений: вначале из-за ревности и раздражения в связи с тем, что Маркс больше прислушивался — так по крайней мере казалось — к советам Энгельса, чем к их словам, а затем особенно вследствие потери видного и влиятельного положения, которое они занимали, как старые члены Генерального Совета. К сожалению, именно это их положение и усугубляло причиненный ими вред. На ряде конгрессов они сделались известны всем как самые энергичные и наиболее проницательные истолкователи взглядов Маркса. Теперь же они, ссылаясь на терпимость юрских секций к этим взглядам, доказывали нетерпимость гаагских решений и таким образом ставили вне всякого сомнения диктаторские замашки, будто бы проявляемые Марксом и Энгельсом.

То, что они при этом сами себя резали по живому месту, являлось плохим утешением. В английских, в особенности же в ирландских, секциях, а также в самом Федеральном совете они натолкнулись на сильное противодействие. Тогда они совершили нечто вроде государственного переворота, выпустив воззвание ко всем членам и секциям Интернационала, в котором заявляли, что британский Федеральный совет настолько разъединен внутренними распрями, что общая работа там стала невозможной. Они требовали созыва конгресса, который бы решил, насколько действительны гаагские постановления. Эти постановления воззвание истолковывало по-своему. Эккариус и Юнг не возражали против того, что Гаагским конгрессом политическая деятельность была признана обязательной, ибо с этим было согласно и большинство. Они возражали против того, что Генеральный Совет считал своим правом предписывать каждой федерации политику, которую она должна проводить в своей стране. Меньшинство Федерального совета немедленно дало отпор их кривотолкам в воззвании, составленном, по-видимому, Энгельсом, в котором протестовало против предполагаемого конгресса как незаконного. Но все же этот конгресс состоялся 26 января 1873 г. За его созыв стояло большинство секций, и только оно и было представлено на нем.

Открывая этот конгресс, Хейлз выступил с тяжкими обвинениями против прежнего Генерального Совета и против Гаагского конгресса, причем Эккариус и Юнг горячо поддержали Хейлза. Конгресс единогласно отверг гаагские решения и отказался признать Генеральный Совет в Нью-Йорке. Далее он высказался за

созыв нового международного конгресса, как только федерации Интернационала в большинстве своем найдут его необходимым. Этим совершился раскол Британской федерации. Обломки ее уже оказались бессильны принять энергичное участие в выборах 1874 г., которые низвергли министерство Гладстона в значительной степени благодаря выступлению тред-юнионов. Последние выставили ряд кандидатур и в первый раз провели двух своих членов в парламент.

Шестой конгресс Интернационала, созванный в Женеве 8 сентября по решению Генерального Совета в Нью-Йорке, был, так сказать, свидетельством о его смерти. В то время как бакунинский конгресс, собравшийся также в Женеве, насчитывал все-таки двух английских делегатов (Хейлза и Эккариуса), по пяти бельгийских, французских и испанских делегатов, четырех итальянских, одного голландского и шесть делегатов из Юры, марксистский конгресс состоял почти исключительно из швейцарцев, и притом в большинстве своем проживавших в Женеве. Даже Генеральный Совет не смог прислать ни одного делегата. Точно так же не было на конгрессе англичан, французов, бельгийцев, испанцев, итальянцев. Присутствовал только один немец и один австриец. Старик Беккер хвастал, что из менее чем тридцати делегатов конгресса тринадцать он добыл из-под земли, чтобы придать больший авторитет конгрессу количеством собравшихся членов и обеспечить для большинства правильное направление. Конечно, Маркс не поддался этому самообману. Он честно признал «провал» конгресса и посоветовал Генеральному Совету отодвинуть на время формальную организацию Интернационала на второй план, но стараться не выпускать из рук центральный пункт в Нью-Йорке, для того чтобы никакие идиоты и авантюристы не имели возможности захватить руководство Интернационалом и скомпрометировать дело. Ход событий, неизбежное развитие и переплетение их сами собой восстановят Интернационал в улучшенной форме.

Это было самое мудрое и самое достойное решение при тогдашних обстоятельствах. Но, к сожалению, влияние этого решения было ослаблено последним ударом, который Маркс и Энгельс хотели нанести Бакунину. Гаагский конгресс поручил «комиссии пяти», внесшей предложение об исключении Бакунина, опубликовать результаты ее расследования. Но комиссия не выполнила этого поручения, может быть, потому, что члены ее «рассеялись по различным странам», или же потому, что ее авторитет стоял на весьма шатком фундаменте, так как один из ее членов признал Бакунина невинным, а другой был к этому времени разоблачен как шпион полиции. Вместо первоначальной комиссии задачу ее взяла на себя протокольная комиссия Гаагского конгресса (Дюпон, Энгельс, Франкель, Ле Муссю, Маркс, Серрайе). За не-

сколько недель до Женевского конгресса она издала меморандум под заглавием «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих»[1]. Этот меморандум был составлен Энгельсом и Лафаргом. Маркс принял участие только в редактировании нескольких заключительных страниц, но, конечно, был не менее ответствен за него, чем непосредственные составители.

Критический разбор правильности или неправильности отдельных подробностей этой брошюры об Альянсе, как ее обычно сокращенно называют, потребовал бы по крайней мере такого же объема — в десять печатных листов, — какой имела сама брошюра. Не будет, однако, большой потерей, если мы воздержимся от этого разбора. В подобной борьбе постоянно идет взаимная перестрелка, а бакунисты в своих нападках на марксистов тоже не стеснялись и не имели права жаловаться, если с ними порой обходились несколько сурово и даже несправедливо.

Но и с другой точки зрения эту брошюру нужно поставить ниже всего, что было опубликовано Марксом и Энгельсом. В ней совершенно отсутствует то, что составляет своеобразную прелесть и постоянную ценность всех их других полемических сочинений, т. е. положительная сторона нового понимания, выявляемая посредством отрицательной критик». Брошюра ни единым словом не касается внутренних причин, которые привели Интернационал к гибели. Она является лишь продолжением «Конфиденциального сообщения» и циркуляра относительно мнимых расколов в Интернационале и утверждает, что именно Бакунин и его Альянс разрушили Интернационал своими интригами и происками. Брошюра эта — не исторический документ, а односторонняя обвинительная речь, тенденциозность которой бросается в глаза на каждой странице. Немецкий же переводчик счел своим долгом еще больше разукрасить ее в прокурорском стиле, озаглавив ее: «Заговор против Международного Товарищества Рабочих».

Гибель Интернационала вызвана была совершенно иными причинами, чем существование тайного Альянса. В брошюре к тому же не доказано, что деятельность этого Альянса имела какие-либо практические результаты. Следственной комиссии Гаагского конгресса пришлось удовлетвориться в этом отношении только «возможностями» и «вероятностями». Нельзя, конечно, не осуждать Бакунина за то, что он в его положении увлекался фантастическими проектами уставов и разражался грозно звучавшими декларациями. Все же, так как никакого осязательного обвинительного материала против него не оказалось, надо признать и то, что во всем этом больше всего участвовала его пылкая фантазия. Брошюра, однако, посвящала половину своего изложения разо-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XIII, ч. II, стр. 537—649. — *Ред.*

блачениям «благородного» Утина относительно нечаевского процесса, а также сибирской ссылки Бакунина, во время которой он будто бы уже успел показать себя вымогателем и мелким вором. В подтверждение этого не приводилось никаких доказательств. В других же случаях все то, что говорил и делал Нечаев, ставилось прямо на счет Бакунина.

Глава о Сибири в особенности является настоящим бульварным романом. Губернатором Сибири во время ссылки Бакунина был будто бы какой-то его родственник. Благодаря этому родству, а также услугам, оказанным Бакуниным царскому правительству, он сделался тайным правителем Сибири и злоупотреблял своей властью, оказывая поблажки предпринимателям-капиталистам «за ничтожные чаевые». Правда, это корыстолюбие порою будто бы преодолевалось «ненавистью Бакунина к науке». Так, он расстроил план сибирских купцов, желавших учредить университет в Сибири, для чего необходимо было согласие царя.

Особенно «талантливо» разукрасил Утин историю о вымогательстве Бакуниным большой суммы денег у Каткова. Эту выдумку уже за несколько лет до того излагал Марксу и Энгельсу Боркгейм, не вызвав, однако, в них сочувствия. По словам Боркгейма, Бакунин писал Каткову из Сибири, прося его выслать ему несколько тысяч рублей для организации побега. По словам же Утина, Бакунин стал выпрашивать деньги у Каткова уже после своего успешного побега, из Лондона. Он мучился угрызениями совести и жаждал вернуть одному откупщику водочной монополии взятки, которые брал у него в сибирской ссылке. Но все это могло еще показаться признаком раскаяния; даже такое человеческое чувство проявилось у Бакунина — что вызвало особенное возмущение Утина — в выклянчивании денег у человека, который был ему известен как «доносчик и литературный разбойник, наймит русского правительства». На такую головокружительную высоту поднялась фантазия Утина и все же еще далеко не угомонилась на этом.

В конце октября 1873 г. Утин приехал в Лондон, чтобы сообщить еще «гораздо- более удивительные вещи» про Бакунина. «Этот человек, — писал Энгельс 25 ноября Зорге, — усердно применял свой катехизис на практике; уже ряд лет как он и его Альянс живут лишь *вымогательствами,* полагаясь на то, что ничего из этого не может быть предано гласности без того, чтобы не были скомпрометированы некоторые лица, с которыми приходится считаться. Ты и понятия не имеешь, что это за подлая банда»[1]. К счастью, к тому времени, когда Утин приехал в Лондон, брошюра о бакунинском Альянсе уже несколько недель как вышла в свет. Поэтому «гораздо более удивительные вещи»

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 357. — *Ред.*

остались сокрытыми в правдолюбивой груди Утина, который вскоре за тем бросился с раскаянием в объятия царя-батюшки, чтобы увеличить свои доходы от продажи водки еще и военными поставками.

Именно эта часть, посвященная русским делам, в которой брошюра об Альянсе превзошла самое себя, более всего уничтожала ее политическое значение. Она оказала отталкивающее действие даже на те круги русских революционеров, которые были в натянутых отношениях с Бакуниным. Влияние Бакунина на русское движение 70-х годов не уменьшилось, а Маркс потерял значительную часть тех симпатий, которые завоевал к себе в России. Но и в остальном брошюра оказалась мыльным пузырем, и притом именно благодаря тому единственному результату, которого она достигла. Она побудила самого Бакунина выйти из борьбы, но движению, носившему имя Бакунина, она не причинила ни малейшего ущерба.

Бакунин ответил сначала заявлением, которое послал в «Journal de Geneve» («Женевскую газету»). Это заявление свидетельствовало о глубоком огорчении, вызванном нападками брошюры. Несостоятельность их он доказывал уже тем, что в гаагской следственной комиссии заседали два провокатора (фактически там был один). Затем Бакунин ссылался на свой шестидесятилетний возраст и на свою все более ухудшающуюся сердечную болезнь. «Пусть возьмутся за работу другие, более молодые; я же не чувствую в себе уже нужных сил, а быть может, и нужной веры, чтобы продолжать катить сизифов камень против повсюду торжествующей реакции. Поэтому я ухожу с арены и прошу у моих дорогих современников только одного — забвения. Отныне я не нарушу ничьего покоя, пусть же и меня оставят в покое»[1]. Обвиняя Маркса в том, что он превратил Интернационал в орудие своей личной мести, Бакунин все же признавал Маркса одним из главных учредителей этой «великой и прекрасной ассоциации».

С большей резкостью по отношению к Марксу, но по существу в более спокойном тоне написано прощальное письмо Бакунина к членам юрской секции. В нем он называет центром реакции, с которой рабочие должны вести самую ожесточенную борьбу, не только дипломатию Бисмарка, но не менее и социализм Маркса. Свой уход от агитационной деятельности он объясняет и в этот раз годами и болезнью, превращающей его участие в борьбе скорее в помеху, чем в помощь. Но он имеет право уйти уже потому, что оба конгресса в Женеве засвидетельствовали победу его дела и поражение его противников.

[1] См. *Ю. Стеклов,* М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность, т. 4, 1927, стр. 316. — *Ред.*

Ссылки Бакунина на «состояние здоровья» были, конечно, высмеяны как пустой предлог. Но те немногие годы, которые он еще прожил в тяжкой нужде и в мучительных физических страданиях, показали, что силы его были действительно надорваны. Из интимных писем Бакунина к ближайшим друзьям обнаруживается также, что он, «быть может», утратил и веру в скорую победу революции. Бакунин умер 1 июля 1876 г. в Берне. Он заслужил более отрадную смерть и более почетную память, чем сохранили о нем если не весь рабочий класс, то все же многочисленные круги этого класса, за интересы которого он так мужественно боролся и так много страдал.

При всех недостатках и слабостях Бакунина история обеспечит ему почетное место среди передовых борцов международного пролетариата — вопреки тому, что это почетное место будут оспаривать всегда, пока есть на земле филистеры, все равно, натягивают ли они себе на длинные уши полицейский ночной колпак или стараются скрыть свои трясущиеся кости под львиной шкурой Маркса.

Глава пятнадцатая

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

1
МАРКС В ДОМАШНЕМ КРУГУ

Подобно тому как после предсмертных судорог Союза коммунистов Маркс в конце 1853 г. вернулся в свой рабочий кабинет, так и в 1873 г., после предсмертных судорог Интернационала, он вновь обратился к кабинетному труду. Но на этот раз уже на все время, до конца жизни.

Последнее десятилетие жизни Маркса называли «медленным умиранием», но это весьма преувеличено. Правда, борьба со времени падения Коммуны сильно отозвалась на его здоровье. Осенью 1873 г. он очень страдал головными болями, и ему угрожала серьезная опасность апоплексического удара. Это хроническое подавленное состояние мозга делало его неработоспособным и отнимало охоту к писанию. Если бы оно длилось долго, то привело бы к весьма печальным последствиям. Но Маркс поправился благодаря многонедельному уходу за ним общего друга его и Энгельса — манчестерского врача Гумперта, к которому Маркс относился с полным доверием.

По совету Гумперта Маркс в 1874 г. решился поехать в Карлсбад. Эту поездку он повторил и в два следующих года. В 1877 г. он избрал для разнообразия Нейенар. Но уже в следующем, 1878 г. он не мог поехать туда: два покушения на германского императора и начавшаяся вслед за этим травля социалистов закрыли ему доступ на континент. Все же троекратное лечение в Карлсбаде «чудотворно» подействовало на Маркса. Он почти совершенно освободился от своей застарелой болезни печени. Остались только хроническая болезнь желудка и нервное переутомление, которое выражалось в головных болях и в особенности в упорной бессоннице. Но и эти страдания в той или иной мере исчезали после летних пребываний на берегу моря или на климатических курортах. Однако уже после нового года они вновь начинали заявлять о себе.

Полное восстановление здоровья было бы, конечно, возможно только при том условии, если бы Маркс разрешил себе полный отдых, который в возрасте под шестьдесят лет он вполне заслужил за всю свою трудовую и самоотверженную жизнь. Но об этом он даже не думал. Он с пламенным рвением снова принялся за исследовательскую работу, чтобы закончить свой главный научный труд, а область его исследований тем временем значительно расширялась. «У человека, который проверял каждый предмет с точки зрения его исторического происхождения и его предпосылок, — говорил об этом Энгельс, — из одного вопроса возникал, конечно, целый ряд новых вопросов. Первобытная история, агрономия, русские и американские поземельные отношения, геология и т. д. — все это Маркс основательно изучил, чтобы разработать главу о поземельной ренте в небывалой до того полноте. Кроме всех германских и романских языков, на которых он свободно читал, он изучил также древнеславянский, русский и сербский языки». Но это занимало лишь половину его рабочего дня. Хотя Маркс и отошел от публичной агитации, но все же он отнюдь не прекратил своей деятельности в европейском и американском рабочем движении. Он вел переписку почти со всеми руководителями этого движения в различных странах. Они лично обращались к нему за советом по возможности во всех важных случаях. Он все больше и больше становился советником революционного пролетариата: к нему охотнее всего обращались, и он всегда был готов дать нужный совет.

Либкнехт весьма привлекательно изобразил Маркса 50-х годов. Столь же привлекательным рисовал его в 70-х годах Лафарг. Он говорил, что нужны были большие физические силы, чтобы вынести необычный образ жизни его тестя и столь изнуряющую умственную работу: «И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у евреев»[1]. И не только у евреев, прибавим мы: Гёте был такого же сложения; он тоже принадлежал к «сидящим великанам», как называют в народе людей, которые благодаря сравнительно большой длине позвоночного столба кажутся в сидячем положении выше своего действительного роста.

Если бы Маркс в молодости больше занимался гимнастикой, то он, по мнению Лафарга, сделался бы чрезвычайно сильным человеком. Но единственным физическим упражнением, которым он регулярно занимался, была ходьба. Беседуя, он мог ходить часами или подымался на холмы, не испытывая ни малейшей уста-

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 67. — *Ред.*

лости. Но и эту свою способность он обычно проявлял только для того, чтобы приводить в порядок свои мысли; в его рабочем кабинете на ковре, лежавшем от двери до окна, сохранилась полоска, совершенно протертая хождением, как тропинка на лугу.

Несмотря на то что Маркс всегда поздно ложился, утром он вставал между восемью и девятью часами, пил черный кофе, прочитывал газеты и отправлялся в кабинет, где засиживался до полуночи и позже, делая перерывы в работе только в часы еды или в хорошую погоду под вечер — для прогулки в Хемпстед-Хидс. Днем он час или два спал у себя на диване. Работа настолько стала для него страстью, что он забывал об обеде. Желудок тяжело расплачивался за эту колоссальную работу мозга. Маркс ел очень мало и страдал отсутствием аппетита, против чего он боролся употреблением очень соленых блюд, ветчины, копченой рыбы, икры и пикулей. При недостаточной еде он также мало пил, хотя никогда не был апостолом воздержания и как уроженец Рейнской провинции умел ценить доброе вино. Но зато он был страстным курильщиком И беспощадным истребителем спичек; он говорил как-то, что «Капитал» не оплатит ему и того, что стоили ему одни сигары, которые он выкурил, пока писал его. Так как в долгие годы бедности ему приходилось довольствоваться всякими сомнительными сортами табака, то курение крайне вредно отзывалось на его здоровье и врач не раз запрещал ему курить.

Духовное отдохновение Маркс находил в изящной литературе. Она была для него утешением в течение всей его жизни. Он обладал в этой области весьма обширными познаниями, но никогда не выставлял их напоказ. В его трудах мы находим очень мало следов его литературной начитанности. Единственное исключение — это полемическая работа против Фогта, где он использовал для своих художественных целей весьма много цитат из всей европейской литературы. Как его собственный главный труд отражает в себе целую эпоху, так и литературными любимцами Маркса были великие мировые поэты, о творениях которых следует сказать то же самое: Эсхил и Гомер, Данте и Шекспир, Сервантес и Гёте. Эсхила, по словам Лафарга, он перечитывал ежегодно в оригинале; своим древним грекам он всегда оставался верен и готов был изгнать бичом из храма те жалкие торгашеские души, которые хотели восстановить рабочих против античной культуры.

Немецкую литературу Маркс знал вплоть до глубины средневековья. Из писателей новых времен наряду с Гёте ему был близок Гейне. Шиллера, по-видимому, он невзлюбил в молодости, в то время, когда немецкие филистеры опьянились более или менее плохо понимаемым «идеализмом» этого поэта, что Маркс считал лишь подменой плоского убожества убожеством высокопарным. Со времени окончательного отъезда из Германии Маркс мало

интересовался немецкой литературой. Он ни разу не упоминает даже о тех немногих писателях, которые бы заслуживали его внимания, как Геббель и Шопенгауэр. За истязание немецкого мифического эпоса Рихардом Вагнером он однажды направил на него острый удар

Из французов Маркс очень высоко ставил Дидро; «Племянника Рамо» он считал исключительно образцовым произведением. Его любовь распространялась на всю французскую литературу эпохи Просвещения XVIII века. Про эту литературу Энгельс сказал однажды, что в ней французский дух достиг своего высшего совершенства и по форме и по содержанию. По своему содержанию, если принять во внимание тогдашнее состояние науки, она стоит и теперь бесконечно высоко, а такое изящество формы никогда уже больше не было достигнуто. Соответственно с этим Маркс отвергал французских романтиков. Особенно не любил он Шатобриана за его мнимую глубину, византийские преувеличения, за сентиментальничание — словом, за его беспримерное литературное шарлатанство. Маркс очень восторгался «Человеческой комедией» Бальзака, которая также отражает в зеркале поэзии целую эпоху. Об этом произведении он хотел написать по окончании своего большого труда, но этот план, как и многие другие, остался невыполненным.

Со времени переселения Маркса в Лондон на первое место в его литературных симпатиях выдвинулась английская литература. Все другое для него заслонила мощная фигура Шекспира, который сделался предметом культа всей семьи Маркса. К сожалению, Маркс никогда не высказывался об отношении Шекспира к вопросам, решавшим судьбы его эпохи. О Байроне же и Шелли он говорил, что тот, кто любит и понимает этих поэтов, должен считать счастьем, что Байрон умер на тридцать шестом году жизни, ибо, живи он дольше, он, несомненно, сделался бы реакционным буржуа. И, напротив, следует жалеть, что Шелли закончил свою жизнь на двадцать девятом году. Он был насквозь революционером и принадлежал бы всегда к передовым борцам за социализм. Маркс очень любил английские романы XVIII столетия, в особенности «Тома Джонса» Филдинга, который по-своему был также отражением современного ему века. Вместе с тем Маркс признавал образцовыми в своем роде некоторые романы Вальтера Скотта.

В своих литературных суждениях Маркс, как показывает, например, его пристрастие к Шекспиру и Вальтеру Скотту, был свободен от всякой политической и социальной предвзятости. Но он так же мало был приверженцем той «чистой эстетики», которая слишком охотно сочетается с политическим безразличием или даже раболепством. И в области литературы Маркс был цельным человеком, самостоятельным и оригинальным умом, который

нельзя измерять каким-либо шаблоном. Так, он вовсе не был литературным аскетом, он не пренебрегал иногда и такой пищей, от которой стал бы трижды открещиваться какой-нибудь школьный эстетик. Маркс, подобно Дарвину и Бисмарку, любил читать романы. Особенную склонность он питал к приключениям и к юмористическим рассказам: от Сервантеса, Бальзака и Филдинга он снисходил до Поль де Кока и Дюма-отца, который имел на своей совести «Графа Монте-Кристо».

Кроме изящной литературы Маркс обычно находил отдых еще в совершенно иной области духовного творчества. Особенно в дни душевных огорчений и тяжких страданий он часто искал убежища в математике, оказывавшей на него успокоительное влияние. Мы оставляем в стороне вопрос, действительно ли он сделал в этой области самостоятельные открытия, как утверждали Энгельс и Лафарг. Математики, рассматривавшие оставшиеся после него рукописи, держатся другого мнения.

При всем этом Маркс не был ни Вагнером, который, запершись в своем музее, видел свет лишь по праздникам, да и то издали, ни Фаустом, в груди которого жили две души. Одним из его любимых выражений было — «работать для мира». Тот, кому дана счастливая возможность посвятить себя науке, должен применить свои знания на пользу человечества. Это освежало кровь и мозг Маркса. В кругу своей семьи и друзей он всегда был самым общительным, веселым и остроумным собеседником. Из широкой груди его часто раздавался непринужденный смех, и тот, кто искал в нем «доктора красного террора», как стали называть Маркса со времени Коммуны, видел перед собою в действительности не мрачного фанатика и не кабинетного мечтателя, а вполне светского человека, который в совершенстве владел искусством остроумной беседы.

Читая его письма, поражаешься порою тому, как этот богато одаренный дух легко и незаметно переходил от высокого напряжения бурного гнева к спокойной глубине философского созерцания. Это свойство, по-видимому, не менее сильно поражало и внимавших ему собеседников. Так, Гайндман писал следующее о своих разговорах с Марксом: «Когда он с резким возмущением говорил о либеральной партии и в особенности об ее ирландской политике, то небольшие глубоко сидящие глаза старого бойца загорались. Его густые брови сходились, широкий сильный нос и лицо подергивались от страсти. И он изливал целый поток сильных и резких выражений, подсказываемых ему огнем его темперамента и удивительным знанием нашего языка. Контраст между его возбужденностью в минуты сильного гнева и спокойным переходом к изложению своих взглядов на экономические события современности сильно бросался в глаза. Он переходил без всякого видимого напряжения от роли пророка и горячего обвинителя к

роли спокойного философа, и я с самого начала понял, что пройдут многие годы, прежде чем я перестану чувствовать себя в этой области учеником по отношению к учителю».

Маркс по-прежнему держался вдали от так называемого общества, хотя и в буржуазных кругах стал гораздо более известен, чем за двадцать лет до того. Так, внимание Гайндмана к Марксу привлечено было одним консервативным членом парламента. Но дом Маркса сделался в начале 70-х годов центром очень живого общения, своего рода «убежищем справедливости» для эмигрантов Коммуны, обретавших там всегда совет и помощь. Этот неспокойный народец причинял, конечно, и немало неприятностей и хлопот. Когда они постепенно рассеялись, жена Маркса при всем своем гостеприимстве вздохнула с облегчением: «Довольно с нас».

Но были среди них и исключения. В 1872 г. Шарль Лонге, бывший член Совета Коммуны и редактор ее официальной газеты, женился на Женни Маркс. Он не сошелся так тесно с семьей жены ни в личных отношениях, ни в политике, как Лафарг. Но он тоже был человек дельный: «Он кипит, кричит и спорит по-прежнему, — писала как-то о нем жена Маркса. — Но к чести его я должна сказать, что он очень аккуратно дает уроки в Королевском колледже, и его начальство довольно им». Счастливый брак Лонге был омрачен смертью первого ребенка, но тогда уже подрастал второй их ребенок — «толстый великолепный мальчик» — на радость всей семьи и в особенности дедушки.

Супруги Лафарг были тоже эмигрантами Коммуны и жили по соседству с Марксом. Они имели несчастье потерять двоих детей в раннем возрасте. Под тяжестью этого удара судьбы Лафарг забросил свою врачебную практику, считая, что в ней нельзя обойтись без известной доли шарлатанства. «Очень жалко, что он изменил дедушке Эскулапу», — говорила жена Маркса. Ведь его фото-литографское ателье отнюдь не процветало, хотя Лафарг, для которого, к счастью, мир всегда был окрашен во все цвета радуги, «работал, как негр», а жена была ему неутомимой, бодрой помощницей. Но трудно было устоять против конкуренции крупного капитала.

И у третьей дочери Маркса был в это время поклонник — француз в лице Лиссагаре; позднее он написал историю Коммуны, в рядах которой боролся. Элеонора Маркс, по-видимому, относилась к нему благосклонно, но отец сомневался в солидности жениха. После долгих колебаний из этого ничего не вышло.

Весною 1875 г. семья Маркса снова переменила квартиру на другую в той же части города. Они переселились в дом 41 Maitlandpark Road, Haverstock Hill. Там Маркс прожил свои последние годы и там же он умер.

2
ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

От того кризиса, который испытали все другие ветви старого Интернационала, превратившись в национальные рабочие партии, германская социал-демократия была спасена благодаря тому обстоятельству, что она уже с самого начала развилась в национальных рамках. Через несколько месяцев после провала Женевского конгресса, 10 января 1874 г. партия праздновала свою первую большую победу на выборах в рейхстаг. Она завоевала 350 тысяч голосов и девять мандатов, из которых три достались лассальянцам и шесть — эйзенахцам.

Самый яркий свет на причины гибели старого Интернационала проливает, наконец, то обстоятельство, что Маркс и Энгельс, руководители Генерального Совета Интернационала, лишь с трудом могли придти к соглашению даже с этой расцветающей рабочей партией, которая благодаря их немецкому происхождению, конечно, была для них наиболее знакомой и ближе всех стояла к их теоретическим воззрениям. И они не безнаказанно витали в облаках. Они обозревали события со своего интернационального сторожевого поста, и это мешало им проникать в глубь жизни отдельных наций. Даже их восторженные поклонники во Франции и в Англии признавали, что они не вникли до конца в условия английской и французской жизни. И с Германией, с тех пор как они покинули свою родину, им также никогда не удалось установить по-настоящему тесную связь. Даже в области непосредственно партийных вопросов их суждения постоянно затемнялись непреодолимым недоверием к Лассалю и ко всему, что было связано с его именем.

Это проявилось особенно ясно, когда в первый раз собрался вновь избранный рейхстаг. Из шести эйзенахских депутатов двое, Бебель и Либкнехт, сидели еще в тюрьме. Выступление же четырех остальных — Гейба, Моста, Моттелера и Вальтейха — вызвало глубокое разочарование даже среди их собственных сторонников. Бебель пишет в своих воспоминаниях, что ему с самых различных сторон горько жаловались на то, что в парламентских успехах трое лассальянцев — Газенклевер, Гассельман и Реймер — значительно опередили этих четырех эйзенахских депутатов. Совершенно иначе смотрел на положение дел Энгельс. Он писал Зорге: «Лассальянцы настолько дискредитированы своими депутатами в рейхстаге, что правительство вынуждено было начать против них преследования для того, чтобы снова сделать вид, будто оно относится к этому движению серьезно. Впрочем, лассальянцам со времени выборов пришлось по необходимости плестись в хвосте наших. Прямо-таки счастье, что Гассельман и Газенклевер избраны в рейхстаг. Они себя там все более дискредитируют; они

должны либо идти вместе с нашими, либо делать глупости на свой собственный страх и риск. Как то, так и другое их губит»[1]. Более неправильного взгляда на веши нельзя себе и представить.

Парламентские представители обеих фракций отлично ладили между собою и ничуть не огорчались, если на парламентской трибуне одним удавалось выступать с большим успехом, чем другим. Обе фракции вели избирательную борьбу так, что ни эйзенахцам нельзя было сделать упрека в половинчатом социализме, ни лассальянцам — в заигрывании с правительством. Обе они собрали приблизительно одинаковое число голосов, обе выступали в рейхстаге с одними и теми же требованиями и против одних и тех же противников, и обе после выборов подверглись со стороны правительства одинаково сильным преследованиям. Они расходились еще только в организационных вопросах, но и это последнее препятствие было устранено карьеристским рвением прокурора Тессендорфа. Ему удалось добиться от услужливых судей приговоров, которые разрушали как более свободную организацию эйзенахцев, так и строгую организацию лассальянцев.

Таким образом, объединение двух фракций приближалось само собой. Когда уже в октябре 1874 г. Тельке передал Либкнехту предложение лассальянцев о мире, Либкнехт, в то время уже вышедший из тюрьмы, энергично, хотя, может быть, несколько самовольно, взялся за дело. И его заслуга не уменьшается от того, что в Лондоне к ней отнеслись с большим порицанием. Для Маркса и Энгельса лассальянцы по-прежнему оставались вымирающей сектой, которая рано или поздно должна будет сдаться на гнев и милость. Вести переговоры с лассальянцами, как с равными, казалось им легкомысленным нарушением интересов немецкого рабочего класса. Когда весною 1875 г. был опубликован проект общей программы, объединившей представителей обеих фракций, оба они пришли в ярость.

5 мая, после того как Энгельс уже раньше заявил свой подробный протест Бебелю, Маркс отправил вождям эйзенахцев так называемое программное письмо[2]. В этом письме он обрушивался на Лассаля резче, чем когда-либо. Он говорил, что Лассаль знал наизусть «Коммунистический манифест», но чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии, грубо исказил его, назвав все другие классы еди-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 375. — *Ред.*

[2] Меринг имеет в виду письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г. и письмо К. Маркса В. Бракке от 5 мая 1875 г. с приложением «Замечаний к программе Германской рабочей партии», опубликованные Ф. Энгельсом в 1891 г. под заглавием «Критика Готской программы». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 5—34. — *Ред.*

ной реакционной массой по отношению к рабочему классу. Но самая формула «реакционная масса» была пущена в оборот совсем не Лассалем, а Швейцером и притом лишь после смерти Лассаля. Когда же Швейцер выдвинул этот лозунг, Энгельс безоговорочно одобрил его за это. Лассаль действительно заимствовал из «Коммунистического манифеста» железный, как он окрестил его, закон заработной платы[1]. За это его отчитали как сторонника мальтузианской теории населения, которую он отрицал в такой же степени, как Маркс и Энгельс.

Если оставить в стороне эту в высшей степени неприглядную сторону программного письма, то оно является весьма поучительным трактатом об основных принципах научного социализма. Оно, конечно, не оставляло камня на камне от коалиционной программы. Но в то время это огромной важности письмо привело, как известно, лишь к тому, что стороны внесли две-три небольшие и довольно безразличные поправки в свой проект. Десятка два лет спустя Либкнехт говорил, что почти все, если не все, были согласны с Марксом и возможно, что его предложения собрали бы на объединительном конгрессе большинство голосов. Но все же осталось бы недовольное меньшинство, а этого следовало избежать, так как дело шло не о формулировке научных положений, а о практическом объединении обеих фракций.

Менее торжественное, но более верное объяснение замалчивания программного письма состоит в том, что это письмо превосходило умственный горизонт эйзенахцев даже в большей степени, чем лассальянцев. Правда, еще за несколько месяцев до того Маркс жаловался, что в органе эйзенахцев время от времени помещаются филистерские фантазии — произведения школьных учителей, докторов и студентов — и Либкнехту следовало бы за это намылить голову. Но он все же считал, что реалистическое воззрение, которое с таким трудом было привито партии и, наконец, пустило корни, смыто идеологической правовой фразеологией и другой дребеденью лассальянской секты, позаимствованной ею у демократов и французских социалистов.

Однако в этом Маркс целиком ошибался. В теоретических вопросах обе фракции стояли приблизительно на одинаковой ступени, и если было между ними различие, то скорее в пользу лассальянцев. У эйзенахцев проект объединительной программы не встретил никаких возражений. В то же время западнонемецкий рабочий съезд, состоявший почти исключительно из лассальянцев, подверг его критике, во многих отношениях приближавшейся к той критике, которую несколько недель спустя направил против проекта Маркс. Но особого значения этому не приходится придавать. От научного социализма, как его обосновали

[1] См. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 17. — *Ред.*

Маркс и Энгельс, обе фракции стояли еще далеко. Они не имели почти никакого представления о методе исторического материализма. Точно так же для них была еще закрыта и тайна капиталистического способа производства. Самым поразительным доказательством этого является непонимание теории стоимости, обнаруженное К. А. Шраммом, наиболее известным в то время теоретиком эйзенахцев.

Практически объединение оправдало себя, и поэтому Маркс и Энгельс ничего не имели против него, но они полагали, что лассальянцы водят эйзенахцев за нос. Маркс ведь сам сказал в своем программном письме: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»[1]. Но так как неясность в вопросах теории в новой единой партии скорее увеличивалась, чем уменьшалась, то они видели в этом следствие противоестественного слияния, и их недовольство принимало скорее более резкие, чем смягченные формы.

Их могло бы, конечно, смутить то, что повод к недовольству подавали в гораздо большей степени прежние эйзенахцы, чем прежние лассальянцы. О последних Энгельс однажды сказал, что скоро они будут самыми толковыми людьми, так как по крайней мере не печатают всякой ерунды в своей газете, просуществовавшей еще около года после объединения. Энгельс говорил, что проклятие оплачиваемых агитаторов, этих полузнаек, падает тяжелым бременем на их собственную партию. Особенно раздражал его Мост, который «делал выписки из всего «Капитала», но ничего не понял в нем» и необычайно ратовал за социализм Дюринга. «Очевидно, — писал Энгельс 24 мая 1876 г. Марксу, — эти люди представляют себе дело так, что Дюринг своими подлыми личными нападками на тебя сделал себя неуязвимым с нашей стороны, ибо если мы высмеем его теоретическую нелепость, то это будет выглядеть как месть за его личные выпады»[2]. Но и Либкнехт получил свою порцию: «Главное, это страстное желание Вильгельма восполнить пробелы нашей теории, иметь ответ на всякое филистерское возражение и дать картину будущего общества, потому что и филистер задает вопросы на этот счет; вместе с тем он хочет быть по возможности независимым от нас в теоретическом отношении, что ему, при полном отсутствии у него всякой теории, всегда удавалось гораздо лучше, чем он сам подозревает»[3]. Все это не имело ничего общего с Лассалем и с его традициями.

Вследствие быстрого роста практических успехов новая единая партия стала равнодушна к теории. Впрочем, это сказано

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 7. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 450. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 309. — *Ред.*

слишком сильно: партия относилась пренебрежительно не к теории как таковой, а к тому, что она в своем мощном движении вперед считала теоретическим крохоборством. Вокруг ее восходящей звезды собрались непризнанные изобретатели и реформаторы, противники оспопрививания, пророки естественных методов лечения и тому подобные чудаковатые гении, которые надеялись найти признание у столь мощно пробуждавшегося рабочего класса. Всякого, кто выражал желание помочь и являлся с каким-либо лекарством против общественного зла, принимали с радостью и особенно приветствовали приток из академических кругов — в интересах укрепления союза между пролетариатом и наукой. Университетский же учитель, который сближался или подавал надежду на сближение с тем или иным оттенком многозначного понятия «социализм», мог не опасаться слишком суровой критики своего умственного багажа.

Дюринг был в особенности огражден от такой критики потому, что многое в личности и деятельности этого человека привлекало к нему умственно подвижные элементы берлинской социал-демократии. Несомненно, он обладал большими способностями и дарованиями. Рабочие, естественно, относились с сочувствием к тому, что он, человек без средств и рано ослепший, в трудном положении приват-доцента долгие годы проповедовал с кафедры свой политический радикализм, не делая никаких уступок правящим классам, не страшась прославлять имена Марата, Бабёфа и деятелей Коммуны. Теневою стороною его личности были хвастливые претензии на то, что он в совершенстве владеет полдюжиной наук. На самом же деле уже из-за одного своего физического недостатка он не владел в совершенстве ни одной из этих наук. Его постоянно растущая мания величия (он якобы положил на обе лопатки всех своих предшественников: в области философии — Фихте и Гегеля, а в экономической — Маркса и Лассаля) не слишком ставилась ему в строку или прощалась как некоторая несдержанность, понятная при той тяжкой жизненной борьбе, которая выпала на его долю.

Маркс совершенно не обращал внимания на «собачьи» нападки Дюринга, а по своему содержанию они и не могли вызвать его на ответное выступление. Он долгое время хладнокровно смотрел на возраставшую популярность Дюринга среди берлинских членов партии, хотя Дюринг с уверенностью в своей непогрешимости и со своей системой «истины в последней инстанции» обладал всеми задатками прирожденного основателя секты. Даже тогда, когда Либкнехт, который в данном случае оказался вполне на своем посту, указал им, прислав несколько писем от рабочих, на опасность вульгаризации в партийной пропаганде, Маркс и Энгельс отказались от критики Дюринга, как от «слишком побочной работы». И только хвастливое письмо, посланное Мостом

Энгельсу в мае 1876 г., по-видимому, оказалось каплей, переполнившей чашу.

С этого времени Энгельс подробно занялся тем, что Дюринг называл своими «системотворящими истинами». Свою критику Энгельс изложил в ряде статей, которые печатались с начала 1877 г. в «Vorwarts» («Вперед»), новом центральном органе объединенной партии. Они разрослись до размеров самого значительного и важного после «Капитала» труда по научному социализму[1]. Но прием, оказанный партией этому произведению, показал, что дальнейшее промедление действительно заключало бы в себе опасность. Ежегодный конгресс партии, который собрался в мае 1877 г. в Готе, чуть было не устроил над Энгельсом суд за ересь, так же как официальная университетская шваль — над Дюрингом. Мост внес предложение прекратить печатание статей против Дюринга в официальном органе, так как они «не представляют никакого интереса для значительного большинства читателей «Vorwarts» и даже в высшей степени возмущают их». Вальтейх же, который вообще был непримиримым врагом Моста, в данном случае спелся с ним, говоря, что тон статей Энгельса должен привести к утрате вкуса и делает непереваримой умственную пищу, преподносимую в «Vorwarts». К счастью, опасность позора была предотвращена принятием примиряющего предложения, гласящего, что эта научная полемика должна продолжаться по практически-агитационным соображениям не в самой газете, а в научном приложении к «Vorwarts».

Вместе с тем этот конгресс постановил издавать, начиная с октября 1877 г., научный двухнедельник по предложению и при финансовой поддержке Карла Хёхберга, одного из буржуазных адептов социализма, столь многочисленных тогда в Германии. Он был сыном франкфуртского коллектора лотерей, был молод, но очень богат, бескорыстен и в высшей степени способен на самопожертвование для дела. Все, знавшие его, были наилучшего мнения об его личных качествах. Но с его литературно-политической физиономией дело обстояло значительно хуже, как об этом можно судить по его публицистической деятельности. Тут Хёхберг проявил себя довольно бесцветным и сухим человеком, несведущим в области истории и теории социализма, совершенно чуждым научным воззрениям Маркса и Энгельса. Не видя в пролетарской классовой борьбе рычага к освобождению рабочего класса, он хотел расположить в пользу рабочего дела имущие классы и в особенности их образованные круги путем мирного развития и соблюдения буржуазной легальности.

[1] Меринг имеет в виду произведение Ф. Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом». Первое отдельное издание было опубликовано в 1878 г. — *Ред.*

Маркс и Энгельс, еще не зная его более близко, отклонили предложение сотрудничать в «Zukunft», как назвали новый журнал. Впрочем, как и многие другие, они получили не личное, а анонимное циркулярное приглашение. Энгельс полагал, что решения конгресса, как бы они ни требовали для себя надлежащего уважения в области практической агитации, в научном отношении равны нулю и недостаточны, чтобы придать журналу научный характер, который вообще нельзя устанавливать посредством декрета. Социалистический научный журнал без строго определенного научного направления есть полная бессмыслица. К тому же при господствующем в Германии разнообразии или неопределенности направлений нет никакой гарантии, что направление журнала окажется подходящим для них.

Уже первый номер «Zukunft» показал, насколько правы были Маркс и Энгельс. Вступительная статья Хёхберга была жалким подобием всего того, с чем они боролись в 40-е годы, как с ослабляющими и расслабляющими влияниями в социализме. Таким образом, они оградили себя от неприятных объяснений. Когда один немецкий партийный товарищ спросил их, не сердятся ли они из-за прений на Готском конгрессе, Маркс ответил: «Я не сержусь (как говорит Гейне), и Энгельс точно так же. Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал». К этому он еще прибавил: «Но события, вроде тех, которые произошли на последнем партийном съезде, — они будут надлежащим образом использованы врагами партии за границей, — все же заставили нас осторожнее откоситься к «партийным товарищам в Германии»»[1]. Все же это было сказано благожелательно, так как Энгельс по-прежнему спокойно печатал свои статьи против Дюринга в научном приложении к «Vorwarts».

Но что касается существа вопроса, то Маркс был сильно опечален тем «гнилым духом», который стал проявляться не столько среди масс, сколько у вождей. 19 октября он писал Зорге: «Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (например, *Мост)* с Дюрингом и его «поклонниками» и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изу-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф.* Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 487, 488. — *Ред.*

чения) — новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства. Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» в партию издатель журнала «Zukunft» д-р Хёхберг — допускаю, с «самыми благими» намерениями, но я на всякие «намерения» плюю. Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое и с более «скромной претензией», чем программа его «Zukunft»»[1].

И *в* самом деле, Марксу и Энгельсу пришлось бы отказаться от всего своего прошлого, если бы они когда-либо примирились с этим «направлением».

3
АНАРХИЗМ И ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

На Готском конгрессе 1877 г. было также решено послать своего делегата на всемирный социалистический конгресс в сентябре того же года в Генте. Представителем от германской партии был избран Либкнехт.

Инициатива созыва конгресса принадлежала бельгийцам. Они к тому времени уже успели несколько разочароваться в красоте анархических учений и стремились вновь соединить два направления, которые отделились на Гаагском конгрессе. Бакунисты созывали свои конгрессы в 1873 г. в Женеве, в 1874 г. — в Брюсселе и в 1876 г. — в Берне, но силы их все время уменьшались. Это направление распалось, не соответствуя более практическим требованиям освободительной борьбы пролетариата, из которых оно некогда само возникло.

Уже в самом начале, в женевском споре между «fabrique» и «gros metiers», обнаружились истинные источники противоречия. На одной стороне были хорошо оплачиваемые рабочие, имеющие политические права и способные к парламентской борьбе, но склонные к сомнительным соглашениям с буржуазными партиями. На другой стороне — плохо оплачиваемые и лишенные политических прав рабочие, единственное оружие которых состояло в их голой силе. Речь шла об этих практических противоречиях, а не об их теоретических разногласиях, не о противоречии между «разумностью» и «неразумностью», как обычно утверждают создавшиеся вокруг этого легенды.

Но дело тогда обстояло, как и теперь, не так просто, как это показывает постоянное воскрешение анархизма несмотря на то, что его столько раз считали уже окончательно похороненным. Знание анархизма вовсе не означает его признания. Точно так же как, признавая необходимость участия в парламентско-поли-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 312— 313. — *Ред.*

тической деятельности, нельзя забывать, что при всех реформах, даже вполне приемлемых самих по себе, эта деятельность может завести рабочее движение в тупик, где оно лишится своего революционного духа. Не случайно было поэтому то, что Бакунин насчитывал среди своих сторонников ряд людей, которые оказали величайшие услуги пролетарской борьбе. Либкнехт безусловно никогда не принадлежал к друзьям Бакунина, но во время Базельского конгресса он с не меньшим жаром, чем Бакунин, требовал воздержания от политики. Другие, как, например, Жюль Гед во Франции, Карло Кафьеро в Италии, Сезар Де Пап, Павел Аксельрод в России, были во время Гаагского конгресса и еще долго после него самыми ревностными бакунистами. И если потом они все же сделались такими ревностными марксистами, то, как некоторые из них сами подчеркивали, это случилось только потому, что они в первую очередь восприняли общее между Бакуниным и Марксом, а вовсе не потому, что они просто выбросили за борт свои прежние убеждения.

И Маркс и Бакунин оба желали пролетарского массового движения. И спор между ними шел лишь о той столбовой дороге, по которой должно следовать это движение. Но теперь конгрессы бакунинского Интернационала показали, что путь анархизма неприемлем.

Нужно было бы слишком уклониться в сторону, чтобы показать быстрый упадок анархизма на ходе отдельных его конгрессов. Развал анархизма происходил вполне успешно и основательно. Генеральный Совет и взносы на его содержание были ликвидированы. Потом конгрессам запретили голосовать по принципиальным вопросам, и лишь с трудом удалось отклонить попытку исключения из Интернационала работников умственного труда. Но тем более печально дело обстояло с созданием своей организации, с разработкой новой программы и новой тактики. На Женевском конгрессе шли споры особенно по вопросу о всеобщей стачке как единственном и верном средстве социального переворота, но никакого решения принято не было. То же повторилось еще в большей степени на следующем конгрессе, в Брюсселе, по главному вопросу конгресса об общественной службе. Пап представил по этому вопросу такой доклад, после которого ему вполне справедливо сделан был упрек, что он вообще сошел с пути анархизма. Совершенно ясно, что Пап неизбежно должен был сойти с этого пути, если хотел сказать что-нибудь толковое именно по этому вопросу. После горячих прений и этот вопрос был отложен до ближайшего конгресса, но и там он остался нерешенным. Итальянцы заявили, что вообще «эра конгрессов закончилась», и требовали «пропаганды действием». В течение двух лет, опираясь на голод в стране, они сумели устроить шестьдесят путчей, но успех их дела был равен нулю.

Еще в большей степени, чем из-за безнадежной путаницы в области своих теоретических воззрений, анархизм выродился в закостенелую секту вследствие того, что относился отрицательно ко всем практическим вопросам, затрагивавшим самые непосредственные интересы современного пролетариата. Когда в Швейцарии стало развиваться движение в пользу десятичасового рабочего дня, анархисты отказались от всякого участия в нем. То же самое повторилось, когда фламандские социалисты организовали кампанию петиций за запрещение детского труда на фабриках. Разумеется, анархисты отвергали также всякую борьбу за всеобщее избирательное право, а там, где это право было уже завоевано, проповедовали его бойкот. В сравнении с этой бесплодной и безнадежной политикой успехи германской социал-демократии выступали еще в более ярком свете, и массы стали повсюду чуждаться анархической пропаганды.

Созыв всемирного социалистического конгресса в Генте — анархический конгресс в Берне в 1876 г. предполагал его созвать на следующий год — был в значительной степени вызван сознанием, что анархизму не удалось привлечь к себе массы народа. Конгресс заседал с 9 по 15 сентября 1877 г. в Генте. В нем участвовало 42 делегата, и из них было только одиннадцать надежных анархистов под руководством Гильома и Кропоткина. Многие из их прежних сторонников, в том числе большинство бельгийских делегатов и англичанин Хейлз, примкнули к социалистическому крылу, которым руководили Либкнехт, Грейлих и Франкель. Между Либкнехтом и Гильомом дело дошло до резкого столкновения, когда Гильом стал обвинять германскую социал-демократию в том, что она при выборах в рейхстаг спрятала в карман свою программу. Но в общем заседания конгресса протекали мирно. Анархистам было не до громких слов: они настраивали свои речи на мягкий тон. Это давало их противникам возможность идти им навстречу. Все же затеянный было «договор о солидарности» заключен не был. Взгляды двух сторон слишком расходились.

Маркс едва ли и ожидал чего-либо иного. Его напряженное внимание было устремлено теперь на другой уголок мира, откуда он ждал революционной бури: на русско-турецкую войну. Из двух писем, в которых он излагал советы Либкнехту, первое, от 4 февраля 1878 г., начиналось так: «Мы самым решительным образом стоим за турок, и притом по двум причинам. Во-первых, потому что мы изучали турецкого крестьянина, т. е. турецкую народную массу, и убедились, что он — один из самых дельных и самых нравственных представителей крестьянства в Европе. Во-вторых, потому что поражение русских весьма ускорит социальный переворот, элементы которого имеются в огромном количестве, и благодаря этому наступит перелом во всей Европе». За

три месяца перед этим Маркс писал Зорге: «Этот кризис — новым *поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии и русским финансам, но и лично *командующей* армией *династии* (царю, наследнику и шести другим Романовым)...

Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, не имея сами по себе никакого значения. Но все же это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения»[1]. Эти наблюдения оказались совершенно правильными. Но Маркс, как это часто с ним бывало при его революционном нетерпении, видя ясно, куда идут события, недооценивал продолжительность пути.

Первоначальные поражения русских сменились их успехами. Маркс приписывал эти успехи тайной поддержке Бисмарка, измене Англии и Австрии и, наконец, ставил их в вину самим туркам. Им следовало низвергнуть в Константинополе путем революции старый режим сераля, который являлся лучшим оплотом царя. Народ, который в такие моменты величайшего кризиса не умеет выступать революционно, — это погибший народ.

Русско-турецкая война закончилась, таким образом, не европейской революцией, а конгрессом дипломатов. Он заседал в том же самом месте и в то же самое время, где и когда германская социал-демократия претерпела, как казалось, удар, грозивший сокрушить ее.

4
УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

И все же на мировом горизонте зажглась новая заря. Закон о социалистах, которым Бисмарк хотел сокрушить германскую социал-демократию[2], на деле оказался началом героической эпохи в ее истории. Он снимал вместе с тем и те недоразумения и трения, которые происходили между нею и двумя стариками в Лондоне.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 311. — *Ред.*

[2] Имеется в виду исключительный закон против социалистов, принятый германским рейхстагом 19 октября 1878 г.; по этому закону запрещались все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература, социал-демократы высылались из Германии. — *Ред.*

Но этому предшествовала еще последняя борьба. Германская партия с достоинством выдержала травлю и выборы, происходившие после покушений на кайзера летом 1878 г. Но, готовясь к грозящему ей удару, она недостаточно понимала, с какой ожесточенной ненавистью ей придется столкнуться. Едва только закон вступил в силу, как немедленно оказались забыты все обещания «лояльно» применять его, которыми представители правительства старались успокоить сомнения рейхстага. Все учреждения партии были разгромлены столь беспощадно, что сотни людей были выброшены на улицу без средств к существованию. Несколько недель спустя весь Берлин и его окрестности были объявлены на так называемом малом осадном положении в явном противоречии с текстом закона. Около шестидесяти отцов семейств были высланы, что лишило их не только хлеба, но и родины.

Уже одно это вызывало вполне понятное и почти неизбежное замешательство. Если Генеральный Совет Интернационала жаловался после падения Коммуны, что забота о беглецах Коммуны в течение ряда месяцев мешала ходу его текущих работ, то задача руководителей германской партии была еще труднее вследствие полицейских стеснений на каждом шагу, а также ввиду ужасного экономического кризиса. Бесспорно, эта буря отделила зерна от плевел: много буржуазных элементов, которые за последние годы притекли в партию, оказались ненадежными; некоторые вожди не оправдали себя, а другие, даже из более деятельных, пали духом под тяжкими ударами реакции и боялись еще больше раздразнить врагов энергичным сопротивлением.

Все это приносило Марксу и Энгельсу мало отрады. При этом они, несомненно, недооценивали затруднения, которые приходилось преодолевать. Но они имели основание быть недовольными поведением социал-демократической фракции рейхстага, которая даже после выборов 1878 г., проведенных вслед за покушением на кайзера, состояла из девяти человек. Один из этих депутатов, Макс Кайзер, при обсуждении нового таможенного тарифа счел допустимым высказаться и голосовать за повышение таможенных ставок на железо, что должно было произвести весьма тягостное впечатление. Все прекрасно понимали, что целью нового таможенного тарифа было — давать имперскому казначейству на несколько сот миллионов в год больше, защитить поземельную ренту крупных помещиков от американской конкуренции и дать возможность крупной промышленности залечивать раны, которые она сама себе нанесла в опьянении эпохи грюндерства. Известно было также и то, что закон о социалистах был издан в значительной степени с целью сломить сопротивление масс против угрожавшего им систематического обнищания.

Когда Бебель хотел оправдать поведение Кайзера его усердным изучением пошлин на железо, Энгельс ответил ему кратко и

резко: «Если его занятия хоть чего-нибудь стоят, то он должен был бы знать, что в Германии есть *два* металлургических завода, «Дортмундский унион» и завод Кенига и Лаура, *каждый* из которых в состоянии *удовлетворить спрос всего внутреннего рынка,* а помимо них есть еще не мало предприятий поменьше; что в данном случае покровительственная пошлина — чистейшая бессмыслица; что тут может помочь только завоевание внешнего рынка, следовательно абсолютная свобода торговли, иначе — *банкротство;* что сами фабриканты железа могут желать покровительственных пошлин лишь в том случае, если они организовали *«ринг»,* т. е. заговор, который навязывает *внутреннему рынку монопольные цены,* чтобы излишнюю продукцию по бросовым ценам сбывать за границей, что *они фактически уже и делают в настоящее время.* В интересах этого «ринга», этого заговора монополистов, Кайзер и говорил, и голосовал, поскольку голосовал за пошлины на железо...»[1]. Когда и Карл Гирш довольно резко раскритиковал тактику Кайзера в газете «Laterne» («Фонарь»), фракции пришла в голову несчастная мысль разобидеться, так как Кайзер выступал с ее одобрения. Этим она окончательно испортила свое дело в глазах Маркса и Энгельса: «Лейпцигская братия, с своей стороны, так «опарламентарилась», что публичная критика кого-либо из ее клики в рейхстаге представляется им оскорблением величества»[2], — говорил Маркс. Карл Гирш был молодым писателем, выдвинувшимся как заместитель редактора «Volksstaat» во время долголетнего заключения Либкнехта в крепости. Потом он поселился в Париже, откуда был выслан после издания германского исключительного закона. Тогда он сделал то, что должен был бы сделать с самого начала Центральный Комитет германской партии: с середины декабря 1878 г. он стал издавать в городе Бреда в Бельгии еженедельную газетку формата и стиля «Lanterne» Рошфора и под тем же заглавием. Благодаря ее формату газету удобно было пересылать в Германию в простых почтовых конвертах, и там она сделалась опорным пунктом и центром собирания сил социал-демократического движения. Намерения у Гирша были самые лучшие, и в принципиальном отношении он был ясным умом. Но избранная им форма краткой, остроумно отточенной эпиграммы мало соответствовала потребностям рабочей газеты. Более удачным в этом отношении оказался «Freiheit» («Свобода»), еженедельник, который несколько недель спустя начал издавать в Лондоне Мост при содействии Коммунистического просветительного рабочего клуба. Но после разумного начала и этот еженедельник утонул в бесцельной игре в революцию.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 73—74. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 515. — *Ред.*

С появлением этих двух до некоторой степени дико выросших и не зависимых от руководства германской партии органов издание собственного заграничного органа печати сделалось жгучим вопросом. Бебель и Либкнехт очень энергично стояли за это, и им удалось, наконец, преодолеть упорное сопротивление влиятельных партийных кругов, которые желали сохранить тактику предусмотрительной сдержанности. С Мостом уже не могло быть более никакого соглашения, но Гирш приостановил издание «Laterne» и заявил о своей готовности принять на себя редактирование нового органа. Маркс и Энгельс, вполне доверявшие Гиршу, также обещали свое сотрудничество. Новая газета должна была выходить в виде еженедельника в Цюрихе. Подготовление к изданию было поручено трем партийным товарищам, проживавшим в Цюрихе: Шрамму, высланному из Берлина и занимавшему должность страхового агента, Карлу Хёхбергу и Эдуарду Бернштейну, которого Хёхберг пригласил в качестве литературного помощника.

Но они, по-видимому, не очень спешили выполнить возложенное на них поручение. Причина такого промедления стала очевидной в июле 1879 г., когда они выступили со своим собственным «Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодником социальной науки и социальной политики»), который должен был выходить два раза в год. Направление журнала выяснилось в «Обзоре социалистического движения». Он был подписан тремя звездочками. Авторами его, однако, были только Хёхберг и Шрамм; Бернштейн написал в нем всего несколько строк.

Содержание этой статьи было невероятно безвкусной и бестактной болтовней о грехах партии, об отсутствии в ней «хорошего тона», об ее стремлении все ругать, об ее заигрывании с массами и пренебрежении к образованным классам — словом, обо всем, что в пролетарском движении всегда раздражало и раздражает филистерские души. Конечным выводом практической мудрости, заключенной в статье, было решение использовать вынужденную праздность, вызванную исключительным законом, для раскаяния и покорности. Маркс и Энгельс были возмущены этой жалкой стряпней. В частном циркуляре[1], разосланном руководящим членам партии, они категорически требовали, чтобы людям такого образа мыслей, если даже из практических соображений их приходится терпеть в партии, не давали права выступать в ответственных органах. Этого права Хёхберг, впрочем, и не получил, а просто присвоил его себе. Точно так же он совершенно произвольно требовал для «трех звездочек» в Цюрихе права контроля над редакцией под руководством Гирша и протестовал против редактирования в стиле «Laterne». Тогда Гирш и оба

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 434—450. — *Ред.*

лондонских старика отказались от всякого участия в новом издании.

Из обильной и разнообразной переписки по этому делу до нас дошли только отрывки[1]. Из них видно, что Бебель и Либкнехт совсем не были согласны с притязаниями «трех звездочек». Непонятно, однако, почему они вовремя не вмешались. Хёхберг приехал сам в Лондон, где застал только Энгельса, на которого его путаные взгляды произвели самое скверное впечатление, хотя ни он, ни Маркс не сомневались в его добрых намерениях. Взаимное раздражение к тому же мало способствовало достижению в то время взаимного согласия. 19 сентября 1879 г. Маркс писал Зорге, что если новый еженедельник будет редактироваться в стиле Хёхберга, то они сочтут себя вынужденными выступить публично против такого «опошления» партии и теории. «Итак, мы предупредили этих господ, и они достаточно хорошо знают нас, чтобы понять, что в данном случае это означает: подчинение или разрыв! Если они хотят компрометировать себя, тем хуже для них! Компрометировать нас мы им ни в коем случае не позволим»[2].

К счастью, дело не дошло до крайностей. Редактирование цюрихского «Sozialdemokrat» [«Социал-демократа»] принял на себя Фольмар. Он это делал, правда, довольно «убого», как говорили Маркс и Энгельс, но все же не давал им повода к публичному протесту. Бывало только, что Маркс и Энгельс «постоянно полемизировали по этому поводу в переписке с лейпцигцами, причем часто в очень резкой форме»[3]. «Три звездочки» также оказались неопасными. Шрамм совершенно отстранился, Хёхберг часто уезжал, а Бернштейн под давлением обстоятельств освободился от всякого плаксивого настроения, как это в такой же степени и в то же время испытали многие товарищи, которые под влиянием трудностей до этого момента находились в подавленном настроении. Немалое успокоение в умы внесло и то, что Маркс и Энгельс стали в большей степени, чем вначале, считаться с теми огромными трудностями, с которыми приходилось бороться германскому партийному руководству. 5 ноября 1880 г. Маркс писал Зорге: «Не подобает тем, кто сравнительно спокойно проживает за границей, еще более отягощать — к радости буржуазии и правительства — положение тех, которые работают внутри страны при самых тяжелых условиях, принося большие личные

[1] На русском языке опубликованы письма Маркса и Энгельса по этому вопросу, в том числе черновик их совместного «циркулярного письма» от 17—18 сентября 1879 г., направленного А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 41—42, 43, 44— 46, 47—61 и др. — *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 332. — *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 97. — *Ред.*

жертвы»[1]. Несколько дней спустя был даже заключен формальный мир.

31 декабря 1880 г. Фольмар отказался от своего поста редактора. Руководство немецкой партии, желая пойти навстречу старикам, решило пригласить на его место Карла Гирша. Так как Гирш в то время переселился в Лондон, то Бебель решил поехать туда, чтобы лично переговорить с ним. Вместе с тем он уже давно намеревался, наконец, основательно потолковать с Марксом и Энгельсом. Он захватил с собой Бернштейна, чтобы рассеять предубеждение, все еще державшееся в Лондоне относительно его, хотя Бернштейн тем временем вполне оправдал себя. Шествие в Каноссу, как называли эту лондонскую поездку в партийных кругах, вполне достигло своих целей. Только Гирш, давший сначала свое согласие, внес затем оговорку, что он желает редактировать «Sozialdemokrat» из Лондона. Это было отклонено, и дело кончилось тем, что редактором был назначен Бернштейн, сначала временно, а затем и окончательно. К удовольствию лондонцев, он с честью выполнял свои обязанности. И когда год спустя произошли новые выборы в рейхстаг, первые после издания закона о социалистах, то Энгельс торжествовал: так славно не сражался еще ни один пролетариат.

Обстоятельства изменились к лучшему и во Франции. После кровавой майской недели 1871 г. Тьер объявил все еще дрожавшим от страха версальским буржуа, что для Франции социализм умер. Он забыл о том, что уже однажды, после июньских дней 1848 г., выступил в подобной же роли лжепророка. Он, вероятно, считал, что чем сильнее кровопускание, тем более оно будет эффективно. Действительно, количество жертв 1871 г., если считать потери парижских рабочих в уличной борьбе, от казней, ссылок, каторжных работ и эмиграции, исчислялось в 100 тысяч человек. Но Тьер просчитался и на этот раз, и притом основательно. После 1848 г. понадобилось два десятилетия, чтобы социализм очнулся от оглушившего его удара и от молчания. А после 1871 г. достаточно было пяти лет, чтобы он вновь заявил о своем существовании. В 1876 г., когда, военные суды еще не прекратили свою кровавую работу, когда еще продолжали расстреливать защитников Коммуны, уже заседал первый рабочий конгресс в Париже.

Конечно, это было прежде всего только заявление о своем существовании. Конгресс собрался под покровительством буржуазных республиканцев, которые искали в рабочих опоры против монархистов-юнкеров. Постановления конгресса касались безобидных вопросов о кооперации примерно в духе Шульце-Делича в Германии. Но можно было предвидеть, что на этом дело не остановится. Крупная машинная промышленность, медленно разви-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVII, стр. 97. — *Ред.*

вавшаяся со времени торгового договора с Англией 1803 г., несравненно быстрее пошла вперед после 1870 г. Перед ней стояли очень большие задачи: устранить ущерб, причиненный войной целой трети Франции, создать средства для сооружения нового колоссального милитаризма, наконец восполнить те прорехи, которые образовались с потерей Эльзаса, до 1870 г. самой развитой в промышленном отношении французской провинции. Крупная промышленность удовлетворяла предъявлявшиеся к ней требования. Во всех частях страны стали вырастать фабрики, создавшие промышленный пролетариат. В дни процветания старого Интернационала пролетариат этот существовал главным образом только в некоторых городах северо-восточной Франции.

Этим объясняются те быстрые успехи, которых достиг Жюль Гед, когда он бросился со своим зажигающим красноречием в рабочее движение, возникшее после Парижского конгресса 1876 г. Зараженный сначала анархизмом, от которого он недавно отошел, Жюль Гед в своих воззрениях не отличался теоретической ясностью, в чем и теперь можно убедиться по газете «Egalite» («Равенство»), основанной им в 1877 г. Хотя «Капитал» уже был переведен и издан на французском языке, Гед не имел понятия о Марксе, с теориями которого его впервые ознакомил Карл Гирш. Но он с полной ясностью и решительностью усвоил себе идею общественной собственности на землю и на произведенные средства производства. Будучи первоклассным оратором и остроумным полемистом, он умел воспламенять дух французских рабочих этим последним словом пролетарской освободительной борьбы, которое на конгрессах старого Интернационала обыкновенно встречало самое горячее противодействие именно со стороны французских делегатов.

Собрался второй рабочий конгресс, заседавший в феврале 1878 г. в Лионе; устроители его предполагали, что он будет новым изданием Парижского конгресса. Но Геду уже удалось собрать вокруг своего знамени меньшинство из двадцати делегатов. Тут дело показалось для буржуазии и правительства опасным. Начали преследовать рабочее движение. Посредством денежных штрафов и тюремных заключений редакторов удалось остановить издание «Egalite». Однако Гед и его товарищи не впали в уныние. Они бодро продолжали работать. На третьем рабочем конгрессе, собравшемся в октябре 1879 г. в Марселе, они уже имели за собой большинство, которое немедленно выступило как социалистическая партия и организовалось для политической борьбы. «Egalite» воскресла и нашла в Лафарге своего деятельного сотрудника. Он писал в этой газете почти все теоретические статьи. Немного позднее Малон, тоже бывший бакунист, стал издавать «Revue Socialiste» («Социалистическое обозрение»), а Маркс и Энгельс поддержали это издание, прислав несколько статей.

Весной 1880 г. Гед приехал в Лондон, чтобы вместе с Марксом, Энгельсом и Лафаргом составить проект избирательной программы для молодой партии. Сошлись на так называемой программе-минимум, которая после небольшого введения, посвященного объяснению задач коммунизма, выставляла в своей экономической части только требования, непосредственно проистекавшие из рабочего движения. Правда, по каждому отдельному пункту согласие не было достигнуто. Гед настаивал на том, чтобы в программу было внесено требование установленной законом минимальной заработной платы, Маркс же полагал, что если французский пролетариат еще настолько неразвит, что нуждается в таких приманках, то не стоит вообще пока составлять какую бы то ни было программу.

Однако Маркс был не такого уж плохого мнения о программе. В общем он считал ее сильным средством для того, чтобы вырвать французских рабочих из области туманных фраз и поставить их на почву действительности. Судя по оппозиции, как и по сочувствию, вызванному этой программой, Маркс пришел к заключению, что во Франции возникло, наконец, настоящее рабочее движение. До того были только секты, которые, естественно, держались лозунгов, данных их основателями, в то время как масса пролетариата следовала за радикалами или за мниморадикальными буржуа. В решительный час она боролась за них, а на другой же день эти люди, очутившись у кормила власти, избивали рабочих, гнали их в ссылку и т. п. Поэтому Маркс охотно согласился на то, чтобы его зятья вернулись во Францию, когда вырванная от французского правительства амнистия коммунарам дала им возможность возвратиться на родину. Лафарг приехал во Францию, чтобы работать вместе с Гедом, а Лонге — занять влиятельное место редактора в газете «Justice» («Справедливость»), издававшейся Клемансо, который стоял во главе крайней левой.

В ином положении, но еще более благоприятном в духе Маркса были дела в России. Здесь главный труд Маркса читали усерднее и ценили больше, чем где-либо. Особенно среди молодых русских ученых у Маркса было много приверженцев и отчасти даже личных друзей. Но оба основных направления тогдашнего русского революционного движения, поскольку таковое существовало, — партия Народной воли и партия Черного передела, — были еще совершенно чужды его взглядов и учения. Оба они стояли полностью на почве идей Бакунина, по крайней мере в том смысле, что на первом плане у них было крестьянство. Маркс и Энгельс следующим образом формулировали основной для них вопрос: может ли русская крестьянская община, эта уже в то время сильно распавшаяся форма первобытной общественной собственности на землю, непосредственно перейти в более высокую, ком-

мунистическую форму земельной собственности или же она должна сначала пройти тот же процесс разложения, который наблюдался в историческом развитии Запада?

«Единственный возможный в настоящее время» ответ на этот вопрос Маркс и Энгельс дали в предисловии к новому русскому переводу «Коммунистического манифеста», сделанному Верой Засулич: «Если русская революция, — писали они, — послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»[1]. Этот взгляд объясняет горячее сочувствие Маркса к партии Народной воли, террористическая политика которой сделала царя узником революции в Гатчине. К партии же Черного передела, которая воздерживалась от политически-революционной активности и ограничивалась пропагандой, он относился с известной суровостью. Но именно к этой партии принадлежали такие люди, как Аксельрод и Плеханов, которые так энергично способствовали тому, что русское рабочее движение проникло марксистским духом.

Наконец, просвет обозначился и в Англии. В июне 1881 г. вышла в свет небольшая книга под заглавием «Англия для всех». Она была написана Гайндманом и представляла собой программу Демократической федерации, ассоциации, возникшей из различных английских и шотландских радикальных обществ, наполовину пролетарских, наполовину буржуазных. Главы о труде и капитале были почти буквальным переложением и даже выписками из «Капитала» Маркса. Но Гайндман не называл ни книгу, ни ее автора. Лишь в конце предисловия он упомянул о том, что теоретическим содержанием своей книги, а также значительной частью фактических данных он обязан труду одного великого мыслителя и самостоятельного писателя. Этот странный способ цитирования, примененный Гайндманом, произвел еще более тягостное впечатление, когда Гайндман стал оправдываться перед Марксом, ссылаясь на то, что имя Маркса пользуется дурной славой, что англичане не любят, чтобы их поучали иностранцы, и т. п. После этого Маркс порвал свои сношения с Гайндманом, которого к. тому же считал «хрупким сосудом».

Зато большое удовлетворение доставил Марксу очерк о нем Белфорта Бакса, напечатанный в том же году в декабрьской книжке одного английского ежемесячника. Правда, Маркс находил, что заключавшиеся в ней биографические сведения были большей частью неправильны, а изложение его экономических принципов — во многом неверным и путаным; но в своем роде

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 4. — *Ред.*

очерк был первой английской публикацией, проникнутой истинным восторгом к самим новым идеям и резким вызовом британскому филистерству. Эта статья, возвещенная большими буквами плакатов на стенах лондонского Вест-энда, обратила на себя большое внимание.

По письму, в котором Маркс сообщал об этом Зорге, могло показаться, что этот железный человек, столь нечувствительный к похвалам и к порицанию, на этот раз испытал легкий приступ самодовольства, что, впрочем, было вполне простительно. Это письмо было вызвано глубоким душевным потрясением, как видно из заключительных фраз Маркса: «Для меня было самым важным то, что я получил этот номер журнала уже 30 ноября и статья озарила радостью последние дни моей дорогой жены. Ты знаешь, с каким страстным интересом она всегда относилась к подобным вещам». Жена Маркса умерла 2 декабря 1881 г.

5
ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

В то время как политический горизонт повсюду просветлялся — и это было для Маркса всегда важнее всего, — на него самого и на его семью вечерние тени спускались все ниже и ниже. С того времени как для него был закрыт континент с его целебными ваннами, недуги Маркса возобновились, делая его более или менее неработоспособным. С 1878 г. он уже не работал над окончанием своего главного труда. Около того же времени или немного спустя началась тревожная забота о здоровье его жены.

Она радовалась более свободным от забот дням старости со счастливым спокойствием ее всегда гармоничной души, как сама о том писала супругам Зорге, утешая их по поводу потери двух детей цветущего возраста: «Я слишком хорошо знаю, как это тяжело и как много времени требуется, чтобы вернуть после таких потерь душевное равновесие. Но на помощь приходит жизнь с ее мелкими радостями, и большими заботами, со всеми ее мелкими повседневными хлопотами и мелочными неприятностями. Серьезная скорбь постепенно заглушается ежедневными мимолетными страданиями, и незаметно для нас наше горе смягчается. Конечно, рана окончательно не залечивается, особенно в материнском сердце. Но постепенно рождается в душе новая восприимчивость и даже новая чувствительность к новым страданиям и новым радостям, и продолжаешь жить с сердцем израненным, но в то же время полным надежды, пока оно наконец не остановится и не наступит вечный покой». Кто в большей степени заслужил такой легкой смерти, такого постепенного ухода из жизни, чем эта много страдавшая и боровшаяся женщина? Но ей не дано было почить

так легко: она испытала тягчайшие муки, прежде чем сделала последний вздох.

Осенью 1878 г. Маркс впервые писал Зорге, что его жена «очень нездорова»[1]. Год спустя он уже писал: «Жена моя все еще опасно больна, и сам я тоже далеко еще не совсем оправился»[2]. После долгой неопределенности выяснилось, что г-жа Маркс страдала от рака и ей предстояла медленная и неотвратимая смерть, сопровождавшаяся мучительными болями. Понятно, как тяжело от этого страдал Маркс, если вспомнить, чем в течение долгой жизни была для него эта женщина. Сама она держалась отважнее, чем ее муж и все окружающие; с несравненной силой духа она подавляла свои страдания, чтобы всегда быть веселой, хотя бы внешне, в кругу семьи. Когда летом 1881 г. болезнь сильно обострилась, она все же имела мужество предпринять поездку в Париж, чтобы повидать своих замужних дочерей. Так как на спасение нельзя было надеяться, то врачи согласились на это рискованное путешествие. В письме к г-же Лонге от 22 июля 1881 г. Маркс извещал ее о предстоящем приезде их обоих: «Пожалуйста, *отвечай сейчас же,* потому что мама не уедет отсюда, пока ты ей не напишешь, что тебе привезти из Лондона. Ты знаешь, что она любит возиться с подобными поручениями»[3]. Путешествие сошло для больной настолько благоприятно, насколько это было возможно при ее состоянии, но сам Маркс заболел по возвращении плевритом, связанным с бронхитом и даже начавшимся воспалением легких. Болезнь была очень опасна, но окончилась благополучно благодаря самоотверженному уходу Элеоноры и Елены Демут. В эти печальные дни Элеонора писала: «В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате...

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом»[4].

Когда 2 декабря 1881 г. его жена умерла, Маркс был еще настолько слаб, что врач ему запретил проводить свою подругу в последний путь. «Я покорился этому запрету, — писал Маркс Женни Лонге, — еще потому, что дорогая покойница как раз

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 13. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 72. — *Ред.*
[3] Там же, стр. 142. — *Ред.*
[4] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 123—124. — *Ред.*

накануне своей смерти сказала сиделке по поводу несоблюдения какой-то церемонии: «Мы не придаем значения внешним формальностям»...

Для меня является утешением то, что силы ее оставили вовремя... Как мне предсказывал доктор Донкин, болезнь приняла характер постепенного умирания, словно от старческой слабости. Даже в *последние часы* — никакой борьбы со смертью: медленное засыпание; ее глаза были выразительнее, красивее, лучезарнее, чем всегда!»[1].

На могиле Женни Маркс говорил Энгельс. Он охарактеризовал ее как славную и верную подругу своего мужа и закончил свою речь словами: «Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она»[2].

6
ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Маркс пережил свою жену лишь на пятнадцать месяцев. Но все это время его жизнь была лишь «медленным умиранием», и Энгельс был прав, когда он в день смерти жены Маркса сказал: «Мавр также умер».

Так как в этот короткий период времени оба друга большей частью находились в разлуке, то их переписка разгорелась последним пламенем. В ней запечатлен этот последний год жизни Маркса во всем его мрачном величии. Его спокойствие нарушалось частыми вспышками болезни. Так был разрушен неумолимой человеческой судьбой и этот великан мысли и дела.

Его еще приковывала к жизни лишь необходимость посвятить свои последние силы тому делу, которому отдана была вся его жизнь. «Из последней болезни я вышел, — писал он Зорге 15 декабря 1881 г., — вдвойне инвалидом: морально — из-за смерти моей жены, и физически — вследствие того, что после болезни осталось уплотнение плевры и повышенная раздражимость дыхательных путей.

Некоторое время мне, к сожалению, придется целиком затратить на восстановление своего здоровья»[3]. Это время продолжалось до самого дня смерти, так как все попытки восстановить его здоровье оказались тщетными.

Врачи послали его сначала в Вентнор на острове Уайте, а затем в Алжир. Он прибыл туда 20 февраля 1882 г., но вследствие

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 166, 167. — *Ред.*
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 599. — *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 171. — *Ред.*

холодного переезда опять схватил в пути плеврит. К несчастью, эта зима и весна в Алжире были более дождливы и суровы, чем когда-либо. Не лучшие результаты получились и в Монте-Карло, куда Маркс переселился 2 мая. Он приехал туда после сырого и холодного переезда с плевритом, но и там стояла упорно дурная погода.

Его состояние здоровья улучшилось только тогда, когда он поселился в Аржантейе у супругов Лонге. Этому, вероятно, немало способствовала жизнь в семье. Кроме того, Маркс с успехом лечился от застарелого бронхита серными источниками соседнего Энгиена. Шестинедельное пребывание в Вевэ на Женевском озере, куда он поехал затем с дочерью Лаурой, также существенно улучшило его здоровье. Когда он в сентябре вернулся в Лондон, то выглядел бодрым и часто без труда поднимался с Энгельсом на Хэмпстедский холм, расположенный футов на 300 выше дома, где он жил.

Маркс собирался снова приняться за свои работы, так как врачи позволили ему провести зиму, правда, не в самом Лондоне, а на южном побережье Англии. Когда начались ноябрьские туманы, он отправился в Вентнор, но и там, как весной в Алжире и Монте-Карло, он застал туманы и сырость. Он снова простудился, и вместо укрепляющего движения на свежем воздухе ему досталось расслабляющее сидение дома взаперти. О научных занятиях нечего было и думать, несмотря на то что Маркс проявлял самый живой интерес ко всем научным открытиям, даже таким, которые выходили из более тесного круга его работ, как, например, к опытам Депре на мюнхенской электрической выставке, В общем его письма отражали подавленное и унылое настроение. Когда в молодой рабочей партии Франции стали проявляться неизбежные детские болезни, он был недоволен тем, как его зятья излагали его мысли: «Лонге в качестве последнего прудониста и Лафарг в качестве последнего бакуниста! Черт бы их побрал!»[1]. Тогда именно у него вырвалось то крылатое слово, за которое так ухватились потом все филистеры, — что сам он во всяком случае не марксист.

Затем 11 января 1883 г. последовал окончательно сразивший его удар: неожиданная смерть его дочери Женни. Уже на следующий день Маркс вернулся в Лондон с серьезным бронхитом, к которому присоединилось воспаление гортани, сделавшее глотание почти невозможным. «Он, умевший со стоическим равнодушием переносить величайшие страдания, предпочитал выпивать литр молока (к которому всю жизнь питал отвращение), чем принимать соответствующую твердую пищу»[2]. В феврале образо-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 588. — *Ред.*
[2] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 369. — *Ред.*

вался нарыв в легком. Лекарства не оказывали уже никакого действия на организм, напичканный в течение пятнадцати месяцев всякими медикаментами. Они лишь ослабляли аппетит и расстраивали пищеварение. С каждым днем больной заметно худел. Но врачи еще не отказались от надежды, так как бронхит уже почти прекратился, а глотание сделалось более легким. Конец наступил неожиданно. 14 марта около полудня Карл Маркс тихо и безболезненно навсегда заснул в своем кресле.

При всей своей скорби об этой незаменимой утрате Энгельс находил утешение в самой неожиданности смерти. «Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к вящему триумфу врачебного искусства. Но этого наш Маркс никогда не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желания их закончить и от невозможности это сделать, — это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть. «Смерть — несчастье не для умершего, а для оставшегося в живых», — любил он повторять слова Эпикура. И видеть, как этот мощный, гениальный человек прозябает, превращаясь в развалину, к вящей славе медицины и на потеху филистеров, которых он в пору расцвета своих сил так часто повергал в прах, — нет, в тысячу раз лучше то, что случилось, в тысячу раз лучше снести его послезавтра в могилу, туда, где покоится его жена»[1].

В субботу 17 марта Маркс был похоронен возле своей жены. Семья тактично отказалась от «всякого церемониала», который прозвучал бы резким диссонансом ко всей жизни Маркса. Только несколько преданных друзей стояли у открытой могилы: Энгельс с Лесснером и Лохнером, двумя старыми товарищами Маркса еще по Союзу коммунистов; из Франции приехали Лафарг и Лонге, а из Германии — Либкнехт; присутствовали также два видных представителя науки — химик Шорлеммер и зоолог Рей Ланкестер.

Последнее прощальное приветствие своему мертвому другу Энгельс произнес по-английски. Он в кратких, искренних и правдивых словах выразил все, чем Маркс был и останется навсегда для человечества, и этими словами Энгельса мы заключаем наш труд:

«14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря.

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 359. — *Ред.*

Уже в ближайшее время станет ощутительней та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось бы сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было немало, и ни одной из них он не занимался поверхностно.

Таков был этот муж науки. Но это в нем было далеко не главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого нельзя было даже и предвидеть, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и еще в последнее время за открытиями Марселя Депре.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием. Борьба была его стихией. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Rheinische Zeitung»

(«Рейнская газета») 1842 г., парижский «Vorwarts!» («Вперед!») 1844 г., «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета») 1847 г., «Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета») 1848—1849 гг., «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская трибуна») 1852—1861 гг. и сверх того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное Товарищество Рабочих, — поистине это было делом, которым мог гордиться тот, кто его создал, даже если бы он не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»[1].

[1] См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 361—363. — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Ни в существо, ни в задачу этой книги не входило намерение снабдить ее научным аппаратом. Я ограничусь поэтому немногими указаниями, которые наметят для читателя, желающего точнее вникнуть в отдельные вопросы, главные пути, а по ним он уже сам легко найдет отдельные дорожки.

Среди огромной, все нарастающей литературы о Марксе попыток биографического характера сравнительно мало. Правда, небольшие очерки жизни всегда имелись, но они обычно изобиловали ошибками и становились все более плоскими по мере того, как их все чаще перетаскивали из одной книги в другую. Впервые *Энгельс* внес в эту область некоторый порядок, опубликовав сначала биографический очерк в *«Volkskalender»* [«Народном календаре»] Бракке за 1878 г. *[Ф. Энгельс.* «Карл Маркс». См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 1—12]. Позднее он написал в «Handworterbuch fur Staatswissenschaften» [«Словарь политических наук». Иена, 1892] (т. 5, стр. 1130 и сл.) статью о Марксе *[Ф. Энгельс.* «Маркс, Генрих Карл». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., том XVI, ч. II, стр. 255— 261], которая при всей своей достоверности не свободна от отдельных ошибок.

Из других биографических трудов еще заслуживает внимания труд: *W. Liebknecht.* «Karl Marx zum Gedachtniss. Ein Lebensabriss und Erinnerungen», Nurnberg, 1896 *[В. Либкнехт.* «Памяти Карла Маркса. Очерк жизни и воспоминания». Нюрнберг, 1896. См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 88—134]. Изложение в основном ограничивается 50-ми годами, но дает великолепную картину этого периода, если оставить в стороне многие отдельные неточности. Не менее, хотя и в другом роде, отличается своим темпераментом расширенный для печати доклад: *Klara Zetkin.* «Karl Marx und sein Lebenswerk». Elberfeld, 1913 *[Клара Цеткин.* «Карл Маркс и дело его жизни». Эльберфельд, 1913. Русский перевод: М., 1922]. Он основан на точном знакомстве с предметом и приобретает особую ценность благодаря приложению, которое вводит читателя шаг за шагом в мир идей Маркса, заключающийся в его работах. Напротив, настоящей компиляцией является работа: *John Spargo.* «Karl Marx, his life and work». New-York, 1910. [*Джон Спарго.* «Карл Маркс, его жизнь и деятельность». Нью-Йорк, 1910. Русский перевод: «Карл Маркс. Жизнь и деятельность», Л., 1924].

Главный источник для биографии Маркса до 1850 г. — это четырехтомное, так называемое *«Nachlassausgabe»* [«Посмертное издание»], хотя оно давно уже не является единственным изданием наследия Маркса. (Полное название: «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels

und Ferdinand Lassalle herausgegeben von *F. Mehring».* Stuttgart, 1902) [«Из литературного наследства Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля». Издано *Ф. Мерингом.* Штутгарт, 1902]. Оно благополучно пережило почти половину человеческой жизни; некоторые мелочи исправлены были в послесловии ко 2-му изданию 1913 г. Первый том был значительно дополнен работами Густава Майера о «Rheinische Zeitung», о «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» и о Фридрихе Энгельсе, а четвертый том — пятью письмами Лассаля к Марксу, которые позднее были найдены и опубликованы *Бернштейном* в «Neue Zeit», 33^1, 19 [33-й год издания, том 1, стр. 19 и сл.]. В введении и в примечаниях к этому изданию я изложил много биографического материала из рукописных и печатных источников, так что первые главы этой книги в известной степени представляют собою лишь извлечение из них.

Вторым главным источником для двух десятилетий — от 1850 до 1870 г. — является также четырехтомная *«Переписка Маркса и Энгельса».* (Полное название: «Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx, 1844 bis 1883, herausgegeben von *A. Bebel* und *Ed. Bernstein»,* Stuttgart, 1913) [«Переписка между Фридрихом Энгельсом и Карлом Марксом с 1844 до 1883 года». Издано *А. Бебелем* и *Э. Бернштейном.* Штутгарт, 1913]. Это монументальное произведение было встречено с большим уважением даже противниками. Из более обстоятельных отзывов о нем в научной литературе отмечу: *Бернштейн* в «Archiv fur Sozialwissensehaft und Sozialpolitik», Band 38 [«Архив по вопросам социальной науки и социальной политики», том 38]; Г. Майер в «Zeitschrift fur Politik», Band 7 [«Журнал по вопросам политики», том 7]; *Мерингв* «Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiteibewegung», Band 5 [«Архив по вопросам истории социализма и рабочего движения», том 5]; *Г. Онкен* в «Preusische Jahrbucher», Band 155 [«Прусский ежегодник», том 155]; *Шмоллер* в «Jahrbuch fur Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft», Band 39 [«Ежегодник по вопросам законодательства, управления и народного хозяйства», том 39].

Третий главный источник для периода от 1870 до 1883 г. составляет *переписка с Зорге.* (Полное название: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Ioh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx an F. A. Sorge und andere». Stuttgart, 1906) [«Письма и выдержки из писем И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Фр. Энгельса, К. Маркса к Ф. А. Зорге и другим». Штутгарт, 1906]. Оригиналы писем вместе с остальным рукописным материалом Зорге передал в большую нью-йоркскую Публичную библиотеку.

Ряд менее значительных по объему изданий переписки (с *Кугельманом, Вейдемейером, Фрейлигратом* и др.) я назову там, где буду касаться их. Здесь я только считаю долгом упомянуть с искренней благодарностью о той поддержке, которую мне оказывал на протяжении всей моей работы «Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» [«Архив по вопросам истории социализма и рабочего движения»], издаваемый *Карлом Грюнбергом.* Этот журнал, несмотря на свою сравнительную молодость, сделался средоточием всех социалистических исследований благодаря мастерскому ведению дела его редактором.

Ю н о с т ь . Процессуальные акты, из которых я заимствовал генеалогические сведения о Марксе, я просматривал в отличной библиотеке гг. *Маутнера* и *Паппенгейма* в Вене. См. также *Mehring.* «Splitter zur Biographie von Karl Marx», «Neue Zeit», 29^1, 4 *[Меринг.* «Частичные данные к биографии Карла Маркса», «Новое время», 29-й год издания, том I, стр. 4.] (с некоторыми подробностями о кандидатском экзамене). *Mehring.* «Die von Westphalen», «Neue Zeit», 10^2, 481 *[Меринг.* «Фон Вестфалены», «Новое время», 10-й год издания, том 2, стр. 481].

Ученик Гегеля. Письмо к родителям сообщено дословно *Элеонорой Маркс* в «Neue Zeit», 16^1, 4. Младогегельянская литература: *Koppen* «Friedrich der Grosse und seine Widersacher», Leipzig, 1840 *[Кёппен.* «Фрид-

рих Великий и его противники». Лейпциг, 1840]. *Bruno Bauer.* «Kritische Geschichte der Synoptiker». Leipzig, 1841 *[Бруно Бауэр.* «Критическая история синоптиков». Лейпциг, 1841]. *Ruge.* «Briefwechsel und Tagebuchblatter». Berlin, 1886 *[Руге.* «Переписка и страницы из дневника», Берлин, 1886]. *Doktordissertation,* «Nachlassausgabe», I, 63 *[Докторская диссертация.* «Посмертное издание», т. I, стр. 63. См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* «Из ранних произведений». М., 1956, стр. 17—98]. «Anekdola zur neuesten Philosophie und Publizistik». Zurich, 1843 [«Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики». Цюрих, 1843]. *«Rheinische Zeitung»* от 1 января 1842 г. до 31 марта 1843 г. сохранилась в полном комплекте в Королевской библиотеке в Берлине. Документальный, почерпнутый из архивов материал об истории этой газеты вместе с богатыми сведениями об эволюции младогегельянцев в политике дает *G. Mayer.* «Die Anfange des politischen Radicalismus im vormarzlichen PreuCen», «Zeitschrift fur Politik», Band VI *[Г. Майер.* «Начало политического радикализма в домартовской Пруссии». «Журнал по вопросам политики», том VI]. Для освещения внутренних кризисов газеты имеют значение восемь писем *Маркса к Руге,* опубликованные *Бернштейном* в 1902 г. в его «Dokumente des Sozialismus» [«Документы социализма»]. Важнейшие опубликованные Марксом в этой газете статьи собраны теперь в «Посмертном издании», том I, стр. 171. [См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е издание, том I, стр. 30 и сл.]. См. также *Ludwig Feuerbach.* «Briefwechsel und Nachlass», Heidelberg, 1874 *[Людвиг Фейербах.* «Переписка и наследие». Гейдельберг, 1874].

П а р и ж с к о е и з г н а н и е . *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher».* Единственная двойная книжка, содержащая оба первых выпуска, вышла в Париже в марте 1844 г. Вводная переписка, а также две статьи Маркса и две статьи Энгельса, напечатанные там, теперь перепечатаны в «Посмертном издании», том I, стр. 360 [См. *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., 2-е издание, том 1, стр. 371—381, 382— 413, 414—429, 544—571, 572—597]. Много архивного материала для истории журнала дает *G. Mayer.* «Der Untergang der «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» und des Pariser «Vorwarts!»», «Grunbergs Archiv», Band III; *[Г. Майер.* «Конец «Немецко-французского ежегодника» и парижского «Вперед!»», «Архив Грюнберга», том III]; *Ruge.* «Aus fruherer Zeit». Berlin, 1886 *[Руге.* «Из прошлых лет». Берлин, 1886]. То, что Маркс считал своей духовной собственностью в теории классовой борьбы, он излагает в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года [См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Избранные произведения в двух томах». М., 1955, том II, стр. 433]. См. *Mehring.* «Neue Beitrage zur Biographie von Marx und Engels», «Neue Zeit», 25^2, 163 *[Меринг.* «Новые данные для биографии Маркса и Энгельса», «Новое время», 25-й год издания, том 2, стр. 163]. Ср. также *Plechanow.* «Ueber die Anfange der Lehre vom Klassenkampf», «Neue Zeit», 21^1, 275 *[Плеханов,* «Первые фазы учения о классовой борьбе». «Новое время», 21-й год издания, том I, стр. 275. См. *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XI. М., 1923, стр. 273—326] и *Rothstein.* «Verkunder des Klassenkampfes vor Marx», «Neue Zeit», 26^1, 836 *[Ротштейн.* «Провозвестники классовой борьбы до Маркса». «Новое время», 26-й год издания, том I, стр. 836]. Один экземпляр газеты «*Vorwarts!»* находится в венской городской библиотеке; единственная статья, которую напечатал Маркс в этой газете, приведена в «Посмертном издании», том 2, стр. 41.

Ф р и д р и х Э н г е л ь с . Молодой Энгельс, так сказать, был вновь открыт *Г. Майером* в его статье: «Ein Pseudonym von Friedrich Engels», «Grunbergs Archiv», Band IV [«Псевдоним Фридриха Энгельса». «Архив Грюнберга», том IV]. В высшей степени интересны письма Энгельса к некоторым из его друзей молодости, которые *Майер* опубликовал в сентябрьском и октябрьском выпусках «Neue Rundschau» [«Нового обозрения»] за 1913 год. Мы надеемся, что скоро появится подробное изложение начала литературной и политической деятельности Энгельса, которое собирается

издать Майер. Труд *Энгельса* и *Маркса* «Die Heilige Familie» [«Святое семейство». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е издание, том 2, стр. 3— 230] перепечатан с подробным комментарием во втором томе «Посмертного издания». *Engels.* «Die Lage der arbeitenden Klassen in England». Leipzig, 1845 *[Энгельс,* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е издание, том 2, стр. 231—517].

Брюссельское изгнание. Из полемики, которую вели Маркс и Энгельс против Штирнера, Бернштейн приводит большие отрывки в своих «Dokumente des Sozialismus» [«Документы социализма»]. О связи Маркса и Энгельса с *истинным социализмом* см. второй том «Посмертного издания». *Weitling.* «Garantien der Harmonie und Freiheit». Mit einer biographischer Einleitung und Anmerkungen von *Mehring.* Berlin, 1908 *[Вейтлинг.* «Гарантии гармонии и свободы». С биографическим введением и примечаниями Меринга. Берлин, 1908]. *Proudhon.* «Correspondence», 2, 198 *[Прудон.* «Переписка», т. 2, стр. 198]. *Marx.* «Das Elend der Philosophie». Stuttgart, 1885 *[Маркс.* «Нищета философии», Штутгарт, 1885. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е издание, том 4, стр. 65—185]. Газета *«Deutsche-Brusseler-Zeitung»* сохранилась в одном почти полном экземпляре в партийном архиве; важнейшие статьи, опубликованные в ней Марксом и Энгельсом, перепечатаны во втором томе «Посмертного издания». Сравнительно скудный материал, который сохранился о Союзе коммунистов, теперь собран в книге: *Marx.* «Enthullungen uber den Kommunistenprozess in Koln». Mit Einleitung von *Engels* und Dokumenten. Vierter Abdruck mit Einleitung und Anmerkungen von *Mehring.* Berlin, 1914 *[Маркс.* «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». С введением *Энгельса* и документами. Четвертое стереотипное издание с введением и примечаниями *Меринга.* Берлин, 1914. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 1-е издание, том VIII, стр. 503—558]. *Bertrand.* «Die socialdemokratische Bewegung in Belgien vor 1848», «Neue Zeit», 23^2, 277 *[Бертран.* «Социал-демократическое движение в Бельгии до 1848 года». «Новое время», 23-й год издания, том 2, стр. 277]. *Rothstein,* «Aus der Vorgeschichte der Internationalen», «Neue Zeit», Erganzungsheft 17 *[Ротштейн.* «Из предистории Интернационала». «Новое время», Дополнительная тетрадь 17]. *W. lUolff.* «Gesammelte Schriften», herausgegeben von *Mehring.* Berlin, 1909 *[В. Вольф.* «Собрание сочинений». Издано *Рерингом.* Берлин, 1909]. *Marx.* «Lohnarbeit und Kapital». Mit Einleitung von *Engels.* Berlin, 1891 *[Маркс,* «Наемный труд и капитал». С введением *Энгельса.* Берлин, 1891. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Избранные произведения *в* двух томах». М., 1955, том I, стр. 44—79]. *Marx* und *Engels.* «Kommunistischer Manifest» *[Маркс* и *Энгельс.* «Коммунистический манифест». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е издание, том 4, стр. 419—459]; последнее, вновь пересмотренное одним из его авторов издание вышло в Берлине в 1890 году.

Революция и контрреволюция. *«Neue Rheinische Zeitung»* — ряд передовых статей из нее см. в третьем томе «Посмертного издания». *Mehring.* «Freiligrath und Marx in ihrem Briefwechsel», «Neue Zeit» Erganzungsheft 12 *[Меринг.* «Фрейлигрaт и Маркс в их переписке». «Новое время». Дополнительная тетрадь 12]. *Лассаль* и *Маркс* — см. четвертый том «Посмертного издания» и II и III тома «Переписки Маркса и Энгельса».

Лондонское изгнание. *«Revue der Neuen Rheinischen Zeitung».* Отдельным изданием вышло: *Marx.* «Die Klassenkampfe in Frankreich 1848 bis 1850». Mit Einleitung von *Engels.* Berlin, 1895 *[Маркс.* «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» С введением *Энгельса.* Берлин, 1895. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Избранные произведения в двух томах». М., 1955, том I, стр. 91—207]; остальное, в том числе многие месячные обзоры и рецензии, а также *Engels.* «Die deutsche Reichsverfassungskampagne» *[Энгельс.* «Германская кампания за имперскую конституцию». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е издание, том 7, стр. 111—207], см. в третьем

томе «Посмертного издания». Дело *Кинкеля* впервые было выяснено в подробностях в нескольких составленных на основании архивных данных статьях, печатавшихся в течение 1914 г. в «Preusische Jahrbucher» [«Прусском ежегоднике»]. О жизни эмигрантов в Лондоне см. *Mehring.* «Neue Beitrage» *[Меринг.* «Новые данные»]; сведения эти почерпнуты из переписки Маркса с Вейдемейером. *Marx.* «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte». Stuttgart, 1914 *[Маркс.* «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Штутгарт, 1914. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* «Избранные произведения в двух томах». М., 1955, том I, стр. 208—302]. *Marx.* «Enthullungen» *[Маркс.* «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 1-е издание, том VIII, стр. 503—558].

Энгельс — Маркс. Данные, излагаемые в этой главе, в основном почерпнуты из переписки Маркса и Энгельса; мы опускаем указания источников для отдельных подробностей.

Крымская война и кризис. Для этой главы, так как она была уже напечатана, я не мог использовать книгу: *Marx* und *Engels.* «Gesammelte Schriften 1852 bis 1862», herausgegeben von *N. Rjasanoff.* Stuttgart, 1917 *[Маркс* и *Энгельс.* «Собрание сочинений 1852—1862 гг. Издано *Н. Рязановым.* Штутгарт, 1917]. Два тома этой работы, доходящие только до 1855 г., занимают уже более тысячи страниц; должны выйти в свет еще два тома. Но ценность вышедших уже томов в качестве биографических источников столь незначительна, что мне не приходится ни пересматривать, ни дополнять моего текста. В общем только подтверждается то впечатление, что работа для «New-York Daily Tribune» была не последней долей мученичества Маркса. Тот факт, что Дана был не действительным собственником газеты, а лишь приказчиком настоящих ее владельцев — Грили я Мак Экрата, не дает еще основания заключить, как это делает издатель, что Дана, несмотря на все, корректно относился к Марксу. Маркс в течение десяти лет своих сношений с ним во всяком случае никогда не подозревал, что Дана — всего лишь его товарищ по несчастью, втайне ему сочувствовавший. Статьи и заметки Маркса и Энгельса, собранные Н. Рязановым в двух томах, имеют весьма различную ценность: частью они, как побочные, богатые по содержанию работы, дополняют великие научные произведения Маркса и Энгельса, частью же — особенно те, которые собраны во втором томе, — относятся «к газетной корреспонденции в собственном смысле»; Маркс и Энгельс, вероятно, остались бы весьма недовольны тем, что эти статьи вновь увидели свет. Относительно Уркарта, Гарни, Джонса и других лиц, упоминаемых в этой главе, см. переписку Маркса и Энгельса — *G. Mayer.* «Zwei unbekannte Briefe von Marx an Lassalle» *[Г. Майер.* «Два неизвестных письма Маркса к Лассалю»] (1855 года) в «Frankfurter Zeitung» от 10 августа 1913 г. *Marx.* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin, 1859 *[Маркс.* «К критике политической экономии». Берлин, 1859. См. *К. Маркс.* «К критике политической экономии». М., 1953].

Династические перевороты. *Engels.* «Po und Rhein»; «Savoyen, Nizza und der Rhein», zwei Abhandlungen, herausgegeben von *Bernstein.* Stuttgart, 1915 [Энгельс. «По и Рейн»; «Савойя, Ницца и Рейн». Две брошюры, изданные *Бернштейном.* Штутгарт, 1915. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 1-е издание, том XI, ч. II, стр. 1—50, том XII, ч. I, стр. 209—246]. *Lassalle.* «Der italienische Krieg und die Aufgabe Preusens». Berlin, 1892 *[Лассаль.* «Итальянская война и задача Пруссии», Берлин, 1892]. *Vogt.* «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung»». Genf, 1858. *[Фогт.* «Мой процесс против «Всеобщей газеты»». Женева, 1858]. *Marx.* «Herr Vogt». *[Маркс.* «Господин Фогт». См. *К. Маркс.* «Господин Фогт». М., 1938]. Переписка с *Лассалем, Фрейлигратом, Вейдемейером* и в особенности переписка Маркса с Энгельсом.

Начало Интернационала. Относительно ранняя литература об Интернационале (Testus, Villetard и т. д.) совершенно устарела; иногда

можно пользоваться, соблюдая необходимую осторожность, книгой: *Rudolf Meyer.* «Emanzipationskampf des vierten Standes». Berlin, 1874 *[Рудольф Мейер.* «Освободительная борьба четвертого сословия». Берлин, 1874]. Попытку научного изложения истории этого великого Союза впервые предпринял *Jaeckh.* «Die Internationale». Leipzig, 1904 *[Иекк.* «Интернационал». Лейпциг, 1904. Русский перевод: *Густав Иекк.* «Интернационал». Издание второе. М., 1926]. Написанный сначала в качестве доклада к сорокалетию со дня рождения Интернационала небольшой том Иекка читается и теперь с пользой. Он устарел лишь в одном — правда, существенном: в односторонне резком осуждении всех немарксистски мыслящих элементов, в особенности Бакунина. Иекк недостаточно разглядел козни Утина и выдумки Боркгейма и слишком полагался на брошюру Маркса о бакунинском Альянсе. Наряду с сочинением Иекка шесть годовых комплектов «Vorbote» (с 1866 по 1871), издававшегося в Женеве Иоганном Филиппом Беккером, все еще являются лучшим указателем по истории Интернационала. О мнимом предательстве Швейцера я в тексте, конечно, не говорю больше ни единого слова. Смотри об этом: *Schweitzer.* «Politische Aufsatze und Reden», herausgegeben von *Mehring.* Berlin, 1912 *[Швейцер.* «Политические сочинения и речи». Издано *Мерингом.* Берлин, 1912]. *G. Mayer.* «J. B. von Schweitzer und die Sozialdemokratie». Jena, 1909 *[Г. Майер.* «И. Б. фон Швейцер и социал-демократия». Иена, 1909].

Хорошее изображение личности и политики Швейцера дает *H. Laufenberg.* «Geschichte der Arbeiterbewegung im Hamburg, Altona und Umgegend». Hamburg, 1901 *[Г. Лауфенберг.* «История рабочего движения в Гамбурге, Альтона и окрестностях». Гамбург, 1901]. *Bebel.* «Aus meinem Leben», 2. Band 1—137 («Die Periode des Herrn von Schweitzer») *[Бебель.* «Из моей жизни», второй том, стр. 1—137 (Период г-на фон Швейцера). Русский перевод: *А. Бебель.* «Из моей жизни». Л., 1925]. Бебель только повторяет старые, давно опровергнутые обвинения, не вдаваясь в критику возражений. Относительно Лондонской конференции Интернационала в 1865 г. см. *М. Бах* в «Neue Zeit», 20^1, 549. *«Briefs von Karl Marx an L. Kugelmann»,* «Neue Zeit», 20^2, 26 *[«Письма Карла Маркса к Л. Кугельману».* «Новое время», 20-й год издания, т. 2, стр. 26].

К а п и т а л . Все сохранившиеся отрывки для IV тома «Капитала», который должен был содержать историю теории, собрал воедино и опубликовал *Каутский:* «Theorien uber den Mehrwert». Stuttgart, 1905 [«Теории прибавочной стоимости». Штутгарт, 1905. См. *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости» [IV том «Капитала»]. Часть первая. М., 1955]. Все популярные изложения «Капитала» устарели уже по одному тому, что они ограничивались только I томом. «Народное издание» этого тома было выпущено *Каутским* в 1914 г. в Штутгарте. Огромная литература об этом классическом произведении отличается скорее своим объемом, чем содержанием, причем это следует сказать не только о противниках. Ближе всего к прообразу по обширности сведений, блеску языка, логической ясности исследования, независимости умственной работы, развивающей дальше идеи «Капитала», подходит труд: *Rosa Luxemburg.* «Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur okonomischen Erklarung der Imperialismus». Berlin, 1913 *[Роза Люксембург.* «Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма». Берлин, 1913. Русский перевод: *Роза Люксембург.* «Накопление капитала», тт. I—II, издание пятое. М., 1934]. Та манера, с которой эта книга была раскритикована в пух и прах так называемыми австромарксистами (Экштейн, Гильфердинг и т. д.), является шедевром марксистского поповства.

И н т е р н а ц и о н а л н а в ы с о т е . Для этой и следующей глав наряду с перепиской Маркса и Энгельса и газетой «Vorbote» следует иметь в виду литературу о Бакунине: *Michel Bakounine.* «Oeuvres», t. I—VI, Paris, 1907—1913. *[Михаил Бакунин.* Сочинения, т. I—VI, Париж, 1907—1913]. *James*

Guillaume. «L'Internationale. Documents et Souvenirs», t. I—IV, Paris, 1905—1910. *[Джемс Гильом.* «Интернационал. Документы и воспоминания», т. I—IV, Париж, 1905—1910]. *Max Nettlau.* «Bakunin und die Internationale in Italien bis zum Herbst 1872». «Grunbergs Archiv», 2, 275 *[Макс Нетлау.* «Бакунин и Интернационал в Италии до осени 1872 года». «Архив Грюнберга», т. 2, стр. 275]. *M. Nettlau.* «Bakunin und die Internationale in Spanien 1868—1873». «Grunbergs Archiv», 4, 243 *[M. Нетлау.* «Бакунин и Интернационал в Испании в 1868—1873 годах». «Архив Грюнберга», т. 4, стр. 243]. *M. Nettlau.* «Bakunin und die russische revolutionise Bewegung von 1868—1873». «Grunbergs Archiv», 5, 357 *[M. Нетлау.* «Бакунин и русское революционное движение 1868—1873 годов». «Архив Грюнберга», т. 5, стр. 357]. *Brupbacher.* «Marx und Bakunin». Munchen, 1913 *[Брупбахер.* «Маркс и Бакунин». Мюнхен, 1913]. Если я подчеркиваю необходимость этой литературы для истории Интернационала, то не потому, что она заключает в себе сущую мудрость и истину. Напротив, к сожалению, авторы этих книг, совершенно законно требуя справедливости в отношении Бакунина, не выказывают ее относительно Маркса. Но и в истории верно то, что нужно выслушивать обе стороны. Хороша книга: *Steklow.* «Michael Bakunin». Stuttgart, 1913 *[Стеклов.* «Михаил Бакунин». Штутгарт, 1913. Русское издание: *Ю. М. Стеклов.* «Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность», М., 1926]. Автор — подлинный марксист, но именно поэтому требует от немецкой социал-демократии справедливости к памяти Бакунина. *«Конфиденциальное сообщение»* дословно напечатано в письмах к Кугельману, «Neue Zeit», 20^2, 472 [См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 1-е издание, том XIII, ч. I, стр. 355—367].

П а д е н и е И н т е р н а ц и о н а л а . *Marx.* «Der Burgerkrieg in Frankreich», mit Einleitung von *Engels».* Berlin, 1891 *[Маркс.* «Гражданская война во Франции». С введением *Энгельса.* Берлин, 1891. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Избранные произведения в двух томах». М., 1955, том I, стр. 433—503]. Это издание содержит в себе три воззвания Интернационала по поводу войны и Коммуны. Мнения Маркса о Коммуне, высказанные в письмах, см. в «Neue Zeit», 20^1, 708. Скудные остатки той переписки, которую вел Маркс во время восстания с членами Совета Коммуны, собраны в «Neue Zeit», 29 *, 734. «Memoire presente par la Federation jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs a toutes les Federations de l'Internationale». Sonvillier, 1873 [«Памятная записка, представленная Юрской федерацией Международного Товарищества Рабочих всем федерациям Интернационала». Сонвилье, 1873]. «Les pretendues scissions dans l'Internationale. Circulaire prive du Conseil general de l'Association Internationale des Travailleurs». Geneve, 1872 [«Мнимые расколы в Интернационале. Негласный циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». Женева, 1872. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 1-е издание, том XIII, ч. II, стр. 391—433]. *M. Bach.* «Die Spaltung in der englischen Internationale». «Neue Zeit», 21^2, 21 *[M. Бах.* «Раскол в английском Интернационале». «Новое время», 21-й год издания, том 2, стр. 21]. «Ein Komplott gpgcn die Internationale Arbeiter-Assoziation». Braunschweig, 1874 (так наз. «Allianzbroschure»).

* * *

Здесь будет уместно сказать несколько слов о том покушении на убийство, которое предприняли *К. Каутский* и *Н. Рязанов* в отношении этой книги, когда она еще находилась в зародышевом состоянии.

Хотя некоторые еретические высказывания о Лассале уже навлекли на меня публичное предостережение Каутского за «враждебность к Марксу», а также и за якобы учиненное мною «нарушение доверия» по отношению к жене Лафарга, я все же открыто и твердо придерживался своего биографи-

ческого плана. Мало того, я имел даже смелость в отредактированном мною фельетоне в «Новом времени» (см. «Neue Zeit», 31^2, 985) указать на книгу Брупбахера о Марксе и Бакунине, не разругав ее на все корки. Порицая в ней некоторые выпады и несправедливости по отношению к Марксу, я объявил ее все-таки «полезной и заслуживающей похвалы книгой», поскольку она устраняла целый ряд несправедливых упреков, которые делались Бакунину Марксом и марксистами; из числа последних я отнюдь не исключал и себя самого. Основное содержание моего отзыва сводилось к тому, что Интернационал погиб при выполнении своей великой исторической миссии и, следовательно, умер несравненно более почетной смертью, чем от жалких интриг бессовестных демагогов.

Этим я и ограничился, но Н. Рязанов издал против моих бедных шести страничек тот более чем в десять раз больший по объему памфлет, для которого Каутский с готовностью предоставил столбцы «Neue Zeit». (См. N. Rjasanoff. «Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware», «Neue Zeit», №№ 5, 7, 8, 9, 10 и 13. 32. Jahrgang, 1. Band.) *[Н. Рязанов.* «Социал-демократический флаг и анархистский товар». «Новое время», №№ 5, 7, 8, 9, 10 и 13. 32-й год издания, том 1.] Рязанов, конечно, ни единым звуком не обмолвился по существу сделанных мною выводов. Даже те две или три ошибки, которые он старался найти у меня, извращая мои слова или чрезмерно раздувая вкравшиеся по недосмотру несущественные погрешности, не имеют ни малейшей связи с тем, что для меня было наиболее важно по существу, Его задачей было выставить меня человеком, у которого нет ни надлежащих познаний, ни способности суждения, ни даже доброй воли к тому, чтобы иметь право высказать по существу свое мнение о Марксе. В его изображении я напоминал, так сказать, те вымазанные киноварью рожи, которые вывешиваются на ярмарочных балаганах, в то время как зазывала стоит перед ними и кричит: «Посмотрите, что за уродина!»

Для роли такого зазывалы Рязанов годился, конечно, очень хорошо. Он мастер того стиля, который подглядел у своего любимца Боркгейма и о котором Маркс как-то удачно выразился: «Горе, если он берется за перо! Он лишен всякого такта и вкуса. К тому же у него нет никакой необходимой подготовки. Он напоминает дикаря, который, желая украсить свое лицо, татуирует его всевозможными кричащими красками. Он всегда впадал в банальность и шутовство. Почти каждая фраза у него невольно накрывается шутовским колпаком». Но у Рязанова это делается не только невольно. Если он имеет возможность для какой-нибудь выходки по своему вкусу, то этот «серьезный исследователь», как он любит называть себя и людей себе подобных, превращается в неуклюжего фальсификатора. Чтобы обрушить на меня в своем памфлете несколько плохих острот, он взваливает на меня ответственность за ряд статей, которые Боркгейм напечатал летом 1869 г. против Бакунина в газете «Zukunft», издававшейся Гвидо Вейсом. И вот Рязанов приводит одну из моих цитат, где я говорю, что в молодые годы принадлежал к составу редакции «Zukunft», причем в том же месте указывал, что временем моего вступления в редакцию был январь 1870 г. Эту дату Рязанов преспокойно бросает в корзину и высасывает у себя из пальца утверждение, будто я 25 июня 1869 г., именно точь-в-точь 25 июня, опубликовал статью в «Zukunft». Таким образом, расчистив для себя почву путем маленькой утайки и маленького подлога, он затем смело издевается над «зеленым юнцом», роль которого я будто бы играл в редакции «Zukunft», хотя летом 1869 г. я не имел еще никакого, даже самого отдаленного отношения к этой редакции. И эти шутовские выходки, которых устыдился бы даже всякий буржуазный журнал по отношению к социал-демократическим писателям, Каутский, не глядя, принимает в «Neue Zeit», одним из самых деятельных сотрудников которого я состоял в течение двадцати лет.

Но обратимся к обвинениям этих Цицеронов против Катилины! Уже на первой странице меня обвиняют в том, что я в своей рецензии на Бруп-

бахера нагромоздил «самый гнилой товар» и вызвал опасность того, «что под социал-демократическим флагом в партийную литературу будут контрабандой протащены все те обвинения, которые прежде выставлялись анархистами против Энгельса и Маркса, Бебеля и Либкнехта, обвинения в мании клеветничества, бессовестной лживости, подлогах, утайках, в неслыханных заблуждениях нравственного чувства». Если на первой странице памфлета эта опасность еще только «угрожает», то на второй странице она уже наступила, *я* оказывается, что я «осыпал великих покойных морально приукрашенной и фарисейски прикрытой бранью». Самым страшным моим преступлением является то, что я хочу покончить с Марксом, величайшим мыслителем современного рабочего движения, и на его место хочу выдвинуть Бакунина как истинного спасителя, или, говоря звоном шутовских погремушек самого Рязанова, хочу представить «Маркса Клавдием, Бакунина— отцом Гамлета, германскую социал-демократию — королевой, а Меринга — Гамлетом, который снова желает уговорить ее, чтобы она отбросила от себя худшую половину и с тем большей чистотой продолжала жить с другой половиной». С этих трагических высот Рязанов затем опять спускается в более знакомую ему область клоунских шуток и упрекает меня в том, что я попал на удочку «тошнотворной» болтовни Брупбахера и Гильома о том, что Марксов Интернационал был лишь оболочкой, «за которой скрывалась нечестивая шайка бессовестных и нравственно притупленных иезуитов».

Впрочем, Рязанов указывает на два смягчающих мою вину обстоятельства: во-первых, на мое грандиозное невежество, на «поверхностное знакомство с предметом и полное незнание литературы предмета, поскольку она издана не по-немецки», и, во-вторых, на угрызения совести, которые угнетают меня, так как я еще больше оклеветал Бакунина, чем Утин и его сотоварищи. Это последнее утверждение Рязанов мог обосновать тоже только путем искажения цитаты. Он умалчивает, что я в одном из цитируемых им мест моей «Истории немецкой социал-демократической партии» защищал Бакунина от обвинений в том, что он ополчился против Маркса из чисто личных побуждений, и что я объяснял анархические теории Бакунина самим ходом его образования и жизни. Но зато Рязанов печатает курсивом мое дальнейшее замечание, само по себе правильное, что у Бакунина в его борьбе с Марксом «некоторую роль играли» личное самолюбие и личное соперничество. Теперь, после появления всех новых материалов о Бакунине, я охотно отказываюсь от этого замечания. Но «остроумный» Рязанов совершенно неправильно предполагает, что я ради этого, для успокоения своей совести, готов возвести Бакунина на место первого духовного вождя социализма. И если он думает, что тогдашнее мое замечание есть самый злой из наветов, возведенных на Бакунина, то Рязанов или не знает своих любимцев, Боркгейма и Утина, чего, однако, нельзя предположить у такого «серьезного исследователя», или же он действительно не в своем уме.

Уже этих перлов было бы достаточно, чтобы служить доказательством, что я столь же гожусь быть биографом Маркса, как осел — играть на гитаре. Так ли это в действительности — пусть читатель судит, бросив взгляд на тринадцатую и четырнадцатую главы. Обе эти главы являются подробным и обоснованным развитием того беглого очерка, который я набросал в краткой рецензии на книгу Брупбахера. В глазах марксистского поповства неискупимым преступлением является, во-первых, то, что, выполняя долг каждого историка, я выслушал в споре между Бакуниным и Марксом не только марксистских, но и бакунинских свидетелей, и, во-вторых, то, что я, как это является обязанностью каждого историка-марксиста, смотрел на историю Интернационала не как на трагикомедию, в которой ничтожный интриган низвергает беспорочного героя, а как на великое историческое явление, подъем и упадок которого может быть объяснен только великими же историческими причинами.

Но довольно о марксистском поповстве, которое сам Каутский достаточно ярко охарактеризовал своей флюгерской политикой 4 августа 1914 г. и своим пресловутым открытием, что Интернационал — это «в сущности орудие мирного времени» и «совсем не действенное орудие во время войны».

* * *

П о с л е д н е е д е с я т и л е т и е . *Lafargue.* «Personliche Erinnerungen an Karl Marx». «Neue Zeit», 9^1, 10 *[Лафарг.* «Личные воспоминания о Карле Марксе». «Новое время», 9-й год издания, том 1, стр. 10. См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 61—78]. *Marx,* «Programmbrief», «Neue Zeit», 9^1, 561 *[Маркс.* «Программное письмо». «Новое время», 2-й год издания, том 1, стр. 561. См. *К. Маркс.* «Критика Готской программы» в издании: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Избранные произведения в двух томах», М., 1955, том II, стр. 5—27]. Подобное же письмо Энгельса в книге: *Bebel.* «Aus meinem Leben», 2, 318 *[Бебель.* «Из моей жизни», том 2, стр. 318]. *Steklow.* «Die bakunistische Internationale nach dem Haager Kongress», «Neue Zeit», Erganzungsheft 18 *[Стеклов.* «Бакунинский Интернационал после Гаагского конгресса». «Новое время», Дополнительная тетрадь 18]. Мнение *Маркса* о Восточной войне см. в переписке с Зорге, стр. 156, и в приложении к книге: *Liebknecht.* «Zur orientalischen Frage». Leipzig, 1878 *[Либкнехт.* «К восточному вопросу». Лейпциг, 1878]. Относительно споров в первые годы действия закона о социалистах см. переписку с Зорге и книгу: *Bebel.* «Aus meinem Leben» *[Бебель.* «Из моей жизни»]. Последнее письмо жены Маркса см. в переписке с Зорге, стр. 151. О последней болезни, смерти и погребении Маркса см. переписку Энгельса с Зорге, 186, и в цюрихском «Sozialdemokrat» от 22 марта 1883 года.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абееле (Abeele) — см. *Ван ден Абееле, Генри.*

Аксельрод, Павел Борисович (1850—1928) — русский социал-демократ, в 70-х годах народник, один из основателей первой марксистской группы «Освобождение труда»; в дальнейшем один из лидеров меньшевиков, ярый враг Советской власти. — 537, 547.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855— 1881). — 448, 539.

Александр Македонский (356— 323 до н. э.) — знаменитый полководец и государственный деятель древнего мира. — 113.

Александр III (1845—1894) — русский император (1881— 1894). — 521.

Аллан (Allan), *Уильям* (1813— 1874) — деятель английского рабочего движения, генеральный секретарь союза машиностроителей. — 344.

Альтенштейн (Altenstein), *Карл* (1770—1840) — прусский министр по делам культа, просвещения и медицины (1817— 1838). — 43, 45, 49, 50, 53.

Аппльгарт (Applegarth), *Роберт* (ок. 1834—1924) — деятель английского рабочего движения, рабочий-плотник, генеральный секретарь объединенного общества плотников (1862—1871); член Генерального Совета I Интернационала, превратившийся в типичного оппортунистического деятеля тред-юнионов.— 344, 440, 482—484.

Аргайль (Argyle), *Арчибалд Кемпбел* (1607—1661) — шотландский аристократ, казнен за участие в восстании против Карла I. — 35.

Аргайль (Argyle), *Арчибалд Кемпбел* (1629—1685) — шотландский аристократ, казнен за участие в восстании против Якова II. — 35.

Аристотель (384—322 до н. э.) — великий мыслитель древности; в философии колебался между материализмом и идеализмом; идеолог класса рабовладельцев. — 50—52.

Арним (Arnim), *Беттина* (1785— 1859) — немецкая писательница романтического направления. — 117.

Ауэрсвальд (Auerswald), *Ганс Адольф* (1792—1848) — прусский генерал, депутат Франкфуртского национального собрания, принадлежал к правым; убит во время франкфуртского народного восстания в сентябре 1848 г. — 309.

Б

Бабёф (Babeuf), *Гракх* (настоящее имя Франсуа Ноэль) (1760— 1797) — французский революционер, выдающийся представитель утопического уравнительного коммунизма, организатор заговора «равных» 1796 г. — 533.

Байрон (Byron), *Джордж* (1788— 1824) — выдающийся английский поэт, представитель революционного романтизма; активный участник греческого национально-освободительного движения. — 261, 526.

Бакс (Bax), *Эрнест Белфорт* (1854—1926) — английский социалист, один из основателей Социал-демократической федерации (1881) и Социалистической лиги; впоследствии реформист и социал-шовинист. — 547.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из идеологов анархизма, ярый враг марксизма; член I Интернационала, из которого был исключен в 1872 г. за подрывную, раскольническую деятельность. — 26, 86, 87, 108, 114, 120, 174, 181, 190, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 438, 441, 442, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 477, 478, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 497, 499, 501, 503, 504, 510, 513, 514, 518, 519, 520, 521, 522, 537, 546, 560, 561, 562, 563.

Бальзак (Balzac), *Оноре,* де (1799—1850) — великий французский писатель, представитель критического реализма. — 526, 527.

Бамбергер (Bamberger), *Людвиг* (1823—1899) — немецкий политический деятель, участник революции 1848—1849 гг., после поражения которой эмигрировал; впоследствии национал-либерал. — 319.

Бандя (Bangya), *Янош (Иоганн)* (1817—1868) — венгерский журналист, полковник венгерской революционной армии в 1848—1849 гг.; впоследствии полицейский шпион. — 244.

Бара (Bara), *Жюль* (1835— 1900) — бельгийский государственный деятель, либерал, министр юстиции. — 417.

Барбес (Barbes), *Арман* (1809— 1870) — французский мелкобуржуазный революционер, один из организаторов тайных республиканских обществ, участник революции 1848 г.; в дальнейшем политической роли не играл. — 103.

Бауэр (Bauer), *Бруно* (1809— 1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших младогегельянцев, автор работ по истории раннего христианства; впоследствии национал-либерал. — 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 58, 59, 60, 61, 63, 71, 72, 73— 74, 90, 92, 93, 96, 97, 99, 113, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 138, 139, 143, 144, 151, 274, 557.

Бауэр (Bauer), *Генрих* — видный деятель немецкого рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов; в 1851 г. эмигрировал в Австралию. — 113, 167, 170, 181, 226, 227, 229, 230.

Бауэр (Bauer), *Эгберт* — немецкий публицист, младогегельянец, брат Бруно Бауэра. — 121, 125, 126, 138, 144.

Бауэр (Bauer), *Эдгар* (1820— 1886) — немецкий публицист, младогегельянец, брат Бруно Бауэра. — 121, 125, 126, 129, 130, 138, 144, 274, 303.

Бах (Bach), *Макс* — австрийский историк, социал-демократ. — 560, 561.

Бебель (Bebel), *Август* (1840— 1913) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии, соратник Маркса и Энгельса. — 25, 420, 421, 422, 424, 441, 458, 459, 460, 461, 463, 464, 469, 480, 515, 529, 530, 540, 542, 543, 544, 556, 560, 563, 564.

Бек (Beck), *Карл* (1817— 1879) — немецкий мелкобуржуазный поэт, в середине 40-х годов представитель «истинного социализма». — 117, 163.

Беккер (Becker), *Бернхард* (1826— 1882) — немецкий публицист и историк, лассальянец; председатель Всеобщего германского рабочего союза (1864—1865); делегат Гаагского конгресса I Ин-

тернационала (1872), позднее примкнул к эйзенахцам. — 353, 509.

Беккер (Becker), *Герман Генрих* (1820—1885) — немецкий публицист, член Рейнского окружного комитета демократов; с 1850 г. член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852); впоследствии национал-либерал. — 198, 199, 211, 234, 246, 247, 274, 275.

Беккер (Becker), *Иоганн Филипп* (1809—1886) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., организатор немецких секций I Интернационала в Швейцарии, участник всех конгрессов Интернационала; редактор журнала «Vorbote» (1866—1871), друг и соратник Маркса и Энгельса. — 318, 361, 362, 372, 376, 377, 419, 426$_9$ 433, 435, 436, 438, 450, 453, 454, 492, 505, 510, 518, 556, 560.

Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848) — великий русский революционный демократ, литературный критик, публицист и философ-материалист. — 428.

Бёме (Bohme), *Якоб* (1575— 1624) — немецкий философ, ми* стик. — 117.

Бенедек (Benedek), *Людвиг* (1804—1881) — австрийский генерал. — 369.

Беранже (Beranger), *Пьер Жан* (1780—1857) — крупнейший французский поэт-демократ, автор политических сатир. — 103.

Бернадот (Bernadotte), *Жан Батист Жюль* (1763—1844) — французский маршал, с 1818 г. король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Иоанна. — 81.

Бернайс (Bernays), *Фердинанд Карл Людвиг* (1815—1879) — немецкий радикальный публицист, в 1844 г. входил в редакцию газеты немецких эмигрантов в Париже «Vorwarts!»; впоследствии эмитировал в США. — 85, 89, 109, 113, 114, 149.

Бёрне (Borne), *Людвиг* (1786— 1837) — немецкий публицист и литературный критик, один из видных представителей радикальной мелкобуржуазной оппозиции; к концу жизни сторонник христианского социализма. — 106, 107, 118.

Бёрнс (Burns), *Лиззи* (ум. в 1878 г.) — ирландская работница, вторая жена Ф. Энгельса — сестра Мери Бёрнс. — 414.

Бёрнс (Burns), *Мери* (ум. в 1863 г.) — ирландская работница, первая жена Ф. Энгельса. — 327, 328, 414.

Бернштейн (Bornstein), *Генрих* (1805—1892) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, основатель парижской газеты «Vorwarts!» (1844); после 1848 г. эмигрировал в Америку, где принимал участие в гражданской войне (1861—1865). — 108, 109, 114, 158.

Бернштейн (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — немецкий социал-демократ, редактор журнала «Socialdemokrat» (1881— 1890); после смерти Энгельса — ренегат, лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала. — 25, 542, 543, 544, 556, 557, 558, 559.

Бертран (Bertrand), *Луи* (род. в 1856 г.) — деятель бельгийского рабочего и социалистического движения, историк. — 558.

Бета (Беттцих) (Beta, Bettziech), *Генрих* (1813—1876) — немецкий мелкобуржуазный журналист. — 307, 310.

Беттина (Bettina) — см. *Арним, Беттина.*

Бизли (Beesly), *Эдуард Спенсер* (1831—1915) — английский политический деятель и историк, мелкобуржуазный радикал, позитивист, принимал активное участие в демократическом движении 60-х годов.— 345, 347, 375, 410.

Бискамп (Biskamp), *Элард* — немецкий демократ, публицист, участник революции 1848—1849 гг., затем эмигрант. — 303, 304, 306, 309.

Бисмарк (Bismarck), *Отто* (1815—1898) — прусский государственный деятель, с 1862 г. министр-президент, канцлер Германской империи (1871—1890). — 297, 337, 354, 355, 356, 357, 366, 367, 369, 371, 383, 384, 420, 421, 459, 462, 463, 465, 470, 471, 474, 475, 479, 480, 490, 521, 527, 539.

Блан (Blanc), *Луи* (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист и историк, деятель революции 1848 г.; член Временного правительства и Люксембургской комиссии; стоял на позициях соглашательства с буржуазией, впоследствии эмигрант. — 85, 104, 112, 166, 313.

Бланкенбург (Blanckenburg), *Мориц Карл* (1815—1888) — немецкий политический деятель, консерватор. — 323.

Бланки (Blanqui), *Луи Огюст* (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, организатор тайного Общества времен года и ряда заговоров, участник парижских восстаний и революций 1830 и 1848 гг. — 103, 341.

Блинд (Blind), *Карл* (1826— 1907) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг.; в 50-х годах один из вожаков немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, впоследствии национал-либерал. — 305, 306, 307, 310, 312, 313, 315, 316, 338.

Блюм (Blum), *Роберт* (1807— 1848) — немецкий мелкобуржуазный демократ; возглавлял левое крыло во Франкфуртском национальном собрании; в октябре 1848 г. принимал участие в защите Вены, расстрелян после взятия города контрреволюционными войсками. — 189, 296, 299, 304, 308.

Блюхер (Blucher), *Гебхард Леберехт* (1742—1819) — прусский фельдмаршал, активный участник освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства. — 261.

Бомонт (Beaumont), *Френсис* (1584—1616) — английский драматург, современник Шекспира. — 139.

Бонапарт (Bonaparte), *Жером* (1784—1860) — младший брат Наполеона I, король Вестфалии (1807—1813), с 1850 г. маршал Франции. — 292, 306, 353.

Бонапарт (Bonaparte), *Луи* — см. *Наполеон III, Луи Бонапарт.*

Боркгейм (Borkheim), *Сигиэмунд* (1825—1885) — немецкий публицист, демократ, участник революции 1848—1849 гг., впоследствии эмигрант в Швейцарии и Англии. — 318, 320, 329, 365, 432, 433, 434, 445, 446, 450, 453, 520, 560, 562, 563.

Борн (Born), *Стефан* (настоящее имя Симон Буттермильх) (1824—1898) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., во время которой выступал как один из ранних представителей реформизма в германском рабочем движении. — 165, 169, 182, 210, 211, 212, 229.

Борнштедт (Bornstedt), *Адальберт* (1808—1851) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, тайный агент прусского правительства. — 108, 109, 158, 159, 169, 180, 181.

Брайт (Bright), Джон (1811— 1889) — английский буржуазный политический деятель, фритредер, впоследствии либерал, занимал ряд министерских постов в либеральных кабинетах. — 344, 346.

Бракке (Bracke), *Вильгельм* (1842—1880) — немецкий социал-демократ, один из лидеров эйзенахцев, член социал-демократической фракции рейхстага (1877—1879). —555.

Бранденбург (Brandenburg), *Фридрих Вильгельм,* граф (1792— 1850) — прусский реакционный государственный деятель, министр-президент (1848—1850), сын короля Фридриха Вильгельма II от морганатического брака. — 205, 206.

Брасс (Brass), *Август* (1818—1876) — немецкий журналист, в

40-х годах демократ, впоследствии сторонник Бисмарка. — 355.

Брауншвейгский, Фердинанд — см. *Карл Вильгельм Фердинанд.*

Брисбейн (Brisbane), *Альберт* (1809—1890) — американский журналист, редактор газеты «New-York Daily Tribune», пропагандировал учение Фурье. — 199.

Брупбахер (Brupbacher), *Фриц* (род. ок. 1875 г.) — швейцарский политический деятель, социал-демократ, находился под влиянием анархизма, впоследствии член Коммунистической партии Швейцарии. — 561, 562, 563.

Бурбоны — королевская династия во Франции (1589—1792, 1814—1815 и 1815—1830). — 102, 127.

Бухер (Bucher), *Лотар* (1817— 1892) — прусский чиновник, публицист; в 1848 г. депутат Прусского национального собрания, принадлежал к левому центру, впоследствии национал-либерал. — 318, 319, 336, 365, 366, 367, 368, 384.

Бэкон (Bacon), *Френсис,* барон Веруламский (1561—1626) — выдающийся английский философ-материалист, естествоиспытатель и историк. — 271.

Бюргерс (Burgers), Генрих (1820— 1878) — немецкий радикальный публицист, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов; впоследствии либерал. — 246, 247, 274.

Бюре (Buret), *Эжен* (1810—1842) — французский мелкобуржуазный социалист. — 103, 133.

Бюхнер (Buchner), *Людвиг* (1824—1899) — немецкий буржуазный ученый, физиолог, представитель вульгарного материализма. — 157, 305, 412.

Бюше (Buchez), *Филипп* (1796—1865) — французский политический деятель и историк, один из идеологов христианского социализма, проповедовал создание производственных кооперативов при поддержке государства; впоследствии примкнул к умеренным буржуазным республиканцам. — 103, 331, 333.

В

Вагенер (Wagener), *Герман* (1815—1889) — немецкий публицист, редактор «Neue Preusische Zeitung», сторонник Бисмарка.— 160, 323, 357, 367, 384.

Вагнер (Wagner), *Рихард* (1813—1883) — знаменитый немецкий композитор. — 526.

Вайян (Vaillant), *Эдуар Мари* (1840—1915) — французский социалист, бланкист, видный деятель Парижской Коммуны и I Интернационала, делегат Гаагского конгресса; впоследствии реформист. — 509, 512, 513.

Валесроде (Walesrode), *Людвиг* (1810—1889) — немецкий журналист, демократ. — 48.

Валлау (Wallau), *Карл* (1823—1877) — немецкий эмигрант в Брюсселе, член Союза коммунистов, впоследствии обербургомистр Майнца. — 165, 168.

Вальдек (Waldeck), *Бенедикт Франи Лео* (1802—1870) — немецкий юрист, буржуазный радикал, один из руководителей левого крыла и вице-председатель Прусского национального собрания; с 1860 г. прогрессист, депутат второй палаты. — 30, 323.

Вальтейх (Valteich), *Юлий* (1839—1915) — деятель немецкого рабочего движения, секретарь Всеобщего немецкого рабочего союза, затем примкнул к эйзенахцам, член рейхстага. — 529, 534.

Вальтер (Walter) — см. *Ван Хеддегем.*

Ван ден Абееле (Van den Abeele), *Генри* — делегат Гаагского конгресса I Интернационала от Бельгии, примыкал к антимарксистскому меньшинству. — 510.

Ван Хеддегем (Van Heddeghem) (псевдоним — *Вальтер)* — делегат Гаагского конгресса I Интернационала, входил в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале; в 1873 г. был разоблачен как агент французской полиции. — 509, 510.

Варлен (Varlin), *Луи Эжен* (1839—1871) — видный деятель французского и международного рабочего движения, левый прудонист, член I Интернационала и один из организаторов его секций во Франции, делегат ряда конгрессов; один из выдающихся деятелей Парижской Коммуны, расстрелян версальцами в мае 1871 г. — 361, 376, 417, 438, 442, 474.

Варнебольд (Warnebold) — немецкий адвокат. — 383.

Варнхаген фон Энзе (Varnhagen von Ense), *Карл Август* (1785— 1858) — немецкий писатель и литературный критик либерального направления. — 47, 49.

Варнхаген фон Энзе (Varnhagen von Ense), *Рахиль* (1771— 1833) — жена Карла Августа Варнхагена, известна своим литературным салоном в Берлине. — 117.

Вебер (Weber) — советник юстиции в Берлине, поверенный Маркса в процессе против «National-Zeitung». — 317.

Веерт (Weerth), *Георг* (1822— 1856) — немецкий пролетарский поэт и публицист, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», эмигрант, друг Маркса и Энгельса. — 165, 169, 182, 187, 239, 246, 273.

Вейдемейер (Weydemeyer), *Иосиф* (1818—1866) — видный деятель немецкого и американского рабочего движения, член Союза коммунистов; участник революции 1848—1849 гг. в Германии и гражданской войны в США; положил начало пропаганде марксизма в США; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 144, 145, 148, 201, 218, 235, 236, 238, 239, 241, 242, 243, 321, 346, 357, 556, 557, 559.

Вейдемейер (Weydemeyer), *Луиза* — жена Иосифа Вейдемейера. — 321.

Вейс (Weiss), *Гвидо* (1822— 1899) — немецкий журналист, демократ, редактор журнала «Zukunft». — 406, 562.

Вейтлинг (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871) — видный деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического уравнительного коммунизма; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в США и вскоре отошел от рабочего движения. — 70, 88, 90, 112, 113, 145, 146, 147, 148, 149, 166, 167, 232, 341, 558.

Веллингтон (Wellington), *Артур Уэлсли,* герцог (1769—1852) — английский реакционный государственный деятель и полководец, командовавший войсками антифранцузской коалиции в битве при Ватерлоо. — 261.

Венедей (Venedey), *Якоб* (1805— 1871) — немецкий радикальный публицист и политический деятель, затем либерал. — 107.

Вестфален (Westphalen), *Женни* — см. *Маркс, Женни.*

Вестфален (Westphalen), *Каролина,* фон (ум. в 1856 г.) — мать Женни Маркс. — 82, 83, 272.

Вестфален (Westphalen), *Людвиг,* фон (1770—1842) — отец Женни Маркс, тайный советник в Три* ре. — 35, 36, 60, 82.

Вестфален (Westphalen), Фердинанд, фон (1799—1876) — прусский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел (1850—1858), сводный брат Женни Маркс. — 36, 266, 324.

Вестфален (Westphalen), *Христиан Генрих Филипп,* фон (1724— 1792) — друг и секретарь герцога Брауншвейгского, дед Женни Маркс. — 35.

Вестфален (Westphalen), *Эдгар,* фон (1819 — ок. 1890) — брат Женни Маркс, в 40-х годах принимал участие в немецком демократическом движении. — 36.

Виганд (Wigand), *Отто* (1795— 1870) — немецкий книготорговец и издатель; издавал произведения радикальных писателей. — 59, 60, 132, 144.

Видаль (Vidal), *Франсуа* (1814— 1872) — французский мелкобуржуазный экономист; один на представителей реформистского направления в утопическом социализме. — 103.

Вис (Wiehe), *Иоганн Фридрих* — наборщик в одной из типографий Лондона. — 310, 312, 313.

Виллетар (Villetard) — французский историк. — 559.

Виллих (Willich), *Август* (1810— 1878) — прусский офицер, член Союза коммунистов, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., во время раскола Союза коммунистов один из лидеров сектантско-авантюристской фракции; в 1853 г. эмигрировал в США, где принял участие в гражданской войне на стороне северян. — 215, 222, 226, 227, 230, 231, 236, 237, 243, 244, 247, 248, 249, 262.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский принц, прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888). — 293, 322, 323, 458, 462, 463, 465.

Вильденбрух (Wildenbruch), *Луи* (1803—1874) — прусский дипломат, в 1848 г. посланник в Копенгагене. — 194, 195.

Виндхорст (Windthorst), *Людвиг* (1812—1881) — немецкий консервативный политический деятель, министр юстиции Ганновера (1851—1853 и 1862—1865), лидер католической партии центра; выступал против централизации Германской империи, проводимой Бисмарком. — 470.

Винкельман (Winckelmann), *Иоганн Иоахим* (1717—1768) — немецкий историк античного искусства, представитель буржуазного Просвещения XVIII века. — 40.

Витхаус (Wiethaus) — цензор «Rheinische Zeitung». — 74, 77.

Вишар (Vichard) — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872), входил в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале. — 510.

Вобан (Vauban), *Себастьен ле Претр* (1633— 1707) — французский маршал, военный инженер, специалист по постройке и обороне крепостей. — 261.

Вольтер (Voltaire), *Франсуа Мари* (настоящая фамилия Аруэ) (1694—1778) — известный французский писатель, философ-деист, историк, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII века, боролся против абсолютизма и католицизма. — 27.

Вольф (Wolff), *Вильгельм* (1809— 1864) — немецкий пролетарский революционер, видный деятель Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849), член крайне левого крыла Франкфуртского национального собрания, друг и соратник Маркса и Энгельса. — 164, 165, 168, 169, 181, 182, 199, 200, 211, 212, 227, 238, 239, 242, 270, 273, 276, 308, 324, 328, 329, 558.

Вольф (Wolf), *Фердинанд* — немецкий публицист, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849); впоследствии отошел от политической деятельности. — 165, 169, 182, 239.

Врангель (Wrangel), *Фридрих Генрих Эрнст* (1784—1877) — прусский генерал-фельдмаршал, реакционер. — 194, 196, 205.

Врублевский (Wr̲oblewski), Валерий (1836— 1908) — видный деятель польского и международного революционного движения 60-х годов и Парижской Коммуны, член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, входил в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале. — 510.

Вульфила (Ulfilas, Wulfila) (ок. 311 — ок. 383) — вестготский церковно-политическкй деятель, епископ, составитель готского алфавита. — 260.

Г

Габсбурги — династия в т. н. Священной Римской империи германской нации (с 1273 до 1806 с перерывами), Испании (1516— 1700), Австрийской империи (с 1804) и Австро-Венгрии (1867— 1918). — 290, 291, 298.

Габлер (Gabler), *Георг Андреас* (1786—1853) — немецкий философ, ученик и последователь Гегеля. — 38.

Гагерн (Gagern), *Фридрих* (1794— 1848) — немецкий генерал, убит

во время баденского восстания в апреле 1848 г.—309.

Газенклевер (Hasenclever), *Вильгельм* (1837—1889) — немецкий социал-демократ, лассальянец, председатель Всеобщего германского рабочего союза (1871), один из редакторов газеты «Vorwarts» (1876—1878), депутат рейхстага. — 529.

Гайндман (Hyndman), *Генри Майерс* (1842—1921) — английский политический деятель, один из основателей и лидеров социал-демократической федерации; социал-шовинист. — 527, 528, 547.

Галилей (Galilei), *Галилео* (1564— 1642) — великий итальянский физик и астроном, борец за передовое мировоззрение. — 79.

Ганземан (Hansemann), *Давид Юстус* (1790—1864) — прусский политический деятель, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии, премьер-министр (июль — сентябрь 1848), вел предательскую политику соглашения с реакцией, затем отошел от активной политической деятель ности. — 184, 185, 186, 196, 197.

Ганс (Gans), *Эдуард* (ок. 1798— 1839) — немецкий профессор права, гегельянец. — 31, 38.

Гарденберг (Hardenberg), *Карл Август,* князь (1750—1822) — прусский государственный деятель, канцлер (1810—1822), провел ряд половинчатых буржуазных реформ (1810—1813); сторонник реакционной политики Священного союза. — 36.

Гарибальди (Garibaldi), *Джузеппе* (1807—1882) — итальянский революционер-демократ, борец за национальное освобождение и объединение Италии революционным путем. — 301, 330, 344, 346, 431, 432, 493.

Гарни (Harney), *Джордж Джулиан* (1817—1897) — видный деятель английского рабочего движения, один из вождей левого крыла чартизма; редактор газеты «Northern Star» и др. чартистских изданий; был связан с Марксом и Энгельсом. — 166, 267, 268, 269, 559.

Гаскелл (Gaskell), *Питер* — английский врач, либерал, автор книги о положении рабочих. — 133.

Гассельман (Hasselmann), *Вильгельм* (род. в 1844 г.) — немецкий социал-демократ, лассальянец, один из руководителей Всеобщего германского рабочего союза; в 1880 г. исключен из германской социал-демократической партии, как анархист. — 529.

Гауф (Hauff), *Вильгельм* (1802—1827) — немецкий писатель, представитель позднего роман тизма. — 116.

Гацфельдт (Hatzfeldt), *Софья,* графиня (1805—1881) — друг и сторонница Лассаля.— 202, 203, 275, 338, 356, 357, 367.

Геббель (Hebbel), *Фридрих* (1813—1863) — немецкий драматург. — 526.

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ, объективный идеалист, наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику. — 37, 38, 40, 43, 44, 47, 49, 51, 52, 55,56, 57, 59, 60, 62, 66, 68, 69, 79, 80, 91, 92, 93, 100, 101, 107, 119, 120, 123, 124, 126, 133, 134, 140, 141, 149, 151, 153, 154, 157, 158, 202, 221, 250, 256, 257, 283, 332, 407, 533, 556.

Гед (Guesde), *Жюль* (1845— 1922) — деятель французского и международного рабочего движения, один из основателей французской Рабочей партии, пропагандист марксизма во Франции, впоследствии социал-шовинист. — 537, 545, 546.

Гейб (Geib), *Вильгельм Леопольд Август* (1842—1879) — немецкий социал-демократ, эйзенаховец, с 1874 г. член рейхстага. — 529.

Гейгер (Geiger), *Вильгельм Арнольд* — прусский полицейский чиновник, в 1848 г. судебный следователь, затем полицей-директор в Кёльне. — 200.

Гейне (Heine), *Генрих* (1797— 1856) — великий немецкий революционный поэт и публицист. — 29, 31, 32, 39, 70, 85, 89, 90, 103, 104, 106, 107, 108,

113, 114, 116, 117, 118, 137, 141, 202, 257, 273, 525, 535.

Гейнекций (Heineccius), *Иоганн Готлиб* (1681—1741) — немецкий юрист, автор работ по истории римского права. — 39.

Гейнцен (Heinzen), *Карл* (1809— 1880) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, участвовал в баденско-пфальцском восстании 1849 г., затем эмигрировал. — 163, 164.

Гельвеций (Helvetius), *Клод Адриан* (1715—1771) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии. — 102, 103.

Генгстенберг (Hengstenberg), *Эрнст Вильгельм* (1802—1869) — немецкий теолог, реакционер, профессор Берлинского университета. — 49, 119.

Генце (Hentze) — немецкий офицер, член Союза коммунистов, принадлежал к фракции Виллиха — Шаппера, свидетель на кёльнском процессе коммунистов. — 214, 215.

Гепнер (Hepner), *Адольф* (1846— 1923) — немецкий социал-демократ, делегат Гаагского конгресса I Интернационала. — 509.

Гераклит Эфесский (ок. 540 — ок. 480 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, стихийный материалист. — 52, 56.

Гервег (Herwegh), *Георг* (1817— 1875) — известный немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ. — 72, 76, 80, 85, 90, 106, 112, 158, 174, 181, 182, 201, 308, 429.

Гердер (Herder), *Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий писатель и теоретик литературы. — 35.

Герлах (Gerlach), фон — один из представителей прусской реакционной бюрократии; правительственный президент в Кёльне (1839—1844). — 77.

Гермес (Hermes), *Карл Генрих* (1800—1856) — немецкий реакционный публицист, в 1842 г. один из редакторов «Kolnische Zeitung», тайный агент прусского правительства. — 78.

Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — великий русский революционный демократ, писатель и публицист, философ-материалист, в 1847 г. эмигрировал за границу, где издавал сборник «Полярная звезда» (1855—1869) и газету «Колокол» (1857—1867). — 430, 432, 446, 451, 452, 453, 488.

Гесс (Hes), *Мозес* (1812— 1875) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма», член I Интернационала, делегат Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов. — 62, 70, 85, 134, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 148, 164, 168, 169, 175, 353, 425, 440, 446.

Гёте (Goethe), *Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — великий немецкий поэт. — 30, 34, 107, 116, 117, 163, 250, 256, 257, 329, 524, 525.

Гиббон (Gibbon), *Эдуард* (1737— 1794) — английский буржуазный историк. — 175.

Гизо (Guizot), *Франсуа Пьер Гийом* (1787—1874) — французский буржуазный историк и политический деятель, министр иностранных дел (1840—1847) и премьер-министр (1847— февраль 1848), ярый враг революционного движения. — 89, 102, 106, 113, 114, 215, 221.

Гильом (Guillaume), *Джемс* (1844—1916) — швейцарский анархист, один из организаторов и руководителей тайного Альянса; за подрывную, раскольническую деятельность против I Интернационала был исключен из него решением Гаагского конгресса; впоследствии социал-шовинист. — 437, 441, 449, 453, 454, 489, 491, 498, 499, 501, 510, 511, 512, 513, 514, 538, 561, 563.

Гильфердинг (Hilferding), *Рудольф* (1877—1941) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала,

социал-шовинист, ярый враг Советского Союза. — 560.

Гинкельдей (Hinkeldey), *Карл Людвиг Фридрих* (1805— 1856) — начальник берлинской полиции, с 1853 г. директор департамента полиции в министерстве внутренних дел. — 225.

Гирш (Hirsch), *Вильгельм* — прусский шпион, провокатор, пробравшийся в Союз коммунистов. — 245.

Гирш (Hirsch), *Карл* (1841— 1900) — немецкий социал-демократ, журналист, редактор ряда социал-демократических газет. — 541, 542, 544, 545.

Гладстон (Gladstone), *Уильям Юарт* (1809— 1898) — английский реакционный политический и государственный деятель, во второй половине XIX в. лидер либеральной партии, премьер-министр (1868—1874, 1880— 1885, 1886 и 1892—1894). — 348, 373, 411, 416, 439, 455, 456, 518.

Гнейзенау (Gneisenau), *Август Вильгельм Антон* (1760— 1831) — прусский политический деятель, генерал-фельдмаршал, играл видную роль в освободительной борьбе немецкого народа против наполеоновского господства. — 190.

Гоббс (Hobbes), *Томас* (1588— 1679) — выдающийся английский философ, представитель механистического материализма. — 161.

Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918). — 50, 51, 205, 266, 459.

Гольбах (Holbach), *Поль Анри* (1723—1789) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии. — 102, 103.

Гомер (около IX века до н. э.) — полулегендарный древнегреческий эпический поэт, автор поэм «Илиада» и «Одиссея». — 36, 525.

Гребер (Graeber), *Вильгельм* (род. в 1820 г.) — школьный товарищ Энгельса, впоследствии пастор. — 116.

Гребер (Graeber), *Фридрих* (род. в 1818 г.) — школьный товарищ Энгельса, впоследствии пастор. — 116.

Греви (Grevy), *Жюль* (1807—1891) — французский буржуазный государственный деятель, правый республиканец, президент республики (1879—1887). — 464.

Грейлих (Greulich), *Герман* (1842—1925) — один из основателей швейцарской социал-демократической партии и лидер ее правого крыла, социал-шовинист, враг рабочего движения и Советского Союза. — 538.

Грейф (Greif) — прусский полицейский агент, свидетель на кёльнском процессе коммунистов (1852). — 245.

Гринвилл (Granville), *Джордж,* лорд (1815— 1891) — английский буржуазный государственный деятель, виг, министр иностранных дел (1851—1852, 1870—1871 и 1880—1885) и колоний (1868— 1870 и 1886). — 479, 482.

Грили (Greely), *Хорас* (1811— 1872) — американский политический деятель и журналист, издатель и редактор «New-York Daily Tribune», в которой в 1851—1862 гг. печатали свои статьи Маркс и Энгельс. — 559.

Гримм (Grimm), *Вильгельм* (1786—1859) — немецкий филолог, один из авторов обработок немецкого сказочного фольклора и средневекового эпоса. — 322.

Гримм (Grimm), *Якоб* (1785— 1863) — немецкий филолог, брат В. Гримма, один из авторов обработок немецкого сказочного фольклора и средневекового эпоса. — 47, 260, 322.

Грин (Greene), *Роберт* (1560—1592) — английский писатель, предшественник Шекспира. — 139.

Грюн (Grun), *Карл* (1817— 1887) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных пред-

ставителей «истинного социализма». — 117, 140, 141, 142, 143, 144, 149, 163.

Грюнберг (Grunberg), *Карл* (род. в 1891 г.) — немецкий писатель, коммунист. — 556.

Гумбольдт (Humboldt), *Александр Фридрих Вильгельм,* фон (1769— 1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник. — 114.

Гумперт (Gumpert), *Эдуард* (ум. в 1893 г.) — немецкий врач в Манчестере, друг Маркса и Энгельса. — 523.

Гуттен (Hutten), *Ульрих,* фон (1488—1523) — немецкий поэт-гуманист, сторонник реформации, участник и идеолог рыцарского восстания 1522—1523 гг. — 42, 190.

Гуцков (Gutzkow), *Карл* (1811— 1878) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия»; в 1838—1842 гг. был редактором журнала «Telegraph fur Deutschland», в котором печатал свои статьи Энгельс. — 118, 119, 120.

Гюго (Hugo), *Виктор* (1802— 1885) — великий французский писатель. — 239.

Д

Даву (Davout), *Луи* (1770— 1823) — французский маршал, участник наполеоновских военных походов. — 35.

Дана (Dana), *Чарлз Андерсон* (1819—1897) — американский прогрессивный журналист, издатель буржуазной газеты «New-York Daily Tribune», в которой в 1851—1862 гг. печатались статьи Маркса и Энгельса. — 199, 238, 245, 253, 268, 277, 559.

Даниельс (Daniels), *Роланд* (1819—1855) — немецкий врач, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов. — 166, 216, 246, 247, 273.

Даниельсон, Николай Францевич (псевдоним — Николай — он) (1844—1918) — русский литератор и экономист, один из идеологов народничества 80—90-х годов. В течение ряда лет переписывался с Марксом и Энгельсом, закончил начатый Г. А. Лопатиным перевод «Капитала» Маркса на русский язык. — 409.

Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321) — великий итальянский поэт. — 525.

Дантрейг (Dentraygues), *Эмиль* (псевдоним — Сварм) — французский железнодорожный служащий, член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса; во время процессов против членов I Интернационала в 1873 г. выдал своих товарищей. — 509. *Дараш* (Darasz), *Альберт* (1808—1852) — польский публицист, участник восстания 1830— 1831 гг., активный деятель демократических организаций польской эмиграции. — 233.

Дарвин (Darwin), *Чарлз* (1809— 1882) — великий английский естествоиспытатель, основатель учения о происхождении видов растений и животных. — 150, 527, 553.

Даумер (Daumer), *Георг Фридрих* (1800—1875) — немецкий писатель и философ, автор работ по истории религии. — 221.

Дезами (Dezamy), *Теодор* (1803—1850) — французский публицист, материалист, видный представитель революционного направления утопического коммунизма. — 88.

Декарт (Descartes), *Рене* (1596— 1650) — выдающийся французский философ-дуалист, математик и естествоиспытатель. — 102.

Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — великий древнегреческий философ-материалист, один из основателей атомистической теории. — 52, 54, 55, 56, 57, 58, 139.

Демут (Demuth), *Елена* (Ленхен) (1823—1890) — домашняя работница и верный друг семья Маркса, жившая с ними с юных лет. — 201, 245, 320, 322, 327, 329, 549.

Де Пап (De Paepe), *Сезар* (1842—1890) — деятель бельгийского рабочего движения, член I Интернационала, делегат ряда конгрессов; один из осно-

вателей бельгийской Рабочей партии (1883). — 361, 362, 363, 425, 442, 537.

Депре (Deprez), *Марсель* (1843— 1918) — французский физик, работал над проблемой передачи электрической энергии на расстояние. — 551, 553.

Дерер (Dereure), *Симон* (ок. 1838—1900) — деятель французского рабочего движения, бланкист, член I Интернационала, делегат ряда конгрессов, один из активных участников Парижской Коммуны. — 510.

Джонс (Jones), *Эрнест Чарлз* (1819—1869) — видный деятель английского рабочего движения, поэт и публицист, один из вождей левого крыла чартизма, редактор ряда чартистских органов, друг Маркса и Энгельса. — 166, 266, 267, 268, 269, 270, 313, 342, 559.

Джонсон (Jonson), *Бенджамин* (ок. 1573— 1637) — английский драматург, современник Шекспира. — 139.

Дидро (Diderot), *Дени* (1713— 1784) — выдающийся французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов французской революционной буржуазии, просветитель, глава энциклопедистов. — 526.

Дизраэли (Disraeli), *Бенджамин,* граф Биконсфилд (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель, лидер консервативной партии, премьер-министр (1868 и 1874—1880). — 367, 373, 411.

Дии, (Dietz), *Освальд* (ум. в 1864 г.) — немецкий архитектор, член Союза коммунистов, после раскола Союза примкнул к фракции Виллиха — Шаппера, впоследствии участник гражданской войны в США. — 243.

Дицген (Dietzgen), *Иосиф* (1828— 1888) — немецкий рабочий, социал-демократ, философ-самоучка, самостоятельно пришедший к основам диалектического материализма, делегат Гаагского конгресса I Интернационала. — 406, 509, 556.

Дронке (Dronke), *Эрнст* (1822—1891) — немецкий публицист, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; эмигрировал в Англию, впоследствии отошел от активной политической деятельности. — 165, 182, 200, 273.

Дункер (Duncker), *Франц* (1822— 1888) — немецкий буржуазный политический деятель и издатель. — 280, 294, 295.

Д'Эстер (D'Ester), *Карл Людвиг* (1811— 1859) — немецкий врач, член Союза коммунистов; во время революции 1848—1849 гг. член Прусского национального собрания, участник баденско-пфальцского восстания в 1849 г., эмигрировал в Швейцарию. — 166, 211, 215.

Дюма (Dumas), *Александр* (отец) (1803— 1870) — известный французский писатель, автор многочисленных приключенческих романов. — 527.

Дюпле (Dupleix), *Франсуа* (ум. в 1906 г.) — французский рабочий, основатель французской секции I Интернационала в Женеве, делегат ряда конгрессов, прудонист. — 361, 362.

Дюпон (Dupont), *Эжен* (ок. 1831—1881) — деятель французского и международного рабочего движения, член Генерального Совета I Интернационала, делегат ряда конгрессов. — 412, 510, 518.

Дюринг (Duhring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий философ, вульгарный материалист, эклектик, идеолог реакционного мелкобуржуазного социализма, враг марксизма. — 164, 367, 407, 532, 533, 534, 535.

Ж

Жомини (Jomini), *Анри* (1779— 1869) — буржуазный военный теоретик и писатель, по происхождению швейцарец; служил во французской и русской армиях. — 261.

Жорж Санд (George Sand) (псевдоним Авроры Дюдеван) (1804—1876) — известная французская писательница. — 103, 157.

Жотран (Jottrand), *Люсьен Леопольд* (1804—1877) — бельгийский юрист и публицист, в 40-х годах мелкобуржуазный демократ, председатель брюссельской Демократической ассоциации. — 169.

З

Засулич, Вера Ивановна (1851— 1919) — участник народнического, затем социал-демократического движения, один из основателей марксистской группы «Освобождение труда»; впоследствии стояла на позициях меньшевизма. — 547.

Зибель (Siebel), *Карл* (1836— 1868) — немецкий поэт, в 50-х годах жил в Англии, дальний родственник Энгельса. — 308.

Зиккинген (Sickingen), *Франц,* фон (1481—1523) — немецкий рыцарь, предводитель рыцарского восстания 1522—1523 гг. — 190.

Зольгер (Solger), *Карл Вильгельм Фердинанд* (1780—1819) — немецкий философ-мистик, теоретик искусства. — 39.

Зорге (Sorge), *Фридрих Адольф* (1828—1906) — немецкий коммунист, участник революции 1848—1849 гг., видный деятель американского и международного рабочего движения, один из активных членов I Интернационала в Америке, друг Маркса и Энгельса. — 334, 335, 419, 510, 511, 513, 515, 516, 520, 529, 535, 539, 543, 548, 549, 550, 556, 564.

И

Иекк (Jaeckh), *Густав* (1866— 1907) — немецкий журналист и историк, социал-демократ. — 560.

Изабелла II (1830—1904) — испанская королева (1833—1868); свергнута с престола в результате буржуазной революции 1868 г. — 439.

Имандт (Imandt), *Петер* — немецкий учитель, участник революции 1848—1849 гг., затем эмигрант в Англии, сторонник Маркса. — 201, 273, 320.

Иммерман (Immermann), *Карл* (1796—1840) — немецкий писатель, критик и театральный деятель. — 118.

Иоганн (1782—1859) — австрийский эрцгерцог, в 1848—1849 гг. имперский наместник в Германии. — 184.

К

Кабе (Cabet), *Этьенн* (1788— 1856) — французский публицист, видный представитель мирного утопического коммунизма. — 88, 105, 112, 113.

Кавур (Cavour), *Камилло Бензо,* граф (1810—1861) — видный итальянский политический и государственный деятель, идеолог и лидер крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, глава пьемонтского правительства (1852—1861). — 291, 292, 293.

Кайзер (Kayser), *Макс* (1853— 1888) — немецкий социал-демократ, эйзенаховец, член рейхстага. — 540, 541.

Кампгаузен (Camphausen), *Людольф* (1803—1890) — прусский государственный деятель, в марте — июне 1848 г. министр-президент Пруссии, проводил предательскую политику соглашения с реакцией. — 184, 185, 188.

Кант (Kant), *Иммануил* (1724— 1804) — выдающийся немецкий философ-идеалист. — 48, 55, 66, 141, 256.

Карл I (1600—1649) — английский король (1625—1649); казнен во время английской буржуазной революции XVII века. — 161, 373.

Карл Альберт (1798—1849) — король Сардинии (1831— 1849). — 290, 291.

Карл Вильгельм Фердинанд (1735—1806) — герцог Брауншвейгский (1780—1806); возглавлял контрреволюционную австро-прусскую армию в 1792— 1794 гг. во время войны с революционной Францией. — 35.

Карлейль (Carlyle), *Томас* (1795— 1881) — английский писатель, историк и философ-идеалист, проповедовавший культ героев,

примыкал к партии тори; после революции 1848 г. реакционер, враг рабочего движения. — 123, 124, 175, 221.

Карпентер (Carpenter), *Уильям Бенджамин* (1813—1885) — известный английский ученый, физиолог. — 252.

Катилина, Луций Сергий Катилина (ок. 108—62 до н. э.) — римский патриций, организатор заговора против аристократической республики. — 562.

Катков, Михаил Никифорович (1818—1887) — русский реакционный критик и публицист, вел ожесточенную борьбу с передовыми течениями в русской литературе и общественном движении. — 450, 520.

Каутский (Kautsky), *Карл* (1854— 1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, идеолог центризма, позже ренегат марксизма и ярый враг Советского Союза. — 26, 560—563.

Кафьеро (Cafiero), *Карло* (1846— 1892) — деятель итальянского рабочего движения, член I Интернационала, затем анархист. — 537.

Кёлликер (Kolliker), *Рудольф Альберт* (1817—1905) — известный немецкий гистолог и эмбриолог, противник дарвинизма, идеалист. — 252.

Кёппен (Koppen), *Карл Фридрих (*1808—1863) — немецкий радикальный публицист и историк, младогегельянец. — 46, 47, 48, 49, 51, 52, 61, 71, 126, 556.

Кингсли (Kingsley), *Чарлз* (1819— 1875) — английский писатель, в 40-х годах был близок к чартизму, выступал с проповедью христианского смирения и отказа от революционной борьбы. — 341.

Кинкель (Kinkel), *Готфрид* (1815—1882) — немецкий поэт и публицист, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г.; впоследствии эмигрант, один из вожаков мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, вел борьбу против Маркса и Энгельса. — 221, 222, 223, 224, 225, 226, 236, 237, 238, 241, 243, 244, 302, 303, 304, 307, 310, 559.

Кинкель (Kinkel), *Иоганна* (урожденная *Моккель)* (1810—1858) — немецкая писательница и музыкантша, жена Г. Кинкеля. — 224.

Клапка (Klapka), *Дьёрдь* (1820— 1892) — генерал венгерской революционной армии (1848—1849), после поражения революции эмигрировал из Венгрии. — 309, 318.

Клаузевиц (Clausewitz), *Карл* (1780—1831) — прусский генерал и крупнейший буржуазный военный теоретик.— 190, 261.

Клейн (Klein), *Эрнст Фердинанд* (1744—1810) — немецкий юрист, автор работ по уголовному и гражданскому праву. — 40.

Клейн (Klein), *Иоганн Якоб* — немецкий врач, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852). — 246.

Клемансо (Clemenceau), *Жорж Бенжамен (*1841—1929) — французский реакционный политический деятель, премьер-министр (1906—1909 и 1917—1920), один из вдохновителей и организаторов антисоветской интервенции. — 546.

Клюзэрэ (Cluseret), *Гюстав Поль* (1823—1900) — французский военный и политический деятель, участник гражданской войны в США, один из организаторов лионского восстания (1870), участник Парижской Коммуны. — 489.

Кобден (Cobden), *Ричард* (1804— 1865) — английский буржуазный политический деятель, фритредер. — 274.

Кобург — см. *Леопольд I.*

Кок (Kock), *Поль* де (ок. 1794— 1871) — французский буржуазный писатель. — 527.

Кольб (Kolb), *Густав Эдуард* (1798—1865) — немецкий журналист, один из редакторов реакционной аугсбургской «Allgemeine Zeitung». —310.

Кон (Cohn), *Джемс* — английский рабочий, председатель лондонской ассоциации сигарочников; член Генерального Совета I Ин-

тернационала, делегат Брюссельского конгресса и Лондонской конференции. — 484.

Конради (Conradi), *Иоганн Иаков* (1821—1892) — инженер в Трире, муж сестры К. Маркса. — 30.

Конради (Conradi), *Эмилия* (1822—1888) — сестра К. Маркса. — 30.

Консидеран (Considerant), *Виктор* (1808—1893) — французский публицист, ученик и последователь Фурье. — 71, 103.

Константин Николаевич (1827— 1892) — великий князь, сын императора Николая I. — 306.

Кошут (Kossuth), *Лайош* (1802— 1894) — венгерский политический деятель, вождь венгерского национально-освободительного движения, возглавлял буржуазно-демократические элементы в революции 1848—1849 гг., глава венгерского революционного правительства, после поражения революции эмигрировал из Венгрии. — 238, 241, 244, 266, 309.

Криге (Kriege), *Герман* (1820— 1850) — немецкий журналист, в середине 40-х годов представитель «истинного социализма». — 140, 147, 148, 167, 211.

Кример (Cremer), *Уильям Рандал* (1838—1908) — один из лидеров английских тред-юнионов, секретарь Генерального Совета I Интернационала, впоследствии буржуазный политический деятель. — 344, 361, 362, 375, 413.

Кристиан VIII (1786—1848) — датский король (1839—1848). — 192, 193.

Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — русский ученый-географ, один из главных деятелей и теоретиков анархизма. — 538.

Круммахер (Krummacher), *Фридрих Вильгельм* (1796—1868) — немецкий проповедник. — 119.

Кугельман (Kugelmann), *Людвиг* (1830—1902) — немецкий врач, участник революции 1848— 1849 гг., член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса, содействовал изданию и распространению «Капитала» Маркса. — 370, 373, 375, 379, 382, 384, 406, 408, 412, 451, 456, 470, 472, 478, 507, 509, 556, 560, 561.

Кузен (Cousin), *Виктор* (1792— 1867) — французский реакционный философ-идеалист, эклектик. — 83.

Кулери (Coullery), *Пьер* (1819 — ок. 1903) — швейцарский врач, член I Интернационала, правый прудонист, вел борьбу против Генерального Совета, руководимого Марксом. — 437.

Куно (Cuno), *Фридрих Теодор* (1846—1934) — немецкий социалист, делегат Гаагского конгресса I Интернационала, соратник Маркса и Энгельса; впоследствии участник рабочего движения в Америке. — 509, 510, 513.

Курне (Cournet), *Фредерик Этьенн* (1839—1885) — французский политический деятель, участник Парижской Коммуны, примыкал к бланкистам, делегат Гаагского конгресса I Интернационала, после которого вышел из Интернационала. — 510.

Кюльветтер (Kuhlwetter), *Фридрих* (1809—1882) —прусский государственный деятель, министр внутренних дел (июнь — сентябрь 1848 г.). — 324.

Л

Ладенберг (Ladenberg), *Адальберт* (1798—1855) — прусский министр по делам культа, просвещения и медицины (ноябрь 1848 — декабрь 1850). — 53, 54.

Ладендорф (Ladendorff), *Август* — немецкий буржуазный демократ. — 412.

Ламартин (Lamartine), *Альфонс* (1790—1869) — французский поэт, историк и политический деятель, буржуазный республиканец, в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава Временного правительства. — 85.

Ламенне (Lamennais), *Фелисите* (1782—1854) — французский аббат, один из идеологов христианского социализма. — 85, 103.

Ланге (Lange), *Фридрих Альберт* (1828—1875) — немецкий буржуазный философ, неокантианец,

автор социал-реформистской книги о рабочем классе. — 407, 412.

Ланкестер (Lankester), *Эдвин Рей* (1847—1929) — английский ученый, биолог. — 552.

Лассаль (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863), поддерживал политику объединения Германии «сверху» под гегемонией контрреволюционной Пруссии; положил начало оппортунистическому направлению в германской социал-демократии. — 26, 27, 32, 107, 118, 128, 151, 165, 201, 202, 203, 207, 216, 218, 248, 269, 271, 275, 276, 279, 280, 288, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 307, 308, 315, 316, 317, 319, 320, 322, 323, 324, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 353, 354, 356, 357, 365, 366, 367, 392, 406, 407, 420, 422, 423, 428, 446, 458, 459, 480, 503, 504, 529, 530, 531, 532, 533, 556, 558, 559, 561.

Латур (Latour), *Теодор,* граф (1780—1848) — австрийский генерал, реакционер, военный министр (1848), убит во время венского восстания 1848 г. — 309.

Лаубе (Laube), *Генрих* (1806— 1884) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия». — 117.

Лауфенберг (Laufenberg), *Генрих* (род. в 1872 г.) — немецкий социал-демократ, анархо-синдикалист, впоследствии отошел от рабочего движения. — 560.

Лафарг (Lafargue), *Поль* (1842— 1911) — видный деятель французского и международного рабочего движения, член I Интернационала, один из основателей французской Рабочей партии, пропагандист марксизма; друг и ученик Маркса и Энгельса, муж Лауры Маркс. — 369, 373, 404, 405, 408, 510, 511, 519, 524, 525, 527, 528, 545, 546, 551, 552, 564.

Лафарг (Lafargue), *Лаура* — см. *Маркс, Лаура.*

Леви (Levy), *Густав* — член Всеобщего германского рабочего союза, лассальянец. — 275, 276, 316.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin), *Александр Огюст* (1807—1874) — французский адвокат и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазных демократов, редактор газеты «La Reforme», член Временного правительства (1848). — 104, 233.

Лейбниц (Leibniz), *Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — великий немецкий математик, философ-идеалист. — 31, 50, 55, 81.

Лёйпольд (Leupold), *Генрих* (ум. в 1865 г.) — владелец торговой фирмы, в которой Энгельс работал в Бремене. — 116.

Лекрафт (Lucraft), *Бенджамин* (1809—1897) — один из лидеров английских тред-юнионов, член Генерального Совета I Интернационала, делегат ряда конгрессов, впоследствии примкнул к либералам. — 344, 373, 425, 440, 481, 482.

Лелевель (Lelewel), *Иоахим* (1786—1861) — выдающийся польский историк и революцией ный деятель; участник восстания 1830—1831 гг., один из вождей демократического крыла польской эмиграции. — 190.

Ле Любе (Le Lubez), *Виктор* — деятель французского рабочего движения, мелкобуржуазный демократ, член I Интернационала, в 1866 г. выступил против политики Генерального Совета и Маркса, исключен из Интернационала на Женевском конгрессе (1866). — 346, 347.

Леман (Lehmann), *Альберт* — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, после раскола Союза примкнул к фракции Виллиха — Шаппера. — 230.

Ле Муссю (Le Moussu) — французский гравер, участник Парижской Коммуны, член Генерального Совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса. — 518.

Ленау (Lenau), *Николаус* (псевдоним Нимбша фон Штреленау)

(1802—1850) — австрийский поэт, творчество которого проникнуто антифеодальными и антикатолическими настроениями. — 118.

Лео (Leo), Генрих (1799— 1878) — немецкий историк и публицист, реакционер, один из идеологов прусского юнкерства. — 46.

Леопольд I (1790—1865) — бельгийский король (1831—1865). — 180.

Леру (Leroux), *Пьер* (1797— 1871) — французский мелкобуржуазный публицист, социалист-утопист, один из представителей христианского социализма. — 71, 83, 85, 103, 105.

Лессинг (Lessing), *Готхольд Эфраим* (1729—1781) — великий немецкий писатель, критик и философ, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII века. — 30, 31, 39, 44, 176, 255, 257, 332, 359.

Лесснер (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — деятель немецкого и международного рабочего движения, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., член Генерального Совета I Интернационала, друг и соратник Маркса и Энгельса. — 246, 247, 273, 346, 425, 510, 552.

Либкнехт (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., член Союза коммунистов, один из основателей и вождей германской социал-демократической партии; депутат рейхстага, где умело использовал трибуну для разоблачения реакционной внешней и внутренней политики прусских юнкеров; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 227, 271, 273, 276, 288, 303, 306, 308, 309, 310, 315, 316, 320, 352, 353, 355, 356, 357, 371, 406, 419, 420, 421, 422, 424, 440, 441, 443, 444, 445, 446, 449, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 469, 503, 504, 505, 507, 515, 524, 529, 530, 531, 532, 533, 536, 537, 538, 541, 542, 543, 552, 555, 563, 564.

Лимузен (Limousin), *Шарль* — член I Интернационала, делегат Лондонской конференции. — 361.

Линкольн (Lincoln), *Авраам* (1809—1865) — выдающийся американский государственный деятель, президент США (1861—1865), один из организаторов республиканской партии, провел ряд демократических мероприятий, способствовавших победе Севера в гражданской войне. — 359.

Лиссагаре (Lissagaray), *Проспер Оливье* (1839—1901) — французский журналист, участник и историк Парижской Коммуны. — 528.

Лист (List), *Фридрих* (1789— 1846) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, проповедник крайнего протекционизма. — 134, 159.

Лихновский (Lichnowski), *Феликс,* князь (1814—1848) — крупный силезский землевладелец, депутат Франкфуртского национального собрания, принадлежал к правому крылу; убит во время франкфуртского народного восстания в сентябре 1848 г. — 309.

Локк (Locke), *Джон* (1632— 1704) — выдающийся английский философ-дуалист, сенсуалист. — 31, 102.

Лонге (Longuet), *Шарль* (1833— 1903) — французский журналист, член Генерального Совета I Интернационала, видный деятель Парижской Коммуны, где примыкал к прудонистам, а в дальнейшем к поссибилистам; муж Женни Маркс. — 373, 509, 510, 512, 528, 546, 551, 552.

Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — русский революционер, народник, в 70—80-х годах жил за границей, был членом Генерального Совета I Интернационала, начал переводить «Капитал» Маркса на русский язык; друг Маркса и его семьи. — 409, 488.

Лорд (Lord), *Персивал Бартон* (1808—1840) — английский

врач, автор «Popular Physiology». — 252.
Лохнер (Lochner), *Георг* (род. ок. 1824 г.) — немецкий рабочий-столяр, член Союза коммунистов и Генерального Совета I Интернационала, сторонник и друг Маркса и Энгельса. — 273, 346, 552.
Луи Филипп (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848). — 81.
Лукреций (Тит Лукреций Кар) (ок. 99 — ок. 55 до н. э.) — выдающийся римский философ и поэт, представитель атомистического материализма, атеист. — 55, 57.
Любавин, Н. Н. — русский революционер-народник, друг Лопатина, был посредником в переписке Маркса с Даниельсоном. — 445, 488, 514.
Люден (Luden), *Генрих* (1780— 1847) — немецкий буржуазный историк. — 40.
Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643— 1715). — 145.
Людовик XV (1710—1774) — французский король (1715 — 1774). — 35.
Людовик XVI (1754—1793) — французский король (1774— 1792), казнен во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — 159, 161.
Людовик XVIII (1755—1824) — французский король (1814— 1824). — 81.
Люкен (Lucain) — псевдоним одного из французских делегатов Гаагского конгресса (1872), входившего в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале. — 510.
Люксембург (Luxembourg), *Роза* (1871—1919) — выдающийся деятель германского и польского рабочего движения, один из представителей левых в германской социал-демократии и во II Интернационале, один из основателей Коммунистической партии Германии. — 27, 28, 560.
Люнинг (Luning), *Отто* (1818— 1868) — немецкий врач и публицист, в середине 40-х годов представитель «истинного социализма», впоследствии либерал. — 140, 143, 144.
Лютер (Luther), *Мартин* (1483— 1546) — видный деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии; идеолог немецкого бюргерства. — 148, 256.

М

Мадзини (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — итальянский буржуазный революционер, один из вождей и идеологов республиканско-демократического крыла итальянской буржуазии в период борьбы за воссоединение Италии. — 233, 265, 309, 330, 341, 347, 413, 430, 431, 432, 493.
Майер (Mayer), *Густав* (1871— 1931) — известный немецкий историк и исследователь социалистической литературы. — 556, 557, 558, 559, 560.
Макиавелли (Machiavelli), *Никколо* (1469— 1527) — итальянский историк и писатель, один из идеологов итальянской буржуазии периода зарождения капиталистических отношений. — 187.
Мак-Куллох (Mac Culloch), *Джон Рамси* (1789—1864) — английский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 137.
Малон (Malon), *Бенуа* (1841— 1893) — деятель французского рабочего движения, левый прудонист, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны, впоследствии поссибилист. — 545.
Мальтус (Malthus), *Томас Роберт* (1766— 1834) — английский священник и экономист, проповедник реакционной человеконенавистнической теории народонаселения. — 123, 177, 178, 333, 531
Мантёйфель (Manteuffel), *Отто Теодор,* фон (1805—1882) — прусский реакционный государственный деятель, министр внутренних дел (1848—1850) и министр-президент (1850—1858). — 36, 213, 225, 266, 324.

Марат (Marat), *Жан Поль* (1743— 1793) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII века, один из вождей якобинцев, редактор «L'ami du peuple». — 127, 268, 533.

Маркс (Marx), *Генриетта,* урожденная *Прессбург* (1787—1863) — мать К. Маркса. — 29, 30, 31, 324, 328.

Маркс (Marx), *Генрих* (1782— 1838) — отец К. Маркса, адвокат, затем советник юстиции в Трире. — 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 40, 41, 42, 43, 200.

Маркс (Marx), *Генрих Гвидо* (1849—1850) — сын К. Маркса. — 235.

Маркс (Marx), *Женни,* урожденная фон *Вестфален* (1814— 1881) — жена К. Маркса (с 1843 г.), его верный друг и помощник. — 33, 34, 35, *36,* 38, 39, 41, 82, 83, 106, 114, 180, 200, 216, 218, 235, 236, 245, 246, 248, 254, 259, 271, 272, 273, 277, 279, 311, 319, 320, 321, 322, 327, 328, 329, 413, 528, 548, 549, 550, 552, 564.

Маркс (Marx), *Женни* (1844— 1883) — деятель французского рабочего движения, публицист, старшая дочь К. Маркса, жена Ш. Лонге. — 106, 200, 235, 245, 273, 321, 327, 444, 456, 528, 549, 551.

Маркс (Marx), *Ева,* урожденная *Мозес* (ум. в 1823 г.) — бабушка К. Маркса. — 29, 31.

Маркс (Marx), *Лаура* (1845— 1911) — деятель французского рабочего движения, вторая дочь К. Маркса, жена П. Лафарга. — 25, 26, 201, 245, 273, 321, 368, 404, 408, 444, 551, 561.

Маркс (Marx), *Леви* (ум. ок. 1798 г.) — дед К. Маркса. — 29, 33.

Маркс (Marx), *Самуил* (ок. 1778—1827) — дядя К. Маркса. — 29.

Маркс (Marx), *Франциска* (1851—1852) — дочь К. Маркса. — 236, 242.

Маркс (Marx), *Эдгар* (1847— 1855) — сын К. Маркса. — 201, 271, 272, 322.

Маркс (Marx), *Элеонора* (1855— 1898) — деятель английского и международного рабочего движения, младшая дочь К. Маркса, жена Э. Эвелинга. — 29, 270, 273, 322, 327, 528, 549, 556.

Марло (Marlowe), *Кристофер* (1564—1593) — английский драматург, предшественник Шекспира. — 139.

Мартен (Martin), *Анри* (1810— 1883) — французский историк. — 364.

Масман (Masmann), Ганс Фердинанд (1797—1874) — немецкий филолог, основатель спортивных обществ реакционной немецкой молодежи. — 107.

Мейен (Meyen), *Эдуард* (1812— 1870) — немецкий публицист, младогегельянец; впоследствии национал-либерал. — 46, 72, 73, 74, 126, 211, 274.

Мейер (Meyer), *Герман Юлиус* (род. в 1826 г.) — немецкий издатель энциклопедических словарей и книготорговец. — 406, 407.

Мейер (Meyer), *Зигфрид* (ок. 1840—1872) — немецкий социалист, в 1866 г. уехал в Америку, активно участвовал в создании нью-йоркской секции I Интернационала. — 383.

Мейер (Meyer), *Рудольф Герман* (1839—1899) — немецкий консервативный публицист и экономист, последователь Родбертуса. — 560.

Мейер (Meyer), *Юлиус* (ум. в 1867 г.) — вестфальский предприниматель и публицист, в середине 40-х годов «истинный социалист». — 144.

Мейербер (Meyerbeer), *Джакомо* (1791—1864) — виднейший представитель французской оперной школы, композитор, пианист и дирижер. — 108.

Мейснер (Meisner), *Отто Карл* (1819—1902) — гамбургский издатель демократической литературы. — 382.

Меланхтон (Melanchthon), *Филипп* (1497—1560) — немецкий протестантский богослов и педагог, сподвижник Лютера. — 256.

Меллине (Mellinet), *Франсуа* (1768—1852) — бельгийский ге-

нерал, француз по происхождению, активный участник бельгийской буржуазной революции 1830 г. и демократического движения в Бельгии. — 169.

Мендельсон (Mendelssohn), *Моисей* (1729—1786) — немецкий философ. — 31, 96.

Менцель (Menzel), *Вольфганг* (1798—1873) — немецкий реакционный писатель. — 118.

Мерославский (Mieroslawski), Людвиг (1814—1878) — польский революционер, участник революции 1848—1849 гг. и польских восстаний 1830—1831 и 1863 гг.; один из вождей демократического крыла польской эмиграции. — 190.

Меттерних (Metternich), *Клеменс,* князь (1773—1859) — австрийский реакционный государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1809— 1821) и канцлер (1821—1848), один из организаторов Священного союза. — 43, 89, 108.

Микель (Miquel), *Иоганн* (1828— 1901) — немецкий политический деятель, в 40-х годах член Союза коммунистов, впоследствии национал-либерал. — 227, 274, 275, 288.

Мильке (Milke) — немецкий рабочий-наборщик, член Всеобщего германского рабочего союза, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872). — 509.

Милль (Mill), *Джон Стюарт* (1806—1873) — английский буржуазный экономист и философ-позитивист. — 375.

Молль (Moll), *Иосиф* (1812— 1849) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых и Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., убит во время баденско-пфальцского восстания в 1849 г. — 113, 166, 167, 170, 181, 198, 199, 211, 222, 227.

Мольтке (Moltke), *Хельмут Карл Бернхард,* граф (1800—1891) — прусский фельдмаршал и реакционный писатель, один из крупнейших военных идеологов прусского юнкерства и германской буржуазии. — 458.

Мор (More), *Томас* (1478— 1535) — английский писатель-гуманист, один из ранних представителей утопического коммунизма. — 105.

Моррис (Morris), *Уильям* (1834— 1896) — английский поэт, художник и общественный деятель, в 80-х годах участвовал в английском рабочем движении. — 341.

Мост (Most), *Иоганн* (1846—1906) — немецкий социал-демократ, позже анархист; за дезорганизацию рабочего движения в 1880 г. исключен из социал-демократической партии. — 529, 532, 533, 534, 535, 541, 542.

Моттелер (Motteler), *Юлиус* (1838—1907) — немецкий социал-демократ, во время действия исключительного закона против социалистов ведал транспортировкой нелегальной социал-демократической литературы в Германии. — 529.

Мундт (Mundt), *Теодор* (1808— 1861) — немецкий писатель, представитель литературной группы «Молодая Германия». — 117.

Мюллер (Muller) — прусский чиновник, полицей-директор в Кёльне. — 200.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769— 1821) — французский император (1804—1814 и 1815). — 30. 35, 81, 127, 182, 241, 294, 467, 471.

Наполеон II Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт (1811—1832) — сын Наполеона I, в 1815 г. провозглашен бонапартистами императором под именем Наполеона II, в 1818 г. получил титул герцога Рейхштадтского. — 81.

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873) — племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1850), французский император (1852— 1870). — 210, 215, 230, 241,

264, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 305, 318, 342, 343, 367, 370, 416, 417, 424, 439, 456, 457, 459, 460, 461, 462, 463, 465, 466, 468, 470, 559.

Непер (Napier), *Уильям Френсис Патрик* (1785—1860) — английский генерал и военный историк. — 261.

Нетлау (Nettlau), *Макс* (ок. 1865—1944) — австрийский историк, анархист. — 561.

Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847—1882) — русский революционер, участник студенческого движения 1868—1869 гг., организатор ряда кружков; после раскрытия правительством деятельности кружков эмигрировал в Швейцарию, но был выдан швейцарским правительством России, в 1872 г. приговорен к 20 годам каторги. — 485, 486, 487, 488, 489, 492, 496, 501, 514, 520.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855). — 189.

Нобилинг (Nobiling), *Карл Эдуард* (1848—1878) — немецкий анархист, казнен в 1878 г. за покушение на жизнь германского императора Вильгельма I. — 366.

Нотъюнг (Nothjung), *Петер* (ок. 1823—1866) — немецкий портной, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852). — 237, 246, 247.

О

О'Брайен (O'Brien), *Джемс Бронтер* (1805—1864) — деятель чартистского движения в Англии, умеренный реформатор, пытавшийся отвлечь рабочих от классовой борьбы различными утопическими проектами. — 482.

Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н. э. — ок. 17 н. э.) — выдающийся римский поэт. — 40.

Огарев, Николай Платонович (1813—1877) — русский революционный демократ, философ-материалист, поэт и публицист, друг и соратник Герцена, вместе с которым участвовал в создании вольной русской прессы за границей. — 488.

Оджер (Odger), *Джордж* (1820— 1877) — один из лидеров английских тред-юнионов, председатель Генерального Совета I Интернационала, впоследствии ренегат. — 344, 345, 361, 364, 375, 379, 413, 416, 481, 482.

Оливье (Ollivier), *Эмиль* (1825—• 1913) — французский буржуазный политический деятель, умеренный республиканец, затем бонапартист, премьер-министр (январь—август 1870 г.). — 456, 457, 495.

Онкен (Oncken), *Герман* (1869—• 1946) — немецкий буржуазный историк реакционного направления, шовинист. — 556.

Оппенхейм (Oppenheim), *Дагоберт* (1809—1889) — немецкий публицист, младогегельянец, один из ответственных издателей «Rheinische Zeitung». — 62, 63, 78.

Орсини (Orsini), *Феличе* (1819— 1858) — итальянский революционер, террорист, один из видных участников борьбы за национальное освобождение и объединение Италии, казнен за покушение на французского императора Наполеона III. — 292.

Освальд (Oswald), *Фридрих* — псевдоним Фридриха Энгельса. — 119.

Осман (Haussmann), *Жорж Эжен* (1809—1891) — префект Парижа во время Второй империи; осуществил реконструкцию столицы в интересах буржуазии. — 462.

Отто (Otto), *Карл* (род. ок. 1809 г.) — немецкий химик, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов (1852). — 246.

Оуэн (Owen), *Роберт* (1771— 1858) — великий английский социалист-утопист. — 138, 341.

П

Пальмерстон (Palmerston), *Генри Джон* (1784—1865) — английский реакционный государствен-

ный деятель, в начале своей деятельности тори, с 1830 г. один из лидеров вигов, премьер-министр (1855—1858 и 1859— 1865). — 264, 267, 268, 279, 344, 346, 456.

Пеккёр (Pecqueur), *Константен* (1801—1887) — французский экономист, социалист-утопист. — 103.

Перрон (Perron), *Шарль* — швейцарский художник, анархист, один из основателей Альянса в Швейцарии, в 1870 г. отошел от активного участия в революционном движении. — 447, 448, 449, 450.

Петр I (1672—1725) — русский царь с 1682 г., с 1721 г. император всероссийский. — 264, 363.

Пиа (Pyat), *Феликс* (1810— 1889) — французский драматург и политический деятель, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг. и Парижской Коммуны, вел клеветническую кампанию против Генерального Совета I Интернационала. — 424.

Пипер (Pieper), *Вильгельм* (род. ок. 1826 г.) — немецкий филолог и журналист, член Союза коммунистов, впоследствии эмигрировал в Англию. — 227, 243.

Платен (Platen), *Август* (1796— 1835) — немецкий поэт. — 39, 118.

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии. — 51, 52, 55.

Плеханов, Георгий Валентинович (1856—1918) — видный деятель русского и международного социалистического движения, выдающийся пропагандист и пионер марксизма в России, один из основателей первой русской марксистской группы «Освобождение труда»; впоследствии меньшевик. — 547, 557.

Плутарх (ок. 46 — ок. 125) — древнегреческий писатель-моралист, философ-идеалист. — 55.

Поляков, Н. П. — петербургский издатель «Капитала» Маркса. — 445.

Помпадур (Pompadour), *Жанна Антуанетта,* маркиза де (1721 — 1764) — фаворитка французского короля Людовика XV. — 35.

Поттер (Potter), *Джордж* (1832— 1893) — английский правый тред-юнионист, по профессии плотник, член I Интернационала, основатель и редактор лондонской газеты тред-юнионов «Bee-Hive», в которой выступал как прямой агент буржуазных либералов. — 413.

Прудон (Proudhon), *Пьер Жозеф* (1809—1865)—французский публицист, вульгарный экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма. — 71, 85, 90, 105, 112, 122, 130, 142, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 166, 239, 240, 281, 319, 331, 341, 342, 343, 356, 363, 372, 376, 405, 409, 425, 427, 428, 461, 473, 502, 558.

Пульски (Pulszky), *Франц* (1814—1897) — венгерский археолог, публицист и политический деятель, участник революции 1848—1849 гг., сторонник Кошута. — 309.

Пфендер (Pfander), *Карл* (ок. 1818—1876) — немецкий художник, член Союза коммунистов и I Интернационала, сторонник Маркса и Энгельса. — 167, 226, 230, 346.

Пфуль (Pfuel), *Эрнст* (1779— 1866) — прусский генерал, один из представителей реакционной военщины, министр-президент и военный министр (сентябрь — ноябрь 1848 г.). — 197, 199, 203.

Пютман (Puttmann), *Герман* (1811—1894) — немецкий радикальный поэт и журналист, в середине 40-х годов один из представителей «истинного социализма». — 140, 141.

Р

Радецкий (Radetzky), *Йозеф,* граф (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал, душитель революционного движения в Италии в 40—50-х годах. — 204.

Ранвье (Ranvier), *Габриель* (1828 — 1879) — французский мелкобуржуазный революционер, бланкист, активный участник Парижской Коммуны, член Генерального Совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, после которого вышел из Интернационала. — 509, 512, 513.

Ранке (Ranke), *Леопольд* (1795— 1886) — немецкий историк, реакционер. — 46.

Раумер (Raumer), *Фридрих* (1781—1873) — немецкий реакционный историк. — 46.

Рахиль (Rachil) — см. *Варнхаген фон Энзе, Рахиль.*

Рёзер (Roser), *Петер Герхард* (1814—1865) — немецкий рабочий-сигарочник, член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов, позднее примкнул к лассальянцам. — 246, 247, 357.

Реймарус (Reimarus), *Герман Самуэль* (1694—1768) — немецкий философ-деист и филолог, представитель буржуазного Просвещения XVIII века в Германии. — 44.

Реймер (Reimer), *Георг Отто* (1841—1892) — деятель немецкого рабочего движения, лассальянец, депутат рейхстага. — 529.

Рейнхардт (Reinhardt), *Рихард* (1829—1898) — немецкий поэт, секретарь Г. Гейне. — 273.

Рейтер (Reuter), *Фриц* (1810— 1874) — немецкий писатель. — 91.

Рейф (Reiff), *Вильгельм Йозеф* (род. ок. 1823 г.) — член Союза коммунистов, из которого был исключен в 1850 г., привлекался к суду по кёльнскому процессу коммунистов. — 246.

Рекель (Reckel), *Август* (1814— 1876) — немецкий художник, участник революции 1848—1849 гг. и восстания в январе 1850 г. — 225.

Ремпель (Rempel), *Рудольф* (1815—1868) — немецкий купец, в середине 40-х годов «истинный социалист». — 144, 214.

Ренар (Renard) — один из редакторов «Rheinische Zeitung» (1842—1843). — 74, 75.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772—1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 102, 122, 137, 151, 152 153 178, 281, 284, 333, 397.

Риттингхаузен (Rittinghausen), Морад (1814—1890) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, сотрудник «Neue Rheinische Zeitung», член I Интернационала, делегат ряда конгрес сов. — 509.

Ришар (Richard), *Альбер* (1846— 1925) — французский журналист, участник революционного движения в Лионе, член I Интернационала, анархист, боролся против Маркса и Генерального Совета I Интернационала. — 450.

Робен (Robin), *Поль* (род. в 1837 г.) — член французской секции I Интернационала, бакунист, в 1869 г. жил в Бельгии, где был членом бельгийского Федерального совета, один из редакторов анархистской газеты «Egalite». — 447, 448, 449, 450, 453, 490, 491.

Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow), *Иоганн Карл* (1805—1875) — крупный немецкий землевладелец, вульгарный экономист, идеолог обуржуазившегося прусского юнкерства, проповедник реакционных идей «государственного социализма». — 336, 365, 367.

Романовы — царская династия в России (1613—1917). — 539.

Роон (Roon), *Альбрехт Теодор Эмиль,* граф (1803—1879) — прусский генерал-фельдмаршал, военный министр (1859—1873), совместно с Мольтке провел реформу прусской армии. — 471.

Роштейн, Федор Аронович (1871—1953) — советский историк и общественный деятель. — 557, 558.

Роч (Roach), *Джон* — член Генерального Совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, на котором поддерживал анархистов. — 509.

Рошер (Roscher), *Вильгельм Георг Фридрих* (1817—1894) — немецкий буржуазный экономист,

представитель так называемой исторической школы в политической экономии. — 257, 407.

Рошфор (Rochefort), *Анри* (1830— 1913) — французский буржуазный публицист и политический деятель, издававший журнал «Lanterne» (1868—1869) и газету «Marseillaise». — 452, 456, 541.

Руа (Roy), *Жозеф* — французский переводчик I тома «Капитала» К. Маркса. — 409.

Руге (Ruge), *Арнольд* (1802— 1880) — немецкий публицист, младогегельянец, буржуазный радикал; депутат Франкфуртского национального собрания, принадлежал к левому крылу, в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции, впоследствии национал-либерал. — 45, 47, 50, 59, 60, 61, 66, 67, 68, 72, 73, 74, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 95, 101, 102, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 120, 125, 143, 144, 204, 233, 237, 305, 319, 408, 429, 430, 432, 557.

Рутенберг (Rutenberg), *Адольф* (1808—1869) — немецкий публицист, младогегельянец; впоследствии национал-либерал. — 46, 62, 63, 72, 74, 75, 76, 126.

Руэр (Rouher), *Эжен* (1814— 1884) — французский политический деятель, бонапартист, занимал высшие государственные посты в годы Второй империи и имел большое влияние на Наполеона III, за что был прозван «вице-императором». — 416.

Рюстов (Rustow), *Фридрих Вильгельм* (1821—1878) — немецкий военный писатель. — 330.

Рязанов, Н. (литературный псевдоним Гольденбаха, Д. Б.). — 26, 559, 561, 562.

С

Санд Жорж (Sand George) — см. *Жорж Санд.*

Сварм (Swarm) — см. *Дантрейг.*

Секстон (Sexton), *Джордж* — английский врач, член I Интернационала, в 1872 г. был введен в Генеральный Совет, делегат Гаагского конгресса. — 510.

Сен-Поль (Saint Paul), *Вильгельм* — цензор «Rheinische Zeitung» в 1843 г. — 77, 78.

Сен-Симон (Saint-Simon), *Анри* (1760—1825) — великий французский социалист-утопист. — 103, 104.

Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra), *Мигель* (1547— 1616) — крупнейший испанский писатель-реалист. — 525, 527.

Серрайе (Serrailler), Огюст (род. в 1840 г.) — французский рабочий, член Генерального Совета I Интернационала, активный участник Парижской Коммуны, делегат Гаагского конгресса, на котором поддерживал Маркса и Энгельса. — 510, 518.

Симсон (Simson), *Мартин Эдуард* (1810—1899) — немецкий юрист и политический деятель, депутат, а затем председатель Франкфуртского национального собрания, впоследствии национал-либерал, в 60—70-х годах председатель рейхстага. — 323.

Сисмонди (Sismondi), *Жан Шарль Леонар Симонд* де (1773— 1842) — швейцарский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма. — 103, 175.

Скотт (Scott), *Вальтер* (1771— 1832) — выдающийся английский писатель. — 526.

Смит (Smith), *Адам* (1723— 1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 122, 281, 284, 397, 399.

Спарго (Spargo), *Джон* (род. в 1876 г.) — американский социалист, оппортунист. — 555.

Спиноза (Spinoza), *Барух* (Бенедикт) (1632—1677) — выдающийся голландский философ-материалист, атеист. — 50.

Спленгар (Splingard), *Рош* — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, входил в комиссию по расследованию подрывной деятельности Альянса в I Интернационале. — 510.

Стеклов, Ю. М. (род. в 1873 г.) — русский социал-демократ, историк. — 561, 564.

Сю (Sue), Эжен (1804—1857) — французский писатель.— 103.

Т

Талейран-Перигор (Talleyrand-Perigord), *Шарль Морис,* князь (1754—1838) — знаменитый французский дипломат, отличался крайней беспринципностью в политике и корыстолюбием. — 81.

Тальони (Taglioni), *Мария* (1804— 1884) — знаменитая французская балерина, по происхождению итальянка. — 117.

Тацит (Публий Корнелий Тацит) (ок. 55 — ок. 120 н. э.) — известный римский историк. — 40.

Тейлор (Taylor), *Баярд* (1825— 1878) — американский писатель и путешественник, сотрудник «New-York Daily Tribune». — 279.

Телеки (Teleki), *Александр* (1821—1892) — венгерский политический деятель, участник революции 1848—1849 гг. — 309.

Тельке (Tolcke). *Карл Вильгельм* (1817—1893) — немецкий социалист, лассальянец, один из руководителей Всеобщего германского рабочего союза. — 530.

Тестю (Testut), *Оскар* — французский историк, написал книгу об Интернационале на основании полицейских архивов. — 559.

Техов (Techow), *Густав Адольф* (1813—1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг., впоследствии эмигрировал в Австралию. — 198, 201.

Тибо (Thibaut), *Антон Фридрих Юстус* (1772—1840) — немецкий юрист, специалист по гражданскому праву. — 39.

Толен (Tolain), *Анри Луи* (1828—1897) — французский рабочий, правый прудонист, член I Интернационала, в 1871 г. был исключен из Интернационала как ренегат и враг Парижской Коммуны; впоследствии сенатор. — 343, 345, 353, 361, 364, 376, 405, 417.

Трейчке (Treitschke), *Генрих,* фон (1834—1896) — немецкий реакционный публицист и историк, член рейхстага (1871—1888), национал-либерал. — 319.

Тьер (Thiers), *Адольф* (1797— 1877) — французский историк и государственный деятель, президент республики (1871 — 1873), палач Парижской Коммуны. — 464, 472, 474, 481, 511, 544.

Тьерри (Thierry), Огюстен (1795— 1856) — французский буржуазный историк. — 102

У

Уилер (Wheeler) — член Генерального Совета I Интернационала, казначей, делегат Лондонской конференции (1865). — 345

Уланд (Uhland), *Людвиг* (1787— 1862) — немецкий поэт-романтик. — 47.

Унру (Unruh), Ганс *Виктор* (1806—1886) — прусский политический деятель, умеренный либерал; с октября 1848 г. председатель Прусского национального собрания, позднее один из основателей партии прогрессистов, затем национал-либерал. — 205.

Уркарт (Urquhart), Давид (1805— 1877) — английский дипломат и публицист, проповедовавший в своих работах туркофильские взгляды; один из организаторов английской разведывательной сети на Ближнем Востоке. — 267, 268, 306, 315, 365, 559.

Утин, Николай Исаакович (1845— 1883) — русский революционер, в 1863 г. эмигрировал в Швейцарию; один из организаторов Русской секции I Интернационала, вел борьбу против Бакунина и его сторонников, затем отошел от активной политической деятельности и вернулся в Россию (1883). — 448, 450, 453, 490, 491, 492, 496, 497, 519, 520, 521, 560, 563.

Уэстон (Weston), *Джон* — английский рабочий, оуэнист, член Генерального Совета I Интернационала. — 347.

Ф

Фавр (Favre), *Жюль* (1809— 1880) — французский адвокат и политический деятель, буржуаз-

ный республиканец, член правительства (1870—1871), один из участников кровавого подавления Парижской Коммуны.— 464, 471, 479, 481, 511.

Фази (Fazy), *Джемс* (1794— 1878) — швейцарский государственный деятель и публицист, радикал, глава женевского правительства (1846—1853 и 1855— 1861).— 304, 306, 310.

Фаухер (Faucher), *Жюль* (Юлиус) (1820—1878) — немецкий публицист, младогегельянец; один из сторонников свободной торговли в Германии.— 126, 128, 129, 274, 303.

Фёгеле (Vogele) — наборщик одной из типографий Лондона.— 306, 307, 310.

Фейербах (Feuerbach), *Людвиг* (1804—1872) — немецкий крупнейший философ-материалист до-марксовского периода.— 37, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 86, 87, 92, 93, 97, 99, 101, 103, 124, 129, 133, 138, 139, 140, 141, 144, 149, 157, 158, 408, 557.

Ферье (Ferrier), *Франсуа Луи Огюст* (1777—1861) — французский таможенный чиновник, экономист.— 159.

Филдинг (Fielding), *Генри* (1707—-1754) — английский писатель-реалист, просветитель.— 526, 527.

Филипс (Philips), *Леон* (ум. в 1866 г.) — дядя К. Маркса.— 30, 321, 322.

Финке (Vincke), *Георг,* барон (1811—1875) — прусский политический деятель, в 1848—• 1849 гг. один из лидеров правого крыла во Франкфуртском национальном собрании.— 323.

Фихте (Fichte), *Иоганн Готлиб* (1762—1814) — немецкий философ, субъективный идеалист. — 256, 533.

Фишелъ (Fischel), *Эдуард* — немецкий публицист, сторонник Уркарта.— 315, 317.

Флери (Fleury) (настоящая фамилия Краузе), *Шарль* (род ок. 1824 г.) — прусский полицейский агент.— 245.

Флетчер (Fletcher), *Джон* (1579— 1625) — английский драматург, современник Шекспира.— 139.

Флокон (Flocon), *Фердинан* (1800—1866) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, член Временного правительства (1848).—104, 166, 180, 182.

Фогт (Vogt), *Карл* (1817— 1895) — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист, депутат Франкфуртского национального собрания (1848— 1849), принадлежал к левому крылу; впоследствии эмигрант, агент Наполеона III.— 157, 304, 305, 306, 307,308,309,310,311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 365, 432, 525, 559.

Фоллен (Vollen), братья — *Август Адольф Людвиг* (1794—1855) и *Карл* (1795—1840) — участники войны против наполеоновской Франции, после 1815 г. примыкали к студенческому оппозиционному движению.— 304.

Фольмар (Vollmar), *Георг Генрик* (1850—1922) — один из лидеров оппортунистического крыла германской социал-демократической партии, редактор «Social-demokrat».— 543, 544.

Франкель (Frankel), *Лео* (1844—• 1896) — видный деятель венгерского и международного рабочего движения, член Генерального Совета I Интернационала, активный участник Парижской Коммуны, сторонник Маркса, один из основателей социал-демократической партии Венгрии (1890).—473, 474, 509, 518, 538.

Фрёбель (Frobel), *Юлиус* (1805— 1893) — немецкий радикальный публицист и издатель прогрессивной литературы.— 79, 83, 89, 125, 144.

Фрейлиграт (Freiligrath), *Фердинанд* (1810—1876) — немецкий поэт, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; впоследствии отошел от революционного движения.— 91, 116, 137, 163, 201, 202, 203, 204, 214, 216, 222, 237, 239, 243, 249, 252, 269, 271, 272, 273, 274, 276, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 309,

310, 311, 313, 314, 315, 316, 322, 330, 337, 370, 407, 408, 556, 558, 559.

Френкель (Frankel) — член Союза коммунистов, после раскола Союза в 1850 г. примкнул к фракции Виллиха—Шаппера.— 230.

Фрибур (Fribourg) — французский рабочий-гравер, впоследствии фабрикант, член I Интернационала, делегат Лондонской конференции и Женевского конгресса (1866), правый прудонист, затем отошел от рабочего движения. — 361, 364, 376.

Фридлендер (Friedlander), *Гуго* — член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса.— 509.

Фридлендер (Friedlander), Макс (1829—1872) — немецкий публицист, двоюродный брат Лассаля, один из редакторов венской «Presse».—279, 302.

Фридрих II (прозванный «Великим») (1712—1786) — прусский король (1740—1786).— 30, 46, 47, 48, 49, 52.

Фридрих VII (1808—1863) — датский король (1848—1863).—• 193.

Фридрих Вильгельм III (1770—1840) — прусский король (1797—1840).—48, 50, 471.

Фридрих Вильгельм IV (1795— 1861) — прусский король (1840—1861).— 59, 63, 64, 67, 72, 74, 76, 89, 113, 114, 159, 193, 212, 223, 290, 293.

Фридрих Карл (1828—1885) — прусский принц, генерал.— 369.

Фриче (Fritzsche), *Фридрих Вильгельм* (1825—1905) — немецкий рабочий, лассальянец, один из организаторов Всеобщего германского рабочего союза.—422, 424.

Фурье (Fourier), *Шарль* (1772— 1837) — великий французский социалист-утопист.— 103, 104, 105, 127, 129, 199.

Х

Хеддегем (Heddeghem) — см. *Ван Хеддегем.*

Хёдель (Hodel), *Эмиль Генрих Макс* (ум. в 1878 г.) — немецкий рабочий, казнен в 1878 г *за.* покушение на жизнь германского императора Вильгельма I.— 366.

Хейлз (Hales), *Джон* — один из правых лидеров английских тред-юнионов, член Генерального Совета I Интернационала; после Гаагского конгресса вел клеветническую кампанию против Маркса — 508, 510, 516,517, 518, 538.

Хёхберг (Hochberg), *Карл* (1853—1885) — немецкий социал-демократ, оппортунист, финансировал ряд социал-демократических изданий. — 534, 535, 536, 542, 543.

Холлингер (Hollinger); *Фиделио* — собственник типографии в Лондоне, печатавшей большинство немецких эмигрантских газет. — 304, 306, 307, 310, 312, 313.

Хольберг (Holberg), *Людвиг* (1684—1754) — крупный датский писатель, реалист. — 195.

Ц

Цедлиц, фон (Zedlitz) — берлинский полицей-президент. — 324.

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (ок. 100—44 до н. э.) — римский государственный деятель, полководец и писатель. — 342.

Цеткин (Zetkin), *Клара* (1857— 1933) — видный деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии, вела борьбу против ревизионизма и социал-шовинизма. — 28, 555.

Циц, (Zitz), *Франц* (1803— 1877) — немецкий мелкобуржуазный демократ, депутат Франкфуртского национального собрания, принадлежал к левому крылу; впоследствии эмигрировал в Америку. — 299.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (106—43 до н. э.) — выдающийся римский оратор, писатель и государственный деятель, идеолог аристократической республики, философ-эклектик. — 55, 562.

Цыхлинский (Zychlinski), *Франц,* (1816—1900) — прусский офицер, в начале 40-х годов сотрудничал в периодических изданиях младогегельянца Б. Бауэра под именем Шелига. — 126, 132.

Ч

Чех (Tschech), *Генрих Людвиг* (1789—1844) — бургомистр города Сторков, казнен в Берлине после неудачного покушения 26 июля 1844 г. на короля Фридриха Вильгельма IV. — 113.

Ш

Шабелиц, (Schabelitz) — немецкий издатель и книготорговец. — 234.

Шабелиц, (Schabelitz), *Якоб* (1827—1899) — немецкий издатель и книготорговец, сын предыдущего. — 247, 248, 488.

Шайбле (Schaible), *Карл Генрих* (1824—1899) — немецкий врач и писатель, демократ,. участник революции 1848—1849 гг., эмигрант в Лондоне. — 313.

Шален (Chalain), *Луи* (род. ок. 1845 г.) — французский рабочий, член I Интернационала, привлекался к суду по третьему процессу Интернационала в Париже, участник Парижской Коммуны; впоследствии отошел от Интернационала. — 457.

Шапер (Schaper), фон — оберпрезидент Рейнской провинции (1842—1845), представитель реакционной прусской бюрократии. — 74, 76.

Шаппер (Schapper), *Карл* (ок. 1812—1870) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых и Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг.; во время раскола Союза коммунистов в 1850 г. один *из* лидеров сектантско-авантюристской фракции, впоследствии вновь сблизился с Марксом. — 113, 166, 167, 170, 181, 182, 198, 199, 206, 211, 227, 230, 231, 244, 247, 248, 249, 273.

Шатобриан (Chateaubriand), *Франсуа Рене* (1768—1848) — французский писатель, глава реакционных романтиков. — 526.

Шванн (Schwann), *Теодор* (1810—1882) — известный немецкий гистолог и физиолог. — 252.

Швейцер (Schweitzer), *Иоганн Баптист* (1833—1875) — немецкий публицист, один из руководителей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, редактор газеты «Social-Demokrat», поддерживал проводимую Бисмарком политику объединения Германии под верховенством Пруссии. — 338, 353, 354, 355, 356, 357, 363, 367, 371, 406, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 440, 441, 443, 446, 449, 458, 459, 503, 505, 512, 531, 560.

Шверин (Schwerin), *Максимилиан,* граф (1804—1872) — один из представителей прусского дворянства и бюрократии, министр внутренних дел (1859—1862), впоследствии национал-либерал. — 324.

Швицгебель (Schwitzguebel), *Адемар* (1844—1895) — швейцарский рабочий, анархист, один из руководителей Альянса и Юрской федерации, враг марксизма. — 510.

Шёй (Scheu), *Генрих* (1845— 1926) — австрийский социал-демократ, делегат Гаагского конгресса I Интернационала, впоследствии деятель II Интернационала. — 509.

Шекспир (Shakespeare), *Вильям* (1564—1616) — великий английский драматург и поэт. — 36, 139, 317, 525, 526.

Шелига (Szeliga) — см. *Цыхлинский, Франц.*

Шелли (Shelley), *Перси Биши* (1792—1822) — выдающийся английский поэт, революционный романтик, атеист. — 526.

Шеллинг (Schelling), *Фридрих Вильгельм* (1775—1854) — видный немецкий философ, объективный идеалист, враг науки, поборник религии. — 54, 83, 84, 120.

Шили (Schily), *Виктор* (1810— 1875) — немецкий адвокат, демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., впоследствии член I Интернационала. — 201, 273, 308, 361.

Шиллер (Schiller), *Фридрих* (1759—1805) — великий немецкий поэт и драматург. — 30, 35, 39, 256, 307, 310, 329, 525.

Шлейден (Schleiden), *Маттиас Якоб* (1804—1881) — немецкий ботаник, автор трудов о клеточном строении растений. — 252.

Шлейермахер (Schleiermacher), *Фридрих* (1768—1834) — немецкий теолог и философ-идеалист. — 119.

Шлоссер (Schlosser), *Фридрих Христоф* (1776—1861) — немецкий буржуазный историк, либерал, автор многотомной «Всемирной истории». — 46.

Шмальгаузен (Schmalhausen), *Вильгельм Роберт* (1817 — ок. 1865) — муж сестры К. Маркса. — 30.

Шмальгаузен (Schmalhausen), Софья (1816 — после 1383) — сестра К. Маркса. — 30, 33, 39.

Шмоллер (Schmoller), *Густав* (1838—1917) — немецкий буржуазный экономист. — 556.

Шнейдер II (Schneider), *Карл* — немецкий юрист, мелкобуржуазный демократ, защитник на кёльнском процессе коммунистов (1852). — 198, 206.

Шопенгауэр (Schopenhauer), *Артур* (1788—1860) — немецкий реакционный философ-идеалист. — 47, 526.

Шорлеммер (Schorlemmer), *Карл* (1834—1892) — крупный немецкий химик, коммунист, друг Маркса и Энгельса. — 552.

Шпурцгейм (Spurzheim), *Иоганн Кристоф* (1776—1832) — известный немецкий френолог. — 252.

Шрамм (Schramm), *Карл Август* — немецкий экономист, в 80-х годах XIX века выступал с критикой марксизма. — 532.

Шрамм (Schramm), *Конрад* (ок. 1822—1858) — немецкий революционер, журналист, член Союза коммунистов, с 1849 г. эмигрант в Лондоне; во время раскола Союза коммунистов сторонник Маркса; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 217, 227, 230, 231, 273, 279.

Шрамм (Schramm), *Рудольф* (1813—1882) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, впоследствии сторонник Бисмарка. — 542, 543.

Штейн (Stein), *Шарлотта,* фон (1742—1827) — приятельница Гёте. — 257.

Штибер (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — прусский полицейский чиновник, один из организаторов кёльнского процесса коммунистов (1852). — 225, 226, 243, 244, 245.

Штиглиц, (Stieglitz), *Генрих* (1801—1849) — немецкий поэт. — 117.

Штирнер (Stirner), *Макс* (литературный псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856) — немецкий философ, младогегельянец, один из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма. — 46, 63, 71, 91, 126, 132, 133, 138, 139, 143, 144, 151, 558.

Штраус (Straus), *Давид Фридрих* (1808—1874) — немецкий философ и публицист, один из видных младогегельянцев, впоследствии национал-либерал. — 44, 45, 49, 54, 119.

Шульце (Schulze), *Иоганн* (1786— 1869) — немецкий профессор, гегельянец. — 43.

Шульце-Делич (Schulze-Delitzsch), *Герман* (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист и политический деятель, в 60-х годах один из лидеров буржуазной партии прогрессистов. — 331, 396, 413, 544.

Шумахер (Schumacher), *Густав* — немецкий рабочий, член I Интернационала. — 509.

Шурц, (Schurz), *Карл* (1829— 1906) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг., впоследствии эмигрировал в Америку, где стал государственным деятелем. — 198, 201, 225, 229.

Э

Эвербек (Ewerbeck), *Август Герман* (1816—1860) — немецкий врач и литератор, руководитель парижских общин Союза справедливых, позже член Союза коммунистов, из которого вышел в 1850 г. — 113, 149, 190.

Эйхман (Eichmann) — обер-президент Рейнской провинции, министр внутренних дел в министерстве Пфуля, консерватор. — 213.

Эйххорн (Eichhorn), *Иоганн Альбрехт Фридрих* (1779—1856) — прусский государственный деятель, реакционер, министр по делам культа, просвещения и медицины (1840—1848). —50—51, 53, 54, 59, 63.

Эккариус (Eccarius), *Иоганн Георг* (1818—1889) — немецкий рабочий, член Союза справедливых, затем Союза коммунистов, член Генерального Совета I Интернационала, позднее примкнул к реформистским лидерам английских тред-юнионов. — 167, 230, 232, 239, 273, 345, 346, 360, 361, 362, 375, 412, 413, 425, 438, 440, 442, 484, 491, 507, 508, 510, 517, 518.

Экштейн (Eckstein), *Густав* (1875—1916) — немецкий социал-демократ, центрист, один из редакторов «Neue Zeit». — 560.

Эмбер (Imbert), *Жак* (1793— 1851) — французский революционер-бланкист, эмигрант в Бельгии, член брюссельской Демократической ассоциации; после февральской революции 1848 г. комендант Тюильри. — 169.

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1796—1860) — отец Ф. Энгельса, фабрикант. — 116.

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895). — 25, 53, 79, 85, 107, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 149, 150, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 174, 175, 176, 177, 178, 181, 182, 189, 190, 191, 200, 202, 203, 210, 211, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 225, 226, 227, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 288, 289, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 307, 308, 312, 315, 316, 319, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 347, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 363, 364, 365, 366, 368, 369, 370, 371, 373, 375, 381, 382, 383, 384, 395, 404, 405, 406, 407, 410, 413, 414, 419, 420, 421, 422, 424, 429, 431, 432, 433, 434, 435, 440, 443, 448, 450, 453, 455, 458, 459, 461, 462, 463, 464, 466, 470, 471, 476, 477, 492, 502, 505, 506, 507, 508, 509, 512, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 523, 524, 526, 527, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 550, 551, 552, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 563, 564.

Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист, атеист. — 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 97, 552.

Эрмен (Ermen), *Готфрид* — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс». — 121, 233, 327, 329.

Эрнст Август (1771—1851) — ганноверский король (1837— 1851). — 269.

Эрхардт (Erhardt), *Иоганн Людвиг Альберт* (род. ок. 1820 г.) — приказчик в Кёльне, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов, был оправдан судом. — 246.

Эсхил (525—456 до н. э.) — выдающийся древнегреческий драматург, автор классических трагедий. — 525.

Эхтермейер (Echtermeyer), *Теодор* — один из редакторов «Hallische Jahrbucher», младогегельянец. — 45.

Эшли (Ashley), *Антони,* с 1851 г. граф Шефтсбери (1801—1885) — английский политический деятель, тори, демагогически поддерживал закон о десятичасовом рабочем дне. — 128, 129.

Ю

Юнг (Jung), *Георг* (1814— 1886) — немецкий публицист, младогегельянец, один из ответственных издателей «Rheinische Zeitung», впоследствии национал-либерал. — 62, 63, 67, 111, 166, 274.

Юнг (Jung), *Герман* (1830—1901) — швейцарский рабочий-часовщик, участник революции 1848—1849 гг., член Генерального Совета I Интернационала. — 361, 364, 375, 376, 412, 425, 440, 441, 453, 491, 507, 508, 517.

Юнгниц (Jungnitz), *Эрнст* (ум. в 1848 г.) — немецкий публицист, младогегельянец. — 126.

Юта (Juta), *Луиза* (1821— 1893) — сестра К. Маркса. — 30.

Юта (Juta), *Иоганн Карл* (1824— 1886) — немецкий книготорговец, муж сестры К. Маркса. — 30.

Я

Якоби (Jacoby), *Авраам,* (род. в 1832 г.) — член Союза коммунистов, один из обвиняемых по кёльнскому процессу коммунистов, впоследствии эмигрировал в США. — 246.

Якоби (Jacoby), *Иоганн* (1805— 1877) — немецкий публицист и политический деятель, буржуазный демократ; один из лидеров левого крыла в Прусском национальном собрании, в 70-х годах примкнул к социал-демократам. — 64, 66, 76, 85, 406, 420, 450, 465.

Яков II (1633—1701) — английский король (1685—1688). — 35.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕССЫ

«Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщая литературная газета») — немецкий ежемесячник буржуазно-демократического направления, издавался с декабря 1843 г. по октябрь 1844 г. — 113, 125, 126, 128, 130, 132.

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 г.; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. В 1842 г. выступила с фальсификацией идей утопического коммунизма и социализма, которую Маркс разоблачил в своей статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»». — 70, 71, 75, 306, 308, 309, 310, 311. 312, 315, 316, 365.

«Archiv fur die Geschichie des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» («Архив по вопросам истории социализма и рабочего движения») — журнал, выходил в Лейпциге в 1910—1930 гг.— 556.

*«Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («*Архив по вопросам социальной науки и социальной политики») — журнал, выходил в Тюбингене в 1888— 1933 гг. — 556.

«Bieler Handelscourier» — см. *«Schweizer Handelscourier».*

«The Commonwealth» («Республика») — еженедельный орган I Интернационала, издавался в Лондоне в 1866—1867 гг.; до июня 1866 г. в состав редакции входил К. Маркс; с февраля по июнь 1866 г. в нем сотрудничал также Ф. Энгельс. — 374, 375.

«Daily News» («Ежедневные новости») — ежедневная газета, орган либеральной буржуазии; издавалась в Лондоне в 1846—1928 гг. — 471.

«Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») — ежедневная буржуазная газета, основанная в Лондоне в 1855 г.; в 1937 г. слилась с газетой «Morning Post» («Утренняя почта»); орган финансового капитала, тесно связанный с руководством консервативной партии. — 313.

«Danziger Zeitung» («Данцигская газета»). — 74.

«The Democratic Review» («Демократическое обозрение») — чартистский журнал, выходил один раз в месяц в Лондоне с июня 1849 г. по сентябрь 1850 г. — 268, 269.

«La Democratie pacifique» («Мирная демократия») — ежедневная газета фурьеристов, выходившая в Париже в 1843—1855 гг. под редакцией В. Консидерана. — 103, 129.

«Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник») — орган социал-демократической партии Германии, выходил в Лейпциге в 1868—1869 гг.; в 1869 г. журнал был переименован в «Volksstaal». — 406, 420, 422, 423, 432.

«Der deutsche Bote aus der Schweiz» («Немецкий вестник из Швейцарии») — демократический журнал; выходил в 1842—1845 гг. на немецком языке в Цюрихе и Винтербурге. — 80.

«Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета») — основана немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 г. по февраль 1848 г.; с сентября 1847 г. постоянными сотрудниками газеты стали Маркс и Энгельс, фактически сосредоточив в своих руках ее редакционные дела; газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов. — 158, 159, 163, 164, 165, 304, 354, 554, 558.

«Deutsche Jahrbucher» («Немецкий ежегодник») — сокращенное название литературно-философского журнала младогегельянцев «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»); журнал выходил с июня 1841 г. по январь 1843 г. — 59, 60, 76, 80, 81, 86, 87, 90, 119, 125, 132, 432.

«Deutsches Burgerbuch» («Книга для немецких граждан») — ежегодник «истинных социалистов», выходил с декабря 1844 г. по 1846 г. — 140, 141, 142.

«Deutsch-Franzosische Jahrbucher» («Немецко-французский ежегодник») — журнал революционно-демократического направления, издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. В свет вышел только первый, двойной выпуск в феврале 1844 г. — 79, 81, 82, 83, 89, 91, 96, 101, 108, 109, 113, 122, 123, 124, 125, 132, 133, 143, 429, 432, 556, 557.

«Dokumente des Sozialismus» («Документы социализма») — журнал, издавался Э. Бернштейном в Берлине в 1901—1905 гг. — 557, 558.

«L'Egalite» («Равенство») — еженедельник, орган романских секций I Интернационала, издавался в Женеве с 1869 по 1872 г.; до конца 1869 г. являлся органом анархистов, с января 1870 г. стал проводить линию Генерального Совета. — 438, 444, 447 449, 450, 451, 491, 496.

«L'Egalite» («Равенство») — социалистическая газета, выходила в Париже с 1877 по 1883 г.; в 1880 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — 545.

«The Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение») — журнал радикальной буржуазии, издавался в Лондоне с 1865 г.; впоследствии орган консервативной партии. — 410.

«Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» («Франкфуртская газета и торговый листок») — газета мелкобуржуазных демократов, орган немецкой народной партии; основана в 1856 г. — 371, 559.

«The Free Press» («Свободная пресса») — журнал по вопросам внешней политики, выходил в Лондоне в 1855—1865 гг. — 268, 306, 312, 313.

«Freiheit» («Свобода») — еженедельная социалистическая газета, выходила в Лондоне (1879— 1882), затем в Нью-Йорке (1882—1910) на немецком языке; с 1880 г. перешла на анархистские позиции. — 541.

«Friend of the People» («Друг народа») — орган чартистов, выходил раз в неделю в Лондоне с декабря 1850 г. по апрель 1852 г. — 268.

«Die Gartenlaube» («Беседка») — литературный мелкобуржуазный журнал, выходил в Лейпциге с 1 января 1853 г. один раз в неделю. — 307, 310, 406.

«Der Gesellschaftsspiegel. Organ zur Vertretung der besitzlosen Volksklassen und zur Beleuchtung der gesellschaftlichen Zustande der Gegenwart» («Зеркало общества. Орган для защиты интересов неимущих классов народа и для освещения современных общественных отношений») — ежемесячный журнал «истинных социалистов», издавался в Эльберфельде в 1845—1846 гг.; всего вышло 12 номеров. — 140, 141, 142.

«Handworterbuch fur Staatswissenschaften» («Словарь политических наук»). — 555.

«Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства») — литературно-философский журнал младогегельянцев, выходил в 1838—1841 гг. в Галле; в 1841 г. был переименован в «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). — 45, 46, 50, 59.

«Hermann» («Герман») — орган немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, выходил с 1859 по 1870 г. на немецком языке один раз в неделю. — 302, 303.

«Jahrbuch fur Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche» («Ежегодник по вопросам законодательства, управления и народного хозяйства в Германской империи») — журнал, издавался в Берлине в 1871—1939 гг. — 556.

«Jahrbuch fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальной науки и социальной политики») — социал-реформистский журнал, выходил в Цюрихе в 1879—1880 гг. — 542.

«Jahrbucher fur Wissenschaftliche Kritik» («Ежегодник научной критики») — журнал правых гегельянцев, выходил в Берлине в 1827—1847 гг. — 45.

«Journal des Debats» — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты. «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»); основана в Париже в 1789 г.— 103. *«Journal de Geneve»* («Женевская газета») — ежедневная буржуазно-либеральная газета, впоследствии реакционная, выходит в Женеве с 1826 г. на французском языке. — 521.

«La Justice» («Справедливость») — ежедневная французская буржуазно-радикальная газета. Основана Клемансо в 1880 г. — 546.

«Kladderadatsch» («Кладдерадач») — немецкий сатирический журнал либерального, позже национал-либерального направления; выходил в Берлине с 1848 г. — 475.

«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 г.; в 1848—1849 гг. отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии, вела постоянную ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — 62, 63, 78, 111.

«Колокол» — революционная газета, издававшаяся в 1857— 1867 гг. А. И. Герценом и Н. П. Огаревым сначала в Лондоне, а с 1865 г. — в Женеве, куда Герцен перенес основанную им «Вольную русскую типографию»; газета, несмотря на отдельные ошибки и колебания Герцена, сыграла большую роль в развитии революционного движения в России. Создание вольной русской прессы за границей и ее революционную агитацию В. И. Ленин считал великой заслугой Герцена. — 430.

«Kreuzzeitung» («Крестовая газета») — под этим названием была известна ежедневная реакционная монархическая газета «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»), выходившая в Берлине с 1848 г.; в заголовке газеты был изображен крест. —74, 213, 357.

«La Lanterne» («Фонарь») — еженедельный французский радикально-республиканский журнал, выходил в 1868—1869 гг. в Париже, а с июля 1874 г. по февраль 1876 г. — в Брюсселе. — 541.

«Die Laterne» («Фонарь») — еженедельный сатирический журнал социалистического направления, выходил в Брюсселе на немецком языке с декабря 1878 г. по июнь 1879 г. — 541, 542.

«Leipziger Allgemeine Zeitung» («Лейпцигская всеобщая газета») — немецкая ежедневная либеральная газета, выходила в

1837—1843 гг.; с 1843 г. изменила свое направление на консервативное. — 76.

«La Marseillaise» («Марсельеза») — ежедневная газета лево-республиканского направления, выходила в Париже с декабря 1869 г. по сентябрь 1870 г. — 452, 456.

«Le Moniteur Universel» («Всеобщий вестник») — ежедневная французская газета, официальный правительственный орган; под данным названием выходила в Париже с 1789 до 1869 г. — 213, 292.

«The Morning Advertiser» («Утренний вестник») — ежедневная буржуазная газета, выходила в Лондоне с 1794 г. — 430.

«National-Zeitung» («Национальная газета») — ежедневная буржуазно-либеральная газета, позже орган национал-либералов; выходила в Берлине в 1848— 1915 гг. — 311, 312, 313, 315, 316, 317.

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue» («Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — ежемесячник, издававшийся К. Марксом и Ф. Энгельсом с января по октябрь 1850 г.; печатался в Гамбурге; всего вышло 6 номеров; на страницах ежемесячника К. Маркс и Ф. Энгельс подвели итоги революции 1848—1849 гг. и наметили тактику борьбы революционного пролетариата; здесь впервые были опубликованы работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и работа Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». — 217, 218, 219, 220, 221, 226, 231, 234, 239, 258, 305.

«Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета») — орган революционного пролетариата, объединявший вокруг себя широкие демократические слои; газета издавалась под руководством К. Маркса и Ф. Энгельса с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г.; В. И. Ленин назвал газету в 1914 г. «доныне остающейся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата». — 182, 183, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 203, 204, 205, 206, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 237, 239, 263, 265, 266, 269, 322, 334, 335, 340, 355, 429, 433, 554, 558.

«Die Neue Zeit» («Новое время») — рабочая газета, орган немецких эмигрантов; выходила в Лондоне с 26 июня 1858 г. по 16 апреля 1859 г. — 303.

«Die Neue Zeit» («Новое время») — теоретический журнал, официальный орган германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте в 1883— 1923 гг. — 26, 556, 557, 558, 560, 561, 562, 564.

«Der Neue Sozial-Demokrat» («Новый социал-демократ») — орган Всеобщего германского рабочего союза, выходил в Берлине в 1871—1876 гг. — 502.

«New-England Zeitung» («Новоанглийская газета») — орган немецких демократов-эмигрантов, выходил в Бостоне (США) в 1848—1853 гг. на немецком языке. — 248.

«The New Moral World and Gazette of the Rational Society» («Новый нравственный мир и газета разумного общества») — еженедельная газета социалистов-утопистов, основана Р. Оуэном в 1834 г.; издавалась до 1846 г., сначала в Лидсе, а с октября 1841 г. в Лондоне; до июля 1842 г. выходила под другим названием; с ноября 1843 г. по май 1845 г. в этой газете сотрудничал Ф. Энгельс. — 138.

«The Northern Star» («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 г., выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне; основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор; в 40-х годах газету редактировал Дж. Гарни; с сентября 1845 г. до марта

1848 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — 138, 166, 268.

«Die Neue Rundschau» («Новое обозрение») — журнал, выходил в Берлине и Лейпциге в 1890— 1932 гг. — 557.

«New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна») — американская ежедневная газета, выходившая с 1841 по 1924 г.; в 40—50-х годах XIX века придерживалась буржуазно-радикального направления, отражая взгляды демократически настроенной части буржуазии; после гражданской войны в США (1861—1865 гг.) газета превратилась в орган реакционной буржуазии; с октября 1851 г. по март 1862 г. в этой газете сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс. — 199, 238, 252, 253, 259, 262, 263, 267, 268, 273, 276, 279, 282, 299, 303, 321, 324, 325, 554, 559.

«Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманская всеобщая газета») — консервативная газета, личный официоз Бисмарка до 90-х годов; под этим названием выходила в 1862—1918 гг. — 355.

«Notes to the People» («Заметки для народа») — чартистский журнал, редактировавшийся Эрнестом Джонсом; выходил в Лондоне с мая 1851 г. по апрель 1852 г.; в журнале сотрудничал Ф. Энгельс. — 268.

«The Observer» («Наблюдатель») — еженедельная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1791 г. — 478.

«The People's Paper» («Народная газета») — еженедельная газета, орган чартистов; издавался в Лондоне в 1852—1858 гг. под редакцией Эрнеста Джонса, который пользовался поддержкой и указаниями К. Маркса. — 266, 268.

«Die Post» («Почта») — газета, основанная в 1865 г. в Берлине, выходила два раза в день. — 74.

«Die Presse» («Пресса») — буржуазно-либеральная газета, выходила в Вене с 1848 по 1894 г. — 253, 279, 302, 324, 325.

«Preusische Jahrbucher» («Прусский ежегодник») — журнал, выходил в Берлине в 1858— 1935 гг. — 556, 559.

«Preusischer Staats-Anzeiger» («Прусский государственный вестник») — ежедневная консервативная газета, официальный правительственный орган; под этим названием газета выходила с мая 1848 г. по июнь 1851 г. — 74.

«Le Progres» («Прогресс») — орган анархистских секций I Интернационала, выходил в Швейцарии в 1868—1870 гг. на французском языке. — 437, 497.

«Provinzial-Correspondenz» («Провинциальная корреспонденция») — еженедельный прусский правительственный орган; выходил в 1863—1882 гг. в Берлине. — 465.

«Punch» («Панч») — английский сатирический журнал, выходил в Лондоне с 1841 г. — 475.

«The Red Republican» («Красный республиканец») — еженедельный журнал чартистов, выходил в Лондоне с июня по ноябрь 1850 г. — 268, 269.

«La Reforrne» («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев; издавалась в Париже с 1843 по 1850 г.; с октября 1847 г. до января 1848 г. в этой газете Ф. Энгельс опубликовал ряд своих статей. — 166.

«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 г. по 31 марта 1843 г.; газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму; к сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы; с апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с

октября того же года — одним из ее редакторов; при редакторстве К. Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер; правительство ввело для газеты особо строгую цензуру, а затем запретило ее издание. — 61, 62, 63, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 93, 103, 105, 111, 119, 120, 121, 125, 201, 268, 553, 556, 557.

«Rheinischer Beobachter» («Рейнский обозреватель») — ежедневная консервативная газета, выходила в Кёльне с 1844 г. до начала 1848 г. — 160, 162, 354.

«Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform» («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы») — журнал, орган «истинных социалистов»; вышло всего два тома: первый в Дарлингадте в августе 1845 г., второй — в Бель-Вю (на немецко-швейцарской границе) в конце 1846 г.; Маркс и Энгельс использовали журнал для пропаганды коммунистических идей. — 140, 141.

«Le Reveil» («Пробуждение») — орган мелкобуржуазных республиканцев; выходил в Париже с 1868 по январь 1871 г. — 446.

«La Revolution Sociale» («Социальная революция») — ежедневная анархистская газета, издававшаяся в Женеве с 26 октября 1871 г. по 4 января 1872 г.; с ноября 1871 г. — официальный орган Юрской федерации. — 498, 500.

«La Revue Socialiste» («Социалистическое обозрение») — журнал, основанный одним из представителей поссибилистов — Б. Малоном; издавался в Париже с 1885 по 1914 г. — 545.

«The Saturday Review» («Субботнее обозрение») — еженедельный журнал консервативного направления, выходил в Лондоне с 1855 по 1938 г. — 409.

«Schweizer Handelscourier» («Швейцарский торговый курьер») — буржуазно-демократическая газета, выходила в 1853—1909 гг. в Биле (Швейцария) на немецком языке. — 306, 311.

«Social-Demokrat» («Социал-демократ») — орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, выходил в 1864—1871 гг. в Берлине; до февраля 1865 г. в газете сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс; в 1871 г. газета была переименована в «Der Neue Sozial-Demokrat» («Новый социал-демократ»); перестала выходить в 1876 г. — 353, 354, 355, 357, 363, 406.

«La Solidarité» («Солидарность») — бакунистская газета, орган анархистских секций I Интернационала в Швейцарии; под этим названием выходила с апреля по сентябрь 1870 г. в Невшателе, позже стала выходить в Женеве под названием «La Solidarité révolutionnaire» («Революционная солидарность»). — 454, 489, 497, 498.

«Der Sozialdemokrat» («Социал-демократ») — еженедельный центральный орган германской социал-демократической партии, выходил в Цюрихе с сентября 1879 г. по сентябрь 1888 г. и в Лондоне с октября 1888 г. по 27 сентября 1890 г. — 543, 544, 564.

«Staatsanzeiger» («Государственный вестник»). — 365, 367.

«Telegraph fur Deutschland» («Германский телеграф») — демократический литературный журнал, выходил в Гамбурге с 1838 по 1848 г. — 118, 119.

«The Times» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1785 г.— 134, 413, 419, 473.

«La Tribune du Peuple» («Народная трибуна») — орган бельгийских рабочих и демократических организаций, выходил в 1861— 1868 гг.; с 1866 г.— орган I Интернационала в Брюсселе. — 372.

«Triersche Zeitung» («Трирская газета») — основана в Трире в 1757 г.; под этим названием выходила с 1815 г.; с начала 40-х годов XIX века — буржуазно-радикальный орган; с середины

40-х годов находилась под влиянием «истинных социалистов» и была подвергнута критике К. Марксом и Ф. Энгельсом. — 140, 144.

«Das Volk» («Народ») — еженедельная немецкая газета, выходившая в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 г.; орган немецких демократов-эмигрантов; с № 6 в ней сотрудничали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Либкнехт; с 11 июня 1859 г. К. Маркс становится фактическим руководителем газеты; издание газеты прекратилось из-за недостатка средств. — 303, 304, 306, 309, 310, 312.

«Volkskalender» («Народный календарь»). — 555.

«Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган эйзенахцев, выходил в Лейпциге с 1869 по 1876 г., является продолжением *«Demokratisches Wohenblatt»* (см.), основанного в 1868 г. — 461, 464, 490, 541.

«Der Volks-Tribun» («Народный трибун») — еженедельная газета, основанная немецкими «истинными социалистами» в Нью-Йорке; выходила с 5 января по 31 декабря 1846 г. — 147.

«Volks-Zeitung» («Народная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась в Берлине в 1853—1933 гг. — 316.

«Der Vorbote» («Предвестник») — ежемесячный центральный орган немецкой секции I Интернационала в Швейцарии, выходил в 1866—1871 гг. в Женеве. — 372, 376, 413, 426, 433, 436, 454, 505, 560.

«Vorwarts!» («Вперед!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю; под влиянием Маркса, который с лета 1844 г. стал принимать близкое участие в редактировании газеты, она стала принимать коммунистический характер. — 108, 109, 110, 113, 114, 115, 158, 303, 473, 554, 557.

«Vorwarts» («Вперед») — центральный орган социал-демократической партии Германии, выходил в Лейпциге в 1876—1878 и в Берлине в 1891 — 1933 гг. — 534, 535.

«Westdeutsche Zeitung» («Западная немецкая газета») — буржуазно-демократическая газета, выходила с мая 1849 г. по июль 1850 г. в Кёльне. — 234.

«Das Westphalische Dampfboot» («Вестфальский пароход») — ежемесячный журнал, издавался «истинными социалистами» о января 1845 г. по декабрь 1846 г. в Билефельде и с января 1847 г. по март 1848 г. в Падербор. — 140, 141, 143, 144, 148.

«The Workman's Advocate» («Защитник рабочего») — орган I Интернационала; под этим названием выходил в Лондоне с сентября 1865 г. по 1866 г.; в феврале 1866 г. журнал был переименован в *«The Commonwealth»* (см.) и просуществовал до июня 1867 г. — 374.

«Zeitschrift fur Politik» («Журнал по вопросам политики») — выходил в Берлине в 1907— 1936 гг. — 556.

«Die Zukunft» («Будущее») — буржуазно-демократическая газета, выходила с 1867 по 1871 г сначала в Кенигсберге, а потом в Берлине. — 406, 450, 562.

«Die Zukunft» («Будущее») — социал-реформистский журнал, выходил в Берлине с октября 1877 по ноябрь 1878 г. — 535, 536.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5

Вступительная статья 7

Предисловие 25

Глава первая
ЮНОСТЬ

1. Дома и в школе 29

2. Женни фон Вестфален 33

Глава вторая
УЧЕНИК ГЕГЕЛЯ

1. Первый год в Берлине 37

2. Младогегельянцы 43

3. Философия самосознания 49

4. Докторская диссертация 52

5. «Anekdota» и «Rheinische Zeitung» 59

6. Рейнский ландтаг 64

7. Пять месяцев борьбы 70

8. Людвиг Фейербах 78

9. Женитьба и изгнание 81

Глава третья
ПАРИЖСКОЕ ИЗГНАНИЕ

1. «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» 85
2. Дальний прицел в философии 91
3. К еврейскому вопросу 96
4. Французская культура 101
5. «Vorwarts!» и высылка 106

Глава четвертая
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

1. Контора и казарма 116
2. Английская культура 121
3. «Святое семейство» 125
4. Обоснование социализма 132

Глава пятая
БРЮССЕЛЬСКОЕ ИЗГНАНИЕ

1. «Немецкая идеология» 137
2. Истинный социализм 140
3. Вейтлинг и Прудон 145
4. Исторический материализм 150
5. «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 158
6. Союз коммунистов 164
7. Пропаганда в Брюсселе 168
8. «Коммунистический манифест» 175

Глава шестая
РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

1. Февральские и мартовские дни 180
2. Июньские дни 183
3. Война с Россией 186

4. Сентябрьские дни 191
5. Кёльнская демократия 197
6. Фрейлигрaт и Лассаль 201
7. Октябрьские и ноябрьские дни 204
8. Удар из засады 209
9. Еще один удар из-за угла 214

Глава седьмая
ЛОНДОНСКОЕ ИЗГНАНИЕ

1. Новое рейнское обозрение 217
2. Дело Кинкеля 221
3. Раскол в Союзе коммунистов 226
4. Эмигрантская жизнь 233
5. Восемнадцатое брюмера 238
6. Кёльнский процесс коммунистов 243

Глава восьмая
ЭНГЕЛЬС — МАРКС

1. Гений и общество 250
2. Союз, не имеющий себе подобного 255

Глава девятая
КРЫМСКАЯ ВОЙНА И КРИЗИС

1. Европейская политика 262
2. Давид Уркарт, Гарни и Джонс 267
3. Семья и друзья 270
4. Кризис 1857 г. 276
5. «К критике политической экономии» 281

Глава десятая
ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ

1. Итальянская война 289
2. Спор с Лассалем 294
3. Новая борьба с эмигрантами 302
4. Интермедия 311
5. «Господин Фогт» 317
6. Семейные и личные дела 320
7. Агитация Лассаля 329

Глава одиннадцатая
НАЧАЛО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1. Основание 339
2. Учредительный манифест и устав Интернационала 346
3. Разрыв с Швейцером 353
4. Первая конференция в Лондоне 357
5. Немецкая война 364
6. Женевский конгресс 372

Глава двенадцатая
«КАПИТАЛ»

1. Родовые муки 381
2. Первый том 384
3. Второй и третий тома 395
4. Прием, оказанный «Капиталу» 404

Глава тринадцатая
ИНТЕРНАЦИОНАЛ НА ВЫСОТЕ

1. Англия, Франция, Бельгия 411
2. Швейцария и Германия 418
3. Агитация Бакунина 425

4. Альянс социалистической демократии 432
5. Базельский конгресс 438
6. Женевские смуты 444
7. «Конфиденциальное сообщение» 450
8. Ирландская амнистия и французский плебисцит 455

Глава четырнадцатая
ПАДЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1. До Седана 458
2. После Седана 464
3. Гражданская война во Франции 471
4. Интернационал и Коммуна 478
5. Оппозиция бакунинцев 485
6. Вторая конференция в Лондоне 494
7. Источник раскола в Интернационале 500
8. Гаагский конгресс 506
9. Печальные последствия 515

Глава пятнадцатая
ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

1. Маркс в домашнем кругу 523
2. Германская социал-демократия 529
3. Анархизм и восточная война 536
4. Утренняя заря 539
5. Вечерняя заря 548
6. Последний год 550

Примечания Меринга 555
Указатель имен 565
Указатель прессы 596

Ф. МЕРИНГ. К А Р Л М А Р К С
История его жизни

Перевод книги заново проверен и подготовлен справочный аппарат Ю. Т. Харитоновым и Ф. М. Решетниковым.
В составлении справочного аппарата участвовали К. И. Лященко, Л. Р. Миськевич и М. М. Михайлова.
*
Редактор *Е. К. Минина*

Оформление художника *Н. Н. Симагина*

Ответственные корректоры *Л. М. Дригова, Г. П. Шалина, М. М. Шустерман, Н. А. Чиндина*

Технический редактор *Н. Н. Лебедева*
*
Сдано в набор 5 сентября 1956 г.
Подписано к печати 30 января 1957 г.
Формат 60X92$^{1}/_{16}$. Физ. печ. л. 38+2 вклейки
$^{1}/_{4}$ печ. л. Условн. печ. л. 38,25. Уч.-изд. л. 39,06.
Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2187. А01225.
Цена 11 руб.
*
Государственное издательство
политической литературы
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.
*
Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.